

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2014 № 3 (59) Т. 2

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Бая-Луцкого университета (г. Бая Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Приштинского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. ред., председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Гудов А. М. – д-р ф.-м.н., доцент.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф.
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2014 № 3 (59) Vol. 2

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
A. M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor:

N. S. Yakimova, L. S. Starikova, V. P. Dolgikh
Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Li-brary. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ

- 8 *Говоров Ю. Л., Мить А. А., Юматов К. В.* Факультету истории и международных отношений Кемеровского государственного университета – 60 лет

АРХЕОЛОГИЯ

- 20 *Ермоленко Л. Н., Касенова А. Д.* Вклад А. Х. Маргулана в изучение древней каменной скульптуры центрального Казахстана
- 24 *Китова Л. Ю.* К вопросу о становлении сибирской археологии и критериях периодизации её истории
- 31 *Ладыгина Ю. М.* Традиционный женский костюм этнографического времени народов Саяно-Алтая (по материалам петроглифов)
- 35 *Миклашевич Е. А., Зоткина Л. В.* К изучению технологических особенностей исполнения петроглифов Сыдинской писаницы
- 45 *Советова О. С.* К истории формирования Кемеровской школы специалистов по наскальному искусству
- 48 *Фрибус А. В.* Курильницы в структуре погребального обряда культур эпохи палеометалла степной Евразии

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- 53 *Батулин А. П.* Власть и общество: проблема взаимодействия в сочинениях французских политических писателей XVII в.
- 57 *Бурганова В. Н.* Томас Элиот: портрет гуманиста «между ренессансом и реформацией»
- 61 *Васютин С. А.* «...тогда я привел в смятение тюркский эль, тогда я его погубил». Падение тюркских каганатов: факторы и механизмы
- 66 *Ким О. В.* Историческая модель перехода обществ востока в раннее новое время
- 71 *Корнева Л. Н.* Современная немецкая историография о механизме контроля и подавления нацистского государства: гестапо и концентрационные лагеря
- 77 *Костромина Н. Г.* Французские учёные о проблемах преодоления тоталитарного прошлого (вторая половина 1980-х гг. – конец XX столетия)
- 84 *Логунов Т. А.* Стратегия манипуляции в высказываниях с футуральной временной отнесенностью в англоязычном электоральном дискурсе (на материале предвыборных дебатов начала XXI века в США)
- 86 *Пиков Г. Г.* Место ментальности в культуре империи Ляо (907 – 1125)

PREFACE

- 8 *Yu. L. Govorov, A. A. Mit', K. V. Yumatov.* 60 years' history of the Faculty of History and International Relations of Kemerovo State University

ARCHAEOLOGY

- 20 *L. N. Ermolenko, A. D. Kasenova.* A. Kh. Margulan's contribution to the research of ancient stone sculpture of central Kazakhstan
- 24 *L. Yu. Kitova.* Formation of Siberian archaeology and criteria for its history periodization
- 31 *Yu. M. Ladygina.* Traditional female costume of the ethnographic time of Altai-Sayan peoples (as revealed in petroglyphs)
- 35 *E. A. Miklashevich, L. B. Zotkina.* To the study of the technological aspects in rendering petroglyphs at the Sydinskaya rock art site
- 45 *O. S. Sovetova.* History of formation of Kemerovo scientific school of primitive art researchers
- 48 *A. V. Fribus.* Polypod vessels in burial rituals of the Early Metal Age cultures of steppe Eurasia

WORLD HISTORY

- 53 *A. P. Baturin.* Power and subjects: the problem of interaction in the works of French political writers of the 17th century
- 57 *V. N. Burganova.* Thomas Elyot: A portrait of the humanist «between the Renaissance and the Reformation»
- 61 *S. A. Vasyutin.* «...then I disarrayed the Turkic ell, then I ruined it". The Turkic khaganates fall: factors and mechanisms
- 66 *O. V. Kim.* Comparative historical model of Eastern societies' transition in the Early Modern Period
- 71 *L. N. Korneva.* Modern German historiography on the mechanism for control and suppression of the Nazi state: Gestapo and Nazi concentration camps
- 77 *N. G. Kostromina.* French scientists about the problems of overcoming totalitarian past (second half of the 1980s. – late 20th century)
- 84 *T. A. Logunov.* Manipulation strategies in utterances with future time reference in English electoral discourse (as exemplified by U.S. presidential debates of the early 21st century)
- 86 *G. G. Pikov.* Mentality in the culture of the Liao empire (907 – 1125)

- 91 **Решетникова Л. С.** Исторические аспекты проблемы национальной идентичности (из опыта народов востока в новое время)
- 97 **Терехов О. Э.** Категория времени в культурно-исторической и политической концепции Освальда Шпенглера
- 102 **Шайхутдинова Е. Н.** К вопросу об изучении британскими историками XX столетия средневекового коронационного ритуала и его эволюции

ИСТОРИЯ РОССИИ

- 106 **Баев О. В.** Внешний долг Российской империи в 1775 – 1787 гг.
- 110 **Галаганова Л. Е., Леванова А. Е.** Развитие гражданской компетентности будущих специалистов-гуманитариев
- 118 **Заболотская К. А.** Роль публицистики как исторического источника в изучении проблем новейшего периода отечественной истории
- 122 **Казмина М. В.** Отечественная историография рубежа XX – XXI вв. О голоде 1932 – 1933 гг. в СССР
- 125 **Мишенин С. Е.** Тема «реформа 1965 г. как фактор развития поздней советской системы» в отечественной историографии
- 129 **Морозова Н. И., Галаганова Л. Е.** Исторические аспекты формирования патриотических идей как гражданских ценностей в педагогической системе высшей школы
- 134 **Точилина Ю. Н.** Концепт «русская женщина XXI века»

ИСТОРИЯ СИБИРИ

- 141 **Богданова О. В.** К вопросу о кадровом составе западносибирских зодчих в период с 1860-х по 1880-е гг.
- 145 **Генина Е. С., Колязимова М. М.** Идеологические кампании в СССР 1946 – 1953 гг., связанные с образом И. В. Сталина (по материалам Кемеровской области)
- 150 **Гизей Ю. Ю., Исакова Е. Г.** Использование просопографических баз данных в исследованиях по истории образования
- 153 **Голикова О. А.** Развитие школьной сети западно-сибирского учебного округа в последней четверти XIX в.
- 157 **Горбатов А. В.** Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании (1954 – 1964 гг.)
- 161 **Горелов Ю. П.** Ученые Сибири на оборонные нужды отечества в годы первой мировой войны (1914 – 1918 гг.)
- 166 **Гурин Н. А., Дорохов В. Г.** Исторические аспекты развития сферы культуры и искусства Кузбасса во второй половине XX века
- 170 **Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н.** Рисунок каштакского острога и рудника из «хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова

- 91 **L. S. Reshetnikova.** Historical aspects of the problem of national identity (from the experience of Orient peoples in Modern History)
- 97 **O. E. Terekhov.** Category of time in Oswald Spengler's cultural, historical and political views
- 102 **E. N. Shaykhutdinova.** To the question of studying medieval coronation ritual and its evolution by British historians of the 20th century

RUSSIAN HISTORY

- 106 **O. V. Baev.** External debt of the Russian Empire in 1775 – 1787
- 110 **L. E. Galaganova, A. E. Levanova.** Development of civil competence of future specialists in the sphere of Humanities
- 118 **K. A. Zabolotskaya.** The role of journalism as a historical source in studying the problems of contemporary Russian history
- 122 **M. V. Kazmina.** Russian historiography of the turn of 20th – 21st centuries about the 1932 – 1933 famine in the USSR
- 125 **S. E. Mishenin.** «1965 reform of as the factor of development of late Soviet system» in Russian historiography
- 129 **N. I. Morozova, L. E. Galaganova.** Historical aspects of forming patriotic ideas as civic values in pedagogy system of Higher Education
- 134 **Yu. N. Tochilina.** Concept «Russian woman of the 21st century»

HISTORY OF SIBERIA

- 141 **O. V. Bogdanova.** West Siberian architects staff in the 1860s – 1880s
- 145 **E. S. Genina, M. M. Kolyazimova.** Ideological campaigns in the USSR in 1946 – 1953 connected with the image of J. V. Stalin (revealed by the example of Kemerovo region)
- 150 **Yu. Yu. Gizzey, E. G. Isakova.** Use of prosopographic databases in studying the history of education
- 153 **O. A. Golikova.** The development of schools network in West Siberian school district in the last quarter of the 19th century
- 157 **A. V. Gorbatov.** Propaganda and the mass media during Khrushchev's anti-religious campaign (1954 – 1964)
- 161 **Yu. P. Gorelov.** Contribution of Siberian scientists into the defense needs of Russia during World War I
- 166 **N. A. Gurin, V. G. Dorokhov.** Historical aspects of the development of culture and art in Kuzbass in the second half of the 20th century
- 170 **V. N. Dobzhansky, A. N. Ermolaev.** The figure of Kashtaksky jailandmine from "Chorographic drawingsbook" by S. U. Remezov

- 176 **Ермолаев А. Н.** Польские политические ссыльные на территории Кузбасса в 1830 – 1860 годах
- 180 **Заболотская К. А., Костюнин О. В.** К вопросу о динамике общеобразовательного потенциала населения аграрных районов Кузбасса в 1930-х – начале 2000-х годов
- 186 **Звягин С. П.** Профессиональная и общественно-политическая деятельность иркутского присяжного поверенного М. С. Стравинского в годы первой мировой и гражданской войн (1914 – 1919 гг.)
- 193 **Зеленин А. А., Леухова М. Г., Пьянов А. Е.** К вопросу об источниках пополнения шахтерских кадров в условиях индустриализации в Кузбассе
- 201 **Карпинец А. Ю.** Земледелие на территории Кузбасса в период 1880-х – начала 1890-х годов
- 210 **Макарчук С. В.** Общественно-политическое движение начала XX века в документации музеев и архивов негубернских городов восточной Сибири
- 216 **Мальцева Н. Н.** Влияние социально-экономических факторов на изменение современного статуса сельской интеллигенции Кузбасса (1985 – 2008 гг.)
- 222 **Мякишев М. Н.** Разведка и добыча золотоносных россыпей в алтайском горном округе в конце 30-х начале 40-х годов XIX века
- 227 **Новосельцев Н. Р.** Основание кузбасской торгово-промышленной палаты и развитие её членской базы в 1991 – 2010 гг.
- 231 **Овчинников В. А., Блинов А. В.** Становление советской системы подготовки специалистов для угольной промышленности в Кузбассе в довоенный период
- 235 **Сычева Т. А.** Реорганизация Западно-Сибирского управления гражданской авиации в 1960 – 1990-е годы
- 239 **Терехова О. Н.** Развитие системы православных богослужебных заведений томской епархии в конце XIX – начале XX в.
- 244 **Усков И. Ю.** Открытие и освоение рудных месторождений и каменного угля в кузнецком крае в 1710-х – 1760-х годах
- 249 **Фадеев К. В.** Развитие гуманитарного образования в Томском инженерно-строительном институте на примере деятельности кафедры марксизма-ленинизма (1954 – 1958 гг.)
- 255 **Шерин А. М.** Основные этапы развития кемеровского отделения союза писателей РСФСР (1962 – 1980-е гг.)
- МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**
- 260 **Арапина С. В., Яковлев Г. А.** Германо-российские отношения и сирийский кризис
- 176 **A. N. Ermolaev.** Polish political exiles in Kuzbass territory in 1830 – 1860
- 180 **K. A. Zabolotskaya, O. V. Kostyunin.** Dynamics of general educational potential of the population of agricultural districts of Kuzbass in the 1930s – early 2000s
- 186 **S. P. Zvyagin.** Professional and socio-political activity of Irkutsk attorney M. S. Stravinsky during World War I and the Civil War (1914 – 1919)
- 193 **A. A. Zelenin, M. G. Leukhova, A. E. Pianov.** About the origins of recruitment of coal mining staff in Kuzbass in the period of industrialization
- 201 **A. Yu. Karpinets.** Agriculture in Kuznetsk and Mariinsk districts of Tomsk province in the period of the 1880s – early 1890s
- 210 **S. V. Makarchuk.** Socio-political movement in the early 20th century reflected in the documents of museums and archives of Eastern Siberia non-provincial towns
- 216 **N. N. Maltseva.** Influence of social and economic factors on the change of the modern status of the rural intelligentsia of Kuzbass (1985 – 2008)
- 222 **M. N. Myakishev.** Exploration and production of gold placers in the Altai mining district in the late 1830s – early 1840s
- 227 **N. R. Novoseltsev.** Establishment of Kuzbass Chamber of Commerce and Industry and development of its membership in 1991 – 2010
- 231 **V. A. Ovchinnikov, A. V. Blinov.** Formation of the Soviet system of training specialists for the coal industry in Kuzbass during the pre-war period
- 235 **T. A. Sycheva.** Reorganization of the West-Siberian directorate of civil aviation authorities in the 1960s – 1990s
- 239 **O. N. Terekhova.** Development of Orthodox liturgical institutions system of Tomsk Diocese in the late 19th – early 20th centuries
- 244 **I. Yu. Uskov.** Discovery and development of ore deposits and coal in Kuznetsk region in the 1710s – 1760s
- 249 **K. V. Fadeev.** Development of humanitarian education at Tomsk Construction Institute revealed by the example of the Department of Marxism and Leninism (1954 – 1958)
- 255 **A. M. Sherin.** Main stages in the development of Kemerovo branch of the Union of Writers of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (1962 – the 1980s)
- INTERNATIONAL RELATIONS**
- 260 **S. V. Arapina, G. A. Yakovlev.** German-Russian relations and the Syrian crisis

266	Бирюкова О. В. Политика «перезагрузки» как новый этап российско-американских отношений	266	O. V. Biryukova. "Reset policy" as the new stage in Russia – the USA relations
274	Говоров Ю. Л. Политико-технологические аспекты очередной российской модернизации	274	Yu. L. Govorov. Political and technological aspects of the next Russian modernization
279	Годжаева Н. С. Неологизмы современного немецкого языка	279	N. S. Godzhaeva. Neologisms in modern German language
282	Добрыдина Т. И., Масленникова О. Г., Надеждина Е. Ю. Перспективы использования виртуальной образовательной платформы moodle в обучении иностранным языкам	282	T. I. Dobrydina, O. G. Maslennikova, E. Yu. Nadezhdina. Prospects of using virtual educational platform MOODLE in teaching foreign languages
287	Жаронкина Е. А. Американская позиция по германскому вопросу в рамках сотрудничества стран антигитлеровской коалиции	287	E. A. Zharonkina. The American position on the German question within the cooperation of the anti-Hitler coalition
293	Мирошников С. Н. Пропаганда или объективная информация: радиостанция «голос Америки» в информационной войне администрации Д. Эйзенхауэра против стран восточной Европы в 1953 – 1955 годах	293	S. N. Miroshnikov. Propaganda or objective information: radio "Voice of America" in the information warfare of Eisenhower's administration against Eastern European countries in 1953 – 1955
298	Самутина О. С., Юматов К. В. Информационное обеспечение деятельности по урегулированию грузино-южноосетинского конфликта миссии наблюдателей европейского союза в Грузии	298	O. S. Samutina, K. V. Yumatov. Information support of the Georgia – South Ossetia conflict resolution activity by the EU observer mission in Georgia
305	Селезнев Р. С. Экономика 2.0 и политика 2.0 – специфика социальных связей в среде социальных сетей (европейский пример)	305	R. S. Seleznev. Economy 2.0 and Politics 2.0 – specificity of social relations in social networks (European example)
311	Стрелец М. В. Германо-израильские отношения в контексте проблем ближневосточного мирного урегулирования (2005 – 2014 гг.)	311	M. V. Streletz. German-Israel relations in the context of the Middle East peace process problems (2005 – 2014)
319	Томас Фрайбергер. Политика альянса в Суэцком кризисе 1956 года	319	Thomas Freiberger. Allianzpolitik in der Suezkrise 1956
328	Якимова Н. С. Кросс-культурные психолингвистические исследования как инструмент взаимного познания народов	238	N. S. Yakimova. Cross-cultural psycholinguistic studies as a tool for nations' mutual awareness
333	Правила для авторов журнала	333	Information and instructions for authors
335	Подписка на «Вестник КемГУ»	335	Subscribe to Bulletin of KemSU

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тематический выпуск журнала «Вестник Кемеровского государственного университета» посвящен 60-летию юбилею факультета истории и международных отношений (ФИиМО КемГУ). К публикации представлены статьи преподавателей, докторантов, аспирантов, студентов, бывших выпускников факультета, ныне работающих в самых различных сферах, коллег-историков из других вузов России (Томск, Новокузнецк, Новосибирск) и зарубежных стран (Беларусь, ФРГ).

Структура сборника в целом отражает исторически сложившиеся основные направления научных исследований на факультете (археология, всеобщая история, история России, история Сибири и Кузбасса, международные отношения). Открывается сборник статьями бывших и нынешних руководителей деканата ФИиМО доцентов Ю. Л. Говорова, А. А. Мить, К. В. Юматова об истории становления и развития факультета истории и международных отношений КемГУ.

This issue of "Bulletin of Kemerovo State University" is dedicated to the 60th anniversary of the Faculty of History and International Relations. It comprises the papers submitted by the Faculty's teaching staff, doctoral students, post-graduate students, undergraduate students and graduates now working in different spheres. A number of papers were submitted by our colleagues-historians from other Russian universities (Tomsk, Novokuznetsk, Novosibirsk) as well as from foreign schools (Belarus, Germany).

The structure of this issue reveals the fields of research that have been developed by the Faculty's staff over its history (Archaeology, World History, Russian History, History of Siberia and Kuzbass, International Relations). The opening paper by Professors Yu. L. Govorov, A. A. Mit' and K. V. Yumatov, former and acting leaders of the Faculty, tells about the history of formation and development of the Faculty of History and International Relations.

УДК 378.4 (571.17).096:94"/954/2014

ФАКУЛЬТЕТУ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – 60 ЛЕТ

Ю. Л. Говоров, А. А. Мить, К. В. Юматов

60 YEARS' HISTORY OF THE FACULTY OF HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Yu. L. Govorov, A. A. Mit', K. V. Yumatov

В статье анализируется история развития факультета истории и международных отношений (ФИиМО) Кемеровского госуниверситета от начала подготовки специалистов-историков в КемГУ в 1953 г. до многопрофильной подготовки в настоящее время. История факультета рассматривается отдельно: 1) в динамике, 2) в этапах развития, 3) в знаменательных датах и выдающихся лицах, 4) в кафедральном разрезе.

The paper analyses the history of the Faculty of History and International Relations of Kemerovo State University since the start of teaching History students at KemSU in 1953 up to the present-day multi-profile educational programmes. The Faculty's history is discussed within 4 aspects: 1) dynamics, 2) the stages of development, 3) significant dates and outstanding people, 4) the departments of the Faculty.

Ключевые слова: факультет истории и международных отношений (ФИиМО), кафедры, динамика и этапы развития, знаменательные даты, выдающиеся лица, направления научной работы, структура подготовки.

Keywords: Faculty of History and International Relations, departments, dynamics and stages of development, significant dates, outstanding people, spheres of research, structure of teaching.

История любого учебно-научного подразделения факультетского уровня, достигшего 60-летнего юбилея, это сложный и многогранный процесс, который трудно описать на принципе проблемно-хронологической синхронности. С другой стороны, факультетский коллектив и более шести тысячи выпускников прежних лет и десятилетий заинтересованы в получении комплексной обобщающей информации по истории своей alma-mater, в которой непременно были бы отражены как основные события, так и тенденции развития факультета. Поэтому в данной публика-

ции мы рассматриваем историю ФИиМО отдельно в следующих аспектах: 1) в динамике; 2) в этапах развития; 3) в знаменательных датах и выдающихся лицах и 4) в кафедральном разрезе.

1. Факультет в динамике развития

Подготовка специалистов-историков в КемГУ ведется с 1953 г. сначала на историческом отделении и историко-филологическом факультете Кемеровского государственного педагогического института (КГПИ), с 1963 г. на историческом факультете КГПИ – КемГУ.

С 1999 г. в связи с переходом на двухпрофильную подготовку после открытия новой специальности «Международные отношения» факультет был переименован в факультет истории и международных отношений (ФИиМО) с бюджетным набором на отделение международных отношений (ОМО) 20 чел.

За прошедшие годы бюджетный набор студентов-историков на дневное отделение увеличился сначала до пяти групп, а затем уменьшился до одной, а заочное отделение с набора трех групп дошло до его прекращения в 2013 г.

В разные годы факультет возглавляли деканы: доценты А. Ф. Гоголин (1955 – 1961 гг.), П. К. Редькин (1961 – 1973 гг.), В. Г. Павленко (1973 – 1987 гг.), Ю. Л. Говоров (1987 – 2013 гг.), К. В. Юматов (с 2013 г.).

Первую специальную кафедру истории возглавил в 1953 г. профессор И. П. Шмидт. На ее базе профессорами З. Г. Карпенко и В. Г. Мирзоевым были созданы кафедры истории СССР и всеобщей истории, которые, в свою очередь, стали основой для создания нынешних узкоспециализированных кафедр (особенно плодотворным для развития НИР – НИРС оказалось выделение под руководством А. И. Мартынова из кафедры всеобщей истории первой в Сибири кафедры археологии).

В 2014 г. (после неоднократных сокращений, слияний, открытий) на факультете имеется 6 кафедр с соответствующими специализациями (кафедра археологии, кафедра истории цивилизации и социокультурных коммуникаций, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений (ННИиМО), кафедра отечественной истории, кафедра новейшей отечественной истории, кафедра иностранных языков) и 3 учебно-вспомогательных подразделения: кабинет истории и методики (зав. кабинетом Ф. Я. Резник), кабинет технологий туристско-рекреационного проектирования (зав. кабинетом С. С. Алпатова), кабинет истории, теории и практики международных отношений (зав. кабинетом А. Ф. Романтеева).

На кадровой основе факультета и в тесной связи с выполнением его основных задач функционирует ряд учебно-научных и общественно-научных подразделений и организаций:

- музей «Археология, этнография и экология Сибири» (более 310 тысяч единиц хранения, зав. музеем – Н. А. Белоусова) [1];
- Кузбасская лаборатория археологии и этнографии СО РАН – КемГУ (зав. лабораторией – профессор В. В. Бобров);
- лаборатория металлографии археологии (зав. лабораторией – профессор Н. М. Зиняков);
- Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства (САИПИ) (президент – профессор О. С. Советова);
- Западносибирский центр германских исследований (председатель – профессор Л. Н. Корнева);
- Центр европейских исследований (председатель – доцент Ю. Л. Говоров).

Наш факультет своей главной задачей всегда считал подготовку квалифицированных специалистов. Выполняет эту задачу преподавательский корпус в

количестве 62 человек, из них 43 – кандидаты и 19 – доктора наук.

Самое общее представление о деятельности факультета за последние 25 лет можно получить из приводимой таблицы 1 (выборка сделана из ежегодных «Отчетов о работе деканата ФИиМО» и «Отчетов о научно-исследовательской и учебно-методической работе КемГУ» [2]).

Наибольший вклад в НИР вносит факультетская профессура, локомотив факультетской науки. Всего за историю факультета у нас работали 28 профессоров (Шмидт Исая Павлович, первый профессор КГПИ; Карпенко Зинаида Георгиевна и Мирзоев Владимир Григорьевич, получившие звание профессора в один день 29 сентября 1965 г.; Халиулин Герман Григорьевич, Машковский Владимир Петрович, Машковская Татьяна Олеговна, Кацюба Дмитрий Васильевич, Гвоздкова Любовь Ильинична, Садовой Александр Николаевич, Бобров Владимир Васильевич, Мартынов Анатолий Иванович, Шер Яков Абрамович, Зиняков Николай Максимович, Заболотская Калерия Александровна, Галактионов Юрий Владимирович, Корнева Лидия Николаевна, Советова Ольга Сергеевна, Китова Людмила Юрьевна, Генина Елена Сергеевна, Звягин Сергей Павлович, Казьмина Маргарита Васильевна, Горелов Юрий Павлович, Волчек Владимир Алексеевич, Гаврилов Станислав Олегович, Овчинников Владислав Алексеевич, Михайлов Юрий Иннокентьевич, Горбатов Алексей Владимирович, Зеленин Алексей Анатольевич). Давно считается у нас «своим профессором» заведующая межвузовской кафедрой педагогики профессор Н. Э. Касаткина, работающая на факультете уже 40 лет.

Каждая кафедра работает по теме НИР, соответствующей ее профилю. Это в целом способствует качеству подготовки по специальности «История». Научная проблематика кафедр Новой, новейшей истории и международных отношений (ННИиМО) и Новейшей отечественной истории (НОИ) направлена также на подготовку специалистов-международников. Продолжается наметившаяся в середине 90-х гг. XX века тенденция: если прежде факультет имел преимущественно «археологическое лицо», то теперь в научном плане он стал более разносторонним – не потому, что наши археологи стали хуже, а потому, что другие кафедры стали заметно лучше.

К настоящему времени сложились следующие основные направления научной работы на факультете:

- исследование первобытного искусства в истории древних культур Сибири и Центральной Азии (проблема синтеза);
- исследование культуры и искусства древних обществ на стыке Северной и Центральной Азии (традиции и инновации);
- материальная и духовная культура западноевропейского Средневековья;
- власть и социум в традиционных обществах;
- теории и концепции модернизации;
- изучение опыта управления Сибирью в условиях коренных изменений социально-экономических отношений;
- история городов и районов Кемеровской области;

- история и историография германского фашизма;
- исследование конфликтов в международных отношениях в XX – XXI вв.;
- история Европейского Союза;

- социально-экономическое и общественно-политическое развитие Кузбасса (XX – нач. XXI вв.);
- основные тенденции и проблемы истории исторической науки в XX – XXI вв.

Таблица 1

Динамика развития ФИиМО за 1988 – 2013 гг.

Категория	1988	1993	1998	2002	2007	2013
Количество специальностей и направлений	1	1	1	2	2	5
Количество кафедр	3	5	6	6	7	6
Количество преподавателей:	32	43	45	80	77	70
– кандидаты наук	24	32	33	44	57	45
– доктора наук	3	5	6	6	7	6
Набор студентов на 1 курс дневного отделения	125	107	100	178	135	89
– бюджетников	125	107	90	120	57	55
– контрактников	-	-	10	58	12	34
Всего студентов:	428	515	470	713	675	413
в т. ч. контрактников	-	-	22	165	190	108
Набор магистрантов						30
Всего магистрантов						50
Кол-во аспирантов и соискателей:		48	52	55	39	24
Каталог кабинета истории (ед.):	3000	5000	9000	13000	15000	16000
Количество персональных компьютеров	-	4	19	35	38	40
Количество диссертационных защит за 5 лет:			15	28	38	22
– кандидатских			9	27	33	14
– докторских			6	1	5	8
Объем НИР за 5 лет (тыс. руб.)			1400	6600	11300	18808
Объем НИР (% от КемГУ)			12,1 %	9,9 %	7 %	7 %
Публикации за 5 лет, в т. ч.:			89	113	136	163
монографии, учебники			28	5	36	39
сборники тезисов и статей			19	19	28	30
учебно-методические пособия и учебные пособия			42	79	72	94
Статьи, в т. ч.:			332	745	857	677
– за рубежом			18	68	31	33
– центральные издательства			38	221	316	226
– местные			276	457	510	418
Тезисы			35	55	605	792
Студенческие публикации			540	635	220	244

Факультет и кафедры традиционно сотрудничают с рядом зарубежных партнеров: CNRS (Франция), Институтом археологии АН Казахстана, Рур-Университетом (г. Бохум, ФРГ), Германским историческим институтом в Москве (ГИИМ), Ольбургским университетом (Дания), Венским университетом прикладных наук (Австрия). Это сотрудничество дало возможность участия в международных научно-образовательных программах, экспедиционных и фундаментальных исследованиях, совместных публикациях.

Практически все научные направления ФИиМО имеют фундаментальный характер – они ориентированы на развитие теоретических знаний и познавательный аспект. Их прикладное значение более всего проявляется в системе высшего и среднего образования (например, неоднократно переизданные учебник для вузов «Археология» профессора А. И. Мартынова и «Историческое краеведение» профессора Д. В. Кацюбы). Но ряд выполненных работниками факультета профессорами З. Г. Карпенко, К. А. Заболотской,

Л. И. Гвоздковой, В. П. Машковским, Г. Г. Халиулиным, Ю. В. Галактионовым, А. И. Мартыновым, Л. Н. Корневой и под их руководством работ и проектов имеют не только образовательно-научное, но и общественно-политическое значение («История Кузбасса»; «История угольной промышленности Сибири», «Историческая энциклопедия Кузбасса», «Книги Памяти» (жертв политических репрессий, погибших шахтеров), «История Германии».

Активная учебно-научная работа преподавателей положительно сказывается на качестве подготовки специалистов. За прошедшие 60 лет на дневном и заочном отделениях факультета подготовлено около 6 тысяч выпускников с квалификацией «Историк. Преподаватель». Их знания и умения востребованы на должностях школьных учителей и вузовских преподавателей; научных сотрудников архивов, музеев, вузов; сотрудников правоохранительных органов; в государственных учреждениях и в аспирантуре; в сфере частного предпринимательства. Выпускники факультета

достаточно заметны и в общественно-политической и экономической жизни Кузбасса, что является следствием широкого развития и прочных традиций студенческого самоуправления на факультете.

Первый выпуск специалистов в области международных отношений со знанием мировой политики, мировой экономики, истории, международного права и двух иностранных языков состоялся в 2004 г. Их квалификация позволяет иметь возможность трудоустройства на должности экспертов-консультантов, референтов-международников в государственные и негосударственные организации, предприятия, учреждения и фирмы, задействованные в различных сферах международного сотрудничества. Три выпускника зачислены в штат МИД РФ.

2. Этапы развития факультета

1. 1953 – середина 1970-х гг. – становление профессионально-педагогического исторического образования в рамках КГПИ. Эволюция от исторического отделения к историческому факультету и первым специализированным кафедрам.

2. Середина 1970-х – конец 1980-х гг. – становление университетского исторического образования, этап количественного и качественного роста.

3. Конец 1980-х – 2005 гг. – этап сочетания количественного роста и качественной трансформации факультета, включавший в себя:

- теоретическое и методическое раскрепощение, перестройку преподавания истории по содержанию, методологии и по форме (на основе принципа проблемно-хронологической синхронности);
- усложнение структуры факультета (разделение кафедр истории СССР и всеобщей истории, открытие специальности «Международные отношения» и факультетской кафедры иностранных языков);
- рост студенческого контингента до 770 человек и, соответственно, рост в 2 раза преподавательского корпуса;
- резкое повышение остротенности профессорско-преподавательского состава;
- успешное развитие международных связей;
- расцвет факультетской аспирантуры, распределение в аспирантуру КемГУ до 20 – 25 выпускников ежегодно;

– сохранение специалитета до последней возможности.

4. 2005 – 2007 гг. – этап стабилизации и торможения в развитии факультета.

– начало резкого сокращения бюджетного и контрактного набора при продолжении роста преподавательского корпуса;

– резкое сокращение аспирантуры;

– исчерпание возможностей экстенсивного роста факультета в рамках старой парадигмы специалитета.

В декабре 2007 г. Ученый Совет ФИиМО принял перспективную Программу основных направлений деятельности на 2008 – 2012 гг. Были определены следующие ключевые задачи факультета:

– обеспечить переход на бакалавриат с наименьшими потерями для качества обучения и преподавательского корпуса;

– подготовиться к открытию магистратуры;

– найти возможности объединения потенциалов факультета и межкафедретской кафедры Истории России;

– повысить долю, уровень и роль международной проблематики в научно-конференционной работе факультета;

– создать факультетский лингвфонный кабинет для повышения качества языковой подготовки и конкурентоспособности международных на рынке труда.

5. С 2008 г. по настоящее время факультет находится на этапе перестройки учебного процесса на принципах Болонского процесса, что сопровождается следующими характеристиками:

– продолжается сокращение набора и контингента студентов;

– сокращается преподавательский корпус;

– начался процесс объединения родственных кафедр;

– прекращен набор на специалитет и выстроена двухуровневая система «бакалавр – магистр»;

– начат набор на новые направления бакалавриата и магистратуры.

В результате на сегодняшний день структура подготовки на ФИиМО выглядит следующим образом (таблица 2).

Таблица 2

Структура подготовки на ФИиМО

АСПИРАНТУРА				
07.00.06 – «Археология»		07.00.02 – «Отечественная история»	07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»	
МАГИСТРАТУРА				
История			Документоведение и архивоведение	Туризм
Археология Евразии	История Сибири XVI – XXI вв.	Политическая и социокультурная история Европы в новое и новейшее время	Документационные процедуры в государственных и коммерческих организациях	Туризм в сибирском регионе
БАКАЛАВРИАТ				
История	Международные отношения	Зарубежное регионоведение	Документоведение и архивоведение	Туризм

3. Факультет в датах и лицах

1954 год – образована кафедра истории. Первый заведующий кафедрой – профессор Исай Павлович Шмидт, с мая 1956 г. – доцент Зинаида Георгиевна Карпенко.

1954 – 1955 учебный год – первым деканом смешанного историко-филологического факультета назначен Анатолий Федорович Гоголин (1955 – 1961 гг.). На 1-й курс исторического отделения было зачислено 50 студентов. Произведен первый набор на ОЗО исторического отделения – 69 студентов.

1956 год – проведена первая археологическая экспедиция.

1960 год – образована кафедра истории СССР (заведующая кафедрой бессменно до 1989 г. Зинаида Георгиевна Карпенко).

1961 год – вышел из печати первый сборник студенческих научных работ историко-филологического факультета. Деканом факультета назначен доцент Павел Кузьмич Редькин (1961–1973 гг.).

1962 год – в КГПИ создана аспирантура по истории и педагогике.

1963 год – историко-филологический факультет разделился на филологический и «исторический и обществоведения» (с 1965 г. – «исторический факультет» с двумя специализированными кафедрами: Истории СССР (заведующая кафедрой Зинаида Георгиевна Карпенко) и Всеобщей истории (заведующий кафедрой Владимир Григорьевич Мирзоев, с 1970 г. – Анатолий Иванович Мартынов, с 1975 г. – доцент Евгения Антоновна Кривошеева).

1964 год – на историческом факультете впервые защищена докторская диссертация. Ее автором стала Зинаида Георгиевна Карпенко.

1965 год – присвоено ученое звание профессора доктору исторических наук З. Г. Карпенко (кафедра истории СССР) и доктору исторических наук В. Г. Мирзоеву (кафедра всеобщей истории). Они стали первыми профессорами КГПИ.

1966 год – созданы первые факультетские научные лаборатории – истории развития рабочего класса Сибири и археологии Кузбасса.

1970 год – в пединституте открылось подготовительное отделение (рабфак), действовавшее до 1989 г.

1970 – 1971 годы – на базе Лаборатории гуманитарных исследований кафедры истории СССР подготовлена и издана двухтомная «История Кузбасса» (коллективный труд под редакцией профессора З. Г. Карпенко).

1972 год – доцент А. И. Мартынов издал учебник по археологии для вузов СССР, выдержавший по настоящее время 7 изданий.

1973 год – деканом факультета избран доцент Вячеслав Гаврилович Павленко (1973 – 1987 гг.).

1974 год – на базе Кемеровского государственного педагогического института согласно постановлениям Совета Министров СССР от 22.02.73 г. № 122 и Совета Министров РСФСР от 2.03.73 г. № 112, приказу Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР от 6.04.73 г. № 136 создан Кемеровский государственный университет (КемГУ).

1975 год – А. И. Мартынов защищает докторскую диссертацию.

Приказом Министра высшего образования РСФСР образована кафедра археологии КемГУ, до 1990 г. единственная кафедра этого профиля в азиатской части России. Возглавил кафедру А. И. Мартынов.

По инициативе доцента Николая Максимовича Зинякова открыта первая в Сибири лаборатории металлографических методов в археологии для изучения древней технологии получения и обработки железа и железоуглеродистых сплавов.

1976 год – открыта первая музейная экспозиция в кабинете археологии и истории Древнего мира.

1979 год – в Кемеровском книжном издательстве вышла книга Евгении Антоновны Кривошеевой (в соавторстве с Н. Козько) «Загадка Эрниты», пробудившая в обществе и у местной власти интерес к истории Автономной индустриальной колонии АИК «Кузбасс».

1980 год – заведующий кафедрой археологии профессор Анатолий Иванович Мартынов совершает первую в истории КемГУ зарубежную научную командировку за пределы «железного занавеса» – в США.

1981 год – приказом по КемГУ при кафедре археологии открыт музей.

1985 год – приказом по Министерству высшего и среднего специального образования СССР при КемГУ открыт музей археологии и этнографии Южной Сибири (директор музея – Белоусова Наталья Александровна).

1987 год – деканом факультета избран доцент Юрий Людвигович Говоров (1987 – 2013 гг.).

1988 год – Постановлением Совета Министров РСФСР на основании исследований, проведенных учеными факультета, открыт историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» (директор – кандидат исторических наук В. М. Кимев, научный консультант – профессор А. И. Мартынов).

1989 год – кафедра истории СССР разделена на кафедры отечественной истории (заведующая кафедрой – доцент Валентина Николаевна Михайлова, в 1998 – 2014 гг. кафедрой руководил профессор Владимир Алексеевич Волчек, с 2014 г. заведующий кафедрой – доцент Алексей Владимирович Блинов) и кафедру новейшей отечественной истории (заведующий кафедрой – профессор Герман Григорьевич Халиулин, в 1994 – 1997 гг. кафедрой руководил доцент Владимир Николаевич Брель, в 1997 – 2002 гг. – профессор Любовь Ильинична Гвоздкова, в 2002 – 2010 гг. – профессор Заболотская Калерия Александровна, с 2010 г. заведующий кафедрой – профессор Алексей Анатольевич Зеленин).

1990 год – открыт факультетский кабинет истории и методики преподавания истории и обществоведения (заведующая кабинетом – Фаина Яковлевна Резник). В настоящее время в кабинете насчитывается более 16 тыс. единиц хранения литературы и источников.

1991 год – на базе кафедры всеобщей истории образованы кафедра истории средних веков (заведующий кафедрой – доцент Вячеслав Гаврилович Павленко, с 2002 г. – доцент Сергей Александрович Васютин) и кафедра новой и новейшей истории зарубежных стран (заведующая кафедрой – доцент Евгения Антоновна Кривошеева, в 1997 – 2006 гг. – профессор Юрий Владимирович Галактионов, с 2006 г. – доцент Юрий Людвигович Говоров).

1992 год – заключение договора о сотрудничестве в исследовательско-экспедиционной деятельности между КемГУ и Институтом археологии Франции.

1993 год – перевод на факультет межфакультетской кафедры истории и теории культуры (заведующий кафедрой – профессор Владимир Петрович Машковский, в 2000 – 2003 гг. – профессор Татьяна Олеговна Машковская, в 2003 – 2007 гг. – профессор Юрий Иннокентьевич Михайлов, в 2007 – 2010 гг. – профессор Алексей Владимирович Горбатов).

1995 год – образована совместная с Институтом археологии и этнографии СО РАН Кузбасская лаборатория археологии и этнографии (КЛАЭ ИАИЭ СО РАН – КемГУ) для развития гуманитарных исследований в регионе, сохранения и использования историко-культурного наследия народов Южной Сибири (заведующий лабораторией – профессор Владимир Васильевич Бобров).

На основе материалов, собранных преподавателями и студентами факультета, и в соответствии с областной программой «Качество жизни» начато издание многотомной «Всекузбасской книги памяти» погибших в Великой Отечественной войне.

1995 – 1996 года – на основе материалов, собранных преподавателями и студентами факультета и областной комиссией по реабилитации жертв политических репрессий, издана двухтомная «Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области».

1996 год – на основе материалов, собранных преподавателями факультета, при поддержке Администрации Кемеровской области издан первый том «Исторической энциклопедии Кузбасса».

1997 год – силами преподавателей факультета при поддержке Администрации Кемеровской области издана коллективная монография «Угольная промышленность Кузбасса (1721 – 1996 гг.)».

По инициативе ученых факультета создана Межрегиональная общественная организация «Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства» (САИПИ). С 1999 г. начинается периодическое издание «Вестника» САИПИ. С 2000 г. САИПИ входит в IFRAO – Международную федерацию организаций по наскальному искусству.

1999 год – с открытием новой специальности «Международные отношения» проведено переименование исторического факультета в факультет истории и международных отношений и кафедры НИИИЗС в кафедру «новой, новейшей истории и международных отношений» (ННИИМО).

Заключен Договор о сотрудничестве в учебно-научной деятельности между ФИИМО КемГУ и кафедрой восточноевропейских исследований Рур-

Университета (г. Бохум, ФРГ) при финансовой поддержке Германской службы академических обменов (ДААД). В соответствии с Договором за счет ДААД более 30 аспирантов и преподавателей ФИИМО прошли стажировки в ФРГ, на факультете заложена традиция проведения международных научных конференций по проблемам российско-германской истории, демократии и тоталитаризма, международных отношений.

На базе ФИИМО создан Западносибирский центр германских исследований (ЗСЦГИ), объединивший германистов всего региона (основатель и первый председатель ЗСЦГИ – заведующий кафедрой ННИИМО, доктор исторических наук, профессор Юрий Владимирович Галактионов).

2000 год – в соответствии с Договором о сотрудничестве между ФИИМО КемГУ и Рур-Университетом при финансовой поддержке ДААД открыт факультетский кабинет теории, истории и практики международных отношений с компьютерным классом и выходом в Интернет (заведущая кабинетом – Анна Федоровна Романтеева).

2001 год – открыт музей-заповедник «Красная Горка». В том числе это стало возможным, благодаря длительной кропотливой работе ученых факультета, которые пробудили в обществе и у местной власти интерес к истории Автономной индустриальной колонии «Кузбасс».

2005 год – коллективом ЗСЦГИ при поддержке «Фонда Фольксваген» издано первое в России трехтомное учебное пособие для студентов и преподавателей вузов «История Германии» с древнейших времен до наших дней. В 2008 г. второе издание трехтомника получило гриф – рекомендацию Министерства образования и науки РФ.

Открытие факультетской кафедры иностранных языков (заведующая кафедрой – доцент Татьяна Ильинична Добрыдина). Начало реализации программы подготовки по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

2007 год – Ученый Совет ФИИМО принял Перспективную программу оптимизации деятельности факультета до 2014 г. (переход на Болонскую систему).

2008 год – начато присвоение выпускникам отделения «Международные отношения» дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

2010 год – на факультете открыто новое направление подготовки бакалавров «Документоведение и архивоведение».

Открыта магистратура по направлению «История».

Переход преподавателей межфакультетской кафедры истории России на ФИИМО и образование кафедры истории и культуры России с межфакультетскими функциями (заведующий кафедрой – профессор Алексей Владимирович Горбатов).

2011 год – открытие магистратуры по направлению «Туризм».

2013 год – деканом факультета избран доцент Константин Владимирович Юматов.

4. Кафедры ФИИМО

Кафедра археологии, заведующий кафедрой – Владимир Васильевич Бобров, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заместитель заведующего – Людмила Юрьевна Китова, доктор исторических наук, профессор.

Историческая справка. Кафедра археологии была образована 21 мая 1975 г. приказом Министра высшего и среднего специального образования РСФСР [3]. До 1988 г. являлась единственной кафедрой этого профиля в азиатской части России (после МГУ и ЛГУ) [4]. Этому предшествовал период подготовки кадров из числа выпускников исторического факультета педагогического института. Инициатором открытия кафедры археологии в только что открывшемся Кемеровском госуниверситете и ее первым заведующим стал А. И. Мартынов. Им была обозначена перспектива на развитие не только профессорско-преподавательского состава, но и кадров крупной хозяйственной научной группы, лабораторий и музея. Работа основывалась на комплексной научно-исследовательской долгосрочной программе, интегрированной в учебный процесс.

В 1970-е гг. благодаря А. И. Мартынову были заложены основы археологического музея при КемГУ (ныне «Музей археологии, этнографии и экологии Сибири»), а в 1988 г. создан широко известный в стране и за рубежом историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница», признанный в 1999 г. лучшим музеем года России. В этом есть заслуга и многих членов кафедры, в том числе первого директора музея В. М. Кимеева.

В 1970-е – начале 1980-х гг. кафедра археологии КемГУ стала крупнейшей по количеству научных сотрудников среди кафедр высших учебных заведений страны. Кафедра вела долгосрочные исследования памятников по двум крупнейшим хозяйственным темам: в зоне строительства Крапивинского гидроузла на р. Томи (тема «Волна», руководитель – доцент Галина Семеновна Мартынова) и Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (тема «КА-ТЭК», руководители – профессор А. И. Мартынов и доцент В. В. Бобров). Полевые работы не ограничивались хозяйственными исследованиями. Бюджетное финансирование позволяло проводить экспедиции и в рамках научной тематики кафедры.

В 1985 г. из Государственного Эрмитажа был приглашен на работу крупный специалист по археологии Южной Сибири доктор исторических наук Яков Абрамович Шер. Им было создано новое направление в первобытной археологии: теория и методы анализа изобразительных памятников. Эту работу он продолжал и после того, как был приглашен в КемГУ. Им был организован совместный российско-французский проект по изданию международного корпуса источников «Петроглифы Центральной Азии» (выпущено пять томов) [4].

Археологические экспедиции явились базой археологической практики студентов 1 курса. Преподаватели являются также организаторами и музейной практики студентов 3 курса на базе музеев Санкт-

Петербурга (руководители – Людмила Юрьевна Китова и Ольга Сергеевна Советова), Республики Хакасия и Красноярского края (руководитель – Елена Александровна Миклашевич) и Кемеровской области (руководитель – Наталья Александровна Белоусова).

В советские годы кафедра неоднократно становилась победительницей социалистического соревнования. В настоящее время по результатам рейтинга она занимает одно из ведущих мест в КемГУ среди подразделений гуманитарного профиля.

В 2010 г. при кафедре открыта магистратура по направлению «История», направленность – «Археология (Евразии)». Первым руководителем магистерской программы был доктор исторических наук, профессор Я. А. Шер, в настоящее время направлением руководит доктор исторических наук, профессор О. С. Советова. Целью магистерской программы является углубленное изучение фундаментальных и прикладных археологических и связанных с ними других исторических дисциплин, а также формирование специалистов, обладающих разносторонними знаниями и навыками по теоретическим вопросам и конкретным проблемам археологии, всемирной истории, первобытного искусства, истории археологии Сибири, этнологии Сибири, отечественной антропологии, музеологии, междисциплинарным исследованиям в археологии.

Направления научной работы кафедры археологии. К началу 1990-х гг. исследования кафедры вошли в комплексную программу «Археология Южной Сибири и степной Евразии», утвержденную Институтом археологии АН СССР и Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР. В рамках программы осуществлялись научные исследования по таким крупным темам, как «Петроглифы Южной Сибири и Центральной Азии» (А. И. Мартынов, Я. А. Шер, Б. Н. Пяткин, О. С. Советова, Е. А. Миклашевич), «Кузнечная котловина в эпоху камня и бронзы» (В. В. Бобров, Ю. И. Михайлов), «Историография археологии Сибири» (А. И. Мартынов, Л. Ю. Китова), «Проблемы средневековой археологии» (Н. М. Зиняков, В. Н. Добжанский, А. С. Васютин, И. В. Окунева, Л. Н. Ермоленко). Вокруг них формировались творческие коллективы, которые в 2000-х гг. пополнились выпускниками кафедры (А. В. Фрибус, В. Н. Жаронкин, К. В. Юматов, А. Н. Мухарева).

Итогом большой научно-исследовательской и преподавательской деятельности стало формирование собственной научной школы, которая в настоящее время работает по следующим основным направлениям, которые внесены в перечень важнейших научных направлений КемГУ: «Исследование первобытного искусства в истории археологических культур Сибири и Центральной Азии (проблема синтеза)»; «Исследование культуры и искусства древних обществ на стыке Северной и Центральной Азии (традиции и инновации)» [5]. Кафедра провела 11 крупных научных конференций регионального, всероссийского и международного масштаба.

Периодические издания кафедры археологии. Кемеровскими археологами с 1967 г. подготавливаются и выпускаются тематические научные сборники

по проблемам археологии Южной Сибири, в которых публикуются материалы археологических исследований кафедры, статьи сотрудников кафедры и археологов из других научных центров, занимающихся изучением Южной Сибири, также сборники, посвященные юбилейным датам. С 1967 г. начали выходить «Известия лаборатории археологических исследований» (издано 7 выпусков). В 1976 г. «Известия лаборатории» переименованы в «Известия кафедры археологии» под названием «Археология Южной Сибири». Всего кафедрой выпущено 26 выпусков периодических изданий.

В 1997 году при кафедре археологии была создана **Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства**. С 2000 г. САИПИ входит в IFRAO – Международную федерацию организаций по наскальному искусству. Предметом интереса входящих в САИПИ исследователей являются все аспекты, касающиеся памятников первобытного искусства – изучение их научной, историко-культурной и эстетической ценности; культурно-хронологическая атрибуция и семантика; документирование и каталогизация, консервация и сохранение; музеефикация и экспозиционно-выставочная деятельность; публикация, введение памятников в научный оборот, популяризация, культурный туризм и т. д. Всего Ассоциацией выпущено 23 научных труда.

При кафедре археологии работают научно-исследовательские лаборатории:

- Камеральная лаборатория по обработке археологического материала (используется студентами, аспирантами, научными сотрудниками для научной деятельности).

- Кузбасская лаборатория археологии и этнографии Института археологии и этнографии СО РАН и Кемеровского университета, в которой работают выпускники и сотрудники кафедры (заведующий лабораторией – профессор В. В. Бобров).

- Профессор Н. М. Зиняков стал инициатором создания и открытия первой в Сибири лаборатории металлографических методов в археологии, являющейся до настоящего времени единственным научным подразделением в высших учебных заведениях Сибири, занимающихся изучением древней технологии и получения и обработки железа и железоуглеродистых сплавов.

- Профессором А. И. Мартыновым при поддержке ректората в 2010 г. была открыта научно-учебная лаборатория практической археологии для разработки концепций и предложений по музеефикации памятников археологии; издания учебной и научной литературы.

Всего сотрудниками кафедры археологии опубликовали 34 монографии и 35 учебных и учебно-методических изданий.

Кафедра отечественной истории, заведующий кафедрой – Алексей Владимирович Блинов, кандидат исторических наук, доцент.

Историческая справка. Кафедра ведет свое происхождение от кафедры истории СССР, образованной в 1960 г. под руководством доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки

РСФСР, Почетного гражданина Кемеровской области Зинаиды Георгиевны Карпенко (1906 – 2000).

В 1989 г. кафедра истории СССР была разделена на кафедры отечественной истории и новейшей отечественной истории. С 1989 по 1998 г. заведующей кафедрой отечественной истории была кандидат исторических наук, доцент Валентина Николаевна Михайлова (1939 – 2009). С 1998 по 2014 г. заведующим кафедрой был доктор исторических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ Владимир Алексеевич Волчек. С июня 2012 г. и по настоящее время В. А. Волчек является ректором КемГУ.

Сегодня на кафедре работает: 4 доктора исторических наук, профессора (в т. ч. 3 совместителя); 9 кандидатов исторических наук (в т. ч. 3 совместителя); 1 ассистент; 2 представителя учебно-вспомогательного персонала. Кафедра осуществляет учебный процесс по 10 специальностям и направлениям подготовки бакалавров и магистров.

Основные направления научной деятельности на кафедре:

- История городов и районов Кемеровской области.

- История образования в Сибири XIX – начала XX вв.

- Русская православная церковь в Сибири в XVII – начале XX вв.

- Изучение освоения Русской Америки.

- Изучение истории управления и взаимодействия центральных и местных органов власти (на примере Сибири).

- Складывание гражданского общества на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке России в XIX – первой четверти XX вв.

- Деятельность политических партий и общественных организаций, органов местного самоуправления в Сибири.

Основная научная продукция кафедры

За последние 10 лет опубликовано более 30 монографий. Ежегодно преподаватели кафедры выигрывают гранты и участвуют в работе по хозтемам. При кафедре действует аспирантура по специальности 07.00.02 – «Отечественная история» под руководством профессоров В. А. Волчека, С. В. Макаруча, В. А. Овчинникова. Всего кафедра обеспечила защиту 27 кандидатских и 6 докторских диссертаций.

Кафедра новейшей отечественной истории, заведующий кафедрой – Алексей Анатольевич Зеленин, доктор политических наук, профессор.

Историческая справка. Кафедра образована в 1989 г. Первым заведующим кафедры был доктор исторических наук, профессор Герман Григорьевич Халиулин, при нем сформировались основные направления научных исследований. В 1994 – 1997 гг. кафедрой руководил кандидат исторических наук, доцент Владимир Николаевич Брель, в 1997 – 2002 гг. – доктор исторических наук, профессор Любовь Ильинична Гвоздкова. В период с 2002 по 2010 гг. кафедрой возглавляла Заслуженный работник высшей школы

РФ, доктор исторических наук, профессор Калерия Александровна Заболотская.

Сегодня на кафедре работает: 6 докторов исторических наук, профессора (в т. ч. 1 совместитель), 8 кандидатов наук, доцентов (в том числе 2 совместителя). Кафедра принимает активное участие в преподавании курсов в бакалавриате и магистратуре по направлениям подготовки "Документоведение архивоведение", "Туризм в Сибирском регионе".

Кафедра новейшей отечественной истории осуществляет учебный процесс по 10 специальностям и направлениям подготовки бакалавров и магистров.

Основные направления научной работы кафедры:

- История Кемеровской области в новейшее время.
- Молодежная политика РФ на современном этапе.
- Развитие транспортной системы в России и регионах.
- Внешние связи Сибири в новейшее время.
- Внешняя политика СССР – России (конец XX – нач. XXI вв.).
- Содружество независимых государств.
- Угольная и химическая промышленность Кузбасса.
- Социально-демографическая история Сибири.
- Политическая история современной России.
- Индустриальное развитие Сибири и Кузбасса.
- Образование в Сибири XX – XXI.

Кафедра проводит регулярные конференции: «Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России (Всероссийские научные чтения, посвященные памяти доктора исторических наук, профессора Г. Г. Халиулина)»; «История белой Сибири» (Международная научная конференция); «Развитие транспортной системы на постсоветском пространстве: история, проблемы, перспективы» (Международная научно-практическая конференция), «Туризм: теория и практика».

Издаются тематические сборники научных статей кафедры: «Актуальные проблемы отечественной истории»; «История Белой Сибири»; «Развитие транспортной системы на постсоветском пространстве: история, проблемы и перспективы», «Туризм: теория и практика».

За последние 10 лет на кафедре подготовлено 3 докторских и 26 кандидатских диссертаций.

Кафедра новой, новейшей истории и международных отношений (ННИМО), заведующий кафедрой – Юрий Людвигович Говоров, кандидат исторических наук, доцент.

Историческая справка. В 1963 г. при образовании исторического факультета были созданы две специализированные кафедры: Истории СССР и всеобщей истории (заведующими кафедрой всеобщей истории были сначала доцент Владимир Григорьевич Мирзоев, затем – доцент Анатолий Иванович Мартынов). В 1975 г. после выделения из кафедры всеобщей

истории кафедры археологии короткое время кафедру всеобщей истории возглавлял приглашенный московский профессор Владимир Аронович Дунаевский, а затем доцент Евгения Антоновна Кривошеева. В 1991 г. на базе кафедры всеобщей истории образованы кафедра истории средних веков и кафедра новой и новейшей истории зарубежных стран (НИНИЗС). Кафедру НИНИЗС возглавили сначала Е. А. Кривошеева, затем профессор Юрий Владимирович Галактионов.

С открытием на факультете отделения «Международные отношения» (1999 г.) связано переименование в кафедру новой, новейшей истории и международных отношений (ННИиМО). При кафедре функционируют Центр европейских исследований (председатель – доцент Ю. Л. Говоров) и Западносибирский центр германских исследований (председатель – профессор Л. Н. Корнева). Кафедра активно участвует в программах Центра Европейского Союза в Сибири (ЦЕСС), куда входят 5 классических университетов Сибири с координирующей ролью ТГУ (председатель ЦЕСС – профессор ТГУ Лариса Валериевна Дериглазова).

В научной работе кафедры ННИиМО приоритетными являются европейские и международные исследования:

- Социум и власть в традиционных обществах.
- История и историография тоталитаризма.
- История и историография Второй мировой войны.
- История международных отношений.
- Проблемы европейской интеграции.
- Социальная политика Германии и ЕС.
- Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС.
- Этноконфессиональные конфликты и их влияние на международные отношения в Евразии.

В рамках указанных направлений за последние 20 лет преподаватели кафедры защитили 4 докторские и 8 кандидатских диссертаций, на базе кафедры проведены 7 международных научных конференций. Открыта магистерская подготовка по программе: «Политическая и социокультурная история Европы в новое и новейшее время».

При кафедре имеется аспирантура по специальности: «История, историография и методы исторических исследований».

Кафедра истории цивилизации и социокультурных коммуникаций, заведующий кафедрой – Сергей Александрович Васютин, кандидат исторических наук, доцент.

Историческая справка. Кафедра образована путём слияния в 2013 г. кафедр истории средних веков и истории и культуры России. Новую кафедру возглавил доцент Сергей Александрович Васютин, на протяжении последнего десятилетия руководивший кафедрой истории средних веков.

Кафедра истории средних веков (1991 – 2013 гг.) была основана 28 февраля 1991 г. в составе: В. Г. Павленко (кандидат исторических наук, заведующий кафедрой), А. П. Батурин (кандидат истори-

ческих наук, доцент), Т. С. Чернецкая (кандидат исторических наук, доцент), В. Н. Бурганова (кандидат исторических наук, старший преподаватель), А. Ф. Врубель (ассистент). Одновременно с этим была открыта самостоятельная специализация по истории средних веков, существующая до сих пор. С 2000 г. кафедра – активный участник российских и международных проектов Института всеобщей истории, Западносибирского центра германских исследований, Германского исторического института в Москве, РГНФ-Монголия, Центра Европейского Союза в Сибири и др. Кафедра истории средних веков активно участвовала в инновационной и проектной деятельности. Сотрудники в 2005 г. выиграли всероссийский конкурс учебно-методических комплексов по всеобщей истории с УМК по истории средних веков (С. А. Васютин, А. П. Батулин, В. Н. Бурганова, О. Н. Терехова). В 2007 г. В. Н. Бурганова, А. П. Батулин, О. В. Ким победили в аналогичном конкурсе по спецкурсам. В 2008 г. по итогам конкурса 2005 года в Москве в издательстве «Книжный дом университет» вышел Учебно-методический комплекс по истории средних веков в 3-х книгах. За последние годы сотрудниками кафедры подготовлено 5 монографий (в соавторстве с коллегами с других кафедр и вузов) и 5 выпусков сборника «Медиевистика». С. А. Васютиным ведутся археологические исследования в Кемеровской области и Монголии.

Преподаватели кафедры вели 30 учебных и специальных курсов для студентов и магистрантов.

Основными направлениями научной работы кафедры истории средних веков были:

- Эволюция социальных и политических институтов дофеодальных обществ Северной и Центральной Европы периода раннего Средневековья.
- Социум и власть в традиционных обществах.
- Комплексный анализ кочевых обществ Средневековья.
- Археологические исследования средневековых памятников кочевников.
- Средневековый менталитет.
- Средневековый быт и бытовые представления населения Западной Европы в XI – XVI вв.
- Теории и концепции перехода от Средневековья к Новому времени.
- Основные проблемы германской истории позднего Средневековья – раннего Нового времени.
- Материальная культура западноевропейского Средневековья.
- Духовная культура западноевропейского Средневековья.

По этим направлениям сотрудниками кафедры подготовлены 22 значимые научные публикации.

Кафедра истории и культуры России (2010 – 2013 гг.) была образована в результате слияния 2 кафедр – Истории и теории культуры и межфакультетской кафедры Истории России 15 октября 2010 года.

Кафедра истории России (1962 – 2010 гг.). В 1962 году из кафедры марксизма-ленинизма Кемеровского государственного педагогического института

выделилась кафедра истории КПСС. Первым заведующим университетской кафедрой стал доцент С. Ф. Орлянский, которого сменил доцент В. И. Бельков. Первым доктором исторических наук, профессором, возглавившим кафедру, стал Н. П. Шуранов. В 1980-е годы кафедра короткое время называлась кафедрой социально-политической истории XX века, с 1989 года – кафедра Истории России. Профессор Н. П. Шуранов являлся председателем диссертационного совета по специальности «История». В 1997 г. кафедру возглавил доктор исторических наук, профессор С. В. Макачук.

Кафедра истории и теории культуры (1992 – 2010 гг.) изначально имела статус межфакультетской кафедры, заведующим кафедрой был кандидат философских наук, доцент Владимир Дмитриевич Жуков. В 1993 году с приходом на пост заведующего кафедрой доктора исторических наук, профессора Владимира Петровича Машковского кафедра истории и теории культуры стала структурным подразделением исторического факультета. После скоропостижной смерти В. П. Машковского в декабре 2000 года кафедру возглавила доктор исторических наук, профессор Татьяна Олеговна Машковская, благодаря усилиям которой была существенно расширена материальная база кафедры. С 2003 по 2007 гг. кафедрой руководил доктор исторических наук, профессор Юрий Иннокентьевич Михайлов. С 2007 г. по 2013 г. заведующий кафедрой – доктор исторических наук Алексей Владимирович Горбатов.

Основными направлениями научной работы кафедры истории и культуры России были:

- Культура современных городов Сибири (Ю. И. Михайлов, О. В. Елескина).
- Традиционное мировоззрение народов Западной Сибири (Ю. И. Михайлов).
- Государственно-конфессиональные отношения в СССР, России (А. В. Горбатов).
- Современные религиозные направления (А. В. Горбатов).
- Политическая история России (С. В. Макачук).
- Историография проблемы социально-экономического и политического развития России в 1930-е гг. (М. В. Казьмина).
- Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX в. (Ю. П. Горелов).
- Петр III – император, политик, человек (О. П. Ведьмин).

В рамках этих направлений кафедрой были сделаны 7 значимых научных, 8 учебно-методических публикаций и защищены 2 докторские диссертации.

Кафедра иностранных языков, заведующая кафедрой – Татьяна Ильинична Добрыдина, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой – Тимур Александрович Логунов, кандидат филологических наук, доцент.

Историческая справка. Самая молодая кафедра ФИиМО основана в 2005 г. для языковой подготовки студентов-международников. С момента образования кафедры обеспечивает преподавание европейских язы-

ков (английского, немецкого, французского) и восточных (китайского и японского) в полном соответствии с требованиями соответствующих государственных образовательных стандартов. Процесс обучения студентов иностранным языкам носит прикладной характер и тесно связан с их будущей профессиональной деятельностью. Благодаря усилиям преподавателей кафедры факультет не только укрепил отделения «История» и «Международные отношения», но и открыл направления «Зарубежное регионоведение» и «Туризм» с двумя изучаемыми языками (английский/немецкий или английский/китайский или японский).

С 2008 г. кафедра реализует программу подготовки по дополнительной к основной специальности квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Для желающих расширить свои знания по иностранным языкам преподавателями кафедры организованы факультативы по английскому, немецкому, французскому, китайскому, испанскому, японскому, польскому языкам, действует кино клуб на английском языке, ежегодно проходит факультетская олимпиада по иностранным языкам. На старших курсах факультета уже в течение 10 лет проводится конференция по актуальным проблемам международных отношений на иностранных языках. Традиционным стало проведение студентами экскурсий на английском языке по городу и в музей-заповеднике «Томская писаница». Под руководством преподавателей кафедры студенты факультета выезжают на летние стажировки в Германию, Данию, Китай.

Преподаватели кафедры постоянно повышают уровень профессиональной подготовки, обучаются на курсах повышения квалификации, в том числе за рубежом, владеют современными методиками и технологиями преподавания иностранных языков. С 2013 года кафедра является участником двух проектов европейской программы «Темпус» в формате повышения квалификации и переподготовки кадров для Кемеровской области. С момента основания кафедры защищено 6 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

В настоящее время на кафедре применяются методы обучения и критерии оценки знаний в соответствии с современным международным форматом, включая стандарты международных экзаменов, которые напрямую отражают актуальные требования, предъявляемые к уровню владения иностранным языком в современном мире.

Направления научной работы кафедры. Основное направление научной работы кафедры – «Формирование лингвокультурологической составляющей профессиональной компетентности у студентов факультета истории и международных отношений». Кроме того, в своей научной работе преподава-

тели кафедры занимаются теоретическими и прикладными проблемами современной лингвистики (когнитивная лингвистика, компаративистика, исследование дискурса и массовой коммуникации, концептуальные исследования, психолингвистика, классические языки), педагогики и методики преподавания иностранных языков.

Привлекая лучших студентов факультета, кафедра активно участвует в лингвистическом обеспечении (устный и письменный перевод) международных конференций на факультете и в городе с участием зарубежных гостей.

Кафедрой подготовлены 10 значимых научных публикаций и 3 учебных пособия, рекомендованные СибРУМЦ ВПО для межвузовского использования в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальностям «История» и «Международные отношения».

Студенты отделения международных отношений получают квалификацию «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» на основе прохождения обязательного курса обучения основному иностранному языку. Обучение осуществляется параллельно образовательным процессам по основной специальности. По желанию студенты-международники получают дополнительную квалификацию «Переводчик» и по второму изучаемому языку (курс обучения длится один год).

Кафедра регулярно организует встречи с носителями иностранных языков, по возможности привлекает иностранных специалистов к проведению занятий со студентами.

Сейчас ФИиМО КемГУ, как и вся система высшего образования за пределами столичных научно-образовательных центров, вновь стоит перед испытанием на прочность в условиях тотального реформирования. Необходимый запас прочности и гибкости преподавательского потенциала на факультете имеется – важно суметь его использовать для диверсификации образовательных услуг в условиях недостаточной определенности рынка потребителей этих услуг.

Перспективы выживания факультета, как минимум, и его развития, как максимум, во многом зависят от уровня руководства и организации этих процессов деканатом и руководством кафедр. В условиях тотальной формализации образовательной сферы на всех уровнях выполнение организаторско-руководящих функций стало значительно более трудной проблемой, чем в прежние восторженные машинописные времена. Правда, выросло и новое поколение организаторов кафедрально-факультетского уровня, способных эффективно решать новые задачи – и это внушает определенный оптимизм.

Литература

1. Музей "Археология, этнография и экология Сибири" Кемеровского государственного университета // Официальный сайт музея. URL: <http://museum.kemsu.ru/main.html>
2. Ежегодные "Отчеты о научно-исследовательской и учебно-методической работе Кемеровского госуниверситета" и "Отчеты о работе деканата ФИиМО КемГУ".

3. Исмайлова Э. Р. Архивные материалы о становлении и развитии кафедры археологии КемГУ в 1970 – 1980 гг. // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. Красноярск, 2014. С. 23 – 26.

4. Китова Л. Ю., Исмайлова Э. Р. История формирования Кемеровской научной школы исследователей древнего и средневекового искусства // Вестник КемГУ. 2013. № 3(55). Т. 4. С. 24 – 31.

5. Китова Л. Ю. История появления и трансформации археологического образования в Сибири (на примере Кемеровского государственного университета) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014. С. 358 – 369.

Информация об авторах:

Говоров Юрий Львович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, govorov@history.kemsu.ru.

Yury L. Govorov – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Мить Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей отечественной истории КемГУ, проректор КемГУ, mitj@kemsu.ru.

Alexander A. Mit' – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Vice-Rector at Kemerovo State University.

Юматов Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и международных отношений КемГУ, yumatov@kemsu.ru.

Konstantin V. Yumatov – Candidate of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 906.6"637":930

**ВКЛАД А. Х. МАРГУЛАНА В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ КАМЕННОЙ СКУЛЬПТУРЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА**
Л. Н. Ермоленко, А. Д. Касенова

**A. KH. MARGULAN'S CONTRIBUTION TO THE RESEARCH OF ANCIENT STONE SCULPTURE
OF CENTRAL KAZAKHSTAN**
L. N. Ermolenko, A. D. Kasenova

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 33.1175.2014К.

В статье анализируются работы основоположника казахстанской археологии А. Х. Маргулана, специально занимавшегося исследованием древних монументальных памятников – менгиров, до сих пор недостаточно изученных. С целью оценить исследовательский вклад А. Х. Маргулана анализируются опубликованные им многочисленные сведения о менгирах, принципы и результаты систематизации материала, подход к атрибуции. Авторы, с одной стороны, приходят к выводу о несомненной источниковедческой ценности работ А. Х. Маргулана, с другой, о необходимости целенаправленного документирования менгиров на уровне требований современной полевой методики.

The paper analyses works of the founder of Kazakh archaeology, A. Kh. Margulan, who focused his research on ancient monuments – menhirs, which have not been studied well enough so far. To evaluate A. Kh. Margulan's research contribution, the authors review numerous data on menhirs published by him as well as the principles and results of material systematization and approaches to attribution. On the one hand, the authors come to the conclusion that A. Kh. Margulan's works are undoubtedly valuable as an abundant source of original material, on the other hand, they stress the need for systematic recording of menhirs to be held on the level required by contemporary field techniques.

Ключевые слова: менгир, олений камень, изваяние, Центральный Казахстан, А. Х. Маргулан.

Keywords: menhir, deer stone, statue, Central Kazakhstan, A. Kh. Margulan.

Алькей Хаканович Маргулан (1904 – 1985 гг.), выдающийся казахский археолог, внёс существенный вклад в исследование каменных изваяний Центрального Казахстана. Их выявление и документирование производилось в ходе работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, которой А. Х. Маргулан руководил с 1946 по 1974 гг. Большинство изваяний, введённых исследователем в научный оборот, – памятники средневековых кочевников времён господства тюрков и кыпчаков. Обращение специалистов к научному наследию А. Х. Маргулана продиктовано не только продолжающимся изучением средневековых изваяний, но и необходимостью выделения в каменной скульптуре Сарыарки (Казахский мелкосопочник) более ранних памятников – оленных камней и изваяний сакской эпохи. Представляют также интерес взгляды А. Х. Маргулана на происхождение традиции антропоморфной каменной скульптуры, сформулированные им при рассмотрении самых древних монументальных памятников Сарыарки – менгиров, представляющих собой вкопанные в стоячем положении продолговатые, обычно необработанные камни. (Для обозначения уплощенных или столбообразных менгиров используется синонимичный термин «стела».)

Попытка анализа опубликованных А. Х. Маргуланом данных о менгирах была предпринята в послед-

нее время С. А. Ярыгиным [14]. Ввиду отличия результатов нашего анализа от полученных С. А. Ярыгиным, считаем необходимым остановиться на них подробнее.

По нашим подсчётам, А. Х. Маргуланом было обнаружено более 100 менгиров. Точное число установить невозможно, поскольку не для всех местонахождений оно указано (группы менгиров в долинах рек Аккойтас, Байгана и др.), а иногда, как в случае памятника Аксай III, сообщается лишь о «значительном количестве» объектов и т. д. [5, с. 279, 281, 284].

А. Х. Маргулан выделял по признакам формы и сечения монолита четыре наиболее распространённых типа менгиров. Обобщая сформулированные в разных местах авторского текста признаки типов, их можно охарактеризовать следующим образом. Тип 1 – округлые (в сечении? – *Авт.*) неправильной формы; тип 2 – прямоугольные в сечении с остроугольной или плоской верхушкой; тип 3 – уплощенные со скошенным (зооморфные) либо треугольным завершением, тип 4 – уплощенные с полукруглым («полуциркульным», по терминологии Маргулана) верхом [5, с. 277, 281]. Для типов 2 – 4 также учитывался признак размера в высоту, однако не конкретизированный в цифрах (типы 2, 3 – «высокие», тип 4 – «средние» и «малые»). Между тем в работе есть данные, не согласующиеся с систематизацией менгиров по высоте. Так, автор подчёр-

кивает «подлинно циклопические» размеры менгиров с округлым верхом из урочища Колденен, достигающих в высоту 3 – 4 м, ещё один менгир «полуциркульного типа» из предгорий Актау (Сымтас) имеет высоту 3,5 м [5, с. 280 – 283]. К сожалению, размеры менгиров не указаны примерно для половины характеризующихся в работе местонахождений памятников.

Все менгиры А. Х. Маргулан подразделял на два вида: групповые и одиночные. По данным исследователя, группа менгиров может насчитывать от 2 до 15 и более объектов. Наиболее крупные группы менгиров зафиксированы в Актогайском районе современной Карагандинской области – в долине реки Нуртай (урочища Кызыл-Шоки, Канаттас, Темир-Астау), а также в горах Кызыл-Арай (урочище Колденен) и в Жанааркинском районе – в долинах рек Сартабан и Атасу (урочища Койшоки) [5, с. 278 – 281, 283, 284, 286, 287].

А. Х. Маргулан выявил несколько вариантов взаимного расположения менгиров, объединенных в группы. В плане такие менгиры могут образовывать «незамкнутый круг», треугольник, составлять ряд или аллею из «параллельных рядов» [5, с. 277]. К наиболее ранним памятникам исследователь отнёс, например, группу в урочище Кызыл-Шоки. Здесь менгиры из необработанных глыб мергеля устроены наподобие аллеи, в которой, согласно автору, насчитывается 15 объектов [5, с. 278, рис. 199 – 201].

Две группы в урочище Канаттас на левом берегу р. Нуртай отличаются тем, что менгиры в них установлены по три вместе, образуя в плане треугольную конфигурацию (по определению Маргулана, «незамкнутый круг») [5, рис. 202]. Построением в виде «незамкнутого круга» диаметром 6 – 6,5 м характеризуются четыре группы менгиров (по 7, 9 объектов) в урочище Темир-Астау. Группы менгиров располагаются цепочкой, идущей в широтном направлении. С. А. Ярыгин вместо маргулановского названия конструкции «незамкнутый / незамкнутый круг» использует термин «кольцевая оградка» [14, с. 409], хотя точнее было бы назвать её кромлехом. При исследовании одной из групп менгиров в урочище Темир-Астау был заложен раскоп, в котором на глубине 0,6 м выявлено скопление золы и угля, найдены кости животных [5, с. 279].

Заканчивая характеристику групповых менгиров, отметим, что их количество в группах нередко представлено числами, которые в традиционной культуре разных народов обычно наделяются особым, магическим смыслом. Встречаются группы из двух, чаще – трёх, семи, а также девяти и более менгиров. Хотя вопрос о количестве менгиров в группах требует уточнения, поскольку А. Х. Маргулан в некоторых случаях указывает, что первоначально их численность была большей [5, с. 278, 287].

Одиночные менгиры выявлены А. Х. Маргуланом в разных районах Центрального Казахстана, немало их сосредоточено в Жанааркинском районе (долина р. Аксай) [5, с. 284]. В Шетском районе (горы Бугулы) распространены прямоугольные в сечении менгиры [5, с. 281].

Многие из одиночных менгиров, по мнению исследователя, имеют зооморфную форму, ассоции-

рующуюся с образами животных – коня, верблюда, медведя, но чаще их завершение напоминает задранную морду барана. Почти все менгиры, которые А. Х. Маргулан атрибутирует как зооморфные, представляют собой уплощенные камни (стелы) со скошенным в профиль верхом.

В раскопе, заложенном у основания одиночного «бараньего камня» (каз. *койтас*) в долине р. Шопа, были найдены два каменных орудия типа кайла (гл. 0,4 м), прослежен прокаленный грунт [7, с. 155; 5, с. 281]. А. Х. Маргулан предположил, что орудия были оставлены «древними рудокопами» в качестве жертвы при установке менгира.

В Жанааркинском районе А. Х. Маргуланом было зафиксировано несколько камней со скошенным верхом, определённых как «бараньи» [5, с. 284, рис. 203]. «Бараньи» камни исследователь идентифицировал не только среди одиночных, но и среди групповых менгиров. К последним принадлежит стела из урочища Койшоки, в верхней части которой на обеих широких сторонах изображен круг [5, с. 358]. При документировании памятника в 2013 г. Ж. К. Курманкуловым и Л. Н. Ермоленко были выявлены четыре косые черты сверху обращённой к востоку узкой грани и горизонтальная линия, ограничивающая снизу «лицо». Наличие характерных признаков оленных камней на стеле из Койшоки, а также на менгире из группы I в долине Аксай [5, рис. 206], позволяет атрибутировать данные памятники как оленные камни общеевразийского типа [1]. К оленным камням этого же типа относится и «бараний камень» с р. Кенгир [5, рис. 212], что было установлено ещё Л. Р. Кызласовым [11, с. 25].

Менгиры, которые, согласно А. Х. Маргулану, изображают медведя и верблюда встречаются крайне редко. Наиболее реалистичным является *аютас* (каз. медведь-камень) из гор Бугулы (Шетский район) [5, с. 291, рис. 213], который находится в настоящее время в Шетском археолого-этнографическом музее. В форме камня, обнаруженного в урочище Бидаик (Актогайский район), А. Х. Маргулан уловил сходство с головой верблюда [5, с. 292, рис. 214- 1]. Выступающий из земли «двугорбый» камень в Аксу-Аюлы, исследователь также считал изображением верблюда [5, рис. 214- 2]. Судя по рисунку «верблюжьей головы» и фотографии «горбов», обе «скульптуры», скорее всего, сотворены природой. Однако они могли порождать соответствующий образ в сознании древних людей, поскольку человеческому воображению свойственно ассоциировать по внешнему сходству объекты неживой природы с живыми существами, предметами, сооружениями и пр.

Форме менгиров А. Х. Маргулан придавал значение хронологического признака. Простые менгиры, представляющие собой «натуральные глыбы камня», он считал более древним типом, возникшим в неолите-энеолите, а зооморфные – более поздним, бытовавшим в бегазы-дандыбаевский и раннесакский периоды [5, с. 276 – 278, 285, 295]. Появление менгиров с полукруглым верхом, по мнению исследователя, совпало с переходом от эпохи бронзы к железному веку [5, с. 282].

В отличие от А. Х. Маргулана, В. Д. Кубарев считал все менгиры Центрального Казахстана ранними

монументальными памятниками, справедливо предположив природное происхождение зооморфных экzemпляров [9, с. 67, 68].

С. А. Ярыгин априори принимает предложенную А. Х. Маргуланом культурную атрибуцию зооморфных менгиров («койтасов») как памятников бегазы-дандыбаевской культуры (БДК) и их датировку эпохой поздней бронзы [14, с. 408]. Между тем из рассмотренных в главе «Культовые камни» книги А. Х. Маргулана менгиров только один, упомянутый выше менгир из предгорий Актау (Сымтас), установлен непосредственно у сооружения, визуальное определяемого как памятник поздней бронзы – курган-ограда [5, с. 283]. Датировка других конструкций – «большой ограды», возле которой стоит «бараний камень» в горах Бугулы [5, с. 283], «каменных выкладок», с которыми связаны два одиночных менгира (урочище Аккудук, долина р. Былкылдак) и группы менгиров Канаттас [5, с. 279, 281, 282], А. Х. Маргуланом не оговаривается. Менгиры Центрального Казахстана, конечно, ассоциируются с архитектурой БДК в силу мегалитичности, но это не отменяет необходимости разработки их хронологии. Учитывая приведенные выше сведения А. Х. Маргулана о нахождении в основании менгиров костей и уголков, датировка этих памятников может быть установлена с привлечением радиоуглеродного метода.

Справедливо констатируя принадлежность «койтасов» с кругами на боковых гранях к оленным камням, С. А. Ярыгин, судя по всему, распространяет это на все «койтасы БДК» [14, с. 410]. Более того, он высказывает предположение о том, что центрально-казахстанские «койтасы» «послужили прообразом для оленных камней, а через них для киммерийских стел» [14, с. 413]. Эта гипотеза, несомненно, требует обоснования с учётом высказанных другими специалистами мнений по проблеме происхождения оленных камней общеевразийского типа. Например, точки зрения В. Д. Кубарева о том, что традиция оленных камней через изваяния окуневского типа восходит к обычаю установки чашечных камней Алтая [8, с. 112], А. А. Ковалёва о прародине оленных камней, локализованной к югу от истоков Иртыша [2, с. 165] и т. д.

Возвращаясь к анализу работы А. Х. Маргулана, рассмотрим его позицию по вопросу происхождения антропоморфных изваяний. По мнению А. Х. Маргулана, самые ранние из них, очень условные, появляются в эпоху бронзы, точнее, в период андроновской культуры [5, с. 294, 295]. В качестве примера автор приводит группу небольших камней, найденных геологом Д. Х. Хайрутдиновым в горах Итмурынды (Северное Прибалхашье) в 20 км от рудных выработок андроновского времени [13]. А. Х. Маргулан дополняет информацию, содержащуюся в краткой публикации Хайрутдинова, уточняя количество камней (пять) и их местонахождение (около андроновского могильника) [5, с. 295]. Вкопанные камни, согласно Д. Х. Хайрутдинову, образуют полукруг (дугу), а по А. Х. Маргулану – меридионально направленную вереницу. На южной оконечности дуги-вереницы стоял самый крупный камень, высотой до 0,95 м, имевший вытянутую пирамидальную форму. В верхней половине грани, обращённой в южном направлении, выбиты

три продолговатых горизонтальных углубления, расположенные параллельно друг другу. По предположению Д. Х. Хайрутдинова, углубления схематически воспроизводили детали лица – глаза, нос, рот [13, с. 85].

Собственно древние антропоморфные изваяния Сарыарки в работе 1979 г. А. Х. Маргулан не рассматривает, но в четвертом томе его «Сочинений», вышедшем в 2003 г., есть фотографии и рисунки изваяний «дотюркского времени» («прототюркских») [6, с. 36, рис. 4, 8]. Так, в долине Аксай на р. Атасу исследователем зафиксированы два высоких (свыше 3 – 4 м) антропоморфных стеловидных изваяния. В верхней части одного из них, поваленного, изображено лицо [6, рис. 6-1 – 4]. Его детали – круглые глаза и брусковидный нос – изображены барельефом, образованным за счет оконтуривающего желобка. Рот передан углублением, желобком намечены нижние очертания лица.

Другое изваяние, названное «атасуская красавица» [6, с. 36, рис. 8-1 – 3], стоит, наклонившись назад. Вверху передней грани высечена личина с двумя вертикальными «отростками», отходящими, соответственно, от переносья и от подбородка. На боковой стороне головы выбит круг. С учетом того, что круг является атрибутом оленных камней, данное изваяние может быть причислено к антропоморфным оленным камням.

К антропоморфным оленным камням было отнесено Д. Г. Савиновым [12, с. 150 – 155] изваяние из долины р. Жангабыл, представленное различными описаниями и рисунками в работах А. Х. Маргулана [3, с. 31; 4, рис. 18] и Л. Р. Кызласова [10, с. 60, рис. 5, 6]. Атрибуция Д. Г. Савинова может быть поставлена под сомнение тем, что она построена на анализе только одной версии рисунка жангабыльского изваяния [1, с. 345]. И всё же она не может быть полностью отвергнута: такая деталь, как круг (кольцевидная серьга с подвеской), с уверенностью позволяет распознать в изваянии из долины р. Жангабыл оленный камень. Однако нахождение этой «серьги» на тыльной стороне головы противоречит определению жангабыльского изваяния как антропоморфного оленного камня и свидетельствует о том, что оно было переоформлено из оленного камня в антропоморфное. Очевидно, это случилось в сакскую эпоху, поскольку на фотографии изваяния из книги А. Х. Маргулана различим роговидный сосуд (ритон) [6, рис. 25-1]. Если наше предположение верно, то изваяние с р. Жангабыл является пока единственным в небольшой группе скульптур сакской эпохи, на котором изображён этот атрибут.

Таким образом, работы А. Х. Маргулана, посвящённые древним монументальным памятникам Центрального Казахстана, имеют несомненную историко-культурную ценность, особенно ввиду того, что не все памятники сохранились до нашего времени. Анализ изученности менгиров в трудах А. Х. Маргулана делает очевидной необходимость их целенаправленного исследования – картографирования, создания ситуационных планов и прочих видов документации в соответствии с требованиями современной полевой методики. Не менее важной задачей является датирование естественнонаучными методами, и уже на ос-

нове результатов всех этих работ можно детально разрабатывать типологию менгиров, вслед за А. Х. Маргуланом, и изучать в контексте научных проблем. Добавим, что целесообразность изучения «простых» менгиров, не сулящих исследователям

сенсационных находок, обусловлена вероятной значимостью этих памятников для оставивших их древних обществ ввиду трудоёмкости процесса возведения, требовавшего коллективных усилий.

Литература

1. Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К. Олений камень из урочища Койшоки // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. науч. статей, посвященных 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014. С. 341 – 348.
2. Ковалев А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 138 – 180.
3. Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Известия Академии наук Казахской ССР. (Серия: Археологическая). 1951. Вып. 3. С. 3 – 52.
4. Марғұлан Ә. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары. Алматы: «Қазақстан» баспасы, 1966. Бет. 8 – 52.
5. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 360 с. с ил.
6. Маргулан А. Х. Каменные изваяния Улытау // Сочинения: в 14 т. Т. 3 – 4 / сост. Д. А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. С. 36 – 136.
7. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1966. 435 с.
8. Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука СО, 1988. 173 с.
9. Кубарев В. Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ С000 РАН, 2009. 264 с.
10. Кызласов Л. Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Известия Академии наук Казахской ССР. (Серия: Археологическая). 1951. Вып. 3. С. 53 – 63.
11. Кызласов Л. Р. К изучению оленных камней и менгиров // КСИА. 1978. Вып. 154. Ранние кочевники. С. 25 – 30.
12. Савинов Д. Г. Об одной группе оленных камней // Маргулановские чтения: сб. материалов конф. Алма-Ата, 1989. С. 150 – 155.
13. Хайрутдинов Д. Х. Древнейшие каменные изваяния в Северном Прибалхашье // Вестник Академии наук Казахской ССР. № 4(181). Апрель 1960. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1960. С. 85.
14. Ярыгин С. А. «Койтасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: мат. Междунар. науч. конф., посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. I. С. 408 – 416.

Информация об авторах:

Ермоленко Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, lyubov.ermolenko@mail.ru.

Lyubov N. Ermolenko – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Касенова Асемгуль Дауреновна – аспирант кафедры археологии КемГУ, asema_94@mail.ru.

Asemgul D. Kasenova – post-graduate student at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

**К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
И КРИТЕРИЯХ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЕЁ ИСТОРИИ***Л. Ю. Китова***FORMATION OF SIBERIAN ARCHAEOLOGY AND CRITERIA
FOR ITS HISTORY PERIODIZATION***L. Yu. Kitova*

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, регистрационный № 33.1175.2014К.

При изучении истории любой науки важно определить период её становления как самостоятельной дисциплины и критерии периодизации истории. В сибирской археологии накоплен определенный опыт в решении этих вопросов (Э. Б. Вадецкая, А. И. Мартынов, В. И. Матющенко, А. В. Жук).

Автором статьи предлагается свой вариант определения периода становления археологии как науки в Сибири, а также уточнение отдельных её периодов.

In studying the history of science it is important to identify the period of its establishment as an independent discipline and criteria for its history periodization. The Siberian archeology has accumulated some experience in solving these issues (E. B. Vadetskaya, A. I. Martynov, V. I. Matyushchenko, A. V. Zhuk).

The author of the paper offers her version of determining the period of establishment of archeology as a science in Siberia, as well as more a precise determination of its specific periods.

Ключевые слова: периодизация истории сибирской археологии, критерии периодизации.

Keywords: periodization of Siberian archeology history, periodization criteria.

Периодизация является важным инструментом познания процесса развития науки, постижения закономерностей и особенностей её истории. Однако создание периодизации истории любой науки архисложное и неблагодарное дело. Оно требует выработки четких критериев, которые должны стать общепринятыми. Между тем, создавая периодизацию, мы понимаем, что периодизация – эта некая схема, которая не отражает всех нюансов развития науки.

Соглашусь с мнением известного исследователя о том, что периодизация истории сибирской археологии основана на периодизации истории отечественной археологии [15, с. 7]. Тем не менее считаю, что уникальное и неповторимое развитие науки на отдельной территории весьма ценно для понимания процессов и тенденций ее развития в других регионах страны, а также для составления целостного представления о периодах развития отечественной археологии.

В сибирской археологии, как и в российской археологии в целом, пока не разработаны единые критерии определения отдельных периодов истории науки. Однако отечественными исследователями сделано многое в этом плане.

Процесс осмысления отдельных критериев периодизации сибирской археологии уже имеет свою историю. Одна из первых периодизаций была предложена Э. Б. Вадецкой [2]. Первый период изучения археологических памятников на Енисее она связывала с путешествиями по Сибири Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера и Н. Г. Гмелина, П. С. Палласа, имеющими широкие задачи по описанию природно-климатических условий региона, среди которых незначительное место занимали археологические исследования и скупка древних вещей [2, с. 95]. Второй период сибирской археологии, по мнению Э. Б. Вадецкой, охватывает

время от середины XIX в. – до Великой Октябрьской революции и характеризуется сменой ученых-путешественников учеными-лингвистами, публицистами и любителями-археологами, которые ставили перед собой конкретные цели исследования [2, с. 103]. Третий период Эльга Борисовна обозначила узкими хронологическими рамками 1920 – 1943 гг. и указала, что в эти годы в Минусинских котловинах работало более 10 археологических экспедиций. Наиболее результативными были изыскания С. А. Теплоухова, Г. П. Соновского, С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой и В. П. Левашевой. Э. Б. Вадецкая отмечает систематические исследования курганов, поселений, сырдутных горнов, сплошное обследование археологических памятников по районам с регистрацией их в соответствии с классификацией С. А. Теплоухова [2, с. 137, 146]. Нижняя граница четвертого периода исследования Четвертой войны, верхняя осталась открытой. Вторая половина 1940-х – 1960-е гг. были ею охарактеризованы появлением новых коллективных участников исследования (Абаканский музей, ХакНИИЯЛИ, МГУ, новостроечные экспедиции) и проведением ими систематических работ, позволивших выявить новые памятники энеолита, бронзы и железного века, а также совершенствованием методики раскопок. Э. Б. Вадецкая замечает, что увеличивающийся объем информации в этот период приводит к более узкой специализации в рядах сибирских археологов, что способствует появлению монографий, посвященных конкретным историческим периодам, археологическим культурам, отдельным памятникам [2, с. 147 – 156]. Таким образом, Эльга Борисовна определила отдельные периоды развития сибирской археологии, но критерии периодизации не обосновала. В качестве основ-

ных показателей формирования нового периода у неё выступают количество экспедиций, цели изучения и профессионализм исследователей.

А. И. Мартынов, развивая идеи А. А. Формозова [21; 22], В. Ф. Генинга [3], В. Д. Пряхина [17; 18], представил на обсуждение следующие критерии при выделении «крупных этапов развития науки»: философско-методологическая направленность, научные открытия и появление новых научных концепций, новых приёмов процедуры научного исследования и методов извлечения информации, нового решения задач исторической реконструкции. Однако при изложении своей периодизации истории сибирской археологии исследователь в первую очередь использовал разработки В. И. Равдоникаса [19] и всю историю археологии Сибири разделил на две эпохи: феодально-буржуазную и социалистическую [10, с. 11].

Первая эпоха истории археологии, по его мнению, состояла из 4-х периодов:

1-й период с двумя направлениями развития мысли о сибирских древностях – феодальное официальное направление и народные воззрения, период первого знакомства с археологическими памятниками Сибири через сведения землепроходцев, послов и воевод (XVII в. – начало XVIII в.).

2-й период А. И. Мартынов характеризует также двумя направлениями в изучении Сибири – дворянским официальным и демократическим, представленным А. Н. Радищевым. Это период академических экспедиций, начало научного изучения археологических памятников (XVIII в. – начало XIX в., т. е. с 1717 г. до деятельности В. В. Радлова).

3-й период – буржуазно-демократический (до 1880-х гг.), в котором появляются местная интеллигенция, господствуют официальные дворянские концепции и появляются дворянско-революционное и демократическое направления (декабристы, ссыльные поляки).

4-й период – буржуазный с тремя направлениями: буржуазно-либеральное, представленное областниками, буржуазно-демократическое, представленное ссыльными, революционное, буржуазно-националистическое, представленное взглядами М. Ф. Флоринского [10, с. 11 – 12].

Вторая, выделенная А. И. Мартыновым, советская эпоха развития археологии Сибири разделена им на 3 периода:

1-й период (1920 – середина 1930-х гг.) – становление советской археологии Сибири, характеризуется распространением принципов исторического материализма на фоне влияния эволюционизма на археологию.

2-й период (середина 1930-х – конец 1950-х гг.) – практическая реализация принципов историзма и возращение роли и места археологии в воссоздании истории народов СССР.

3-й современный период начинается с 1960-х гг. и характеризуется широким развитием археологии Сибири в связи с организацией СО АН СССР, ростом научных кадров в Сибири, конкретно-историческими исследованиями и ростом теоретического уровня науки [10, с. 11 – 12].

При правомочности первоначально названных критериев тем не менее периодизация получилась слишком идеологизированной и от этого не всегда обоснованной. Не понятны отличия дворянского официального направления второго периода от господства официальных дворянских концепций третьего периода, а также не ясно, чем отличается третий буржуазно-демократический период от четвертого буржуазного. Не объяснено, почему четвертый период феодально-буржуазной эпохи начинается в 1890-е гг., а не в 1870-е или 1880-е гг.

На наш взгляд, также первые два периода социалистической эпохи развития археологии, выделенные А. И. Мартыновым, не укладываются в рамки формирования и существования новых методологических основ: марксизма или исторического материализма в советской исторической науке, теории стадильности – в археологии.

Сибирские исследователи, занимающиеся историей археологии в советское время, традиционно рубеж нового периода знаменовали Октябрьской революцией [1; 2; 4; 9; 10]. Так было принято официальной историографией истории, и до периода Перестройки в дискуссии по этому поводу никто не вдавался, так как разрешения для публикации иной концепции получить было невозможно.

Ю. Г. Белокобыльский в исследовании истории изучения бронзового и раннего железного века Южной Сибири взял за основу периодизацию А. И. Мартынова и Э. Б. Вадецкой, но несколько сгладил идеологизированные моменты схемы Анатолия Ивановича. Таким образом, периодизация Ю. Г. Белокобыльского приняла следующий вид:

Первый период (XVIII в.) характеризуется проведением в Сибири первых научных экспедиций на основе принципов и методов, присущих эпохе просвещения.

Второй период (XIX в. – начало XX в., до 1917 г.) Ю. Г. Белокобыльский разделил на два этапа:

1) первая половина XIX в., когда «происходило отмежевание от методики исследований XVIII в.»;

2) вторая половина XIX в. – начало XX в. – начало становления сибирской археологии как самостоятельной отрасли общерусской исторической науки.

Третий период охватывает время от Октябрьской революции до 1980 г. и подразделяется на три этапа. Ю. Г. Белокобыльский охарактеризовал согласно хронологическим рамкам своего исследования только первый этап (20-е гг. XX в.) третьего периода и связывал его с разработкой С. А. Теплоуховым классификации памятников Южной Сибири. Вопрос о критериях периодизации истории археологии им не рассматривался [1, с. 6].

Несмотря на то, что в советский период учёным не удалось обосновать единые критерии периодизации сибирской археологии, это не умоляет всех остальных достоинств их исследований. Все вышеперечисленные работы богаты ценным фактическим материалом, авторы публикаций глубоко знакомы с проблемами сибирской археологии, используют широкий круг источников и литературы, и до сих пор при изучении вопросов истории археологии Сибири эти книги читаются и цитируются.

Политические изменения, произошедшие в СССР на рубеже 1980-х – 1990-х гг., повлекли за собой перемены в идеологии, смену методологических подходов, открытие архивов и появление нового комплекса источников. Переоценка ценностей в обществе в целом и в области исторических наук в частности привела к повышенному интересу к истории науки, в том числе к истории археологии. Незвестные архивные материалы дали возможность по-новому взглянуть на деятельность крупных исследователей, глубже понять методологическую основу их изысканий, в целом иначе оценить развитие отечественной археологии как в дореволюционный, так и в советский периоды.

В. И. Матющенко проделал колоссальный труд по сбору, обработке и обобщению материалов по 300-летней истории сибирской археологии [11 – 13; 15; 16]. Он полагал, что процесс развития науки проявляется как в деятельности отдельных учёных и научных школ, так и в общем состоянии научной, философской мысли, в уровне культуры общества, в вызревании общих концепций отдельных наук и их совокупности. В. И. Матющенко справедливо заметил, что в силу взаимодействия всех этих факторов не всегда возможно разделить процесс развития науки на отдельные этапы, периоды, отличающиеся явственно друг от друга. Исследователь исходил из того, что история науки представляется единством непрерывного и дискретного в своём развитии. Владимир Иванович, считая величайшие научные открытия критериями периодизации, определяющими новые пути развития науки, отмечал, что новый этап органически связан с предшествующим временем в истории этой науки [15, с. 6].

В. И. Матющенко предложил рассматривать время с конца XVII в. до конца 1930-х гг. как единый период зарождения и становления сибирской археологии и пришел к выводу, что в первые 15 – 17 лет после Октября 1917 г. не произошло каких-либо качественных изменений в методологии археологических исследований, а процесс становления сибирской археологии как науки завершился в 1930-е гг. [15, с. 67 – 69, 102 – 103]. Иногда исследователь доводил верхнюю границу периода становления сибирской археологии до конца 1950-х гг. [14, с. 85 – 86]. На наш взгляд, эта позиция требует уточнения, т. к. 1930-е гг. характеризуются целенаправленным развалом местных центров археологии и репрессиями против сибирских археологов [7, с. 17 – 70]. Кроме того, именно на рубеже 1920 – 1930-х гг. произошла смена методологии науки в исторической науке в целом – это марксизм-ленинизм или исторический материализм, а в археологии, кроме общей методологической основы, вводилась теория стадильности [8, с. 93 – 105].

Согласно мнению В. И. Матющенко новый период истории археологии (конец 1930-х – конец 1950-х гг.) – время поисков организационных форм деятельности и выработки теоретико-методологической базы науки – характеризуется противоречивым развитием. С одной стороны, это накопление фактического материала и официальное признание победы марксистско-ленинской методологии в исторической науке вообще и в археологии в частности; с другой –

теоретическая вялость, борьба с вульгаризацией марксизма в отечественной археологии [15, с. 6 – 7].

Третий период истории сибирской археологии (конец 1950-х/начало 1960-х гг. – конец 1980-х/начало 1990-х гг.) «ознаменован осознанием определенного расширения рамок творческой свободы после XX съезда КПСС (1956 г.)», улучшением политической ситуации в стране, освобождением археологии от марризма, в организационном плане – созданием Сибирского отделения АН СССР, возникновением в его системе Объединенного института истории, филологии и философии, формированием местных сибирских археологических центров. Сибирские археологи обратились к изучению фундаментальных проблем теории и методологии науки. По верному замечанию В. И. Матющенко, развитие историографического и теоретико-методологического направлений науки свидетельствует о зрелости археологии, которой стали свойственны явления саморефлексии [15, с. 7 – 8; 16, с. 5].

Таким образом, В. И. Матющенко в качестве основных критериев периодизации истории археологии рассматривал структурно-организационное оформление науки как в столицах, так и в регионах, накопление артефактов археологии и использование их в качестве исторических источников, научные открытия и появление новых научных концепций, изменение методологии и методов археологического исследования, связанных как с совершенствованием приемов исследования, так и с изменением политической и идеологической ситуации в стране.

А. В. Жук предложил оригинальную периодизацию истории отечественной археологии, выдвинув в качестве критерия состояние археологического источника. Он исходит из того, что археология «на уровнях памятника, предмета и метода часто сливается со многими другими науками». По его мнению, первая стадия становления археологии как самостоятельной науки в России приходится на 1760-е – 1830-е гг., когда основным археологическим источником был «отдельно взятый предмет». Во второй стадии становления (1830-е гг. – 1880-е гг.) основным археологическим источником становится «археологический комплекс». Следующий этап обозначен как «первая стадия существования археологии как самостоятельной науки», в которой основным археологическим источником выступает «типологический ряд». Автор периодизации датирует его широкими хронологическими рамками: нижняя граница – 1880 гг., верхняя граница открыта [5, с. 4 – 5; 6, с. 417 – 419].

Поиски в таком аспекте нестандартны и возможно перспективны. Тем не менее крайне редко в 1830-е гг. – 1880-е гг. основным археологическим источником становился археологический комплекс. Основным источником этого периода являлся отдельный памятник, а иногда продолжал оставаться и отдельно взятый предмет. В современный период развития науки основным археологическим источником выступает археологический комплекс, а не типологический ряд. К сожалению, не могу согласиться с уважаемым мною А. В. Жуком в том, что типологический ряд стал выступать археологическим источником, исследователи создание типологического ряда используют

именно как метод. У археологов конца XIX – XX вв. не было подмены источника науки методом науки.

Отметим, что только «состояние источника» не характеризует всю полноту развития отечественной археологии во все выделенные исследователем периоды, а особенно в период с 1880 г. и по сегодняшний день. Целесообразно было бы последний период поделить на отдельные этапы. Все же периодизации составляются для более четкого понимания самой науки, законов её развития, её предмета, методов, а также для определения дальнейших путей развития науки. Современная археология как наука, а также научное сообщество в организационном оформлении и в методологической направленности сильно изменились по сравнению с концом XIX в.

Нам кажутся очень перспективными предложенные И. Л. Тихоновым критерии, свидетельствующие об институализации археологии. «Это проведение раскопок с научными целями, описание и классификация памятников, формирование и разработка исследовательских методов, появление оригинальных и периодических изданий, создание государственных и общественных организаций, ведущих исследования и собирающих коллекции древностей, преподавание археологии в учебных заведениях» [20, с. 6]. Правда, с помощью этих критериев можно определить только период первоначального становления науки, но это один из самых важнейших периодов развития археологии.

При анализе процесса институализации сибирской археологии, кроме предложенных И. Л. Тихоновым критериев, мы использовали такие, как формирование понятий «объект», «предмет» и «методы» археологических исследований, когда объектом науки выступает вся совокупность археологических источников (предметы, памятники, комплексы), под предметом понимается изучение дописьменной истории человеческого общества.

При этом мы исходили из того, что классификации памятников должны содержать весь комплекс артефактов, систематизированных в хронологическом ряду, т. е. должен использоваться основной метод археологического исследования – типологический.

Итак, сибирская археология, как и отечественная археология в целом, прошла длительный период первоначального становления. Зарождение ее связано с первыми научными экспедициями Д. Г. Мессершмидта в 1719 – 1727 гг., а окончательное формирование археологии как самостоятельной научной дисциплины в Сибири завершилось в 1920 гг. Этот период имел свое яркое начало – академические экспедиции XVIII в., этап расцвета – 1870 – 1890-е гг., и блестящий завершающий этап взлета идей и исследований в 1918 – 1920-е гг.

Период становления сибирской археологии, на наш взгляд, нельзя ограничить концом XIX в. – началом XX в., так как процесс оформления археологии как самостоятельной науки не был завершен к этому времени.

Безусловно, мощный импульс к развитию археологии дал общественный подъем, обусловленный реформами 1860-х гг. 1870 – 1890-е гг. в истории сибирской археологии характеризуются созданием новых

отделов ИРГО, музеев, концентрацией вокруг этих учреждений единомышленников, заинтересованных в изучении древностей Сибири, накоплением археологических источников [8, с. 15 – 38]. Были открыты первые палеолитические стоянки (Иркутский госпиталь, Афонтова гора, Томская стоянка) и доказана древность существования человека в Сибири, исследован первый неолитический могильник в России (в устье р. Китой). При раскопках памятников эпохи камня были разработаны новые методики исследования (Н. Ф. Кашенко, Н. И. Витковский). Созданы первые классификации орудий эпохи камня (И. Т. Савенков). Исследованы сотни погребений эпохи бронзы и железа в Саяно-Алтайском нагорье. Предпринято создание классификаций погребальных памятников (В. В. Радлов, И. П. Кузнецов-Красноярский), в том числе отражающих всю полноту представленных наземных сооружений в Минусинской котловине (Д. А. Клеменц). Созданы первые классификации археологических коллекций (Д. А. Клеменц, И. Т. Савенков). Внедрены более совершенные методики раскопок погребальных памятников (Д. А. Клеменц, И. П. Кузнецов-Красноярский, А. В. Адрианов). Разработаны научный подход к фиксации наскальных рисунков и новые методы копирования петроглифов (А. В. Адрианов). Сибирскими исследователями предпринимались попытки определения этнической принадлежности археологических памятников (В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов). В. В. Радловым была высказана идея существования в Южной Сибири единой культуры бронзы, которую отечественные исследователи будут поддерживать до 1920-х гг. Одной из черт сибирской археологии конца XIX – начала XX вв. стали создание и публикация каталогов музеев. Было положено начало разработке и внедрению комплексного подхода (В. В. Радлов). Создана первая культурно-хронологическая периодизация, отразившая основные тенденции развития культур Южной Сибири от эпохи бронзы до «енисейских кыргызов», но не содержащая всей полноты погребальных памятников региона (В. В. Радлов). Составлена первая археологическая карта памятников Южной Сибири (Д. А. Клеменц). В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов приступили к историческим реконструкциям археологических материалов. Сибирские исследователи были сторонниками эволюционизма и придерживались идеи об автохтонном, длительном, преемственном развитии культур. Основой прогресса считалось совершенствование техники и орудий труда. Развивая эволюционистские идеи, исследователи сформулировали основные цели археологического познания: подняться до общей задачи науки о человеке – до создания полного учения об эволюции первобытных обществ, их развитии и упадке, их образовании и трансформации (Д. А. Клеменц).

Однако необходимо отметить, что в рассматриваемый период наблюдалась бессистемность в изучении археологических памятников. К началу XX в. в сибирской археологии так и не был завершен процесс классификации комплексов артефактов, не созданы типологические ряды вещей в относительно-хронологической последовательности, соответственно не было выделено археологических культур. Многие

важные проблемы просто не рассматривались, например, вопрос о генезисе палеолита и неолита, о критериях выделения неолита, не были определены абсолютные даты. Уровень теоретических разработок в сибирской археологии отражал период становления первобытной археологии в России в целом, но в отличие от европейской России в Сибири не было создано системы подготовки специалистов-археологов, и важный фактор передачи знаний от учителя к ученику отсутствовал. Таким образом, завершения процесса становления археологии как науки в Сибири в конце XIX в. не произошло.

Завершился процесс институализации сибирской археологии в 1920-е гг., когда окончательно утвердился профессионализм в науке. Благодаря усилиям сибирских ученых и деятельности министерства просвещения правительства А. В. Колчака, в 1918 – 1919 гг. было организовано преподавание археологии в Иркутском (с 1918 по 1926 гг.) и Томском (с 1919 по 1922 гг.) университетах. Работа в Сибири ряда авторитетных исследователей, а также подъем краеведческого движения в 1920-е гг. способствовали созданию сибирских исследовательских центров археологии (Томск, Иркутск, Красноярск). Археологов-любителей конца XIX – начала XX в. сменили специалисты, получившие палеоэтнологическое (С. И. Руденко, С. А. Теплоухов, Г. П. Грязнов, Б. Э. Петри), археологическое (Н. К. Ауэрбах, В. П. Левашева, С. М. Сергеев, В. Г. Карцов), историческое (Г. П. Сосновский, Г. П. Дебец, М. М. Герасимов, И. М. Мягков) образование.

Была создана обширная источниковедческая база, и значительно расширена территория исследования. Наряду с традиционным изучением Хакасско-Минусинского района, Алтая, Западного Забайкалья активно начинают исследоваться Красноярско-Канская лесостепь, Тува, долина реки Ангары, верховья Лены. В область изучения попадают районы Нижнего и Нарымского Приобья. Остальные районы Сибири характеризуются единичными или случайными археологическими работами.

С. А. Теплоухов (Минусинская котловина, Тува), Б. Э. Петри и его ученики (Прибайкалье), В. Г. Карцов (Красноярский край) ввели практику проведения планомерных систематических исследований, что привело к завершению типологических разработок и созданию хронологических рядов комплексов памятников и инвентаря. Была определена относительная хронология археологических памятников Сибири от палеолита до средневековья. На основе всестороннего анализа материалов, полученных в результате раскопок, были созданы для отдельных регионов Сибири первые классификации культур: С. А. Теплоуховым – для Минусинского края и Тувы, Б. Э. Петри – для Прибайкалья, В. Г. Карцовым для Красноярско-Канской лесостепи. В. И. Громов на основе геологических и палеонтологических материалов древних стоянок разработал первую периодизацию сибирского палеолита. В первую очередь, по уровню разработанности и глубине анализа отличалась периодизация культур, созданная С. А. Теплоуховым и охватывающая памятники от энеолита до средневековья включительно. Она не потеряла своего научного значения до

сих пор и послужила основой для создания периодизаций археологических культур соседних регионов. Первая культурно-хронологическая стратиграфия неолитических памятников, разработанная Б. Э. Петри на основе многослойного поселения Улан-Хада, также сохранила свою роль опорного памятника для периодизации древней истории Прибайкалья.

Археология в Сибири утвердилась как наука, сочетавшая полевые изыскания с теоретическими обобщениями. Ученые старой дореволюционной школы – Б. Э. Петри, С. А. Теплоухов, используя в археологическом изучении Сибири данные этнографии, антропологии, географии и некоторых естественных наук, заложили основу для комплексного исследования этого региона. Они также рассматривали развитие древней истории в целом и археологических культур в частности, исходя из природно-климатического контекста. В 1920-е гг. ведущие теоретические позиции в сибирской археологии занимала палеоэтнологические концепции.

В 1920-е гг. было положено начало решению вопроса о происхождении сибирского палеолита. Если Г. Мергарт считал его привнесенным из Европы, то основная часть сибирских исследователей (Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский, В. И. Громов) рассматривали сибирский палеолит как особую форму североазиатского. Б. Э. Петри была поставлена проблема о переходном периоде от палеолита к неолиту, выдвинут вопрос о происхождении неолита Сибири как автохтонного, сформировавшегося на местной палеолитической основе. Впервые в археологии Сибири были выделены ранние этапы эпохи бронзы – глазковские энеолитические памятники (А. П. Окладников) и афанасьевская культура (С. А. Теплоухов). Среди исследователей утвердилось мнение о том, что переход к эпохе бронзы не происходил одновременно на всей территории Сибири. Г. Мергарт, Г. П. Сосновский, Г. Ф. Дебец, В. И. Подгорбунский считали, что в тот период, когда на юге Сибири уже существовала развитая культура бронзы, на севере, в таежной полосе Сибири древнее население находилось на стадии неолитической культуры. Особой точки зрения по этому вопросу придерживался Б. Э. Петри, отрицавший наличие бронзовой культуры в Прибайкалье. С. А. Теплоуховым была опровергнута идея о существовании в Минусинской котловине на протяжении длительного периода единой бронзовой культуры и выделены четыре самостоятельных культуры, развивающихся преемственно, но с включением инновационных элементов, проявляющихся в первую очередь в инвентаре (особенно в керамике) и погребальном обряде. По мнению исследователя, основным импульсом для развития культур в Южной Сибири эпох бронзы и железа было влияние с юга. Впервые в археологии Сибири С. А. Теплоуховым было изложено мнение по абсолютным датировкам памятников. Как показывает анализ публикаций и архивных материалов, по уровню теоретических разработок С. А. Теплоухов занимал ведущие позиции в сибирской археологии 1920-х гг.

Таким образом, процесс становления археологии как самостоятельной дисциплины растянулся на несколько веков и завершился только в 1920-е гг., когда был собран и систематизирован круг археологических

источников в отдельных сибирских регионах от эпохи камня до средневековья и были выделены первые археологические культуры на территории Сибири, разработаны новые научные методы археологических исследований, стали создаваться археологические центры из профессиональных археологов, было введено преподавание археологии в сибирских университетах.

Следующий период (1930-е – 1980-е гг.) также состоит из нескольких этапов: первый, отмеченный уничтожением старых идей и части исследователей и широким, часто насильственным, внедрением нового теоретического направления – исторического материализма, ограничен нами началом 1930-х – серединой 1950-х гг.

Для развития сибирской археологии этого этапа характерен двойственный процесс. С одной стороны, к началу 1930-х гг. были уничтожены зарождающиеся сибирские центры археологии. Были репрессированы десятки исследователей археологов и краеведов. Была прервана недавно созданная традиция передачи знаний и подготовки кадров. В сибирских музеях с середины 1930-х гг. почти не работали специалисты-археологи. С другой стороны, именно в 1930-е – первой половине 1950-х гг. исследователями из Москвы и Ленинграда были проведены масштабные экспедиции. Несравнимо со всеми предыдущими периодами была увеличена источниковедческая база, исследованы совершенно новые районы Сибири, не входившие ранее в зону изучения. Массовый археологический материал позволил выйти на совершенно новый уровень теоретического осмысления путей развития древних культур в Сибири. По материалам изысканий были написаны крупные монографические труды, подводящие некоторые итоги в изучении археологических памятников и содержащие исторические реконструкции далекого прошлого племен и народностей Сибири. В сибирской археологии к середине XX в. были широко разработаны методы относительной датировки памятников и получены абсолютные даты.

Несмотря на то, что методологической основой исторических исследований официально считался марксизм, а в археологии до 1950 г. – теория стадильности, однако большинство археологов-сибиреведов не придерживались идей «вульгарного марксизма». Ориентируясь на эволюционно-палеоэтнологические позиции, исследователи отмечали преемственность и традиционность в развитии археологических культур Сибири. Они продолжали традицию 1920-х гг. и применяли комплексный подход в археологических исследованиях, при исторических реконструкциях в большей или меньшей степени учитывали естественную среду обитания древних людей и природно-климатические условия развития археологических культур. Новые естественнонаучные методы исследования в археологии были предложены М. П. Грязновым и С. И. Руденко. Наряду с археологическими материалами этнографические данные стали составлять важную часть источников для реконструкции древней истории. Впервые А. П. Окладниковым и В. Н. Чернецовым были подняты вопросы этногенеза племен, выделены этнокультурные области Сибири.

Впервые были рассмотрены вопросы генезиса палеолита, предложены периодизации его развития (Г. П. Сосновский, А. П. Окладников). А. П. Окладников разработал культурно-хронологическую схему неолита Прибайкалья, которая претерпела существенные изменения только в 1990 – 2000-е гг.

М. П. Грязнов на основе периодизации культур С. А. Теплоухова создал периодизацию памятников Алтая эпохи металлов. С. В. Киселев подтвердил и уточнил на массовом материале положения периодизации культур С. А. Теплоухова, а также воссоздал на основе археологических и письменных источников древнюю историю Южной Сибири с эпохи неолита до XIII в. включительно.

Впервые для Верхнего и Нижнего Приобья были выстроены типолого-хронологические ряды артефактов и разработаны периодизации культур (М. П. Грязнов, В. Н. Чернецов).

Развивая палеоэтнологические традиции, С. И. Руденко монографически исследовал материальную и духовную культуру населения Алтая скифского времени, М. П. Грязнов – племен Верхней Оби от эпохи бронзы до X в., В. Н. Чернецов – племен Нижнего Приобья от неолита до XIII в. М. П. Грязнов ввел понятие «эпоха ранних кочевников», обосновал ее существование исторически, выделил в этой эпохе отдельные периоды.

Исследования 1930-х – середины 1950-х гг. заложили основные принципы изучения археологических памятников Сибири в современный период. Эти изыскания и теоретические разработки положили начало многим новым научным направлениям.

Расцвет второго периода сибирской археологии приходится на второй этап (вторая половина 1950-х гг. – начало 1990-х гг.). В 1956 г. на XX съезде КПСС был развенчан культ Сталина. Начался так называемый период «оттепели», который давал ученым возможность высказывать новые идеи, дискутировать по проблемам развития древнего и средневекового общества. Это в первую очередь дискуссия об «азиатском» способе производства. В середине XX столетия начался новый этап археологического изучения Сибири, связанный, прежде всего, с новым формированием местных научных центров, продолжающих успешную деятельность до настоящего времени. С начала 1950-х гг. в Барнауле начинает работать А. П. Уманский, в Томске В. И. Матющенко (1952), в Кемерово – А. И. Мартынов (1955), в Новосибирске – Т. Н. Троицкая (1957). В 1957 г. принято постановление «О создании Сибирского отделения АН СССР». В 1961 г. переезжает в Новосибирск А. П. Окладников. Создание Института истории, филологии и философии СО АН СССР под его руководством (1966 г.) стало мощной организационной и научно-исследовательской основой для дальнейшего развития сибирской археологии, формирования и укрепления местных археологических центров, для создания археологической школы в Академгородке. Изучение созданных в 1960 – 1980-е гг. сибирских самостоятельных археологических центров, выявление особенностей их развития требует специального исследования.

Кроме того, мы считаем, что очень сложно оценивать современную историю археологии, не всегда

можно определить значение тех или иных открытий для дальнейшего развития науки, оценить вклад современных исследователей. Мы остаемся субъективными в своих суждениях. Конечно, для объективной оценки необходимо время и некая беспристрастность исследователей, которые со стороны, из другого времени смогут взглянуть на нашу историю и проанализировать тенденции её развития. Поэтому мы не ставим перед собой задачу определить периоды развития современной археологии Сибири.

В настоящий момент мы поддерживаем тех исследователей, которые считают основными критерия-

ми периодизации: научные открытия и появление новых научных концепций, новых методов научного исследования и методов извлечения информации, формирование центров научных исследований. В рамках статьи этот вопрос не рассмотрим, но так как почти во все периоды русской истории сильное государство руководило обществом, то изменения в методологии науки, связанные с идейно-политическими процессами в обществе, мы также полагаем, необходимо учитывать в качестве критериев периодизации.

Литература

1. Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. 168 с.
2. Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. 6. С. 91 – 159.
3. Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев: Наукова думка, 1982. 226 с.
4. Демин М. А. История археологического изучения Алтая: (дооктябрьский период): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 22 с.
5. Жук А. В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860 – 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 29 с.
6. Жук А. В. Периодизация истории отечественной археологии // Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. Т. II. С. 417 – 419.
7. Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920 – 1930-е годы). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2007. 272 с.
8. Китова Л. Ю. История археологии Сибири: идеи и исследования (XVII в. – середина XX в.): учеб. пособие. Кемерово: КемГУ, 2014. 228 с.
9. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1: Азия и проблема родины человека (история идей и исследования). Новосибирск: Наука, 1969. 338 с.
10. Мартынов А. И. Историография археологии Сибири: учеб. пособие. Кемерово: КемГУ, 1983. 76 с.
11. Матюшенко В. И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов): учеб. пособие. Омск: ОмГУ, 1992. 138 с.
12. Матюшенко В. И. Сибирская археология в 1940 – 1950-е годы: учеб. пособие. Омск: ОмГУ, 1994. 101 с.
13. Матюшенко В. И. Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг.: проблематика: учеб. пособие. Омск: ОмГУ, 1995. 128 с.
14. Матюшенко В. И. Некоторые явления формирования научных центров сибирской археологии в 1920 – 1950 гг. // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Омск, 19 – 20 октября 2000 г.). Омск: ОмГУ, 2000. С. 85 – 88.
15. Матюшенко В. И. Триста лет истории сибирской археологии. Омск: ОмГУ, 2001а. Т. I. 178 с.
16. Матюшенко В. И. Триста лет истории сибирской археологии. Омск: ОмГУ, 2001б. Т. II. 173 с.
17. Пряхин А. Д. Советская археология: периоды и этапы развития: программа спецкурса. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. 16 с.
18. Пряхин А. Д. Первый период развития советской археологии (1917 – сер. 30-х гг.): программа спецкурса. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. 12 с.
19. Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. Т. 7. Вып. 3/4. Л., 1930. 94 с.
20. Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбУ, 2003. 332 с.
21. Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.
22. Формозов А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. 1975. № 4. С. 5 – 13.

Информация об авторе:

Китова Людмила Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, lyudmila.kitova@mail.ru.

Liudmila Yu. Kitova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ТРАДИЦИОННЫЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ (по материалам петроглифов)

Ю. М. Ладыгина

TRADITIONAL FEMALE COSTUME OF THE ETHNOGRAPHIC TIME OF ALTAI-SAYAN PEOPLES (as revealed in petroglyphs)

Yu. M. Ladygina

В статье анализируется по материалам петроглифов традиционный женский костюм этнографического времени народов Саяно-Алтая. Рассмотрены особенности кроя одежды, типы головных уборов и причёски. Отмечены особенности и значение орнамента на одежде. Сделан вывод об основных типах традиционной национальной женской одежды народов Сибири и её влиянии на общественную роль женщины.

The paper examines the materials of petroglyphs revealing traditional female costume of the ethnographic time of Altai-Sayan peoples. Peculiarities of tailoring, types of headdresses and hairstyles are considered. The peculiarities and the value of the ornament on the clothes are noted. The conclusion is made about the main types of traditional national women's clothing of the peoples of Siberia and its influence on the social role of women.

Ключевые слова: наскальное искусство, женский костюм, Саяно-Алтай.

Keywords: rock art, female costume, Altai-Sayan region.

Материальная культура любого народа всегда вызывает большой интерес. Важное место в ней занимает одежда, которая тесно связана с традиционным мировоззрением народа, обозначая место человека в обществе и культуре. Кроме утилитарной, она выполняла ряд других функций. Так, по одежде можно было узнать о человеке важную информацию: пол, имущественное и семейное положение, родовую принадлежность и т. д. Кроме того, одежда, как предмет, наиболее тесно контактирующий с телом человека, выполнял и магическую, охранительную функцию. С этой целью использовались различные украшения, дополнения к одежде [6, с. 168]. Описание костюма всегда содержит информацию о покрое, конструкции, украшениях и головном уборе. Украшения и принадлежности женского костюма являются характерными элементами этнографического облика многих кочевых народов Центральной Азии. Они могут служить важным источником для определения этнической принадлежности, социального статуса и возраста женщины [3, с. 169].

Археологические материалы дают определённую возможность для реконструкции древнего и средневекового женского костюма. Не менее важное значение имеют и наскальные рисунки. Наскальные сцены уже начиная с эпохи энеолита и на протяжении всей эпохи бронзы демонстрируют активное вовлечение женщин в ритуальную сферу: для этого они специальным образом обряжались, чаще всего в яркие, орнаментированные одежды, украшали себя серьгами, браслетами и иными предметами, делали соответствующие причёски. Петроглифы не дают возможности «увидеть» одежду женских персонажей в сценах, относящихся к раннему железному веку, поскольку в целом женские образы не типичны для наскального искусства этой эпохи. Но в композициях эпохи средневековья женский костюм встречается уже чаще. Пожалуй, основное внимание среди женских персонажей эпохи средневековья уделяется образу богини Умай, нанесённому на камне могильника Кудыргэ [5, с. 230 – 237; и др.]. Этот рисунок (VII в.) любопытен тем, что костюм женщины представлен достаточно детально, а это является большой редкостью для средневековых изображений [17, с. 416]. Не менее уникальным является сюжет, выявленный на скалах в междуречье Июсов и среди гравиро-

ровок могильника Подкамень в Северной Хакасии [11, с. 125 – 156], где представлены стройные женские персонажи в длинных одеждах и изящных головных уборах. Изображения фигур достаточно детализированы.

Но наиболее подробно женская одежда, украшения и обувь представлены в этнографических наскальных рисунках сибирских народов (отражённых как на скалах, так и на больших и малых плитах, курганных камнях), позволяющих судить о многих важных особенностях одежды: её сложном крое, орнаменте, а также типах головных уборов, причёсках, обуви. Отметим, что хотя наскальные изображения не способны передавать цвет и нередко выполнены весьма условно, тем не менее, среди них есть уникальные, со множеством деталей, дополняющие наши представления о национальных костюмах хакасов, алтайцев и тувинцев.

Традиционный женский костюм народов Сибири имел ярко выраженную этническую специфику, которая проявлялась в особенностях покроя, материале, украшениях, расположении декора и напрямую зависела от природно-климатических условий и особенностей хозяйственной деятельности. Например, традиционная *хакасская женская одежда* была связана с практической деятельностью, эстетическими потребностями и религиозными верованиями. Нередко женские персонажи в наскальных композициях переданы в национальной одежде и украшениях, по которым можно определить их имущественное положение. Например, молодая особа, изображённая на скалах Оглахты (табл. I – 1), представлена в длинном платье и обуви на каблуках. Подол её платья украшен горизонтальными линиями. На голове – традиционный хакасский женский головной убор в виде круглой шапки. Такую одежду могли позволить себе носить только зажиточные женщины. Среди хакасских рисунков встречаются персонажи с причёсками (рис.), помогающие определить статус женщины, поскольку известно, что у хакасов замужние женщины носили две косы (тулун), а девушки – косички (сурмес) (табл. I – 2) [9, с. 93]. К сожалению, наскальные изображения не всегда дают представления о женских аксессуарах того времени. Однако, согласно этнографическим данным, хакасские женщины украшали себя серьгами, браслетами, перстнями и кольцами. Девушки подвешивали к косичкам

накосные украшения из бисера, монет и кистей, носили бусы. На плитках горы Оглахты сохранилось изображение верхней зимней женской одежды – шубы (*тон*), облегающей сверху и широкой снизу за счет вставленных клиньев (**табл. I – 3**), и безрукавки (*сигедек*) (**табл. I – 4**) с типичной разрезной спинкой, которая являлась составляющей повседневной женской одежды. Вертикальной линией на *сигедеке*, видимо, обозначена традиционная полоса вышивки. *Сигедек* шили распашным, с прямым разрезом и его имели право носить только замужние женщины [6, с. 169]. Более детально модель «выкройки» хакасской женской безрукавки представлена на другом оглахтинском рисунке (**табл. I – 5**). В пользу такого сравнения говорят: общая Т-образность фигуры при трапецевидной нижней части и широких коротких боковых частях – «рукавах» и передних полах; вертикальная линия от «воротца» до «подола» и другие детали («уголки» и «ромб» подола, линии по «рукавам» и т. д.), сопоставимые с расположением орнамента на реальных изделиях. Дополнительные фигуры – это образцы вышивок, присоединенные к выкройке *сигедека* в нужных местах, т. е. там, где их полагалось вышить. На хакасских писаницах встречаются отдельные изображения национальных узоров и орнаментов. Наиболее богаты орнаментами камни с горы Оглахты (**табл. I – 6 – 8**). Здесь представлены в основном растительные композиции, являющиеся традиционными для украшения хакасской одежды. Здесь есть и различные комбинации из закрученных спиралей, и воспроизведения трёхлепестковых цветов, и розетки. К основным особенностям изображения орнамента относится прежде всего нечётное количество лепестков. Все они, несомненно, копируют отдельные элементы хакасской народной вышивки. Еще более интересны композиции растительного узора, вырезанные на большой плите из окрестностей улуса Аёва (**табл. I – 9, 10**). Две из них представляют собой полноценные орнаментальные фигуры, хорошо сопоставимые с симметричными образцами хакасской народной вышивки, а третья – отдельный элемент вышивки [2, с. 7].

Передать внешний облик алтайских женщин помогают изображения женщин в длинных, полуприлегающих платьях (или халатах), обнаруженные в долине р. Елангаш (**табл. I – 11**). Элементы декора на одежде не проработаны. Возможно, выделенная вертикальная линия у одной из женских фигур обозначала полосу с орнаментом или аппликацией. Вероятно, эти изображения демонстрируют изображение женщин в повседневной одежде, которая не отличалась богатым убранством и орнаментацией. Рисунок на скалах р. Чаганки пожилой женщины, курящей трубку, верхом на сарлыке, в широкой одежде, похожей на длиннополый халат и изображение алтайской женщины в парадном одеянии верхом на лошади, представлен более детально (**табл. I – 12**). На голове пожилой женщины – пирогообразный головной убор в виде шапки (?). Вероятно, её широкая свободная одежда могла быть одеянием вдовы, которая называлась «чуба» [6, с. 171]. Однако, из-за слабо проработанных элементов декора и кроя одежды такой вывод можно делать достаточно условно. Более детально проработано другое изображение женщины с р. Чаганки, сидящей верхом на лошади в парадном одеянии (**табл. I – 13**). На её голове – женская шапка *кураан*, её тулья в плане образуют прямоугольник, у которого одна длинная сторона выкро-

на в виде треугольника с расширенным основанием и закруглённым острым углом. Согласно данным этнографии, к такой шапке сзади пришивались две шелковые ленты [1, с. 10]. Однако, на самом наскальном изображении эту деталь рассмотреть весьма проблематично. Нарядное платье прямого покроя, украшенное растительным орнаментом, с длинными цельнокроенными рукавами, а также лошадь в парадной упряжи, позволяют предположить, что, возможно, перед нами изображение праздничного одеяния алтайской женщины.

Не менее интересной и необычной была традиционная национальная тувинская одежда, создание которой было чётко регламентированным действием. Каждый тон и деталь халата имели своё чёткое назначение, размеры и форму [12, с. 274]. Так, на скалах Бижигтик-Хая (Тува) воспроизведено изображение одежды только в виде халатов (**табл. I – 14**). Причём все халаты разные, но у всех левая пола наверху. У всех показан пояс: у двух украшенный зигзагообразным орнаментом, у двух – простой полоской. Более детализированные женские фигуры представлены на Ортаа-Сарголе (**табл. I – 15**). На одежде показан орнамент и многочисленные горизонтальные линии, стоячий воротничок, подол у некоторых украшен орнаментом в виде косой сетки. Запах халатов показан как на правую, так и на левую стороны. Ноги и кисти рук у фигур отсутствуют. Вместо голов – простые или концентрические круги, из которых вырастают замысловатые причёски (косы с кисточками на конце), т. е. из головы как бы вырастает дерево из трёх ветвей (**табл. I – 15**) [7, с. 238].

Верхняя одежда тувинских женщин представлена халатами, шубами, пальто и объединена общим названием – *тон* [7, с. 239]. Покрой мужской и женской одежды не имел принципиальных отличий, за исключением того, что женские *тоны* были более ярких расцветок и украшались аппликациями. Тувинский национальный женский костюм, как, впрочем, и других народов Сибири, позволяет определить социальный статус женщины. Судя по наскальным изображениям Бижигтик-Хая и Ортаа-Саргол, на них представлены костюмы замужних тувинских женщин. Об этом, прежде всего, говорит достаточно богатый узор одежды и чётко проработанные элементы орнамента и украшений халатов, поскольку только замужние женщины имели право носить такие орнаментированные и нарядные халаты. Кроме того, причудливые причёски в виде обилия кос также свидетельствуют об этом факте. Наряду с костюмом в этом статусе менялась причёска. Женщина могла в сравнении с девочками и девушками носить большее количество кос – более двух. У состоятельных средняя коса начиналась обычно тремя косичками, которые ниже плеч сплетались в одну и укрепляли на ней накосник – *чавага*. Обилие кос, красивый и богатый костюм должны были отражать особое положение женщины, которая имеет свой семейный очаг, призвана продолжать и умножать род и всем своим обликом выражала уровень благосостояния рода мужа [4, с. 196]. Однако, кроме бытового назначения, женская тувинская одежда имела и сакральный смысл. Так, по мнению М. Е. Килуновской, изображения халатов с Ортаа-Саргол и Бижигтик-Хая по декору напоминают халат шаманов. Исследовательница считает, что изображение подобных халатов-тонов связано с их использованием для камлания небесным божествам, прежде всего, женским божествам плодородия. Об

этом свидетельствует сочетание подобных изображений с профильными мужскими фигурами, иногда с луками/ружьями. М. Е. Килуновская приводит аналогии этим изображениям – это «решетчатые» фигуры Калбак-Таша (Алтай), которые датируются эпохой бронзы. У этих схематичных фигур показаны длинные платья (?), орнаментированные вертикальными и косыми линиями. У них также не показаны ноги, подтреугольные или круглые головы, в некоторых случаях увенчанные тремя отростками, напоминающими косы [8, с. 17]. Согласно другой точке зрения, за изображениями «одеяний» стоят божества и обители богов, так как понятия «дом» и «одежда» символизируют божественную природу Вселенной и служат оберегом/убежищем от злых сил. В виде дома мог быть

представлен и женский аспект мироздания. Нужно отметить, что некоторые фигуры с Ортаа-Саргол имеют чётко выраженные атрибуты Мирового Древа в виде кос-ветвей на головах. Исследователи отмечают, что в ведийской космогонии Мировое Древо предстаёт в облике женщины с четырьмя туго заплетёнными косами. Этот образ символизирует плодородную Вселенную [14, с. 205]. Таким образом, возможно, что на скалах Бижигтик-Хая и Ортаа-Саргол запечатлены не просто национальные костюмы и причёски тувинских женщин, отражающие их социальный статус в обществе, но воплощение богов и божественного начала, которое содержится в одежде. Весьма вероятно, что это женское божество, связанное с культом плодородия [12, с. 274 – 279].

Таблица 1. 1 – Оглахты V (Средний Енисей) [Приводится по: 12]; 2 – Оглахты (Средний Енисей) [Приводится по: 9]; 3,4 – изображение верхней национальной хакасской женской одежды: Оглахты (Средний Енисей) [Приводится по: 9]; 5 – 10 – изображение хакасского национального орнамента Оглахты (Средний Енисей) [Приводится по: 9]; 11 – Елангаш (Алтай) [Приводится по: 10]; 12 – Чаганка (Алтай) [Приводится по: 16]; 13 – Чаганка (Алтай) [Приводится по: 15]; 14 – Бижигтик-Хая (Тува) [Приводится по: 7]; 15 – Ортаа-Саргол (Тува) [Приводится по: 7].

Таким образом, анализ изображений этнографического времени Минусинской котловины, Тувы и Алтая позволяет выделить ключевые элементы традиционного женского костюма на этих территориях. Необходимо подчеркнуть, что одежда этого времени представлена на скалах более выразительно и детально, чем в предшествующие эпохи. Анализ материала позволяет выделить три типа традиционной национальной женской одежды народов Сибири – повседневную, праздничную и ритуальную. В комплект традиционного женского костюма входили халаты, шубы, пальто, объединенные общим названием «тон», а также платья. В повседневной жизни получили распространение кожаные сапоги на мягкой подошве, в

праздничные дни – сапоги на каблуках. Большое значение имела орнаментация одежды и различные аппликации, которые наносились не только с целью удовлетворить эстетические потребности их обладательниц, но и были наделены рядом сакральных функций (обереги от злых духов, хранители счастья и т. д.). Традиционными причёсками у женщин были косы, количество которых зависело от социального статуса в обществе. Данные о национальном костюме того или иного народа ценны тем, что позволяют глубже понять его историю, быт, традиции и обычаи. Вот почему проблема изучения народного костюма продолжает оставаться актуальной.

Литература

1. Алтайский национальный костюм. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1990. 96 с.
2. Анжиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов. Абакан: изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1997. 85 с.
3. Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Реконструкция женского костюма кочевников хуннского времени Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1.
3. Вайнштейн С. И., Денисова Н. П. Новые материалы по археологии и этнографии Тувы // Полевые исследования института этнографии 1974 года. М., 1975.
4. Длужневская Г. В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974 года. М., 1978.
5. Кичекова Б. Ю. Верхняя одежда алтайцев // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. № 3(15).
6. Килуновская М. Е. Шаманские мотивы в наскальном искусстве народов Саяно-Алтайского нагорья // Международная конференция по первобытному искусству: труды. Кемерово, 1999. Т. I.
7. Кубарев В. Д. Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2001. № 6.
8. Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
9. Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1980. 140 с.
10. Панкова С. В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на Севере Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2013. № 1(5).
11. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 319 с.
12. Пяткин Б. Н., Советова О. С., Миклашевич Е. А. Петроглифы Оглахты-V (публикация коллекции) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995.
13. Самашев З. С. «Шаманские» сюжеты петроглифов Казахстана (К изучению мировоззрения древнего населения) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М. 1998. Вып. 2.
14. Черемисин Д. В. О копировании граффити Горного Алтая // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): материалы Международной научной конференции. Т. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011.
15. Черемисин Д. В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды САИПИ. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011а. Вып. VII.
16. Яценко С. А. Несколько наблюдений о костюме ранних тюрков на изображениях // Тюркологический сборник 2011 – 2012 гг. М., 2012.

Информация об авторе:

Ладыгина Юлия Михайловна – аспирант кафедры археологии КемГУ, ladyginayulia@yandex.ru.

Yulia M. Ladygina – post-graduate student at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Советова Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ.

Olga S. Sovetova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

К ИЗУЧЕНИЮ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИСПОЛНЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ СЫДИНСКОЙ ПИСАНИЦЫ

Е. А. Миклашевич, Л. В. Зоткина

TO THE STUDY OF THE TECHNOLOGICAL ASPECTS IN RENDERING PETROGLYPHS AT THE SYDINSKAYA ROCK ART SITE

E. A. Miklashevich, L. B. Zotkina

Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 13-21-08002м; № 13-04-00070а.

В статье представлены некоторые результаты трасологического исследования Сыдинской писаницы на горе Бычиха в Красноярском крае. Сейчас в археологии формируется новое направление исследований наскального искусства – экспериментально-трасологическое, которое предполагает сочетание метода экспериментального моделирования и трасологического анализа. По разработанной в рамках этого направления методике анализировались и петроглифы Сыдинской писаницы. Выборка изображений для анализа производилась на основе уже имеющихся данных об их культурно-хронологической принадлежности, что позволило сосредоточиться на изучении наиболее значимых или спорных образцов. Анализ следов выбивки позволил в ряде случаев установить материал инструмента, которым производился пикетаж (металл или камень), и способ его использования (пикетаж прямой или с посредником), т. е. выявить комплекс приемов и средств, позволявших древним мастерам создавать на скалах те или иные художественные образы в разные эпохи.

The paper presents some results of the traceological study at the Sydinskaya rock art site located in Krasnoyarsk Region on Bychikha Mountain. At present, a new direction in rock art research is being formed in archaeology – experimental-traceological investigation. It presumes a combination of the method of experimental modeling and the traceological analysis. The methodology developed in the framework of this direction was applied to the study of petroglyphs at the Sydinskaya site. The selection of images for the analysis was based on the already obtained data on their cultural and chronological attribution, which enabled us to focus on the study of the most important or disputable examples. Analyzing the traces of pecking, we established in some cases the material of the instrument used (metal or stone) and the way of using it (direct pecking or pecking via a mediator), i. e. the study revealed the complex of techniques and tools that ancient masters used to create certain artistic images on the rocks in different periods.

Ключевые слова: петроглифы, трасология наскального искусства, Сыдинская писаница, Бычиха, Минусинская котловина, выбивка.

Keywords: petroglyphs, traceology of rock art, Sydinskaya rock art site, Bychikha, Minusinsk basin, pecking.

Петроглифы на горе Бычиха – один из известных памятников наскального искусства Минусинской котловины. Он расположен на правом берегу р. Сыда (правый приток Енисея) в 10 км от ее устья. Первый исследователь памятника – А. В. Адрианов, копировавший и фотографировавший изображения на скалах Бычихи в 1904 г. В Отчете об этой работе [1] содержится описание некоторых изображений и используется название «Сыдинская писаница», которого придерживаемся и мы. Уже А. В. Адрианов отметил характерные особенности техники исполнения рисунков на скалах Бычихи, необычных в сравнении с другими минусинскими писаницами: изображения выполнены «сплошной выемкой», а некоторые «проскоблены и проглажены» [1, л. 72]. С. В. Киселев, исследовавший памятник в 1929 г., уделил наибольшее внимание именно технике и приемам нанесения сыдинских изображений, считая, что анализ технологических особенностей имеет важное значение для «хронологизации» наскальных рисунков. Этому вопросу исследователь посвятил специальную статью под названием «Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц» [8]. Опубликованная 85 лет назад, она может считаться первой в отечественной литературе работой по вопросам технологии наскального искусства. Своеобразие технического исполнения изображений Бычихи отмечали и все последующие исследователи этого местонахождения [13,

с. 100; 10, с. 85; и др.]. В настоящее время памятник полностью документирован, на нем выявлено 82 плоскости, расположенных на нескольких ярусах на всем протяжении горы. Среди сотен зафиксированных изображений подавляющее большинство выполнено в технике выбивки (пикетажа), причем в самых разнообразных ее вариациях: встречается выбивка поверхностная и глубокая, крупно- и мелкоточечная, редкая и частая, контурная и силуэтная. Довольно широко распространена, как это отмечали предыдущие исследователи, выбивка в сочетании с шлифовкой выбитой площади (рис. 1; 2-1). Есть несколько изображений, выполненных техникой поверхностной шлифовки (протира) (рис. 2-2). Гравированных рисунков на скалах Бычихи выявлено немного, в отличие от других памятников этого региона, что, как мы полагаем, связано с сильной выветренностью большинства плоскостей. Рисунки, выполненные тонкими резными линиями, просто не сохранились до наших дней. Гравированные изображения зафиксированы только на трех плоскостях, не поврежденных лишайником и имеющих относительно ровную поверхность. Резные линии использовались как в качестве самостоятельного приема создания образов, так и как средство разметки эскиза для последующего нанесения изображений в технике пикетажа. Выполненные краской изображения на Сыдинской писанице не обнаружены.

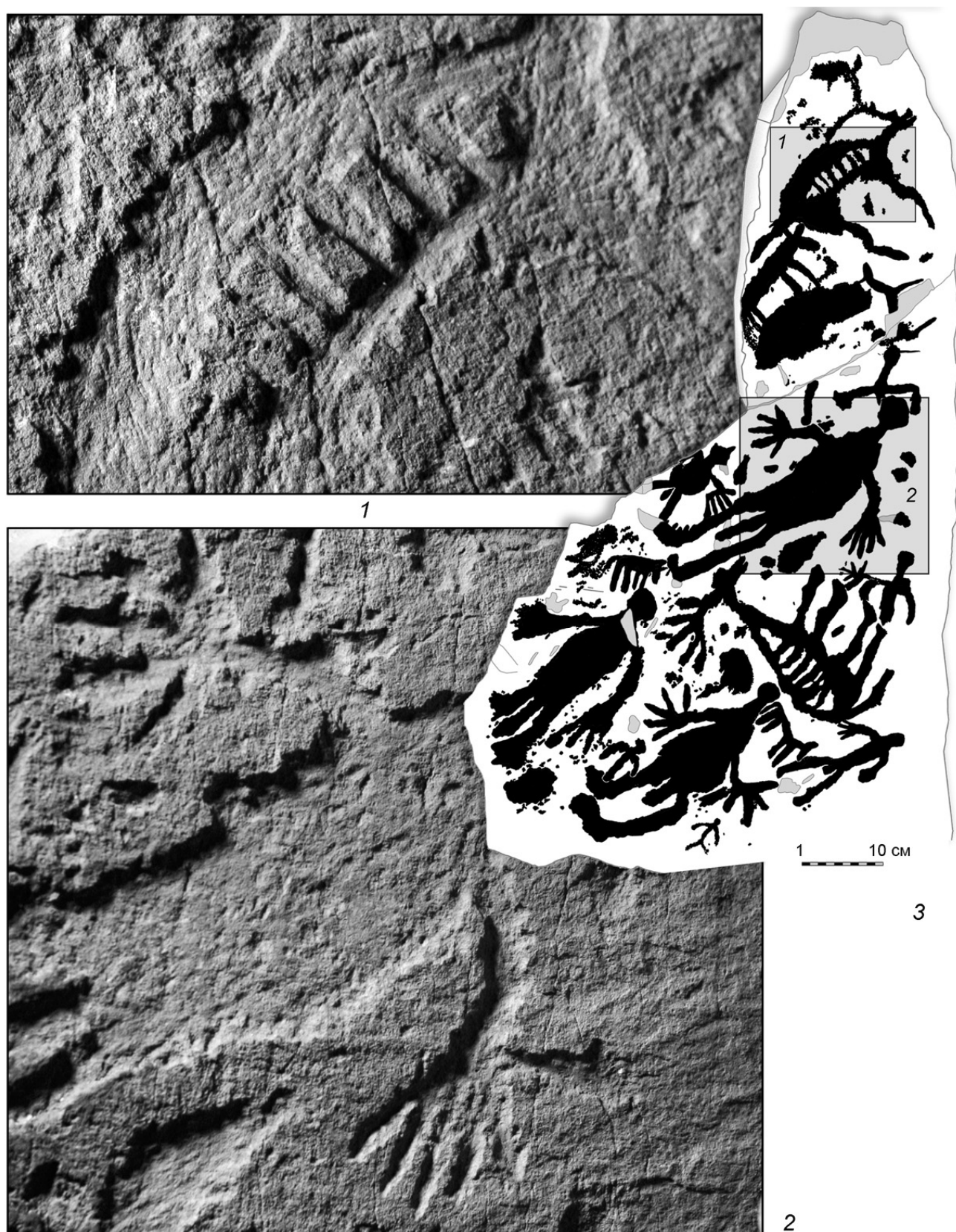
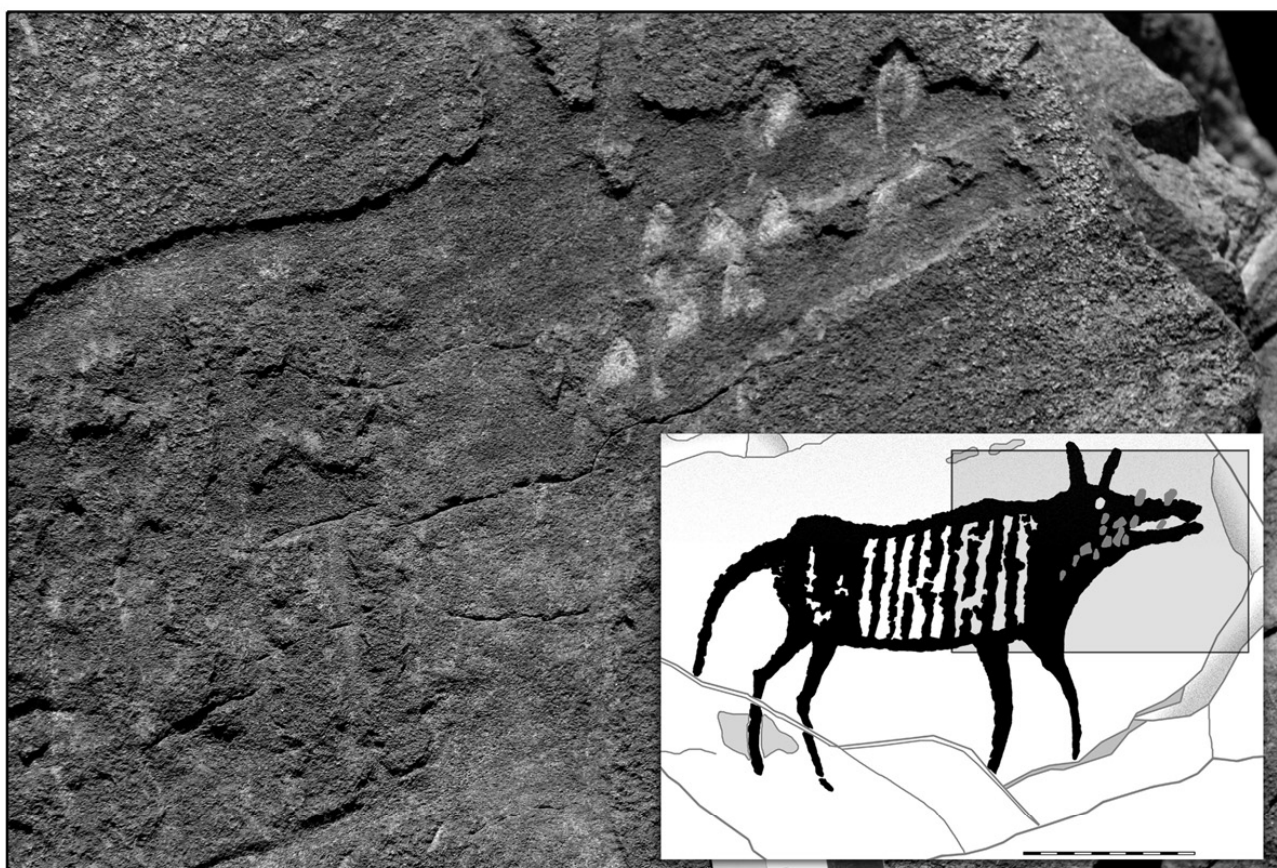

Рис. 1. Сыдинская писаница, плоскость № 26: 1, 2 – фотографии фрагментов изображений, показывающие технику глубокого пикетажа с последующей шлифовкой; 3 – прорисовка с обозначением показанных на фото фрагментов

1

2

Рис. 2. Сыдинская писаница, плоскость № 27: 1 – фотография фрагмента и прорисовка изображения с обозначением этого фрагмента; техника глубокой шлифовки; 2 – фотография фрагмента; техника поверхностной шлифовки

Прием шлифовки глубоко выбитого силуэта применен для создания серии крупных антропо- и зооморфных фигур на центральной группе плоскостей Бычихи (рис. 1). Именно эта концентрация изображе-

ний, расположенных на больших, хорошо заметных снизу скальных выходах, привлекает внимание посетителей Сыдинской писаницы. Большинство исследователей ею и ограничивали знакомство с памятником.

Поэтому этот прием иногда считается характерным для петроглифов Бычихи в целом, хотя это далеко не так. Но нельзя отрицать, что такая техника действительно является специфичной именно для Бычихи, на других памятниках наскального искусства Минусинской котловины она практически не встречается. Вот как описывает ее С. В. Киселев: «Здесь мы имеем уже не пунктирные полосы архаической техники, а довольно широкие, глубоко врезаемые борозды и целые углубленные площади... Сохранившиеся кое-где в выемках точечные углубления говорят за то, что основная работа по удалению камня производилась ... путем последовательного отделения частиц под ударами остря. Однако этим уже не ограничивались. Заметные во всех выемках штриховые борозды, придающие отпечаткам изображений какую-то волосатость, указывают на вторую стадию работы художника – соскабливание, м. б. тем же острием, оставшихся между точечными углублениями всхолмлений камня. Наконец, третьей стадией является зашлифовка значительных выемок, производившаяся лишь изредка» [8, с. 97]. С. В. Киселев полагал, что эти изображения относятся к более поздней эпохе, чем изображения на изученных им камнях оград курганов тагарской культуры. Основываясь на своих наблюдениях по технике и взаимоперекрыванию рисунков на курганных камнях, он пришел к выводу, что техника обычной выбивки («пунктирный прием нанесения рисунка») и линейный характер изображения господствовали на «первой и второй стадии Тагарской культуры», на смену им пришла «резьба», а «позднейшим вариантом приходится ... считать передачу рисунка выемчатым контуром» [8, с. 96]. Современные исследования не подтверждают это предположение. Глубоко выбитые и затем шлифованные по выбивке фигуры оленей и лосей, а также антропоморфные фигуры с растопыренными пальцами на горе Бычиха относятся к эпохе бронзы, скорее всего – поздней бронзы [9; 12, с. 60 – 62], но датировка эта основана не на технологических, а на стилистических особенностях их исполнения.

Тем не менее изучение техники нанесения наскальных рисунков остается важной задачей в археологических исследованиях этого вида источников. Определение материала инструмента, каким выполнены изображения (каменное или металлическое орудие) в некоторых случаях дает решающие основания для датировки. Иногда стоит задача определить, искусственный или естественный характер носят углубления в скальной поверхности. В других случаях важная информация может быть получена из сравнения технологических характеристик разных изображений. Не менее существенно и то, что особенности технологии также важны для «плана выражения» [13, с. 41] образов наскального искусства, как их стилистико-иконографические характеристики. Окончательный вид изображения определяется не только стилем и иконографией, но и тем, какие именно технологические средства были использованы для его создания. По нашему мнению, изучая большие серии разновременных наскальных изображений в технологическом аспекте, можно выявить определенные тенденции в выборе технических средств, характерных для той

или иной хронологической или стилистической группы.

В последние годы изучение технологий наскального искусства в отечественной науке активизировалось; в археологии формируется самостоятельное направление – экспериментально-трассологическое изучение петроглифов [2 – 7 и др.], которое предполагает сочетание метода экспериментального моделирования и трассологического анализа. Сущность этой методики состоит в сопоставлении значимых морфометрических характеристик следов выбивки, образующих петроглифы, и эталонных образцов пикетажа, полученных в результате экспериментов. Для такого анализа требуется особенно тщательная фиксация всех особенностей рельефа изображения; документирование формы выбоин не только в плане, но и в профиле; изучение морфологии отдельных выбоин (их форма, характер краев), а также расположения следов относительно друг друга, плотности выбивки и характера ее границ. Оценивается степень стабильности (повторяемости) значимых морфологических признаков рельефа, позволяющих сделать выводы о характере инструмента и технике, применявшихся для создания изучаемых наскальных изображений. Первичный трассологический анализ предполагает изучение морфологии скальной поверхности в полевых условиях (с помощью лупы 5 – 10-кратного увеличения). На втором этапе исследования трассолог работает с высококачественными цифровыми макрофотографиями и объемными копиями изображений в камеральных условиях. Методические принципы контактной и бесконтактной фиксации петроглифов для трассологического исследования, а также дальнейшей обработки полученных копий довольно подробно изложены в специальных работах, посвященных этим вопросам [2; 5].

Уже первые попытки изучения технологических характеристик петроглифов сопровождались стремлением проанализировать очертания рельефа скальной поверхности. Наиболее наглядно он проявляется на оттиске с изображениями. Так, например, еще С. В. Киселев отмечал, что «эстампажные отпечатки дают возможность уяснить и самый процесс нанесения рисунков» [8, с. 97]. Существуют различные способы получения объемных копий наскальных изображений (от эстампажа из папье-маше до специальных пластичных паст). Современные материалы на основе силиконовых смол позволяют получать оттиски, с точностью фиксирующие все мельчайшие детали скальной поверхности и изображений на ней. Для фиксации морфометрических параметров выбоин, формирующих пикетированные петроглифы Сыдинской писаницы, был применен метод контактного копирования наиболее информативных участков изображений на оттискную стоматологическую пасту с последующей отливкой копий из гипса (рис. 3–2–4). Полученные позитивные и негативные копии фотографировались при специальном освещении по методу светового сечения профиля (микроскоп Линника) [2]. По цифровым фотоснимкам выполнялись прорисовки очертаний рельефа скальной поверхности, на основе которых производился анализ морфометриче-

ских показателей как отдельных выбоин, так и пикетированной поверхности в целом (рис. 3–4).

Описанная выше методика трасологического исследования, апробированная одним из авторов на материалах ряда памятников Минусинской котловины [5], была применена в 2012 г. и для изучения петроглифов Сыдинской писаницы на горе Бычиха. В дан-

ной статье мы приводим результаты исследования нескольких изображений и причины, по которым именно они были выбраны для анализа.

Плоскость № 11. Фрагмент с изображением личины (?) (рис. 3).

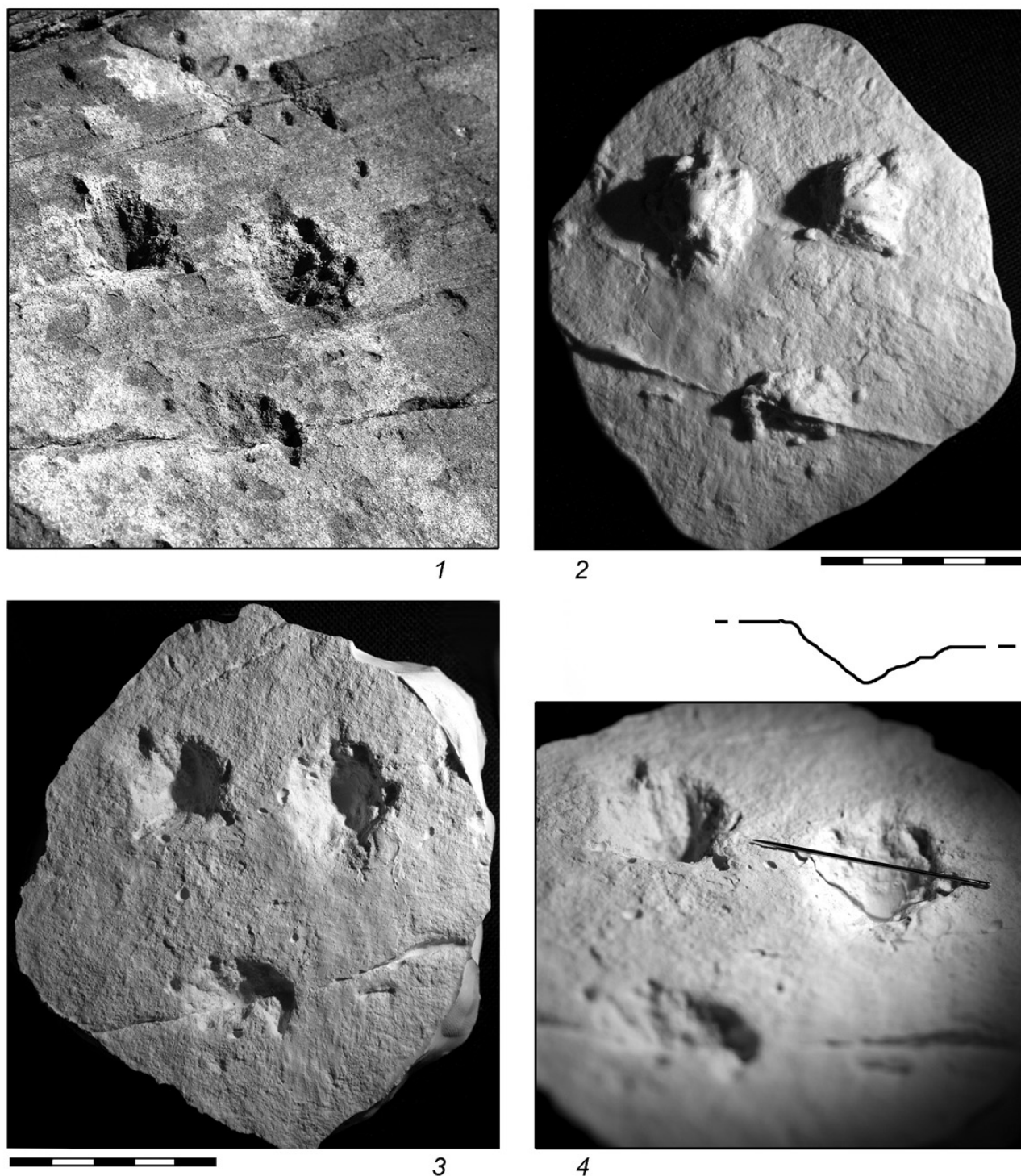

Рис. 3. Сыдинская писаница, плоскость № 11, изображение «личины»: 1 – фото изображения на скале; 2 – силиконовый оттиск с изображения; 3 – гипсовая отливка с оттиска; 4 – определение профиля одного из углублений

На этой плоскости зафиксировано несколько изображений (кинжал (?), личина (?), олень, кольцо), каждое из которых выполнено в технологическом плане по-разному и, судя по всему, они все были нанесены в разные эпохи. Рамки статьи не позволяют охарактеризовать технологические особенности каждого изображения этой плоскости, но мы приведем здесь результаты трасологического анализа одного из них. В правой верхней части плоскости, на отдельной грани, имеются три глубокие выбоины (рис. 3–1), расположение которых в виде двух глаз и рта позволяло предположить, что таким образом здесь изображена «личина». Однако у исследователей памятника не было уверенности в том, что эти выбоины носят не случайный характер, поэтому перед трасологом была поставлена задача: определить, являются ли они искусственными. Уже на этапе первичного осмотра и получения оттиска с данного участка (рис. 3–2) стало очевидным, что это не случайные естественные углубления, а результат целенаправленных действий человека. Анализ макрофотографий и полученной с оттиска отливки (рис. 3–3, 4) позволили дать следующую характеристику этого изображения.

Углубления, несомненно, являются результатом искусственной обработки скальной поверхности, так как легко фиксируются характерные для пикетажа мелкие лунки (следы ударов инструмента), что свидетельствует об участии человека в их создании. Размер крупных углублений («глаза» и «рот») – около 3 см в диаметре. Форма отдельных выбоин, образующих глубокие лунки, в плане чаще всего округлая, но встречаются и продолговатые следы пикетажа (при меньшей их глубине и наклонной ориентации в профиле), видимо, полученные в результате скошенных ударов. Форма глубоких лунок в верхней части «личины» («глаза») – округлая или близка к ней, нижнее углубление («рот») имеет более аморфные очертания в плане. Удары, по всей видимости, производились большое количество раз в одну точку, благодаря чему была достигнута большая глубина полученных в результате выемок. Выбоинки, образующие «глаза», расположены довольно четко по кругу. Именно такая ориентация лунок пикетажа может свидетельствовать о внимательном отношении художника к форме этих углублений. Возможно, они были дополнительно подработаны в технике непрямого пикетажа, позволяющей лучше контролировать инструмент и более точно располагать следы на скальной поверхности. За границами углублений имеются отдельно стоящие выбоины, довольно крупные по размеру (в среднем 5 мм), скорее всего они являются побочными, полученными в результате создания глубоких лунок («глаз» и «рта»). Отдельные выбоины, расположенные неровным полукругом по контуру «лица» в верхней части личины, могли быть выполнены в технике прямого пикетажа массивным орудием. Отдельно стоящие выбоины на всех участках изображения имеют округлую форму, они довольно глубокие, имеют регулярные края и стабильны по всем показателям. Это указывает на применение металлического орудия. Поскольку в результате экспериментов установлено, что на данном скальном материале глубокие следы прямого пикетажа от металлического инстру-

мента можно получить, только если он достаточно массивен, можно сделать вывод, что в данном случае использовалось достаточно крупное, тяжелое, относительно заостренное металлическое орудие. Здесь представлены выбоины пикетажа, довольно далеко отстоящие друг от друга, что облегчает процесс анализа и позволяет с большой долей уверенности по целому ряду признаков определить изученные следы как результат использования металлического инструмента. Углубления, передающие глаза и рот личины, были выполнены в технике прямого пикетажа, а затем, возможно, подработаны с помощью пикетажа с посредником. Об этом свидетельствуют ровно расположенные по кругу выбоины на границе и на стенках углублений, которые также довольно близки по форме в плане к окружности. При этом пикетаж был направлен не на получение выбитой области изображения, а на создание достаточно глубоких лунок.

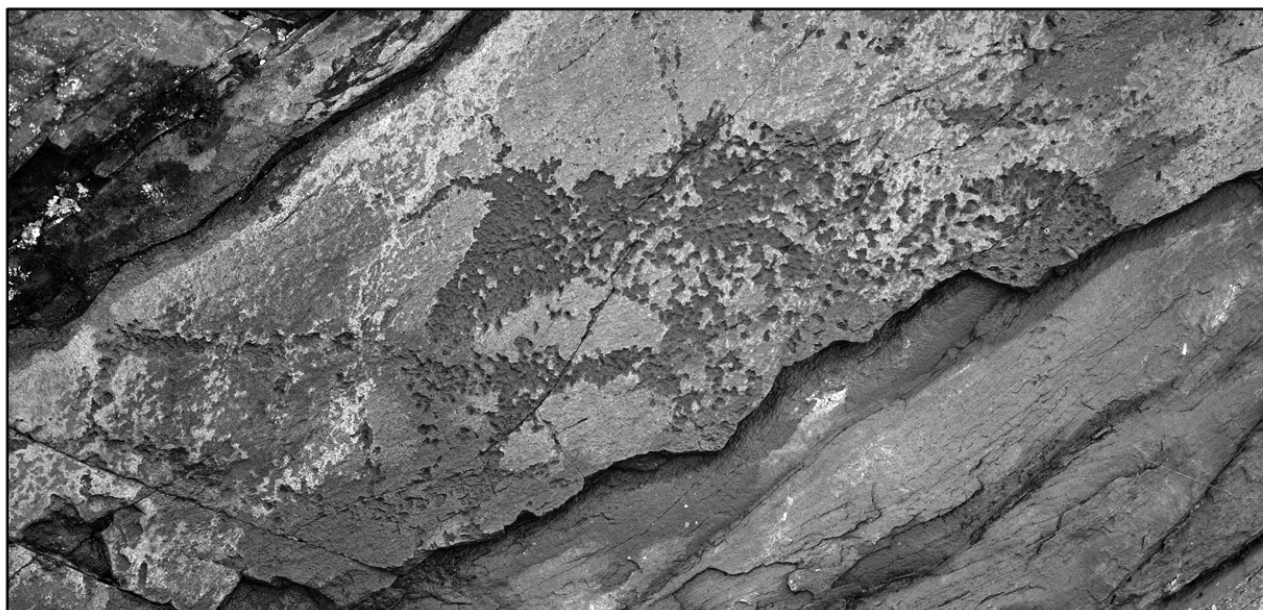
Плоскость № 18. Изображение быка (рис. 4).

Определение инструмента, каким было сделано это изображение, имеет большое значение для его хронологической атрибуции. Дело в том, что абсолютное большинство петроглифов Бычихи по своим стилистическим характеристикам относятся к эпохе поздней бронзы и раннему железному веку. К более ранним периодам могут быть отнесены лишь единичные изображения, среди которых и петроглифы плоскости № 18. Здесь выбита силуэтная фигура быка и контурная фигура другого животного (рис. 4–1), также присутствуют неопределенные линии выбоин. Изображение быка сохранилось фрагментарно, но и в таком состоянии общие очертания позволяют соотносить его с одним из наиболее ранних пластов наскального искусства Минусинской котловины [12, с. 55 – 57; 13, с. 187 – 190]. Датировка подобных изображений не совсем ясна, по разным признакам они могут относиться и к эпохе камня, и к эпохе ранней бронзы, поэтому определение материала орудия, каким они выполнены, может иметь решающее значение. Конечно, если этот материал – камень, то ничего нового к датировке этот факт не добавит, но если будет определено, что орудие металлическое, то эпоху камня можно будет исключить. Трасологический анализ фигуры быка дал следующие результаты.

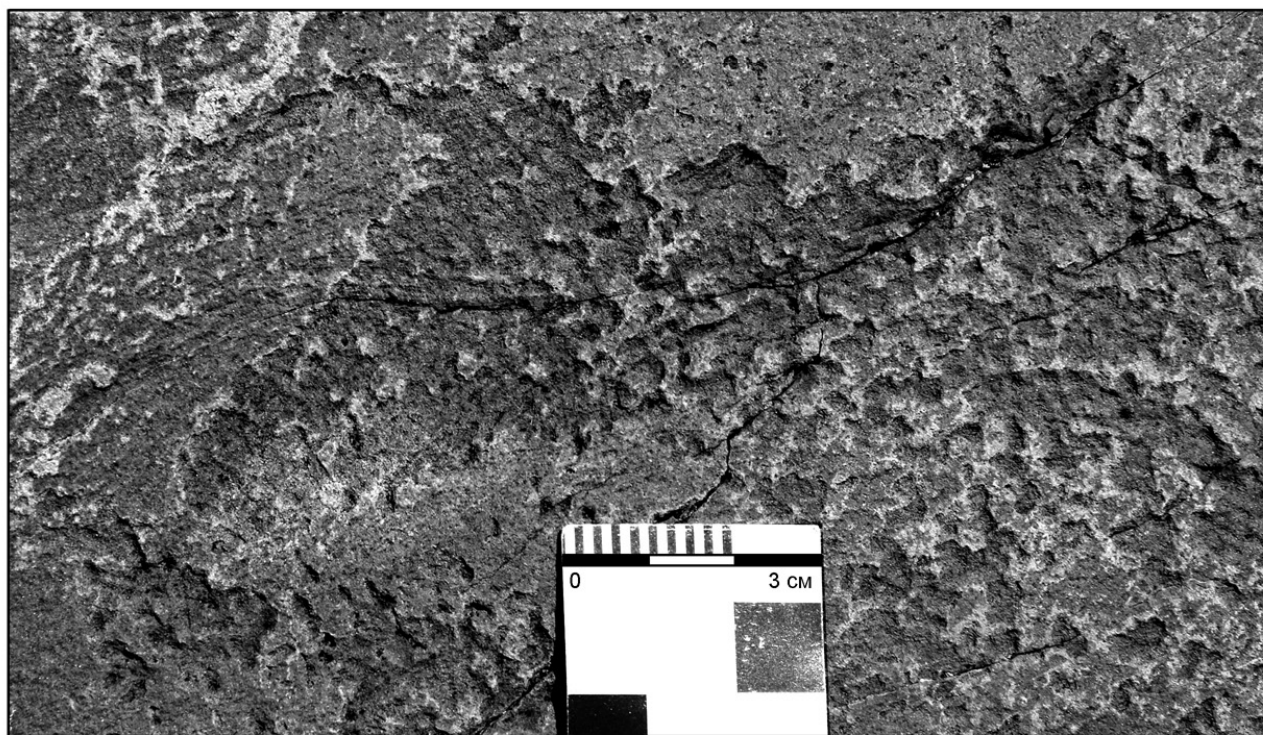
Отдельно стоящие выбоины встречаются на большей части поверхности изображения. Особого внимания заслуживают линии (ровные, прямые) по контуру петроглифа, выстраивающие отдельные лунки пикетажа в ряд (рис. 4–1). Размер выбоин в плане весьма не стабилен: встречаются как мелкие (от 3 мм), так и крупные (до 10 мм) вне зависимости от участка изображения. Форма выбоин в плане также разнообразна: от округлых до подтреугольных и каплевидных, продолговатых и аморфных. По плотности выбивки наибольшая концентрация (перекрывающие друг друга выбоины) отмечена в области головы, центральной части туловища и крупа. На соединяющих их участках выбивка редкая, лунки отделены одна от другой. Расположение выбоин относительно друг друга в основном бессистемно. Граница следов пикетажа на большей части изображения не четкая, что указывает на использование техники редкой прямой

выбивки, особенно на периферии. Однако на некоторых участках фиксируются отдельные выбоины, выстроенные в ряды, по контуру фигуры, в том числе в области спины и передней ноги быка. Уже при первичном осмотре фиксируется различная глубина вы-

боин, встречаются очень мелкие лунки, видимо, от случайных ударов. Несколько более глубокими, с более ровными очертаниями краев выглядят отдельные выбоины, выстраивающиеся в ровные и четкие линии, друг друга не перекрывая, в области шеи животного.

1

2

Рис. 4. Сыдинская писаница, плоскость № 19: 1 – общий вид; 2 – фрагмент изображения быка, макрофотография в ортогональной проекции

Наличие различных по размеру и глубине выбоин на всех участках изображения, нечеткие его границы и присутствие как скоплений, так и отдельно стоящих лунок свидетельствуют о прямом пикетаже (без дополнительного ударника). Разнообразие форм выбоин

(в плане) также может свидетельствовать о применении техники пикетажа без посредника. Эксперименты показывают, что на данном скальном материале использование такой техники не эффективно для не массивных металлических инструментов (небольших

стерженьков). Таким образом, использование последних для создания данного изображения (по крайней мере, основной его части, без контура) можно исключить.

На некоторых участках встречаются более глубокие, более четко очерченные, с регулярным краем отдельно стоящие выбоины. Сделать такие ровные и прямые линии – цепочки следов пикетажа – в технике прямой выбивки весьма затруднительно. Эти данные указывают на то, что контур изображения был дополнительно выделен линиями из отдельно стоящих лунок, выполненных в технике пикетажа с посредником. Кроме того, на участке по центру туловища расположены несколько рядов выбоин, плотно прилегающих друг к другу и выстроенных в линии. Возможно, это была попытка применения техники пикетажа с посредником. Однако художник не стал использовать этот прием на всей поверхности изображения, возможно, в силу трудоемкости этого вида пикетажа, к тому же требующего больших временных затрат, либо сочетание различных по плотности видов пикетажа было намеренным выбором художника. Большая концентрация и наличие перекрывающих друг друга выбоин на отдельных участках изображения (круп, центр туловища, голова), а также присутствие участков с редкой выбивкой (не перекрывающие друг друга следы или редко перекрывающие) может быть охарактеризовано как своеобразный изобразительный прием, так как участки более интенсивного пикетажа выглядят более темными по сравнению с областями редкой выбивки. При этом создается определенная контрастность изображения, что делает его более объемным.

Резюмируя сказанное об этом изображении, следует отметить, что по морфологии выбоин в плане и профиле можно сказать о характере инструмента: это вряд ли могло быть металлическое немассивное орудие. При небольшой глубине выбоин в среднем размер их в плане довольно большой. По экспериментальным данным, такие следы на этом скальном материале могут давать при прямом пикетаже либо массивные металлические, либо каменные орудия из твердого и вязкого сырья. Следует отметить, что установление типа орудия, которым выполнялись такие следы, пока представляет определенную трудность для трасологов. Таким образом, анализ выбивки изображения быка на этой плоскости не дал однозначного ответа на вопрос, каменным или металлическим орудием оно было выполнено.

Плоскость № 8. Изображение оленя (рис. 5)

Здесь изображена контурная вертикально ориентированная фигура оленя без рогов, а также остатки и фрагменты еще нескольких похожих фигур. Олень выполнен в манере, позволяющей предположительно относить его даже к более древнему пласту наскального искусства Минусинской котловины, чем тот, к которому относится бык плоскости № 18. Прослеживается определенное сходство с изображениями так называемого минусинского стиля [12, с. 53 – 55; 13, с. 190 – 193], хотя нельзя сказать, что это классический его образец. В данном случае тоже наиболее существенным было определение материала инструмен-

та. Трасологическое изучение изображения оленя дало следующие результаты.

Размер выбоин в плане примерно одинаковый, в среднем около 5 мм. Лунки довольно глубокие, примерно одинаковой глубины. Форма выбоин в плане стабильная на всех участках изображения: лунки практически идеально ровные, округлые, их края регулярные (рис. 5–2). Иногда встречаются наклонные выбоины, имеющие форму, близкую к овальной, видимо, образовавшиеся при наклонном положении инструмента относительно скалы в процессе нанесения изображения. Это характерно для нижней части петроглифа (например, задних ног). Плотность выбивки высокая, лунки перекрывают друг друга, тем не менее на поверхности скалы со следами плотного пикетажа читаются очертания отдельных лунок. Отстоящие друг от друга выбоины встречаются крайне редко: так выполнены только линия живота и часть контура ног (возможно, это предварительный набросок). Границы изображения четкие, практически без заходящих за его пределы выбоин. Петроглиф был выполнен металлическим инструментом, на что указывает округлая форма выбоин, ее стабильность и повторяемость на всех участках изображения и довольно большая глубина лунок. Судя по форме следов, для пикетажа использовалось острое, до некоторой степени затупившееся в ходе работы. На это же указывает и довольно широкое входное отверстие: следы относительно крупные в плане. Итак, для создания изображения применялась техника непрямого пикетажа, то есть металлическое острое выступало в качестве посредника. На это указывает ровный контур, практически без выходящих за его пределы выбоин при высокой плотности заполнения выбивкой поверхности и довольно большая глубина следов.

Таким образом, изучение техники нанесения данной фигуры с очевидностью указывает на использование металлического орудия, что, надо признаться, является весьма неожиданным результатом. Даже если отказаться в этом случае от предполагаемой датировки изображений минусинского стиля эпохой камня, то и отнесение их к афанасьевской культуре [4; 11] – культуре эпохи энеолита/ранней бронзы – все равно не предполагает использования металлического орудия для выбивания петроглифов. Этот факт заслуживает внимания, но, конечно же, требует и дальнейших исследований, в первую очередь, трасологического анализа большой серии изображений минусинского стиля, более «эталонных», чем не самая среди них выразительная фигура оленя Сыдинской писаницы.

Кроме вышеописанных случаев, был проведен трасологический анализ еще ряда плоскостей на горе Бычиха. К сожалению, не всегда удается установить точно все технологические характеристики изображений, таких как приемы исполнения, материал инструмента, форму его рабочего элемента и т. д. Отчасти это обусловлено ограниченными возможностями трасологического метода, ориентированного на изучение морфометрических особенностей отдельно стоящих друг от друга выбоин пикетажа, отчасти – степенью сохранности изучаемых следов. В нескольких случаях было точно установлено использование металличе-

ского инструмента, правда, для изображений, датировка которых эпохой палеометалла или ранним железным веком и без того не вызывала сомнений. Для анализа были выбраны изображения существенно и заметно различающиеся по своим технологическим характеристикам. Их исследование позволяет выявить разнообразие технических приемов, использовавшихся для создания художественно выразительных обра-

зов в разные периоды. Накопление больших серий подобных наблюдений, возможно, в перспективе позволит аргументированно говорить о закономерностях в соотношении стилистических и технологических особенностей, что, в свою очередь, откроет новые возможности для культурно-хронологической атрибуции памятников наскального искусства.

1

2

Рис. 5. Сыдинская писаница, плоскость № 8: 1 – общий вид; 2 – фрагмент изображения оленя, макрофотография в ракурсе

Литература

1. Адрианов А. В. Отчет об исследовании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Рукопись. Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Ед. хр. 55. Томск, 1906.
2. Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский исторический вестник. 2010. № 1(26). С. 107 – 118.

3. Дэвлет Е. Г., Гиря Е. Ю. «Изобразительный пласт» в наскальном искусстве и исследование техники выполнения петроглифов Северной Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова (Труды САИПИ. – Вып. VII). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 186 – 201.
4. Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53 – 73.
5. Зоткина Л. В. Возможности фиксации петроглифов для трасологического изучения (историография вопроса) // Вестник НГУ. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 243 – 255. (Серия: История, филология).
6. Зоткина Л. В., Техтереков А. С. Эксперименты по моделированию пикетажа металлическими орудиями на Шалоболинских песчаниках // Вестник НГУ. 2013. Т. 12. Вып. 5. С. 67 – 75. (Серия: История, филология).
7. Зоткина Л. В., Техтериков А. С., Харевич В. М., Плиссон Х. Экспериментальное изучение технологий в наскальном искусстве Минусинской котловины: виды пикетажа и инструментария // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1(57). С. 55 – 65.
8. Киселёв С. В. Значение техники и приёмов изображения некоторых енисейских писаниц // Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1930. Т. V.
9. Ковалёва О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: ИА-Эт СО РАН, 2011. 160 с.
10. Пяткин Б. Н., Черняева О. С. Новые петроглифы горы Бычиха (р. Сыда) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1985.
11. Русакова И. Д. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства. М.: ИА РАН, 2005. С. 214 – 218.
12. Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ, 1999.
13. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Список сокращений

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

ИИФФ СО СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР.

КемГУ – Кемеровский государственный университет.

НГУ – Новосибирский государственный университет.

Информация об авторах:

Миклашевич Елена Александровна – старший преподаватель кафедры археологии КемГУ, elena-miklashevich@yandex.ru.

Elena A. Miklashevich – Senior Lecturer at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Зоткина Лидия Викторовна – ассистент кафедры археологии и этнографии НГУ, lidiazotkina@gmail.com.

Lidiya V. Zotkina – Lecturer at the Department of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 902 (075.8) (571.1/5)

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ШКОЛЫ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО НАСКАЛЬНОМУ ИСКУССТВУ

О. С. Советова

HISTORY OF FORMATION OF KEMEROVO SCIENTIFIC SCHOOL OF PRIMITIVE ART RESEARCHERS

O. S. Sovetova

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 33.1175.2014/К.

Статья посвящена анализу этапа становления кемеровской научной школы исследователей первобытного искусства. В ней характеризуется деятельность А. И. Мартынова, Б. Н. Пяткина и Я. А. Шера, заложивших основу одного из наиболее успешных направлений в рамках этой научной школы – изучения памятников наскального искусства.

The paper analyzes the formation of Kemerovo Scientific School of primitive art researchers, and especially the period marked by the activity of A. I. Martynov, B. N. Pyatkin and Ya. A. Cher, who laid the foundation for one of the most productive areas of the School's researches – the study of rock art sites.

Ключевые слова: научная школа, наскальное искусство, А. И. Мартынов, Б. Н. Пяткин, Я. А. Шер.

Keywords: scientific school, rock art, A. I. Martynov, B. N. Pyatkin, Ya. A. Sher.

В канун юбилея ФИиМО (исторического факультета) Кемеровского государственного университета очень важно не только подвести некоторые итоги, но и, осмыслив их, осознать накопленный опыт и наметить планы на будущее во имя процветания науки и развития научных школ. Без науки, как известно, нет вуза.

Формирование научных школ – дело не сиюминутное, и в их создании важную роль играет не столько административный фактор, но прежде всего человеческий. В этом смысле особо отличается кафедра археологии КемГУ, на которой в разные годы трудились блестящие специалисты, внесшие неоценимый вклад в развитие отдельных направлений археологической науки.

Одним из самых продуктивных и перспективных направлений кафедры является изучение памятников наскального искусства (в настоящей статье основное внимание сосредоточено лишь на этапе его становления). Главную роль в формировании этого направления сыграли, на мой взгляд, три человека – это Анатолий Иванович Мартынов, Борис Николаевич Пяткин и Яков Абрамович Шер. А. И. Мартынов – как создатель кафедры археологии и человек, стремившийся охватить своим вниманием все наиболее выдающиеся объекты археологии Кемеровской области, в том числе, Томские писаницы. Об этом уже неоднократно и подробно написано [3; 4 и др.] и здесь уместно лишь отметить, что он культивировал интерес у сотрудников кафедры не только к писаницам Притомыя, но и к памятникам наскального искусства других регионов (отмечу экспедиции в Хакасию и Красноярский край, в Горный Алтай, Киргизию), но главное, что Анатолий Иванович как руководитель обладал удивительным свойством не страшиться соперничества и привлекать на кафедру людей с разнообразными научными интересами (так на кафедре в свое время появились Б. Н. Пяткин и Я. А. Шер), а также поощрять научный интерес к изучению петроглифов у студентов и молодых уче-

ных (первыми аспирантами и соискателями, успешно защитившими в 1980-е гг. кандидатские диссертации по проблемам изучения наскального искусства, были Б. Н. Пяткин, Т. В. Николаева, О. С. Черняева).

На мой взгляд, новый всплеск интереса к петроглифам (после изучения Томских писаниц) произошел с появлением на кафедре археологии Бориса Николаевича Пяткина в 1976 году. Воспитанник ленинградской школы археологов, он обладал широкими историческими знаниями, блестяще читал лекции по истории Древнего Рима, вел спецкурсы на специализации «Археология», но главное – с большим энтузиазмом начал формировать круг студентов, заинтересованных в изучении памятников наскального искусства бассейна Среднего Енисея. В то время благодаря хоздоговорным темам кафедра имела хорошие материальные ресурсы (в распоряжении Петроглифического отряда Южно-Сибирской АЭ были моторные лодки, в селе Апкашево функционировала археологическая база), благодаря которым стали возможными экспедиции в Хакасию и Красноярский край. Самыми долгосрочными проектами было изучение петроглифов Шалаболинских писаницы и Оглахтинского горного узла. Изучались также петроглифы горы Суханихи, Бычихи, Тепсея, рисунки на плитах оград тагарских курганов (Туран и др. объекты) [12; 14; 25 и др.]. Также была создана лаборатория, в которой проводилась обработка полевых материалов, а это была трудная кропотливая работа по переводу микалентных копий через светостол черной тушью на ватман, листы которого потом склеивались, многократно фотографировались и т. д. На важности такой лаборатории хотелось бы особо заострить внимание. Настоящий специалист-археолог, занимающийся изучением петроглифов, может сформироваться только тогда, когда он выезжает в поле, самостоятельно копирует наскальные изображения, а потом в лабораторных условиях обрабатывает их. В таком случае от него не ускользают

очень многие важные элементы, позволяющие в дальнейшем сформировать «исследовательское чутье». Также очень важно иметь под рукой хорошую библиотеку и получать возможность общения с коллегами-специалистами. Все эти компоненты присутствовали в конце 1970-х – сер. 1980-гг. Бесспорно, Борис Николаевич сам был большим энтузиастом и заражал своей энергией всех, кто его окружал. Казалось, что он мог часами говорить на научные темы, а был он человеком незаурядным, очень эмоциональным, эрудированным. Общение с ним настраивало на поиск, стремление сделать больше и лучше. Бесспорной его заслугой является внедрение в среду археологов метода копирования на микалентную бумагу (ранее разработанную и опробованную на многих писаницах художником В. Ф. Капелько [1; 17]), не утратившего своего значения и в настоящее время. Проводились и другие эксперименты с различными материалами для копирования (иногда не совсем удачные: случалось, что сделанные в поле копии на целлофане, в условиях перепада температур склеивались, крошились и т. д.). Он много работал по проблемам хронологической атрибуции петроглифов [6 – 11 и др.]. Изучение петроглифов Шалаболинской писаницы позволило ввести в научный оборот большой массив изображений, провести их хронологическую и семантическую интерпретацию и в конечном итоге оценить по достоинству этот интереснейший памятник наскального искусства Минусинской котловины [12]. В отряде работали не только сотрудники кафедры археологии КемГУ, но и художники из Абакана и Красноярска, в том числе один из постоянных участников – В. Ф. Капелько (о работе отряда см. [18]).

К сожалению, менее успешно завершились многолетние исследования петроглифов Оглахты. В силу ряда субъективных и объективных причин далеко не весь материал был введен в научный оборот [16; 19; 23], но многие копии хранятся в музее «Археология, этнография и экология» КемГУ [2, с. 79 – 90]. Б. Н. Пяткин совместно с Т. В. Николаевой в течение ряда лет изучал петроглифы на камнях тагарских курганов, помогая ей в сборе полевого материала для диссертации [5] (работа осталась неопубликованной). В состав экспедиций всегда привлекались студенты (в том числе О. Черняева, Л. Китова, Н. Николаенко, Л. Казанцева, позднее Е. Миклашевич и др.), которые учились копировать и описывать рисунки, проводить разведки. Петроглифическим отрядом Южно-Сибирской археологической экспедиции под руководством Б. Н. Пяткина в Оглахтинском горном массиве было обнаружено множество пунктов с одновременными петроглифами [25], в урочище Кизань исследованы плитки девонского песчаника с этнографическими рисунками [10], на Туране – изображения на курганных камнях. Позднее изучались петроглифы Тепсея, где был выявлен ряд плоскостей с уникальными сценами [14; 2 – 22] и т. д. Уходили одни студенты, приходили другие – Р. Тиминдяров, Е. Констанц, И. Чернусская и др. Помимо студентов в коллективе долгое время успешно работал лаборант кафедры Р. Черданцев. Ряд статей был написан Борисом Николаевичем с соавторстве с учениками – О. С. Черняевой (Совето-

вой) и Е. А. Миклашевич, что тоже влияло на их формирование как ученых. Он не боялся экспериментировать, например, одной из его реализованных идей было использование водолазов для обследования затопленных водами Красноярского водохранилища плоскостей с рисунками разных памятников (исследования проводились на Туране, Тепсее, Усть-Тубе).

В 1985 г. из Ленинграда на кафедру археологии КемГУ переехал талантливый ученый, известный исследователь в области первобытного искусства – Яков Абрамович Шер, который внес неоценимый вклад в развитие этого направления в археологии в стране в целом, а также в развитие кемеровской школы специалистов в области наскального искусства. Его труд «Петроглифы Средней и Центральной Азии» [26] на долгие годы стал основным учебником для начинающих исследователей, поскольку здесь были ответы на многие актуальные вопросы: по методике работы с наскальными изображениями, хронологии, семантике и мн. др. Но главное, им был продемонстрирован алгоритм работы с петроглифами – от получения архивных данных, работы в поле до подбора аналогий и построения доказательной базы при семантических разработках. Богатый опыт работы с наскальными изображениями он приобрел еще в конце 1960-х – начале 1970-х гг., когда возглавлял работу Каменского отряда Красноярской АЭ по изучению памятников наскального искусства, попадающих в зону затопления Красноярского водохранилища. Тогда были обследованы такие крупные памятники наскального искусства, как Оглахты, Тепсей, Усть-Туба и др. [26, с. 139 – 169].

Еще до переезда в Кемерово Я. А. Шер часто приезжал в экспедиции КемГУ на Енисей. На многих памятниках наскального искусства он показывал известные ему рисунки, рассказывал о том, как распознавать инструмент, которым они были выполнены, особенностях патицизации, о методах предварительной датировки петроглифов и т. д. Яков Абрамович умел хорошо фотографировать и подчеркивал, что фотография – важная составляющая процесса изучения петроглифов. В архиве музея «Археология, этнография и экология Сибири» хранятся выполненные им фотографии многих енисейских памятников очень высокого качества. По ним сегодня можно проводить мониторинг состояния плоскостей с рисунками, выявлять утрату петроглифов, отслеживать степень покрытия камней биообрастателями и др.

Я. А. Шер, работая в КемГУ, в течение десяти лет выезжал в экспедиции и многие из нас работали с ним на разных памятниках наскального искусства Хакасии и Красноярского края: на Куне, Суханихе, Тепсее, Сулеке и др., а также в Киргизии на Жалтырак-Таше [27; 24 и др.], в Туве. Яковом Абрамовичем была создана своя лаборатория («Баз данных»), сотрудники которой призваны были создать электронную базу данных по памятникам наскального искусства. К сожалению, сама база как таковая создана не была, но продуктивное сотрудничество Я. А. Шера с французскими специалистами принесли свои плоды – было издано несколько выпусков томов Корпуса «Петроглифы Центральной Азии», в

большую часть которых были положены материалы Я. А. Шера [4, с. 26].

С созданием Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства в 1997 г., одним из инициаторов и первым президентом которой Я. А. Шер был в течение ряда лет, связаны многие инициативы и результативные мероприятия. Можно назвать хотя бы одну из наиболее выдающихся конференций по изучению первобытного искусства, которая была проведена с большим размахом в Кемерове в 1998 г. На ней был обобщен опыт, накопленный к тому времени в области изучения первобытного искусства (прежде всего, наскального). Всегда славилась библиотека Якова Абрамовича, которой он охотно делился со своими учениками, где можно было найти, казалось, любую книгу.

О конференциях, проводимых в разные годы кафедрой археологии, следует сказать отдельно, и прежде всего об их воспитательном аспекте. Всегда политикой кафедры было привлечение не только к организации, но и к участию в конференциях студентов и аспирантов. Об этих конференциях уже много написано, начиная с серии Всесоюзных скифо-сибирских (в 1980-х гг.), на которых уже тогда прозвучал целый блок докладов по проблемам хронологии и семантики наскального искусства (а студенты специализации в обязательном порядке присутствовали на заседаниях), до Международных: «Древнее искусство Азии» (1995), по первобытному

искусству (1998) и, забегая хронологически в 2000-е, «Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы)» (2011). (Поскольку история школы последних десятилетий не входит в тему настоящей статьи, отмечу лишь, что эта конференция была посвящена целому спектру современных проблем, сохранению и использованию памятников наскального искусства и проведена в содружестве со специалистами из других областей знаний, художниками. Для ее проведения были привлечены не только студенты специализации, но и большая группа студентов-переводчиков ФИИМО, специализирующихся по истории международных отношений, а также преподаватели кафедры иностранных языков Т. И. Добрыдина и Т. А. Логунов. Хотелось бы, чтобы такое содружество вошло в традицию).

Хочется подчеркнуть, что воспитание кадров – процесс творческий, не укладывающийся в нормы пособий и методичек – это и передача личного опыта от учителя ученику, написание курсовых и дипломных сочинений, открытые защиты научных работ, коллективное обсуждение актуальных проблем (например, через научный семинар кафедры), а также работа непосредственно в поле на памятнике, и, разумеется, посиделки у костра, когда в неформальной обстановке передается накопленный опыт старших начинающим археологам.

Литература

1. Капелько В. Ф. Эстампный метод копирования петроглифов (открытие и разработка метода) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО РАН, 1986. С. 105 – 111.
2. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ / Под ред. Я. А. Шера, В. В. Боброва. Кемерово: СКИФ: Кузбасс, 2008. Вып. 3. 128 с.
3. Китова Л. Ю. Анатолий Иванович Мартынов – создатель кемеровской археологической школы // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 25 – 36.
4. Китова Л. Ю., Исмаиловой Э. Р. История формирования Кемеровской научной школы исследователей древнего и средневекового искусства // Вестник КемГУ. № 3(55). Т. 4. 2013. С. 24 – 31.
5. Николаева Т. В. Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры (методика и хронология): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 20 с.
6. Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н. Памятники окуневского искусства из кургана Разлив Х // Археология Средней Азии, Сибири и Кавказа. М.: Наука, 1993. (КСИА. Вып. 209). С. 58 – 68.
7. Пяткин Б. Н. Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 126 – 129.
8. Пяткин Б. Н. К проблемам хронологического определения петроглифов предскифского времени на Среднем Енисее // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 126 – 129.
9. Пяткин Б. Н. Шалаболинские петроглифы (вопросы методики и хронологии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 23 с.
10. Пяткин Б. Н. Камень с рисунками в урочище Кизань (гора Оглахты) // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО РАН, 1985а. С. 27 – 36.
11. Пяткин Б. Н. Работы отряда по изучению изображений Среднего Енисея // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО РАН, 1987. С. 57 – 62.
12. Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во КрГУ, 1985б. 188 с.
13. Пяткин Б. Н., Черняева О. С. Новые петроглифы горы Бычиха (р. Сыда) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО РАН, 1986а. С. 85 – 88.
14. Пяткин Б. Н., Черняева О. С. Тепсейский фриз // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО РАН, 1986б. С. 89 – 98.
15. Пяткин Б. Н., Миклашевич Е. А. Петроглифы в системе археологических реконструкций // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 174 – 176.

16. Пяткин Б. Н., Советова О. С., Миклашевич Е. А. Петроглифы горы Оглахты-V (публикация коллекции) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 86 – 108.
17. Сазонова О. М. К истории развития контактного метода копирования петроглифов (по материалам среднего Енисея) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: изд-во Сиб. Федер. ун-та, 2012. Вып. V. С. 67 – 74.
18. Сазонова О. М. Работы на Шалаболинской писанице отряда Кемеровского государственного университета под руководством Б. Н. Пяткина // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: изд-во Сиб. Федер. ун-та, 2013. Вып. VI. С. 15 – 19.
19. Советова О. С. О своеобразных изображениях коней со скал Оглахты // Скифо-сибирский мир. Новосибирск: Наука, 1987а. С. 139 – 143.
20. Советова О. С. Сюжет с великанами на скалах Тепсея // Скифо-сибирский мир. Новосибирск: Наука, 1987б. С. 173 – 176.
21. Советова О. С. Тепсейское фантастическое существо // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: КемГУ, 1993. С. 170 – 175.
22. Советова О. С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 33 – 54.
23. Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Из-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 140 с.
24. Советова О. С. ШЕР ше ля фам // Археология Южной Сибири: сб. науч. трудов, посв. 80-летию Я. А. Шера. Вып. 25. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 12 – 14.
25. Черняева О. С., Советова О. С. Наскальные изображения гор Оглахты и Тепсея // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО РАН, 1987. С. 62 – 67.
26. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
27. Шер Я. А., Советова О. С., Миклашевич Е. А. Петроглифы Жалтырак-Таша (Киргизия) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 81 – 86.

Информация об авторе:

Советова Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, olgasonetova@yandex.ru.

Olga S. Sovetova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 902/903

**КУРИЛЬНИЦЫ В СТРУКТУРЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КУЛЬТУР ЭПОХИ
ПАЛЕОМЕТАЛЛА СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ**

А. В. Фрибус

**POLYPOD VESSELS IN BURIAL RITUALS OF THE EARLY METAL AGE
CULTURES OF STEPPE EURASIA**

A. V. Fribus

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (Постановление N 220), полученного ФГБОУ ВПО "Алтайский государственный университет" проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием специфических форм керамических сосудов в погребальном обряде культур эпохи палеометалла западной и восточной части степного пояса Евразии. Произведена классификация курильниц, рассматриваются вопросы, связанные с их местом и ролью в погребальном обряде ямной, катакомбной, афанасьевской и окуневской культур. Проведен анализ расположения курильниц в составе погребальных комплексов. На этой основе предпринята попытка реконструкции роли курильниц в структуре погребального обряда культур эпохи палеометалла Южной Сибири.

The paper focuses on the functions of specific forms of ceramic vessels in burial rituals of the Early Metal Age cultures of Western and Eastern steppe Eurasia. A classification of polypod vessels is suggested, their place and role in burial rituals of Pit-Grave, Catacomb, Afanasiev and Okunev cultures are considered. The positions of polypod vessels in burial complexes are analyzed. With this basis, the author attempts to reconstruct the role of polypod vessels in burial rituals of the Early Metal Age cultures of Southern Siberia.

Ключевые слова: энеолит, афанасьевская культура, индоевропеистика, курильницы, культурогенез.

Keywords: Eneolithic period, Afanasiev culture, Indo-European studies, polypod vessels, genesis of cultures.

Формулировка проблемы и актуальность темы

В составе погребального инвентаря многих культур эпохи раннего металла степного пояса Евразии так называемые «курильницы» занимают особое место. Это связано с относительной редкостью подобных находок, наблюдениями над обстоятельствами использования их в погребальной практике и, соответственно, заключением о том, что подобные формы сосудов сопровождают исключительно экстраординарные захоронения.

В данном случае, представляется возможным разделить весь массив материала на западную и восточную часть степного (горно-степного) пояса Евразии, под которым, с одной стороны, мы понимаем ямно-катакомбный, а с другой – афанасьевско-окуневский блок культур. В этом весьма непростом типологическом и культурно-генетическом узле курильницы принимают исключительно важное значение поскольку с формальной точки зрения выполняют роль хронологического маркера.

Последняя сводка по сибирским курильницам принадлежит Э. Б. Вадецкой [1]. Ей удалось не только обобщить разрозненный и подчас до сих пор не опубликованный материал, но и попытаться проанализировать роль столь оригинальной категории инвентаря в погребальном обряде афанасьевской и окуневской культур. Со времени этой публикации увеличилась источниковая база, изменились представления о распространении подобного рода находок, присутствию этой категории сосудов на поселениях. Все это позволяет рассмотреть вопрос о характерных типах сосудов эпохи палеометалла с новой точки зрения.

В первую очередь мы сталкиваемся с вопросом о терминологии. В публикациях любые сосуды, выходящие за рамки стереотипов (например, афанасьевских), принято называть «вазочками», «курильницами», «жаровнями», «светильниками» и т. д., не вдаваясь в контекст и первоначальный смысл этих дефиниций. Использование данных терминов чаще всего обусловлено авторскими представлениями о функциональном предназначении таких сосудов (ритуальном или бытовом). Тем временем в восточно-европейской археологии часть подобных форм с формально-типологической точки зрения классифицируется как миски и чаши. Г. Ф. Коробкова предлагает для подобных сосудов абсолютно «интерпретационно-нейтральный» термин – сосуды-полиподы [7, с. 54 – 55].

Современные представления о происхождении сосудов-полиподов

Курильницы как своеобразные формы сосудов долгое время ассоциировались с культурами катакомбного круга, являясь определенным этнокультурным маркером степных культур эпохи развитой бронзы. Подобные представления вступали в противоречие с традиционными культурно-хронологическими схемами, согласно которым афанасьевская культура синхронизируется с ямной, в материалах которой подобные сосуды были не известны. Согласно этой логике южносибирские курильницы имеют хронологический приоритет над восточноевропейскими.

В настоящее время сосуды-полиподы выделены в нижних слоях Михайловского поселения. Это биконические сосуды с невысоким, крестообразно разделенным поддоном. Михайловские чаши на ножках (полиподы) признаются древнейшими курильницами степной зоны Причерноморья [7, с. 56]. Это позволяет говорить о зарождении традиции использования характерной формы сосудов вне катакомбной культурной традиции, в древнейшее время. Г. Ф. Коробкова видит истоки подобных форм в трипольской керамике, где известны зооморфные сосуды-полиподы [7, с. 56 – 57]. Они также как раннеямные и некоторые афанасьевские образцы орнаментированы внутри и снаружи. Появление подобных керамических форм в Триполье в свою очередь связывается с балканским влиянием (Гумельница, Болград-Алденъ). Близкие по морфологии сосуды характерны и для культуры шнуровой керамики [15, с. 44].

С другой стороны, нельзя отрицать кавказское влияние. Сосуды-полиподы на трех-четырех ножках или узком поддоне найдены в погребениях целого ряда культур кавказско-причерноморского круга. Чаши на круглом поддоне найдены в дольменах Западного Кавказа (Клады, Кизинка). Миниатюрная курильница на четырех ножках найдена в нижнем слое поселения дольменной культуры Старчики у ст. Новосвободной [13]. Аналогичные сосуды, но с тремя, четырьмя ножками, известны в Закубанье (Келермесская, Хатажутаевский аул), Ставрополье (Нежинская, Веселая роща III) и Приазовье (Светлоград, Суворовская и др.) [2; 11; 5].

Чаши-полиподы из Предкавказья имеют ряд отличий от катакомбных. Прежде всего, у них отсутствует внутреннее отделение. На корпусе имеются выступы-ушки (ручки) с парными вертикальными отверстиями. По этим признакам они могут быть сопоставлены с афанасьевскими экземплярами, что позволяет говорить о генетической связи предкавказских и южносибирских курильниц [6].

Вопросы типологии курильниц

Типологии сосудов-полиподов, ямного и, особенно, катакомбного времени посвящена довольно значительная литература [3; 2; 12 и др.]. Что касается восточной части степного пояса, какой-либо детально аргументированной классификации афанасьевских и окуневских курильниц не существует. Как правило, авторы ограничиваются разделением их на две культурные традиции (афанасьевскую и окуневскую), указывая на принципиально важные конструктивные различия, с одной стороны, и генетическую преемственность между ними – с другой [1].

Вопросы классификации курильниц лежат за рамками данной статьи, однако хотелось бы наметить некоторые подходы, которые могут способствовать построению типологических рядов внутри афанасьевских и окуневских серий. Это важно, поскольку новые находки делают очевидным тот факт, что вариации внутри обеих традиций могут быть весьма значительными.

Типологически значимыми признаками в данном случае представляются следующие: общая форма сосуда (биконический / чаша на узком поддоне / чаша без поддона); наличие (отсутствие) ручек; полый

/ цельный поддон; наличие (отсутствие) внутреннего отделения; наличие (отсутствие) противолежащих парных отверстий; общая схема орнаментации (только срез венчика – поддон / тулово – срез венчика – поддон), дополнительные элементы на днище, экстраординарные экземпляры, размеры). В данном случае не принимаются в расчет орнаментальные схемы, которые вовсе не так единообразны, как представлялось раньше [1, с. 50].

С хронологической точки зрения весь массив курильниц по-прежнему будет делиться на сосуды афанасьевской и окуневской традиций. Однако более дробная классификация позволит выявить вариативность внутри серий и проследить эволюцию форм и орнаментальных схем.

Кроме того, в настоящее время известны экземпляры, которые соединяют в себе афанасьевские и окуневские черты. Это, например, курильница, хранящаяся по сведениям О. В. Ларина, в Куладинском сельском музее. Она происходит из разрушенного погребения, найдена вместе с баночным сосудом (судя по орнаментации, может быть датирован эпохой развитой бронзы). Курильница сочетает окуневские и афанасьевские черты. У нее нет ручек, но имеются парные отверстия, отсутствует орнамент по тулову, общие пропорции отличаются от афанасьевских, при этом внутреннего отделения, характерного для окуневских сосудов, нет [8, с. 14 – 17].

Оригинальный экземпляр также найден в погребении I могильника Кор-Кобы I. Курильница на узком поддоне, тулово сосуда украшено 28 налечами, ручка отсутствует, при этом два налеча больше других по размеру и в них проделаны сквозные отверстия [9, с. 10, рис. XVI-1]. Таким образом, в настоящее время известны сосуды, сочетающие в морфологии и орнаментации афанасьевские и окуневские признаки. Анализ конструктивных особенностей погребений с подобными сосудами, сочетания их с другими категориями инвентаря может прояснить вопрос о развитии традиции в восточной части Евразии.

Курильницы в структуре погребального обряда

Наиболее дискуссионный вопрос – характер погребений, в которые помещались курильницы. Здесь необходимо обратить внимание на два главных критерия: состав погребенных; местоположение курильниц в контексте погребения.

Анализируя афанасьевские погребения с курильницами, Э. Б. Вадецкая констатирует, что их помещение в могилу не зависит от пола и возраста погребенных. С одной стороны, погребения с курильницами отличаются значительными размерами ямы, большим количеством сосудов, чем принято обычно, наличием сопроводительной мясной пищи, сочетанием неординарных категорий инвентаря, с другой – они зафиксированы в совершенно обычных погребениях. Отсюда следует вывод, что «курильницы ставили в могилу лишь тем, кто владел ими при жизни для исполнения определенных ритуальных функций» [1, с. 57]. Действительно, интересующие нас сосуды в равной степени характерны для мужских и женских погребений. Кроме того, судя по материалам могильника Летник VI, миниатюрные курильни-

цы могли сопровождать и погребения детей. Аналогичная ситуация фиксируется по восточно-европейским материалам.

Таким образом, выделение особой половой или половозрастной группы, которая могла бы монополизировать обрядовые или бытовые (утилитарные) функции, связанные с подобными сосудами, кажется сомнительным. Очевидно, что речь идет о довольно широких слоях афанасьевского общества, в равной степени имевших доступ к функциональному и (или) ритуальному использованию «курильниц».

Практически все авторы, публиковавшие материалы раскопок, указывают, что курильницы окрашены. Однако не единичны случаи, когда в могилы помещаются и обычные остродонные яйцевидные сосуды со следами окраски охрой. Если исходить из того, что яйцевидный сосуд являлся «минимальным индивидуальным набором» умершего вне зависимости от пола и возраста (на что указывают, например, миниатюрные остродонные сосуды в детских погребениях и анализ керамических комплексов в коллективных могилах), то окраска охрой уже не выглядит признаком «исключительности». Судя по всему, здесь мы имеем дело с несколько иным смысловым рядом, реконструировать который пока затруднительно.

Отдельного внимания заслуживает положение курильниц в погребениях. В данном случае можно выделить несколько вариантов: 1) помещение курильницы рядом с головой погребенного; 2) помещение курильницы в ногах погребенного; 3) помещение курильницы на краю могильной ямы; 4) помещение курильницы в насыпи.

Рассматривая варианты размещения курильниц внутри могилы, Э. Б. Вадецкая обращается к наблюдениям А. Н. Липского, который предполагал, что сосуд из раскопанного им окуневского погребения у с. Аскиз был наклонно подвешен над головой погребенного, олицетворяя идею солнечного света [10]. Из этого следует вывод, что курильницы могли использоваться двояко: «те, в которые клали охру или ароматические вещества, ставили в ноги, а те, которым придавали значение источника света, наклонно подвешивали у головы, для чего просверливали отверстия в стенках» [1, с. 58]. Отдавая должное красоте идеи, необходимо отметить, что археологически достоверные случаи подобного размещения курильниц отсутствуют. Ссылки же на то, что «реальная» курильница была найдена «на черепе в одном из окуневских погребений», можно считать историографическим недоразумением [10, с. 71; 4, с. 67].

Находки последних лет заставляют обратить внимание на то, что курильницы часто размещались и вне могильных ям. Либо на краю могилы, либо в составе каменного заклада. При этом они, как правило, перевернуты вверх дном, хотя подобное положение сосудов встречается и в могилах. Практика ритуального переворачивания сосудов широко представлена в памятниках эпохи раннего железа. Смысловой контекст подобного обращения с сосудами имеет широкие аналогии в этнографии.

Реконструкция роли и значения курильниц в погребальном обряде евразийских культур эпохи палеометалла невозможна без анализа их места в изо-

бразительном творчестве и осмысления данных, полученных в ходе разного рода естественнонаучных исследований.

Вопрос о выделении афанасьевского пласта в изобразительном творчестве населения эпохи палеометалла Саяно-Алтая долгое время является остро дискуссионным. В этой связи стоит присоединиться к мнению Д. Г. Савинова о том, что аргументированно приблизиться к решению этой проблемы удалось лишь Ю. Н. Есину [4].

В данном случае важными представляются сообщения Ю. Н. Есина, касающиеся изображений артефактов на плитах и изваяниях, в частности, характерных биконических сосудов, которые могут быть сопоставлены с курильницами. По мнению автора, особое значение создатели рисунков придавали изображению ручек, которые всегда показаны в профиль [4, с. 63]. На ритуальную значимость этой конструктивной детали указывают и материалы погребений, где зафиксированы различные варианты манипуляции с ручками, в частности, замазывание отверстий глиной [1, с. 50].

Поскольку изображения биконических сосудов часто композиционно связаны с личиной или ртом (обычно отождествляемыми с окуневской культурной традицией), сосуды предлагается интерпретировать не как курильницы или светильни, а как переносные алтари, в которых сжигались приношения для богов [4, с. 67]. Намеки на наличие подобных алтарей сохранились в древнейшей индоевропейской традиции, с которой афанасьевская культурно-историческая общность может быть связана самым непосредственным образом [14].

Подобным интерпретациям предназначения рассматриваемых сосудов не противоречат данные, полученные в ходе палинологического анализа катакомбных курильниц, впервые предпринятого коллективом авторов под руководством Н. И. Шишлиной. В результате анализа серии сосудов из Ростовской области были сделаны выводы о том, что «курильницы» использовались для сжигания разного рода растений: как ароматических (полынь, маревые), так и имеющих «эстетическую ценность» (астровые, лютикоцветные, цикориевые, розоцветные). Анализируя состав флористических наборов, авторы приходят к выводу, что многие из сжигаемых растений сегодня известны как лекарственные, другие имеют стойкий аромат в цветущем или засушенном виде, а также при сгорании, третьи красивы своими яркими цветами и имеют декоративное значение, некоторые же употреблялись человеком в пищу или

использовались как корм для скота [16, с. 268 – 269]. При этом не до конца понятным остается предназначение «отделений» в катакомбных и окуневских курильницах, поскольку результаты анализов указывают на идентичность сырья, которое сжигалось в основной и малой камере.

Выводы и их обсуждение

Курильницы, или сосуды-полиподы, являются одним из своеобразных этнокультурных маркеров степных культур Евразии эпохи палеометалла. Их общая схожесть, наличие принципиально важных морфологических элементов, близких орнаментальных схем, позволяет говорить о том, что подобные сосуды вряд ли могли возникнуть конвергентно на западе и востоке степного пояса. Вероятнее всего, они являются еще одним свидетельством генетической связи между афанасьевской культурой и культурами энеолита – ранней бронзы Восточной Европы, прежде всего, древнеямной. Анализ сибирских и восточно-европейских серий показывает, что речь не может идти о каком-то едином импульсе. Судя по всему, уже с ямно-афанасьевского времени степи запада и востока являлись открытым пространством, через которое происходил обмен идеями и технологическими новшествами. В этом ключе курильницы могут выступать в качестве одного из хронологических маркеров.

Современное состояние источников позволяет наметить основные принципы классификации южно-сибирских курильниц. Такая классификация могла бы помочь проследить эволюцию курильниц не только в рамках окуневской и афанасьевской традиций, но и выявить переходные формы, а также варианты внутри афанасьевских и окуневских серий.

Анализ роли курильниц в структуре погребального обряда позволяет интерпретировать их как переносные алтари, в которых производилось сжигание (воскурение) растительных смесей. Состав этих наборов реконструирован по материалам катакомбных погребений Восточной Европы, но может быть экстраполирован и на южносибирские материалы. При помещении в погребение сосуды в некоторых случаях разбивались или переворачивались вверх дном. В ряде случаев курильницы помещались на краю могильной ямы. Отверстия в ручках замазывались глиной, сама курильница окрашивалась охрой. Подобные ритуальные манипуляции с сосудами, по всей видимости, отражают комплекс представлений об особом функционировании «земных» предметов в «потустороннем мире».

Литература

1. Вадецкая Э. Б. Южносибирские курильницы // КСИА. Вып. 185. М.: Наука, 1986. С. 50 – 59.
2. Державин В. Л. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991. 186 с.
3. Егоров В. Г. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 156 – 164.
4. Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53 – 73.
5. Ковалев А. А. Курганы Центрального Предкавказья как опора хронологии среднебронзового века Евразийских степей // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб, 1997. С. 70 – 75.
6. Ковалев А. А., Резепкин А. Д. Курильница из дольмена в урочище Клады и проблема происхождения афанасьевской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995. С. 16 – 20.

7. Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древней культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб: Европейский дом, 2005. 316 с.
8. Ларин О. В. Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения культуры Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 13 – 21.
9. Ларин О. В. Афанасьевские памятники среднего течения Катунь // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 3 – 30.
10. Липский А. Н. Афанасьевские погребения в Хакасии // КСИИМК. 1952. XLVII. С. 67 – 77.
11. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1981. С. 4 – 25.
12. Панасюк Н. В. Раннекатакомбные курьельницы степного Предкавказья // РА. 2010. № 2. С. 25 – 38.
13. Рысин М. Б. Керамика из поселения строителей дольменов в Майкопском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 215 – 223.
14. Семенов Вл. А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию открытия тохарских рукописей) // Петербургский археологический вестник. СПб, 1993. С. 25 – 30.
15. Цвек Е. В. Связи восточнотрипольской культуры с кругом нижнедунайских энеолитических культур // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. Тирасполь, 1994. С. 42 – 44.
16. Шишлина Н. И., Панасюк Н. В., Пахомов М. М., Бобров А. А. Степная археологическая экспедиция ГИМ: результаты этноботанических исследований // КСИА. Вып. 223. М., 2009. С. 260 – 270.

Информация об авторе:

Фрибус Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии КемГУ, научный сотрудник лаборатории «Междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая» Алтайского государственного университета, fribus@list.ru

Alexey V. Fribus – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University; Research Associate at the Laboratory for Interdisciplinary study of Western Siberia and Altai Archaeology, Altai State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (460.05)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЧИНЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVII В.

А. П. Батури

POWER AND SUBJECTS: THE PROBLEM OF INTERACTION IN THE WORKS OF FRENCH POLITICAL WRITERS OF THE 17TH CENTURY

A. P. Baturin

В статье рассматриваются взгляды и идеи крупнейших французских политических писателей XVII в., касающиеся власти и ее взаимодействия с подданными в эпоху расцвета абсолютизма во Франции. Внимание при этом акцентируется на формах и методах, в том числе на роли насилия в этом взаимодействии.

The paper considers the views and ideas of major French political writers in the 17th century, regarding power and its interaction with the citizens at the time of the heyday of absolutism in France. Attention is focused on the forms and methods, including the role of violence in this interaction.

Ключевые слова: Французский абсолютизм, французская литература XVII в., политическая мысль Франции Раннего Нового времени.

Keywords: French absolutism, French literature of the 17th century, political thought in Early Modern France.

Изучение истории исторических знаний переходной эпохи, каковой для Франции являются XVI – XVII столетия, не теряет своей актуальности, поскольку прежде всего Франция в данный период времени во многом определяла интеллектуальное движение, создавшее историческую дисциплину и предопределившее институциональное оформление исторической науки в Европе [2, с. 20 – 21]. Для Франции, как и для большинства западноевропейских стран, переход от Средневековья к Новому времени ознаменовался радикальными переменами во всех сферах жизни: экономической, социальной, политической, культурной. Французские мыслители на всем протяжении этого сложного, во многом трагического для страны периода часто обращались к политическим проблемам и проблеме власти в частности. В немалой степени этому способствовали политическая ситуация в стране, начиная с Людовика XI и заканчивая правлением Людовика XIV (процесс формирования во Франции абсолютной монархии, реформационное движение, Гугенотские войны, Фронда). Среди политических писателей эпохи к проблеме власти более глубоко и последовательно обращались Филипп де Коммин (1447 – 1511), Жан Боден (1530 – 1596), Мишель де Монтень (1533 – 1592), Теодор Агриппа де Обинье (1552 – 1630), Франсуа де Ларошфуко (1613 – 1680), Жан де Лабрюйер (1645 – 1696).

Политические процессы, связанные с развитием западноевропейских абсолютистских государств, нашли достаточно широкое отражение в литературе переходной эпохи. Здесь, прежде всего, следует отметить то, что литература западноевропейских стран XVII в., как и в XVI в., развивается под флагом гуманистического мировоззрения. Общее отношение гуманистов к истории, их социальные, политические и прочие установки общеизвестны.

Резкие перемены социально-политической и экономической ситуации в данный период резко повысили интерес писателей, общественных деятелей, юристов и других представителей интеллектуальной элиты к истории своих стран. В среде гуманистов все происходящее в мире перемены интерпретировались как следствие доброго или злого начала в человеке.

Что же касается специфики развития литературы во Франции, то здесь следует отметить следующее: Развитие французской литературы XVII в., как и в других странах Европы, было тесно связано с социально-исторической ситуацией, сложившейся во Франции после окончания религиозных войн и утверждения централизованной королевской власти. Укрепление абсолютизма требовало ограничения прав феодальной знати, пытавшейся вплоть до середины XVII в. отстаивать свою политическую самостоятельность. Решительную борьбу против этих попыток вел министр Людовика XIII (1610 – 1643) кардинал Ришелье, он планомерно и целенаправленно создавал сложный и разветвленный административно-чиновничий аппарат, служивший ему для управления финансами, судебными учреждениями и другими сферами государственной жизни. Эта новая бюрократия пополнялась за счет состоятельных буржуа, охотно покупавших за большие деньги чины и должности, а нередко вместе с ними и дворянское звание. Тем самым Ришелье создавал определенный социальный противовес старой аристократии, постепенно лишая ее представителей влиятельных ключевых постов в государстве, и одновременно пополнял пустующую казну за счет продажи административных должностей. Однако новая знать, рассчитывавшая занять полноправное место в иерархии феодального общества, постоянно наталкивалась на пренебрежение со стороны старого, исконного дворянства, кичившегося своими привилегиями и древностью рода. Эти социальные процессы получили широкое отраже-

ние в литературе XVII в. Политика централизации, последовательно проводимая Ришелье (затем его преемником кардиналом Мазарини) и, в особенности, начиная с 1660 г., Людовиком XIV (1643 – 1715), способствовала упорядочению всех сфер общественной и духовной жизни. На смену анархии и хаосу периода религиозных войн приходит дух дисциплины и строгой регламентации, распространившийся и на литературу. Под знаком этих тенденций, проявляющихся в различных областях духовной жизни, происходит формирование ведущей художественной системы французской литературы XVII в. – классицизма. Характерная особенность французской литературы XVII в. – близкое соприкосновение с философскими течениями, оказавшими значительное влияние на идейно-художественную структуру литературных произведений. С первых шагов становления классицизма мы сталкиваемся с постоянным обращением к античным сюжетам и героям – мифологическим и историческим. Наряду с классицизмом во французской литературе XVII столетия, в особенности в первой половине, существовала художественная система барокко. Она не играла столь существенной роли как в Испании, но имела многочисленных сторонников в среде писателей и оказала воздействие на весь литературный процесс в XVII столетии.

В 1640-е годы во Франции обостряется политическая обстановка. После смерти Ришелье и Людовика XIII власть при малолетнем короле Людовике XIV переходит к его матери, королеве-регентше Анне Австрийской, а фактически к ее фавориту и министру кардиналу Мазарини. Феодалная знать, недовольная выдвижением на важнейший государственный пост человека низкого происхождения, к тому же итальянца, которого считали выскочкой и авантюристом, возобновляет свои притязания на восстановление былых вольностей и на политическую самостоятельность, утраченную при кардинале Ришелье. Городская буржуазия, раздраженная нескончаемыми поборами и налогами, введенными новым министром, оказывает поддержку мятежным аристократам. В Париже воздвигаются баррикады, в провинции вспыхивают крестьянские восстания. Все это осложняется затянувшимся на многие годы военным конфликтом с Испанией. Своей кульминации это движение, получившее название Фронды, достигло в 1648 – 1650 гг. Сломив сопротивление знати и городской буржуазии (Фронду) и справившись с народными крестьянскими восстаниями, абсолютизм утверждает неограниченную власть монарха внутри страны и закрепляет свои международные позиции победой над когда-то могущественным внешним врагом – испанской монархией Габсбургов. К началу 60-х гг., став совершеннолетним, Людовик XIV направил свои усилия на создание непререкаемого авторитета королевской власти во всех областях жизни – общественной, духовной и даже частной – внутри страны и на то, чтобы поднять военный, политический и культурный престиж Франции за ее пределами. Немалая роль в этой политике отводится искусствам и литературе.

Французская литература второй половины XVII в., отразив подъем абсолютизма, обнаруживает гораздо большее единство, чем в предшествующий период, стилистически более монолитна, в максимально пол-

ной и типичной форме воплощает национальную культуру и дух своего времени.

Творчество Мольера и Лафонтена, Расина и Буало, Ларошфуко и Лабрюйера создает тот «золотой век» французской литературы, который длительное время рассматривался как культурный и художественный образец для других европейских народов. Вместе с тем в последние десятилетия XVII в. все явственнее обнаруживаются глубокие противоречия французского общества: резкие контрасты между расточительной роскошью социальной верхушки и нищетой основной массы народа, между растущим официальным благочестием, насаждаемым королем и его фаворитами, и развращенностью придворных нравов, между парадным блеском двора и заметной экономической и военной слабостью страны. Все эти противоречия наложили отпечаток и на литературу.

Настоящая статья является как бы продолжением исследования взглядов на проблему власти французских политических писателей XVI в. [1] и касается анализа сочинений двух крупнейших политических писателей уже XVII столетия – Франсуа де Ларошфуко и Жана де Лабрюйера.

В отличие от других писателей-современников (например, теоретика Гуго Гроция), знаменитый писатель-моралист, автор блестящих афоризмов и, прежде всего, «Мемуаров», Франсуа де Ларошфуко представляет, так сказать, живую историю Франции середины XVII в. Здесь, правда, приходится заметить, что автор в своих сочинениях лишь подробно описывает современные ему события, редко обращаясь к рассуждениям и выводам относительно их характера. Это касается в частности монарха и различных направлений его политики.

Ларошфуко происходил из старинного феодального рода. Он принимал активное участие в заговорах против Ришелье и восстаниях Фронды, с оружием в руках защищая старинные феодальные привилегии. После поражения Фронды герцог де Ларошфуко попадает в опалу и до конца 1650-х годов живет в изгнании в своем родовом замке, где размышляет о пережитых событиях. Первые итоги этих размышлений и нашли отражение в его «Мемуарах» (1662). Вернувшись в столицу, Ларошфуко становится постоянным посетителем литературных салонов. Многие из этих салонов были оппозиционными в политическом отношении, это было своеобразное продолжение Фронды: потерпевшие военное поражение фронтеры проявляли свое недовольство в изящных беседах и остроумных афоризмах. Отражением политических воззрений автора также явились его «Максимы, или Моральные размышления» (1665). Еще в «Мемуарах» Ларошфуко в строгой последовательности описал исторические факты и те мотивы, по которым он вступил в благородную, по его убеждению, борьбу с деспотизмом правительства. Он, как и его единомышленники, искренне полагал, что преследование знати – часть всеобщего несчастья, постигшего Францию, и имеет причиной несправедливость абсолютизма. Более всего самолюбие Ларошфуко задевало очевидное, по его мнению, несовершенство монарха Людовика XIII. Так он пишет: «Король Людовик XIII отличался слабым здоровьем... Недомогания, которыми он страдал, усиливали в нем мрачное состояние духа и недостатки его характера; он был хмур,

недоверчив, нелюдим; он и хотел, чтобы им руководили, и в то же время с трудом переносил это. У него был мелочный ум, направленный исключительно на копание в пустяках, а его познания в военном деле приличествовали скорее простому офицеру, чем королю» [4, с. 5]. Писатель, как и большинство современников, считает, что «правил государством кардинал Ришелье», который своим возвышением обязан был королевев-матери. Ларошфуко подчеркивает бросающееся в глаза отличие кардинала от короля: «У него был широкий и пронизывающий ум, нрав – крутой и трудный; он был щедр, смел в своих замыслах...» [4, с. 5]. Писатель с симпатией относится к мероприятиям кардинала, направленным на укрепление центральной власти и борьбу с внешними врагами. В то же время в своих «Мемуарах» он больше внимания уделяет не этой стороне политики Ришелье, а описанию придворных интриг, борьбе различных придворных партий, взаимоотношениям между отдельными вельможами и военачальниками. Особо слабость и неспособность короля проявилась, по мнению Ларошфуко, после смерти Ришелье в 1642 году и переходе фактической власти в руки Мазарини. На фоне всеобщей ненависти к новому кардиналу Мазарини писатель отдает должное правлению усопшего: «Как бы не радовались враги кардинала, увидев, что пришел конец их гонениям, дальнейшее с несомненностью показало, что эта потеря нанесла существеннейший ущерб государству... Никто лучше его не постиг до того времени всей мощи королевства и никто не сумел объединить его полностью в руках самодержца» [4, с. 20 – 21]. При этом Ларошфуко признает, что многие политические успехи Ришелье были достигнуты посредством «суровости его правления» и «обильного пролития крови», «унижением многих вельмож» и «обременением народа податями». Сравнение двух кардиналов у Ларошфуко не в пользу Мазарини: «Ум его был обширен, трудолюбив, остер и исполнен коварства, характер – гибок; даже можно сказать, что его у него вовсе не было и что в зависимости от своей выгоды он умел надеть на себя любую личину. Он не заглядывал вдаль даже в своих самых значительных планах, и в противоположность кардиналу Ришелье, у которого был смелый ум и робкое сердце, сердце кардинала Мазарини было более смелым, чем ум. Он скрывал свое честолюбие и свою алчность, претворяясь неприятельным...» [4, с. 26]. Особенно подробно писатель останавливается на событиях, связанных с Фрондой. На страницах его «Мемуаров» рисуются яркие картины анархии в 40-е годы, мятежей знати и народных волнений, втягиваемых обеими сторонами в конфликт, гражданской войны конца 40-х годов. Причину неудачи Фронды Ларошфуко видит в неспособности фрондеров выполнить до конца свой долг по отношению к государству и народу, в их разобщенности, анархизме, эгоизме. В «Мемуарах» еще нет попытки вывести законы морали, но ясен вывод Ларошфуко из его жизненного и политического опыта: люди не могут бороться ради высоких принципов, главное для них – личная выгода. Поскольку человек зависит от внешней среды, большую роль играет государственное законодательство, которое может пробудить к жизни и хорошие, и дурные наклонности людей. Ларошфуко осуждает порядок, установившийся при абсолютизме, при котором, как он полагает, вы-

явилась анархическая, эгоистическая сущность людей, прежде сдерживаемая старинными общественными учреждениями, сильными своей древностью. Ларошфуко – писатель-классицист, хотя его мировоззрение отлично от взглядов и позиций других писателей «великого века». Он, рационалист, борется с ненавистным ему абсолютизмом с помощью рационалистических рассуждений; как философ он исходит из одного основного принципа – теории себялюбия; как художник он прибегает к методу обобщения и типизации: в «Максимах» выражены обобщенные представления о человеке, его природе, месте в обществе.

К младшему поколению французских моралистов принадлежал Жан де Лабрюйер, выходец из небогатой буржуазной семьи. С 1684 г. он становится воспитателем внука «великого Конде», знаменитого военачальника, одного из тех, кто возглавлял Фронду. Дворец Конде в Шантийи не уступал версальскому по пышности и блеску. Наделенный редким даром наблюдения, Лабрюйер внимательно всматривался в окружение Конде, изучение которого во многом послужило материалом для его единственного сочинения, книги «Характеры» (полное название – «Характеры Феофраста, перевод с греческого, и Характеры, или Нравы нынешнего века»). Первое издание (1688) включало в себя перевод из Феофраста и 418 оригинальных характеров. Этот самостоятельный раздел в последующих изданиях при жизни Лабрюйера постоянно увеличивался. В последнее, девятое издание, вошло уже 1120 характеров, созданных Лабрюйером. Писатель обнаруживает и анализирует причины пороков, исходя из социального положения тех типов, которые он рисует («О столице», «О дворе», «О вельможах», «О монархе или о государстве и т. д.). Таким образом, характер, по Лабрюйеру, формируется под воздействием общественной среды. Проявление той или иной страсти, присущей человеку, различно в разных социальных условиях. Лабрюйера интересует среда, в которой проявляются те или иные характеры. В книге Лабрюйера с подлинной исторической конкретностью изображаются характеры и нравы Франции второй половины XVII столетия. Автор рисует не только различные слои и сословия французского общества в эпоху правления «короля-солнца», но и реально существовавшие отношения между ними. Лабрюйер со всех сторон показывает столицу и жизнь столичного общества, вельмож и буржуа, финансистов, чиновников и крестьян, государя и его подданных.

Особое место при этом занимают его рассуждения о монархе и монаршей власти, чему посвящена специальная глава «О монархе или о государстве». Здесь гибкий и осторожный политик Лабрюйер в условиях укрепления абсолютистской власти Людовика XIV, заявившего: «государство – это я!», однозначно высказывается за сильную абсолютную власть монарха, считая, что тот «должен обладать неограниченной властью, которая не оставит места для происков, интриг, заговоров, сотрет неизмеримое расстояние, отделяющее порою вельмож от простолудинов, сблизит их и равно приучит к повиновению» [3, с. 364 – 365]. Писатель считает, что важнейшим условием успешного функционирования власти является всеобщее подчинение и повиновение самодержцу: «Обязанности людей, занимающих первые должности в государстве, где правит великий король, всегда несложны и выполняются

ими без всяких усилий: все идет само собою, престиж и гений государя проторяют сановникам дорогу, избавляют их от трудностей и ведут страну к такому благоденствию, которое превосходит их ожидания. Вся их заслуга – в умении повиноваться» [3, с. 363]. «Все процветает в стране, где никто не делает различия между интересами государства и государя» [3, с. 361], – заключает автор.

Считая, что государь должен быть «отцом народа», Лабрюйер рисует идеальный образ монарха: «Он должен родиться от венценосцев; отличаться властным и величавым обликом, который внушает почтение придворным и действует на воображение народа, всегда жаждущего увидеть государя; постоянно быть ровным в обращении, чуждым колкой насмешливости..., не позволять себе угроз и упреков, не поддаваться гневу и держать всех в повиновении..., обладать быстрым и проницательным умом; искренним и открытым сердцем..., умением быть сдержанным, скрытным, непроницаемым во всем, что касается его намерений и планов...». Считая, что монарх должен «отличаться твердостью, постоянством и решительностью суждений, прямоотой и справедливостью», писатель тем не менее оставляет за ним право лавировать, проводить политику даже «вопреки собственным интересам», для чего он может «становиться порою на сторону народа, союзников и даже противников...» [3, с. 364]. Настоящий правитель должен быть талантливым полководцем..., повелевать несметными армиями, самолично командовать ими...» [3, с. 364 – 365]. Монарх должен быть скромным и умеренным: «Монарх, окруженный роскошью и пышностью, – это пастух в одежде, усыпанной золотом и камнями, с золотым посохом в руке, с овчаркой в золотом ошейнике, на парчовой или шелковой сворке. Какая польза стаду от этого золота? Разве оно защитит его от волков?» [3, с. 362].

Безусловно, успех или неуспех политики всякого правителя зависит от его взаимоотношения с одной стороны, с влиятельными окружением, с другой – с народом. «Между долгом монарха по отношению к подданным и долгом подданных по отношению к монарху есть связь или, точнее, обоюдная зависимость», – пишет Лабрюйер. Он хорошо понимал это и на страницах своего сочинения рассуждает об этом. Так, читаем: «Народу выпадает великое счастье, когда монарх облекает своим доверием и назначает министрами тех, кого назначили бы сами подданные, будь то в их власти». «Одно из несчастий государя заключается в том, что он всегда боится выдать тайны, которых у него так много. Счастье для него, если находится верный человек, способный переложить это бремя на свои плечи, – продолжая, – ничто не делает такой чести государю, как скромность фаворита» [3, с. 358]. Он советует придворным не расслабляться в своих служебных делах и стараниях, жить настоящим, а не будущим: «Позвольте дать вам совет, о сановники, министры, фавориты? Не уповайте на то, что ваши потомки сумеют поддержать вашу славу и честь вашего имени: титулы забываются, милости приходят к концу, должности утрачиваются, богатства иссякают, таланты вырождаются» [3, с. 359]. Почтительное отношение писателя к монарху и его двору не помешали ему достаточно критически описать придворные традиции и нравы. Здесь рисуются портреты и льстивых придворных, и спесивых вель-

мож, и щеголеватых, и наглых, праздных дворян. «Мудрый правитель, – заявляет Лабрюйер, – тот, кто обладает искусством входить во все подробности и с неусыпным вниманием относится к малейшим нуждам государства» и далее: «по правде сказать, короли и министры в последнее время слишком пренебрегают этим искусством» [3, с. 360]. Контрастными выглядят характеристики автора, касающиеся сельских жителей. Автор с уважением относится к селянам, уважает их труд. «Горожане приучены с тупым равнодушием относиться ко всему, что связано с деревенской жизнью и сельскими занятиями, они сыты, одеты, остальное их не интересует» [3, с. 307]. Лабрюйер констатирует наличие во французском обществе социального зла и показывает его причины – сословное неравенство и пагубное влияние жажды обогащения на мораль и отношения между людьми. Мир, где все продается и покупается, превращается в борьбу всех против всех, ибо люди, любящие деньги, «уже не родители, не друзья, не граждане, не христиане; это, может быть, уже не люди; это – обладатели денег». С особым сочувствием писатель рисует жизнь крестьян, доведенных непосильным трудом и тяжелыми условиями существования до потери человеческого облика. Он описывает этих тружеников не только с состраданием и пониманием их положения, он противопоставляет их привилегированным сословиям: «Судьба работника на виноградниках, солдата, каменотеса не позволяет мне жаловаться на то, что у меня нет благ князей или министров». И продолжает: «Народ не имеет разума, но аристократы не имеют души. Первый имеет добрую сущность и не имеет внешности, у вторых – есть только внешность и лоск. Нужно ли выбирать? Я не колеблюсь. Я хочу быть человеком из народа» [3, с. 340]. Лабрюйер не только отрицал несправедливость и зло, он предлагал пути к исправлению существующего порядка. В полном согласии с гуманистической философией он считал, что миром должен управлять разум. Он предлагает способы рационального переустройства государственного управления и взаимодействия между монархом и его подданными, рисуя образ идеального просвещенного правителя в главе «О государе». Здесь писатель позиционирует себя как противник произвола и насилия. Так, он пишет: «Чтобы управлять людьми, тиран не нуждается ни в искусстве, ни в мудрости: политика, которая сводится к пролитию крови, всегда недальновидна лишена гибкости. Она учит убивать тех, кто служит помехой нашему честолюбию; поэтому человек, жестокий от природы, следует ей без труда. Это самый гнусный и самый грубый способ удержаться у власти или прийти к ней» [3, с. 350]. «У подданных деспота нет родины», – утверждает автор. Он считает, что деспотический правитель ради утверждения своей власти использует самые различные методы и приемы: «Усыплять народ празднествами, зрелищами, роскошью, пышностью, наслаждениями. Делать его тщеславным, изнеженным, никчемным, ублажать его пустяками – вот безошибочная политика, к которой с давних пор прибегают во многих государствах. Чего только не добивался деспотизм ценою такой снисходительности» [3, с. 350].

В целом при анализе сочинений французских писателей XVII столетия нетрудно было заметить, как четко и однозначно их авторы реагировали на изменение

политической конъюнктуры в стране. Большинство из них было прямо связано и зависимо от современных политических обстоятельств, а их идеи и выводы, в свою очередь, были продиктованы этими обстоятельствами (см. реакцию потомственного вельможи Ларошфуко на новации кардиналов Ришелье и Мазарини..., или насколько гармонично уживаются на страницах сочинений либеральные и монархические идеи в условиях замирения враждующих сторон и укрепления абсолютизма при Людовике XIV выходца из буржуазной среды Лабрюйера...). Сравнение же политических взглядов названных писателей с политическими взглядами их предшественников в XVI в. (Филиппа де Коммина, Жана Бодена, Мишеля де Монтеня и других [1,

с. 21]), касающихся, в частности, власти и ее взаимоотношения с подданными, позволяет констатировать почти их полное совпадение. В данном случае политические взгляды двух рассмотренных выше писателей, как справедливо отмечает Ю. П. Малинин, касаясь политических идей во Франции переходного периода, вполне вписываются в общую социальную мысль того времени, которая «была ориентирована на стабильность сущего и основную задачу, стоящую перед обществом, видела в обеспечении его устойчивости и неизменности путем предотвращения перемен, раздоров и войн. Путь к этой цели проходил через нравственное совершенствование всех членов общества...» [5, с. 402 – 403].

Литература

1. Батулин А. П. Власть и подданные: проблема взаимодействия в сочинениях французских политических писателей XVI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2(54). Т. 3. С. 16 – 21.
2. Бобкова М. С. «Historia Pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М., 2010.
3. Лабрюйер Жан де. Характеры // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1974.
4. Ларошфуко Франсуа де. Мемуары. Максимум. М.: Наука, 1993.
5. Малинин Ю. П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» // Филипп де Коммин. Мемуары. М., 1986.

Информация об авторе:

Батулин Алексей Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории цивилизации и социокультурных коммуникаций факультета истории и международных отношений КемГУ, rinutab@mail.ru.

Aleksey P. Baturin – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communication, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94 (410).05

ТОМАС ЭЛИОТ: ПОРТРЕТ ГУМАНИСТА «МЕЖДУ РЕНЕССАНСОМ И РЕФОРМАЦИЕЙ»

В. Н. Бурганова

THOMAS ELYOT: A PORTRAIT OF THE HUMANIST «BETWEEN THE RENAISSANCE AND THE REFORMATION»

V. N. Burganova

В статье делается попытка на основе анализа литературного и эпистолярного наследия Т. Элиота представить его портрет в контексте социокультурных процессов английского общества первой половины XVI века. Анализируются характер взаимоотношений Элиота с выдающимися его современниками.

On the basis of analyzing T. Elyot's literary and epistolary heritage, the paper attempts to present his portrait in the context of socio-cultural processes of the English society in the first half of the 16th century. The nature of the relationship between Elyot and his outstanding contemporaries is analyzed.

Ключевые слова: Англия, Т. Элиот, Возрождение, гуманизм, Реформация, «Правитель».

Keywords: England, Thomas Elyot, Renaissance, humanism, Reformation, «Governour».

К концу XIX века в зарубежном ренессансоведении наметились две тенденции в понимании культуры Ренессанса. Одна из них – модернизация Возрождения (Ж. Мишле, Я. Буркхардт, Г. Фойгт), другая – медиевизация Возрождения (К. Бурдах, Й. Хёйзинга) [1]. Позднее выработался так называемый «компромиссный подход» в трактовке Ренессанса, представленный работами П. Кристеллера, Э. Панофского и др., что может свидетельствовать об активизации ис-

следований в данной области. В этот период в Англии в 1880 году издается трактат «Правитель» («The Boke named the Governour») Томаса Элиота [10; 11], имя которого до этого лишь изредка упоминалось в энциклопедических и общих работах, главным образом по истории английской литературы при том, что в 1832 году трактат был издан под редакцией А. Элиота. Редактором издания 1880 года был Генрих Герберт Стефан Крофт, которого по праву можно считать пер-

вым биографом Элиота и первым исследователем его трактата [8]. О значимости проделанной им работы свидетельствует тот факт, что долгое время исследователи наследия английского гуманиста прибегали именно к этой редакции. Будучи первым исследователем, Г. Крофт заложил основы текстологии, дав подробное описание прижизненного издания трактата и выявив отличие от последующих переизданий, в которых некоторые пассажи были выпущены. В биографическом разделе он указывал на отсутствие ряда сведений об Элиоте, дал оценку значимости его сочинения для своего времени, отметив, что оно могло затмить любую книгу, не исключая «Утопии» Т. Мора [9, р. XIX]. Исследователь обозначил и дискуссионные аспекты, касающиеся биографии гуманиста.

Начиная с конца 30-х гг. XX века практически все исследования, включая небольшие по объему опубликованные диссертации, были посвящены анализу главным образом трактата «Правитель». Немецкие исследователи Й. Шлоттер [15] и Э. Гретхер [12] отмечали актуальность сочинения, написанного в XVI веке для своего времени. Это касалось, прежде всего, по их мнению, трактовок Элиотом роли лидера в обществе и принципов его организации, отрицание уравнилельных идей, что в конечном итоге обеспечивает порядок и способствует его поддержанию. Англо-американские исследователи акцент делают на анализе источниковой базы трактата, как, например, Л. С. Уоррен, рассматривая его как продолжение сложившейся к XVI веку традиции европейских трактатов о воспитании христианского принца [17].

В зарубежной историографии второй половины XX века на фоне повышенного интереса к роли интеллектуалов в общественной и государственной жизни появляются исследования творчества отдельных представителей, в том числе и Т. Элиота. Среди них – работа профессора С. Лемберга, написавшего биографический очерк [13] и подготовившего переиздание трактата гуманиста, издание сохранившихся писем Т. Элиота под редакцией Д. Уилсона [16], в предисловии к которому он дает достаточно подробный историко-филологический анализ этой части наследия гуманиста [18]. Наиболее полным исследованием мировоззрения Элиота можно считать работу Д. Мэдзора, главным предметом изучения которого традиционно стал «Правитель» [14]. Анализируя факторы влияния на изложенные в трактате идеи гуманиста, Мэдзор при кажущемся многообразии тем и аспектов считает его цельным по тематике и структуре сочинением, написанном в рамках традиций «зерцало для принца» (*prince's mirror*) и «куртуазной книги» («*courtesy book*»). Он отмечает, что практически до последней четверти XVI века оно оставалось в Англии единственным сочинением подобного рода.

В отечественной историографии имя Т. Элиота начинает фигурировать в 70 – 80-х годах, в период, когда одной из тенденций в отечественном ренессансоведении стало изучение общественного сознания и особенностей культуры Возрождения и гуманизма за пределами Италии. Для публикаций этого и последующего периодов характерно не столько комплексное изучение наследия гуманиста, сколько его идеи с

точки зрения сравнительного анализа с идеями главных фигурантов, изучаемых отечественными исследователями. Так, например, в статье В. Комаровой ряд положений трактата «Правитель» сопоставляется с историческими хрониками Шекспира [3]. В работах И. Н. Осинковского и В. А. Каменецкого затрагиваются преимущественно политические аспекты трактата: первый обращается к ним в контексте анализа наследия Т. Мора и процесса эволюции гуманизма в Англии [5], второй упоминает гуманиста в связи с исследованием идеологических аспектов политической борьбы в Англии периода генезиса капиталистической системы [2].

Творчество и деятельность Томаса Элиота (1490?– 1546) приходится на время правления Генриха VIII, с именем которого связаны изменения в разных сферах. С одной стороны, начало его правления приходится на ранний этап английского Ренессанса, начавшегося после продолжительной гражданской войны, на фоне которой происходящие социокультурные перемены представляются весьма значительными. Среди них – подвижки в сфере образования, связанные в том числе с деятельностью гуманистов, которые, как отмечал А. Н. Немилов, борясь за университеты, в XVI в. одержали победу [5, с. 49], социальная мобильность, интенсивное гражданское строительство, в том числе ренессансных королевских резиденций, служащих «визитной карточкой» власти, развитие английской поэзии и распространение итальянской литературы. С другой стороны, проводимая «сверху» в контексте формирования национального абсолютизма Реформация, привела к тому, что «в религиозном сознании происходили глубокие изменения не только в сфере религиозных верований, но и в интеллектуальной, культурной и, по всей видимости, экономической и общественной жизни» [4, с. 63].

О ранних годах Элиота известно немного: нет сведений о дате и месте рождения, достоверной информации о полученном им образовании, в том числе университетском. Считается, что начальные образование и познания в гуманитарных дисциплинах он получил в доме своего отца, Ричарда Элиота, успешного юриста, приверженца нового направления в области образования. Возможно, этим объясняется тот факт, что Элиот еще в юности помимо юриспруденции увлекался, как сам указывал, классикой, моральной философией [16, р. 52 – 54] и медициной. Последнее оказалось значимым в его биографии, т. к. заметное влияние на интерес Элиота к вопросам медицины и древним языкам, прежде всего, к греческому, оказал Томас Линакр, который был членом оксфордского кружка гуманистов, куда входили Д. Колет, Т. Мор и др. «Универсализм» Линакра проявился не только в его блестящем образовании и интеллектуальных занятиях, но и в том, что он являл собой тип гуманиста, воплотившего принцип «*vita activa*». Он состоял на придворной службе в качестве врача Генриха VIII и учителя его старшей дочери Марии, основал Королевский колледж врачей, который и возглавил.

Что касается отношений Элиота и Линакра, в свое время обучавшегося в Оксфорде у Уильяма Селлинга [9, р. 21], то здесь следует говорить не только об отношениях учителя и ученика, но и рассматривать их в контексте вопроса преемственности и эволюции гуманистической традиции: в контексте стремления к преобразованию общественного порядка – от филолого-педагогической направленности (Д. Колет, Т. Линакр, У. Лили и др.) к этико-педагогической (Т. Старки, Т. Элиот и др.). Так, например, Линакр, будучи автором грамматики по латыни и специалистом по греческому языку, перевел Галена на латынь. Элиот в своем первом трактате «Правитель» (1531 г.), являющимся в значительной степени антитезой «Утопии» Т. Мора и включающим этико-политический и воспитательный разделы, рассуждал о таких аспектах, как диета и трезвость. Позднее он написал первую медицинскую энциклопедию «Замок здоровья» (1534 г. ?), демонстрируя знания сочинений Гиппократов, Галена и других авторов. Оба произведения написаны на английском языке, что было обусловлено, во-первых, его стремлением сделать их более доступными для читателя, на что указывает сам автор, а во-вторых, явно соотносится с ренессансной литературной традицией. Элиот первым попытался создать научный труд на английском языке, продолжив тенденцию по утверждению в обществе национального языка, начавшуюся в Англии в XIV веке с создания литературного языка Д. Чосером и переводом Библии на английский Джоном Уиклифом. Уже в «Правителе» Элиот как лингвист-популяризатор и просветитель, используя метод ввода английских эквивалентов латинским терминам и их детального объяснения, вводит в обиход новые понятия, расширяя тем самым лексикон английского языка. В 1538 году был издан подготовленный Элиотом «Латинско-английский словарь», который вероятно стал последней значимой работой гуманиста.

Наиболее плодотворными в творческом плане и достаточно насыщенными в профессиональной деятельности оказались тридцатые годы XVI века. Об этом периоде его жизни можно говорить более определенно, благодаря ряду факторов. Одним из них следует считать сами произведения, датируемые 1531 – 1538 гг., в которых «связь» Элиота с гуманистическими «кругами» очевидна и которую, с одной стороны, можно характеризовать как непосредственную в отношении английских гуманистов, и косвенную в отношении европейских мыслителей. Нет никаких данных о знакомстве Элиота с кем-либо из итальянских мыслителей и почти не вызывает сомнений, что он не был лично знаком с неоднократно посещавшим Англию Эразмом. При этом воспитательно-образовательный проект Элиота, изложенный в «Правителе», содержит перечень обязательных для изучения сочинений. Рекомендуемый перечень, наряду с Библией и многочисленными произведениями античных авторов, включает сочинения итальянских гуманистов (Л. Б. Альберти, Б. Кастильоне, М. Пальмиери и др.) и «Воспитание христианского государя», создателя которого Элиот характеризует как «самого превосходного доктора Эразма Роттердамского» [10, р. 95].

Кроме того, некоторые его произведения содержат посвящения (например, «Правитель» посвящен Генриху VIII) и практически все они включают искусно составленные предисловия, содержащие в том числе сведения о его планах и настроениях, что дало основание Уилсону назвать Элиота «закоренелым составителем предисловия» [18, р. XIV]. Значимую информацию содержат и несколько сохранившихся писем гуманиста, датируемых 1528 – 1538 гг. И то и другое приходится на реформационный период, когда многие стояли перед выбором, в том числе моральным. Перед такой дилеммой, по всей вероятности, стоял и Т. Элиот, на позицию которого повлияло не только происходящее в стране, но и две «знаковые фигуры» Ренессанса, одна из которых – Т. Мор, олицетворяющий гуманистический лагерь и сделавший свой выбор, другая – Т. Кромвель, идеолог английской Реформации, сделавший головокружительную карьеру при дворе Генриха VIII.

Т. Элиот узнает об опале Мора, с которым вероятно находился в дружеских отношениях, будучи при дворе от императора Карла V с поручениями английского короля по вопросу бракоразводного процесса. Как гуманист он избирает «линию защиты» лорд-канцлера, что само по себе было небезопасно, и осуществляет ее гуманистическими методами, а именно написанием таких произведений, как «Мудрым человека делают знания», («Of the knowledge which maketh a wise men», 1533 г.) и «Догмы принцев» («The doctrinal of Princes», 1534). В результате Элиот оказывается под подозрением у государственного секретаря Т. Кромвеля [14, р. 34], с которым его связывали давние дружеские отношения, начавшиеся, как следует из контекста письма, в 1519 – 1520 гг., когда Кромвель занялся адвокатской деятельностью в Лондоне, где Элиот с 1511 года служил в качестве клерка в судебных разбирательствах. В одном из писем Элиот обращается к Кромвелю как к «истинно почитаемому и моему настоящему другу» [16, р. 36]. Впоследствии оба «вращались в кругу» кардинала Т. Уолси: Кромвель состоял у него на службе в качестве секретаря, а Элиот по его протекции в 1523 – 1530 гг. служил в королевском совете, о чем он писал в одном из писем [16, р. 7 – 10]. В качестве вознаграждения за эту службу, как намекал в одном из писем Элиот, он получил лишь почетное и обременительное звание рыцаря («сэр»), имея «для жизни меньше, чем до этого» [16, р. 14] и получая доход от имений в Кембридшире и Оксфордшире, оставленных ему отцом.

Считается, что с подачи Кромвеля Элиот познакомился с сочинениями итальянских авторов, такими как «Придворный» Кастильоне и «Государь» Макиавелли. Можно предположить, что свой трактат «Правитель» (понятие «правитель» употребляется в широком контексте) Элиот противопоставил не только «Утопии» Мора, но и «Государю» Макиавелли.

Возможно, именно благодаря дружбе с Кромвелем, выразив публичную поддержку (присягу) религиозной политике короля лишь в 1535/1536 гг., Элиот сумел избежать неприятностей из-за сочувствия Т. Мору, которое подразумевало и симпатии католицизму. В адресованных после казни Мора письмах

Кромвелю Элиот просил забыть о его дружбе с Мором, отмечая, что она длилась «до алтаря» [10, р. СХСІ].

В ходе Реформации Кромвелю была поручена организация ревизии церковного имущества и духовенства, а Элиот принимал участие в ревизии монастырских земель. Не без содействия главного министра короля Элиот в 1539 году получил возможность приобрести земельные владения из конфискованных монастырских земель, о чем ранее просил его [16, р. 31]. Надо полагать, в знак своей благодарности и признательности, рассчитывая на дальнейшее расположение и содействие, Элиот включает в первую редакцию «Зámка здоровья» посвящение Кромвелю, которого не содержало издание 1541 года, вышедшее после казни

канцлера. Впоследствии имя Кромвеля, как и имя Мора, никогда не упоминалось Элиотом.

Будучи человеком Ренессанса, Элиот в период перемен, оставаясь верным короне, выбрал для себя гибкий «путь компромиссов», путь на котором в плане профессиональной карьеры он видимо не слишком преуспел, путь, на котором как гуманист, он внес значимый вклад в развитие общественно-политической мысли Англии. Его идейное наследие нашли отражение в частности в хрониках Шекспира, в творчестве которого «ярко проявился кризис гуманизма в Англии в конце XVI – начале XVII в.» [7, с. 150]. Если выразить это в виде некой тенденции, то ее можно представить следующим образом: универсализм реалиста Т. Мора – рационализм прагматиста Т. Элиота – скептицизм универсалиста Шекспира.

Литература

1. Еманов А. Г. Культура Возрождения в аксиологическом дискурсе // Сайт Тюменского государственного университета. Тюмень. URL: http://www.tmnlib.ru/jirbis/files/upload/books/Emanov_01.pdf (дата обращения: 02.05.2014).
2. Каменецкий В. А. Политическая мысль Англии XVI в. в англо-американской историографии. ВИ, 1974. № 3. С. 98, 111.
3. Кенигсбергер, Г. Европа Раннего Нового времени, 1500 – 1789. М.: Весь Мир, 2006. 320 с.
4. Комарова В. Хроника Шекспира «Король Генрих V» и проблема идеального правителя // Шекспировские чтения, 1976. М.: Наука, 1977.
5. Немилев А. Н. Специфика гуманизма Северного Возрождения // Типология и периодизация культуры Возрождения. М.: Наука, 1979.
6. Осинковский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М.: Наука, 1978. 326 с.
7. Сапрыкин Ю. М. От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 192 с.
8. Croft H. H. S. Life of Elyot // Elyot T. The Boke named the governour. Divided by sir T. Elyot, knight. Ed. from the 1st ed. of 1531 by Henry Herbert Stephen Croft. L. G. R. Paul. 1880. Vol. I. 352 p.; Vol. II. 660 p.
9. Caspari F. Humanism and social order in Tudor England. Chicago: The university of Chicago press, 1954. 293 p.
10. Elyot T. The Boke named the governour. Divided by sir T. Elyot, knight. Ed. from the 1st ed. of 1531 by Henry Herbert Stephen Croft. L.: G. R. Paul, 1880. Vol. I. 352 p.
11. Elyot T. The Boke named the governour. Divided by sir T. Elyot, knight. Ed. from the 1st ed. of 1531 by Henry Herbert Stephen Croft. L.: G. R. Paul, 1880. Vol. II. 660 p.
12. Grether E. Das verhältnis Shakespeare's «Henrich V» su sir Thomas Elyot's «governour». Marburg, 1938. 46 p.
13. Lehmborg S. E. Sir Thomas Elyot. Tudor humanists. Austin. Texas, 1960. 213 p.
14. Major J. Sir Thomas Elyot and Renaissance humanism. Lincoln university of Nebraska press, 1964. 276 p.
15. Schlotter J. Thomas Elyot's «Governour» in seinem. Verhältniss su Francesco Patrici. Freiburg, 1938. 119 p.
16. The letters of sir T. Elyot. Chapel Hill: University of North Carolina Press. Studies in philology. Vol. LXXIII. Dec. 1976. № 5. 78 p.
17. Warren L. C. Humanistic doctrines of the prince from Petrarch to sir Thomas Elyot. Chicago, 1939.
18. Wilson J. R. Introduction to the letters of sir T. Elyot. Chapel Hill: University of North Carolina Press. Studies in philology. Vol. LXXIII. Dec. 1976. № 5. XXX p.

Информация об авторе:

Бурганова Вера Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, verburg@inbox.ru.

Vera N. Burganova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94 (517)"06/08"

**«...ТОГДА Я ПРИВЕЛ В СМЯТЕНИЕ ТЮРКСКИЙ ЭЛЬ, ТОГДА Я ЕГО ПОГУБИЛ».
ПАДЕНИЕ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ: ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ**

С. А. Васютин

**«...THEN I DISARRAYED THE TURKIC ELL, THEN I RUINED IT".
THE TURKIC KHAGANATES FALL: FACTORS AND MECHANISMS**

S. A. Vasyutin

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 33.1175.2014К.

В статье рассматриваются основные факторы и механизмы падения тюркских кочевых империй в Монголии. Исследование проводится на основе комплексного анализа факторов и причин, определявших раскол или ликвидацию тюркских империй. В результате удалось выявить, что кризисы в Тюркских каганатах происходили под влиянием определенной комбинации факторов, отличавшихся в каждом конкретном случае. Прежде всего, это усложнение общественно-политических институтов в кочевых империях и стремление правителей каганата ввести в политическую практику элементы управления из опыта оседлых государств. Также среди неблагоприятных факторов для тюркских политий большое значение имели отсутствие консолидирующей политики, что вызывало острые этнические и социальные противоречия, дипломатия и военное вмешательство Китая, состояние «имперской» армии, в отдельных случаях «перепроизводство элит» и утрата асабийи. В итоге удалось выявить, что кризис и падение крупных кочевых империй, как правило, происходит в тот момент, когда империя в социальном, культурном и политическом плане достигает некоего пика: складываются культурные традиции, оформляется элитарная культура, появляются элементы государственности, происходит усложнение социальной структуры и т. д. Это говорит об определенном пороге сложности, который для кочевых империй является критическим и во многих случаях труднопреодолимым.

The paper deals with the basic factors and mechanisms of the fall of the Turkic nomadic tribes in Mongolia. The research is based on the complex analysis of the factors and reasons which determined the schism or liquidation of the Turkic empires. The research demonstrated that the Turkic Khaganates crises resulted from certain factors which were different in each case. First of all, they were the complicity of socio-political institutions in the nomadic empires and the Kaganates leaders' intention to implement some settled states' governing elements into their political system. The lack of a consolidating political power resulting in acute ethnic and social contradictions was a very important disadvantage as well as Chinese diplomacies and military intervention, "imperial" army conditions, in some cases "overproduction of aristocracy" and the loss of Assabiyah. The paper concludes that the crisis of nomadic empires usually occurs when an empire reaches a certain peak in its cultural and political life: building of cultural traditions and the elite culture, appearance of statehood elements, more complex social structure etc. This indicates to a certain complexity threshold which is critical and, in many cases, insurmountable for nomadic empires.

Ключевые слова: Монголия, Тюркские каганаты, падение кочевых империй, факторы и механизмы.

Keywords: Mongolia, Turkic Khaganates, the nomadic empires fall, factors and mechanisms.

Падение средневековых кочевых империй Монголии (Центральной Азии, Внутренней Азии), причины и механизмы таких явлений вызвали у специалистов не меньший интерес, чем создание имперских структур на степных просторах Евразии. Ранее нами были рассмотрены факторы периодических политических кризисов в отдельных кочевых империях и общие причины их смены другими политиями номадов. К таким факторам можно отнести усложнение общественно-политических структур в империи и стремление правителей каганата ввести в политическую практику элементы управления из опыта оседлых государств, что вызывает рост этносоциальных противоречий и открытые выступления племенных союзов, разгром сторонников правящей династии другими племенными группировками, дипломатия и военное вмешательство Китая, «окитаивание» знати, «перепроизводство элит» и утрата асабийи [4 – 9].

Вопросы падения имперских образований кочевников в Монголии неоднократно рассматривались и

характеризовались в исторической науке. В. В. Радлов один из первых обратил внимание на взаимосвязь между внутренней стабильностью кочевых обществ и успешностью внешнеполитических действий. Он высказал мысль о том, что кочевые лидеры без интегрирующей роли военных походов и завоеваний не могли установить постоянный контроль за племенной периферией [22, с. 249 – 250]. О. Латимор писал о цикличности возвышения и упадка номадных политий под влиянием земледельческих цивилизаций [25]. Т. Барфилд конкретизировал данную концепцию прямой привязкой процессов политической децентрализации у кочевников и кризисами в средневековом Китае. Кроме того, он указывал на неустойчивый механизм наследования, провоцировавший междоусобицы и ослабление централистского начала [1, с. 16 – 18; 2, с. 20 – 21, 111]. Еще ранее Л. Н. Гумилев наряду со слабыми сторонами удельно-лестничной системы у тюрков говорил о процессе окитаивания (китаизации) и «китаефильстве» кочевой знати как факторе роста

противоречий между аристократией и рядовыми кочевниками [10, с. 56 – 59, 118 – 119, 137, 146 – 147, 337 и др.]. В трактовке Н. Н. Крадина кочевые империи выступали как квазигосударства и суперсложные вождества, т. е. изначально такие объединения носили неустойчивый характер. Развивая концепцию В. В. Радлова, исследователь отводил роль главного консолидирующего фактора военным набегам на Китай (либо угрозам набегов), вынуждавших Поднебесную платить дань, вести неэквивалентную торговлю и т. д. В качестве непосредственной причины кризиса кочевых империй и их исчезновения он называет перепроизводство элиты [14, с. 332 – 334; 15, с. 29 – 30; 16, с. 235 – 236; 17, с. 122 – 123 и др.].

В центре внимания данной статьи факторы, причины и механизмы крушения Первого Восточно-тюркского каганата в 627 – 630 гг. и Второго Восточно-тюркского каганата в 741 – 745 гг., а также «гражданская война» в Великом Тюркском каганате 589 – 603 гг., имевшая своим следствием раскол каганата на две отдельные политики, и кризис 714 – 721 гг. во Втором Восточно-тюркском каганате.

Первый (Великий) Тюркский каганат (552 – 603) до его раскола являлся масштабной евразийской империей с контролем значительных участков Шелкового пути и торговых городов в Восточном Туркестане и Семиречье. При Тобо-кагане (Таспаре) происходит структурная перестройка империи, вызванная развертыванием агрессивной политики против китайских царств. Произведенная Тобо централизация военных сил, привела к усложнению политической системы в восточной половине каганата, военные набеги вынуждали северокитайские царства Северная Чжоу и Ци ежегодно выплачивать дань шелком [3, с. 233]. Однако внешняя угроза подтолкнула Китай к централизации и образованию единой империи Суй. Объединение Китая под власть суйской династии в свою очередь стало решающим внешнеполитическим фактором раскола Тюркской империи. По существу мы видим две формы адаптации элит на западе и востоке каганата к событиям в Китае. Восток консолидировался для дистанционной эксплуатации китайских ресурсов, а запад империи получал доходы от торговли китайскими товарами и фискально-пошлинных изъятий в городах Средней Азии. Это спровоцировало конфликт интересов между членами клана Ашина, чьи уделы располагались в разных частях империи. Наиболее амбициозные из них (Торэмен, Шету, Кара-Чурин Тюрк, Чулохоу) стремились установить свою власть над всем каганатом. Однако итогом этих столкновений было оформление двух кочевых политик с различными пасторальными целями в отношении соседних земледельческих обществ.

На этом влияние Поднебесной не ограничивалось. С восстановлением своего единства Китай прекратил выплаты степнякам. Тем самым правитель тюрков лишился возможности раздачи престижных китайских вещей влиятельным родственникам и племенным лидерам, что подрывало лояльность знати кагану и способствовало соперничеству за власть. Проводя политику «разделяй и властвуй» в самой Монголии, Суй поддерживала разных князей из Ашина и провоцировала конфликты в тюркской среде. В итоге к на-

чалу VII в., когда империя распалась на Западно-тюркский и Восточно-тюркский каганаты, китайцы с помощью щедрых даров смогли на востоке возвести на трон марионеточного кагана Жангара (Тули-хана), а затем укрыли его со сторонниками в пограничной зоне от других претендентов на власть. Восточно-тюркский каганат, таким образом, фактически распался на отдельные территории, часть которых контролировалась разными представителями клана Ашина, а часть оказалась в руках племенных лидеров, некогда подчинявшихся тюркам. В итоге консолидация Китая и достижение им наивысшего военно-политического могущества привели к формированию в степи нескольких конфликтующих группировок и разрушению имперских структур тюрков. В связи с этим с полным основанием можно сказать, что влияние Китая как мир-империи и его внешняя политика в отношении кочевников Монголии были весьма значимыми факторами ослабления и кризиса Первого Тюркского каганата.

Внутренние факторы кризиса Первого Тюркского каганата в 589 – 603 гг., как можно предположить, связаны с перепроизводством элиты, о чем свидетельствует быстрый рост числа уделов в империи и утрата сплоченности правящего клана. При Мугань-кагане (553 – 572) оформилось 2 крыла империи. В правление Тобо-кагана (572 – 581) возникло восемь уделов, а в следующем поколении количество уделов возросло почти в два раза и только на каганский престол было не менее 5 претендентов. Необходимо отметить, что в событиях конца VI – начала VII в. подчиненные тюркам кочевые союзы не участвовали самостоятельно в столкновениях, а лишь поддерживали ту или иную сторону конфликта. Но кризис власти в Восточно-тюркском каганате и набеги западных тюрков способствовал тому, что в рамках империи произошла консолидация племенных структур и возникло несколько центров нетюркской власти: киби и сеяньто провозгласили независимую державу в Джунгарии, а уйгуры, объединившись с племенами пугу, тунло и байегу, создали союз во главе с Сыгинем (Шы-гянь-Сыгинем) из рода Яглакар и «отложились» от власти тюрков [3, с. 301 – 302, 339; 26, с. 350; 10, с. 143 и др.]. Начавшийся в империи Суй кризис (608 – 618), позволил восточно-тюркскому кагану Шибира (608 – 619) восстановить порядок в степи и передать свою власть наследникам – Чуло (619 – 620) и Хейли / Эль-кагану (620 – 630). Уйгуры вынуждены были подчиниться тюркам, но сохранили свою обособленность. Об этом свидетельствует переход власти от Шы-гяня к его сыну Пусе. Все это позволяет говорить об устойчивости созданного уйгурами надплеменного объединения во главе с Яглакар. Именно уйгуры и их союзники, а также сеяньто сыграют важную роль в падении каганата в 630 г.

Кризис 627 – 630 годов и последовавший разгром Восточно-тюркского каганата имел свои экзогенные и эндогенные факторы. В данном случае мы имеем взгляд на эти события с двух сторон – китайской и, собственно, тюркской. Начнем с последней, тюркской, версии: «После того как младшие братья не были подобны старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели (на царство), надо думать, неразумные

каганы, и их буюруки были также неразумны, были трусливы. Вследствие непрямоты (неверности кагану) бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательства, обманывающих из народа табгач и их козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ – с бегами, тюркский народ привел в расстройство свое... государство и навлек гибель на царствующего кагана» [12, с. 61 – 62]. В переводе С. Е. Малова этого текста подчеркивается еще один нюанс: «вследствие того, что они (народ табгач – китайцы) ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей... тюркский народ привел в расстройство свой эль» [18, с. 36 – 37]. В данном отрывке мы можем увидеть, как в тюркской элите произошла утрата сплоченности – «асабийи» по Ибн Халдуну [11, с. 67] и «на царство сели «неразумные» и «трусливые» правители. Но непосредственной причиной крушения каганата названо подстрекательство Китая, т. е. политика Тан в отношении тюрков и подчиненных им племен в духе победой варваров «руками других варваров». Поддержка китайцами недовольных тюркской властью племенных лидеров вызвала восстания племенных союзов против тюрков, что помогло танским войскам разбить Эль-кагана, заставить каган и его сторонников сдаться китайским властям, чтобы не быть перебитыми своими степными противниками.

Китайская версия не противоречит тюркской, но сохраняет для нас множество деталей, отсутствующих в текстах надписей Кюль-тегину и Бильге-кагану. Из китайских хроник становится понятно, как было подорвано влияние тюркского правителя. Прежде всего, танский император Тай-цзун отказался выплачивать дань Эль-кагану. Это означало упадок консолидирующей политики и недовольство со стороны полунезависимых сеяньто и уйгуров, чьи оппозиционные настроения поддерживал Китай. Каган попытался укрепить свои финансовые позиции с помощью сбора дани согдийцами в степи, но это вызвало волну выступлений и восстание в 628 г. племен сеяньто и уйгуров против тюрков. Вступление в дело китайской армии завершило разгром тюрков в 630 г.

Следует подчеркнуть, что тенденция ослабления асабийи в правящем роде, отмеченная Ибн-Халдуном, всегда сочетается с другими факторами. В этом отношении интересный пример дает Второй Тюркский каганат. Тюркам, бежавшим из Китая в степь, удалось достичь стратегических успехов при Ильтериш-кагане путем разгрома токуз-огузов и захвата Отокенской черни (Хангая), что позволило с одной стороны обезопасить тюрков от военных экспедиций Тан [12, с. 110 – 111]. Именно отсюда тюрки развернули экспансию в различных направлениях в период правления следующего Капаган-кагана (кит. Мочжо, 691/693 – 716 гг.) и воссоздали собственную империю («эль»). Капаган-каган вел завоевательную политику, расширял территорию империи, консолидировал разноэтничных номадов для «дистанционной эксплуатации» Тан. Совершая регулярные набеги на китайские провинции, Капаган смог добиться поступления в степь шелка, проса, земледельческих орудий, перехода под его власть еще остававшихся в Китае тюркских поколений [3, с. 268 – 269]. Тюрки не ограничились

подчинением Тувы, Алтая, владений кыргызов. Судя по всему, в планы Капагана входило покорение тюркешей в Семиречье, захват городов и оазисов в Восточном Туркестане и Средней Азии. Это позволило бы получить доступ к торговле шелком и ресурсам (налогам, пошлинам, товарам) городских общин. Но этим планам не суждено было сбыться. Поражения от арабов в Тохаристане и от китайцев под Бэйтином (Бешбалык) в 712 – 714 гг. поставили под угрозу существование кочевой империи. Один за другим племенные лидеры киданей, хи, карлуков, азов, токуз-огузов и др. поднимали восстания. Капаган-каган попытался восстановить свою власть в степи и дважды разгромил токуз-огузов. Но в 716 г. он попал в засаду и погиб. Тюркская империя оказалась в шаге от полного краха. В этой ситуации понадобились сверхусилия, чтобы сохранить каганат. Прежде всего, необходимо было консолидировать элиту, чтобы избежать междоусобиц среди претендентов на власть. Такие меры были осуществлены Кюль-тегином. Он уничтожил прямого наследника, истребил его род, «предал смерти» всех служивших при Капагане «государственных людей» [3, с. 273], а затем провозгласил каганом своего брата Бильге. Жестокость была оправдана, так как речь шла о судьбе каганата в целом. Против тюрков в 714 – 716 гг. не без поддержки Китая выступили практически все кочевые объединения Монголии. По меткому замечанию Л. Н. Гумилева, «верные тюркскому хану войска казались островами среди моря восстания» [10, с. 310 – 311]. Правитель тюркешей Сулук провозгласил себя независимым каганом. К этому же стремились лидеры карлуков, токуз-огузов и кыргызов. Недовольные действиями Кюль-тегина вожди и целые поколения тюрков и других кочевников уходили на юг к границе с Китаем, изъявляя покорность императору Тан. При описании восхождения на каганский престол Бильге отмечается, что он «...сел... над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи – одежды, (над народом) жалким и низким» [18, с. 39].

Невероятными усилиями Бильге-кагану и Кюль-тегину удалось спасти империю, одерживая победы над уйгурами (токуз-огузами), киданями, татабами [18, с. 40]. Первоначально Бильге-каган хотел совершать традиционные набеги на Китай, продолжая линию Капаган-кагана. Но советник Тоньюкук отговорил его, апеллируя к состоянию китайского общества: «Сын неба воинственен, народ в согласии, годы урожайны...» [3, с. 274]. Отверг Тоньюкук и другую инициативу Бильге-кагана – построить в степи храмы Будде и Лао-цзы, подчеркивая, что тюрки могут противостоять китайцам потому что «следуют за травой и водой», не имеют «постоянного местопребывания и упражняются только в военных делах». Учение же Будды и Лао-цзы, по словам Тоньюкука, «делает людей человеколюбивыми и слабыми» [3, с. 273]. Тем самым именно Тоньюкук начал выстраивать новую конфигурацию отношений с Китаем. Она не предполагала набегов на Поднебесную (Бильге направил в Китай послов с просьбой о мире) и препятствовала культурному влиянию Китая. В конечном итоге мир был заключен (721 г.) и вплоть до смерти Бильге-кагана в 734 г. конфликтов между Вторым Тюркским

каганатом и Китаем не было. Правитель тюрков, продолжая получать дары из Китая (шелк, изделия из драгоценных металлов, зерно / спирт и другие товары), проводил изоляционистскую политику. Несмотря на мирные отношения с Тан, тюрки конструируют свою идентичность на основе антикитайской риторики и образа Китая как главного погубителя Первого каганата. Надпись в честь Кюль-тегина предупреждала об опасности сближения с китайцами: «... Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве» [18, с. 33 – 35]. «...тюркский народ, когда ты идешь в ту страну (Китай – прим. С. В.), ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отоу-кенской черни, лишь посылаешь караваны (за подарками), ...ты можешь жить, созидая свой эль...» [18, с. 35]. Тем самым разрушительное для тюркских традиций китайское влияние (товары, одежды, образ жизни) блокировалось. Убийство Кюль-тегином в 716 г. наследника Капагана, его родственников и сторонников существенно сократило элитарный слой и потребность в престижных вещах. В контексте изоляционистской политики исключались и набеги на Китай, которые могли служить поводом для трансляции в степь китайского влияния.

Мирные отношения с Тан «компенсировались» тюркской политикой «умиротворения» степи. Борьба тюрков с непокорными племенами продолжалась как минимум до 721 г. В результате токуз-огузы и другие кочевые племена Монголии после длительного сопротивления и неоднократных мятежей вынуждены были покориться. Укрепилось положение тюрков и на северных границах каганата, где была создана система гарнизонов и, вероятно, применялись разнообразные фискально-даннической практики в отношении оседлого и кочевого населения Тувы, Алтая, Хакасии, Забайкалья. Империя прожила в мире почти 20 лет, но выбранная Бильге-каганом стратегия все же привела Второй Тюркский каганат к краху. Уже при втором сыне Бильге-кагана Бигя Гудулу-кагане, взошедшем на престол в 740 г., начались междоусобицы («поколения пришли в несогласие» [3, с. 277]). Один за другим на престоле сменялись каганы. Уйгуры, карлуки и басими подняли восстания. Роль Китая, переживавшего очередной кризис, в событиях 742 – 745 гг. не ясна, но можно предположить, что Тан не предпринимала специальных мер для ослабления тюркской империи (император даже предложил Усу-миши кагану подданство [3, с. 278]). Тем временем в степи воцарился хаос. Уйгуры, басими и карлуки добивали остатки тюркских войск и вели борьбу между собой. В конечном итоге уйгурский Кутлуг-Бильге Кюль-каган, нанеся поражения тюркам, а затем своим союзникам карлукам, захватил власть в степи (745 г.). «...тогда я привел в смятение тюркский эль, тогда... я его погубил» констатирует Терхинская надпись второго уйгурского правителя Элетмиш Биль-

ге-кагана [13, с. 43]. Ей вторит и надпись из Могойн Шине-усу: «...тюркский нард (окончательно) погиб» [19, с. 39; 13, с. 61].

Факторы и причины распада империи и военных поражений тюрков в 740-е гг. многочисленны. Во-первых, в результате миролюбивой политики Бильге-кагана по отношению к Китаю тюркская элита и военная структура в целом оказались не достаточно мобилизованными для решения военных задач. Во-вторых, доля элиты после событий 716 г. была недостаточной, чтобы оказывать давление на кагана с целью заставить его проводить более консенсуальную политику. Не хватало тех импульсов из военно-аристократической среды, которые вынудили бы кочевого лидера выступить в традиционной роли организатора походов. В-третьих, в результате жесткой политики тюрков в отношении подчиненных кочевых народов начались восстания. Именно войска карлуков и уйгуров поставили точку в судьбе Второго Тюркского каганата.

Подводя итоги, можно отметить, что в трех (589 – 603, 627 – 630, 714 – 721) из четырех случаев кризиса тюркских каганатов, рассмотренных в статье, механизм ослабления империи, а в 630 г. и ее падения, сочетал внешнюю угрозу (подстрекательство подчиненных племен к восстаниям против тюрков, вмешательство в выборы кагана, вторжения в степь и т. д.) в лице Китая и внутреннее противостояние либо на уровне претендентов на престол из правящего тюркского клана, либо конфликт между тюрками и другими племенными союзами империи. Определенное значение имели факторы усложнения общества: рост числа уделов, а значит и численное увеличение высшей знати, доступ к фискально-пошлинным доходам от торговли, попытки Эль-кагана ввести с помощью согдийцев фискальные поборы, стремление Капаган-кагана захватить Восточный Туркестан и Семиречье для контроля над местными городами и торговыми путями. В событиях, связанных с падением Второго Тюркского каганата (741 – 745), преобладали эндогенные факторы (влияние Китая исключать нельзя, но оно было не явным). В этом случае на первый план выступило стремление уйгуров (токуз-огузов) и карлуков к независимости. Объединение племен во главе с уйгурами начиная с 610-х гг. стремилось к тому, чтобы сбросить власть тюрков. Они сыграли важную роль в крахе Восточно-тюркского каганата в 630 г., вели борьбу с Ильтериш-каганом за главенство в степи в конце VII в., участвовали в восстаниях против Капаган-кагана и Бильге-кагана. Вся история уйгуров VII – первой половины VIII вв. была наполнена столкновениями с тюрками. Для окончательной победы уйгурам нужен был только повод, который дал правящий род Второго Тюркского каганата, вступивший в начале 740-х гг. на шаткую дорогу междоусобиц.

Литература

1. Барфилд Т. Дж. Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3.
2. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухляева, Б. В. Кузнецова. СПб., 2009. 248 с. URL: <http://barfield.narod.ru>. (дата обращения: 12.07.2012).

3. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 381 с.
4. Васютин С. А. Кочевые империи Центральной Азии: неоконченный диспут // Вестник НГУ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 33 – 41.
5. Васютин С. А. Падение Уйгурского каганата и основные пути социально-политической эволюции кочевых обществ Центральной Азии в IX – XI вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 2(44). С. 22 – 28.
6. Васютин С. А. К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «би-полярного мира» Т. Барфилда // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. (Серия: История, филология). Т. 10. Вып. 1. История. С. 34 – 39.
7. Васютин С. А. Проблемы формирования кочевно-оседлого общества в империи Ляо // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 7. История. С. 110 – 115.
8. Васютин С. А. Антропология верховной власти в кочевых империях (по материалам эпохи Тюркских каганатов) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2011. Вып. 72(1 – 2). С. 306 – 329.
9. Васютин С. А. Кризис средневековых кочевых империй Центральной Азии: к дискуссии о факторах // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Чита: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2013. С. 28 – 34.
10. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 525 с.
11. Ибн Халдун. Теория политико-демографических циклов Абд ар-Рахмана Ибн Халдуна в его собственном изложении (Перевод разделов социологического трактата ал-Мукаддима) // Коротаев А. В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. М.: Восточная литература РАН, 2006.
12. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
13. Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 328 с.
14. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000.
15. Крадин Н. Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 5.
16. Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: ИА РАН, 2002.
17. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.
18. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 452 с.
19. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 108 с.
20. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX – XII вв. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии, 1974. 208 с.
21. Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 318 с.
22. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. 749 с.
23. Di Cosmo N. State formation and periodization in Inner Asian history // Journal of World History. 1999. Vol. 10. № 1. P. 1 – 40.
24. Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. XXVIII + 369 pp.
25. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. Boston: Beacon, 1967. 585 pp.
26. Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). B. I. Texte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 484 s.
27. Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, & Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2007. 273 pp.

Информация об авторе:

Васютин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, vasutin@history.kemsu.ru, vasutin2012@list.ru.

Sergey A. Vasyutin – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕХОДА ОБЩЕСТВ ВОСТОКА В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

О. В. Ким

COMPARATIVE HISTORICAL MODEL OF EASTERN SOCIETIES' TRANSITION IN THE EARLY MODERN PERIOD

O. V. Kim

В статье предлагается сравнительно-историческая модель перехода средневековых восточных обществ в Раннее Новое время. Специфические типы модерности на Востоке определялись системой экзогенных и эндогенных факторов. Они рассматриваются в контексте теории модернизации и мир-системного анализа. Теоретический синтез позволяет поднять вопрос об «условно-османском» и «условно-китайском» преобладающих типах переходных процессов в посттрадиционных обществах Востока. Азиатские страны с разной скоростью проходят период Раннего Нового времени в 1453 – 1840 гг.

The paper provides the comparative historical model of transition of medieval Eastern societies in the Early Modern period. Specific types of "modernity" in the East were defined by a system of internal and external factors. They are considered in the context of Modernization Theory and World-System analysis. Theoretical synthesis allows to raise the question about "Relative-Ottoman" and "Relative-Chinese" general types of transitional processes in Eastern post-traditional societies. The Asian countries pass this Early Modern period with different speed in 1453 – 1840.

Ключевые слова: раннее Новое время, переходные общества, теория модернизации, модернизация на Востоке.

Keywords: Early Modern History, transitional societies, Modernization theory, modernization in the East.

Современное развитие «глобальной истории» привело к появлению взгляда на раннее Новое время как на переходную эпоху в мировом масштабе. Это выражено в представлениях о сложносоставном «вызове модерна», вызвавшем концентрические волны региональных модернизаций. В ходе этих процессов возник новый уклад жизни и система ценностей, средневековая традиция изменялась под давлением новшеств, наступил этап «разрыва традиционности». Сторонниками этого подхода отмечено, что три «пороховых империи» Востока вступили в переходное состояние хронологически близко к Европе. Так, начало османского Нового времени нередко обозначают временным коридором 1453 – 1520 гг. (падение Константинополя и начало правления Сулеймана Великолепного); для Индии это период 1498 – 1526 гг. (Васко да Гама и образование империи Великих Моголов), для Ирана 1501 – 1588 гг. – создание государства Сефевидов и реформы шаха Аббаса. То, что Новый Свет подтягивается к глобальной истории символической датой 1492 года, а Африка – не ранее 1600 года, объясняется различной темпоральностью региональных версий перехода. Общего мнения о периодизации раннего Нового времени для Дальнего Востока нет: для одних специалистов Китай вступил в эпоху перемен в 1644 году, а Япония – в 1603 году, с началом периода Токугава [4, с. 4 – 6]. Для других историков ранний модерн в Японии наступает вместе с эрой Тёнбун (1532 – 1555), предвещавшей появление португальцев и рождение Тоётоми Хидеёси [18, р. 38]. Многие китаеведы считают, что разложение традиции и системные изменения начались в Китае в поздний период Мин, за несколько десятилетий до прихода маньчжур [16, р. 58]. Разнообразие периодизаций отражает дискуссионный характер проблемы.

Как отмечает И. В. Побережников, в исследованиях широких исторических трансформаций намече-

но смещение от структуралистских макроисторических объяснений к сравнительно-историческим моделям. Такие функциональные модели процессов дают возможность составлять страновые варианты перехода от традиции к модерну, реконструировать их общие стадии и специфические исторические особенности. Методологическая пластичность и синкретизм, свойственные современной теории модернизации, позволяют связать ее с контекстом других макроисторических теорий [7, с. 18 – 20]. Глобальная динамика экономических циклов и взаимодействий, технологического обмена, складывание региональных и трансконтинентальных политических иерархий является предметным полем мир-системного анализа. Взаимосвязь внутренних и внешних факторов трансформации, их взаимодействие с реальными процессами развития раскрывает модернизационная парадигма. Цивилизационный подход позволяет концептуализировать традиционный контекст, социокультурный базис и «коридор возможностей» исторического перехода, обосновывает его региональную темпоральность.

В исследованиях о средневековых мир-системах А. Г. Франка, Дж. Абу-Лугход, Т. Д. Холла, К. Чейз-Дана развилась идея о том, что мировая гегемония Европы после 1500 года не была фатальной. Она стала результатом субъективных тенденций, вклинившихся в длинные региональные циклы развития. При этом отмечается, что торжество западного капитализма было функцией и экономическим проявлением его военно-технологического превосходства, а не наоборот [1; 10; 13]. Отмечается, что исторически долго в мировом технологическом, демографическом и производственном балансе доминировали мир-системные центры Китая, Индостана, Среднего Востока, связанные коммуникацией Великого Шелкового пути. Евразийский ритм культурной передачи обеспечил европейскую реализацию изобретенных на Востоке поро-

ха, компаса, книгопечатания и бумажного векселя. Период 1500 – 1750-х годов был временем напряженного равновесия между Западом и Востоком, когда ход истории не был детерминирован и мог реализовываться по вееру возможностей. Коллапс восточных империй между 1750 и 1850-ми годами с точки зрения влиятельной группы сторонников мир-системного анализа не блокировал их развитие навсегда, а привел к временному перемещению системного ядра.

Децентрализация европейского дискурса в модернизационной парадигме стало следствием серьезной ревизии теории в последней четверти XX века. Укрепился концепт о том, что экзогенная, парциальная модернизация могла проходить вне конвергенции с европейской цивилизацией. Ш. Айзенштадт выдвинул идею множественности модерностей как результата воздействия множественных культурных программ, и указал на позитивное значение традиции – она обеспечивает социально-культурную устойчивость современному обществу, позволяет ему сохранять позитивную идентичность [12]. Д. Рюшмейер указал на относительные возможности фрагментарной модернизации и пластичную приспособляемость традиционных форм [15]. Как следствие, в современном понимании процессов модернизации в неевропейском ареале возможен перенос внимания с проблем генезиса капитализма на другие процессы. Можно согласиться с мнением И. В. Побережникова, что такой альтернативой может стать фигурационная теория Н. Элиаса. Фигурация – это процесс многостороннего социального общения людей, в ходе которого постоянно изменяются и усложняются правила общественного поведения, психологические ориентации. Фигурационная динамика становится фактором формирования высокоорганизованного общества, основанного на постоянном взаимодействии и самоконтроле людей [11, с. 242 – 252]. Такая интерпретация модерности позволяет перенести акцент с сущностной динамики капитализма на иные объекты внимания – социальные связи нового типа; формирование дисциплинарного общества, разделение труда, культурные тенденции, на трансформацию традиций и синтез традиций и инноваций. Если мы добавим к этим критериям факторы внешних влияний, военной революции, национальной консолидации, этатизма, меркантилизма – то получим в первом приближении общие контуры искомой функциональной модели.

Для большинства сообществ Востока вызов модерна был комплексным, экзо- и эндогенным. В истории Востока 1200 – 1450 годы были отмечены рядом системных кризисов, подрывавших международный баланс и внутреннюю стабильность некогда великих империй. Монгольские и тюркские нашествия нанесли большой материальный, человеческий и культурный урон Китаю, Индии, Хорезму, Ирану, Ближнему Востоку. В то же время они стали фактором мощной культурной диффузии и замыкания евразийской мир-экономики. Благодаря им в XIII – XIV вв. технологический комплекс Китая получил возможность евразийской трансляции, а на всем протяжении Шелкового пути сложилась система бесперебойной караванной торговли. В отношении традиционных азиатских деспотий нашествия носили преимущественно регрес-

сивный характер и, по мнению многих востоковедов, с ними была связана волна феодализации (и, как следствие, децентрализации) общественно-политических структур. Причиной коллапсов XIV века стало демографическое перенаселение и экономический кризис – оба явления были взаимосвязаны и отразили завершение характерного и очередного для традиционных обществ цикла демографического сжатия. В это время экологические, хозяйственные и политические возможности государств оказались не в состоянии преодолеть нарастающую социальную энтропию. Этим процессам сопутствовали опустошительные эпидемии в континентальном масштабе. Важным фактором экономического упадка востока стал распад монгольской системы поддержания торговых путей – и, как следствие, разрыв мир-экономических связей. Экзогенный фактор был связан с внешними угрозами, которые исходили от кочевых периферий, сильных в военном отношении соседей, или являлись проявлением политической и этно-религиозной децентрализации. В конце средневековья Восток столкнулся с военно-торговой и религиозной экспансией Европы, которая требовала адекватного ответа.

Таким образом, на рубеже Нового времени перед азиатскими цивилизациями стояли сложные исторические задачи – военная революция и политическая централизация – создание эффективного, регулярного государства, способного на экспансию и дающего безопасность; преодоление религиозной дефрагментации и национальная консолидация; создание сложного дифференцированного общества и развитие социального контроля; преодоление экономического и демографического кризиса. Конкретное развитие процессов перехода и модернизации определялось, с одной стороны, воздействием цивилизационно-культурной матрицы, а с другой – чередой субъективных факторов, событий и отношений, которые определили реальное положение вещей.

Страны Востока в раннее Новое время были объединены общей демографической динамикой. Период империалистического роста Османской империи, Сефевидского Ирана, империи Моголов в Северной Индии в XVI веке, а также становление империи Цин и сёгуната Токугава в XVII веке происходило на фоне демографического роста и благоприятных социально-экономических условий после разрушений и потерь, завершивших предыдущий цикл. Относительная устойчивость государства и высокие реальные доходы производителей объяснялись наличием свободных земель и конъюнктурой роста. Переход к кризисному циклу сжатия происходит через несколько десятилетий и связан с исчерпанием возможностей экстенсивного производства и традиционных способов редистрибуции. Существенной причиной сжатия могло быть исчерпание возможностей внешней экспансии. Несколько десятилетий сжатия чередовались с краткими ремиссиями. Но в целом демографический цикл заканчивался сломом, т. н. брейкдауном, крахом государства и большими потерями населения. Так, С. А. Нефедов указывает, что в Османской империи в раннее Новое время прошло два цикла:

1) 1470 – 1540 – период роста восстановления;

2) с 1540 – период Сжатия; 1595 – 1609 – экосоциальный кризис; конец XVIII в. – брейкдаун [6, с. 606 – 607].

Важными параметрами динамики переходных процессов является мир-системная локация – степень близости конкретного сообщества к морским и континентальным коммуникациям, что в свою очередь прямо влияет на интенсивность экзогенных факторов. Приморские и островные территории раньше попали в орбиту воздействия западной мир-экономики, столкнулись с эксплуатацией и навязыванием парадигмы развития, но имели больше исторического времени для адаптации к ней. Континентальные периферии исторически дольше сохраняли традиционалистскую основу. В целом роль фундаментальных, базовых структур и ценностей высока, они имеют большую вневременную устойчивость. Как отмечает И. В. Побережников, большие пространства, население и ресурсы создавали больших евразийских империй предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркичное развитие. Это могло ослабить модернизационные процессы и импульсы. Периферийная удаленность в перспективе приводила к абсолютному неравенству сил в столкновении со зрелой европейской гегемонией в Новое время. Воздействие европейского колониализма становится более интенсивным на рубеже XVIII – XIX веков, оно могло быть причиной изменения вектора модернизации и даже быть причиной ее слома. Неудачи реформаторской политики, нашествия, народные волнения и сепаратизм могли запустить механизмы регрессивного развития и реанимации традиционализма.

Классическими признаками азиатских аграрных экономик принято считать преобладание государственного сектора над частным, ориентацию на воспроизводство и социальный баланс, технологический консерватизм, вертикальную государственную реди-стрибуцию. В эпоху раннего модерна в аграрной экономике начинают действовать три мощных фактора, которые приводят к росту производства и дифференциации социальной среды. Первый фактор – процессы *протоиндустриализации*. В протоиндустриальном обществе экономика базируется на сельском хозяйстве, а промышленность «встроена» в аграрную экономику и тесно с ней связана. Это, однако, не препятствует достижению достаточно высокого уровня товарного производства и появлению специфического пространственного разделения труда – когда значительная часть аграрного населения втягивается в активную экономическую деятельность за пределами сельского хозяйства. Протоиндустриализация представлена различными формами промышленного производства – городское ремесло, кустарные и домашние крестьянские промыслы, разными разновидностями мануфактур. На этом этапе было возможно существенное развитие торговли на местных и внешних рынках, концентрация капиталов, формирование рынка труда [8, с. 156 – 157]. Второй фактор – развитие торгового капитала. Это комплексный процесс отделения ремесла от сбыта и появления в социальном поле нового агента – купца-скупщика, который в значительной степени выступает организатором ремесленного, кустарного производства, ориентированного на рынок [5,

с. 400]. Высокий товарный уровень ремесла и значительные объемы торгово-ростовщического капитала, высокая степень урбанизма в Иране, Индии, Китае и других странах Востока неоднократно описывались в научной литературе. Например, внешняя торговля Англии в 1789 году равнялась 3 % объема внутренней торговли Индии [3, с. 116 – 120]. Третья тенденция – высокая степень урбанизма в Османской империи, Индии, Китае, Японии. В начале раннего нового времени крупнейшие города мира располагались на востоке – Нанкин, Истамбул, Исфахан, Багдад, Осака и др. Горожане составляли до 22 – 25 % от общей доли населения, при том, что, например, Эдо в XVIII в. вдвое превосходил Париж [2, с. 452, 489]. Под этой характеристикой совокупно понимается высокая удельная роль крупных городов в структуре государства и мир-экономики, формирование городских субкультур, ценностей и моделей поведения. Цивилизационная особенность развития товарно-денежных отношений на Востоке выразилась в том, что эволюция городского труда и экономики обладала самостоятельным развитием, была отделена от ритма и стиля деревенской жизни, не вызвала ее разложения. Особый статус земледелия в экологических и социальных условиях Востока позволял ему функционировать относительно автономно, сохранять традиционный «феодално-общинный» облик [9, с. 142 – 143]. Этот устойчивый признак являлся ограничителем развития протобуржуазных тенденций в раннее Новое время.

Региональные отличия исторических параметров и интерьера модернизации в Западной и Восточной Азии побуждают к выделению двух типологических разновидностей неевропейского модерна, т. н. «условно-османский» (Ближний Восток, Центральная Азия) и «условно-китайский» варианты (Япония, Китай). Для «условно-османского» варианта основным инструментом модернизации общества и государства является военная, территориальная экспансия. В соответствии с этим основное развитие получают социальные структуры и институты, обеспечивающие осуществление этой экспансии и поддержание даннической системы. Важным структурным элементом модерна является «пороховая революция», создание комбинированного войска из служилой конницы и пеших стрелков гулямов (иранское *туфенгчи*, османские *капы-кулу*), аналоги янычарского корпуса. Эффективность социального развития, способность противостоять кризисам в этом варианте прямо пропорциональна способности всех общественных подсистем поддерживать и развивать военно-политическую сферу. Для обществ, развивающихся по условно-османскому варианту, характерен многонациональный и поликонфессиональный состав населения, с выраженной этнической специализацией. Характерным признаком реформаторской политики султанов и падишахов становится попытка привлечь во властные структуры представителей «светских», развитых в социальном отношении национальностей, носителей имперской идентичности (сербы, греки в Османской империи, грузины, армяне, азербайджанцы в Иране, персы в Индии). Большое значение имеет разделение населения на земледельцев и кочевников с вытекаю-

щей разницей уровней развития и диаметрными жизненными ориентациями. Последнее обстоятельство (наличие тюркских, монгольских и других кочевых по происхождению военных элит) определяет принудительную передачу военно-феодалных институтов и традиций социально-политическому строю классической азиатской деспотии. Прежде всего, это условные земельные держания представителей служилого сословия (*тимар*, *тиуль*, *джагир*) как основа военно-административной и фискальной структуры государства. Борьба военных элит за статусные позиции и суверенитет является существенным ограничителем его центростремительной политики. Таким образом, социально-политическая система таких обществ изначально обладает высоким потенциалом децентрализации. Жизненные практики людей, идеалы и культурные образцы в рамках традиционалистских архетипов определены парадигмой ислама и нормами шариата.

Условно-китайский, дальневосточный вариант модерна развивается в контексте политики добровольной самоизоляции от внешнего мира с гипертрофированной ролью социальных институтов, обеспечивающих контроль, интеграцию общества и внутреннюю солидарность. Это замыкание на внутренней ойкумене (архетип Поднебесной, окруженной недружественными варварами). Приоритет внутренней политики над внешней основан на конфуцианской доктрине общества и государства. Эффективность этого варианта прямо пропорциональна способности государства поддерживать внутренний сословный баланс и проводить политику внешней изоляции. Эту систему характеризует традиционный азиатский этатизм с опорой на надклассовую бюрократию, или как в Японии периода Токугава – на лояльное государство, контролируемое военное сословие. Этнически и конфессионально гомогенное население (титовая нация преобладает во всех ключевых сферах деятельности; религиозные и национальные меньшинства статистически незначительны; иноземная правящая элита подвергается быстрой культурной ассимиляции) вписано в строгую сословную систему (*си-но-ко-сё* в Японии, *ши-нун-гун-шан* в Китае), отношения всех сословий с государством четко определены. Сообществам конфуцианской цивилизации присущ высокий технологический и социокультурный уровень развития. Характерно, что в эпоху Мин Китай обладал мощным флотом технически и количественно превосходившим любой европейский флот раннего Нового времени, о чем свидетельствуют семь военно-торговых экспедиций Чжэн Хэ в 1405 – 1433 гг., достигших Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки. Аналогично японские даймё Одо Нобунага и Тоётоми Хидэёси смогли в XVI веке организовать массовое производство огнестрельного оружия и создать многотысячный корпус стрелков, опережая при этом европейское производство и тактику на 50 – 70 лет [14, с. 140]. Однако правящие режимы Японии и Китая сочли возможным и необходимым отказаться от этих технических средств во избежание опасных для общественного баланса социальных последствий военной революции и внешних контактов. В XVII в. правительство Цин и сегуны Токугава провели ре-

прессии против христиан и предприняли меры для сокращения экономического влияния экспортируемого из Европы серебра [18, р. 359; 17, р. 626]. В целом этому типу свойственна значительная устойчивость традиционного базиса, что в свою очередь препятствует быстрому введению инноваций, но сообщает всей цивилизационной системе большой потенциал самовоспроизводства.

Естественно, указанные типы не охватывают всего многообразия вариантов, прежде всего Южную Азию, Индию с ее особой темпоральностью, религиозным синкретизмом, варно-кастовой системой. Они являются полярными выражениями сущностной динамики перехода для стран Востока. При этом история Делийского султаната, империи Великих Моголов показывает ряд системных соответствий условно-османскому типу. Это правление иноземной кочевой династии, ислам и мусульманский дискурс социальной политики, стремление Моголов опереться на систему условных земельных держаний джагирдаров, большое культурное и военно-технологическое влияние Ирана, попытки религиозно-идеологической консолидации разнородного населения.

Раннее Новое время для стран Востока – эпоха напряженного поиска дальнейших путей развития. Общее в тенденциях развития Европы и Азии выразилось в империалистическом росте, абсолютистских тенденциях, пороховой революции, развитии светской культуры, урбанизме, появления высокоорганизованного общества контроля. Закрытие «коридора возможностей» позитивных трансформаций определялось как цивилизационными, так и внешними факторами. Первые проявления кризиса азиатские страны испытывали в середине XVII века, уже утратив начальный импульс имперского роста и консолидации. Достигнув пределов экспансии, они столкнулись с центробежными тенденциями, с проявлениями мирового экономического кризиса, с ростом военно-торговой экспансии Европы и России. Эти факторы ослабляли функции эффективного общественного контроля. На рубеже XVIII – XIX вв. Восток испытал деструктивное воздействие неблагоприятного демографического цикла, достиг пределов возможностей экстенсивного развития, стал субъектом расширения капиталистической мир-экономики Запада. Кризис региональных модернизаций и резкое возрастание экзогенных факторов привел к перестройке процессов от относительно эндогенного социального синтеза в логику зависимого, догоняющего развития. В эту фазу страны Востока также входят не синхронно: Османская империя, Индия, Иран – раньше, позже – Япония, Китай. Временной коридор можно маркировать 1757 – 1840 годами (от победы англичан в сражении при Плесси в Индии до первой Опиумной войны в Китае). Вхождение в Новое время для стран Востока совпало, и было связано с периодом складывания глобальной евроцентристской капиталистической мир-системы.

Литература

1. Абу-Луход Дж. Переструктурируя миро-систему, предшествующую Новому времени // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций* / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2001. Вып. 2. С. 449 – 461.
2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 1: Структура повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь Мир, 2006. 552 с.
3. Зарин В. А. Запад и Восток в мировой истории XII – XIX вв. М.: Наука, 1991. 263 с.
4. История человечества: в 8 т. / под ред. П. Берка и Х. Инальчика. Т. V. XVI – XVII века. М.: Магистр-Пресс, 2004. 500 с.
5. Ким О. В. Переход от Средневековья к Новому времени в теории торгового капитализма // *III исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы Международной научной конференции 11 – 12 ноября 2010 года*. Томск: изд-во ТГПУ, 2011.
6. Нефедов С. А. Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. М.: Территория будущего, 2008. 751 с.
7. Побережников И. В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011. 44 с.
8. Проскурякова Н. А. К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX – начала XX вв. // *Экономическая история. Обзор* / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 11. М., 2005.
9. Фурсов А. Н. Капитализм на Востоке во второй половине XX в.. М.: Восточная литература РАН, 1995. 603 с.
10. Чейз-Данн К., Холл Т. Две, три, много микросистем // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций* / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2001. Вып. 2. С. 424 – 448.
11. Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. II. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 82 с.
12. Eisenstadt S. N. Multiply Modernity. *Daedalus*. Cambridge (Mass.), 2000. Vol. 129. № 1. P. 3 – 10.
13. Frank A. G. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand*. L., N. Y.: Routledge, 1993. 320 pp.
14. Parker G. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500 – 1800*. Cambridge University Press, 1988. 265 p.
15. Rueschmeyer D. Partial modernization // *Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons* / Ed. by J. C. Loubser et al. N. Y., 1976. Vol. 2. P. 756 – 772.
16. *The Cambridge history of Japan*. Vol. 4. Early Modern Japan. Edited by J. W. Hall. Cambridge University Press, 2008. 698 p.
17. *The Cambridge history of China*. Vol. 9. Part One: The Ch'ing Empire to 1800. Edited by D. Twitchett, J. K. Parsons. Cambridge University Press, 2008. 714 p.
18. *The Cambridge history of China*. Vol. 7. The Ming Dynasty, 1368 – 1644, Part I. Edited by D. Twitchett, J. K. Parsons. Cambridge University Press, 2008. 859 p.

Информация об авторе:

Ким Олег Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков факультета истории и международных отношений КемГУ, zaecposad@gmail.com.

Oleg V. Kim – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communication, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МЕХАНИЗМЕ КОНТРОЛЯ И ПОДАВЛЕНИЯ НАЦИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ГЕСТАПО И КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ

Л. Н. Корнева

MODERN GERMAN HISTORIOGRAPHY ON THE MECHANISM FOR CONTROL AND SUPPRESSION OF THE NAZI STATE: GESTAPO AND NAZI CONCENTRATION CAMPS

L. N. Korneva

В статье освещается процесс развёртывания в 90-е гг. XX века работы немецких историков в области анализа репрессивных структур Третьего рейха на основе освоения региональных и европейских источников. Анализируются основные направления и методика исследований. Дается оценка новизны проведенной работы, значение исследований для науки и общества.

The paper describes the process of the 1990s deployment of German historians' works to analyse the repressive structures of the Third Reich on the basis of regional and European sources. The major trends and research methodology are analyzed in the paper. The novelty of the research and its value for the science and the society are assessed.

Ключевые слова: нацизм, гестапо, концентрационные лагеря, немецкая историография, механизм подавления и контроля.

Keywords: Nazism, Gestapo, Nazi concentration camps, German historiography, mechanism of suppression and control.

Современная немецкая историография накопила к настоящему времени большой опыт исследования структуры тоталитарного нацистского государства. В системе контроля за населением и подавления деятельности политических и расовых противников большую роль играли такие организации, как гестапо (тайная полиция) и система концентрационных лагерей. Задачей настоящей статьи является освещение процесса развёртывания работы немецких историков в этом направлении, анализ результатов исследования, оценка их новизны и значения для науки и общества.

Хотя гестапо считалось одним из центральных органов репрессивного аппарата, так произошло, что его архивы стали доступны историкам для всестороннего и глубокого изучения только спустя 50 лет после окончания Второй мировой войны. Большую роль сыграло открытие архивов бывшей ГДР и Восточной Европы. Большое значение для оценки роли гестапо в укреплении нацистской власти имели работы по региональной истории национал-социализма, позволявшие анализировать деятельность гестапо на местах и проследить связи с центром. Например, результаты исследования террористического аппарата на земельном уровне (Саара, Нижней Саксонии, Бранденбурга и других областей) методологически разнообразно представлены в работе «Террор: Господство и повседневность в период национал-социализма» [22]. В этой работе сделана попытка преодолеть различие методологических подходов к изучению организации нацистского террора с точки зрения социально-критического метода и методик истории повседневности.

В разделе, посвящённом социальной истории на региональном уровне прослеживается процесс формирования местных отделений гестапо, их количественный состав, степень профессионализма сотрудников гестапо, их социальный профиль, а

также методы работы. Оценивая место и роль гестапо в системе террора в Саарской области (преимущественно промышленной, пролетарской, католической и с сильными позициями социал-демократов и коммунистов), Герхард Пауль поставил вопрос о необходимости ревизии широко распространённого мнения о «всепроникающем оке» и силе нацистской тайной полиции в немецком обществе – как центрального органа «государства чрезвычайных мероприятий».

Приводя различного рода статистические данные, документы и другие материалы, Пауль приходит к следующим заключениям: во-первых, аппарат гестапо был малочислен; во-вторых, канцелярщина и рутинность преобладали в большей части работы гестапо (исключение – выезды сотрудников в оккупированные области); в-третьих, выяснилось, что большинство сотрудников гестапо – не столько нацисты, сколько бывшие служащие полицейского аппарата властных структур Веймарской республики. Членами нацистской партии были не более 50 % сотрудников гестапо [22, с. 18 – 20; 49 – 59].

Сила гестапо, по мнению историка, заключалась не в методах его работы, а в готовности и желании сотрудничества с ним органов «нормального буржуазного государства» (полиции, армии, министерств), а также нацистских организаций – партийных и примыкавших к ней других общественных объединений. Разбирая дела гестапо земли Саар, Пауль пришёл к выводу, что основную роль в поимке «противников режима» выполняли доносы «простых фольксгеноссе», а именно, они «стучали» на соседей, сослуживцев, родственников, случайных знакомых и т. п. Розыскные мероприятия гестапо по количеству поимок уступали непрофессионалам. Так, например, 87,5 % случаев по «скрытой злобе», «коварству» (против государства) – результат доносительства «простых граждан», и не только

по идеолого-политическим мотивам, но и по другим причинам [22, s. 53].

Следует отметить, что одной из первых работ по анализу малоизученной системы доносов и сотрудничеству гестапо с населением явилась книга Г. Дивальд-Керкманн о «маленькой силе фольксгеноссен («друзей народа»)». Опираясь на архивные материалы и дела «добровольных помощников» гестапо, историк сделала выводы, что в целом это явление не носило массового характера, но было одним из важнейших направлений в деятельности террористических служб. Материалы гестапо свидетельствуют о достаточно широком восприятии массой населения нацистских расовых и народнических идей. Автор убедительно показала, что доноительство усиливалось в критические периоды существования нацистского режима, связанные с фазами внутри- или внешнеполитических угроз [8, s. 138, 172].

Работа по истории гестапо развернулась благодаря активным и целеустремлённым действиям названного выше историка Герхарда Пауля, а также Клауса-Михаэля Мальмана. Они поставили задачу изучить не только и не столько структурные аспекты одного из важных механизмов нацистского господства, сколько исследовать вопрос о взаимоотношении тайной полиции и общества. Первые результаты интенсивного изучения этой темы были доложены в 1995 г. на специальной конференции, посвящённой деятельности этого репрессивного органа, а следом вышла книга «Гестапо: миф и реальность» [14]. В ней исследуются различные аспекты организации и деятельности гестапо. Поднимается вопрос о контингенте гестапо и полиции Веймарской республики (К. Граф). Рассматривается установление службы гестапо в регионах и городах (в Берлине, Гамбурге, Потсдаме и др.) [14, s. 73 – 84; 85 – 178]. На примерах деятельности тайной полиции в отдельных регионах анализируется её роль в преследовании в Третьем рейхе «врагов народа»: например, выслеживание деятелей подпольной антифашистской «Красной капеллы», депортация евреев и др. Специально выделен вопрос о сотрудниках, помощниках и партнёрах гестапо, анализируются побудительные мотивы сотрудничества с гестапо добровольных «помощников» из народа [14, s. 268 – 305].

Заключительной работой исследовательского проекта о тайной полиции нацистской Германии стала книга «Гестапо во Второй мировой войне. «Отечественный фронт» и оккупированная Европа» [15]. Эта работа – плод международного сотрудничества немецких учёных с представителями других европейских стран. В 27 статьях книги освещается деятельность гестапо как на «внутреннем фронте», так и в оккупированной Европе. Большое внимание уделено участию гестапо в преследовании евреев и Холокосте (статьи Бершеля, Шмидта).

В материалах компендиума анализируются организация и структура гестапо, РСХА, персонал, методы принятия решений (статьи Вильдта, Банаха, Пауля). Другой блок статей посвящён деятельности крупных центров гестапо во Франции, Нидерлан-

дах, Италии (Кастен, Меерсхоек, Клинкхаммер), а также в «новых» областях рейха, возникших на остатках Чехословакии и Польши (Мальман, Сладек, Фордровиц). В ряде статей исследуются также «новые» для периода войны структуры террора, такие как «Отделы по работе с евреями» и «айнзац-группы» (специальные подразделения борьбы с партизанами). Освещается деятельность гестапо на заключительном этапе войны и, наконец, развал всей системы службы безопасности.

В центре внимания авторов – формирование новых методов работы, а также подразделений гестапо и службы безопасности в свете задач начавшейся войны. В этих работах показано, что к прежним целям выявления противников режима добавились слежка за принудительными рабочими, создание «трудовых лагерей по перевоспитанию» в духе нацизма, осуществление репрессий в отдельных частях оккупированной Европы. Проведён анализ формирования крупных отделений гестапо на центральном и региональном уровне (Штанг, Ангрик и др.). Преступления этих органов обрели конкретные имена и лица. Выявилось, что число лиц, причастных к преступлениям, а также и число жертв было значительно больше, чем было принято считать раньше в историографии и в общественном мнении ФРГ.

Выяснилось также, что действия «снизу» носили более сложный характер, чем просто «выполнение приказа». Было много инициативы «снизу» и доносов «добровольцев» из немецкого народа. Анализ действий режима в разных частях оккупированной Европы показал, что без достаточно широкого коллаборационизма со стороны сохранившихся местных структур полиции, доноительства со стороны части граждан оккупированной Европы было бы невозможно налаживание столь чёткого механизма преследования и убийства «врагов» рейха. Глубокое и всестороннее исследование темы тайной полиции нацистского государства способствовало, по мнению П. Штайнбаха, «демистификации» и освобождению от «демонизации» гестапо, характерных для общественного восприятия этой структуры...» [15, s. XI]. В ходе исследования этой большой темы стало ясно, что обозначение гестапо только как института, который был важнейшим инструментом государственного давления на общество, стало уже недостаточным. В своих работах авторы показали, как часть общественных институтов или граждан использовали гестапо в своих корпоративных или личных интересах. В результате стали более чётко видны механизмы тоталитарного господства нацистов.

Особое место в изучении нацистских институтов преследования и террора занимает тема создания и функционирования системы концентрационных лагерей. Следует отметить, что существование лагерей в Германии после 1933 г. не являлось какой-либо тайной. На начальной стадии диктатуры об этом писали нацистские газеты, скрывая, конечно, что в этих лагерях происходило на самом деле. Но уже тогда в общественном сознании аббревиатура КЦ стала наводить страх и ужас. После войны,

когда вскрылись масштабы преступлений нацистов в КЦ и прошли первые процессы против служащих лагерей, концентрационные лагеря стали олицетворением преступного характера нацистской власти.

Несмотря на это, «в первые послевоенные годы немецкие историки почти не интересовались данной темой. Это было связано, как с кажущейся невозможностью постижения случившегося, так и с тем, что трудно было найти какую-либо ценность в исследовании лагерей, исходя из традиционных ценностей историзма, которые тогда проповедовало большинство историков» [11, s. 19]. Поэтому достаточно длительное время историю КЦ писали не историки, а бывшие заключённые концлагерей. Среди них наибольшую известность и научную значимость обрела работа бывшего заключённого Бухенвальда Ойгена Когана «Государство СС» [13].

Его книга сформировала в общественном мнении тогдашней Германии образ концлагеря: внутренняя жизнь лагеря, всемогущество охраны, иерархия среди заключённых, роль «капо» (надзиратель в КЦ) и заключённых-функционеров, принудительные работы, голод и смерть. Другие воспоминания во многом следовали этому образцу. Более или менее систематически учёные ФРГ стали заниматься концентрационными лагерями с середины 60-х гг., и толчком к этому послужил так называемый Франкфуртский процесс по Освенциму, проходивший в декабре 1963 г. против членов охранных команд КЦ. Из подготовленных для этого процесса документов возникли первые основательные работы по системе КЦ, но дальнейшего развития эта тема не получила и только к середине 80-х гг. в ФРГ пробудился настоящий научный интерес к истории концентрационных лагерей. Это произошло по ряду причин: и обстановки общественной дискуссии об итогах Второй мировой войны, и спора вокруг исторического места нацистского режима, и прихода нового поколения историков. Большую роль сыграли также результаты многочисленных и многоуровневых исследований нацистского режима и его преступлений не только немецкими историками, но и в зарубежной историографии. В этот период был дан ход различным формам международной кооперации в изучении периода Второй мировой войны, оккупационного режима, и в том числе системы концентрационных лагерей.

К этому времени выявилось, что по сравнению с другими сюжетами истории нацизма история лагерей содержит много белых пятен: было неизвестно общее число заключённых, а также – погибших в лагерях. В ФРГ отсутствовали солидные монографии по крупным КЦ, таким как Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Равенсбрюк, Флоссенбург и др. В связи с этим было затруднено создание глубоко фундированного обобщающего исследования по системе КЦ.

Только в 1993 г. вышла подобная работа, которая принадлежала, однако, не историку, а социологу Вольфгангу Зофски, – «Порядок террора» [18]. Работа Зофски представляет собой социологический анализ феномена «абсолюта власти», который покоился, как писал автор, на насилии, организо-

ванном терроре и убийстве. С этой позиции автор рассматривал в своей работе различные ситуации лагерной жизни: голод, работу, расстрелы, штрафы и т. п. Учёный создал некий идеально-типический образ нацистского лагеря – без определённого места, времени, индивидуальности. Нельзя, например, было сказать, идёт ли речь о лагере 1935 или 1944 года. Но работа Зофски дала всё-таки импульс конкретным историческим исследованиям в этом направлении, которые стали рассматривать нацистские лагеря с точки зрения их развития, изменения функции, в конкретных местах и в установленный период – конкретную практику деятельности лагерей (лагерное бытие).

К настоящему времени в Германии, как и в других странах, изданы многочисленные серьёзные работы по истории концентрационных лагерей, которые дают возможность воссоздать многомерную картину их создания, функционирования и разрушения. К ним относятся, например, обобщающие исследования системы КЦ К. Дробиша и Г. Виланда [9], В. Виппермана [12; 17; 19]. Много работ написано и по отдельным крупным и малым лагерям: Нойенгамме, Дахау, Бухенвальде и другим [14]. Заметным в работах стало стремление исследовать влияние существования КЦ на близлежащие города и округу. Исследуя эти связи, историки показывают, что, по крайней мере, в самой Германии они были довольно тесными: в экономической области, в управлении и обслуживании, в доставке заключённых. Местные жители в целом были информированы о сути происходящего в близлежащем лагере. Поэтому было бы неправильно говорить о незнании населения об этих фактах, хотя масштабы преступлений тщательно скрывались нацистами. Исследуется также значение лагерей для военного хозяйства Германии, взаимосвязь экономических субъектов и служб СС, показываются тесные контакты предпринимателей с партией. Эти темы хорошо освещены на примере контактов «Кружка друзей Гиммлера» (*фонд пожертвований предпринимателей в пользу НСДАП и СС. – Л. К.*) со службами одного из КЦ под Марбургом. Авторы пишут, что в результате этих тесных контактов создалась «хозяйственно и политически мотивированная элитная сеть», где осуществлялись не принуждённые контакты между ведущими промышленниками, банками и представителями СС [4, s. 50].

Периодически издающиеся под редакцией известных историков сборники статей на различные темы национал-социализма касаются и проблем истории КЦ. Примером такого рода служат материалы сборника большого международного симпозиума, проходившего в 1995 г. в связи с 50-летием окончания войны [5, s. 56]. Материалы этого сборника представляют палитру исследований этого вопроса, выявляют степень его изученности как в немецкой, так и в зарубежной историографии. В книге, наряду с маститыми, представлены авторы нового поколения историков Германии, других европейских стран, а также США. Многие статьи и доклады содержат определённые импульсы к дальнейшему исследованию проблематики нацистских

лагерей. Материалы книги учитывают динамику развития лагерной системы в течение всего периода нацистской диктатуры, а также изменения их функций в связи с началом мировой войны. В этом объёмном двухтомном труде нашли отражение различные проблемы лагерной системы. Так, широко представлена ранняя стадия развития лагерей – от 1933 до 1936 – 1937 гг., когда шло оформление системы КЦ от «диких» лагерей к созданию специальной «инспекции КЦ» и перехода их в подчинение службы СС.

Рассматривая планирование и фактическую деятельность лагерей в 1934 – 1938 гг., Тухель приходит к выводу о том, что:

1. Численность заключённых в стране зависела от политической обстановки: уменьшение числа узников могло происходить под влиянием стабилизации экономического положения, амнистии, внешнеполитических обстоятельств. Но в целом имел место постоянный рост числа заключённых, особенно после антисемитских погромов и с началом политической и военной экспансии.

2. Лагеря этого периода, по мнению автора, ещё нельзя трактовать как места массовых убийств. Лагерь в это время был местом убийства отдельных, прежде всего видных общественных деятелей. Сначала это место для политических противников, затем – для «чуждых» в расовом отношении «народному сообществу» элементов. С 1938 г. – как средство давления на евреев и побуждение их к эмиграции.

3. В это же время СС начинает разрабатывать экономические планы по использованию труда заключённых. Тухель делает важное замечание о воздействии КЦ, которое было направлено не только против их узников, но и в целом против немецкого народа. Своему народу нацистский режим давал понять, что в Германии отныне возможно в любое время быть брошенным в лагерь без суда и следствия. «Лагеря в период 1934 – 1939 гг. стали инструментом как «рациональной» (перевоспитание политических противников, умерщвление «нежизнеспособных»), так и целенаправленной внутренней политикой Германии (запугивание населения)», – пишет автор [5, с. 57].

У. Херберт уточняет юридические основы и практические действия государства и СС по превращению лагерей в этот период в места превентивного заключения «криминально-биологических» элементов. Он пишет, что в связи с этим охранная деятельность полиции и СС с 1936 г. постепенно смещалась из области борьбы с политическими противниками в область борьбы с нежелательными социальными и «общественно-опасными биологическими» элементами. Уже к ноябрю 1938 г. политические заключённые составляли не более 1 – 3 % заключённых, то есть меньшинство. В связи с этим он подчёркивает феноменологию новых функций немецкой полиции, аналогии которым нельзя найти в других диктатурах. У этих функций «нет исторического прообраза», – пишет он [10, с. 81].

Такую оценку тенденций в развитии лагерной системы с 1934 г. и до начала 1939 г. разделяют и

другие авторы. И её довольно трудно опровергнуть, так как цифры говорят сами за себя. Но и полностью принять её не представляется возможным. На наш взгляд, функции КЦ как места подавления и политических, и расовых противников не были отделены друг от друга стеной, тем более что антикоммунизм и антисемитизм были главными составляющими чертами нацистской идеологии. Они часто смешивались. Другое дело, что в определённые периоды преобладала та или иная функция. Такое суждение поддерживает и часть молодых немецких историков (Фальк Пингель, например) [16, с. 155].

Другая важная проблема – развитие и изменение функций некоторых основных лагерей внутри рейха до конца войны. Здесь основное внимание уделено менее изученным лагерным комплексам, но которые претерпели с течением времени всю гамму лагерных изменений и нарастание их преступных деяний. Вайсброт видит «функциональный поворот» лагерной системы во время войны не в характере его деятельности, а в том, что во время войны оформился новый тип лагеря с новым качеством сконцентрированного в нём общества. Это уже был «лагерь-город» – в противоположность существовавшему ранее «лагерю-деревне». Произошёл «взрыв лагерного феномена», в котором ускорилась «переработка» людей и всё больше возрастало число жертв. «В этом суть описанного «функционального поворота», – утверждает автор [23, с. 359].

Отдельная тема изучения вопроса о лагерях – это история лагерей на Востоке (оккупированные немцами части Восточной Европы, в основном Польши и Советского Союза). В этом разделе книги также нашли отражение вопросы функционирования не очень известных лагерей, особенно на оккупированной территории бывшего СССР (например, в Литве). Авторы показывают, что было бы ошибочно переносить знания о лагерях в рейхе на лагеря, расположенные на Востоке. Здесь они были не только более тесно увязаны с политикой геноцида, но отличались и по внутренней структуре, и по степени относительной самостоятельности лагерной администрации от «имперских лагерей». М. Вильдт подчёркивает, что КЦ на «Востоке» отличались, прежде всего, «убийственным качеством террора», и система лагерей там должна более всего изучаться в своём собственном измерении. Особенностью лагерей в восточных областях было то, что во взаимодействие с ними было вовлечено гораздо больше организаций, чем с «имперскими лагерями». «СС на Востоке были, конечно, могущественной, но только одной из инстанций среди многих нацистских оккупационных учреждений, заинтересованных в лагерях... Кроме того, региональные власти КЦ были автономны в своих действиях в области применения террора, принудительных работ и силе подавления, особенно с 1943 г. «Простор» в этих действиях был несравним с положением в лагерях рейха... Картина бюрократически отработанной и анонимной машины в деле уничтожения людей, которая преобладает в историографии, не совсем верна. Выступает вперёд значение региональных властей,

их «инициатива», их дикость, коррупция, персональное рвение», – пишет Вильдт [23, s. 520].

Использование труда заключённых КЦ – другая важная проблема истории лагерей. В последнее десятилетие XX – начала XXI века этот вопрос особенно активно стал прорабатываться историками других стран [1; 2]. Многие статьи на эту тему содержат подробные сведения о состоянии и степени экономической выгоды подневольного труда, об условиях содержания заключённых.

Действия исполнителей – комендантов, членов комендатуры и штабов лагерей, охранных команд и команд убийц – всё это тоже привлекает внимание историков и рассматривается в специальном разделе компендиума по истории КЦ. Эта тема вышла на острие исследований в связи с постановкой вопроса взаимосвязи между «жертвами и палачами», «палачами и жертвами». Авторы работ – Орт, Шварц, Грабе – при исследовании данной проблематики широко применяют междисциплинарный подход, используя средства психоанализа, социологии. Они поднимают вопросы ментальности, гендерных отношений, без которых картина действий исполнителей и их жертв была бы неполной [6, s. 755 – 840].

Тема взаимоотношений между самими заключёнными тоже стала предметом пристального внимания учёных в последние годы. Она является сравнительно новой для историографии, так как ранее она освещалась преимущественно бывшими узниками КЦ и была не свободна от односторонности. Новые методики исследований дают возможность разнообразить палитру, уточнить многие детали, поставить новые вопросы и опровергнуть некоторые стереотипы. Здесь дискутируются такие вопросы, как наличие определённых групп заключённых, их взаимоотношения между собой, а также взаимоотношения заключённых и персонала СС. По количеству статей – это самый большой раздел двухтомника [24, s. 841 – 1005]. Вновь обострилась дискуссия о роли заключённых – «функционеров», занимавших некоторые низшие должности в лагерной администрации – старосты бараков, «капо», санитары и т. п. – кто они: защитники узников или пособники палачей? Такие исследования стали возможны ещё и в связи с многочисленными публикациями в 90-е гг. старых и «новых» («заключительных») воспоминаний оставшихся в живых узников лагерей – как части сходящего с исторической сцены поколения свидетелей и жертв эпохи фашизма и войны.

Особое внимание обращается на так называемые «марши смерти» узников при расформировании или переносе лагерей в конце 1944 – начале 1945 гг. В некоторых из них большинство заключённых погибло в последние 2 – 3 месяца войны. «Марши смерти» раскрывают масштабы бессмысленных и ужасных деяний эсэсовцев в последние месяцы и недели войны [3, s. 1063 – 1140; 20; 8].

Темы и проблемы, анализируемые учёными, показывают, что многие, кажущиеся уже решёнными проблемы всплывают вновь и требуют более глубокого и всестороннего осмысления. Исследо-

вание многих отдельных лагерей носит фундаментальный характер, а следовательно, предоставляет возможности для сравнения и последующего создания синтетического труда о КЦ нацистского режима с точки зрения универсального и антропологического измерения.

Резюме

Развёртывание работы немецких историков в направлении более глубокого и всестороннего изучения репрессивного аппарата нацистской Германии на примере гестапо и системы концентрационных лагерей происходило с середины 90-х годов XX века по мере освоения региональных архивов, а также открывавшихся архивов стран Восточной Европы. В ходе изучения гестапо был установлен кадровый континуитет полицейских органов Веймарской республики и тайной полиции нацистского государства. Была пересмотрена точка зрения о гестапо как самодостаточной организации и установлено, что сила тайной полиции базировалась по большей части на поддержке «народных добровольцев» и членов государственно-партийных и общественных организаций.

Что касается истории концентрационных лагерей, то произошёл прорыв в изучении внутренней жизни концентрационных лагерей Германии с помощью постмодернистских методов исследования (психофизических связей жертв и палачей, гендерных исследований, психосоциальных отношений между заключёнными и т. п.). Усилено внимание к взаимосвязи лагеря и окружающих его городов и прилегающей местности.

Новые подходы к истории репрессивных органов стали возможны не только по причине расширения источников, но и благодаря и таким обстоятельствам:

- 1) непредвзятый взгляд нового поколения историков;
- 2) «уход» свидетелей времён нацистского господства, когда:
 - а) интересы сопричастных лиц;
 - б) соображения корпоративной солидарности перестают влиять на исторические исследования.

Исследование велось преимущественно силами представителей нового поколения историков, вступивших на научное поприще в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия.

Значение работ по репрессивным органам нацистского государства представляется важным для сравнительного исследования *прошлых и современных* диктатур, границ общего и особенного между ними, влияния отношений между «центром» и «регионами». Комплекс работ о гестапо и концентрационных лагерях ярко подтверждает тезис о том, что проблема «ухода нацизма в прошлое» совсем не означает придания ему некоей «безобидности». Более того, изучение деятельности репрессивных органов Третьего рейха в комплексе исторических, политических и социальных связей делает понятным силу одного из важных факторов тоталитарной власти.

Литература

1. Ерин М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии. 1941 – 1945 гг. Проблемы исследования Ярославль, 2005.
2. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996.
3. Blatman D. Die Todesmärsche – Entscheidungsträger, Mörder und Opfer // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
4. Bütof T., Bindernagel F. Ein KZ in der Nachbarschaft. Köln–Weimar, 2003.
5. Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998. Bd. 1.
6. Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur. Sektion 5. Die Täter.
7. Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur. Sektion 6. Häftlinge und Häftlingsgruppen im Lager.
8. Diewald-Kerkman G. Politische Denunziation im NS-Regime oder die kleine Macht der „Volksgenossen“. Berlin, 1992.
9. Drobisch K., Wieland G. System der NS-Konzentrationslager 1933–1939. Berlin, 1993. 371 s.
10. Herbert U. Von der Gegnerbekämpfung zur „rassischen Generalprevention“ // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
11. Herbert U., Orth K., Dieckmann Ch. Das nationalsozialistische Lager. Geschichte, Erinnerung, Forschung // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
12. Kaenig H. Das Konzentrationslager Neuengamme 1938 – 1945. Bonn, 1997. 368 s.
13. Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München, 1946.
14. Paul G., Mallmann K.-M. (Hrsg.) Die Gestapo. Mythos und Realität. Darmstadt, 1995.
15. Paul G., Mallmann K.-M. (Hrsg.) Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg: „Heimatfront“ und besetztes Europa. Darmstadt, 2000.
16. Pingel F. Kommentierenden Bemerkungen // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
17. Schley J. Nachbar Buchenwald. Die Stadt Weimar und ihr Konzentrationslager 1937 – 1945. Köln, 1999. 196 s.
18. Sofsky W. Die Ordnung des Terrors. Das Konzentrationslager. Frankfurt, 1993. 390 s.
19. Steinbacher S. Dachau. Die Stadt und das Konzentrationslager in der NS-Zeit. Die Untersuchung einer Nachbarschaft. Frankfurt am Main, 1994. 289 s.
20. Sprenger I. Das KZ Großrossen in der letzten Kriegsphase // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
21. Stępień A. Der Todesmarsch der Häftlinge aus dem KL Auschwitz u. a. // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
22. Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus: Probleme einer Sozialgeschichte des deutschen Faschismus. Röhr W.; Berlekamp B. (Hrsg.). Münster, 1995. 346 s.
23. Weißbrodt, B. Kommentierende Bemerkungen / B. Weißbrodt // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
24. Wippermann W. Konzentrationslager. Geschichte, Nachgeschichte, Gedenken. Berlin, 1999. 175 s.

Информация об авторе:

Корнева Лидия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, korneva_21@mail.ru.

Korneva Lydia Nikolaevna – doctor of history, Professor of the new, modern history and international relations Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 930.1(44)''19''

ФРАНЦУЗСКИЕ УЧЁНЫЕ О ПРОБЛЕМАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТОТАЛИТАРНОГО ПРОШЛОГО (вторая половина 1980-х гг. – конец XX столетия)

Н. Г. Костромина

FRENCH SCIENTISTS ABOUT THE PROBLEMS OF OVERCOMING TOTALITARIAN PAST (second half of the 1980 s. – late 20th century)

N. G. Kostromina

В статье исследуются проблемы изучения и интерпретации тоталитаризма французскими исследователями в XX веке. Автор акцентирует внимание на вопросах, связанных с преодолением тоталитарного прошлого. Рассматриваются возможные проблемы и варианты выхода из тоталитаризма, предлагаемые французскими авторами.

The paper investigates the problem of study and interpretation of totalitarianism by French researchers in the 20th century. The author focuses on issues related to overcoming the totalitarian past. The paper covers potential problems and options of overcoming totalitarianism suggested by French authors.

Ключевые слова: демократия, национал-социализм, фашизм, коммунизм, изучение тоталитарных идеологий, преодоление тоталитаризма.

Keywords: democracy, national socialism, fascism, communism, study of totalitarian ideologies, overcoming totalitarianism.

Кардинальные перемены, начавшиеся в СССР, получили большой резонанс в общественном мнении всего мира. «Перестройка» и сопровождающие её проблемы породили бурные дискуссии как в нашей стране, так и во французской исторической и политической мысли. Проблема тоталитаризма приобрела ещё большую актуальность. Самыми дискуссионными в конце XX века оказались вопросы, связанные с проблемами перехода от тоталитаризма к демократии. Учёные, конечно, и раньше размышляли на эту тему, но реальность внесла свои коррективы. «Гласность» также принесла свои плоды: новые свидетельства из «тоталитарного» прошлого вызвали и новые вопросы у исследователей тоталитаризма, на которые предстояло ответить. Исторический опыт и практика показывают, что тоталитарную систему нельзя изменить или реконструировать, её можно только разрушить. Вслед за конструктивным преодолением тоталитаризма общество неизбежно должно прийти к демократизации всех сфер общественной жизни.

В 1986 г. в Париже вышла большая работа К. Лефора «Политические очерки XIX – XX века» [8], которая включает в себя исследования на темы современной демократии и тоталитаризма, свободы и революции. Большое место в его произведении уделяется, наряду с изучением истоков тоталитаризма, объективной оценке опасности этого явления в современном мире.

В своей работе он дает развёрнутую характеристику тоталитаризма, прежде всего как политического феномена. Учёный на основе анализа работ Х. Арендт, А. де Токвиля, Ф. Фюре и других, а также исторического развития детально изучает корни появления тоталитарного господства, которые возникают из «двузначности демократии» или, точнее, из «двузначности последствий» [1, с. 38] того, что рассматривалось как движущая сила демократической революции – «равенство условий». Соглашаясь с тем, что эволюция демократических обществ сделала возможным появление «новых систем господства – идёт

ли речь о фашизме, нацизме или социализме», – автор категорически против применения некоторыми учёными термина «тоталитарная демократия» [1, с. 41]. Это «явная нелепость», отмечает он, так как формирование этой системы включает разрушение демократии. Тоталитаризм, считает он, означает «не только разрушение политической свободы, он ломает динамику опекунской власти или провиденциального государства. Каковы бы ни были черты нового режима, будь он фашистским, нацистским или сталинским, устанавливается ли он в русле советского социализма или под притягательной силой этой модели в Европе, Китае, Корее, во Вьетнаме или на Кубе, не принципы благосостояния управляют развитием государства» [1, с. 42]. При этом он отмечает, что «формирование власти тоталитарного типа, свободной от соперничества, означает не только конец политических свобод, но и самих гражданских свобод» [1, с. 51].

Не последнее место в формировании и становлении тоталитарного общества занимает так называемый «тоталитарный менталитет». Изучая рождение «революционного менталитета», а затем перерождение его в «тоталитарный», Лефор вынужден отметить закономерность этих процессов. Причины рождения «тоталитарного мышления», а затем и укрепления его, учёный видит, во-первых, в формировании государственных основ под лозунгом «создания нового человека»; во-вторых, в превращении общественных норм поведения в нормы личностных отношений; в-третьих, в усилении пропаганды (внушения) необходимого образа жизни и стремлений каждого, отдельно взятого индивида; в-четвёртых, в соответственном изменении законодательства и так далее. При этом на протяжении всего периода параллельно с введением выше перечисленных процессов идёт формирование сильного бюрократического аппарата, обязанного следить за реализацией каждого из процессов. Когда все эти процессы реализовываются, тогда, по мнению автора, и развивается «фантазм единого народа», что

впоследствии и приводит к «тоталитарному мышлению» [1, с. 49].

К. Лефор настаивает на том, что при анализе тоталитарного феномена необходима связь политики и истории. С его точкой зрения можно согласиться, так как действительно в тоталитарном режиме все общественные сферы: и экономика, и наука, и юстиция — политизированы. Партийные установки проникают в каждую область, а общественные интересы ставятся выше частных. Он прав и в том, что тоталитаризм нельзя путать с тиранией, потому что в тоталитарном режиме действие составляет господствующую ценность, так как народ должен быть мобилизован и находиться всегда в движении для осуществления задач, представляющих общий интерес. Это также режим, в котором царит система понятий. То, что режим представляется революционным, так как «он делает чистую доску (*«tabula rasa»*) из прошлого и отдается созданию «нового человека» [1, с. 68], можно принять с оговоркой (*прим. автора: только на начальном этапе*).

Главную опасность учёный видит в том, что «тоталитаризм не вытекает из изменения в способе производства. Современный тоталитаризм возникает именно из политической мутации, мутации символического порядка и роста высокой степени техницизма и «органицизма» (заорганизованности) общества [1, с. 20]. Тем самым Лефор дал новый толчок к размышлениям о путях предотвращения новых форм тоталитаризма.

Работы К. Лефора способствовали формированию новых взглядов на проблему тоталитаризма и демократии. Учёный показал, что только на фоне тоталитаризма демократия приобретает новую рельефность. Он доказал важность исследования такой формы общества, как демократия, так как это помогает понять, что «составляет её оригинальность и что в ней подготавливает её перевертывание, наступление тоталитарного общества» [1, с. 22].

В 1986 г. вышел сборник статей К. Касториадиса «Область человека. Перекрестки лабиринта II», в котором наряду с другими его работами о тоталитаризме и демократии была опубликована работа «Судьбы тоталитаризма» [5, р. 201 – 218].

Учёный в своём произведении акцентирует внимание на вопросах: Что происходит с тоталитарным режимом, когда он в течение двух третей века остается на месте? Что происходит с русским режимом после смерти Сталина? Он сравнивает положение 1981 г. с положением 1930-х гг. или даже 1945 – 1953 гг. При этом он критикует концепцию тоталитаризма Х. Арндт, отмечая, что для характеристики современного тоталитаризма главные пункты концепции совершенно не пригодны. Он отмечает: исчез массовый ужас и массовые трудовые лагеря (они, конечно, остались, но количество переходит в качество). Наказание стало «рациональным» и «действенным». В эту область были введены «интересные технологические нововведения (например, использование психиатрии)». Исчезло провозглашение радикальных «целей... за исключением единственной: мировое господство («мировая победа социализма»)» [5, р. 204]. Военный сектор, по его мнению, функциони-

рует достаточно эффективно, хотя его эффективность намного ниже, чем в США. Невойенный сектор находится в состоянии непрерывного ползучего кризиса. Но он больше не подвергается кардинальным реформам [5, р. 204]. Официальное изображение реальности по-прежнему далеко от реальности. Но здесь уже разница не в степени, а в качестве. «Официальная пропаганда производит бессвязный поток подчиненной лжи, но она не способна восстановить грандиозный мир фикции и параноидальной непроницаемости» [5, с. 204], — считает он. Учёный указывает, что идеология разлагается, но идеологический контроль сохраняется, хотя и наблюдается его ослабление в вопросах политики, философии, социологии и экономики. Касториадис отмечает исчезновение «принципа вождя» в роли лидера, описанного в концепции Арндт [5, р. 204]. Он приходит к заключению, что режим «видимо, отказался от контроля над мыслями и душами людей, а также отказался от принудительного гипербоществления людей». Напротив, то, что осуществляется сегодня, приравнивается к «официально поощренному процессу приватизации», которая толкает людей к тому, чтобы они развивали карьеру, частную жизнь, сады и, если у них есть, потребляли водку» [5, р. 206].

Эти факты, считает Касториадис, разрушают связанность «классического» тоталитаризма и говорят о глубоком изменении структуры советского режима [5, р. 206].

Касториадис отмечает, что «классический» анализ тоталитаризма подходит только для режимов периода Сталина и Гитлера, при этом нацистскому тоталитаризму он соответствует намного больше, чем русскому варианту. По мнению учёного, «эволюция советского режима ускользает от Арндт, так как она не учла ряд факторов, характерных для русской ситуации. Эти причины автор указал в характеристике советского режима как общего и тоталитарного бюрократического капитализма (в работе «Общественный режим в России», см. выше). Здесь он идёт ещё дальше, характеризуя «военное под-общество», которое, по его словам, является «единственной реальной живой силой в России» [5, р. 214]. Это военное под-общество существует в «симбиозе с Партией, ставшей живым трупом, непригодным к любой общественной и исторической роли (за исключением наказания)» [5, р. 214].

Армия для Касториадиса — естественный и необходимый носитель единственного проекта, который держит русский режим вместе [5, р. 214]. Автор приходит к выводу о том, что «перед нами новый тип общественно-исторического образования: стратократия [5, р. 216].

Учёный отмечает, что режим двойственен: с одной стороны, военное под-общество, с другой — Партия. Общество многократно: различные общественные слои, национальности и течения, которые пересекают границы слоёв и национальностей. Также он указывает на наличие теневой экономики, второго общества, национализма и настойчивой приватизации. «В этом хаосе, в этом обществе без веры и закона военное под-общество единственный связный фактор», — пишет он, поэтому оно стало господствующей

силой. Это, по его мнению, доказывает, что уже не существует ни уравнивания, ни унификации общества, даже не во внешнем смысле, который «классический» тоталитаризм пытался осуществить. Анализируя положение в СССР 1980-х гг., учёный приходит к заключению, что для тоталитарного общества характерен в этот период полный «внутренний застой». Режим находится не только в экономическом и социологическом тупике, но и в историческом, и в философском. По мнению автора, исключение составляет «коммунистическая идеология»: она сохраняет некоторое соответствие как «товар на экспорт» специально для рынков третьего мира [5, p. 215].

Таким образом, Касториадис приходит к выводу: «Русская стратократия – оригинальное создание, новое историческое животное» [5, p. 217]. При этом она (стратократия), по мнению автора, разделяет свой фундаментальный характер с «классическим» тоталитаризмом, от «которого родилась: стремительный рост к неограниченному расширению господства» [5, p. 217]. Что же касается «классического» тоталитаризма, то «в своём русском воплощении, по мнению автора, он потерпел неудачу относительно его центральной цели: создания абсолютных людей или разрушение их». Это оказалось невозможным, и «эта невозможность выражается в упадке Партии и в усилении Армии» [5, p. 217].

Автор приходит к вполне логическому заключению: «Классический» тоталитаризм был возможен и реален; это означает, что чудовищный проект общего господства и ассимиляции – одна из возможностей, которую человеческое общество создало и осуществило. «Классический» тоталитаризм был либо побеждён снаружи, либо иссушен изнутри; ничто из этих судеб не было неизбежно и фатально. И оказалось, что стратократия появилась на своем месте в России, которая в глубине оставила проект общего господства, но уже не экстенсивного, опирающегося только на грубую силу. «Следующий проект может оказаться не менее чудовищным и, возможно, иметь ещё более крупные возможности успеха, чем прецедент, уже существовавший» [5, p. 218].

Учёный отмечает, что «бой (прим. автора: с тоталитаризмом) далеко не закончен», но есть возможность предотвратить опасность тоталитаризма. Подтверждением этому служат «и провал первоначального варианта тоталитаризма, и постоянно возобновляющиеся выступления против русской стратократии как её местных представителей, так и в Польше» [5, p. 217].

Работы К. Касториадиса внесли значительный вклад в исследование практически всех аспектов «левого» тоталитаризма. Еще в 1949 году, когда никто и не думал во Франции ставить под сомнение позитивное значение социалистического проекта в СССР, Касториадис математически вычислил наличие в этой стране класса, присваивающего прибавочную стоимость, то есть класса эксплуататоров, которого не должно было быть по определению. В результате национализации собственности в СССР возник автономный бюрократический аппарат, ставший институтом, трансцендентным по отношению к обществу. Особое

внимание в своих работах он уделил исследованию структур советского тоталитарного государства.

Французский историк с международной репутацией, Леон Поляков в своей работе «Тоталитаризмы в XX веке» (1987) [12] представляет свой взгляд на феномен XX века и размышляет о возможности его эволюции в XXI веке. Характеризуя тоталитаризм, он отмечает, что в первую очередь это феномен политический и социальный. Поляков поддерживает множественный подход в изучении этого явления, используемый авторами упомянутого сборника «Тоталитаризмы» (1984). При этом он считает, что только сравнение исторической ситуации, идеологии, людей, культурного наследия позволяет выделить «черты, общие для всех тоталитарных режимов XX века, и одновременно, то, что их отличает...» [12, p. 368]. По мнению Л. Полякова, до сих пор «тоталитаризм – это историческое явление в неточных контурах, где само определение и научное изучение сталкиваются с многочисленными затруднениями» [12, p. 7]. Он считает, что за сорокалетний период изучения тоталитарного явления по обе стороны Атлантики ни одно из описаний не удовлетворяет требованиям исторической науки. Исключение, по его мнению, «возможно, представляет лишь Р. Арон» с его характеристикой тоталитарного явления в работе «Демократия и тоталитаризм» 1965 года [12, p. 7 – 8].

Среди проблем, связанных с изучением тоталитаризма в современном мире, он отмечает, что тоталитарные режимы в Италии и Германии были сметены силой армии, но в Советском Союзе проведённая в середине 1950-х – 60-х гг. десталинизация только «осушила потоки крови, система же в своей совокупности осталась нетронутой» [12, с. 9]. Определение «посттоталитарного режима» более всего, по его мнению, можно отнести к горбачёвскому периоду. Ещё более трудным для историка, считает он, является случай стран третьего мира «ввиду разновидности и количества этих режимов, в большинстве авторитарных, и часто тиранических» [12, p. 9]. Ещё одной «многократной» причиной, затруднявшей изучение тоталитаризма во Франции, «было ослепление левых учёных марксистским мифом», верой в коммунистические идеалы [12, p. 22]. Так, Леон Поляков в своей работе останавливается на подробном рассмотрении четырёх разновидностей тоталитарных режимов: это советский тоталитаризм, итальянский фашизм, немецкий гитлеризм, Китай – восточный тоталитаризм.

Л. Поляков считает, что ключ к изучению проблемы тоталитаризма находится в Европе, где «тоталитарная волна была хорошо взвешенной реакцией на кровавую бойню первой мировой войны» [12, p. 10]. Он более детально останавливается на изучении истории советского и нацистского режимов, где подробно описывает процесс их становления, идеи, сопутствующие этому, механизмы, а также показывает самобытность каждого из них. Что же касается тоталитарных режимов Востока, то автор подчёркивает, что «они были установлены в другой эпохе и в других условиях, чем в Европе» [12, p. 11]. Но они также распространились после «огромной бойни» второй мировой войны, именно в бывших колониях. По мнению автора, не последнюю роль в этом процессе сыг-

рали поощрение и помощь Москвы (Китай, Камбоджа, Вьетнам, Северная Корея) [12, р. 339].

Учёный отмечает парадоксальность истории самого термина «тоталитаризм». Он был впервые использован Муссолини в октябре 1922 г., накануне фашистского похода на Рим. Тогда ему было важно успокоить короля и окружение, так же как мещанство, относительно своих намерений, и поэтому он объявил себя безусловным слугой Государства – «всем для Государства, ничем вне Государства», добавляя, что это государство должно быть «тоталитарно». Поляков считает, что в период «своего появления на свет, термин звучал возвышенно: надо было подождать около пятнадцати лет, чтобы тоталитарная форма правления была практически единогласно осуждена западными демократиями» [12, р. 21].

На сегодняшний день книга Полякова «Тоталитаризмы XX века» – одна из немногочисленных работ, содержащих полную историю основных тоталитарных режимов XX века с момента их основания до последнего дня их существования, с подробным анализом причин их появления, эволюции и краха.

Отдельно следует отметить и некоторые независимые взгляды, нашедшие отражение в сборнике актов международного коллоквиума «Ревизия истории. Тоталитаризмы, преступления и геноцид наций» [13], состоявшегося 3 – 5 ноября 1988 г. в Брюсселе. Основное внимание участников коллоквиума было сосредоточено на проблеме исследования тоталитаризма, точнее, проблеме использования понятия «тоталитаризм» в научных исследованиях и для характеристики современных обществ. Большое место в сборнике занимает освещение таких характерных явлений тоталитарного господства, как преступления против человечности, геноцид, холокост и другие. По мнению учёных, чтобы объективно рассмотреть проблемы современности, необходимо знать их исторические корни.

Большую дискуссию вызвало мнение немецкого медиевиста Курта фон Фрица [13, р. 35] о том, что режим, существовавший в Спарте, можно классифицировать как тоталитарный. В ходе дебатов вокруг этого тезиса высказывались совершенно противоположные мнения как в защиту его, так и против. Часть историков и политологов соглашалась с тем, что режим, существовавший в Спарте, можно по некоторым параметрам характеризовать как тоталитарный» [13, р. 36]. Другие настаивали на том, что тоталитаризм является детищем нового времени: «тоталитаризм не что иное, как синтез интеллектуальных идей XVII и XVIII веков, политически реализованный в XIX и XX веках... основной принцип которых – равенство между людьми» [13, р. 34].

Жан-Пьер Азема и Франсуа Бедарида в 1995 выпустили огромный по своему объёму (более 1130 страниц) критический словарь «1938 – 1948 беспокойные годы. От Мюнхена до Праги» [4]. В нём авторы постарались отразить «прометеевское насилие в бурные годы, которое мир узнал накануне, во время и после второй мировой войны» [4, р. 7]. Словарь представляет собой не энциклопедию и не панораму событий десятилетия. Здесь в алфавитном порядке представлен анализ основных событий, идей, людей и обществ, систем и идеологий, в которых и выразилось это

«прометеевское насилие». Поэтому словарь включает разнообразную гамму политического и социального, религиозного и психологического, экономического и технического, культурного и идеологического характера, которые позволили бы отразить своеобразие этого десятилетия. Среди них такие понятия и имена, как Бухенвальд, Варшава, Гитлер, кейнсианство, марксизм, Муссолини, Мюнхен, национал-социализм, Нюрнберг, расизм, Рузвельт, советско-германский пакт, СС, Сталинград, Сталин, сталинизм, тоталитаризм, фашизм, Хиросима, «холодная война», Ялта, и др.

В статье «Тоталитаризм», написанной историком К. Помианом, представлен критический взгляд на проблему тоталитаризма. Здесь раскрывается значение понятия, кратко представлена его история. Основное место здесь уделяется степени изученности этого явления в период 1938 – 1948 гг. как во Франции, так и в других странах. Историография вопроса кратко освещается с момента её появления, то есть с появления самого понятия. Отмечается важность для формирования теории тоталитаризма работ К. Шмитта (1931), Э. Форстхофа (1933), Л. Троцкого (1937), Г. Раушнинга (1938), во Франции – Ж. Бэнвиля (1933), Б. Суварина (1935). Представлен подробный анализ работ, вышедших в период 1938 – 1948 гг.: Ф. Боркенау «Тоталитарный враг» (1940), З. Нойманн «Перманентная революция» (1942), Ф. Фон Хайек «Дорога к рабству» (1944), Ф. Нойманн «Бегемот» (1944) и другие.

Подробно рассматриваются три основные послевоенные работы американской социальной науки: Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» (1951), Я. Л. Талмон «Происхождение тоталитарной демократии» (1952), К. Фридриха, З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956). Несмотря на то, что опубликованы они в 1950-е годы, автор останавливается на них потому, что основная их часть была написана, по его словам, «в самый плодотворный для размышлений о тоталитаризме период между концом 1930 – концом 1940-х гг.» [4, р. 1073]. К. Помиан отмечает, что в этот период американская историография тоталитаризма, благодаря эмигрантам из Германии и Великобритании, выходит на первый план [4, р. 1079].

Помиан отмечает, что французские учёные в этот период (1945 – 1960-е гг.) осторожно относились к использованию понятия тоталитаризм. Но, тем не менее, применяли его, а в анализе некоторых вопросов превзошли своих американских коллег. Особенно он выделяет вклад К. Кастириадиса, К. Лефора и Р. Арона. А в 1970-е гг., по мнению автора, теория тоталитаризма во Франции вызывает ещё более широкий интерес.

Ф. Фюре в одной из своих последних работ «Прошлое одной иллюзии» [7] акцентирует внимание на интеллектуальной и психологической истории коммунизма в XX веке. Главная цель, которую преследует автор в своей книге, – понять «одну вещь, ограниченную и центральную в одно и то же время, а именно роль, которую сыграли в нашем веке идеологические страсти, в особенности коммунистическая страсть. Именно эта черта специфична для XX века» [2, с. 19].

Фюре также рассматривает и фашистские режимы и сравнивает их между собой. Учёный отмечает, что именно идеологии придали огромную притягательную силу этим режимам, «привлекшую к ним в послевоенной Европе не только народные массы, но и образованные слои общества, несмотря на всю примитивность идей и аргументов, которыми эти режимы оперировали» [2, с. 20].

Хронология для Ф. Фюре служит отправной точкой для анализа: и большевизм, и фашизм – дети первой мировой войны. Автор отмечает, что явная и программная цель русской революции и её идеологии – интернациональная и универсальная. Что же касается фашизма, то, по мнению историка, он родился «как реакция частного против универсального, народа – против класса, национального – против интернационального. У своих истоков он неотделим от коммунизма, цели которого он отвергает, а методы заимствует» [2, с. 21]. Таким образом, считает он, сравнительный анализ коммунизма и фашизма необходим не только по причине их одновременного и весьма краткого по историческим меркам существования, но и по причине их взаимозависимости. «Фашизм родился как реакция на коммунизм. Коммунизм продлил свои дни благодаря победе над фашизмом» [2, с. 41]. Получается, что их нельзя изучать отдельно друг от друга, поэтому автор предлагает использовать для их сравнения «генеалогический» подход в противовес «историко-генеалогическому», предложенному Э. Нольте.

По мнению автора, применение такого понятия, как «тоталитаризм», может быть полезно, «если пользоваться им осмотрительно», так как «оно может служить для характеристики определённого состояния, достигнутого указанными режимами (не обязательно всеми) в различные моменты их эволюции. Но оно не говорит ничего ни о соотношении между их природой и условиями их развития, ни об их скрытом взаимодействии и взаимооплодотворении» [2, с. 191].

Война 1914 года сыграла по отношению к истории XX века такую же роль матрицы, как Французская революция – по отношению к истории XIX века. Именно она породила события и движения, приведшие к возникновению трех «тираний», о которых говорил Э. Алев.

Таким образом, считает Фюре, перед историком открывается новый путь для сопоставления диктаторских режимов. Речь идет о том, «чтобы рассматривать их не в концептуальном плане, в тот момент, когда каждый из них достигает пика своего развития, а в процессе их зарождения и формирования, чтобы понять как специфичность каждого из них, так и то, что всех их объединяет» [2, с. 191].

При этом автор предостерегает, что при таком подходе существует риск упрощённого толкования (пример тому – дискуссия между немецкими историками по этому вопросу в 1987 г.). Так, на тезис немецкого историка Э. Нольте, считающего фашизм и нацизм ответом на большевистский Октябрь, он заявил, что «подобный подход имеет тот недостаток, что он сглаживает особенности каждого из фашистских режимов (не говоря уже о большевизме), приводя их к общему знаменателю, только теперь не в виде общего

определения, а в виде общего врага» [2, с. 192]. Если фашистские движения являются всего лишь реакцией на большевизм, то получается, что они «запрограммированы по одной модели, а это не позволяет как следует понять ни их особенности, ни их автономию, ни те истоки и страсти, которые объединяют их с врагами» [2, с. 192]. Ф. Фюре так же как и другие французские учёные, считает более плодотворным рассматривать каждый фашистский режим в отдельности, обращая внимание на их особенности и различия.

Существует довольно устойчивое мнение, согласно которому появление советской системы в России и нацистского рейха в Германии объясняется национально-историческими традициями этих стран, и, в сущности, это лишь продолжение их истории в новых условиях. Такое мнение, согласно Фюре, верно лишь отчасти, так как в Германии и России традиционно были сильны тенденции централизма и культ сильного государства. Но, говорит автор, для такого феномена, как тоталитаризм, необходима особая социально-экономическая ситуация, которая стала бы благоприятной почвой для его возникновения. «Почва», по признанию французских учёных, появилась в начале XX века. «Порождённые войной, большевизм и фашизм унаследовали от неё свою элементарность. Они переносят в политику то, чему научились в траншеях: привычку к насилию, силу примитивных страстей, подчинение индивида коллективу и, наконец, горечь бесполезных жертв и совершённого по отношению к ним предательства. Именно в странах, побеждённых на поле боя или обделённых при заключении мира, подобные чувства находят наиболее благоприятную почву» [2, с. 192]. Сравнивая фашистские движения в Европе с большевизмом, Фюре отмечает их определённую похожесть. Идеологический успех, изначально сопутствовавший большевизму в Европе, окружён такой же тайной, как и бурное развитие фашистских идей в эти же годы. Ф. Фюре полагает, что взаимосвязь и взаимодействие этих двух направлений позволяет высказать гипотезу: эффективность обеих идеологий связана с тем, что они основаны на упрощениях и преувеличениях. «И та и другая гиперболизируют и доводят до карикатуры коллективные представления, служащие им знаменем. Разжигая фанатизм своих сторонников, они не только не смягчились, придя к власти, но пустились в новые преступления и злодеяния» [2, с. 46].

Книга «Прошлое одной иллюзии» – это история коммунизма XX века с момента его появления и до момента его краха. Автор подробно останавливается на всех судьбоносных для этой идеологии моментах её эволюции. Национальный момент является подчинённым и как таковой вообще отрицается: согласно революционной идеологии, захват власти оправдан и законен лишь в виду перспективы мировой революции. Даже впоследствии, когда мировой революции не произошло, Россия оставалась аванпостом, плацдармом этой революции, её лабораторией и генеральным штабом. Таким образом, подчеркивает Ф. Фюре, после 1917 г. Россия стала частью истории мирового коммунизма в гораздо большей степени, чем коммунизм – частью русской истории [2, с. 12].

Ф. Фюре пишет, что «коммунизм-строй» в России превратился в «коммунизм-иллюзию». Это заключение он строит на том факте, что «коммунистический мир распался, люди этого мира, не будучи никем побеждены, сами перешли в другую систему, стали сторонниками рынка и свободных выборов либо переключились в националистов». Но от их предшествующего опыта не сохранилось никакой идеи. «Коммунизм заканчивается в какой-то пустоте. Он не открывает пути – как многие надеялись и предвидели еще со времен Хрущёва – для нового, лучшего коммунизма, свободного от пороков старого и сохранившего его достоинства» [2, с. 13].

Переход от Советского Союза к Российской Федерации, совершившийся не в результате военного краха, как в Германии и Италии, а вследствие идеологического крушения, произошёл менее катастрофически, но повлёк за собой многочисленные глобальные последствия, одно из которых – наличие в «новом» «старого», а также парадоксальное рождение фашистских сил. Таким образом, по мнению Ф. Фюре, советский опыт обнаруживает «свою нерасторжимую связь с некой фундаментальной иллюзией, которую, как казалось, он долгое время поддерживал, чтобы, в конечном счёте, её окончательно развеять» [2, с. 14]. Эта иллюзия дает человеку, затерянному в истории, не только смысл жизни, но и непоколебимую уверенность. Она не была чем-то вроде ошибочного суждения, которое можно исправить, опираясь на опыт, но имела больше общего с религиозной верой, хотя предмет её обожествления лежал в области истории. Иллюзия не просто «сопровождает» коммунизм, она его созидает: она не зависит от развития, ибо предшествует опыту, и в то же время разделяет с ним риск этого опыта, так как им проверяет истинность пророчества.

Идея коммунистического строя (коммунизма) вынашивалась значительно дольше, чем идеи фашизма и национал-социализма. Она близка многим до сих пор, несмотря на крах советского режима и тоталитарного ужаса в прошлом.

Книга «Прошлое одной иллюзии» – повествование о процессе «очарования» коммунистической идеей в XX столетии, идейная история тоталитарного искушения, в течение короткого времени стала бестселлером (было продано более 100000 экземпляров) и была переведена на многие языки. Она снова открыла спор о сопоставимости фашизма, национал-социализма и коммунизма, о взаимодействиях и условных соглашениях тоталитарных идеологий и их политических последствиях. Фюре видит в коммунизме и национал-социализме два враждебно-родственных плода первой мировой войны и гражданской самоненависти. В молодости он сам был увлечён коммунизмом и даже вступил в партию, но в 1954 г. вышел из неё.

Размышления о крахе «коммунистической империи» нашли своё продолжение в «Чёрной книге коммунизма» под редакцией С. Куртуа и Н. Верта [6]. Группа французских историков создала этот коллективный документированный труд, преследуя двоякую цель. С одной стороны, авторы подвели итоги восьмидесяти лет существования «коммунизма» в мире. С другой стороны, они попытались показать масштабы

преступлений, совершённых коммунизмом или во имя коммунизма. В итоге – содержание книги, основанное на многочисленном документальном материале, представляет собой чудовищную историю преступлений коммунистического мира с октября 1917 г. до середины 1990-х гг. Попытки понять, почему коммунизм, провозглашавший «сияющее будущее», стал самым кровавым, привели авторов к довольно спорному выводу: «мировая война и русская привычка к насилию» объясняют насильственный захват власти большевиками. Дальнейшее насилие «навязал революции тот человек, который навязал своей партии захват власти, – Ленин» [3, с. 672]. Его сменил Сталин, и... следуя дальнейшим размышлениям французских историков, террор стал всеобъемлющим, и даже после его осуждения на XX съезде КПСС, «покончившего с самыми откровенными формами террора, сам принцип террора остался на вооружении и сохранил свою эффективность» [3, с. 688].

Авторы анализируют не только историю сталинского СССР, но и период гражданской войны в Испании («тень НКВД над Испанией»), а также Восточной Европы как «жертвы коммунизма». Не остались без внимания и страны (коммунистические режимы) Азии и третьего мира. Итог – 95 миллионов жертв коммунистических режимов по всему миру. Такой вывод сделали французские историки, авторы книги, в ходе проведённой ими огромной научно-исследовательской работы. Выход книги во Франции и других странах не мог остаться незамеченным благодаря собранным уникальным фактологическим материалом, прозвучавшим на её страницах высказываниям. Масштабы учинённого государственным коммунизмом зла в СССР, Китае, Северной Корее, Камбодже и других странах позволили авторам книги утверждать: коммунизм так же преступен, как и нацизм.

Книга носит научный характер, богата фактами, документами и свидетельствами, и, безусловно, имеет большое значение для изучения тоталитаризма. Но не все выводы французских историков, на наш взгляд, так однозначны и правильны. Главная ошибка «Чёрной книги» в том, что нельзя ставить в один ряд все преступления, совершённые в рамках коммунистических диктатур, ведь среди них были преступления не только политического или идеологического характера, но и уголовные... Более того, в истории любой, даже демократической, страны найдутся страницы преступлений и террора, например, для Франции – это война за независимость в Алжире 1957 г., а что касается США, то число их жертв за последние восемьдесят лет XX века, на наш взгляд, слишком велико для демократической страны.

«Чёрная книга» была переведена на все европейские языки, включая русский (в 1999 г., всего 5 тыс. экземпляров). Содержание книги было воспринято неоднозначно. Исследование получило огромный резонанс в общественном мнении всех стран, где оно появилось. Картина была приблизительно одинаковой во всех странах: правые партии выступали за необходимость изучения содержания книги в школах, коммунисты выступали против распространения этой книги и пытались доказать, что это чей-то «политический заказ», направленный на их дискредитацию.

Другие рассуждали о том, правомерно или нет вообще вести такой счёт [10; 11].

Публикация этой книги ещё раз показала, что противостояние между правыми и левыми продолжается, как продолжают и дискуссии на тему тоталитаризма [9]. Поэтому эта тема будет оставаться актуальной ещё долгое время. Выход этой книги образовал своего рода теоретический рубеж в изучении и сравнении двух форм тоталитарного господства. С этого момента дискуссия о тоталитаризме во французской исторической и политической мысли ещё больше усиливается. На первый план выдвигается вопрос о правомерности сопоставления тоталитарных режимов по размерам их преступности или кровожадности о возможности привлечь их к одинаковой ответственности.

Критика теории тоталитаризма во французской исторической и политической мысли во второй половине 1980-х – конце 1990-х гг. XX века достигла наибольшего распространения. Французские учёные в этот период существенно обогатили и углубили не только само понятие тоталитаризма, но и предложили новые концепции исследования данного феномена XX века. Предлагаемые французскими учёными классификации весьма разнообразны. Но отношение к правомерности использования понятия «тоталитаризм» в целом одинаковое: применение такого понятия, как «тоталитаризм», может быть полезно, «если пользоваться им осматрительно», для характеристики

определённого состояния, достигнутого указанными режимами (не обязательно всеми) в различные моменты их эволюции. Но оно «не говорит ничего ни о соотношении между их природой и условиями их развития, ни об их скрытом взаимотяготении и взаимоплодотворении».

Исследователи акцентируют внимание на том, что тогда как сталинизм представляет тоталитарный вариант левых идеологий, а фашизм воплощает тоталитарную форму правой авторитарной семьи, всё это ни в коем случае не означает, что использование общей (или близкой) тотальной практики позволяет смешивать сталинизм с фашизмом (нацизмом). Французские учёные считают, что коммунизм так же преступен, как и нацизм. Тоталитаризм, по их мнению, не ушёл в прошлое. Несмотря на то, что достоинства демократической формы полностью обоснованы и доказаны и в теории и на практике, опасность возрождения этого явления велика из-за отсутствия механизмов противодействия.

Важность работ французских исследователей заключается также в том, что они показали необходимость не только изучать и помнить прошлое, но и задуматься о будущем: «пусть нацизм остался в XX веке, а у коммунизма практически нет шансов на глобальное возрождение, но дело ведь не в именующих идеологию словах – тоталитарные структуры тем и опасны, что способны возрождаться в новых обличьях и под новыми знаменами».

Литература

1. Лефор К. Политические очерки XIX – XX века. М., 2000.
2. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.
3. Чёрная книга коммунизма. Преступления, террор и репрессии. М., 1999.
4. Azéma J.-P., Bédarida F. 1938 – 1948. Les années de tourmente. De Munich à Prague. Dictionnaire critique. P.: Flammarion, 1995.
5. Castoriadis C. Les Destinées du totalitarisme // Domaine de l'homme. Le carrefours du labyrinthe II. Paris, 1986.
6. Courtois S., Werth N. Le Livre noir du communisme. Crime, terreur et répression. Paris, Editions Robert Laffont, S. A., 1997.
7. Furet F. Le passe d'une illusion. P., 1995.
8. Lefort C. Essais sur le politique XIX – XX siècles. Paris, 1986.
9. Le livre noir du communisme. Vol. 2. L'héritage lourd de l'idéologie / Stéphane Courtois, et Nicolas Werth, et Jean-Louis Panne. Paris, Edition Robert Laffont, S. A., 2004.
10. Matvejevitch P. Le [(Livre noire)] lu à l'Est // Revue des deux mondes. 1998. № 6. P. 130 – 142.
11. Panne J.-L. Livre rouge contre Livre noir // Historia. Paris. 1998. № 614. P. 80 – 88.
12. Poliakov L. Les Totalitarismes du XX siècle. Un phénomène historique dépassé. P., 1987.
13. Révision de l'Histoire. Totalitarismes, crimes et génocides nazis. P., 1990.

Информация об авторе:

Костромина Надежда Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений КемГУ, Klio73@mail.ru.

Nadezda G. Kostromina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛЯЦИИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ФУТУРАЛЬНОЙ ВРЕМЕННОЙ ОТНЕСЕННОСТЬЮ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале предвыборных дебатов начала XXI века в США)

Т. А. Логунов

MANIPULATION STRATEGIES IN UTTERANCES WITH FUTURE TIME REFERENCE IN ENGLISH ELECTORAL DISCOURSE (as exemplified by U. S. presidential debates of the early 21st century)

T. A. Logunov

В статье рассматриваются некоторые тактики, реализующие стратегию манипулятивного воздействия в специфических условиях предвыборного (электорального) дискурса. Анализируется реализация манипулятивной стратегии на материале высказываний с футуральной временной отнесенностью. Анализ осуществляется на уровне единиц дискурса и высказываний, в рамках которых происходит взаимодействие пропозиций. Отмечается, что основной схемой манипулирования адресатом в этом случае является подмена временных планов с целью нейтрализации субъективности и неопределенности.

The paper discusses some techniques of manipulating speech addressee and their implementation in utterances with future time reference within the specific conditions of electoral discourse. Manipulation strategies are realized in this case on the levels of text and sentence as interference and interaction of propositions intended at avoiding uncertainty of predictions and subjectivity of promises.

Ключевые слова: манипуляция, предвыборный дискурс, коммуникация, модальность, будущее время.

Keywords: manipulation, electoral discourse, communication, modality, future.

Понятие 'дискурс' в современной лингвистике все еще далеко от однозначности и имеет многочисленные трактовки, которые сближает, главным образом, «коммуникативный» акцент: дискурс чаще всего анализируется, следуя известному тезису Н. Д. Арутюновой, как «речь, погруженная» в определенную сферу коммуникации. По нашему мнению, заслуживает внимания концепция дискурса как «особого использования языка ... для выражения особой ментальности» [7, с. 38]. Из данного подхода отнюдь не обязательно должен следовать тезис о существовании особых «языков в языке», обладающих собственными средствами для выражения особых смыслов. На первом плане не специфический инвентарь данного конкретного 'подъязыка', совокупность его знаков, единиц, но связь между языковым произведением и «условиями его производства, внешней, специфической для него средой» [6, с. 340]. Е. И. Шейгал, например, возражает против попыток выявить «особую грамматику» в том или ином подъязыке, в частности, в языке политики, на основе тенденций к более активному употреблению определенных грамматических форм и конструкций [8, с. 20].

Если особая сфера использования языка и налагает свои ограничения на выбор и функционирование языковых средств в производимых сообщениях, то возможно говорить об актуализации потенциала языковой системы. Происходит произвольный отбор определенных черт языка, способствующих воссозданию и трансляции специфической модели мира.

Политический дискурс по определению характеризуется массовостью и доступностью, что увеличивает силу его воздействия, а также использованием скрытых приемов языкового манипулирования массовой аудиторией [1, с. 33]. Данный вид дискурса манипулятивен по своей природе, так как политическая коммуникация, в основном, реализует функцию воздействия, влияния на партнера по коммуникации, который является средством достижения целей, реали-

зации интересов субъекта. Очевидно, что воздействующая речь, хоть и «привязанная к соответствующей совокупности фактов и событий действительности... не копирует действительность, но создает интенциональную модель этой действительности» [4, с. 100]. Ведь автор не просто информирует о фактах, событиях и мнениях, но определенным образом отбирает и «сортует» содержание сообщения, подсказывая адресату своего сообщения, возможно, даже не то, что он должен думать о том или ином событии, а то, о чем вообще он должен думать. Таким образом, цель воздействия – побудить получателя сообщения определить, подтвердить или изменить отношение к проблеме [4, с. 83].

В процессе политической коммуникации происходит «встраивание» знаний, принадлежащих автору дискурса, в модели знания его адресату; новое знание очевидно требует согласования с уже имеющимся о данном предмете у адресатов, модификации или даже полного изменения прежней модели знания [4, с. 93]. В этом отношении справедливым кажется высказывание У. Рикера о манипуляции как о таком «структурировании мира, которое позволяет выигрывать» (W. H. Riker. The art of political manipulation. New Haven, London, 1986) [цит. по: 5, с. 75]. Монополизируя истину и навязывая определенные, выгодные ему представления о событиях, субъект политического дискурса склоняет адресата к совершению выбора, причем выбор этот представлен как благоприятный именно для адресата.

Перспективным в этом отношении представляется исследование высказываний, относимых к будущему, в рамках особого подвиды языка политики – предвыборного (электорального) дискурса. Предвыборный дискурс целиком ориентирован на предстоящее событие и, соответственно, имеет своей целью побуждение адресатов – представителей электората к конкретным действиям в будущем. Представление будущих событий во многих видах дискурса вообще имеет особый

характер: поскольку будущее существует как возможность, высказывания о будущем не могут быть верифицированы, и в силу этого не имеют независимого статуса. Вместе с тем специфика истинностного аспекта политического суждения уже давно отмечена исследователями. В языке политики сила суждения не зависит от его истинности: политическое суждение не верифицируемо логически. «Оно правдиво в той мере, в какой высказывающий его агент или группа может осуществить его» [2, с. 91].

В ходе аргументации приемы манипулятивных стратегий реализуются средствами различных уровней, но в нашем случае объектом анализа является не отдельная словоформа или номинация. «В языковом плане искажение денотата-события достигается преимущественно оперированием пропозициями в рамках целого текста, фрагмента текста или отдельного высказывания» [8, с. 20].

Материалом данного фрагмента исследования послужили дебаты и программы кандидатов на пост президента США в рамках избирательных кампаний 2004, 2008 и 2012 гг. Хронологическая ограниченность материала предполагает определенные допущения относительно применимости наших выводов, однако, отметим, что по данным наших исследований отмеченные закономерности нашли подтверждение также и на русскоязычном материале [3].

С большой долей вероятности можно предположить, что наиболее эффективной тактикой для успешной манипуляции в высказываниях политиков, когда речь идет об отнесении событий к будущему, являются подмен временных планов в рамках высказывания или более крупного фрагмента текста, за счет чего достигается уход от субъективизма и неопределенности обещаний и предсказаний. В более широком плане такую тактику можно считать своего рода аналогом приема подмены аргумента. Принципиально важной задачей автора высказывания в таком случае является нейтрализация нежелательного эффекта речевого акта обещания – пустого, неподтвержденного, зачастую нереалистичного или необоснованного утверждения о намерениях.

OBAMA: *And, as a consequence, his consistent pattern throughout his career is to fight for the little guy. That's what he's done when it comes to economic policies that will help working families get a leg up.*

Будущее не существует как реальность, но является возможностью, т. е. представленная автором дискурса ситуация является потенциальной, а потенциал ее развития заложен в настоящем или в прошлом. Система форм английского глагола обладает специальными средствами обозначения прошлого опыта, имеющего результат и потенциал последующей реализации:

McCAIN: *So the point is – the point is that I have repudiated every time someone's been out of line, whether they've been part of my campaign or not, and I will continue to do that.*

Апелляция к прецеденту прошлого опыта («если так делалось всегда, то и далее будет так же») или авторитету наличного факта – основа аргументации «от объективного». Будущее выгодно представить как элемент обобщенного настоящего с максимально широкой временной отнесенностью, т. е. распространяющегося на все временные планы («так всегда бывает: и раньше,

и сейчас, и в дальнейшем») или же представляющего ситуацию вне времени.

McCAIN: *And I will not have – I will not stand for a tax increase on small business income. Fifty percent of small business income taxes are paid by small businesses. That's 16 million jobs in America. And what you want to do to Joe the plumber and millions more like him is have their taxes increased and not be able to realize the American dream of owning their own business.*

Таким образом, высказывание частного субъекта встраивается в контекст проверенного временем обобщенного опыта, получая за счет этого уже совсем иную степень убедительности и достоверности.

Антитеза «настоящее-будущее» как противопоставление реального и нереального может сниматься за счет введения модальности. Сопоставление модализованных и немодальных пропозиций позволяет адресату высказывания по-другому оценить речевые акты обещания автора дискурса. В следующем примере отметим также параллельную оппозицию *we – they*, обыгранную за счет различного характера модальной характеристики действия, внешнее должностное («вынужденность») негативно характеризующего оппонента и способность говорящего совершать благоприятные действия:

McCAIN: *The mayor of New York, Mayor Bloomberg, just imposed an across-the-board spending freeze on New York City. They're doing it all over America because they have to. Because they have to balance their budgets. I will balance our budgets and I will get them and I will... reduce this -- I can -- we can do it with this kind of job creation of energy independence.*

Совершенно иной акцент ставится автором высказывания в том случае, если настоящее выступает основным временным планом, тогда как будущее действие представлено лишь как отдельная деталь в представленной ситуации. Многократное использование форм настоящего времени в ближайшем контексте понижает значимость фрагмента высказывания, являющегося обещанием, на общем фоне, отвлекает внимание слушателя:

OBAMA: *Well, first of all, I think it's important for the American public to understand that the \$750 billion rescue package, if it's structured properly, and, as president, I will make sure it's structured properly, means that ultimately taxpayers get their money back, and that's important to understand.*

Очевидно, в таких случаях мы также имеем дело с применением приема скрытой оценочности. Информация субъективного характера, которая должна быть обоснована или подтверждена, прежде чем ее можно было бы рассматривать как соответствующую истине, выдается за истинную [4, с. 92]. Такой «эффект обманутого ожидания», толкающий адресатов данного типа дискурса к неожиданным для них самим выводам, отчасти снимает необходимость логичной убедительной аргументации, затушевывает грань между реальностью наличествующей ситуации и модальностью обещания.

В русле когнитивного представления таких фрагментов дискурса манипулирование с временной отнесенностью можно рассматривать как своего рода рефрейминг (с заменой слотов, отвечающих за сирконстантные характеристики ситуации). Такой подход выводит нас на уровень анализа более крупных структур оперирования информацией.

Литература

1. Бурякова В. В. Политический газетный дискурс // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: Материалы 8-го Регион. науч. семинара. Иркутск, 2005.
2. Качанов Ю. Л. Опыты о поле политики. М.: Ин-т эксперим. социол., 1994.
3. Логунов Т. А. Реализация манипулятивных стратегий в высказываниях с футуральной временной отнесенностью в электоральном дискурсе // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 18 – 21 марта 2014 г.); Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 346 – 347.
4. Локтионова В. Г. Интенциональность англоязычного публицистического текста // Стилистика и культура речи. Пятигорск, 2001.
5. Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: УРСС, 2009.
6. Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла. М., 1999.
7. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
9. The First McCain–Obama Presidential Debates 2008 Tapescript. URL: <http://www.debates.org/-index.php?page=2008-debate-transcript>

Информация об авторе:

Логунов Тимур Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ.

Timur A. Logunov – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(517) + 94(510)

МЕСТО МЕНТАЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ИМПЕРИИ ЛЯО (907 – 1125)

Г. Г. Пиков

MENTALITY IN THE CULTURE OF THE LIAO EMPIRE (907 – 1125)

G. G. Pikov

Статья посвящена проблеме роли и места менталитета в истории и культуре киданей, создавших государство Ляо (907 – 1125). Показывается, что ментальность можно считать самостоятельной формой культуры, на базе которой в итоге складывается «высокая» культура. Она создает картину мира народа, создает необходимый набор идей и представлений для развития общества. Вырабатывается особый образ представителя народа (кидань). Взаимодействие ментальной и «высокой» культур в киданьском обществе идет на всем протяжении истории этого народа. Решающий синтез этих начал в киданьской империи идет в форме «возрождения». Особое значение для истории киданей имеет взаимоотношение народной культуры и ментальных субстратов китайской и других соседних культур. Тысячелетний опыт киданьской культуры показывает ее не менее высокий уровень развития, чем у оседлых обществ.

The paper deals with the role and place of mentality in the history and culture of the Khitan who created Liao state (907 – 1125). The author shows that mentality can be considered a form of self-culture, on the basis of which "high" culture develops eventually. It creates the people's picture of the world, and the necessary set of ideas and concepts for the development of society. A particular image of a representative of the people (Khitan) is developed. Interaction of mental and "high" culture in Khitan society goes all over the history of this nation. Decisive synthesis of these principles in the Khitan empire comes in the form of "Renaissance". Of particular importance for the history is the relationship of Khitan folk culture and mental substrates of the Chinese culture and other neighboring cultures. Millennial experience of the Khitan culture shows for at least as high a level of development as in sedentary societies.

Ключевые слова: Культура, ментальность, кочевники, кидани, империя, Ляо, народная культура.

Keywords: Culture, mentality, nomads, Khitan people, empire, Liao, popular culture.

Традиционно понимается, что соотношение народного киданьского и так называемого лясского, т. е. имперского компонентов в культуре киданей всегда было в пользу лясского. Традиционно же считается, что ментальность как мироощущение и мировосприя-

тие возникает в недрах культуры, формируется в зависимости от ее традиций, социальных структур и среды обитания и характерна для больших групп людей (этносов, наций, социальных слоев). В этом плане она вторична по отношению к «высокой» культуре.

Между тем в истории не менее заметно и формирование последней как завершение процесса складывания ментальности – способа адаптации к пространственно-временной ситуации.

Одним из примеров этого феномена является история киданей, восточноазиатского народа, создавшего в X в. могущественную империю Ляо (Серебряную, 907 – 1125). Мы видим формирование этноса, который на протяжении примерно пятисот лет опирается на идеи и рецепты кочевой цивилизации в целом и свои ментальные механизмы. «Цидань» как форма менталитета после возникновения империи способствует образованию имперской культуры, а феномен «Ляо», если учитывать и историю западнокиданьского государства, исправно функционировал еще около трехсот лет. Очевидно в этом случае, что сначала формируются и развиваются социально-психологические механизмы и именно на их основе образуются необходимые идеологические компоненты.

Средневековая ментальность может и должна восприниматься как такой же определенный тип культуры, что и «высокая» культура. Менталитет можно определить как особый культурно-исторический феномен, отражающий универсальные константы социокультурной жизни [1; 2]. Игнорируется это часто потому, что различные общества в своем взаимодействии предпочитают иметь дело с культурами, созревшими окончательно, а не находящимися, так сказать, в стадии созревания (пертурбанный период).

У кочевников, в отличие от оседлых народов, «созревание» идет дольше и чаще прерывается посредством физического уничтожения. Развитие культуры прерывается искусственно и, если не происходит полного уничтожения этноса и его культуры, то он все равно попадает в подчинение иному сообществу и его культура растворяется. Не случайно на Востоке существует много этносов и мало культур. Речь идет именно о созревших идеологически культурах. Европа же в этом плане чуть ли не заповедник культур, ибо там практически все этносы вырастили полноценные культуры (античные, кельтские, германские, средневековые).

Соответственно можно говорить о том, что «высокая» культура есть результат многовекового развития ментальной культуры. Исследователи долго изучали лишь готовые цивилизационные и культурные конструкции, а подготовительный этап недооценивали или рассматривали их в рамках иных конструкций. Этническое развивает свою стратегию выживания на основе адаптации к природной среде с целью трансляции во времени. Итогом этого процесса является строительство культуры как «дома», надстройки, которая решает определенную социально-политическую задачу и, пройдя свою судьбу до конца, уходит, отмирает.

Киданьский вариант, существовавший тысячу лет, – один из редких в истории Восточной Азии практически чистых примеров полноценного формирования имперской культурной традиции на основе ментальной культуры. Образование киданьской империи в X в. – один из удивительных процессов в восточно-азиатской истории, который вывел социально-политическую эволюцию кочевых народов на наивысший

уровень [4]. Именно киданями была основана классическая кочевая империя. При складывании новой державы шло и активное сканирование и различных иноземных вариантов культуры, в том числе конфуцианского, идеи империи, заимствование китайской титулатуры. Даже тот факт, что история киданей делится на несколько своеобразных периодов (простое племя, союз племен, империя, постимперская ситуация), позволяет априори утверждать, что этническое сознание и, следовательно, картина мира развивались сложно и проблемно. Отсюда яркими особенностями киданьской культуры является ее синкретичность, сложность и уникальность.

Киданьская культура уже в додинастический период активно синтезирует свое и чужое в виде своеобразной дробы. Предпочитает свое и помещает его в числитель. Она и не может поступать иначе. Если культура предпочитает чужое или общее, она начинает медленно угасать. Европейская цивилизация берет идеологию всего метарегиона в числитель, но она в значительной степени уже результат и собственного развития, образовалась уже в древности. Впоследствии так называемое Северное Возрождение начнет осваивать греко-римскую античность, но вскоре столкнется с конфликтом ее со своим прошлым (Великое Переселение Народов). У киданей не оказалось золотого века типа Великого Переселения Народов, возникновение их этноса было связано с разгромом конгломерата племен, в который они входило прежде. Это одна из причин того, что они так активно используют не чью-то «высокую» культуру, а свое ментальное начало.

Естественно, что религия и мифология являются важнейшими компонентами духовной культуры восточно-азиатских народов, в том числе и киданей. Религиозная жизнь кочевой империи, типичным образом которой была восточная киданьская империя, характеризуется исключительной сложностью. Эта сложность обусловлена специфическим процессом трансформации племенного союза в комплексное земледельческо-скотоводческое государство.

Можно видеть несомненные исторические этапы развития киданьского мировосприятия и мироконструирования. Периода исходного формирования не было, ибо комплекс «цидань» создан был искусственно на базе осколков различных родов, а те в свою очередь тоже появились раньше. В результате можно говорить об общекочевом субстрате, который оказался в форсмажорной ситуации. Если тюркские племена могли от натиска соседей уйти на Запад и захватить чужие земли, то киданям уходить было некуда и они вынуждены были строить своего рода оборонительный лагерь (в итоге в форме империи). На примере киданей можно увидеть то, что происходит с кочевой картиной мира в рамках замкнутого метарегиона («Север» по классификации автора «Цидань го чжи» Е. Лунли).

Считается, что картина мира додинастических киданей имела достаточно ярко выраженный космоцентрический характер. Действительно, в киданьской картине мира Небо контролировало всю ойкумену и влияло на жизнь всех людей и каждого из них отдельно. Одним из логических следствий этого положения

было представление о необходимости активности человека. Если в Европе в ходе серии ренессансов (Готское, Каролингское, Оттоновское, Высокое) обязательно делается акцент на своеобразной реабилитации человека, борьбе за него, то у кочевников не было необходимости в этом, ибо он и так был на первом месте. В этом плане их культуру можно назвать более антропоцентричной, чем средневековую европейскую. Какая-то корректировка соотношения сакрального и секулярного в силу этого проводилась через идею закономерной гибели «неправильной» династии или замены ее на выполняющую Волю Неба, т. е. следующую цивилизационной парадигме. Шла также борьба за «возрождение» империи за пределами ханьского мира. Об этом кроме киданей мечтали хунну, тангуты, чжурчжэни, монголы. Сложившийся в Восточной Азии треножник центров-сил (Север, Запад, Центр) в значительной мере есть результат их вынужденного компромисса, равновесия сил. В результате, думается, скорее можно говорить не о космоцентричности, а о социоцентричности киданьской картины мира. Европейская культура делает акцент на «религии» как системе объединяющих идей, кидани и другие кочевники – на социально-политической практике. И это работает не менее эффективно.

Необходимо отметить, что идея всемирного влияния Неба («от рассвета до заката») давала возможность сразу строить не «островную» культуру, с ориентацией на достаточно замкнутый этно-географический район (типа древнееврейской «Земли Обетованной»), а культуру огромного «мира» с открытыми границами на все стороны света, по крайней мере кочевого. Лишь в период империи был сделан акцент на географически точной территории («Ляо» – район р. Ляохэ).

«Человечество» для киданей – не одни только кидани или китайцы, а все люди под Небом, хотя, конечно же, киданьские политические лидеры, равно как и авторы исторических и политических сочинений подчеркивают этнические и культурные отличия народов друг от друга.

В народной киданьской картине мира проявляются общецивилизационные черты. Есть присутствие триады миров. Особую роль играют религиозные концепты и рецепты. Однако народная культура не в такой степени замешана на религии, как оседлая. Если модель культуры представить дробью, то она будет выглядеть так: Народная культура / имперская идеология. Здесь религия – лишь часть культурного пространства.

Киданьская элита в период империи переворачивает дробь и имперскую идеологию помещает в числитель, хотя делает акцент на властной вертикали, силе, идее завоевания. Киданьская властная элита допускает в «высокой» культуре сочетание некоторых конфуцианских норм и отдельных кочевых социально-политических рецептов. В результате ни киданьские низы, ни элита не берут в полном объеме ни народную культуру, ни имперскую идеологию, проводя их фильтрацию и создавая в итоге внятно отличающиеся друг от друга картины мира. В период империи увеличивается количество и качество различий между основной массой общества и элитой. Некочующие

правители государства начинают отдаляться от племенной массы.

Кидани на всем протяжении своей истории оставались кочевниками и полукочевниками, и лишь некоторая часть элиты пыталась создать новую цивилизационную конструкцию, при этом оставляя почти нетронутыми онтологическую (представление о происхождении мира) и аксиологическую (система морально-этических норм) части. Абаоцзи произвел фактически лишь политическую революцию, приняв идею империи и надстроив ее над культурой. Сооружение оказалось шатким и недолговременным. Здесь видится экзистенциальный конфликт. Кочевой менталитет нацелен на вечное и неизменяемое существование, а имперская, ханьская по происхождению, идеология ориентирована на форс-мажорную ситуацию – противостояние с соседями в условиях резко обострившихся во всем восточноазиатском регионе социально-этнических и политико-экономических отношений. В подобной ситуации Чингис-хан пошел на выход за пределы Монголии, но здесь еще было мало возможностей для широкомасштабной экспансии.

Все же «варварская» кочевая империя как раз тем и отличается от ханьской, что ментальность для нее более значима и остается в числителе, остальное – в знаменателе.

Для ханьских территорий конфуцианство есть некое порождение и завершение ханьской же ментальности, поэтому там противоречие между обыденным и официальным, ученым не существует, там есть только различие в степени так называемой учености: насколько человек не только пользуется возвращенной на конфуцианстве культурой, но и знает конфуцианские тексты. По сути, все мировые религии складываются на основе ментальности метарегиона.

Необходимо отметить, что варварский азиатский мир в лице киданей на базе своей собственной ментальности мировой религии не создал. Есть лишь общее представление о Небе «от восхода до заката», которое присуще и монголам, и тюркам, в том числе и современному тюрко-монгольскому миру. Оно и позволяет существовать, не создавая какие-то очень сложные варианты, типа конфуцианства или христианства. По этой причине в Степи на базе ментальности как культуры чаще всего создается такой тип государственности как каганат, т. е. конструкция, которая способна решать вопросы нападения, набега, обороны, внутренней демографии, коллективных действий в условиях ограниченного региона и т. п., и не больше, хотя и не меньше. Естественно, у нее есть возможность и даже необходимость для постепенной эволюции и трансформации в нечто более сложное, но далеко не всегда она реализуется. Для того, чтобы создать такую сложную иерархическую структуру, как империя, которая обязательно включает в себя массу чужих этнических и социальных групп, в том числе и оседлых, одного этого народного субстрата не достаточно. Тем более, что оседлые, как в Ляо, это не только ханьцы и жившие в южных районах государства хань-эр (китаизированные), но и представители тунгусо-маньчжурского мира, среди которых есть и лесные жители. Для примирения кочевого и оседлого

секторов в Ляо была создана особая дуальная администрация.

У киданей в государстве проживали родственные племена с близкой культурой. Особый судебник (типа Ясы) или конституция были не нужны. Все это с успехом заменяла народная культура. Указы императоров касались конкретных проблем. Обычай часто просто заменял закон и достаточно эффективно. Только у живших в южных регионах хань эр существовали сложные нормы.

В любом менталитете существует акцент не только на запретах, но и на предписаниях, на моделях совершенного человека. У киданей, да и у кочевников в целом, складывалась модель, быть может, более подходящая для экстраординарных случаев, связанных с нестабильностью кочевого хозяйства, сложностями погоды и частыми внешними нападениями. У них практически в форме неписанных правил регламентировано все поведение. Главными, по сути, являются принципы «надо» и «делай как я». «Кидань» – не просто этноним, но и в той или иной мере идеал мужчины, всадника, воина, представителя элиты.

Синтез народной и высокой культур в Ляо происходил в форме «Возрождения» (о понятии «возрождение» и его роли в истории культуры, в том числе киданьской [см.: 3; 5]). Киданьский Ренессанс – период интеллектуального и культурного возрождения в эпоху правления киданьской династии Елюй. В это время наблюдался расцвет литературы, истории, искусств, архитектуры, юриспруденции. Само Киданьское Возрождение есть смысл определять как возрождение традиционной киданьской культуры на новой культурной основе – китайской культуре как культуре восточноазиатского метарегиона. Это и обусловило складывание синкретической «имперской» культуры, в которой «материнская» (киданьская) культура используется не бывало активно, но искусственно, т. е. фактически осуществляется своеобразное «возрождение» «сверху», которое носит служебный характер.

Здесь неизбежно возникает еще одно противоречие киданьского ренессанса. Кидани в обоих государствах (Ляо, Си Ляо) пытались сочетать киданьскую и китайскую культуру, которые опирались не только на культурные и ментальные основы, но и на разные «древности». Если на первом этапе (период правления первых трех императоров) шло хотя и сложное, но активное освоение культуры метарегиона как китайской, то в дальнейшем эта культура вступила в противоречие с собственно киданьской «античностью», когда они одерживали свои победы над различными народами, в том числе и над китайцами. К тому же разрушение этно-политической системы на севере империи шло гораздо медленнее, чем складывание имперской структуры, и возникали естественные напряженные отношения между тремя пластами культуры – китайской на юге, киданьской в центре и кочевой на севере и западе. В глубоком противоречии в империи Ляо оказались различные ментальности, прежде всего, киданьские и китайские, а также киданьские и тунгусо-маньчжурские.

Особенность империи как раз в том, что она не осуществляет внешнюю экспансию, а переходит к обороне и защите своих обширных границ. Кидани

создавали свое государство и это самое яркое доказательство того, что его границы были предназначены для того, чтобы строить стационарное и сложное общество, а не бесконечно завоевывать окружающее пространство. Вся история киданей и других кочевников – это строительство цивилизационных конструкций, а не божество и разбой, как считали представители оседлых обществ. Киданьское общество не было «разбойничьим», такой миф создавали их соседи ради конъюнктурных целей, но он, увы, жив до сих пор. Можно уверенно утверждать, что кочевая картина мира в целом и киданьская в частности не предназначена и даже не годна для разбоя и территориальной экспансии, где особую роль играет жажда добычи. Она эффективна лишь для стационарного общества, пусть и существующего на широком пространстве (для нужд кочевого образа жизни). Деление на кочевников и оседлых оправдано только в хозяйственном отношении, а в цивилизационном любой народ строит свой «дом» на одном месте. Отсюда и акцент у киданей в итоге на «Ляо» как названии, связанном с вполне определенной территорией. Да и кочевые объединения по размерам были не больше тех империй, которые создавали оседлые народы. История свидетельствует о достаточной эффективности цивилизационной и экзистенциальной стратегии кочевников: кочевой мир просуществовал несколько тысяч лет, одни только кидани существовали тысячу лет.

В то же время стоит отметить, что киданьская модель – апогей цивилизационного конструирования кочевников, ибо они фактически использовали и исчерпали все средства строительства синкретического мира. Чжурчжэни лишь копировали их модель и умело использовали киданьские рецепты. Однако долго эта ситуация уже не могла сохраняться. Монголы в Азии еще несколько сот лет господствовали, но потом стал складываться тюрко-монгольский мир, который и сейчас ориентируется, прежде всего, на народную культуру, что говорит о больших ее потенциях и эффективности и в современных условиях.

У киданей по горизонтали идет взаимодействие кочевой и ханьской культур и этот процесс более важен для них. Это вполне объяснимо, ибо с трех сторон их окружают близкие культуры, а с юга идет самая широкая и глубокая цивилизационная экспансия. Здесь и созрел самый широкий и, как казалось многим киданям, самый опасный цивилизационный конфликт. Кидани прочитали идею империи по-своему, взяли из нее несущие конструкции, своего рода столбы и создали фактически лишь укрепленный лагерь. Моделью киданьской империи образно может считаться юрта. Она могла управлять перекочевками, набегами, но это не был дом, двор, как в Хань. У нее не было «огорода», т. е. прикрепленного пространства. «Юрта» и «двор» – два символа, два образа, символизирующих два разных понимания империи. Однако в основе этих различий в понимании – две разных ментальности. Киданьская ментальность очень мощна и не может уйти в знаменатель, тогда бы это была обычная китайская империя, что тоже невозможно. Две ментальности напоминают две жидкости, которые не смешивались, одну из них в любом случае надо было «вылить». Однако парадокс в том, что они

обе все же были нужны киданьскому обществу. В результате со временем эти два компонента вступили в сложную цепную реакцию. Взрыв происходит не сразу, и в данном случае надо отметить, что этот взрыв как гибель Ляо был результатом не только внутреннего развития, но и внешних, в том числе ментальных факторов и причин.

Проблемы восточных соседей киданей тоже надо было каким-то образом решать. Был коридор для возможной экспансии на запад, но тюрко-сибирский мир уже не интересовался киданями, однако восточный коридор таил неожиданные опасности. Здесь накапливалась иная ментальность, которая недооценивалась. Никаких естественных и искусственных препятствий для ее ползучей экспансии не было и «восточные иноземцы» активно впитывали киданьский опыт, «подрастали» и стали готовы к созданию своей обширной государственности. Здесь столкнулись не культуры, а две ментальности, которым не суждено было найти общий язык.

Можно говорить, что решающим внешним фактором гибели Ляо стала победа не китайской ментальности и культуры, удар пришел со стороны внешне более примитивной ментальности восточных племен. Эта ментальность казалась незаметной и незначительной. Кажется, что это было просто восстание мятежника и узурпатора Агуды, который воспользовался моментом.

А потом история повторяется на западе. Западная Монголия останется вне интереса чжурчжэней. Если кидани недооценивали Восток, то чжурчжэни – Запад. В конце концов как на Востоке появился Агуда, так

на Западе должен был появиться Чингис-хан. Все это еще раз подтверждает мысль о том, что недооценивать ментальную культуру нельзя.

На Севере кидани, чжурчжэни, монголы сумели сохранить свое ментальное ядро как центральное в общественной конструкции. Их презирают, недооценивают, но именно они регулируют и направляют всю средневековую восточноазиатскую историю. Как «недоразвитые» франки некогда создали самую мощную государственность в Галлии, которая существует до сих пор, так и эти народы создали уникальные варианты кочевых империй, смогли устроить свои «ураганы» и в конечном итоге придать мощный импульс для трансформации евразийского мира.

Потерпели в итоге поражение не сами кидани, а кочевой способ существования, ресурсы которого были исчерпаны, поэтому-то на чжурчжэньский и монгольский «эксперименты» ушло гораздо меньше времени.

Ментальное из истории уходит медленнее. Сначала умирает государство Ляо, но какое-то время продолжает существовать этно-ментальная конструкция «народ китаев» (китай и кара-китай). Постепенно и этот высыхающий ручеек вольется в тюрко-монгольский океан.

Таким образом, на киданьском примере, как и на любом другом из истории кочевого и полукочевого мира, можно видеть особую эффективность народной культуры в истории вообще, в разных, в том числе и экстремальных, ситуациях, для решения разных задач. В соревновании с мировыми религиями она эффективно отстаивает право на существование до сих пор.

Литература

1. Дашковский П. К. К вопросу о соотношении категорий «менталитет» и «ментальность»: историко-философский аспект // Философские дескрипты. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. С. 36 – 40.
2. Марков Б. В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб.: Изд-во СПб госуниверситета, 1993. 229 с.
3. Пиков Г. Г. Из истории европейской культуры: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского госуниверситета, 2002. 255 с.
4. Пиков Г. Г. Киданьское государство Ляо как кочевая империя // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: ИА РАН-ИЦИРИ, 2002. С. 192 – 194.
5. Пиков Г. Г. Киданьский «Ренессанс» // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 267 – 281.

Информация об авторе:

Пиков Геннадий Геннадьевич – доктор культурологии, доцент, заместитель заведующего кафедрой всеобщей истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, pikov@gf.nsu.ru, gennadij-pikov@yandex.ru.

Gennady G. Pikov – Doctor of Culturology, Associate Professor, Vice-Head of the Department of World History, Novosibirsk State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(5):[14+22+23] "654"(075.8)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(из опыта народов востока в новое время)

*Л. С. Решетникова***HISTORICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY**

(from the experience of orient peoples in modern history)

L. S. Reshetnikova

Статья посвящена проблеме национальной идентичности. Автором выбран исторический период Нового времени, поскольку тогда и на Западе и на Востоке были разработаны представления о «нации» и «национализме». В статье исследуется появление этих идей в трёх крупнейших странах Востока: Японии, Китае, Индии. Автор обращает внимание на то, что их появление в этих странах было обусловлено различными обстоятельствами, что наложило отпечаток на их происхождение и толкование. Японскими мыслителями самостоятельно, независимо от европейского влияния были созданы представления о японском народе, о значении императора как объединяющем начале. В Китае и Индии осмысление понятий «нация», «национализм» происходило в результате европейского влияния. В Китае Лян Цичао разработал учение о «новом народе», способном создать современное процветающее и независимое государство. Мыслители Индии обратили внимание на то, что в Европе «национализм» и «нация» понимались только в политическом аспекте. В мире эти идеи породили экспансионизм, агрессию и колониализм. Некоторые индийские мыслители причины появления «национализма» увидели в господстве интеллектуально-рассудочного начала, утвердившегося в Европе со времён Просвещения. Этому пониманию они противопоставили представления о совершенной, внутренне свободной, нравственной личности (абхай, кямил), действующей во имя всеобщего блага. Автор отмечает, что осмысление опыта Европы мыслителями Азии происходило в рамках своих религиозно-философских традиций.

The paper addresses the problems of national identity. The historical period is Modern Age, because during this period the ideas of "nation" and "nationalism" were created. The author researches the appearance of these ideas in three big Oriental countries: Japan, China and India. The author pays attention to the different circumstances of the appearances of these ideas because they influenced their interpretations. The Japanese thinkers created the notions of the Japanese people and the Japanese emperor as sacral united symbol independently from European thinkers. The Chinese thinker Lyang Cichao created the doctrine of "the new people" because the threat to China's independence. Upon his mind "the new people" must be able to create a strong and rich state. The Indian thinkers attracted attention to the political aspects of the European ideas of "nation" and "nationalism". They considered that the European understanding these ideas gave rise to expansionism, aggression and colonialism. Some of the Indian thinkers considered, that the reasons of rise of "nationalism" were caused by domination of intellectual, rational principals in the European consciousness. They opposed to the ideas of perfect and moral personality working at national welfare. The author highlights that perception of the European experience by Oriental thinkers was with regards to their native religious and philosophical traditions.

Ключевые слова: нация, национализм, сонно, новый народ, абхай, кямил.

Keywords: nation, nationalism, sonno, new people, abhay, camil.

Понятия «нация», «национальность», «народ», «народный дух» были разработаны европейскими историками в XVIII – начале XIX вв. Это было обусловлено выходом в активную общественно-политическую жизнь европейских стран третьего сословия. В исследованиях одной из главных причин этого явления признавалась ведущая роль сословия в экономической жизни общества. Его идейные и политические лидеры противопоставили старым феодальным традициям такие понятия, как «свобода», «равенство», «братство» (демократия). Впоследствии эти представления были разработаны в «Декларации прав человека» 1789 г., открывшей новые горизонты развития человечества как мирового сообщества. Реалии второй половины XX и начала XXI века сделали национализм, националистические движения мировым явлением, породившим проблему идентичности с многочисленными противостояниями и конфликтами.

Современные представления о нации на Востоке, как показывают исторические исследования, имеют свои исторические корни. Одной из первых стран, где

независимо от Европы разрабатывались свои представления о «народе», «нации», «национальном духе» была Япония. В XVIII веке появляется школа национальных наук (кокугакуха). Её основатели и адепты: Камо Мабути (1697 – 1769), Хирата Ацутанэ (1776 – 1843), Мотоори Норинага (1730 – 1801). По происхождению они принадлежали к привилегированному самурайскому сословию. Также как и европейские мыслители, они опирались на своё историческое наследие. Ими было собрано и опубликовано большое количество древних исторических источников, молитв и обрядов. В отличие от европейцев, в чьём понимании социальных, культурных процессов стали преобладать секуляристские, материалистические представления, японцы сохранили традиционные, религиозно-мистические представления. В комментариях к древним текстам и обрядам они утверждали, что мифологическая история Японии является истинной. Хирата Ацутанэ заявлял: «Наша родина – родина богов, и все мы произошли от них». Как у европейцев, их понимание значимости своей нации строилось на

противопоставлении опыта своей страны другой – западной, китайской. Они опирались на понятие «сонно» – пути почитания императора, традиции, берущей начало в древности и выражавшейся в ритуалах, согласно которой император является живым богом в отличие от китайских императоров, которые происходят от обыкновенных людей. Хирата Ацутанэ дал новое толкование этому понятию. «Путь богов и императоров в моём понимании, – писал он, – состоит в том, чтобы быть преданным императору и почтительным к родителям, заботиться о жене и детях, приумножать своё потомство, чтобы в семье были дружба и согласие, чтобы человек к друзьям относился с доверием, заботился о слугах, стремился к процветанию семьи. Это и есть истинный Путь, который передаётся от Богов» [4, с. 16 – 17]. Безусловно, это толкование основывалось на традиционном для японцев принципе естественности, подкреплённом конфуцианским пониманием человеческой природы, природы добра. Новым было то, что он выдвинул понятие «японца» как особой общности, независимо от его сословной принадлежности. Объединительным началом Ацутанэ сделал традиционные мировоззренческие, этические принципы. По тем временам это было революционное заявление. Более того, он считал, что каждый японец должен следовать «сонно» – японскому пути. Баланс сословий, кланов и групп был одним из основных принципов сёгуната Токугава. Утверждения Ацутанэ были направлены против этого политического принципа.

Представление о японцах как некоей общности в противовес родо-племенным и феодальным традициям было высказано ещё в конце XVII в. священнослужителем Ямадзаки Ансаем. В качестве общих черт японского характера он выдвинул верноподданность, сыновнюю почтительность, почитание духов предков. Хирата Ацутанэ, опираясь на принцип естественности в поведении человека, изложил характерные черты личности японца, сформулировал целую программу, каким он должен быть, каковы смыслы его деятельности.

Эти положения были детально разработаны и обоснованы Мотоори Норинага. Им была создана концепция об истинно японском духе, основные положения которой были изложены в работе «Тама Ку-сигэ» (Драгоценная шкатулка для гребней) [7. Приложение]. Норинага утверждал, что этот дух проявляется прежде всего, в том, что страной управляют божественные императоры. Они создали уникальную государственность и благодаря этому страна, её народ осуществляют истинный путь, путь Божественного предназначения (китайская идея Дао, Высшего или Истинного пути была усвоена японскими мыслителями ещё в древности). Эта уникальность, по мнению Норинага, проявлялась в том, что для японца главное не то, кому подчиняться (само собой разумеется, императору), а как подчиняться? От ответа на этот вопрос зависит благополучие общества. По сути, Норинага был одним из первых мыслителей, предложивших понять проблему управления обществом с позиций личных, психологических аспектов. Для обоснования этого им были выдвинуты следующие аргументы – всё в мире происходит по замыслу богов. Обще-

ство всегда разделено на верхи и низы. Отношения управления и подчинения – естественный закон. Человек не должен производить никаких перемен «поспешным и насильственным путём», поскольку ограниченный ум человека не может понять, какие перемены полезны. Лучше сохранять старые нормы жизни, даже если в чём-то они несут зло. Человек должен действовать в отведённых ему пределах: преданно служить господину, заботиться о родителях, семье, почитать предков, выполнять профессиональные обязанности. Подчиняться следует, повинаясь воле сердца, а сердце каждого японца настроено на императора – амаэ-но-коро. Японское сердце – магокоро – истинное сердце – отличается от других тем, что ему присуще естественным образом врождённое знание норм поведения. *(Недавно учёными открыт ген, определяющий поведение человека – Л. Р.)*. Если европейские мыслители сосредоточили своё внимание на внешних аспектах отношений человека и общества, то Норинага обратился к внутренней мотивации поведения человека. Причём в отличие от европейцев, считавших разум источником этой мотивации, он выделил сердце как глубинное, наиболее устойчивое естественное начало, наименее подверженное различным внешним влияниям. В даосско-конфуцианской традиции, унаследованной японцами, сердце является отражением Небесного Разума, а, ум ассоциируется с образом обезьяны с её безотчётным, хаотическим поведением. Если изыскания европейских мыслителей ориентировали мыслящего человека на разрыв с традицией, на конфликт с обществом (яркий пример – роман Гёте «Страдания юного Вертера», оказавший значительное влияние на настроения умов в Европе и России), то Норинага призывал принимать существующий порядок как естественный, не умаляя при этом достоинство человека. Более того, он это достоинство утверждал, подчиняя человека воле богов и их потомку – императору. Норинага в понятных для японца категориях сформулировал основные черты японского характера, парадигму его поведения. Обозначив общие для каждого японца черты характера, он объединил высшие и низшие сословия в единую общность. Норинага постулировал и утверждал идеи превосходства японской государственности и японского национального характера по сравнению с китайской государственностью и национальным характером, по-японски, западным. В первой половине XIX века последователи школы Мито разработали учение кокутай (государственный организм, перевод В. Э. Молодякова). Согласно ему, кокутай – это некое виртуальное тело, общность, объединяющая императора, первосвященника Синто и духовного лидера, японский народ и японские острова (творение богов Идзанами и Идзанаги) в естественное единое целое. Это учение похоже на германскую «органическую теорию государства», разработанную практически в то же время. Эти идеи Норинаги и учение кокутай получили распространение и стали востребованными в Японии в XIX веке, веке формирования японской нации, а Мотоори Норинага получил почётное прозвище «отца японского национализма».

В философской традиции Китая понятие «народ» определялось культурными факторами, выразивши-

мися в понятии «жэнь» – культурный человек, в отличие от «гуй» – варваров, народов, окружавших Китай. Китайцы считали себя потомками культурного народа «хань». Маньчжуры, завоевавшие Китай в XVII в., приложили немало усилий, чтобы искоренить эти представления. Понятия «народ», «нация», «национальное самосознание», «национальный дух» пришли с европейскими нововведениями. Большую роль в адаптации этих понятий к реалиям жизни Китая конца XIX – начала XX вв. сыграл общественный и политический деятель, властитель дум китайской молодёжи Лян Цичао. Им было создано учение о новом народе, изложенное в работе под таким же названием. Для китайского общества, особенно для молодёжи, успехи европейских стран были впечатляющими. Лян Цичао объяснял их тем, что там утвердился национализм. Как традиционный китаец, в мировоззрении которого преобладали представления о роли знания в жизни общества, он обратил внимание на то, что большую роль в национализме Европы сыграли естественные и политические науки. Они стали его основой. Лян Цичао объяснял «национализм» и как сплочение людей одной расы, одного языка, религии и обычаев, людей – братьев вокруг идеи борьбы за независимость, за самоуправление, за создание совершенного государства, с целью добиться общественного благосостояния и могущества для защиты от внешних врагов. Он утверждал, что такого национализма нет в Китае, что «китаец воспитан в духе индивидуализма как член семьи, рода, житель своей местности, но отнюдь не как член своей нации, ... главная цель китаец – совершенствование своей личности». И это, по его мнению, привело к тому, что из активной общественной жизни самоустранились умные, образованные люди, что и стало одной из главных причин тяжёлого положения страны, фактической утраты ею независимости. В силу традиционных представлений Лян обратил внимание на значимость моральных факторов и предложил создать новую мораль – общественную, где каждый заботится не только о себе, но и о благе других [6, с. 31]. Он утверждал, что кто не творит блага для общества, тот причиняет ему вред [6, с. 31]. Лян дал новое понятие патриотизма, связав его с формированием нации. Традиционной философии покорности, понимавшейся как патриотизм, он противопоставил философию активного действия, мужества, борьбы за преодоление трудностей. Он говорил: «Как жизнь и смерть человека, так и существование или гибель нации зависят от четырёх качеств: надежды, энтузиазма, разума и смелости» [6, с. 32]. По его мнению, эти качества должны быть присущи новому народу, гарантии прав личности могут быть добыты только в борьбе. Он аргументировал эти положения опытом европейских стран и США, обращая внимание на то, что утверждение конституции, отмена рабства, освобождение от крепостной зависимости, свобода труда, свобода верований было достигнуто ими в результате кровавых битв. Отвечая на насущный для китайцев вопрос об угрозе независимости, он утверждал, что государство может добиться равноправия на международной арене только в том случае, если его граждане добьются равноправия внутри него. Лян Цичао объяснял европейские понятия в рамках тради-

ционных морально-этических категорий, придав им новое звучание. Несмотря на то, что Лян отказался от идей республиканизма и перешёл на позиции этатизма и монархии, его толкование этих понятий оказало большое влияние на китайское общество. Они были восприняты людьми, получившими современное образование – офицерство новой армии и молодёжь, ставшей силой и опорой республиканцев.

Становление национального самосознания, осмысление опыта Европы в Индии происходило в условиях английского колониального господства. В отличие от Японии и Китая большую роль играл этнический и религиозный фактор. На территории Индийского субконтинента проживало большое количество народов различного происхождения и автохтоны, тамилы, теллугу, каннара, потомки дравидов, арийцы и мусульмане, потомки завоевателей. Население Индии говорило почти на 140 языках и наречиях. Этот разнородный мир объединяли религии – индуизм исповедовало чуть более 80 % населения, ислам около 12 %. Это сказалось и на понимании и трактовке таких основополагающих понятий, как «нация», «национализм». Мыслители Индии отождествляли их с колониализмом. Европейским нациям, породившим такое зло, как колониализм, противопоставлялась традиционная культура народов Индии, переосмысливался её гуманистический потенциал. Появились газеты и журналы, в которых содержалась резкая критика британского господства и политики расовой дискриминации, провозглашались идеи свободы и единства всех народов Индии. Возникли различного рода движения за содействие развитию национальной промышленности, науки, языков, литературы, живописи, театра, музыки. Крупнейшие мыслители Дайананда Сарасвати, Рамакришна, Вивекананда, Кешаб Чандра Сен, Рабиндранатх Тагор, Сайид-Ахмад-хан, Мухаммад Икбал и другие переосмысливали основополагающие постулаты индуизма и ислама, помогая тем самым определять своё место и деятельность в меняющемся мире миллионам индусов и мусульман. Они настаивали на необходимости преодолеть философию покорности, быть открытыми новому, современному, прогрессивному и активно претворять его в жизни.

Неоценимое значение имела деятельность Вивекананды (1862 – 1902). Опираясь на духовное наследие индуизма, он раскрыл значимость духовной свободы, её всеобъемлющий характер, показав при этом, что европейское понимание свободы ограничено политическими правами. Им была дана новая трактовка главного для индуса закона кармы (воздаяния за содеянное) и создана концепция «абхай» – активной, бесстрашной личности, верящей в свои силы, действующей во имя всеобщего блага. «Абхай» стал лозунгом и идеалом индийской молодёжи. Созданная им миссия Рамакришны поставила своей целью воспитать новый тип человека, в котором бы гармонически сочетались разум, любовь и действие. Гордящейся своими достижениями Европе Вивекананда противопоставил Индию, которую он считал родиной мировой культуры. В отличие от многих своих современников, считавших главной причиной бедственного положения Индии английский колониализм, он эту

причину видел в самом индийском обществе. «Мы, как ведантисты, определённо знаем, что нет силы в универсуме, которая нанесла бы нам вред, если мы не нанесём сами себе вреда первыми. Никого не упрекайте, упрекайте нашу собственную карму» [2, с. 169]. Главными виновниками создания такой кармы он считал правящие касты, которые не исполняли своей главной обязанности просвещения и развития народа. В угоду своим интересам они извратили религию, установили тиранию, закрепили женщину, культивировали слепое повиновение традиции. В результате потомки некогда сильного, талантливого и свободолюбивого народа стали пассивными, безвольными, физически и духовно слабыми. Вивекананда и Сарасвати одними из первых поставили вопрос об ответственности высших каст своей страны за бедственное положение народа и утрату независимости. Полемизируя со сторонниками подражания Европе, Вивекананда утверждал, чтобы вернуть свободу и независимость и создать новую современную Индию, нужно опереться на её фактическую историю, а не слепо заимствовать чужой опыт. По его мнению, фактическая история Индии – это сложившиеся общественные институты, религия, особенности характера людей, сейчас принято говорить – менталитета. По сути, в своих выступлениях он высказал целую программу преобразований от мер по ликвидации бедности и нищеты до восстановления истинного смысла религиозных предписаний, воспитания и образования всего населения, права женщин на участие во всех областях общественной жизни. Под образованием и воспитанием он имел в виду не только определённую сумму знаний, но прежде всего формирование активной личности, имеющей идеалы и стремящейся воплотить их в жизнь, личности, верящей в свои силы, бесстрашной – абхай. Причём Вивекананда неоднократно подчёркивал взаимосвязь всех этих мер, особо выделяя роль женщин как величайшую силу социальных преобразований. Значимость борьбы за возрождение Индии он связывал с духовным возрождением всего мира: «Индия нужна миру. Индия с её знанием Бога, с её методом освобождения, с её накопленным духовным наследием. Гибель Индии отзовется в мире огромной потерей, которая задержит духовное освобождение всего человечества. Возрождение Индии – вопрос возрождения Духа в человечестве». Он верил, что возрождение возможно только через религию, а не политику, тем более насилие. Вивекананда говорил: «Ни одна великая работа не может быть сделана посредством насилия. Только посредством Любви, страстной преданности Истине... Я не верю ни в какую политику. Бог и Истина – единственная политика на свете» [12, с. 12]. Не отрицая значения материального достатка (бхоги), Вивекананда подчёркивал, что материальное благополучие общества, основанное на современном производстве, не является главной целью деятельности, не сделает людей счастливыми, если их жизнь не осенена духом. Он обратил внимание на общие корни всех религий, выступал за создание универсальной религии, доступной каждому человеку и считал, что она объединит людей в Международное Братство.

Если Вивекананда основное внимание сосредоточил на необходимости формирования новой личности, опирающейся на заново переосмысленные духовные, религиозные основы, то Бал Гангадхар Тилак (1856 – 1920) считал наиболее насущной задачей объединение народов Индии в борьбе против колонизаторов. Он понимал, что в условиях Индии оно могло произойти только на традиционных религиозных основах. Это нашло отражение в его общественной, публицистической, просветительской и научной деятельности. Поэтому он возродил древнюю традицию массовых религиозных праздников, запрещённых ещё в XVII веке падишахом Аурангзебом. Чтобы укрепить веру индусов в свои силы, он доказывал древнее происхождение «Вед». Считал, что арии пришли из Арктики и сыграли большую роль в мировой истории, в том числе и европейской. Стремясь вырвать индуса из вековой покорности карме – судьбе, Тилак трактовал «Бхагават – гиту» (священная книга индусов) как философию действия. Главным условием для экономического и культурного развития страны он считал освобождение от колониального рабства. Он считал, что оно возможно только при активном участии всех народов страны и её элиты. Верхи общества должны понять, что их спасение зависит от спасения народа. Тилак внедрял в сознание масс идеи единства Индии, идеи активной деятельности во имя спасения Родины. Он утверждал, что есть только одно лекарство – политическая власть, её надо взять в свои руки, без неё не будет развиваться индийская промышленность, молодёжь не получит нужного образования, не будет социальных реформ, благополучия народа. Захват власти можно осуществить только с помощью насилия, массового, вооружённого выступления всего народа.

Идеи Мухаммада Икбала (1873 – 1938) оказали большое воздействие на мусульманский мир не только Индии. В XX в. он был признан основателем исламского фундаментализма. Икбал развил содержащуюся в исламе и суфизме идею совершенного человека (кямил). Он обратил особое внимание на то, что для совершенного человека характерно наличие активного политического духа и практическая деятельность. Большое значение Икбал придавал просвещению мусульман при опоре на традицию. Он говорил: «...мы должны иметь свои собственные школы, колледжи и университеты, сохраняя живыми наши общественные и исторические традиции» [13, с. 161]. Он симпатизировал зарождавшемуся панисламистскому движению, поскольку считал важным утверждать единство мусульман. Его он понимал как религиозное, политическое и психологическое. Икбал был противником раздела Индии. Он утверждал, что Индия является родиной населяющих её народов, разных по вере, и для мусульман, и для индусов. Он верил, что не национальное, а братское начало, определённое Природой в человечестве, может сохранить единство Индии. Реконструкцию ислама он понимал как восстановление его истинного духа. Для этого он выдвинул ряд следующих положений: ислам исходит из представления о мире как о реальности, и, следовательно, всё происходящее в нём реально; реальность может быть изменена, усовершенствована, а существующее зло подлежит уничтожению, и это должно

быть сделано людьми. Силы природы, в том числе и разрушительные, должны контролироваться человеком, поскольку он наделён способностью их познавать, а, следовательно, и регулировать. Человек – это единство силы, энергии, воли; зародыш беспредельной власти. Развитие этих свойств – задача всей человеческой деятельности. Моральную природу человека ислам считает доброй и миролюбивой. Этический идеал мусульманина – освободить человека от страха и осознать самого себя как личность, как источник силы. Человек – свободное, ответственное существо, творец своей собственной судьбы, его освобождение – в его собственных руках. Не существует посредника между Богом и человеком. Главным методом формирования такой личности Икбал считал воспитание и образование, основанное на знании своей истории, общности веры. Политическая организация исламского мира по Икбалу – это демократия, потому что ислам утверждает равенство всех членов мусульманской общины перед верховенством Закона Божьего. Он был сторонником активной деятельности, поскольку она и раскрывает силы и способности человека, и формирует их, и создаёт новые, и меняет жизнь. Обращаясь к сыну, он писал: «Вращайся вокруг себя, как компас вращается вокруг своей оси, неверующий в Бога – кяфир, по мнению муллы, а для меня тот, кто не утверждает самого себя – самый большой грешник. Жизнь – это желание быть всегда во вращении, насыщенное гнездо для неё не место» [13, с. 167].

Наиболее развёрнутое объяснение понятий «нация» и «национализм» дал Рабиндранатх Тагор (1861 – 1941). Он обратил внимание на то, что история европейских народов развивалась иначе, чем индийских. История Индии, по его мнению, ещё со времён Упанишад – это «история соглашений и приспособлений для достижения главной задачи – развития духовного сознания». История Запада – это история борьбы за власть, которая и породила нации и национализм, где на первое место вышла социальная роль человека и политические факторы общественного развития для достижения «одной особой цели – самосохранению... Эта политическая сторона имеет отношение к власти, но не к жизненному идеалу. Политика становится самодовлеющей» [14, с. 12 – 13]. Тагор считал, что эти обстоятельства разрушали духовное начало человека, калечили его нравственную природу. «Западный национализм систематически подавлял свою нравственную природу, чтобы заложить прочный фундамент для своих чудовищных организаций абстрактной власти. Он пропитан духом борьбы и завоеваний» [14, с. 35]. Следствием национализма явились эгоизм и индивидуализм, борьба полов, труда и капитала, колониализм и войны. Тагор писал: «Нации – это грабёж, убийство и предательство» [14, с. 39]. Фундаментальной причиной этого явления Тагор считал «господство интеллекта, ума, отрешённого от эмоций» [14, с. 38]. Он не отрицал полезности интеллекта, но считал, что он не должен доминировать, определять сущность человека, ибо «подлинная сущность целостного человека не в его силе, а в его нравственном совершенстве» [14, с. 38].

Эти идеи получили развитие в работах Ауробиндо Гхоша (1873 – 1950), создателя индуистской инте-

гральной философии и интегральной социологии, повлиявшей на развитие мировой философской мысли. Им была дана новая трактовка популярных тогда понятий «индивидуума» и «нации», в которых нуждались деятели национально-освободительного движения страны, ибо традиционное понятие индивидуума ставило определённые ограничения, а понятие «нация» было новым. По Гхошу, личность, индивидуальность – это центральная фигура общества, ради которой создаются и существуют все общественные институты, такие как семья, нация, государство и т. п. Цель этих организаций – удовлетворять потребности индивида. Семья удовлетворяет его духовные и физические потребности, общественные организации удовлетворяют его эмоции, связанные с общественной жизнью, с деятельностью в коллективе, в нации реализуются его потребности в политической деятельности. Эти представления вытекали из его понимания истории человечества. Её он понимал как эволюционный процесс от простейших состояний (агрегатов) к более сложным состояниям. Ведущими факторами Гхош считал ментальные, духовные. Именно они, а не материальные, экономические, определяют уровень развития общества. Для современного состояния общества характерно состояние индивидуализма с его рационализмом и «ментальным субъективизмом». Гхош считал, что Разум представляет собой орудие разделения, и все его проявления неизбежно основываются на грубом господстве, какой бы характер оно не носило – политический, экономический, моральный, эмоциональный, религиозный. Соответственно оптимальным состоянием общества, где господствует Разум, является «нация», поскольку она обеспечивает «устойчивое психическое единство», физически и политически сплачивает народ для защиты своих интересов. Однако это состояние несовершенно, и оно проявляется в таких явлениях, как угнетение, агрессия, расовая дискриминация, бесправие, нищета и т. п. Он утверждал, что эволюция общества, основанного на разуме, может предложить «лишь приятную смесь человеческого и социального величия – винегрет из Святого Винсента и Ганди – с лёгкой приправой из марксизма-ленинизма и оплачиваемых отпусков» [11, с. 259]. По его мнению, следующим этапом в развитии индивидуума и нации будет общественное устройство, где это противоречие будет устранено. Это станет возможным, если люди познают «идеальный закон общественного развития» и каждый индивид сознательно перестроит свою жизнь в соответствии с этим законом и будет гармонично сочетать свою жизнь с жизнью социального агрегата. Достичь этого можно только с помощью образования и воспитания всех людей. Ведущим признаком такого общества будет свобода от эгоизма, духовность. На этой ступени человеческое сознание завершит свою эволюцию в феноменальном мире. По Гхошу «духовное общество» соответствует европейскому понятию «социализм». Но он подчёркивал, что «духовное общество» будет жить не как коллективное эго, а как коллективная душа. Свобода от эгоизма будет первой и наиболее существенной характеристикой этого общества» [2, с. 199]. Такое общество можно создать только в масштабе всего человечества, для этого все

нации должны будут объединиться в «Мировой Союз, основанный на принципе свободы и различия общественных укладов в свободном и разумном единстве» [2, с. 200]. Одним из важнейших условий создания такого союза он считал синтез религии и философии, поскольку только это поможет человечеству сформировать новое сознание. Философию и религию он объяснил таким образом: «Философия – это интеллектуальные поиски фундаментальной истины вещей; а религия – попытка сделать истину динамичной в душе человека. Они дополняют друг друга». Он подчёркивал взаимосвязь религии и философии. «Религия, которая не выражает философской истины, вырождается в суеверие и обскурантизм, а философия, которая лишена динамики религиозного духа, бесплодна, ибо она не может найти себе практического применения» [2, с. 200]. Не менее значимыми факторами создания такого общества он считал сближение общественных интересов в мировом сообществе, ликвидацию причин бедности и отсталости, нравственное преобразование. Можно сказать, что Гхош, опираясь на свою религиозную традицию, открыл перспективу духовной эволюции человечества в отличие от европейской мысли, остановившейся на идее «соратничества» с Богом. Толкуя закон эволюции, изложенный в Риг Веде, а, точнее переводя его на современный язык, Ауробиндо предложил идею эволюции человека и человечества как создание супраментального или коллективного сознания. «Если духовное раскрытие на земле – это скрытый смысл нашего рождения в Материи, если и в самом деле в природе осуществляется некая эволюция сознания, то человек таков, как он есть, не может быть предельной точкой этой эволюции: он является слишком несовершенным орудием духа, сам разум является слишком ограниченной формой и орудием; разум – это некий средний этап сознания, и ментальное существо может быть лишь переходным существом. Но тогда, если человек не

способен выйти за границы ментальности, то он должен быть превзойдён, должны появиться суперразум и сверхчеловек, проявиться и стать во главе творения. Но если его разум способен открыться тому, что его превосходит, то тогда нет никаких причин, мешающих человеку самому достичь суперразума и сверхчеловечества или, по крайней мере, отдать свою ментальность, жизнь и тело в распоряжение эволюции на этом великом этапе деятельности Духа, проявляющегося в Природе». Он подчеркнул особую, главную роль человеческого разума в этом процессе: «...Позиция наша очень важна, потому что на этот раз вместо того, чтобы позволить Природе самостоятельно совершать свою работу и не заботиться о существующих обстоятельствах, мы можем стать сознательными сотрудниками нашей эволюции» [11, с. 258]. По мнению Гхоша – это есть «идеальный закон общественного развития».

Отвечая на запросы времени и вызовы Запада, мыслителями Востока был разработан ряд новых представлений о «нации» и «национализме». Отмечая их созидательный потенциал, они обратили внимание на то, что европейский опыт ограничил их политическими факторами, повлекшими такие последствия, как агрессия, насилие, войны, подчинение одних народов другим. В противовес этому они подчеркнули важность духовных основ личности и общества, их гуманистическую направленность. Опираясь на свою религиозно-философскую традицию, они разработали идеал современного человека, смыслом жизни которого является благо своего народа, мира в целом. Подводя определённый итог, можно сказать, что осмысление европейских понятий, выработанных политическим опытом Европы мыслителями Востока, обогатило мировую мысль, способствовало более глубокому пониманию исторического опыта Востока, его роли в жизни мирового сообщества, природы человека и её эволюции.

Литература

1. «Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока» // Сборник статей. М., 1993.
2. Бродов В. В. Истоки философской мысли Индии. М., 1990.
3. Бхагават-Гита как она есть. Свами Прабхупада. М., 1989.
4. Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура нового времени. М., 1998.
5. Индия: религия в политике и общественном сознании. М., 1991.
6. Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае 1900 – 1917 гг. М., 1972.
7. Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество. М., 1988.
8. Михайлова Ю. Д. Общественно-политическая мысль Японии. М., 1991.
9. Общественно-политическая жизнь Индии, прошлое и настоящее. М., 1989.
10. Ромен Роллан. Вселенское Евангелие Вивекананды. Самара, 1994.
11. Сатпрем. Шри Ауробиндо или путешествие сознания. СПб.: Алетейя, 1992.
12. Свами Вивекананда. Философия. Йога. Магнитогорск, 1993.
13. Степанянц М. Мир Востока. Философия: прошлое, настоящее, будущее. М., 2005.
14. Тагор Р. Национализм. Берлин: Изд-во С. Эфрон, 1930.

Информация об авторе:

Решетникова Людмила Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран и международных отношений КемГУ, 8 (3842) 35-35-86.

Liudmila S. Reshetnikova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА

О. Э. Терехов

CATEGORY OF TIME IN OSWALD SPENGLER'S CULTURAL, HISTORICAL AND POLITICAL VIEWS

O. E. Terekhov

Цель статьи – рассмотреть в контексте концепции постклассического понимания времени в историографии XX столетия значение категории времени в исторических и политических взглядах О. Шпенглера как представителя «философии жизни» в исторической и политической мысли. Автор делает вывод о том, что время выступает у Шпенглера как судьба, логика истории, миф и является неким роком мировой истории, который без остатка поглощает и растворяет культуры и человека.

The paper aims at considering significance of the category of time in the historical and political views of O. Spengler as a representative of “life philosophy” in historical and political thinking within the framework of postclassical understanding of time in the 20th century historiography. The author comes to conclusion that time is presented in Spengler's works as fate, logic of history and myth, and acts as a kind of fatality in world history, devouring and dissolving cultures and humans completely.

Ключевые слова: О. Шпенглер, «консервативная революция», германская историография.

Keywords: O. Spengler, Conservative Revolution, German historiography.

Характерной чертой постклассических принципов изучения истории стал переход от проблем методологии истории к постижению структуры исторической реальности или, по терминологии немецких гуманистов, историчности (*Geschichtlichkeit*). При этом историчность как таковая фактически не отождествлялась с эмпирикой реального исторического процесса. Прямым следствием подобного подхода вкупе с формированием постклассической парадигмы философии истории явилось рассмотрение исторического бытия в категориях судьбы, «жизненного порыва», становления и т. д. Историчность воспринималась как стихийно формирующейся и развивающейся поток жизни, не доступный для рационального и логического понимания. Исходя из этого, важное место в постклассических концепциях философии истории стала занимать категория времени [4].

Крупным теоретиком нового понимания времени, ровно как и историчности в постклассической философии истории, был основоположник цивилизационного подхода к исследованию истории в XX столетии, автор «Заката Европы» Освальд Шпенглер (1880 – 1936). С течением времени философия истории Шпенглера стала одной из вершин постклассического осмысления исторического бытия, а его трактовка проблемы времени неким эталоном для подобных философско-исторических концепций. Однако рассматривать исторические взгляды Шпенглера без связи с их политической составляющей едва ли представляется возможным. Тем более что культурно-историческая и политическая концепции немецкого философа взаимно обусловлены, а проблема времени в политической концепции Шпенглера, его философии политики играет не меньшую роль, чем в его философии истории. Иными словами: творческое наследие Шпенглера, его философско-исторические, культурологические и политические идеи по праву считаются эталоном консервативной критики цивилизации

в гуманитарной мысли XX столетия, породившим многочисленных подражателей.

По словам С. С. Аверинцева, время для Шпенглера как представителя философии жизни не являлось коррелятом пространства либо мыслительной категорией, оно было тождественно самой жизни [1, с. 191]. Категория времени в философии истории Шпенглера входит в число основополагающих методологических принципов его культурно-исторической концепции. По существу вся культурно-историческая и политическая концепция Шпенглера строится на принципе временной протяженности, что не удивительно, ибо рассмотрение всемирной истории через призму концепции цикличности локальных культур изначально предполагает ее временное измерение. Время выступает в философии истории Шпенглера и как онтологическая категория, и как темпоральная единица исторического процесса.

Основным теоретико-методологическим принципом культурно-исторической концепции Шпенглера стала идея выделения мира-как-истории и мира-как-природы. Природа есть нечто ставшее, история – становящееся [5, с. 250]. «Природа и история различаются между собой как подлинная и мнимая критика – критика, понятая противоположность жизненному опыту», – пишет он [6, с. 24]. Согласно Шпенглеру, важнейшими признаками мира-как-истории и мира-как-природы являются направление и протяженность, на основании которых «историческое и природное впечатления о мире отличаются друг от друга» [5, с. 256]. Шпенглер иллюстрирует это различие на примере трактовки слова «даль». В категориях мира-как-истории оно означает проекцию будущего. В категориях мира-как-природы – обыкновенную пространственную дистанцию [5, с. 256]. В центре культурно-исторической концепции Шпенглера находится не пространственно-временное измерение окружающей действительности, а органический, временной поток

жизни, в котором не существуют и, соответственно, не действуют природные законы. С присущей ему афористичностью Шпенглер следующим образом описывает это различие: «Существует познание природы и знание людей. Существует научный опыт и опыт жизни» [5, с. 257].

Исходя из противопоставления времени исторического времени природно-физическому, Шпенглер раскрывает свое понимание и представление о времени. Время – характеристика исторического бытия в отличие от пространства – константы бытия природного. Для того, чтобы ощутить ложность пространственно-физического восприятия времени, Шпенглер призывает заменить в любом философском или естественнонаучном тексте слово «время» словом «судьба», дабы показать невозможность полного синтеза пространства и времени [5, с. 280 – 281]. «Время есть противопонятие пространства, в том же самом смысле, в каком понятие жизни... возникло в противоположность мышлению...» [5, с. 283]. Все живое обладает жизнью, направлением, порывом и т. д. Время, по Шпенглеру, органично и оно не связано с пространством, которое статично. Время – это то, что не пережито и не прочувствовано, пространство – это предмет, число и т. д. В своем понимании времени Шпенглер ставит историческую реальность выше природной реальности.

Историческое время – это судьба. «Собственное, судьба, время суть слова векселя», – утверждает Шпенглер [5, с. 277]. Как известно, именно «судьба» является одним из основополагающих понятий в методологической и в целом культурно-исторической и политической концепции Шпенглера. В идее судьбы, согласно Шпенглеру, лежит центр тяжести противопоставления мира-как-истории миру-как-природе. «Идея судьбы требует опыта жизни, а не научного опыта, силы созерцания, а не калькуляции, глубины, а не ума» [5, с. 273]. История в понимании Шпенглера и есть судьба, «настоящая история отягчена судьбой, но лишена законов» [5, с. 274], а судьба и каузальность относятся друг к другу, как время и пространство [5, с. 274].

Основываясь на своей концепции локальных культурно-исторических типов, Шпенглер считал, что каждая культура имеет свое время, свою судьбу, свой прасимвол. В различных культурах существовало различное понимание времени и судьбы. Шпенглер приводит пример понимания и отношения ко времени в египетской и фаустовской культурах. В первой отсутствовало представление о времени, символом второй – стали часы. Таким образом, время, истолкованное в философии истории Шпенглера как судьба, становится исторической субстанцией и определяет логику исторического процесса.

Но выделив время из мира-как-природы, Шпенглер не смог полностью растворить его в историчности. Если культуры суть организмы, то каждой из них присуща определенная картина не только исторического, но и природного мира. Более того, каждая культура в философско-исторической концепции Шпенглера обладает внутренними темпоральными событийными характеристиками, структура которых

совпадает с пространственно-временным и природным течением времени.

Говоря о границах темпорального измерения времени в философии истории Шпенглера, мы вступаем в предметную область его знаменитой культурно-исторической концепции. Шпенглер, как известно, отверг единство всемирно-исторического процесса и деление истории на Древний мир, Средневековье, Новое время. Он уподобил ритм исторического развития биологическому природному ритму и вышел тем самым за рамки декларируемой концепции исторического времени как судьбы, которая в конечном итоге свелась к идее жесткой биологической заданности событийной истории. В основе философско-исторической концепции «Заката Европы» лежит идея культурно-исторического цикла в сочетании с принципом замкнутости локальных культур. Средством постижения событийной структуры исторического процесса, по Шпенглеру, является морфология всемирной истории. Подобный подход к истории, с одной стороны отрицающий поиск закономерностей исторического бытия, с другой – сводящий само это бытие к сугубо биологическому выражению, вызвал с момента появления культурно-исторической концепции Шпенглера острые научные дискуссии относительно его правомерности и методологической функциональности.

Итак, согласно Шпенглеру, каждой культуре, как и подобает живому организму, развивающемуся во времени и пространстве, определен свой жизненный срок, который зависит от ее внутренних витальных сил. Культура обладает собственной идеей судьбы. Каждая культура есть осуществление гештальта уникальной души. Каждая культура подчинена жесткому циклу исторического развития, который Шпенглер определил примерным временным сроком в 1000 лет. Каждая культура проходит в своем развитии стадии рождения, расцвета и гибели. Каждая культура обладает суммой присущих только ей особенностей, которые выражаются в философии, искусстве, науке, экономике, политике и т. д. Культуры замкнуты и не проницаемы друг для друга. Носитель одной культуры не может до конца понять другую, чуждую ему культуру. Всего, по мнению Шпенглера, в истории человечества существовало восемь таких локальных культур: египетская, вавилонская, китайская, греко-римская (аполлоновская), византийско-арабская (магическая), майя, индийская, культура майя и западная (фаустовская). При этом Шпенглер отходит и от присущего западному историческому сознанию традиционного теологического временного измерения истории, помещая христианство в три культурных ареала: античный, магический и фаустовский, хотя в конечном счете признает, что фаустовская картина всемирной истории была подготовлена христианским летоисчислением [6, с. 29].

Каждой культуре присущ индивидуальный способ познания и видения не только мира-как-истории, но и мира-как-природы и, соответственно, понимания и чувствования исторического времени. Над историей, которую созерцают и которую делают, господствует один стиль ее восприятия и постижения. На примере античной и западной культур Шпенглер иллюстрирует восприятие мира-как-истории. Античное существо-

вание полностью замыкалось на текущем моменте, в то время как «западный человек не мыслим без тщательнейшего измерения времени» [5, с. 292]. В античной культуре история облекается в форму мифа, в западной – в форму археологии и историографии. Античная история исключает символ бесконечного пространства, западная – только в нем и может существовать и развиваться.

Характерна оценка Шпенглером роли и места человека в этом временном потоке всемирной истории. «Исторический человек» – это человек, пребывающий на пути осуществления культуры. До рождения культуры и после гибели культуры он неисторичен, также как и народ, который он представляет [5, с. 52]. Когда цивилизация оформляется до своего окончательного состояния и завершается живое развитие культуры, исторический человек исчерпывает возможности своего существования.

Здесь мы подходим к квинтэссенции культурно-исторической концепции Шпенглера, ради которой, собственно говоря, и создавался весь теоретико-методологический и политический каркас философии истории «Заката Европы», а именно к проблеме цивилизации, «ибо у каждой культуры – по словам Шпенглера – есть своя собственная цивилизация» [5, с. 163]. Цивилизация – это конечная стадия культуры, ее постепенное разложение и смерть. Исходя из жестко биологически заданного Шпенглером временного ритма развития культуры: «цивилизация – неизбежная судьба культуры» [5, с. 163], становится понятен основной интеллектуальный замысел и посыл философии истории «Заката Европы». Он сводится, и этого не скрывал сам автор, к выявлению тенденций современного Шпенглеру этапа развития и состояния западной культуры, вступившей, по его мнению, в свою заключительную стадию цивилизации, и одновременно к попыткам предвидения будущности этой культуры в эпоху цивилизации.

В основе концепции цивилизации Шпенглера находилась одна из центральных идей немецкой гуманитарной мысли – идея борьбы цивилизации и культуры, трактуемая им в духе традиции консервативной критики цивилизации. Таким образом, вторым ключевым элементом культурно-исторической концепции Шпенглера стала ее консервативная мировоззренческая и политическая составляющая, а философия политики стала одним из основополагающих компонентов его философии истории.

Фигура Шпенглера, несомненно, является одной из ключевых для понимания немецкого консерватизма первой половины XX столетия. В его научном и публицистическом наследии отразились все перипетии и этапы интеллектуальной эволюции германского консерватизма этого периода. Шпенглер чутко улавливал малейшие колебания консервативной мысли Германии и талантливо их интерпретировал. В его трудах зримо проявились тиктанические сдвиги в идеологии немецкого консерватизма на переломе эпох германской истории, пережившей за короткое время кайзеровский рейх, Веймарскую республику, Третий рейх.

Традиционно имя Шпенглера связывают с наиболее парадоксальным направлением германского кон-

серватизма XX столетия – «консервативной революцией», которая возникла, развивалась и потерпела крах вместе с Веймарской республикой в Германии. С момента выхода в 1950 году первого издания классического труда Армина Молера «Консервативная революция в Германии 1918 – 1932» [11] тематика «консервативной революции» прочно вошла в число наиболее дискуссионных проблем германской и европейской гуманитарной мысли [7; 8 и др.].

В идеологии «консервативной революции» виталистское понимание жизни и времени выразилось особенно отчетливо. Известный французский социолог Пьер Бурдьё дал выразительную характеристику мировоззренческого, интеллектуального и политического переплетения главных направлений духовного поиска «консервативных революционеров», которые играли со временем в стиле «философии жизни». Бурдьё, прежде всего, интересуется дух времени (Zeitgeist), в социальном пространстве которого возникли и развивались идеи «консервативной революции». Это был дух «веймарской культуры, которую неотступно преследуют неудовлетворенность культурой, очарование войной и смертью, бунт против технической цивилизации и властей» [3, с. 26]. Именно в подобном контексте, поначалу в рамках академической науки, развивался «своеобразный идеологический настрой» [3, с. 26], постепенно охвативший различные слои населения. Второй составной частью этого идеологического настроя стала совокупность вопросов, «посредством которых само время заставляет задуматься над собой. Вопросы смутных, как состояние души, но сильных и неотступных, как фантазмы: о технике, рабочих, элите, народе, истории, родине» [3, с. 29].

Все эти смутные вопросы и туманные ожидания «консервативных революционеров» – порождение их неустойчивого социального пространства. Бурдьё пишет: «Буржуа, не допущенные аристократами к престижным должностям в государственном управлении, или мелкие буржуа, испытывающие фрустрацию вследствие неосуществленности надежд, которые были порождены их достижениями в учебе, «консервативные революционеры» обнаруживают в «духовном возрождении» и «немецкой революции» как «революции души» мифическое разрешение своих противоречивых ожиданий...» [3, с. 58 – 59]. И далее: «Регрессивная надежда на мирную реинтеграцию в органическую тотальность самодостаточного аграрного (или феодального) общества – всего лишь оборотная сторона агрессивного страха в отношении всего того, что в настоящем указывает на угрожающее будущее: капитализм, как и марксизм, капиталистический материализм буржуа, как и безбожный рационализм социалистов. Однако «консервативные революционеры» придают черты интеллектуальной респектабельности своему движению, облекая регрессивные идеи в язык, порой заимствованный у марксизма и прогрессистов, а также проповедуя шовинизм и реакцию на языке гуманистов» [3, с. 59].

Исследователи неоднократно отмечали консервативный характер философии истории Шпенглера. Один из ведущих западногерманских исследователей творчества Шпенглера Детлеф Фелькен подчеркивал,

что вопрос о принципах философии Шпенглера, ее методологических и мировоззренческих основах является основным для анализа и оценки места его философии истории в русле философской традиции и духовной ситуации. Подобные анализ и оценка возможны только в контексте современной Шпенглеру идеологии [9, с. 49]. Философия истории Шпенглера стала основой его философии политики [2, с. 11]. Сам Шпенглер указывал на то, что замысел «Заката Европы» возник из политического очерка 1911 года, написанного им как отклик на текущие политические события [5, с. 183].

В свою очередь в политической концепции Шпенглера время приобретает иные свойства и иной характер. Несмотря на то, что время продолжает выступать как судьба, рок и миф, оно получает конкретные исторические параметры в образах возникновения и эволюции таких исторических категорий, как политика, государство, «прусский социализм», сословие и т. д.

Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер обратился к философско-историческому обоснованию своих консервативных политических взглядов [6]. По существу центральной темой второго тома стала философия политики, которая, как уже было сказано выше, тесно связана с его культурно-исторической концепцией. Шпенглер, анализируя политическую историю, вновь вернулся к противопоставлению цивилизации и культуры через оценку роли в истории социальных сословий, которые, по его мнению, являются отображением метафизического момента в истории [6, с. 365]. При этом Шпенглер в центр исторического развития, космического течения жизни ставит политику. «Политика в высшем смысле – это жизнь, и жизнь – это политика», – пишет он [6, с. 354].

Создателями и носителями культуры в истории, по Шпенглеру, выступают дворянство и духовенство. Именно в этих двух сословиях сосредоточен смысл исторического процесса. Творческая сила дворянства вырастает из кровной связи с землей. Поэтому сама судьба и история предназначили дворянству руководство государством. Позитивно оценивает Шпенглер и крестьянство, которое как сословие кровно связано с землей и поэтому также является носителем культуры.

Разрушение культуры начинается с появлением крупных городов. Шпенглер выделяет два типично городских сословия эпохи заката культуры и наступления цивилизации – буржуазию и городской плебс, или «массу» (четвертое сословие). Но если буржуазия в понимании Шпенглера сохраняла хоть какую-то часть культуры, то городской плебс был ее непосредственным могильщиком. С наступлением цивилизации сословия гибнут, а борьба за власть происходит между диктаторами (цезарями). В этой связи Шпенглер отрицательно оценивал роль демократии.

Шпенглер обращается к оценке места и роли государства в истории. «Всемирная история – история государств», – утверждал он [6, с. 385]. Особенность консервативного понимания государства у Шпенглера состоит в его морфологическом подходе, в стремлении рассматривать государство в исторической динамике. Государство для Шпенглера является естест-

венной формой исторического существования народа, такой же как для отдельного рода – семья. Народ и род выступают у Шпенглера «единицами» истории, причем род – это наименьшая, а народ – наибольшая единица в потоке истории.

Особенности государства определялись особенностями народа и культуры, в соответствии с этим государство понималось им как органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась общей. Проблема стабильности государства – это вопрос о его внутреннем авторитете, который зависел не от конституции, а от работы правительства и авторитета вождя [10, с. 40 – 41]. Государственнообразующим сословием, по Шпенглеру, было дворянство, державшее государство «в форме». Таким образом, истинным порождением культуры и, соответственно, подлинным государством могло быть, по мнению Шпенглера, только сословное государство.

С наступлением цивилизации и приходом буржуазии к политической власти авторитет государства начинает падать. На место традиционного представления о государстве приходят партикулярные интересы, материальные ценности и власть денег. Наступает эпоха ненавистной Шпенглеру демократии с ее парламентаризмом и господством партийных интересов, коррупцией и манипуляцией общественным сознанием. Демократия – верный признак и начало упадка и гибели культуры. Для Шпенглера государственная мысль была тесно связана с личностью вождя. Демократические формы правления он понимал как проявление политической деградации.

Прямым порождением демократии стал парламентаризм. Шпенглер считал парламентаризм «продолжением буржуазной революции иными средствами» [6, с. 441]. Парламентаризм лишен глубины и прошлого. Парламентская форма государственного правления создает иллюзию народного представительства, но в действительности центр тяжести большой политики смещается в сторону корпоративных интересов воротил финансовой олигархии.

С распадом парламентаризма государство в эпоху цивилизации вступает в свою заключительную стадию – стадию цезаризма; господства сильной харизматической личности, но лишенной культурно-исторической детерминации. «Цезаризмом я называю такой способ управления, который, несмотря на все государственно-правовые формулировки... бесформен по своему внутреннему существу», – характеризовал Шпенглер последнюю стадию существования государства в истории [6, с. 459]. Цезарь одновременно выступает могильщиком демократии, парламентаризма, либерализма и создателем мировой империи.

Значительное место во втором томе «Заката Европы» занимает проблема трактовки Шпенглером вопросов экономики. Исходя из принципа морфологического понимания жизни и истории, Шпенглер пишет: «Экономическое мышление и деятельность – эта одна сторона жизни, получающая неверное освещение, стоит только начать рассматривать ее как самостоятельную разновидность жизни» [6, с. 496]. Тем самым он выразил сомнение в оправданности существования политической экономики как науки, особенно в ее английском варианте.

В своем подходе к объяснению экономической жизни Шпенглер следует традициям консервативной немецкой школы национальной экономики, которая выводила специфику экономической жизни из национально-исторических традиций народов. Он углубляет подобный подход и благодаря своей виртуозной афористичности доводит его до логического завершения, формулируя в чеканном тезисе «всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни» [6, с. 498], отношение «консервативных революционеров» к проблемам экономики. Шпенглер выступил с претензией на то, что его взгляды на экономику находятся по ту сторону капитализма и социализма. Политика и экономика – две стороны космического потока истории.

Таким образом, категорию времени в культурно-исторической концепции Шпенглера можно опреде-

лить как классический вариант ее постклассической трактовки, в которой он предпринял синтез культурно-исторической и природной концепции понимания времени. При этом ни одна из этих концепций не проводится Шпенглером до конца. В итоге, время, понятое Шпенглером как судьба, логика истории, миф и так далее, выступает неким роком мировой истории, который без остатка поглощает и растворяет культуры и человека.

Однако логика привлечения эмпирической истории для более конкретного и наглядного обоснования своих философско-политических взглядов способствовала тому, что в политической концепции Шпенглера время выступает в большей степени как некое темпоральное отображение истории. Несмотря на то, что оно продолжает сохранять и нести для Шпенглера «судьбоносные» и мифологические функции.

Литература

1. Аверинцев С. С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии: Ежегодник Философского общества СССР, 1991. М.: Наука, 1991.
2. Афанасьев В. В. Политическая философия Освальда Шпенглера. М.: МГОУ, 2003. 150 с.
3. Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Праксис, 2003. 272 с.
4. Гайденок П. П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969. С. 225 – 262.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность / Пер. с нем. М.: Мысль, 1993. 663 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. М.: Мысль, 1998. 606 с.
7. Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. 232 p.
8. Bussche R. von dem. Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. 428 p.
9. Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München: Beck, 1988. 304 p.
10. Eckermann K. E. Oswald Spengler und moderne Kulturkritik. Bonn: Univ., Diss., 1980. 315 p.
11. Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart: Vorwerk, 1950. 287 p.

Информация об авторе:

Терехов Олег Эдуардович – доктор исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, terehov1968@mail.ru.

Oleg E. Terekhov – Doctor of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ БРИТАНСКИМИ ИСТОРИКАМИ XX СТОЛЕТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО КОРОНАЦИОННОГО РИТУАЛА И ЕГО ЭВОЛЮЦИИ

Е. Н. Шайхутдинова

TO THE QUESTION OF STUDYING MEDIEVAL CORONATION RITUAL AND ITS EVOLUTION BY BRITISH HISTORIANS OF THE 20TH CENTURY

E. N. Shaykhutdinova

Статья посвящена анализу исследований британских историков, посвященных коронационным ритуалам английских правителей средневековья и раннего Нового времени. Изучаются актуальные для специалистов проблемы, определяется уровень значимости вопроса для британских специалистов, представлены мнения историков относительно эволюции коронации, отмечен вклад в разработку проблемы исследователей, работавших в разные периоды XX века.

The paper is devoted to the analysis of the British historians works addressing coronation rituals of English rulers of the Middle Ages and the Early Modern Period. The author studies some urgent problems and defines the level of significance of the the issue for British specialists, presents the historians' opinions about the coronation evolution, marks the contribution of researchers of different periods of the 20th century into the problem its development.

Ключевые слова: британская историография, коронационный ритуал, презентация власти в средние века и раннее Новое время.

Keywords: British historiography, coronation ritual, power presentation in the Middle Ages and the Early Modern Period.

Для представителей британской исторической науки стремление изучать национальную историю, обращаясь к биографиям правителей, процессам функционирования их власти, реализации политики, является одним из ключевых и актуальных. Желание восстановить основные вехи и события определяет повышенный интерес специалистов к архивным материалам и источникам. Пожалуй, одной из важнейших особенностей британской истории является непрерывающаяся система монархического правления в государстве. Королевская власть традиционно занимает центральное место в судьбе Англии, а затем и Великобритании. Начиная с раннего средневековья и вплоть до XX в. правитель был не просто номинальной персоной, но определял путь политической жизни страны. Безусловно, подобный авторитет и позиция складывались не одно десятилетие. Особый статус короля представлялся результатом долгой эволюции взаимоотношений власти и общества, основанных на нормах, правилах, традициях и законах. Важнейшую функцию в данном случае выполнял ритуал. Ритуализация поведения монаршей персоны перед подданными, регламентация действий подданных перед королем – все это создавало ни с чем не сравнимый ореол уважения, почитания и даже святости правителя. Отдельным элементом формирования подобного образа монарха, безусловно, можно назвать коронацию. Коронационный ритуал имел колоссальное значение в создании окончательного мнения народа о богоизбранности их государя. Ввиду особой важности данной церемонии для укрепления авторитета власти и установления прочного диалога ее с подданными британские историки уделяют в своих исследованиях значительное внимание изучению данного вопроса. В работах ими рассматриваются как сама коронация, так и отдельные ее элементы, трактуется их семантика в рамках настоящего ритуала, а также прослежи-

ваются эволюционные процессы церемонии, указывающие на углубление ее символики и усиление конкретных сфер воздействия на сознание общества.

Британские медиевисты наиболее полно и разнообразно показали проблему развития коронации и ее трансформации. Для них данный ритуал является определяющим в процессе формирования священного образа власти. Коронации традиционно приписывается главенствующая роль в укреплении авторитета монарха. Анализируя процедуру коронования короля, практически все авторы сходятся во мнении, что особое значение в этом мероприятии принадлежит религиозной догматике и той идеологии, которую пропагандировали прелаты. Освящение правящей династии, идея о ее приближенности к божественным силам, связь мирского и священного в персоне государя – все эти установки формировали устойчивый образ власти подданными. Согласно выводам британских историков, конгломерат церкви и государства позволял достигнуть нужного эффекта.

Обращаясь к исследованиям Вихама Лега [4], можно отметить, что, сравнивая материалы коронационных процессий, автор рассуждал о проблеме исторического наследия в церемонии от англо-саксонского периода до Викторианской эпохи. Проанализировав письменные источники, изобразительный материал, профессор В. Лег дал подробное описание церемонии и ее составляющих. Для взглядов данного исследователя характерен консерватизм в оценке процессии. Лишь в некоторых деталях автор нашел эволюционные проявления в развитии ритуала. Появление, а в некоторых случаях исчезновение отдельных незначительных его составляющих, В. Лег констатировал, обращаясь к анализу коронационных ординасов Эдварда I и Эдварда III. Также историк апеллировал к изображению Ричарда I в торжественном обли-

ции [4, р. XXXVI], отмечая появление новых элементов одежды, таких как золоченый плащ.

Особый акцент на наличие изменений в коронации исследователь сделал при изучении записей ритуала XVII – XVIII вв. Важным можно считать вывод исследователя о том, что с началом XVII столетия коронационные ордоны стали фиксироваться исключительно на английском языке. По замечанию исследователя, настоящее новшество было определено стремлением высших церковных сановников поддерживать национальный дух церемонии [4, р. 56]. Определенно значимые новшества были внесены в обряд во второй половине XVII века, когда Англия пережила этап республики. «Реставрированная династия Стюартов была заинтересована в закреплении роли монарха в государстве» [4, р. XL]. В связи с этим задачей коронационного обряда было акцентирование внимания на особом статусе короля и на его независимости от церкви, а также влияния прелатов. Коронация в этот период, по замечанию автора, максимально дистанцировалась от религиозного воздействия. В сценарии церемонии был упразднен ряд элементов, которые ассоциировали процедуру возведения монарха на престол с актом интронизации первосвященников. Анализируя торжественное коронавание Марии II и Вильгельма III, Викхам Лег отмечал, что в хрониках не упоминается священная Евхаристия. Причащение (таинство, равнявшее светского правителя с духовным, так как только епископы должны были причащаться перед вступлением в сан) проходили все монархи, прежде чем быть коронованными. Однако в данном случае этот элемент был опущен. Согласно выводам историка, данная новация могла быть оправдана стремлением представителей англиканской церкви подчеркнуть свою самобытность [4, р. 48]. В условиях, когда христианская церковь изначально выступала идейным вдохновителем коронационного ритуала, на наш взгляд, подобная трансформация очень важна и значима при изучении истории английской коронации. Идеологическая составляющая ритуала на данном этапе качественно изменила свой вектор.

Фрэнсис К. Илес в своей работе «Коронационная служба: ее история и уроки» [1] отмечал, что коронационный ритуал имел грандиозное значение для демонстрации места и роли монарха в жизни государства. Функцию ритуала он видел в трансляции подданным идеи о безоговорочном авторитете власти, о ее причастности ко всем, даже малозначительным проявлениям общественной активности. Автор считал закономерными частичные нововведения, привнесенные Генрихом VIII в слова молитвы, которые произносил коронуемый в момент принятия священной короны, а также новой семантики кольца (надетое на палец кольцо символизировало венчание монарха со своим государством/народом и торжественное обещание служить ему и оберегать). Все эти новации имели место при коронации Елизаветы I, достойной продолжательницы дел своего отца. По замечанию исследователя, подобные новшества нашли свое продолжение в последующем и имели место в коронационных обрядах других правителей Англии [1, р. 35].

В контексте адаптации коронации к генеральной идее самобытности английского ритуала, превосходства англиканской церкви и тесной взаимосвязи между светским и духовным трактовал проблему Дуглас Маклин [5]. Очевидной с первых страниц работы становится идея континуитета традиций проведения коронации от раннего средневековья к началу XX столетия. Как считал историк, религиозная реформа Генриха VIII обеспечила тесное взаимодействие церкви и государства, поспособствовав тем самым определению новой роли правителя как в коронационном ритуале в частности, так и в жизни государства в принципе. Реформа наделила монарха правом разделять духовную власть с высшими прелатами англиканской церкви. Таким образом, исследователь создал идеальную картину взаимодействия двух властных структур и подтвердил особое значение религиозной составляющей в жизни государства. Дальнейший анализ коронаций последователей Генриха VIII, проведенный Дугласом Маклином показывает, что реформационные преобразования не только не приблизили Англию к континенту, но укрепили национальный характер коронационной традиции, утвердили самостоятельность англиканской церкви, доказали, что без влияний извне островное государство вполне способно развивать свою культуру и обычаи.

Значительным вкладом в изучение эволюции коронационного ритуала можно назвать выводы Э. Рэтклиффа [6]. Основным критерием для ее определения послужили особенности и новшества, привнесенные в коронацию с течением времени. В данном случае речь идет об анализе автором коронационных записей и литургий, а также кодексов – «инструкций», согласно которым определялись основные правила проведения коронации. Таким образом, основываясь на изучении исторических документов, британский исследователь обозначил хронологию преобразований ритуала, связывая их с конкретными событиями и персоналиями. Показательным примером в данном контексте может выступить его рассуждение о реформе Генриха VIII либо о преобразованиях процессии в Новое время, когда латинский язык был замещен национальным, когда религиозные ориентиры английских монархов категорично влияли на традицию и привносили в исполнение ритуала новшества либо ранее упраздненные элементы [6, р. 46 – 49].

Первая треть XX вв. в историографической традиции Великобритании стала периодом появления важнейших работ, отразивших этапы развития английского коронационного ритуала и его эволюцию. Преимущественно данные работы ориентированы на ретроспективное восстановление сценариев коронаций английских правителей разных временных периодов. Данная особенность позволяет делать более детальные выводы о трансформации церемонии в средние века и раннее Новое время. При анализе научных изысканий британских медиевистов второй половины XX в., посвященных изучению ритуала, можно встретить многочисленные ссылки на результаты, достигнутые в описанный выше период.

Между тем вторая половина XX столетия демонстрирует актуализацию данной проблематики в британских научных кругах. Так, в работе «Коронация

Ричарда III» [2] авторами подробно рассматривается вопрос елеопомазания. На примере эволюции отдельного элемента коронации исследователи показывают, как внешние факторы в виде политических событий могли повлиять на коронационный ритуал в целом. В первую очередь Эн Саттон и Родни Хамонд отмечают значимость елеосвящения в принципе, но акцентируют внимание на том, что именно 1483 год стал переломным в восприятии помазания английских монархов. Принципиальная трансформация, с точки зрения авторов, связана в первую очередь с переводом литургии, которая проходила во время коронации, на английский язык. Важным нововведением было иное восприятие и трактовка процедуры помазания. Объясняя суть новшества, авторы исследования рассуждают о природе данного обряда и формировании веры в божественное его происхождение. Упоминается ими французская легенда о принесенном голубкой священном масле специально для коронации Хлодвиг. Также история Томаса Беккета, одаренного пиапой с маслом, освещенным Девой Марией, и благословленного ею окроплять всех английских королей. Рассуждают они также и о невероятной вере в чудодейственность данной процедуры и в силу, которой она наделяла государственных правителей. В данном случае авторы оперируют фактом влияния французской традиции освящения власти на процесс сакрализации английских правителей.

В данном компаративном контексте определяются и особенности коронационной церемонии Ричарда III. По замечанию Э. Саттон и Р. Хамонда, классическое положение о нормах и правилах проведения коронации в английском королевстве «*Liber Regalis*» гласило, что помазание производилось двумя видами масел: одно окропляло голову, плечи, руки монарха, другое – только голову. При этом одно было налито в серебряную пиапу, а другое – в позолоченную [2; 9]. Именно второй вид масла носил более сакральный характер, так как именно этим миром кропили священников и именно оно передавало правителю божественную силу и подтверждало «перерождение» государя. Однако Ричард выступил инициатором идеи о том, что священное помазание должно проводиться в один этап без разграничения сакральных жидкостей. Подобные преобразования можно объяснить объективными историческими причинами. Пришедший к власти после долгой внутренней борьбы король захотел укрепить свое положение. Особенно понятно, почему он реформировал обряд и делал упор на то, что священность королю предает исключительно помазание священным миром, так как Ричард не был рожден прямым наследником престола (он представитель боковой ветви) и традиционная сакрализация, исходящая из принадлежности претендента к правящей династии, в отношении него не действовала.

Работа «Драма коронации. Средневековая церемония в Англии раннего Нового времени» [3] также демонстрирует пример выделения эволюционных преобразований церемонии. Влияние реформационных преобразований Генриха VIII на коронационный ритуал и особенности церемоний возведения на престол династии Тюдоров составляют основной круг интересов автора исследования Эллис Хант. В пред-

ставленной работе она углубляет и расширяет круг вопросов, касающихся трансформации церемонии под влиянием внешних политических факторов. В своем труде автор рассматривает историю коронования правителей Великобритании в контексте изменений, вызванных реформой церкви, и пытается определить, как основные особенности и новшества, привнесенные данными событиями, отразились на ходе церемонии, повлияли ли они на содержание процедуры и изменили ли характер действий главного действующего лица коронационного ритуала. Э. Хант проводит компаративный анализ коронаций Генриха VIII и его последователей вплоть до Елизаветы I. Вторая задача заключается в сопоставлении принципов исполнения подобных ритуалов по католическому и англиканскому канонам, а также в определении, насколько широко стали применяться в ритуале новшества, привнесенные реформацией. Тем самым ученый достигает главной цели своей работы: выявляются особенности коронационного обряда британских монархов XVI столетия, объясняется появление новых элементов и деталей в изучаемой церемонии, выявляется их значимость. Итогом исследования является ответ на вопрос, существенным ли образом сказались на реализации коронационной процессии реформационные изменения. Внимание исследователя акцентируется на монархах, руководивших Англией в первой половине XVI в.: Генрих VIII и его супруга Анна Болейн, Эдвард VI, Мария Тюдор и Елизавета I.

Важным выводом, которого достигает историк, становится констатация факта, что и в коронационном ритуале реформационные изменения нашли свое отражение. Конечно, в первую очередь они коснулись текстов речей и молитв, произносимых королем: часть из них была переведена с латинского на национальный язык. Введенная Генрихом VIII традиция «венчания» с государством посредством надевания кольца была возведена в ранг ключевого элемента коронации при его наследнице Елизавете I. Однако самое интересное, что при таких существенных дополнениях и при условии изменения религиозной доктрины политические амбиции короля Генриха не смогли побороться с традициями. Элементы, берущие начало из католической церкви (евхаристия, миропомазание, большая часть священных текстов) по-прежнему занимали свои важные места в процедуре возведения монарха на престол.

Согласно рассуждениям исследователей, переходным и ключевым моментом в существовании сакральной процедуры считается религиозная реформа Генриха VIII, которая внесла незначительные изменения в проведение ритуала (включение молитв на английском языке, произнесение коронуемым клятвы верности государству). Вторым фактором, существенно изменившим протекание коронации и символическое ее значение, стали республиканские идеи в стране и реставрация династии Стюартов. Также на эволюцию ритуала могли влиять политические факторы: борьба за власть, стремление укрепить на престоле новую династию. Однако, как отмечают исследователи проблемы, ни изменение языка проведения церемонии, ни актуализация внимания на светском характере королевской власти посредством упраздне-

ния элементов, характерных для интронизации духовных лиц, не смогли уменьшить общего символического значения ритуала. Для англичан коронация неизменно выступает в качестве процедуры, создающей особый авторитет британского правителя. Имея глубокие корни, опираясь на традиции, складывав-

шиеся столетиями, коронационный ритуал оправдывает статус церемонии, формирующей образ монарха, транслирующий подданным важную информацию о его приближенности к сверхъестественным силам, устанавливающий сакральный характер власти.

Литература

1. Eeles F. C. The English Coronation Service: Its History and Teaching. Oxford: Oxford University Press, 1902. 360 p.
2. Hammond R. W., Sutton A. F. The Coronation of Richard III. Extant Documents. New York: Gloucester, 1983. 500 p.
3. Hunt A. The Drama of Coronation. Medieval Ceremony in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 242 p.
4. Legg J. W. Three Coronation Orders. London: Harrison and sons, St. Martin's Lane, 1900. 209 p.
5. Maclean D. The Great Solemnity of the Coronation of a King and Queen According to the Use of the Church of England. London: George Allen & Company, LTD, 1911. 346 p.
6. Ratcliff E. C. The English coronation service: being the coronation service of King George V and Queen Mary, with historical introduction and notes, together with extracts from Liber regalis, accounts of coronations, etc. London: Skeffington & Son: Society for Promoting Christian Knowledge, 1936. 160 p.

Информация об авторе:

Шайхутдинова Елена Нургалеевна – ассистент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, elena-nur@bk.ru.

Elena N. Shaykhutdinova – Lecturer at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 336.273 (47+57)»1775/1787»

ВНЕШНИЙ ДОЛГ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1775 – 1787 ГГ.

О. В. Баев

EXTERNAL DEBT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1775 – 1787

O. V. Baev

Статья посвящена развитию внешнего долга Российской империи в период между русско-турецкими войнами 1768 – 1774 и 1787 – 1791 гг. На основе анализа архивных документов автор прослеживает динамику внешнего долга России (получение новых займов, погашение уже имеющихся долгов, процессы конвертирования старых займов в новые, изменение их условий), выявляет причины данных процессов, делает вывод об обусловленности зарубежного долга России прежде всего внешнеполитическими обстоятельствами. Результаты работы могут быть использованы как в процессе преподавания курса истории России XVIII века в образовательных учреждениях среднего и высшего образования, так и для обслуживания внешнего долга современной России.

The paper is devoted to debt growth of the Russian Empire in the Russo-Turkish war period, 1768 – 1774 and 1787 – 1791. On the basis of archives analysis the author studies the dynamics of the Russian external debt (including new loans, acquittals, old loan conversions, changes in terms of loan), brings to light the causes of the process, makes a conclusion that it is foreign policy that conditions the external debt of Russia. The results of this research can be used in teaching History of Russia, XVIII century, in secondary and higher education institutions, as well as in external debt service of contemporary Russia.

Ключевые слова: Европа, Россия, внешний долг, конверсия.

Keywords: Europe, Russia, external debt, conversion.

В годы русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. российским правительством были сделаны внешние займы в Голландии на общую сумму 10 млн голландских гульденов и в Генуе на 1 млн пиастров [2]. Завершение войны повлекло за собой временное прекращение заимствований и даже погашение части военного долга. По Кучук-Кайнарджийскому миру Турция обязалась уплатить России 4500000 руб. за военные издержки, и уже 26 февраля 1775 г. Екатерина повелела доставить из Константинополя в Голландию 1000000 руб. для оплаты сделанных во время войны долгов [14, л. 115]. В письме послу в Константинополе князю Н. В. Репнину от 11 июля 1775 г. Екатерина II отмечала: «я забочусь об аккуратности в платежах вообще, и Вам небезызвестно, что в моё царствование дошло у нас до степени, на которой прежде никогда не было; независимо от кредита, этим нам доставляемого, мы возбуждаем изумление иностранцев. Я должна голландцам довольно значительную сумму, я очень дорожу для поддержания нашего кредита тем, чтобы следующая к платежу часть была внесена в срок, при первой возможности сделав это в то время когда мы только что оканчиваем войну и не отсрочивая платежей мы еще более удивим» [5, с. 312, 313].

«Как эти деньги, так равно и оставшаяся неупотребленной часть военного капитала на основании Высочайшего рескрипта, данного на имя кн. Вяземского от 12 ноября 1775 г., назначены были на погашение внешнего долга. Ввиду этого приступили к погашению генуэзского займа: 12 ноября 1775 г. со-

стоялось повеление об уплате его частью векселями в 13 125 ф. ст. и в 80 000 банковых гульденов из контрибуционной суммы Оттоманской Порты, частью же из денег, вырученных от продажи товаров, назначенных на приготовление запасных фондов для войны с Турцией» [4, с. 135, 136]. 30 июня 1776 г. было решено направлять на платежи по займам 80 % денег, поступающих от Турции [14, л. 131], а 19 сентября – все средства, поступающие от Оттоманской Порты [14, л. 178].

Принимая такое решение, русское правительство руководствовалось чисто экономическими мотивами, так как погашение значительной части внешних займов турецкой контрибуцией избавило от уплаты процентов [16, с. 331]. В результате генуэзский заем был полностью погашен [8, с. 7].

13 февраля 1776 г. и 1 февраля 1777 г. последовала уплата части голландского долга [4, с. 136], в результате чего в 1776 г. были выкуплены облигации А и Е, а 1777 г. – облигации I и L на общую сумму 2 млн гульденов [14, л. 142]. Это дало основание П. П. Мигулину говорить, что первые екатерининские займы получили «производительное» назначение [8, с. 6].

Определённые изменения произошли и в составе Комитета уполномоченных по внешним займам. 21 января 1776 г. в связи с «нахождением в отлучке» графа З. Г. Чернышова и князя А. М. Голицына в помощь генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому «по денежным вне государства негоциям» был назначен граф Иван Андреевич Остерман [14, л. 129].

Однако уже в конце 70-х гг. XVIII в. погашение внешнего долга прекращается. «Как это всегда бывает, прекращение войны не повлекло за собой возвращения к тем бюджетам, которые были до войны; оставались не только новые расходы, но, так сказать, и привычка к большим, чем прежде расходам» [16, с. 326]. 17 августа 1777 г. придворный банкир Фредерикс представил Комитету уполномоченных записку, в которой, напоминая о сроке наступления платежа 8 млн гульденов по оставшимся 16 облигациям, предложил Комитету облигации, срок погашения которых должен был наступить в 1779 г. (на сумму 3 млн гульденов), отсрочить еще на 10 лет и вместе с тем обратиться из 5 % в 4 %, остальные же облигации уплачивать в срок [4, с. 136]. 28 августа 1777 г. Екатерина II дала согласие на продление срока займа по 6 облигациям (B, C, D, F, G и H) при сокращении процентной ставки и повелела начать переговоры с прибывшим в Петербург представителем кредитовавшего Россию банкирского дома «R. & Th. deSmeth» Сент-Паулом [14, л. 141].

Судя по всему, соответствующие договорённости были достигнуты достаточно быстро. «Комитет нашел эту операцию выгодною и, испросивши на то Высочайшее разрешение, приступил к приведению ее в исполнение» [11, л. 114 об.]. 14 сентября 1777 г. императрица издала указ, в котором, ссылаясь на убыток казне от платимых процентов, предложила владельцам 6 облигаций продлить срок займа с 15 мая 1778 г. еще на 10 лет под 4 % годовых или получить свои капиталы обратно. При этом по истечении 6 лет казна имела право выкупить все или часть этих облигаций [14, л. 142 – 143].

Данное предложение оказалось для кредиторов достаточно выгодным, так как «почти все владельцы согласились обменять прежние свои ассигнации (т. е. доли облигаций) на новые, а не пожелавшим этого были выплачены следующие им суммы наличными деньгами, причем облигации были переданы другим лицам» [4, с. 136]. Согласно изданному 21 сентября 1777 г. указу за пересрочивание 6 облигаций амстердамские банкиры получили провизии по 4 %, а придворный банкир Фредерикс – 3 % [14, л. 148].

Однако продлением срока займа не решалась проблема финансирования возросших расходов. Для её решения 16 ноября 1777 г. был издан указ, в соответствии с которым де Сметы выпускали еще один заем на 1,5 млн гульденов под 4 % годовых с комиссионным вознаграждением в размере 5 % [14, л. 150 – 152]. 1 февраля 1778 г. Фредерикс выдал голландским банкирам облигации V, W и X, размещение которых было назначено на август 1778 г. [14, л. 157, 158].

Таким образом, всего с 1769 по 1779 гг. по представлениям Сент-Паула посредством барона Фредерикса было получено внешних займов на 11500000 гульденов. «Все сии займы производимы были на 10 лет с таким условием, что зависит от соизволения Её Императорского Величества начинать платёж занятым деньгам и прежде десяти, а по прошествии 6 лет, такими суммами как заблагорассудится, но с тем токмо что о таковой уплате амстердамским банкирам должно дать знать за 3 месяца» [11, л. 113].

Удачная конверсия внешнего долга в 1778 г. позволила российской казне прекратить погашение долга. 23 июля 1779 г. был издан указ о продолжении амстердамской неогциации у банкиров де Смет, в соответствии с которым облигации K, M и O от 1 февраля 1770 г. продлялись еще на 10 лет под 4 % годовых [14, л. 163]. Причём в соответствии с указом от 19 сентября 1779 г. для продолжения «денежной с иностранными неогциацией» уполномоченным позволялось обратиться к «одному или более банкирам в Голландии» [14, л. 173 – 175]. Для выкупа 1 февраля 1780 г. облигаций K, M и O были выпущены облигации AA, BB и CC, по которым была установлена провизия в размере 5,5 % [14, л. 183].

В начале 1780 г. Сент-Паул предложил конвертировать еще 2 млн гульденов и 20 января 1780 г. было решено продолжить «амстердамскую неогциацию» еще на 10 лет с сокращением платимого процента [14, л. 189]. 27 января 1780 г. был издан указ о выпуске займа под 4 % годовых, де Сметам были отправлены облигации DD, EE, FF и GG, но они получали провизии уже 6 % [14, л. 190 – 193].

По мнению П. П. Мигулина, данный факт говорил о блестящем состоянии русского государственного кредита [8, с. 7]. Однако нужно отметить, что каждая следующая конверсионная операция сопровождалась увеличением комиссионных выплат банкирам-посредникам, что свидетельствовало об ухудшении положения русского государственного кредита на иностранных денежных рынках.

После последовавшей в сентябре 1779 г. смерти И. Фредерикса придворным банкиром в 1780 году стал английский купец Ричард Сутерланд, который поддерживал деловые отношения со многими банкирскими домами Европы [1, с. 12 – 13]. Указом от 27 апреля 1780 г. все казённые платежи и переводы вне государства были вверены генерал-прокурору Вяземскому, и Сутерланд осуществлял переводы по его предписаниям [7, с. 379]. С этого же года государственный казначей стал ежегодно представлять бюджетные росписи на подпись императрицы [9, с. 35].

Однако расходы по устройству присоединенных территорий (Новороссия и Крым), создание Черноморского флота, поддержание русского влияния в Польше вызывали необходимость новых займов, а не погашения старых [8, с. 8]. 9 мая 1780 г. из средств последнего займа в Амстердаме было повелено выдать для расположенных в Польше и Литве войск 169033 руб. 50 коп. [14, л. 199]. Кроме того, из средств займов регулярно оплачивались заграничные расходы Медицинской коллегии. Так, 15 апреля 1781 г. 238205 гульденов было оплачено де Сметам в счёт долга им Медицинской коллегии за 1778 и 1780 гг. [14, л. 216].

В результате 26 октября 1780 г. императрица повелела «продолжение известной амстердамской неогциации набором вновь 3 млн голландских ходячих гульденов» не более как под 4 % годовых в течение следующего 1781 года [14, л. 202], и 10 декабря 1780 г. был издан соответствующий указ [14, л. 208 – 210]. В этот же день Вяземскому и Остерману было повелено отправить в Амстердам 6 облигаций (HH, JJ, KK, LL, MM и NN) со сроком действия с 1 февраля

1781 г. Единовременная провизия была установлена в размере 6 % [14, л. 212, 212 об.].

Однако к этому времени Нидерланды уже находились в состоянии войны с Англией (1780 – 1784 гг.) [3, с. 211]. В связи с этим де Сметы предупредили, что собрать такую сумму «расходно» и трудно, потому что денежные обстоятельства Голландии и неизвестность, примет ли она участие в войне, усложняли и затрудняли реализацию займа, однако согласились немедленно открыть подписку. Данные невыгодные политические и экономические обстоятельства Голландии подтолкнули российское правительство искать займов также и в Англии, однако эти попытки оказались безуспешными [4, с. 136, 137]. В результате в начале 80-х гг. XVIII в. процесс роста внешнего долга Российской империи временно прекращается.

При этом 15 мая 1783 г. наступал срок выкупа 5 облигаций (Q, R, S, T и U), размещённых в 1773 г., поэтому уже 4 ноября 1781 г. был издан указ о продлении их срока на 10 лет с 15 мая 1782 г. под 4 % годовых. Для этого выпускались 5 новых облигаций (OO, PP, QQ, RR и SS) с вознаграждением банкиров в размере 5 % [14, л. 222 – 224].

А уже 17 октября 1782 г. был издан очередной указ о продолжении «иностранный неогации» под 4,5 % годовых [14, л. 234 – 236]. В результате переговоров с Сент-Паулом была достигнута договорённость о размещении 6 млн гульденов, в счёт которых к 15 ноября выпускалось 12 облигаций (A, B, C, D, E, F, G, H, I, K, L и M) с провизией в 7 % [14, л. 240, 240 об.]. Сент-Паул же за свои труды получил лишь 60000 гульденов [10, л. 116 об.].

Однако к началу 1784 г. было разнеготицировано только 5 облигаций и продолжалось размещение шестой, поэтому 22 января 1784 г. было принято решение о прекращении займа и возвращении как минимум 6 облигаций в Россию [14, л. 254, 255]. Вместе с тем к моменту получения известия о данном повелении в Голландии было приступлено к размещению уже седьмой облигации, поэтому 21 марта 1784 г. было решено ограничиться отзывом 5 облигаций [14, л. 262, 262 об.]. Таким образом, 2 облигации были разнеготицированы в 1782 г., 4 – в 1783 г. и 1 – в 1784 г. [11, л. 116].

Из вырученных по займу средств 2 января 1783 г. было повелено выплатить 155221 гульден и 10 стиверов де Сметам в погашение долга Медицинской коллегии [14, л. 242], а 15 мая 1783 г. и 22 февраля 1784 г. находящейся в Ливорно эскадре под командованием адмирала Чичагова соответственно 266803 руб. 20 коп. и 177936 руб. 68¼ коп. и 300000 гульденов [14, л. 245, 258].

Общая же сумма «голландского долга» к 1784 г. достигла значительной суммы в 17 млн гульденов или 9189189 руб. 18 коп. (по 37 стиверов за рубль). Платеж ежегодных процентов по этому долгу составлял 697500 гульденов или 377027 руб. 03 коп. В связи с этим в начале 1784 г. князь Вяземский представил на Высочайшее усмотрение план погашения внешнего долга. Так как переводы денег в Голландию могли производиться и при более выгодных курсах, то в ожидании оных, по мнению кн. Вяземского, нужно было всегда иметь в готовности особые средства. В

этом случае на погашение всего долга вместе с процентами по 35 стиверов за рубль требовалось бы всего 9714285 руб. 72 коп. [14, л. 269 – 272].

18 мая 1784 г. проект этот удостоился Высочайшего утверждения и генерал-прокурору был дан указ, в соответствии с которым было повелено в 1784 и 1785 гг. выплатить по 3500000 гульденов, в 1786 – 1791 гг. – по 2 млн гульденов ежегодно и окончить погашение долга в 1792 г. последней выплатой в 1,5 млн гульденов [14, л. 263]. Была предложена и достаточно эффективная схема денежных расчётов за выкупаемые облигации: «Деньги переводить заблаговременно и хранить, по назначению придворного банкира Сутерланда, у амстердамских банкиров Блау и Вилькинсона [де Сметов], в диспозиции российского министра Колычева; употреблять же их с выигрышем нескольких процентов на покупку частных облигаций, розданных по главным облигациям» [12, л. 173]. Чтобы не прибегать к внешним займам и новым выпускам ассигнаций, Вяземский в представленном в начале 1785 г. докладе императрице предлагал усилить налогообложение [16, с. 334, 335].

Согласно плану 1 февраля 1786 г. было выкуплено 7 облигаций, данных 1 февраля 1780 г., 15 мая 1786 г. – 6 облигаций от 15 мая 1778 г. и 1 февраля 1787 г. – 2 облигации от 1 февраля 1778 г. [10, л. 18 об., 19], а всего по 1 февраля 1787 г. было выкуплено и доставлено в Петербург 15 облигаций на 7500000 гульденов и переведено в Голландию еще 1000000 гульденов на выкуп 2 облигаций [10, л. 14].

При этом на выкуп 17 облигаций общей стоимостью 8,5 млн гульденов в течение 1784 – 1786 гг. в Амстердам было переведено 8757217 гульденов 9 стиверов и на данный перевод должно было уйти 4857142 руб. 85¾ коп. (по 35 стиверов за рубль), но Вяземский приказал Сутерланду не переводить деньги по курсу ниже 38 стиверов за рубль, и действительный курс перевода составлял от 38 до 40¼ стиверов за рубль. Таким образом, в пользу казны было сбережено 517576 руб. 86¼ коп. [7, с. 292]. На платёж процентов «по амстердамской неогации» в 1786 г. было ассигновано 377500 гульденов [7, с. 293].

Однако в этот внешне перспективный процесс сокращения внешнего долга вклинилась неожиданная проблема. Еще с сентября 1784 г. Сутерланд перестал вести особый счёт казённых сумм, и к 1787 г. в результате его неудачных торговых операций на счетах русской казны в Амстердаме у де Смет недоставало 2 млн гульденов [13, л. 66 об., 67]. В результате из 4 облигаций, которые должны были быть выкуплены до 1 февраля 1787 г., Блау и Вилькинсон сумели выкупить только две. 16 июля 1787 г. был объявлен указ, в соответствии с которым выкуп оставшихся 2 облигаций был перенесён на 1 февраля 1788 г. Сутерланду же было предложено разрешить эту ситуацию «по купеческому обряду» [15, л. 6].

Переданные же Сутерланду средства, которые Г. Р. Державин оценивает в 6 млн гульденов или 2 млн руб., оказались розданными крупнейшим российским вельможам, в том числе великому князю Павлу Петровичу, Потёмкину, президенту Коллегии иностранных дел Безбородко, вице-канцлеру Остерману и Вяземскому. Вяземский и Безбородко свои

долги погасили, остальные же обещали сделать это со временем [6, с. 647, 648].

Таким образом, в 1787 г. числились непогашенными следующие облигации «амстердамской неогации» [10, л. 17] (таблица).

Таким образом, в период между русско-турецкими войнами 1768 – 1774 и 1787 – 1791 гг. произошло погашение «генуэзского займа» и незначительное сокращение «голландского долга» Российской империи (с 10 до 9,5 млн гульденов). Происхо-

дившая в 1775 – 1777 гг. выплата военного долга очень скоро была прекращена по причине возрастания государственных расходов на обустройство территорий, присоединённых к Российской империи, и на смену ей пришлось сначала продление сроков займов, а затем и новые кредитные операции в 1777 – 1782 гг. Активизировавшийся же в 1786 – 1787 гг. процесс погашения внешнего долга был прерван началом новой войны, которая потребовала больших расходов казны.

Таблица

Непогашенные облигации «амстердамской неогации»

Облигации	Дата выпуска	Срок предполагаемого платежа	Сумма капитала
X	1 февраля 1778 г.	1 февраля 1788 г.	500000
HH, II, KK, LL, MM	1 февраля 1781 г.	1 февраля 1788 г.	2500000
A, B, C	15 ноября 1782 г.	15 ноября 1788 г.	1500000
NN	1 февраля 1781 г.	1 февраля 1789 г.	500000
OO, PP, QQ и RR	15 мая 1782 г.	15 мая 1790 г.	2000000
D, E и F	15 ноября 1782 г.	15 ноября 1790 г.	1500000
SS	15 мая 1782 г.	15 мая 1791 г.	500000
G	15 ноября 1782 г.	15 ноября 1792 г.	500000
			9500000

Литература

1. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860 – 1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука, 1991. 198 с.
2. Баев О. В. Начало внешних займов Российской империи // Современный мир. Современное образование. Проблемы, тенденции развития, подходы: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. М.: СГУ, 2013. С. 9 – 22.
3. Бауман Г. Г. Великая французская революция и Нидерланды // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М.: Наука, 1988. С. 208 – 231.
4. Бржеский Н. Государственные долги России. Историко-статистическое исследование. СПб.: Типография А. М. Вольфа, 1884. 283 с.
5. Бумаги князя Николая Васильевича Репнина // Сборник Русского исторического общества. Т. 6. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1871. С. 305 – 372.
6. Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Г. Р. Державина // Державин Г. Р. Сочинения. Т. 6. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1871. С. 413 – 842.
7. Куломзин А. Н. Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 28. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1880. 490 с.
8. Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора. Т. 1. Харьков: Печатное дело, 1899. 606 с.
9. Правилова Е. А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801 – 1917. М.: Новое издательство, 2006. 456 с.
10. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 10. Оп. 3. Д. 99.
11. РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 106.
12. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 424.
13. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 560. Оп. 10. Д. 37.
14. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 178.
15. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 179.
16. Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб.: Сенатская типография, 1906. 380 с.

Информация об авторе:

Баев Олег Валериевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, baev@history.kemsu.ru.

Oleg V. Baev – Candidate History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ-ГУМАНИТАРИЕВ

Л. Е. Галаганова, А. Е. Леванова

DEVELOPMENT OF CIVIL COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS IN THE SPHERE OF HUMANITIES

L. E. Galaganova, A. E. Levanova

Статья рассматривает особенности формирования у будущих специалистов гражданской ответственности, инициативности, самостоятельности, способности к социальному партнерству с применением иноязычных профессионально-ориентированных компетенций для успешной социализации в обществе и к активной адаптации на рынке труда в условиях социально-экономической мобильности и расширения межкультурных контактов.

The paper considers the issue of developing civic consciousness of future specialists in the field of history and international relations and some pedagogical methods and techniques used in the teaching process for productive professional communication.

Ключевые слова: компетентность, интеркоммуникация, гражданственность, профессионально значимые ситуации, продуктивная профессиональная деятельность.

Keywords: competency, intercommunication, civic consciousness, didactic productive activity in classes, productive professional communication.

В условиях глобализации социальных и экономических процессов открываются новые возможности, виды и формы профессионального общения и взаимодействия, главным условием эффективности которых, с нашей точки зрения, являются компетентность, инициативность, адекватное прогнозирование последствий деятельности, готовность к продуктивному взаимодействию; устойчивая мотивация к защите интересов кооперации с учетом взаимопонимания, уважения к культуре деловых партнеров по интеркоммуникации, учитывая и осознавая ценности, проблемы и достояния как своего государства, своей Родины, так и позитивные возможности конструктивной кооперации. Воспитание культуры интернациональных отношений и гражданственности вновь является частью государственной политики современной России [12; 6].

Мы разделяем точку зрения В. А. Михалина, который подчеркивает, что основной целью современного российского образования является подготовка разносторонне развитой личности гражданина, ориентированного в традициях отечественной и мировой культуры, в современной системе ценностей и потребностях современной жизни, способного к активной социальной адаптации в обществе и самостоятельному жизненному выбору, к трудовой деятельности и продолжению профессионального образования, к самообразованию и самосовершенствованию. Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, готовы к межкультурному взаимодействию, обладают чувством ответственности за судьбу страны, за ее социально-экономическое процветание. Гражданское образование представляет собой единый комплекс, стержнем которого является политическое,

правовое и нравственное образование и воспитание, реализуемое посредством организации учебных курсов и проведения внеурочной работы [11].

В университете студент получает определенную сумму знаний, корректирует ценностные предпочтения, приобретает определенные личностные и профессионально-значимые качества. Важными этапами этой работы можно считать развитие и реализацию навыков гражданского аналитического мышления и поведения, завершение формирования гражданских компетенций. Именно они позволяют человеку-специалисту успешно справляться с социальной ролью гражданина, выполнять свой гражданский долг, проявлять свою гражданскую ответственность, использовать свои гражданские права и свободы. Анализ специальной литературы позволяет нам в обобщенном виде сформулировать, что гражданская компетентность для студентов как будущих специалистов это:

- научные представления об отношениях между гражданами, гражданином и обществом, гражданином и государством;
- оправдавшие себя способы деятельности, практические умения, модели гражданского поведения, приемлемые в обществе и адекватные личностным предпочтениям;
- гражданские ценностные ориентиры и, прежде всего, ценности, связанные с отношением к человеку, его правам и свободам как высшей ценности, утверждающие гражданский мир и согласие, исторически сложившееся государственное единство, любовь и уважение к Отечеству, вера в добро и справедливость и другие;
- опыт самостоятельного решения многообразных проблем, возникающих в частной и публичной жизни гражданина как субъекта гражданского общества;

- степень сформированности гражданственности, т. е. понимания общего и особенного в развитии России и конкретного региона Российской Федерации;

- социальная ответственность личности, реализующаяся через отношение к конкретным проблемам развития региона как части России;

- наличие профессиональных знаний, умений и навыков для определения собственной позиции в общественно-политической жизни, для решения познавательных и практических задач в условиях конкретных проблем развития региона на основе личного опыта жизнедеятельности учащегося;

- наличие стартового опыта решения адаптационных задач социализации личности в специфических условиях региона и умений решать профессиональные задачи в условиях региональной системы образования и рынка рабочей силы.

Совершенно понятно, что этика гражданственности естественным образом связана с понятиями «гражданин» и «гражданское общество». Если первый является носителем и «исполнителем» норм и требований этики гражданственности, то последнее выступает основным институциональным условием ее формирования и полем ее реализации.

Мы понимаем, что условия жизни радикально изменили и расширили часть задач, стоящих и перед современным образованием. Перед высшей школой, например, встает задача подготовить будущих специалистов к культурному и профессиональному общению и взаимодействию с представителями стран с иными социальными традициями, общественным строем и языковой культурой.

Считается, что конкурентоспособность любой страны мира в ближайшие десятилетия будет определяться ее умением интегрироваться в глобальное мировое социально-экономическое пространство; ведущая роль в этом процессе будет принадлежать креативным профессионалам с их технологиями продуктивной деятельности – knowhow (ноу хау) и продуктами общения в диалоге культур.

С начала 90-х годов российское общество живет в условиях перехода от одной социально экономической системы к другой. Данный переход связан как с изменениями привычного уклада жизни, так и с изменениями в духовной сфере и переоценкой ценностей. В непрерывно изменяющейся современной России значима профессиональная компетентность специалистов, актуален вопрос о реальной самореализации конкурентоспособного специалиста с учетом его личностных карьерных амбиций и задач государства и общества в условиях интеркооперации рынка труда.

Показателями значимости компетентности являются изменения в сфере общественного сознания в различные периоды истории, которые свидетельствуют о том, что именно в компетентности заключены большие возможности развития и стабильности общества, поскольку они могут служить основанием для снятия конфликтов между поколениями и способствовать адаптации для эффективности процесса социализации личности и т. п.

Современная ситуация общественного развития актуализировала понятия «компетентность специалиста», «компетентность» и «компетенции». Среди под-

ходов к определению этого понятия можно выделить у зарубежных исследователей – «углубленное знание», «состояние адекватного выполнения задачи», «способность к актуальному выполнению деятельности» и т. д. В отечественной науке профессиональную компетентность рассматривают, например, как «психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно», как обладание человеком «способностью и умением выполнять определенные трудовые функции» [11]; как «наличие специального образования, широкой общей и специальной эрудицией и как постоянное повышение своей научно-профессиональной подготовки» [14]; как «профессиональную подготовленность и способность субъекта труда к выполнению задач и обязанностей повседневной деятельности» [1]; как «потенциальную готовность решать задачи со знанием дела» [15; 6]. В качестве показателей профессиональной компетентности выделяют: общую совокупность объективно необходимых знаний, умений, навыков; умение правильно распорядиться ими при исполнении своих функций; знание и программирование возможных последствий определенных действий; практический позитивный опыт эффективной деятельности в избранной сфере или смежных сферах; результаты труда специалиста; способность к композиционности и гибкость используемых технологий и методик; критичность и креативность мышления; профессиональная позиция в решении социально и личностно значимых проблем; индивидуально-психологические качества.

А. К. Маркова выделяет следующие виды компетентности: специальная, социальная, личностная и индивидуальная [10].

Е. В. Попова, исследуя компетентность как «интегральную характеристику», подчеркивает «большую значимость психологических качеств личности», которые «дополняются умениями («техниками»)), и, соответственно, на этапе формирования компетентности главная роль принадлежит задачам и технологиям совершенствования самой личности [13].

Н. В. Кузьмина расширяет этот перечень и в качестве отдельных видов педагогической компетентности выделяет следующие компоненты:

- специальная компетентность в области преподаваемой дисциплины;

- методическая компетентность в области способов формирования знаний, умений и навыков у обучающихся;

- психолого-педагогическая компетентность в сфере обучения;

- дифференциально-психологическая компетентность в области мотивов, способностей, направленности обучаемых;

- рефлексия педагогической деятельности или аутопсихологическая компетентность [8].

Как видим, исследуя компетентность, одни ученые отдают предпочтение общим и специальным знаниям, другие – усвоению профессиональных умений, третьи – дополняют необходимые знания и умения определенными психологическими качествами, четвертые подчеркивают в содержании профессиональной компетентности личностные свойства.

К. А. Абульханова придает большое значение конкретно-предметным знаниям специалиста, ибо, по ее мнению, «именно они выступают первоосновой формирования всей профессиональной компетентности», и поэтому система подготовки специалиста должна обеспечивать, прежде всего, освоение соответствующих знаний, поскольку они являются необходимой предпосылкой для реализации процесса труда [14].

Анализ существующих научных исследований вопросов воспитания культуры интернациональных отношений показывает, что эта проблема при преподавании дисциплин гуманитарного цикла рассмотрена в научной литературе в достаточной степени. Однако потенциал занятий по иностранным языкам в воспитании культуры интернациональных отношений (у нас – составляющая гражданственности) не получил всестороннего рассмотрения [4]. Учителя иностранного языка испытывают затруднения по реализации возможностей своего предмета в воспитании гражданственности и культуры интернационального общения [7].

Важнейшим средством формирования гражданского общества, укрепления единства и целостности многонациональной Российской Федерации сегодня выступает компетентность молодежи в вопросах гражданственности. Постсоветский период в истории России привел к серьезным изменениям в ценностных ориентациях всех слоев населения. В сознание части молодых людей стали проникать эгоцентризм, цинизм, агрессивность, нравственный релятивизм; распространилось ощущение неполноценности статуса россиянина, даже было и есть у ряда россиян мнение, что в современной России пока гордиться нечем.

Современные специалисты с гуманитарным образованием в век высоких информационных технологий (по их собственной оценке) обладают качественными знаниями в профессии, ИТ и широким кругозором. Необходимо также указать, что часть студентов проявляют себя как прагматики, реализуя свои амбиции, отодвигая на перспективу тот опыт, который традиционно относился к категории общественно-полезного и целесообразного с позиции государства и его структур на местах, так как проблемы, где возможна и нужна их гражданская позиция, выходят за рамки их личных интересов. Часть из них по-прежнему пассивны и равнодушны к общественно-политическим проблемам, критически оценивая их как ошибки и просчеты конкретных специалистов и номенклатурных работников, а что касается социокультурного опыта как опыта конструктивного общения, то часть студентов так и испытывают затруднения при выборе как окружения, так и способов поведения в той или иной социально значимой ситуации.

Сказалось и еще сказывается отсутствие отлаженной системы воспитания, адекватной задачам и времени как со стороны государственных, так и семейных институтов. Это стало одной из причин популярности воззрений националистического, шовинистического и даже фашистского толка; искаженного толкования понятий «Отечество», «гражданственность как жизненная позиция», «патриотизм», «интернационализм», «национализм», «космополитизм» и т. п. в не-

которых регионах на начальных этапах развития самой РФ [17]. В столь непростой ситуации в социуме новой страны появились реальные показатели поэтапного формирования «российской гражданственности», где гармонично сочетаются конструктивные традиции героического прошлого и сегодняшние реалии жизни с учетом перспектив развития нашего и мирового социумов. Этими показателями оказались Олимпийские Игры в Сочи 2014, возвращение Крыма в состав России, армия волонтеров самых разных направлений: поиск военных захоронений ВОВ, реконструкция исторических реалий разных эпох и этапов становления Руси и России, шаги по восстановлению православия в новой России, восстановление памятников культуры и исторических событий предшествующих этапов России и т. п.

Возвращение государства к проблемам системно-образующих качеств личности через специально организованное воспитание связано с обозначением его приоритетных направлений – главное средство укрепления единства и целостности РФ. Важным этапом на пути возрождения стала разработка новых стандартов образования (3-е поколение) на всех этапах обучения и воспитания для всех типов школ и профессиональных учебных заведений России и Национальная программа «Гражданское образование и светское воспитание населения Российской Федерации в XXI веке» (далее – *Программа*), в которой гражданское и патриотическое воспитание определяются как систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти и организаций по формированию у граждан патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности выполнения гражданского долга и конституционных обязанностей по защите Родины. Современная история России показывает, что только активная гражданская позиция является необходимым условием становления полноценного гражданского общества и демократического правового государства. Как указано в *Программе*, состояние проблемы и необходимость ее решения программно-целевыми методами вызвано происходящими в России позитивными процессами, связанными со стабилизацией общественной жизни, социально-экономического положения людей, модернизацией образования. Это создает благоприятные условия для интенсивного развития в стране социального института воспитания, повышения его социального статуса и воспитательного потенциала, достижения качественно новых результатов в духовно-нравственном и гражданском становлении подрастающих поколений.

Система патриотического воспитания предусматривает формирование и развитие социально значимых ценностей, гражданственности и патриотизма в процессе воспитания и обучения в образовательных учреждениях всех типов и видов; массовую патриотическую работу, организуемую и осуществляемую государственными структурами, общественными движениями и организациями; деятельность средств массовой информации, научных и других организаций, творческих союзов, направленную на рассмотрение и освещение проблем патриотического воспитания, на формирование и развитие личности гражданина и защитника Отечества.

Создание такой системы предполагает консолидацию деятельности органов государственной власти всех уровней, научных и образовательных учреждений, ветеранских, молодежных, других общественных и религиозных организаций, творческих союзов по решению широкого комплекса проблем патриотического воспитания на основе программных методов и единой государственной политики в соответствии с Концепцией национальной безопасности Российской Федерации.

Сегодня гражданская компетентность идентифицируется с такими личностными качествами, как позитивное отношение к проблемам большой и малой Родины, готовность выполнить конституционный долг, социальная толерантность (религиозная и национальная), общественно значимое гражданское поведение в преобразующей профессиональной деятельности. В этой связи воспитательный потенциал курсов гуманитарных дисциплин в вузе опирается на нормативно-правовую базу, представленную Законом РФ «Об образовании», федеральными программами развития образования, документами государственных органов управления образования (Национальная доктрина образования в Российской Федерации), а «воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к нравам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье» определены доминантными. Современные стратегии гуманитарного образования выдвигают интеллектуальное становление юношества, как и владение иностранным языком, на одно из первых мест в развитии интеркоммуникации в системе социокультурных компетенций будущих специалистов. Многие педагоги и методисты сходятся во мнении, что не всегда реализуют возможности учебных предметов (в данном случае – иностранных языков) по формированию гражданской компетентности, поэтому мы специально останавливаемся на языковом образовании на гуманитарном факультете. Как свидетельствуют результаты проведенных исследований и передовая педагогическая практика в реализации задач воспитания гражданственности и патриотизма с использованием потенциала всех учебных курсов, иностранные языки имеют специфические аспекты в дидактике и методике как инструмент общения в диалоге культур.

Анализ исходных материалов, определяющих на сегодня требования к уровню и набору компетенций в работе будущих специалистов гуманитарного цикла («историк»), с материалами на иностранном языке показывает, что в наши дни дифференциация дидактических материалов становится своего рода акцентуацией в построении ситуаций деятельности студентов на занятиях. Основной социальный посыл к таким специалистам сегодня оформляется в терминологии компетенций и компетентности, чтобы подчеркнуть комплекс слабо реализуемых возможностей вуза и самой личности, которые позволяют быть адекватным требованиям рынка труда для осуществления результативной профессиональной коммуникации (через устные и печатные средства). Задачи высшей школы определены новым стандартом по специальности «историк» уровня «бакалавр», где

при необходимости учета всего комплекса требований для преподавателей иностранного языка значимыми в их специфичности, в частности, признаются многие направления работы, а вот компетенции социокультурного порядка, связанные с развитием личности специалиста и гражданина своей Родины, не обозначены отдельно ни в прямом директивном варианте, ни подтекстом, а их, как нам представляется, следовало бы определить как доминантные. Мы подчеркиваем, что эти маркированные для развития компетенций студентов указатели в государственном документе и потенциал вуза сегодня позволяют преподавателям иностранного языка сосредоточиться на актуальных требованиях в подготовке специалистов названных профилей.

В содержании основного учебного материала как специальных, так и общепрофессиональных дисциплин зафиксированы: социокультурный опыт человечества, образцы подлинной нравственности, духовности, гражданственности, гуманизма, творческого мышления и т. п.; и при условии овладения теоретическими основами гуманитарных дисциплин можно говорить о воспитании таких базовых личностных и профессиональных качеств, как: современного научного мировоззрения, убеждений, гражданской позиции, нравственного сознания, общей культуры и др. По нашему мнению, изучение гуманитарных дисциплин стимулирует и обеспечивает результативность в виде важных качественных изменений в социально-нравственном и общекультурном развитии, освоение основных личностно значимых методик саморазвития и самореализации.

Получается, что и качество содержания учебников, в особенности с точки зрения реализации их воспитательных функций, нейтрализации негативного влияния на молодежь СМИ стали составляющими в работе с проблемами высшей школы в целом и занятий по иностранному языку, в частности.

Нами сделана попытка раскрыть потенциальные возможности занятий по иностранным языкам в воспитании гражданской компетентности в высшей школе.

Мы провели анализ ряда УМК, используемых для преподавания английского языка, чтобы выявить их воспитательные возможности по формированию гражданственности и культуры интеркоммуникации. Мы рассматривали аутентичные материалы учебников издательств Longman, Macmillan, Oxford University Press. Эти учебники на российском рынке получили широкое распространение благодаря своим многочисленным лингвистическим и дизайнерским достоинствам и как альтернатива отечественным учебникам. Однако, несмотря на свою привлекательность, эти УМК обладают недостатками, которые не оказывают позитивного влияния на воспитание требуемых качеств в структуре гражданственности средствами иностранных языков.

Учитывая дефицит методических аутентичных материалов в наших УМК, преподаватели иностранного языка реализуют такие рекомендации экспертов для работы по развитию чувства гражданственности и культуры интернациональных отношений:

– дополнять аутентичные материалы учебников российскими реалиями за счет материалов из истории (обычаи, традиции, праздники, динамика политических систем, достопримечательности, жизнь выдающихся людей и пр.), показывающих роль и значение России на мировой арене, например, материалы зарубежных авторов из «Moscow News»;

– обсуждать особенности культурных, расовых, национальных отличий во взаимодействии народов России и всего мира;

– подбирать задания-проекты на сопоставление культурных отличий России и стран изучаемого языка, когда можно сравнивать зарубежные и российские проблемы, и реалии для совершенствования технологии интеркоммуникации;

– наполнять фактами о жизни сверстников в других странах, их увлечениях, проблемах, используя предлагаемый аутентичный материал учебников позитивным материалом о разных сторонах жизни в России и за рубежом;

– включать материалы об общечеловеческих ценностях; морально-нравственных проблемах, обсуждая их актуальность для современного мира и нашей страны;

– создавать ситуации для тренировки и формирования навыков межкультурного диалога.

Для понимания важности интеграции России в мировое сообщество используется анализ опыта специалистов других стран на благо своей страны, когда, например, традиции воспитания лучшей части молодежи в России и за рубежом через почитание государственных символов могут обретать характеристики методических материалов (знание отечественной истории, сохранение своих обычаев и традиций, гордость за свою страну, готовность к диалогу с другими нациями и государствами) и позволяют обеспечить, например, акции, проекты для развития потребности студентов в активной деятельности по решению социальных вопросов, стоящих перед нашим обществом; интереса к проблемам страны, их системному анализу, поиску решений, прогнозов на выходы из разных ситуаций через взаимодействие специалистов.

Такие формы, как сюжетно-ролевые, познавательные, соревновательные игры, реализуются через конференции, саммиты, встречи «представителей разных специальностей из разных стран» и т. д.

Например, работа с текстами для самостоятельного чтения из учебника «Английский язык для историков» по теме: «Russia as a Great Power» с последующей подготовкой и проведением диспута по теме: «Cultural Rise in Russia during the Reign of Peter the Great»; тема: «Moscow, the Capital of Russia» с последующим проведением конкурса на лучшее сочинение по теме: «Moscow is the Cradle of the Russian State», по теме: "Portrait of the Empress" с последующей презентацией докладов по темам: "Catherine's Contribution to the Development of Russia".

– The consequences of Catherine's rule.
– Russia accepted Catherine as its Empress.
– The struggle of the Russian people against the army of the French invaders.

– Russia as Napoleon's golden dream.
– The significance of the Borodino battle.
– Тема «Historic Pages» с последующими эссе по темам.

– Causes of the Decembrists' uprising.
– The influence of the Decembrists' uprising on the subsequent history of Russia.

– Heroic devotion of women who left a monument to Russian womanhood.

Тема «The Great Patriotic War» с конкурсом на лучшего переводчика аутентичного текста по данной тематике.

На занятиях по иностранным языкам мы стараемся помочь студентам трансформировать их интерес и позитивное отношение к опыту нашего Отечества в актуальную деятельность, и на I – II курсах факультета истории и международных отношений предоставляем выбор тем проектов, исходя из ценностных ориентаций студентов по отношению к историко-культурному наследию России, к истории, культуре, традициям, сохраняя при этом значимость бесспорных общечеловеческих ценностей – родителей, семьи, дома.

На занятиях используется отбор материала – в исторических источниках (на латыни, на европейских языках, на восточных языках в рамках факультативов), зафиксированный на фото, видео и мультимедиа носителях; коллективное чтение первоисточников, написание эссе, монологов, планов и программ проектов и просмотр мультимедиа фрагментов, их обсуждение с экспертной оценкой, индивидуальные доклады, авторские фильмы, конференции, дискуссии, беседы.

Такой же цели подчинена работа с профессионально ориентированными текстами: военная история российского государства, история русской армии и т. д.

Со студентами II курса мы обсуждаем вопросы, связанные с фактами фальсификации отечественной истории. Студенты приводят фактический материал об исторических событиях, свидетельства из архивных документов и средств массовой информации, подтверждающие достоверность исторических событий. Эта форма работы имеет значение для осмысления судьбы изменившегося Отечества, его прошлого, настоящего, будущего. На занятиях, посвященных проблемам современной России, используются материалы периодической печати, тематические тексты.

История и победы российского народа в войнах и многонационального советского народа в Великой Отечественной войне (ВОВ) всегда остаются для университета и кафедр источником отбора материала, чтобы чувство сопричастности и гордости за величие русского народа, сохраняемые традиции российского государства обогащали эмоциональный опыт студентов.

Ко Дню Победы нашей Родины как знаковому событию студенты исторического факультета традиционно на иностранных языках проводят конференции, посвященные этой дате, событиям данного периода, местам и людям родного края, пережившим и

участвовавшим в великих для Родины событиях, например: политические события Германии и СССР накануне ВОВ (планы, стратегия, вооружение); кузбассовцы на фронтах ВОВ; герои ВОВ; Кузбасс – фронту; победа советского народа в ВОВ; фальсификация истории Второй мировой и ВОВ; историки и версии о ВОВ; задачи историков; история России, Советского Союза; правдивая история – главная задача специалиста-историка. Особое место в развитии гражданской компетенции на уровне продуктивной деятельности отводится педпрактикам студентов в разных типах школ Кузбасса. Именно в педагогической работе с учащимися 5 – 11 классов студенты организуют, разрабатывают методики подготовки и проведения таких мероприятий самими учащимися, обретая опыт продуктивной профессиональной деятельности, исходя из гражданских убеждений.

На ежегодные конференции, посвященные Дню Победы, студенты приглашают тех ветеранов войны, с которыми работают в течение курса и более, собирая и систематизируя материалы о них, их семьях, о тяготах жизни на войне. Ветераны делятся своими воспоминаниями о войне в целом и отдельных эпизодах. Такова одна из методик развития чувства сопричастности к героическому прошлому страны для получения репродуктивного и (одновременно) продуктивного опыта будущими специалистами-историками.

В воспитании культуры интернациональных отношений как составляющей гражданственности мы разработали следующие задачи по направлениям работы в группах:

- акцентировать обобщенность в знаниях по вопросам политики, права, экономики, культуры;
- анализировать материалы СМИ для прогнозирования явлений и событий в стране и во всем мире;
- создавать условия для реализации толерантного отношения к поведению представителей других культур в процессе межкультурной коммуникации как на уровне суждений, так и действий;
- показать важность изучения иностранного языка как средства профессионального разрешения многих проблем межкультурного общения и повышения престижа, усиления роли России и российских специалистов в мире.

Встречи студентов в форме пресс-конференций или интервью с реальными и квази-представителями иных культур важны для процесса формирования языковой компетенции, культуры интернациональных отношений через обсуждение принятых правил и норм поведения, прогнозируя пути развития отношений "своих" государств. Таким встречам предшествует соответствующий отбор мультимедиа материалов о культурных особенностях разных стран, подборки новостей, репортажей, ток-шоу.

Интернет используется нами как один из современных источников информации о культуре интернациональных отношений (тексты, записи, энциклопедии, словари, пресса) и в качестве средства коммуникации (форумы, электронные базы данных библиотек, чаты, блоги, социальные сети, электронная почта).

С нашей точки зрения, важнейшие возможности и условия развития коммуникативных компетенций в работе с материалами на иностранном языке заложены в учебном материале, в его связи с общепрофессиональными и специальными предметами. Позитивная динамика в развитии у студентов опыта осмысления особенностей социально-политической деятельности в государстве, обществе, стране, своем регионе – результат такой работы. Наряду с задачей дальнейшего развития коммуникативных компетенций студентов – будущих специалистов – ставится задача формирования основ языка профессиональной коммуникации через отработку навыков перевода при аннотировании и реферировании текстов по специальности в рамках диалога культур. Приведенные задания готовят сегодня студентов к изучению в литературе на иностранных языках содержания труда и средств реализации профессиональных задач для прогноза динамики спроса и отношений на современном рынке труда.

Мы разрабатываем технологию организации занятий по иностранным языкам и их фрагментов в виде профессионально-значимых ситуаций (ПЗС) и проектов как их составляющих:

- а) выступления-презентации;
- б) презентации модели деятельности с использованием мультимедиа источников;
- в) презентации всех этапов проекта и т. п.

В качестве примера можно привести защиту проектов по развитию туризма в регионе, на базе которых студенты развивают общекультурную и речевую компетентность, реализуют свою гражданскую позицию [2].

Результаты опроса и бесед со студентами показали, что будущие специалисты сфер общественной деятельности – историки (92 %) и специалисты в области международных отношений (97 %) осознают значимость профессионально-коммуникативных компетенций в работе с материалами на европейских и восточных иностранных языках для реального продвижения по карьере.

За основу анализа мы взяли сформулированные особенности процесса подготовки специалиста на современном этапе развития вузовского образования и критерии сформированности профессиональных компетенций как значимые отправные моменты при разработке технологии профессиональной подготовки специалистов, чтобы обеспечить их рациональную позитивную динамику к успеху в производственной деятельности [8].

Технология включает в качестве функциональных структур педагогической доминанты: мотивацию студентов на овладение иностранными языками и сформированность коммуникативных умений; квазипрофессиональную деятельность студентов как содержательно-функциональную базу их лингвокоммуникативных и поведенческих компетенций; систему теоретических курсов по всем компетентным направлениям модели специалиста, обеспечивающих содержание профессионального образования, где гражданственность и социализация – системообразующие факторы.

Квазипрофессиональная деятельность студентов (специальности 030701; 430402) рассматривалась нами как необходимое условие эффективного овладения знаниями и способами получения практического успеха в предполагаемой профессиональной сфере. Поэтапное развитие опыта профессиональной активности специалиста-гражданина средствами иностранного языка означает в нашем случае воспитание у студентов таких профессиональных качеств личности, как инициативность в поиске информации, путей и средств для решения социальной проблемы, в подборе и смене способов решения ситуативных задач в связи с проблемой; а также самостоятельность и гражданственность в анализе всех составляющих своей проблемы.

По нашим наблюдениям, для обеспечения результативности в самостоятельной деятельности на этапе профессиональной подготовки студентов вышеуказанных специальностей оказалось необходимым:

- четкое выполнение требований программы с учетом разных уровней подготовленности студентов по иностранному языку «на старте»;
- положительная динамика в развитии умений студентов анализировать события и факты в области общественной и социально-экономической жизни с позиций гражданственности;
- мотивация студентов на самореализацию потенциала;
- опыт и мотивация оценивать результаты индивидуальной деятельности по различным критериям, включая гражданскую позицию;
- интерес к неординарным, социально значимым поступкам и действиям, равно как и суждениям людей.

При наличии таких исходных данных реализация нашей программы по развитию творческой самостоятельной деятельности студентов через ПЗС на занятиях и разработка проектов обеспечивают положительный результат к выпускному курсу на специальности «Международные отношения». Студенты принимают участие в конкурсах проектов по ряду направлений, связанных с их гражданской позицией в анализе действительности:

- общественно-политическое: «Гражданское общество и национальное самосознание», «Что значит быть гражданином России», «Твоя малая Родина», «Проблема международных отношений».
- глобальность проблем планеты и социальных институтов: «Глобальные проблемы планеты и Кузбасс», «Природные и техногенные катастрофы», «Терроризм и угроза терроризма»;
- условия самореализации специалиста и траектория социально-личностного развития: «Как я могу организовать свою жизнь и карьеру на пользу себе и своей малой Родине», «Публичные выступления», «Карьера и дипломатия в практике менеджеров разных уровней», «Создание предприятий малого бизнеса для развития региональной экономики», «Совершенствование системы управления процессами развития социально-экономической инфраструктуры в Кузбассе».

Программа позволяет реализовывать принцип функциональности дидактического материала в процессе подготовки специалиста нового профиля для Кузбасса.

На этапах подготовки к работе по социально-значимым проектам арсенал методических приемов преподавателя включал: индивидуальные личностно-ориентированные консультации для студентов с учетом их уровня умений, интереса и мотивационной готовности к самостоятельной работе с предложенным материалом; личностно ориентированные, профессионально значимые комментарии преподавателя результатов индивидуальной продуктивной деятельности в проектах.

Методика создания ПЗС уже на этапе проектов позволяет преподавателям обеспечить, а студентам получить полноценные фрагменты квазипрофессиональной работы для тренировки ведущих профессиональных умений как составляющих компетенций будущих специалистов, а именно: анализировать материал или социально-значимую ситуацию по методике «Мозговой штурм»; подготовить коллективную версию решения данной ситуации социально-экономического, виртуального, суггестивного уровня; подготовить рабочий вариант создания модели деятельности специалистов разного уровня в данной ситуации; разработать методику презентации модели или ее фрагментов; обеспечить коммуникацию с членами экспертной комиссии и «потребителями» и т. п.

Это выглядит, как правило, так: предлагаются например, проекты социально-экономической направленности, «Менеджмент туркомплекса» (лыжная база, горные лыжи, конные маршруты, сплав по горным рекам разной степени трудности, альпинизм), клубы с полным сервисом (прачечная, кухня разных уровней; гостиница, кемпинг, домики, маршруты групповые и индивидуальные, коттеджи для специалистов) для реализации задач области по развитию инфраструктуры; «Менеджмент этнографического Кузбасского музея под открытым небом в местах компактного проживания малочисленных народов» для воссоздания их уклада жизни и быта (мастерские, арт-цеха по производству поделок, национальная кухня, фольклор и т. п.), «Туристические комплексы», «Новые туристические маршруты по Кузбассу»; «Местные лесные ресурсы» для стимулирования производства по переработке всех продуктов природы при лесозаготовках. Экология Кузбасса стала предметом внимания группы «специалистов», и проекты по защите окружающей среды прошли оценку на «совете экспертов».

Сформулированные критерии оценки социально-профессиональной коммуникативной компетенции позволили конкретизировать особенности формирования у будущих специалистов гражданской ответственности и правового самосознания, духовности и культуры, инициативности, самостоятельности, толерантности, способности к успешной социализации в обществе и к активной адаптации на рынке труда в условиях социально-экономической мобильности и расширения межкультурных контактов.

Литература

1. Быков А. Патриотическое воспитание школьников при преподавании дисциплин гуманитарного цикла // Воспитание школьников. 2005. № 10. С. 2 – 6.
2. Вербицкий А. А. О контекстном обучении // Вестник высшей школы. 1985. № 8. С. 27 – 30.
3. Гражданское образование – педагогический, социальный и культурный феномен: монография. СПб.: Союз, 2006. 167 с.
4. Зеер Э. Ф., Павлов А. М., Сыманюк Э. Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: учеб. пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2005.
5. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34 – 42.
6. Зникина Л. С. Связь компетентностного подхода и дискретности в обучении иностранному языку // Профессиональное образование и социогуманитарное знание: тенденции и проблемы. Кемерово, 2010. С. 202 – 205.
7. Кадыкова А. В. Воспитание патриотизма и культуры межнациональных отношений на уроках иностранного языка // ИЯШ. М., 2009. № 5. С. 19 – 23.
8. Кузьмина Н. В., Гинецинский В. И. Актуальные проблемы профессионально-педагогической подготовки учителя // Советская педагогика. 1982. № 3. С. 63 – 66.
9. Логова И. П. Психологические условия эффективности профессиональной деятельности работников социальных служб. М.: Союз, 1999. 127 с.
10. Маркова А. К. Психологический анализ профессиональной компетентности учителя // Советская педагогика. 1990. № 8.
11. Михалин В. А., Михалина О. А. Актуальные проблемы реформирования отечественного образования. Новосибирск: Изд-во НГАСУ, 2006. 165 с.
12. Национальная программа «Гражданское образование и светское воспитание населения Российской Федерации в XXI веке». URL: <http://www.ikondrashin.narod.ru/rus/grobr/prog.htm>
13. Попова Е. В. Психолого-педагогическая компетентность как научно-педагогическая проблема // Известия Южного отделения Российской академии образования. Вып. 1. Ростов н/Д., 1999. С. 127 – 136.
14. Психология и педагогика: учебное пособие / под ред. К. А. Абульхановой, Н. В. Васиной, Л. Г. Лаптева, В. А. Сластенина. М.: Совершенство, 1998. 320 с.
15. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002.
16. Слабунова Э. Э. Компетентностный подход в гражданском образовании. URL: <http://www.vy-narod.ru>
17. Юнусов К. А. Патриотическое воспитание молодежи средствами этноязыковой идентификации // Педагогика. 2007. № 10. С. 47 – 53.

Информация об авторах:

Галаганова Людмила Егоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, lexis@kemsu.ru.

Lyudmila E. Galaganova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Леванова Альбина Егоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, levanova@bk.ru.

Albina E. Levanova – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

**РОЛЬ ПУБЛИЦИСТИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА
В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ***К. А. Заболотская***THE ROLE OF JOURNALISM AS A HISTORICAL SOURCE IN STUDYING THE PROBLEMS
OF CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORY***K. A. Zabolotskaya*

В статье дана оценка публицистике как историческому источнику по новейшему периоду отечественной истории, определены и охарактеризованы отдельные этапы ее развития и жанры.

The paper provides an assessment of journalism as a historical source for studying the problems of contemporary Russian History. The development stages and genres of journalism are defined and characterized.

Ключевые слова: исторический источник, публицистика, жанры, писатели, достоверность информации.

Keywords: historical source, journalism, genres, writers, information validity.

В специальной научной и научно-справочной литературе отсутствует единое определение понятия «публицистика». Большинство авторов, преимущественно филологов, сходятся лишь в том, что публицистика – это литературное произведение, касающееся наиболее острых злободневных вопросов, интересующих общество. По выражению А. И. Герцена, «слова публициста беспокоят, тревожат, будят... становятся силой, мощью и двигают иногда целыми поколениями» [3, с. 120]. Характеризуя дебаты между публицистами, Г. В. Плеханов отмечал их общественную значимость: «человечество горячилось, горячилось и будет горячиться всякий раз, когда заходила, заходит или пойдет речь о его насущных интересах... Хладнокровно обсуждаются только такие общественные вопросы, которые совсем не важны сами по себе или еще не стали очевидными вопросами данной страны и данной эпохи... а раз вышел на очередь тот или другой общественный вопрос, он непременно возбудит великие страсти...» [13, с. 738 – 739].

Итак, независимо от времени создания публицистического сочинения и его формы (памфлет, трактат, научная или популярная статья и др.) в нем обсуждаются и оцениваются актуальные, злободневные вопросы прошлого или современности, и потому историки считают необходимым рассматривать публицистику в качестве одного из письменных исторических источников.

В одном из последних учебников по отечественному источниковедению его авторы, преподаватели Российского гуманитарного государственного университета, так определяют публицистику: «Публицистика – вид исторических источников, возникающий в общественной сфере. Публицистика призвана выражать мнение какой-либо социальной группы об общественно значимой проблеме» [5, с. 449].

По сравнению с другими историческими источниками, представленными документами официального происхождения – приказами, указами, постановлениями, аналитическими или служебными записками, отчетами, рапортами и др., публицистика, как и документы личного происхождения – дневники, мемуары, частная переписка, отличается высокой степенью субъективности. Каждый автор публицистического

произведения по-своему оценивает информацию о событиях из прошлого нашей страны, а также о событиях, участником или современником которых он был.

Одно из важнейших преимуществ публицистики перед документами, созданными в делопроизводстве органов государственной власти и управления, государственных и частных предприятий и хозяйств и общественных организаций, состоит в том, что она часто содержит информацию, которая в делопроизводственных документах отсутствует. Благодаря этому качеству публицистика является одним из ценных источников по развитию общественно-политической мысли, внутриполитической и экономической обстановки и социальной ситуации в государстве.

Нам представляется, что в вузовских программах и учебниках по курсу источниковедения отечественной истории публицистике как историческому источнику уделено незаслуженно мало внимания. Особенно это касается публицистики новейшего времени. В учебниках и учебных пособиях публицистические сочинения представлены только в рамках древнейшего периода – первой половины XIX в. [6, с. 135 – 150, 201 – 204]. Исключение составляет только учебное пособие по источниковедению РГГУ, в котором наряду с краткой характеристикой публицистики начала XX в. [5, с. 451] имеется отдельная глава, посвященная советской публицистике, включая публицистику периода перестройки [5, с. 612 – 621]. При этом авторы учебного пособия выражают сомнения, можно ли рассматривать публицистику советского времени в качестве исторического источника. В доказательство приведем дословно цитату из указанного издания: «В целом же публицистика советской эпохи оставила такой невыразительный материал, что данное обстоятельство не позволило даже выделить публицистику как вид источника в учебниках по источниковедению, поскольку в условиях идеологических ограничений нельзя было исследовать ни публицистику различных партий времен революции, ни тем более такое явление недавнего прошлого, как самиздат» [5, с. 614]. Заявление, на наш взгляд, несколько противоречивое, поскольку авторы далее почти на восьми страницах

тем не менее характеризуют этот «сомнительный» исторический источник [5, с. 614 – 621].

Советская публицистика, действительно, создавалась в сложных условиях. Однопартийность, сращивание государственного и партийного аппарата, формирование командно-административной тоталитарной системы, постоянный идеологический прессинг, усиленный культом личности И. В. Сталина, привели к тому, что людям стало противопоказано и не безопасно иметь собственное мнение по актуальным злободневным вопросам, тем более публично его выражать. Поэтому советская публицистика развивалась неравномерно, в зависимости от внутривластной обстановки в стране. Наиболее активно этот процесс происходил в годы Гражданской и Великой Отечественной войны, в небольшой по протяженности период Хрущевской оттепели (А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича) [20] и на завершающем этапе советского периода в истории нашей страны, в годы горбачевской перестройки. По вполне понятным причинам конец 20-х – 30-е гг. XX в. оказались для публицистики самыми неблагоприятными. На смену относительно демократичной атмосферы начала 20-х гг. приходит подозрительность, начинается ряд судебных процессов, массовые политические репрессии. Достаточно вспомнить такие процессы, как «Шахтинское дело» 1928 г. над «вредителями в промышленности», по которому к суду было привлечено более 50 специалистов горного дела, судебный процесс по делу так называемой «промпартии» 1930 г., осуждение в том же 1930 г. ученых-экономистов А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева, осуждение в 1932 г. участников «Союза марксистов-ленинцев» (группа М. Н. Рютина), 1935 г. – осуждение членов «рабочей оппозиции», в 1937 г. процесс по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» и делу «антисоветской» троцкистской военной организации в Красной Армии – «делу военных» и др. [14, с. 8, 92, 104 – 121, 210 – 234, 280 – 304 и др.].

Автор статьи не может не вспомнить и так называемое «Академическое дело» или «Дело Платонова-Тарле» 1929 – 1931 гг., по которому была привлечена к суду большая группа гуманитариев, в числе которых были и известные ученые-историки С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, А. И. Андреев, С. К. Богоявленский, Н. Л. Дружинин и др. [12]. По их трудам впоследствии училось и учится ни одно поколение историков. В сложившихся условиях тематика публицистических статей была ограничена жесткими рамками и касалась в основном бытовых сюжетов.

В годы Великой Отечественной войны публицистика активно заговорила вновь и заняла прочное место в общественно-политической жизни общества. Перед публицистами в годы войны, как отмечал позднее К. М. Симонов, стояли трудные задачи: «показать войну в реалистических тонах, показать героизм через повседневный труд и быт солдат и офицеров, показать войну, какой она есть, какой ее видел публицист...» [17]. Круг тем, поднимаемых публицистами в годы войны, довольно широк: защита Отечества, положение на фронтах, облик советского воина, возмездие за содеянное и др. Каждая из тем находила своего автора и свой жанр. Военная публицистика представ-

лена такими жанрами, как статьи, очерки, сообщения фронтовых спецкорреспондентов, памфлеты, стихи, фельетоны, реже письма и дневники. Они прежде всего появлялись на страницах центральной печати, в газетах «Красная звезда», «Известия», «Правда», а затем и во фронтовой печати, часто в форме листовок. Авторами публицистики военных лет стали известные писатели и поэты И. Эренбург, К. Симонов, В. Гроссман, Б. Полевой, А. Толстой, Б. Горбатов, Е. Петров и др.

Одним из наиболее ярких и плодотворных публицистов в годы войны был И. Г. Эренбург. 22 июня 1941 г. И. Г. Эренбург написал большую и очень тогда нужную советским людям статью «Священная, освободительная война». В июле – августе 1941 г. она была опубликована в журнале «Новый мир» [22]. 25 июня появилась первая военная публикация «Час настал» в газете «Труд». 26 июня 1941 г. статью И. Эренбурга «Гитлеровская орда» опубликовала газета «Красная звезда». С первых дней, точнее даже с первых часов войны, Эренбург-публицист вступил в бой. За годы войны в этот сравнительно небольшой отрезок времени 1418 дней им было опубликовано (с учетом перепечатки во фронтовых газетах и тыловой печати) более 1500 произведений. За первые три месяца войны И. Г. Эренбург написал около ста памфлетов и статей. По словам К. Симонова в дни войны Эренбург «работал больше, самоотвержение и лучше всех нас» [15, с. 108, 126]. Источником информации для И. Эренбурга были не только собственные наблюдения. Он получал много писем от бойцов и командиров Красной армии, использовал даже попадавшие ему в руки письма немецких солдат и офицеров. И. Г. Эренбург побывал в самых горячих точках войны, был участником битвы за Москву, первой большой битвы, где немецкая армия потерпела поражение. Его статьи и памфлеты отличались высокой достоверностью и верой в Победу. Осенью 1941 г., когда сводки Совинформбюро становились все более и более напряженными, когда бои шли в самом центре страны на Можайском, Малоярославском и Таганрогском направлениях и враг рвался к Москве, Эренбург писал: «Сейчас решается судьба России, судьба всей нашей страны... Судьба наших детей... Мы знаем, за что стоим: За Россию, за Родину... Гитлеру не уничтожить Россию! Россия была, есть и будет» [15, с. 108].

Публицистические статьи И. Г. Эренбурга, особенно летом 1941 г., когда известия с фронтов были не только удручающими, а порой и противоречивыми, являлись не просто комментарием к сводкам, а часто и их существенным дополнением [15, с. 112]. Сводки, например, сообщали о продвижении немцев, указывали направления наступления врага, его силы. Публицист Эренбург разъяснял и показывал звериную сущность этих «бешенных собак» от Гитлера и Геббельса до «простых фашистов», разоблачал и высмеивал духовную убогость теоретиков расизма. За годы войны содержание публицистики И. Эренбурга безусловно менялось. Неизменным, независимо от жанра, оставалось лишь одно – в ней всегда присутствовала реальная обстановка. Сегодня часто говорят о необходимости создать новый более полный и объективный труд

по истории Великой Отечественной войны. Наверное, нужно, тем более пока еще живы его реальные участники. Но создавая новую историю этого величайшего события мирового значения, нужно не только более точно характеризовать этапы и сражения, для объективной, правдивой истории важно показать обстановку, настроение, моральный дух людей на фронте и в тылу. И здесь военная публицистика И. Г. Эренбурга – незаменимый исторический источник.

Другой не менее колоритной фигурой писателя-публициста в годы Великой Отечественной войны был, безусловно, К. М. Симонов. В дни войны К. М. Симонов опубликовал сотни корреспонденций и очерков с разных фронтов. Это были стихи, публицистические статьи и очерки и даже военные дневники. К. М. Симонов был в осажденном Сталинграде. Его публицистический очерк «Дни и ночи» – один из лучших образцов публицистики военных лет. Вот К. Симонов описывает обстановку в городе: «Днем в городе то здесь, то там полыхают дома, ночью дымное зарево охватывает горизонт... многие улицы в городе уже не существуют, другие изборозжены воронками от авиабомб... Месяц штурмуют немцы город, хотят взять его во что бы то ни стало, бомбежки не прекращаются ни на час». И далее на этом фоне звучит голос публициста: «Да, здесь трудно жить, здесь небо горит над головой и земля содрогается под ногами... Да здесь трудно жить и даже больше того: здесь невозможно жить в бездействии. Но жить сражаясь, убивая врага – так жить здесь можно, так жить здесь нужно и так жить мы будем, отстаивая этот город среди огня, дыма и крови» [15, с. 147]. Дневники К. М. Симонова по определению литературоведа и критика А. И. Рубашкина – «еще одна форма публицистики» [15, с. 143]. Эти дневники были опубликованы впервые только в 1974 – 1975 гг. [16]. Позднее они составили 8 и 9 тома собрания сочинений К. М. Симонова, «Разные дни войны» [19]. Это оригинальный публицистический документ. Издавая военные дневники спустя 30 с лишним лет после их создания, К. М. Симонов сопровождает их собственными комментариями, которые позволяют проследить, как изменялась позиция и самого автора. Это источник не только о войне, но и о развитии общественно-политической мысли в 70-е гг. [15, с. 147].

Военная публицистика создавалась не только в годы войны. Существует значительное число публицистических произведений, написанных на материалах войны. Возьмем в качестве примера «Блокадную книгу» А. Адамовича и Д. Гранина. По данным того же А. И. Рубашкина писатели прошли через 200 квартир, записали тысячи метров пленки. Это книга о самых горьких и тяжелых буднях блокадного быта, о потерях и утратах, о мужестве жителей блокадного города [15, с. 182 – 183]. Не случайно в одном из своих последних интервью говоря о военной публицистике К. М. Симонов подчеркнул ее особый характер: «Это показать войну в сугубо реалистических тонах, показать героизм через повседневный труд и быт...» [17].

Публицистика военных лет и более позднего времени, основанная на воспоминаниях о войне, содержит богатую информацию, характеризующую дух

того времени, настроение людей на фронте и в тылу, отношение к конкретным событиям.

Самый крупный всплеск публицистики советского времени относится к периоду горбачевской перестройки. Провозглашение правящей партией курса на демократизацию и гласность привело в полном смысле этого слова к публицистическому буму. Объектом публицистики стали запретные ранее темы – «белые пятна» в истории нашей страны. Публицистика охватила все сферы – экономику, политику, деятельность государственных и политических деятелей. В короткий срок один за другим стали выходить публицистические сборники: «Иного не дано» (М., 1988), «Если по совести» (М., 1988), «Погружение в трясину» (М., 1991) и др.

Большое количество публицистических статей было опубликовано в текущей периодике, в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и др. [2; 8 – 10].

В центре внимания публицистики второй половины 80-х – начала 1990-х гг. оказались такие злободневные проблемы, как исторические последствия НЭПа, коллективизации, Великой Отечественной войны, экономические реформы середины 60-х – 70-х гг. Большое место в публицистических статьях этого периода заняла фигура И. В. Сталина и его ближайшего окружения, проводимые ими массовые репрессии.

Публицистика широко освещала и острые проблемы современности: перестройку и демократизацию советского общества, перестройку и вопросы самоуправления, кадры перестройки и проблемы торжества. Часто в одной статье затрагивалось сразу несколько острых проблем, волнующих советское общество.

Строго говоря, любую публицистическую статью, даже статьи одного автора, трудно связать с какой-то одной темой или сферой интересов. Так, Г. Лисичкин в очерке «Обращение к реальности» рассматривает сложившийся стереотип отношений к приусадебным участкам и мелкому частному хозяйству в условиях социалистической экономики и перспективах их развития в условиях начавшейся перестройки [8]. В статье «Люди и вещи» критикует сложившуюся концепцию «вещизма». При этом автор выделяет две стороны этой проблемы: погоню за модными, престижными вещами и нехватку необходимых товаров – и видит связь между ними и породившими их такими негативными явлениями, как блат, взятки, продажа из-под прилавка. Г. Лисичкин подчеркивает воздействие погони за вещами и связанными с этим процессами на моральную атмосферу в обществе [9].

Публицисты А. Нуйкин и М. Антонов в одном очерке охватывают целый комплекс проблем, порожденных перестройкой [10; 1]. В. Селюнин и Г. Ханин в очерке «Лукавая цифра» на фоне большого фактического материала поднимают вопросы достоверности статистических данных [21].

Вопросы достоверности информации напрямую касаются и самой публицистики. Нужно отдать должное публицистам, в обращении к злободневным вопросам они воспользовались благоприятными условиями перестройки и значительно опередили истори-

ков. В то же время, обращаясь к конкретным историческим процессам и явлениям, публицисты, как правило, не подтверждают свои выводы ссылкой на источники информации. Вследствие этого, особенно в освещении публицистами «белых пятен», появилось много мифов и домыслов. Это справедливо отмечали многие участники «круглого стола», обсуждавшего проблемы освещения отечественной истории в современной публицистике [11]. На «круглом столе», организованном Институтом Истории АН СССР в мае 1989 г., по сути была поставлена очень важная проблема, не утратившая и сегодня своей актуальности – проблема достоверности исторической информации. Историк в своих трудах обязан подтверждать любую конкретную информацию, особенно по спорным проблемам, ссылками на исторические источники. Литератор, писатель, публицист имеет право на собственные домыслы. Против этого можно было не возражать, если бы в последние годы в средствах массовой информации не появилась такая загадочная фигура, как «писатель-историк». Многие крупные писатели дореволюционной России и Советского Союза созда-

вали монументальные произведения, посвященные крупнейшим событиям отечественной истории. Достаточно вспомнить «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Блокаду» А. Чаковского, «Горячий снег» и «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева и др. Эти писатели, глубоко и объективно отражая в своих литературных произведениях исторические события, не называли себя историками. На наш взгляд, не следует называть себя историками и современным писателям и публицистам. Каждому свое. Все сказанное выше не противоречит позиции автора, который глубоко убежден, что публицистика законно занимает свое место в ряду исторических источников. Историк должен обращаться к публицистике. Благодаря ей, он острее и глубже чувствует атмосферу, в которой происходили исследуемое им процессы и события. Но обращаясь к публицистике как к историческому источнику историк должен прежде всего профессионально оценить достоверность информации, к которой обращается публицист. Тогда и его исследование не будет грешить против истины.

Литература

1. Антонов М. Так что же с нами происходит // Октябрь. 1987. № 8.
2. Бурганов А. История – мамаша суровая // Дружба народов. 1988. № 6.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 14. С. 120.
4. Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории. М., 2012.
5. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. М. 1998.
6. Источниковедение истории СССР. М. 1981.
7. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М. 2004.
8. Лисичкин Г. Обращение к реальности // Знамя. 1987. № 12.
9. Лисичкин Г. Люди и вещи // Дружба народов. 1988 № 1.
10. Нуйкин А. Идеалы или интересы // Октябрь. 1987. № 8.
11. Отечественная история в современной публицистике // История СССР. 1990. № 1.
12. Павленко Н. И. «Академическое дело». Историк под прицелом ОППУ // Наука и жизнь. 1989. № 11.
13. Плеханов Г. В. Избранные произведения. Т. 1.
14. Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов. М. 1991.
15. Рубашкин А. И. Прямая речь. О советской писательской публицистике. М. 1987.
16. Симонов К. М. Разные дни войны // Дружба народов. 1974. № 4, 5, 11, 12; 1975. № 1.
17. Симонов К. М. Интервью // Вопросы литературы. 1978. № 12.
18. Симонов К. М. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1979.
19. Симонов К. М. Собрание сочинений. Т. 8 – 9. М., 1982 – 1983.
20. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. № 11.
21. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2.
22. Эренбург И. Г. Священная освободительная война // Новый мир. 1941. № 7 – 8.

Информация об авторе:

Заболотская Калерия Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 8(3842) 58-40-16.

Kaleria A. Zabolotskaya – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУБЕЖА XX – XXI вв. О ГОЛОДЕ 1932 – 1933 гг. В СССР
М. В. Казьмина

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE TURN OF 20TH – 21ST CENTURIES
 ABOUT THE 1932 – 1933 FAMINE IN THE USSR
M. V. Kazmina

В статье анализируются основные точки зрения, высказанные в отечественной историографии о причинах, масштабах и последствиях голода 1932 – 1933 гг.

The paper analyzes the main points of view expressed in the Russian historiography about the causes, prevalence and consequences of the famine in 1932 – 1933.

Ключевые слова: историография, коллективизация, голод, СССР.

Keywords: historiography, collectivization, famine, USSR.

До второй половины 1980-х гг. коллективизация сельского хозяйства в СССР оценивалась как выдающееся достижение, открывшее путь к зажиточной жизни советскому крестьянству, а потери от коллективизации воспринимались как следствие «перегибов», «искривлений партийной линии». Изменения в историографии данной проблемы связаны с рядом обстоятельств: политикой перестройки и гласности (ученые получили возможность излагать свои взгляды открыто); расширением документальной базы, что позволило ввести в научный оборот ранее недоступные источники; публикацией на рубеже 1980 – 1990-х гг. переведенных на русский язык работ зарубежных историков (в частности, Р. Конквеста), которые стимулировали обсуждение наиболее болезненных вопросов, связанных с коллективизацией. Важную роль сыграл и переход от методологического монизма к плюралистическому видению исторического процесса.

На качественно новый уровень изучение крестьянского вопроса выходит в связи с созданием в начале 1990-х гг. под руководством В. П. Данилова Центра крестьяноведения и аграрных реформ при Московской высшей школе социальных и экономических наук. Под эгидой Центра в сотрудничестве с Институтом российской истории РАН осуществляются крупные международные проекты. В 1992 г. В. П. Данилов организовал международный теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития» [31, с. 210 – 211]. Значительный вклад в разработку крестьянской проблематики, в том числе и 1930-х гг., внесли материалы четырех Международных конференций (2007 г., 2009 г., 2011 г., 2013 г.), проходивших на базе Московского государственного областного социально-гуманитарного института по теме «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века».

В ноябре 2010 г. в Институте социологии РАН в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» состоялся Международный круглый стол журнала «Власть» по теме «Крестьянство и власть в истории России XX века». В апреле 2011 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАН-ХиГС) состоялось первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» Центра аграрных исследований

РАН-ХиГС и научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». 4 октября 2013 г. в Коломне работал II Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» в рамках IV Международной конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века» и теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Таким образом, наблюдается тенденция к сохранению и развитию традиций, заложенных центром крестьяноведения и аграрных реформ.

С конца 1980-х гг. начинается публикация ранее неизвестных источников. В числе первых был издан (1989 г.) сборник «Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне коллективизации. 1927 – 1932 гг.». В 1990-е и последующие годы эта работа была продолжена как на общероссийском, так и на региональном уровне. В сентябре 1994 г. под руководством В. П. Данилова на основе договора, заключенного между ИРИ РАН, Бостон-колледжем (США, профессор Р. Манинг) и университетом в Торонто (Канада, профессор Л. Виола), а также Росархивом осуществляется издание «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы». В результате реализации российско-французского проекта был выпущен сборник документов «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» [31, с. 210 – 211]. Ценность такого рода фундаментальных изданий состояла, прежде всего, в том, что они вводили в научный оборот новые материалы, в том числе «особых папок» как местных республиканских и краевых органов, так и частично общесоюзных.

На региональном уровне можно отметить много томник «Спецпереселенцы в Западной Сибири», который был подготовлен группой ученых в составе С. А. Красильникова, В. Л. Кузнецовой, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павловой, Л. С. Пашенко, Р. К. Сухановой. В сборнике приводятся не публиковавшиеся ранее документы из рассекреченных фондов государственного архива Российской Федерации и государственного архива Новосибирской области, раскрывающие депортацию крестьянства, ее результаты и последствия [34, с. 13, 15]. Региональные публикаторы большое внимание уделили изданию документов, с помощью которых стала возможна реконструкция процессов коллективизации на местах [19; 29; 33; 35]. Выходят воспомина-

ния о коллективизации и голоде 1932 – 1933 гг. [6; 7; 27; 38]. Они рисуют трагизм сложившейся ситуации. В целом же произошли качественные изменения в документальной базе.

Среди первых публикаций, в которых историки обратились к ранее не исследовавшимся проблемам в жизни крестьянства конца 1920-х – 1930-х гг., можно выделить статьи В. П. Данилова, М. А. Выцлана, И. Е. Зеленина. О голоде 1932 – 1933 гг. писали С. В. Кульчицкий, Е. Н. Осолков, В. В. Кондрашин, Н. А. Ивницкий [3, с. 14 – 17; 9, с. 28 – 38; 12, с. 3 – 19; 13, с. 3 – 62; 18; 23; 30]. В работах рубежа XX – XXI вв. насилие и произвол со стороны властей выделяются как доминирующие качества коллективизации. Проблема голода были посвящены конференции в Киеве, Донецке, Москве, Екатеринбурге [5; 20]. Признается искусственный характер его возникновения [2, с. 43; 10, с. 104, 105; 14; 15, 47, 54; 16, с. 43], хотя у С. Кара-Мурзы говорится о засухе 1933 г. как стихийном бедствии [21, с. 484]. В свою очередь, Т. Д. Надькин отмечал, что ухудшение состояния сельского хозяйства Мордовии в 1932 г. также было связано с засухой [26, с. 143].

Н. А. Ивницкий убедительно доказал, что руководство страны проводило жесткий курс на изъятие хлеба у крестьянства. Валовые сборы зерна, отметил ученый, в 1931 – 1932 гг. снизились по сравнению с предыдущими годами, а доля хлебозаготовок возросла. Так, если в 1928 г. она составляла 14,7 % валового сбора, в 1929 г. – 22,4 %, в 1930 г. – 26,5 %, то в 1931 г. – 32,9 %, а в 1932 г. – 36,9 %. В этом же ключе рассуждали В. П. Данилов и И. Е. Зеленин, которые увидели цепь взаимосвязанных и взаимозависимых акций (вполне и не вполне осознанных) по организации «великого голода»: закон от 7 августа 1932 г.; выступление И. В. Сталина на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦК ВКП(б) 27 ноября 1932 г.; директиву от 22 января 1933 г. [10, с. 108]. Историки пришли к выводу, что государство лишь в незначительной степени помогло голодающему крестьянству. Они полагали, что отказ от экспорта хлеба и реализация неприкосновенных запасов могли бы в совокупности улучшить положение в основных голодающих регионах 25 – 30 млн человек [10, с. 108].

На сегодняшний день все исследователи отмечают, что голод поразил главным образом важнейшие зерновые районы страны: Северный Кавказ, Украину, Поволжье, Казахстан, серьезные испытания выпали на долю населения Южного и Среднего Урала, Центрального Черноземья и Западной Сибири [22].

Общепризнанным является факт многомиллионных потерь от голода 1932 – 1933 гг. В западной литературе широкую известность получили работы Р. Конквеста, ставшие доступными российским исследователям на рубеже 1980 – 1990-х гг. Американский историк приравнял общее число крестьян, погибших в результате раскулачивания и террора голодом, к 14,5 млн человек [24, с. 85]. Из них 6,5 млн погибли в связи с раскулачиванием, 1 млн в казахской катастрофе, 7 млн от голода (на Украине – 5 млн, на Северном Кавказе – 1 млн, в других местах – 1 млн) [24, с. 89].

Близкой оценки придерживался А. Грациози. В начале 1930-х гг. по его утверждениям в ходе высылки и репрессий погиб 1 млн человек, в результате голода 1932 – 1933 гг. – 7 – 10 млн [8, с. 6]. М. Малиа, исходя из посыла, что самый ценный капитал – это люди, заметил: «...от 6 до 11 млн жертв коллективизации – свидетельство непомерного разбазаривания национальных ресурсов».

У исследователей, работающих на постсоветском пространстве, конкретная статистика о числе жертв голода также различается. С. В. Кульчицкий число умерших от голода 1933 г. на Украине оценивает в 3 – 3,5 млн человек [25, с. 52]. В сборнике РГГУ говорится, что голод 1932 – 1933 гг. привел к сокращению населения Украины более чем на 3 млн человек, притом что население соседей увеличилось: в России – на 28 %, в Белоруссии – на 11,2 % [4, с. 7]. А. Л. Перковский оценивает потери не менее чем в 5 млн человек [32, с. 53], а С. Кара-Мурза – в 640 тыс. человек [21, с. 479].

Н. А. Ивницкий в 1994 г. утверждал: «Население СССР... с осени 1932 г. до апреля 1933 г. сократилось на 7,7 млн человек, главным образом за счет сельского. Непосредственно от голода на Украине, по подсчетам ученых, умерло примерно 4 млн человек; в Казахстане – более миллиона человек, столько же на Северном Кавказе, в Поволжье и других районах» [16, с. 8, 43; 17, с. 207].

В монографии В. Б. Жиромской, И. Н. Киселева, Ю. А. Полякова были приведены данные М. В. Курмана (в 1937 г. он входил в состав бюро переписи) о том, что большая часть смертей падает на 1933 г., из них 4,1 млн человек умерли в основном от голода и других бедствий [11, с. 43].

В 2000 г. Н. А. Араловец и И. С. Зеленин тщательно проанализировали выводы исследователей о масштабах потерь от голода 1932 – 1933 гг. Они привели уточненные людские потери: Украина – 3,5 млн человек (подсчеты С. В. Кульчицкого) или 7,1 млн человек (подсчеты П. К. Василевского); Казахстан – 1,3 млн человек; Поволжье – 0,4 млн человек. Суммировав приведенные цифры, они получили численность людских потерь от голода – 5,2 – 8,8 млн человек. Прибавив к этим данным сведения Р. Конквеста о людских потерях на Северном Кавказе (1 млн человек), а также в остальных районах (1 млн человек), Н. А. Араловец и И. С. Зеленин получили число жертв – 7,2 – 10,8 млн человек [28, с. 275, 276].

В 2004 г. В. П. Данилов и И. Е. Зеленин, суммировав приводимые исследователями данные о жертвах голода по регионам, пришли к выводу, что по стране они составили от 7 до 8 млн человек [10, с. 109]. Они принимают оценку российского демографа Б. Ц. Урланиса, который утверждал, что население СССР с осени 1932 г. до апреля 1933 г. сократилось с 165,7 млн человек до 158 млн [10, с. 109; 28, с. 270 – 276]. Расчет показывает, что сокращение составило 7,7 млн человек. Думается, что стоит не забывать и о естественной убыли населения, которая, судя по всему, входит в данный показатель. Логично учесть замечание Р. Белоусова о том, что смертность до 1932 г. не превышала 4,8 млн человек [1, с. 329]. В. Ф. Зима подсчитал, что в России в 1932 – 1933 гг. голодало около 50 % населения. Потери от голода составили примерно

3 млн человек [15, с. 54]. В. М. Молотов, участвовавший в хлебозаготовках начала 1930-х гг., признавал наличие голода в 1933 г., но при этом считал не доказанным факт потерь в 12 млн человек [37, с. 378, 379].

Таким образом, изменения, произошедшие в исторической науке на рубеже XX – XXI вв. позволили выйти на новый уровень осмысления крестьянского вопроса в истории России, в том числе 1930-х гг. Создание исследовательских центров, организация теоретических семинаров, проведение научных конференций, публикация и введение в научный оборот новых

документов способствовали поиску ответов на наиболее острые вопросы. Был сделан существенный прорыв в изучении проблемы голода 1932 – 1933 гг. Большинство ученых пришло к выводу об искусственном характере его возникновения. В ходе дискуссии определился ряд регионов (Северный Кавказ, Украина, Поволжье, Казахстан), где последствия от голода были особенно тяжелыми. При наличии определенных расхождений в оценке числа жертв политики коллективизации произошло сближение оценок числа погибших от голода.

Литература

1. Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. Книга 3. Тяжелые годы роста и обновления. М., 2002.
2. Выцлан М. А. Репрессии против крестьян. 30-е годы // Власть и общество в СССР: политика репрессий. М., 1999.
3. Выцлан М. А., Данилов В. П., Ивницкий Н. А. Оглянуться в раздумье // Сельская новь. 1987. № 12.
4. Голод 1932 – 1933 годов: сб. статей / Общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1995.
5. Голодомор 1932 – 1933 гг. на Украине. Причины и последствия. Материалы конференции. Киев, 1995.
6. Голоса крестьян. Сельская Россия в крестьянских мемуарах. М., 1996.
7. Голоса народа. Письма и отклики рядовых советских граждан на события 1918 – 1932 гг. М., 1998.
8. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917 – 1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 96 с.
9. Данилов В. П. Феномен первых пятилеток // Горизонт. 1988. № 5.
10. Данилов В. П., Зеленин И. Е. Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5.
11. Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
12. Зеленин И. В. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2.
13. Зеленин И. В. Коллективизация: истоки, сущность, последствия // История СССР. 1989. № 3.
14. Зеленин И. Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Отечественная история. 1998. № 1.
15. Зима В. Ф. Голод 1932 – 1933 годов в письмах трудящихся России // Отечественная история. 2006. № 2.
16. Ивницкий Н. А. Голод 1932 – 1933 годов: кто виноват? // Голод 1932 – 1933 годов: сб. статей / общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1995.
17. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.
18. Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988.
19. Из истории раскулачивания в Карелии. 1930 – 1931 гг. Петрозаводск, 1991.
20. Историческая демография: новые подходы, методы, источники: тезисы VIII Всероссийской конференции по истории демографии. Екатеринбург, 13 – 14 мая 1992 г. М., 1992.
21. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
22. Каунова Н. Е. Голод в начале 1930-х годов в Средне-Волжском крае: автореф. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. 20 с.
23. Кондрашин В. В. Голод 1932/1933 г. в деревне Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6.
24. Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4.
25. Кульчицкий С. В. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тез. докл. и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14 – 16 мая 1991 г. Ч. 1. М., 1991.
26. Надькин Т. Д. Крестьянство и власть в Мордовии в голодные 1932 – 1933 годы // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 143.
27. Нарымская хроника. 1930 – 1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания / сост. В. Н. Макшеев. М., 1997.
28. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 1: 1900 – 1939 / отв. ред. В. Б. Жиромская; РАН Институт российской истории. М.: РОССПЭН, 2000.
29. Неизвестный Кузбасс. Вып. 3. Крестьянство Кузбасса (1925 – 1941) // Сборник архивных документов. Кемерово, 2005. 250 с.
30. Осколков Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991.
31. Отечественная история. 2004. № 6.
32. Перковский А. Л. Потери населения Украины в 30-х гг // Укр. ист. Вестник. 1989. № 5.
33. Рязанская деревня в 1929 – 1930 гг. Хроника головокружения: документы и материалы. М., 1998. 703 с.

34. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павлова, Л. С. Пащенко, Р. К. Суханова. Новосибирск, 1992; То же: весна 1931 – начало 1933 гг. Новосибирск, 1993. 341 с.; То же: 1933 – 1938. Новосибирск, 1994. 310 с.
35. Спецпоселки в Коми области: По материалам сплошного обследования. Июнь 1933 // сб. док. / сост.: Г. Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар, 1997.
36. Урланис Б. П. Проблемы динамики сельского населения. М., 1974.
37. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
38. 33-й: голод. Народная книга-мемориал. Киев, 1993.

Информация об авторе:

Казьмина Маргарита Васильевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, Rita-KMV@yandex.ru.

Margarita V. Kazmina – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(47+57):338.24.021"1965"

ТЕМА «РЕФОРМА 1965 Г. КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПОЗДНЕЙ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ С. Е. Мишенин

«1965 REFORM OF AS THE FACTOR OF DEVELOPMENT OF LATE SOVIET SYSTEM» IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY S. E. Mishenin

Статья посвящена выяснению точек зрения на роль реформы 1965 г. в развитии экономики СССР. Автор обращает внимание на периодизацию реформирования экономики и роль в этом процессе решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС на момент перехода реформирования советской системы в зарождение элементов (предпосылок) постсоветского состояния. Автор связывает формирование точек зрения с логикой развития отечественной истории.

Принципиальный вывод автора заключается в том, что он наиболее убедительной считает точку зрения о провальности модели реформирования советского общества с 1965 г. как наиболее убедительной на начало 2000-х гг. Другое дело, что на 1965 г. публичное общественное сознание не смогло выдвинуть здоровой альтернативы.

The paper is devoted to revealing Russian historians' points of view on the role of the 1965 reform in the development of the USSR economy. The author pays attention to the periodization of the USSR economy reform and to the role that the resolutions of the Plenum of the CPSU Central Committee of September 1965 played in this process. The author connects the formation of the historians' points of view with the logics of Russian history development.

The author's essential conclusion is that the most convincing point of view by the early 2000s is that the model of the Soviet society's reform since 1965 was a failure. Another thing is that for 1965 the public consciousness could not suggest any other healthy alternative.

Ключевые слова: советская историография, экономическая реформа, историографическая версия, историографическая концепция.

Keywords: Soviet historiography, economic reform, historiographical version, historiographical conception.

Любая реформа связана с определенными издержками, т. к. она нарушает устои общества, его массовой части. Ей предстоит большая или малая перестройка жизни, приспособление к новым условиям. За этими издержками стоят проблемы как минимум отдельного человека. Поэтому с позиции гуманизма важно соизмерить эффект и парадокс каждого начинания политика. Однако публично эти детальные сравнения делают не столько сами организаторы преобразований, сколько их оппоненты. Результаты такой операции становятся либо средством извлечения уроков, либо средством борьбы с властью, которая эти реформы проводила. Все это отно-

сится и к реформе 1965 г., точнее ко всему ряду реформ, которые последовали с сентября 1965 г. (а вполне возможно, и с ноября 1964 г.) и продолжались до завершения истории советской системы. У них было нечто общее, что и обеспечило относительно мирное вступление в постсоветское состояние. Но ядром этих мер стали решения сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС.

До второй половины 1980-х гг. роль реформы 1965 г., точнее цикла преобразований в экономике после решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, понималась и трактовалась в советской историографии в основном однозначно: она рассматри-

валась как фактор ее развития. Даже снижение темпов этого развития с 1970-х гг. в расчет официально не принималось.

Обобщающие работы в той или иной степени обходят эту тему. На этом фоне еще заметнее становятся крайние точки зрения, которые уже сформировались в научной публицистике. В данной статье автор ставит такую цель: выявить эти точки зрения и их аргументы в отношении того, насколько реформа 1965 г. обеспечила стабильность советской системы.

Условно «ортодоксальное» и реформистское направления в рядах КПСС периода «перестройки», советская и постсоветская историография (до середины первого десятилетия XXI века) идеализировали эту реформу [17]. Главной ее идеей рассматривался отход от «вала» в оценке работы предприятия и экономики в целом. Это направление родилось среди разработчиков идеологии реформы. Оно продолжало развиваться в середине 1960-х – середине 1980-х гг. Отсчет в экономической политике авторы вели от решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Уже в ходе процесса «перестройки» 1985 – 1991 гг. это направление потеряло свою боевитость.

Годы «перестройки» с их либерализацией начали формировать разнообразие мнений, которые вместе взятые отражали сложную реальность.

Как показала М. В. Ульянова, «Ю. Н. Афанасьеву и В. С. Лельчуку удалось показать, что экономические решения в значительной мере зависели от идеологического курса, который оставался практически неизменным» [11; 13].

Видимо, в силу этого реформа рассматривалась своевременной, но технически не проработанной до конца. Руководство не смогло осуществить ее в заранее задуманном виде: помешали некие консервативные силы. Появилась версия о консервативно настроенных руководителях [6; 10; 13; 17]. В их действиях виделась главная причина сложностей в реализации реформ. Но заметим: (роль рядовых работников в этом случае в расчет не принималась). Называются и внешние факторы. В силу формирования некоторой политической независимости от руководства советской системы эти позиции открыто и последовательно прозвучали в исследованиях 2000-х гг. [8].

Есть и такое мнение: «Экономическим реформам середины 1960-х гг. при этом придавалось особое значение, поскольку они выходили за рамки общей логики экономического развития страны» [13].

По версии учебника А. В. Филиппова, эксперимент тем не менее был прекращен, так как он напугал, во-первых, угрозой появления безработицы, а во-вторых, страхом перед бесконтрольным использованием государственных средств [15].

Логический итог этой точке зрения подвела О. А. Ульянова: «В результате выхолащивания всех либеральных начал реформы, перехода сначала к решению лишь оперативных вопросов, а затем и к возврату директивных показателей и реставрации жёсткого централизованного управления, партийная номенклатура и министерства свели реформу на нет» [14].

В конце 1980-х – 2010-х гг. сформировалось новое видение хозяйственных преобразований позднего советского периода. Оно было высказано в сравнительно немногочисленной группе авторов. Среди них – экономист и писатель-публицист, учёный-обществовед, член Союза писателей СССР (и России), кандидат технических наук, старший научный сотрудник, в прошлом диссидент М. Ф. Антонов [3], а также практик в области ВПК и публицист С. Т. Брезкун (псевдоним: С. Кремлев) [5].

Полнее логика развития обсуждаемой темы представлена в работах М. Ф. Антонова [1; 2]. Исходными точками его концепции следует назвать два утверждения этого автора. Первое касается мнения о том, что уже неоднократно (правда, причину этого автор не называл) в СССР предпринимались попытки возрождения капитализма [1, с. 8 – 13]. И второе: «Мне непонятно, это от И. В. Сталина еще остался этот «вал», либо это в хрущевские времена что-то улучшили в экономике и придумали «вал»? Такое впечатление, что между 1953 и 1965 годом была какая-то реформа, про которую ничего не говорится, но которая как раз и породила этот пресловутый и ужасный «вал» [2].

М. Антонов обратил внимание на реальность выполнения положений реформы. «Вал» был объявлен одной из главных бед экономики. Его заменили, в частности, Прибылью, реализованной продукцией. Но это толкнуло экономику к инфляции, росту цен, к обострению дефицита, что в конечном счете обрушило систему. М. Антонов раскрыл свое понимание этого механизма.

Вот логика другого наблюдения этого автора. Реформа была встречена в стране по-разному. Многие хозяйственники увидели в ней возможность неплохо заработать. Другие предрекали развал экономики. А экономика в целом попала «из огня, да в полымя». Предприятия, получив значительную хозяйственную самостоятельность, изыскивали все возможности увеличения прибыли и фонда материального поощрения. У руководства Госплана прибавилось головной боли. Переход на показатель прибыли сразу подтолкнул инфляцию в стране.

Идеология реформы 1965 г. предполагала, что предприятиям дается самостоятельность, что им виднее, как использовать свою часть прибыли для развития производства. Но руководители предприятий на это не пошли. Но и работники этому не противились. Это было не случайно: в тех условиях ее можно было использовать только для роста зарплаты; для автономного развития производства не было рынка, требовался тот же план, чтобы получить финансовые, материальные и кадровые ресурсы. В итоге темпы роста зарплаты стали расти быстрее производительности труда [1, с. 351]. Еще более обострилась нехватка товаров, или, как говорят, «вырос отложенный спрос». То, что нельзя было купить товары, даже если есть деньги, вызывало растущее недовольство в народе.

Больше денег стало оставаться у предприятий – меньше поступало их в бюджет государства. Пришлось прибегнуть к испытанной палочке-выручалочке – увеличивать производство водки.

При переходе предприятий на «щекинский метод» высвобождалась рабочая сила, а на создание новых рабочих мест средств не было. Перед страной маячила угроза безработицы, что тогда казалось советским людям совершенно немыслимым делом.

Получалось: выгоды от реформы получали оборотистые руководители предприятий, а все причиненные ею убытки должно было покрывать государство [1, с. 352].

Тогда еще никто из «верхов» не осмеливался сказать, что, допустив в качестве главного критерия прибыль, мы тем самым подчинили народное хозяйство закону максимальной прибыли со всеми вытекающими из этого последствиями, которые не заставят себя долго ждать. Чтобы оценить итоги реформы в целом, надо рассмотреть, чем новая система стала отличаться от прежней. В советской экономической системе последних лет жизни Сталина условием быстрого развития страны был механизм ежегодного снижения цен. В числе плановых заданий предприятию устанавливалась цена выпускаемых изделий, которая покрывала издержки производства и обеспечивала некоторую прибыль (при этом прибыль не была жестко связана с себестоимостью). Руководство и весь коллектив предприятия нацеливались на снижение себестоимости продукции, успехи в этом отношении поощрялись материально.

М. Антонов излагает версию А. А. Зверева, автора работы «Трезво о политике». Тот выводит механизм сталинско-фордовской модели хозяйствования, в которой тоже использовался показатель «прибыль». Но там она понималась как разница между твердой на какой-то период ценой, для конкретного производителя она была административной и полученной себестоимостью. И планового значения не имела. Ее можно было получить либо путем увеличения объема производства, либо путем снижения себестоимости. Это определял уже сам производитель: что ему было выгодно [1, с. 355].

Иным образом исчислялась прибыль при либермановско-косыгинской реформе: это была жесткая процентная доля от себестоимости. В этих условиях хозяйственник должен был решать: как ее получить – или путем увеличения себестоимости, или путем снижения себестоимости и наращивания объемов производства до того уровня, чтобы получить необходимое отчисление прибыли, а это, по сравнению с первым путем, увеличивало затраты, не гарантировало успехи, а также ставило под сомнение получение премий работникам. Естественно, выгоднее было идти первым путем [1, с. 356].

Но это развивало уже не социалистическое, а капиталистическое предпринимательство, а потому было по отношению к советскому строю асистемным явлением, развивало среди работников психологию ограниченного корпоративными и личными интересами обывателя. Не до конца осознанно советское сознание пыталось противодействовать этой линии. М. Антонов ссылался на пьесу драматурга А. Гельмана «Премия». Ее герои, рабочие отказывались от незаслуженной, по их мнению, премии, которая начислялась за работу, не идущую на пользу стране.

Пьесу удалось довести до А. Н. Косыгина, ее поставили, по сценарию сняли художественный фильм, ее обсуждали в печати. Но выводы на уровне государственного руководства не сделали. М. Антонов объяснял это тем, что реформа стала не общенародным делом, а официально допустимой деятельностью сравнительно узкого круга руководителей, которая уже не была увязана с совершенствованием советского строя. Единое народное хозяйство распалось в значительной мере на изолированные ячейки, имеющие собственную корыстную цель, а у работника вместо планетарного взгляда формировалось местечковое мировоззрение [1, с. 359 – 362; 2].

В общем реформа стала не общенародным делом, а почти подпольной, хотя и официально допустимой деятельностью узкого круга руководящих работников разных уровней. Вот они-то от премий не отказывались и весь фонд материального поощрения делили между собой.

Так новая модель расколола коллектив предприятия, погасила творческий порыв большинства работников, противопоставила интересы «верхов» и «низов». Все выгоды от «рационализации производства» теперь доставались «верхам», и они направляли деятельность предприятий так, чтобы эти выгоды были как можно большими. По сути, это была уже неформальная приватизация предприятий их руководством, которому оставалось лишь ждать, когда этот переход средств производства в их частную собственность будет оформлен законодательно. Косыгина с полным правом можно было бы назвать «верным ленинцем», он сумел незаметно для общенности внедрить новый вариант ленинского нэпа.

М. Антонов так резюмировал свои рассуждения: «Косыгинская реформа... создавала условия как бы для узаконенного вредительства» [1, с. 360]. Советская экономика пошла вразнос. Расширение самостоятельности предприятий на основе погони за прибылью по сути покончило с плановой системой в СССР. Единое народное хозяйство страны распалось на в значительной мере изолированные ячейки, имеющие собственную корыстную цель... «Верхи» практически утратили способность направлять деятельность предприятий в соответствии с интересами государства, потому что предприятию важнее было получить максимальную прибыль...

Говорят, рассуждал М. Антонов, что Косыгину не дали завершить его реформу партийные бюрократы, убоявшиеся потери власти. Нет, Косыгин к концу своей политической деятельности сам увидел, к каким разрушительным последствиям его реформа привела: тщательный анализ показал, что примерно половину товарооборота составляли средства, полученные за счет ухудшения качества продукции и скрытого повышения цен (что сам Косыгин называл антигосударственной практикой).

Разумеется, партийный аппарат не мог равнодушно смотреть на то, как разваливается экономика, но он не был в состоянии остановить этот процесс, потому что получившие самостоятельность руководители предприятий перестали ему подчиняться. Соппротивление партаппарата реформе было вызвано

не столько опасениями краха экономики, сколько стремлением сохранить власть. Поэтому, продолжал М. Антонов, не правы те, кто утверждает, будто постепенно все в экономике вернулось назад. Движение, заданное реформой, несколько притормозили, но широкие права, данные предприятиям и союзным республикам, целиком отобрать было уже невозможно. Распад экономики стал необратимым [2].

Существенным дополнением концепции М. Ф. Антонова следует рассматривать наблюдения С. Кремлева. В частности, он обратил внимание на то, что применение в качестве основного показателя прибыли вело к снижению рентабельности производства (1917 – 1927 и 1960 – 1991 гг.). И наоборот, переход на себестоимости вело к повышению рентабельности (1928 – 1960 гг.) [7].

Вполне естественно возникает вопрос: а нужна ли была тогда реформа? Вот здесь-то история имеет дело с очередным своим парадоксом. Состояние экономики показало (у этого положения так и не сложилось оппонентов): отдача от громадных вложений ресурсов падала: свидетельством тому были убытки, низкое качество продукции, распыление капиталовложений, низкая производительность труда [4].

Но есть и более радикальная трактовка сути и, соответственно, провала реформы. Она была высказана неорганизованной группой историков и экономистов. Смысл ее сводится к тому, что советская экономическая система была принципиально нерформируемая [13], а потому сама реформа по своей сущности была неприемлема для советской модели развития. Она продолжила (после принятия III Программы КПСС) процесс разрушения советской модели путем ведения в нее асистемного «червя»: индивидуального и корпоративного экономического интереса и мотива, что неизбежно привело к противопоставлению тех же индивидуальных и групповых интересов в обществе. Эти противоречия системе не удалось разрешить, а интересы освоить и ввести в органику системы [9].

Несмотря на допущенные ошибки, период 1985 – 1991 гг. был объективно необходим обществу для осознания бесперспективности существовавшей социально-экономической системы и выработки про-

граммы перехода к новой модели развития. Значительная инерционность общественного развития не позволила избежать этого периода «переоценки ценностей», а накопленные в это время знания и навыки, идеи оказались необходимыми для последующих реформ [12].

В итоге следует отметить: реформа 1965 г., точнее весь ряд реформ, которые последовали с сентября 1965 г., не имеет и не может иметь однозначной оценки. Существующие парадигмы изложения отражают позиции разных общественных сил, что открывает простор для широкого обсуждения. Это связано с тем, что процесс реформирования оказался достаточно «всеядным», обслуживая как текущие интересы власти и частично граждан, так и перспективную логику трансформации советской системы в постсоветскую. Поэтому она обеспечила как стабилизацию системы после рывков практически первых 40 лет ее существования, так и формирования, консолидации «теневых» процессов и сил в рамках Советской системы. Изменение соотношения внутренних интересов в СССР обеспечило поэтапное изменение процесса реформирования. Но сохранялась связующая нить: обеспечение частного и корпоративного интереса. Последние перемены в рамках Советской системы, например, отмена централизованного ограничения на зарплату, начало скрытой приватизации в разных формах на фоне дискуссий о свободных экономических зонах и региональном хозрасчете, вполне логичны с изначальными замыслами советского реформирования начала 1960-х гг.

Поэтому процесс реформирования от 1965 г. в конечном счете для советской модели образца 1917 – 1953 гг. стал поражением, но по отношению к современному пониманию правового социального государства его следует отнести к успешному варианту исторического «термидора» или перехода от леворадикального преобразования (модернизации) общества к реставрации рынка, но менее дикого, чем тот, от которого страна ушла в первой четверти XX века. Иначе говоря, стабильность собственно советской системе она не обеспечила, но дала возможность сохранить историческое пространство для дальнейших исторических экспериментов.

Литература

1. Антонов М. Капитализму в России не бывать! Выход есть! М.: Яуза, Эксмо, 2005.
2. Антонов М. Цена реформаторства (Косыгинская реформа). 2004. URL: <http://www.iraq-war.ru/article/207041> (дата обращения: 19.02.2014).
3. Антонов Михаил Фёдорович (учёный): материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Антонов,_Михаил_Фёдорович_\(учёный\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Антонов,_Михаил_Фёдорович_(учёный)) (дата обращения: 3 04 2014).
4. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964 – 1994: пер. с ит. Л. Я. Хаустовой. М.: Междунар. отношения, 1996. 320 с. URL: http://scepsis.net/library/id_811.html (дата обращения: 20.02.2014).
5. Брезкун Сергей Тарасович: материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Брезкун,_Сергей_Тарасович (дата обращения: 3.04.2014).
6. История социалистической экономики СССР в семи томах / редкол.: И. А. Гладков (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1979. Т. 7.
7. Кремлев С. СССР – империя Добра. М.: Яуза, 2009. СССР. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KREMLEV_Sergey/_Kremlev_S..html#11 (дата обращения: 4.04.2012).
8. Лазарева Л. Н. Экономическая реформа А. Н. Косыгина: дис. ... канд. ист. наук. М, 2011. 269 с. URL: <http://www.dissertcat.com/content/ekonomicheskaya-reforma-kosygina> (дата обращения: 18.02.2014).

9. Предвестник разрушения СССР – реформа Косыгина – ЛИБЕРМАНА 1965 г. URL: <http://www.uznai-pravdu.ru/viewtopic.php?f=29&t=1688&start=0> (дата обращения: 18.02.2014).
10. Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История советской России; редкол. серии "ИСТОРИЯ РОССИИ": Ю. В. Кривошеев, А. Ю. Дворниченко, П. А. Кротов, А. В. Петров, Ю. А. Сандулов, М. В. Ходяков. М.: Лань, 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/sovetskaya-rossiya/96.htm> (дата обращения: 7.03.2014).
11. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / под ред. Ю. Н. Афанасьева и В. С. Лельчука. М., 1997. Т. 2.
12. Спичков М. В. Социально-экономическое развитие СССР в 1985 – 1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 194 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiie-sssr-v-1985-1991-gg#ixzz2uXdxTuTF> (дата обращения: 14.03.2014).
13. Ульянова М. В. Тенденции и противоречия реформирования экономической модели развитого социализма в СССР в 1965 – 1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: 2011. 208 с. URL: http://dissland.com/catalog/tendentsii_i_protivorechiya_reformirovaniya_ekonomicheskoy_modeli_razvitogo_sotsializma_v_sssr_v_196.html (дата обращения: 27.02.2014).
14. Ульянова О. А. Советская экономическая система как объект реформирования: 1965 – 1967 гг.: дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 180. URL: <http://www.dissercat.com/content/sovetskaya-ekonomicheskaya-sistema-kak-obekt-reformirovaniya-1965-%E2%80%93-1967-gg> (дата обращения: 27.02.2014).
15. Филиппов А. В. Новейшая история России. 1945 – 2006 гг. М., 2007. URL: <http://economics.kiev.ua/index.php?id=533&view=article> (дата обращения: 21.11.2012).
16. Экономическая реформа Косыгина. URL: <http://www.ftp-culture.ru/worldhartekonomicheskaya-reforma-kosygina> (дата обращения: 6.03.2014).
17. Экономическая реформа 1965 года в СССР: материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономическая_реформа_1965_года_в_СССР (дата обращения: 18.02.2014).

Информация об авторе:

Мишенин Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, s-e-m-57@mail.ru.

Sergey E. Mishenin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 378

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ИДЕЙ КАК ГРАЖДАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Н. И. Морозова, Л. Е. Галаганова

HISTORICAL ASPECTS OF FORMING PATRIOTIC IDEAS AS CIVIC VALUES IN PEDAGOGY SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

N. I. Morozova, L. E. Galaganova

Статья посвящена истории формирования патриотизма как гражданской ценности и задачи вуза по развитию гражданских ценностей у будущих специалистов.

The paper is devoted to forming patriotism as a civic value and to the tasks of Higher Education institutes.

Ключевые слова: гражданские ценности, задачи вуза, патриотизм, возможности системы «вуз».

Keywords: civic mindedness, patriotism, possibilities of the Higher Education system.

Вхождение Российского многонационального и многоконфессионального сообщества в целостную интегративную систему мировой цивилизации выводит к необходимости разработки дефиниции «гражданские ценности» и определению ее сущности, признаков и характеристик как педагогической категории, как составной части социально-исторических, философских, общественно-политических категорий, как методологической, научно-теоретической основы принципиально новой педагогической системы формирования гражданских ценностей студентов высшей профессиональной школы.

Проведенный нами анализ ценностей как общечеловеческой категории в отечественной аксиологии, педагогической науке и педагогической практике позволяет выйти на рассмотрение гражданских ценностей как педагогической категории.

В этой связи считаем уместным рассмотреть данную проблему в следующей логике: гражданская ценность как педагогическая категория; сущность гражданской ценности; характеристика, включающая следующие дефиниции: «ценностно-ориентированное единство», «гражданская компетентность», «гражданские ценности».

Анализируя гражданские ценности как педагогическую категорию на современном этапе социально-демографического состояния общества, мы исходили из общего положения, что гражданские ценности – составная часть ценностей высшего профессионального образования, которые, в свою очередь, являются частью аксиологических ценностей общества вообще.

Анализ научной литературы показывает, что на каждом историческом этапе развития общества в основе понимания сущности образования лежали те или иные ценности. Познание и раскрытие сущности стратегии, целей и задач системы образования через исследование ценностных приоритетов в процессе формирования и развития таковых у студентов являлось необходимыми условиями теоретико-методологического обоснования образовательных концепций и образовательной практики.

Б. С. Гершунский подчеркивает, что в исследование проблем образования «чрезвычайно важно: от их решения зависит понимание сущности ценностей и целей образования, тенденций развития той социальной и природной среды, в которой предстоит функционировать образованию в будущем, реальных возможностей влияния образования на духовные и нравственные приоритеты личности, на ментальное и культурное пространство социума» [1; 6].

Гражданская ценность нами рассматривается как интегративное качество личности, позволяющее человеку ощущать себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным.

К основным элементам гражданской ценности мы относим нравственную, правовую и политическую культуру, выражающуюся в чувстве собственного достоинства, внутренней свободе личности, дисциплинированности, в уважении и доверии к другим гражданам и государственной власти, в способности выполнять свои обязанности, грамотно сочетать патриотические и национальные чувства.

Основная цель – через гражданские ценности формировать в будущем специалиста:

1) нравственные идеалы общества, сопричастность с делами страны и государства, стремление к миру, потребности трудиться для себя и на благо общества;

2) сознание человека с ответственностью выполняющего свой гражданский долг;

3) понимание, что от его действий зависит не только собственная жизнь, но и судьба близких людей, народа и государства;

4) социальное поведение, являющееся существенным условием развития демократического общества.

Основные задачи по реализации данных целей по определению ряда ученых мира:

– «приучение молодежи служить общине» (Г. Кершенштейнер);

– «формирование чувств национального самосознания человека, его любви к Родине» (К. Д. Ушинский);

– «формирование человеческих качеств» (П. П. Блонский) и др. [9, с. 57].

Важнейшее направление процесса формирования гражданских ценностей – это формирование опыта

гражданского действия, позволяющего человеку практически реализовать свои возможности в обществе и во имя общества.

Опыт гражданского действия – это основа успеха. Гражданская ответственность как ценность формируется, когда человек осознает реальные проблемы своей страны и начинает защищать ее интересы.

Система формирования гражданских ценностей включает в себя: комплекс целей – функций, формируемых с учетом возрастных возможностей, степени социализации и усвоения общегражданских и общечеловеческих идей студентами; содержание и пути формирования гражданских ценностей через учебную аудиторную и внеаудиторную формы обучения.

Анализ научной литературы и, в частности, аксиологии показывает, что на каждом историческом этапе развития общества в основе понимания сущности образования лежали те или иные ценности.

Энциклопедическое определение понятия ценность включает следующие дефиниции – «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях [11, с. 1481].

В аксиологии (от греч. аксия – ценность, логис – учение) понятием «ценности» охватываются процессы, явления, предметы, которые обладают положительной значимостью для человека, способствует удовлетворению его потребностей [13, с. 160].

По мнению авторов (А. Г. Здравомыслов, В. Н. Гончаров, В. Н. Филиппов), ценности подразделяются на группы:

– политических (ценность суверенитета государства, независимости и т. д.);

– культурных (верность традициям народа, любовь к родной культуре, языку и т. д.);

– экономических (стремление к экономической независимости);

– политических (патриотическая направленность государственной политики, свой путь развития);

– духовных (любовь к Отечеству, готовность защищать Отечество и т. д.).

Ценностное воспитание – «направление в педагогической теории и практике США, Канады и стран Западной Европы. Возникло в США в 60 – 70-е гг. в связи с распространением явлений контркультуры среди молодежи и интеллигенции, выступавших против ценностей массовой культуры» [4, с. 110 – 114].

Основная цель ценностного воспитания – «не прямая передача воспитанникам общечеловеческого ценностного опыта, а формирование у молодежи способностей к выбору нравственных ценностей, создание нравственных критериев, основанных на гуманистических идеалах» [3, с. 136 – 149].

В качестве методологии ценностного воспитания рассматриваются:

– прагматизм Дж. Дьюи;

- новый экзистенциализм М. Бубера;
- гуманистическая психология К. Роджерса, А. Г. Маслоу;
- когнитивная концепция морального развития И. Кольберга (США);
- эпигенетическая модель личности Э. Х. Эриксона и др.

Теория ценностного воспитания «объединила ряд самостоятельных концепций: «ценностное внушение», «разъяснение ценностей», «ценностный анализ», «ценностная рефлексия», «ценностное действие» и др.». При различной трактовке природы ценностей авторов этих концепций объединяет общая воспитательная цель: «Помочь людям жить в соответствии с ценностями» (Кл. Бек) [2, с. 321 – 357].

Человеку дано право выбора ценностей с учетом его степени социализации, общеобразовательного, профессионального уровня и личной ценностной ориентации.

Анализ специальной литературы показывает, что предметом педагогической науки в течение многих лет развития России была обобщающая ценность – патриотизм. Данная ценность занимала господствующее и доминирующее положение. Она пронизывала всю систему образования, включая и высшую профессиональную школу.

Основные исследования в сфере изучения патриотизма приходится на досоветский период. Они представляют собой в основном позиции по данному поводу известных русских военачальников, публикации методического и практического характера по вопросу воспитания в войсках. Эти исследования не ставили целью научное изучение сущности феномена патриотизма (он считался естественным качеством русского народа и особенно воинства) и разработку педагогической системы воспитания этого качества (М. И. Драгомиров, М. И. Кутузов, Петр I, М. Д. Скобелев, А. В. Суворов). Тем не менее постановка данного вопроса государственными и военными деятелями прошлого, изучение исторической практики досоветского периода по воспитанию патриотизма представляют несомненный интерес для полного понимания закономерностей трансформации системы воспитания патриотизма в России.

Разработке данной проблемы особое внимание уделяли видные деятели российской культуры и науки, педагоги досоветского периода. Их размышления о патриотическом воспитании молодежи восходили к историческому опыту России. Данная проблема поставлена в трудах В. М. Бехтерева, И. А. Ильина, Д. И. Менделеева, А. А. Мусина-Пушкина, А. С. Пушкина, П. И. Новгородцева, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского.

Начало советского периода в педагогической науке и педагогической практике отмечено тем, что наблюдается коренная смена патриотизма как ценности на ценности интернационального, классового характера, которая действовала до 1940 года. Однако, неудачи войск в советско-финской войне, нарастание угрозы войны с фашизмом, тяжелые уроки первого года войны привели к тому, что педагогическая наука была вынуждена обратиться к исторической памяти и чувству патриотизма народа. Выбор

оказался верным – советская армия войну закончила в Берлине. 40-е – 50-е годы стали временем, когда делалась попытка научно осмыслить феномен патриотизма, разработать теорию его формирования и методику воспитания.

В порядке подтверждения приведем определения ключевых понятий, составляющих основу патриотических ценностей: «патриотизм» – любовь к родине, «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств», «социалистический патриотизм» органически связан с интернационализмом и противоположен буржуазному национализму, а также космополитизму [6, с. 328 – 329].

Патриотизм порождается не таинственным «национальным духом» или «расовой душой», как это утверждают буржуазные социологи, а «определенными социально экономическими условиями». Это явление историческое. Как элемент общественного сознания патриотизм приобрел особое значение в эпоху поднимающегося капитализма в связи с образованием наций и национальных государств. Однако по мере дальнейшего развития и обострения антагонизма классов все более обнаруживался противоречивый характер патриотизма в обществе, основанном на эксплуатации. Буржуазия выше интересов своего отечества ставит прибыль и охрану своего союза капиталистов всех стран против трудящихся [5, с. 328 – 329].

Подлинным выразителем национального интереса может быть только тот класс, который связан с прогрессивными тенденциями развития общества.

В источниках советского периода признается существование двух основных видов патриотизма – буржуазного и социалистического, а также разновидности социалистического – советского патриотизма.

В 60-е – 80-е годы интерес к теме патриотизма был искусственно снижен, а патриотическое воспитание слито со своим антиподом – интернациональным.

Произошедшие в 90-х годах XX столетия перемены показали, что классификация патриотизма была искусственной. В настоящее время в России нет социализма, ликвидирован советский строй, но патриотизм как явление и феномен духовной жизни сохранил свои позиции.

Как показывают исследования, в разные периоды в различных группах населения патриотами себя считали до 20 – 25 % граждан, а сейчас объективно сохраняется патриотическая идеология, о чем свидетельствует статистика институтов социологии, т. к. последние цифры – более 80 % населения одобряют сегодняшние политические действия президента и правительства. Об этом же свидетельствует тот факт, что в трудные для страны периоды нарастает количество актов патриотического поведения людей. Следовательно, патриотизм – это не просто «чувство», «преданность идеалам социализма» или «деятельность, направленная на служение интересам своего Отечества». Это более сложное, устойчивое и многоплановое социальное явление, сущность которого в существующей научной литературе глубоко не раскрыта. Мы полагаем, что причина не раскры-

тия сущности этого феномена кроется в недооценке личностных качеств – гражданственности, гражданства, гражданских ценностей россиянина. Гражданские ценности первооснова всего: патриотизма, любви к Отечеству, преданности России и т. д.

Идея развивающего (гуманистического) подхода, реализуемого в социально-экономической практике управления государством, состоит в том, что человек ценен сам по себе и зависит только от тех государственных идей, которые интериорезуются и существуют в его личном опыте. Эти идеи заложены в сознание человека как всеобщая идея человеческого существования. Но они осознаются или не осознаются, т. е. становятся руководством в жизни по мере их востребования. Суть этой идеи, раскрытой Сократом, определяется тем, что знание приобретает значение для человека только тогда, когда он сам постигает его смысл и устанавливает связь этого знания с самим собой – своим опытом, личными переживаниями, значением для себя и т. д. Человек образуется не благодаря внешним условиям, которые оказывают некоторое влияние, но в основном благодаря своим внутренним (субъективным) возможностям, способностям и интересам.

Главная субъектная возможность – сознание, в котором изначально заложены все личностные идеи. Они определяют позитивный или негативный смысл, который человек придает общим идеалам и ценностям. Идеи саморазвития, самосовершенствования человека, приобретения им новых знаний, способностей, опыта и т. д. исходят из общей идеи приоритета сознания как носителя духовности над бытием.

Одной из важнейших гуманистических идей, определивших смысл педагогики личности, является идея о том, что человек самостоятелен, независим, свободен по своей природной сущности, только проявляя, самореализуя свое предназначение в осмысленной деятельности, устремляясь к общечеловеческому идеалу, человек приобретает возможность быть счастливым.

Марксистская этика пренебрегает понятием добродетели. Она исходит из того, что причиной появления представлений о ней является не отдельный человек, а общество. Моральные качества объясняются не столько личными особенностями каждого, сколько действием объективных законов каждой общественно-экономической формации. Соответственно снижается ценность отдельной личности для полноценности обобщенных человеческих масс. Таким образом, соблазны решения общих проблем как средства установления земного счастья каждого привели к порокам выравнивания и усреднения личности. С одной стороны, это противоречило христианской этике, обращавшейся к истинным ценностям личности. С другой – позволило возвести пороки в ранг добродетели.

Отвергнутая марксизмом религиозная мораль обернулась необходимостью создавать новую систему ценностей. Она опиралась на объяснение явлений, в том числе и образовательных, с позиций естественнонаучного подхода. Объяснению, предпринятому с марксистских позиций, свойственно абсолютное, непререкаемое, а поэтому закрытое и конечное навязывание неких устоявшихся систем убе-

ждений. Поскольку убеждения составляют основу мировоззрения, то для образования считалось достаточным обучение ценностям, а не создание условий для их понимания и реализации.

В зависимости от того, какие ценности предлагают обучение, воспитание и развитие, определяется цель и смысл системы образования вообще и высшего профессионального образования, в частности.

Воспитание – это обучение принципам и правилам жизни. В этой связи мы полагаем, что в эту функцию воспитания через обучение входит и передача опыта социального и профессионального поведения, и формирование необходимых (с позиций уровня общественной культуры) качеств, свойств, привычек личности, и развитие ее способностей (нравственных – умений различать добро и зло; творческих – умений проявлять свои задатки и способности: физических, музыкальных, театральных и т. д.), и решение частных воспитательных задач (воспитание общественной активности, убежденности, коллективизма) и т. д.

Таким образом, возникает основная проблема ценностного подхода к воспитанию через обучение – проблема личности, соответствующей не только мировой, но и национальной культурной традиции.

С одной стороны, мы видим, что «кончился первый этап переходного периода, но общество остается разрозненным, несмотря на то, что произошла ценностная унификация». И как результат:

1. Элита образовала субэтнос. Базовые ценности элиты противоречат базовым ценностям самого народа. Логика событий может привести к тому, что сформируется власть, которая будет иметь внутренний язык, а вторая половина общества будет работать за пределами внутреннего языка.

2. Проблема безопасности как базовая ценность общества не была решена.

3. Проблема – не просто жить, а жить полноценно как позитивная ценность в стадии осмысления для решения.

4. Здоровье населения страны и зависимость его от уровня профессиональной подготовки, морали, духовности, гражданственности специалистов в области медицины, оставалось проблемой.

5. Демократия, демография и проблемы семьи не только не разрешались, но и углублялись.

6. Факт, что год от года тезис «Россия для русских» неуклонно собирал все больше сторонников, настораживал. Это порождало феномен региональной идентичности.

7. Вопросы исследования – есть ли российская гражданская нация, есть ли ощущение себя гражданами, сопричастными общим идеям – получали отрицательный ответ.

8. Возникновение вопроса о стабилизации. Действительно, есть ощущение, что наступила некая стабилизация, но вопрос качества стабилизации не обсуждался.

9. Тенденции формирования гражданского общества пробиваются с огромным трудом, т. к. они все время встречают противодействие.

10. Традиционное общество с трудом переходило в другое качество.

11. Элита утратила стратегическую перспективу развития социально-экономических тенденций. Стратегической перспективы не было ни у общества, ни у элиты. Бесспорно, это возникло с 80-х гг. XX в.

В 90-х годах на волне деидеологизации широким фронтом утверждается тенденция принижения роли ранее жизнеутверждающих ценностей в жизни общества и его институтов. Отсутствие ценностных компонентов подготовки кадров высшей квалификации на государственном уровне резко снизило коэффициент результативности работы высшей школы.

Педагогика формирования ценностных качеств личности в соответствии с требованиями общества потеряла свою значимость, а педагогика формирования нового общества специалистами с новыми ценностями личностных качеств, в частности, гражданских ценностей, еще не приобрела эту потерянную значимость. В этой связи полностью разделяем точку зрения Г. Спенсера о том, что «Общество создается составляющими его единицами и что его природа определяется природой последних. И особи, и общество действуют друг на друга, но все-таки первичным является характер особей, а производным – характер общества» [12, с. 227].

Возникла острая необходимость процесса реанимации российского общества и естественно специалистов высшей квалификации: руководителей, чиновников, менеджеров и т. д. – на новой научной основе – гражданских ценностях с учетом сложившейся социально-демографической ситуации в России. Смысл данной реанимации мы видим в том, чтобы в процессе «совершенствования человека видеть не средство благополучия общества, а цель общественной жизни, когда самого индивида мыслят не «ведомым», «управляемым», а творцом самого себя, своих обстоятельств» [8, с. 64 – 85].

Педагогическая наука и педагогическая практика, ориентируя выпускников общеобразовательной и высшей профессиональной школы, сосредоточена на формировании качеств, желанных и ожидаемых в связи с заказами работодателей (послушность, безропотное подчинение); конкурентоспособность при поступлении в высшую школу и конкурентность при трудоустройстве по окончании вуза; на развитие личностных качеств – самости, и как ценностей: саморазвитие, самосовершенствование, самообучение, самовоспитание, самопознание, самооценивание, самонаблюдение, самоконтроль, самоприказ, самоподкрепление, самоутверждение, самопринуждение, самопоощрение, самоограничение, самонаблюдение, самосравнение, самоубеждение, самовнушение, самоисповедание, самостимулирование, самоодобрение, самонаказание.

Все это наводит нас на мысль, что педагогическая наука и практика находилась в состоянии заторможенности в осознании и осмыслении своего места и своей роли на данном этапе развития общества. Мы понимаем, что нам могут возразить, ссылаясь на ряд ценнейших нормативно-правовых актов – документов, принятых по модернизации и реформированию системы образования. Бесспорно, все это правильно, но эти документы были направлены на совершенствование лишь организационно-правовой основы системы образования.

В последнее время понятие в гуманистической педагогике все больше приобретает значение жизнетворчества. Образцы и нормы культурной, достойной жизни воплощены в ценностях: человек, культура, социум. Соответственно им, жизнетворчество разворачивается как творение человеком себя, создание мира человека, как культурное творчество, как улучшение, культурное преобразование социума.

Это означает реализацию в воспитательно-образовательном процессе следующих идей:

- воспитание безопасной личности, т. е. личности, неспособной причинять вред ни людям, ни природе, ни самой себе;

- воспитание языковой личности, владеющей родным языком и языками мира, способной к диалогу, обмену смыслами, бережному и трепетному отношению к слову, любящей и берегущей родной язык.

А это уже воспитание гражданина и «государственного человека», т. е. человека, способного быть участником и организатором сложных общественных, социальных, экономических процессов и структур государственного, регионального, городского управления, человека, думающего о сохранении целостного Российского государства.

В этой связи считаем, что совершенно прав Д. С. Лихачев, призывающий относить к числу исторически сложившихся черт русского национального характера преданность идее свободы личности и стремление во всем доходить до крайности, до пределов возможного. Мы согласны, что это определяющим образом влияет на историческое бытие нации, способствует проявлению каждого россиянина как субъекта исторического процесса [7, с. 6]. Обзор ценностей мы считаем незаконченным, и их перечень, бесспорно, может быть шире.

Мы полагаем, что пришло время понимания важности, необходимости и значимости целенаправленного (в рамках воспитательно-образовательного процесса) формирования у студентов гражданских ценностей как составной части профессиональной компетентности.

Мы убеждены, что формирование специалиста – выпускника высшей профессиональной школы, организатора производства – невозможно без соответствующей системы личностных ценностей: понимания смысла жизни, формирования культурных потребностей, нравственных идеалов, развития творческих способностей, нравственного самовоспитания и т. п.

Бесспорно, высшая профессиональная школа – не единственный фактор формирования гражданских ценностей, но ее роль возрастает в условиях глубокого социально-экономических перемен в жизни страны, все понимают, что нужно стабильное общество, где качество жизни является единственным показателем его стабильности, где функционируют устоявшиеся институты, где сложилась признаваемая большинством общества система ценностей, включая семейные; где долговременной тенденцией является сохранение гражданского мира, где толерантность, партнерство, солидарность, стремление к консенсусу на всех уровнях постоянно доминируют.

Гражданские ценности – это система фундаментальных ценностей, потребностей общества, и требуется деятельность человека как личности для их реализации. Системой фундаментальных ценностей не только интегрируют личностные, гражданские качества будущего специалиста, но и прививают ему

определенные профессионально и социально значимые потребности и интересы.

Общий результат работы вуза по формированию гражданских ценностей – формирование современного специалиста, готового к пролонгированному профессиональному росту, гражданина и патриота своей страны.

Литература

1. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. М.: Пед. об-во, 2003.
2. Гончаров В. Н., Филиппов В. Н. Россия, Ленин и современный мир. Барнаул, 1996.
3. Гончаров В. Н., Филиппов В. Н. Философия образования в условиях духовного возрождения России. Барнаул: БГПУ, 1994.
4. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Наука, 1996.
5. Ленин В. И. Т. 36.
6. Ленин В. И. Т. 37.
7. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.
8. Малькова З. А., Новикова Л. Н. и др. Концепция воспитания учащейся молодежи // Опыт разработки концепции воспитания. Ч. 1. Ростов н/Д., 1993.
9. Педагогика: большая современная энциклопедия / Сост. Е. С. Рапацевич. Мн.: Соврем. слово, 2005.
10. Педагогический энциклопедический словарь. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. С. 315
11. Советский энциклопедический словарь Научно-редакционный совет под председательством А. М. Прохорова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1981.
12. Спенсер Г. Автобиография. Избр. соч. в 2-х т. Т. 2. СПб., 1914.
13. Супрун В. П. Ценности и социальная диалектика // Наука и ценности. Новосибирск: Наука. 1987.

Информация об авторах:

Морозова Надежда Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ, 8-903-071-16-55.

Nadezhda I. Morozova – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Social Work and Social Sphere Management, Kemerovo State University.

Галаганова Людмила Егоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, lexis@kemsu.ru.

Lyudmila E. Galaganova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТ «РУССКАЯ ЖЕНЩИНА XXI ВЕКА»

Ю. Н. Точилина

CONCEPT «RUSSIAN WOMAN OF THE 21ST CENTURY»

Yu. N. Tochilina

В статье рассматривается один из значимых концептов современной русской языковой картины мира – РУССКАЯ ЖЕНЩИНА – и выделяются некоторые признаки данного концепта.

The paper focuses on one of the significant concepts of the modern Russian linguistic world-image – RUSSIAN WOMAN; some characteristics of this concept are described.

Ключевые слова: концепт, Россия, русская женщина, женщина, стереотип.

Keywords: concept, Russia, Russian woman, woman, stereotype.

Изучая такой макроконцепт русской языковой картины мира, как РОССИЯ, большое внимание следует уделять концептам, представляющим образы жителей страны, а именно РУССКИЕ, РУССКАЯ ЖЕНЩИНА, РУССКИЙ МУЖЧИНА и др., так как страна – это, прежде всего, люди, которые ее насе-

ляют. Данная статья посвящена представлению способов вербализации бинарного концепта РУССКАЯ ЖЕНЩИНА, а также описанию некоторых фрагментов характера русской женщины, выделенных на основе изучения сложившихся автостереотипов о русских женщинах XXI века. Объектом исследова-

ния является концепт РУССКАЯ ЖЕНЩИНА в русской лингвокультуре. Предметом служат вербальные актуализации данного концепта.

О концепте ЖЕНЩИНА в русской лингвокультуре написано большое количество работ. Данной проблемой занимаются Л. В. Адонина, Лю Бо, А. Г. Апухтина, О. А. Чибышева, А. В. Кирилина и др.

В рамках Кемеровской школы концептуальных исследований концепт, вслед за М. В. Пименовой, рассматривается как «совокупность признаков, представляющих фрагмент мира или часть такого фрагмента» [13, с. 130 – 135]. В основе концепта лежит понятие, так как именно оно является носителем лексического значения слова, которым обозначается данный концепт. На основе понятия образуется ряд дифференциальных признаков – образов, представлений, моделей и т. д. Концепты могут находить реализацию на уровне различных семиотических систем. Вместе с тем именно при помощи естественного человеческого языка концепт, приобретая значимость на коммуникативном уровне, получает статус определенного явления культуры, которое может оцениваться, передаваться последующим поколениям и т. п. Концепт выступает как ментально-лингвальная единица, находящая выражение в языке посредством целого конгломерата значений. Понятийная сторона концепта, репрезентируемая вербальными средствами коммуникации, выражает степень значимости данной реалии для общепринятого образа жизни в данной культуре. Образная сторона концепта свидетельствует о глубоком его проникновении в сознание носителя языка. Исследуя разные аспекты концепта, можно раскрыть его ценностную сторону и понять внутреннюю организацию мировосприятия народа, его идеалы и культурные ценности.

Как отмечает М. В. Пименова «концептуальная структура формируется шестью классами признаков: *мотивирующим признаком* слова-репрезентанта концепта (иногда в словаре может быть указано несколько мотивирующих признаков, это зависит от истории слова, когда первичный признак уже забыт и не воссоздается), *образными признаками* (выявленными через сочетаемостные свойства слова-репрезентанта концепта), *понятийными признаками*, объективированными в виде семантических компонентов слова-репрезентанта концепта, а также синонимами, *ценностными признаками* (актуализируемыми как в виде коннотаций, так и в сочетаниях со словом-репрезентантом концепта), *функциональными признаками* (отображающими функциональную значимость референта, скрывающегося за концептом), *символическими признаками* – выражающими сложные мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закрепленные за словом-репрезентантом концепта» [14, с. 68].

Под мотивирующим признаком М. В. Пименова понимает такой признак, «который послужил основанием для именованного некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова. В зависимости от времени появления слова в языке у соответствующего концепта может быть несколько мотивирующих признаков» [14, с. 115].

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» Г. П. Цыганенко «женщина см. жена. Жена «супруга». Древнее славянское слово. Имеет соответствия в других и.-е. языках. Общеславянское *же-на* (*žena) «жена» восходит к и.-е. *gēna «женщина», собств. «рождающая», «продолжающая род», откуда современное «замужняя женщина». Корень слова *gēn- «рождать». На славянской почве звук g перед гласным переднего ряда e изменился в ж. В других и.-е. языках этому слову соответствуют: др.-инд. *gnā* «богиня», *jānis* «женщина»; др.-в.-нем. *quēna* «женщина»; англ. *queen* «королева» и «матка» (у пчел); греч. *genos* «происхождение», «род». Со словом *же-на* этимологически связано существительное *женщина* «лицо женского пола», отмеченное в русских памятниках с XVI в. Оно образовано от исчезнувшего субстантивированного прилагательного *женска* «женство», из корня жен- (жена) и суффикс -ск- в собирательном значении (ср. воин-войско). К основе женск- присоединен суффикс единичности -ин-, перед которым сочетание звуков ск изменилось в щ. От *женскъ* полная форма прилагательного *женский* «свойственный женщинам, предназначенный для женщин» [22, с. 129].

«Под понятийными понимаются признаки концепта, актуализированные в словарных значениях лексемы-репрезентанта концепта – в виде семантических компонентов (сем)» [14, с. 116]. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова находим следующее определение: «женщина – 1. Лицо, противоположное мужчине по полу. 2. Взрослая, в отличие от девочки, девушки» [11, с. 244]. «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова дает более уточняющее определение «женщина – 1. Лицо, противоположное по полу мужчине. *Молодая ж. Ж. средних лет. Замужняя ж.* // Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т. п.). *Превращение ребенка в женщину. Выросла и превратилась в красивую женщину. В неловких движениях девочки встала угадывается будущая ж.* 2. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. *Стать женщиной. Она девушка или уже ж.?*» [3].

Согласно электронному «Словарю русских синонимов» частота употребления слова «женщина» составляет 104071 раз на ≈ 300 млн слов [19]. Помимо лексемы женщина концепт ЖЕНЩИНА может иметь и другие репрезентанты концепта. Онлайн-версия «Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова предлагает следующие синонимы лексемы женщина, которые могут быть репрезентантами рассматриваемого концепта: «девочка, подросток, девушка, отроковица, юница, девица, дева, барышня, дама, матрона, старуха, баба. Особа женского пола... Для образования женского рода от существительных служат суффиксы: 1) -ица: учительница, ученица, жилица, мастерица, царица; 2) -ка: хозяйка, землячка, студентка...; 3) -иха, -уха: повариха, портниха, трусиха, стряпуха...; 4) -унья: вешунья, лгунья, болтуныя...; 5) -иня: монахиня, монархиня, графиня; 6) -са: поэтесса, директриса (однако: императрица)» [3].

Анализ «Словаря синонимов русского языка» З. Е. Александровой [1, с. 121] позволил выделить

еще ряд синонимов лексемы женщина: *дамочка* (разг.), *особа* (неодобр.), *тетя*, *тетенька* (разг. и детск.), *тетка* (прост.), *бабенка* (прост. пренебр.), *бабеч*, *бабенция* (груб.-прост.), *фемина*, *дочь Евы* (книжн. шутил.), *жена* (устар.), *мадама* (устар. разг.), *жёнка* (устар. прост.). Обо всех: *женская половина человечества, женский пол, слабый (нежный, прекрасный) пол, дамское (женское, бабье) сословие* (шутил.), *бабё*. Синонимы лексемы *жена* [1, с. 120]: *супруга, благоверная, законная, половина, законная (дражайшая) половина* (разг. шутил.), *жёнка, жинка, хозяйка, подруга (спутница) жизни* (высок.), *супружница* (устар. прост.), *моя* (прост.) (в речи от первого лица). У лексемы *девушка* в 1 значении автор выделяет также следующие синонимы – *молодая особа, девчонка* (разг.), *дивчина, девахы, девка* (прост.), *мамзель* (устар. прост.), *дэвица* (устар. и народно-поэтич.). Обо всех – *девчата*. [1, с. 101]. *Девочка – девчурка, девчушка* (разг. ласк.) [1, с. 101]. *Старуха – старая женщина, старая, старушка, бабушка* (разг.), *бабуля, бабуся* (разг. ласк.), *старушонка, старушенция* (разг. пренебр.), *бабка* (прост.), *(старая) хрычовка, старая переночка, старая кочерыжка, грывза, (старая) карга* (прост. пренебр.), *божий одуванчик* (устар. шутил.), *старая ведьма* (прост. о злой), *развалина* (пренебр. об очень дряхлой), *руина* (книжн. пренебр.) [1, с. 482]. Родственные отношения могут быть представлены лексемами *дочь, мать, теща, свекровь, сестра, золовка, свояченица, падчерица, кузина* и др.

В продолжение рассмотрения признаков концепта ЖЕНЩИНА обратимся к «Сравнительному словарю мифологической символики в индоевропейских языках» М. М. Маковского и выделим ряд символических признаков. Женщина может выступать как олицетворение судьбы, так, др.-русс. *кобь* «судьба» (ср. польск. *kobieta* «женщина»). «В антропоморфной модели Вселенной женщина приравнивалась к Бездне»: ср. англ. *girl* «девушка», но русск. *жерло*, др.-англ. *ðir* «девушка», но русск. *дыра*. Понятие женщины уравнивалось также и с небом. Сравним соотношение женщина – звезда: и.-е. *ken(d)* «женщина» (ср. др.-англ. *swen* «женщина»), но русск. *звезда*. Женщина рассматривается также как символ нижнего мира, греховности и зла: латыш. *terga* «девушка», но русск. *мерзкий*. «Женщина приравнивается к числу «два» – символ всего земного, тленного, злого». Женщина – символ тьмы, мужчина – символ света: лат. *femina* «женщина», но русск. *темный*, англ. *hoefer* «человек, мужчина», но нем. *hell* «светлый» (вторая часть этого слова соотносится с русск. диал. *луд* «ослепительный свет») (подробно см. [7, с. 146 – 147]).

«Образные признаки концепта – это признаки, служащие образованию концептуальных метафор. Концептуальная метафора – это способ думать об одной части мира через призму другой» [14, с. 118]. Метафора концептуальная не является равнозначной языковой метафоре. Концептуальные метафоры могут выражаться не только языковыми формами, но и жестами, и культурными обычаями. «Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в

нашей памяти, это релевантные признаки практического знания» [5, с. 10].

В «Словаре поэтических образов» рассмотрены такие репрезентанты концепта ЖЕНЩИНА, как женщина, девушка, девица, жена, молодница, невеста, баба, выделены образные признаки этого концепта, отражающие отношение к женщине в русской языковой картине мира. Так, признак «женщина – другое существо» представлен частотным признаком «женщина-птица». Положительные коннотации связаны с образами лебедя (*Ходит плавно, будто лебедушка* (М. Ю. Лермонтов)), голубя (*Сама бела, нежна – как голубица* (А. С. Пушкин)), воробья (*Как просыпался я – и на моей / Руке дремала ты, как воробей* (А. С. Кушнер)), отрицательные – курицы (*Она всплескивает руками, огрызается и кудахчет, как курица* (А. П. Чехов)), коршуна (*Ты кроткою голубкой не прильнула / К моей груди, но коршуном когтила* (А. А. Ахматова)), филина (*Свекровь лихая – филин избяной, / Чтоб очи выклевать невестке молодой* (Н. А. Клюев)), вороны (*Правда, с виду она походила на лысеющую ворону...* (И. Г. Эренбург)) и др. «Женщина – божество или мифическое существо»: ангел, ангел во плоти, бог, богиня, русалка, демон, черт, кикимора и др. «Женщина – сладкое»: *цербет, мармелад, конфета, шоколадка*. Большой интерес представляет бинарная оппозиция «мужчина – женщина», затронутая в данном словаре. Например, «Мужчина и женщина – хищник и жертва»: *И ночь, когда голубку нашу / Ты, старый коршун, заклевал!..* (А. С. Пушкин); *Жаден я был до женщин, как паук до мух* (А. П. Чехов). «Мужчина и женщина – художник и картина»: *Вся – набросок! / Жизнь, пошли художника ей* (А. А. Вознесенский). «Мужчина и женщина – человек и тень»: *Девушка, что тень: ты за нею, она от тебя; ты от нее: она за тобой* (более подробно см. [12, с. 64 – 92]).

В любом обществе существуют определенные нормы поведения, согласно которым женщинам и мужчинам предписываются определенные общественные роли. Модели поведения основаны на биологических различиях между полами, а также в большей степени на существующих культурных и социальных стереотипах. Происходит четкое разделение и закрепление определенных стандартов поведения и обязанностей за женщинами и мужчинами.

Гендерная система большинства культур опирается на ментальные и социальные стереотипы, согласно которым мужчины играют первостепенную роль, а роль женщины сводится к обслуживанию мужчин и продолжению рода. Русская культура отличается от западной тем, что женщина сумела сохранить свое мироощущение, отстоять свое право голоса.

Концепт РУССКАЯ ЖЕНЩИНА, безусловно, вбирает в себя большую часть признаков концепта ЖЕНЩИНА в русской языковой картине мира, и представлен всеми выделенными выше его словами-репрезентантами, но в данной статье акцент специально делается на первый компонент выделенного концепта – «русская», дабы проследить отличие наших соотечественниц, например, от немок, американок и представительниц других государств.

Попытаемся нарисовать образ современной русской женщины, сложившийся в представлении россиян. Конечно, это будет собирательный образ, поскольку, как известно, из каждого правила бывают свои исключения, но проанализировав различные научные статьи, посвященные данной проблеме, статьи в СМИ, произведения художественной литературы, русскую поэзию, различные интернет форумы, статусы в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники.ru» и добавив к этому собственные наблюдения и результаты проведенного опроса, можем описать наиболее типичные черты в образе русских женщин XXI века и выделить образные признаки концепта РУССКАЯ ЖЕНЩИНА XXI ВЕКА.

Культурные стереотипы о русских женщинах могут являться частью или структурным элементом исследуемого концепта. Они служат своего рода «преддверием» концепта, так как концепт – понятие более широкое, включающее в себя энциклопедические знания; проявляется в свободных ассоциациях, в том числе и предсказуемых. Стереотип же «более «ограничен», так как представляет собой ментальный образ-представление и его вербальную оболочку; в процессе «рождения» переживает определенную минимизацию, проявляется в предсказуемых ассоциациях (в этом смысле сближается с прототипными феноменами)» [6, с. 186].

Безусловно, на становление концепта РУССКАЯ ЖЕНЩИНА XXI ВЕКА повлиял весь ход нашей российской истории, начиная от ее истоков. Описывая древних славян, Н. М. Карамзин в «Истории государства российского» пишет: «Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за свякую для себя обязанность быть верными супругам. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благотельным учением христианской веры, введено было славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств: осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею! Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае безответными; не позволяли им не противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужья обыкновенно покупали их.... Удаленные от дел народных, славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти.... К описанию общего характера славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах славян российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался свякою обязанностью между ними; мир и целомудрие господствовали в семействах...» [4, с. 35 – 36]. Таким образом, с самых древних времен женщине были присущи такие качества, как терпение, мужество, кротость, стыдливость, целомудрие.

Главенствующая долгое время роль мужчины в обществе отразилась и в том, что соотношение русских женских и мужских личных имен было во все времена непропорциональным количеству мужского и женского населения. В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова мужских имен 5330, а женских – 47. В церковных святцах – 871 и 227 [20]. Это объясняется тем, что на протяжении тысячелетий женщине отводилась роль хранительницы семейного очага, в то время как мужчина был главой семьи, ее представителем перед общиной, заключал торговые сделки, участвовал в военных походах, и не было поэтому социальной необходимости в большом количестве женских имен. «Женщина в России в давние времена редко имела личное имя. Как правило, замужняя женщина именовалась через имя мужа, девушка – через имя отца. Иногда имя отца упоминалось по отношению к замужней женщине. Вспомним, например, Ярославну. К XIX в. формулы именования женщины и мужчины становятся одинаково трехчленными (имя, отчество, фамилия), что косвенно свидетельствует о постепенной эволюции статуса женщины» [8, с. 140]. За последнее столетие положение и роль женщины в обществе изменились, и однообразие имен в больших коллективах стало особенно ощутимо. Основными источниками пополнения коллекции женских имен стали:

1) образования женских имен от мужских. В XX веке в обиход активно вошли такие имена, как Адриана, Аркадия, Валерия, Виктория, Виталия, Зенона, Ираклия, Леонтия, Павлина, Руслана и др. Как отмечает Б. Ю. Хигир, «женские имена, произошедшие от мужских, программируют у девочек сложный характер. Они настойчивы и упрямы в достижении своих целей, однако часто бывают лишены чисто женской пронзительности и интуиции» [21, с. 24];

2) сохранение старинных русских имен: Акулина, Афанасия, Евстолия, Ефимия, Матрена, Павла, Федора, Мавра, Севастьяна, Феврония, Юлитта и др.;

3) привлечение имен других народов. Православная церковь не разрешала давать иностранные имена русским детям, поэтому иностранные имена вошли в широкий обиход только после отделения церкви от государства, когда давать имя ребенку стало делом родителей. Наиболее подходящими для интеграции в русские списки имен стали имена с привычными для нас ударениями и окончаниями на «а» и «ия». Появились имена: Алиса, Амалия, Берта, Зарема, Зарина, Земфира, Изольда, Илона, Ирма, Каролина, Лаура, Розалия, Тамила, Тереза, Элина, Эльвира, Эльза, Эмма, Ядвига и др.;

4) народное творчество, появление имен связанных с новыми реалиями жизни: Аврора, Искра, Лениана, Ноябрьна, Ревмира;

5) имена героев греческой и римской мифологии. Часть имен пришла к нам в X веке вместе с христианской религией: Ариадна, Ефросинья, Елена, Клеопатра, Лариса, Муза и др. Вошли в обиход и другие имена их мифологии: Аглая, Диана, Инга, Афродита, Венера, Эвридика, Флора, Юнона и др.

Несмотря на то, что роль мужчины в русском обществе всегда была велика, русская духовность

отличается от восточной или европейской. «Русская духовность очень «женская» – настоящее милосердие и всепрощение всегда жили здесь. Другая интересная тема – русское Православие. Со времен установления Христианства, русские тяготели к поклонению Богородице даже больше, чем самому Христу. Мотив обожествления Матери широко распространен в русской культуре. Женское начало имеет огромное значение в формировании общества – оно учит уважать женщину как духовное существо» [15]. На христианском Западе женщина никогда не рассматривалась как прекрасное создание Бога. Священники столетиями проповедовали женщину как зло на пути мужчины. Это неуважительное отношение к женственности привело к тому, что миллионы западных женщин в отчаянной жажде любви и поклонения стали сторонницами феминистического движения в XX – XXI вв. Это не коснулось русской женщины – она сохранила свою физическую, эмоциональную, интеллектуальную и духовную суть. «Мы рады, когда нам уступают место в метро, платят в ресторане и защищают – борющиеся за равенство иностранные барышни считают это признаком слабости, дискриминации, а нам приятно оставаться в этом, может и несовременном, с точки зрения запада, беззащитном состоянии» [16].

Хорошее определение понятия «образ русской женщины» содержится, на наш взгляд, в свободной русской энциклопедии «Традиция» [10]: «собирательный и отчасти идеализированный образ представительницы женщин России, сформированный русской культурой, трансформированный во времени, воспетый в художественных произведениях русских литераторов стихами и прозой, воплощенный в скульптуре и названиях астрономических объектов. Терпение, нежность, верность, трудолюбие, целомудрие, любовь, грусть и тепло тонкой и чувствительной души, сосредоточенные в этом образе вот уже значительный период времени, не оставляют равнодушными к себе сердце и разум деятелей искусства и вообще всех, кто ценит и видит абсолютные качества женщины, и прежде всего русской женщины».

Обратимся к стереотипным представлениям о русской женщине, являющимися частью заявленного концепта. К антропоморфным интерперсональным признакам концепта РУССКАЯ ЖЕНЩИНА можно отнести «общительность». Русские женщины общительны, у них обычно много подруг, с которыми они часто видятся, чтобы обсудить последние новости, жизненные проблемы, поделиться секретами, получить совет. Им сложно обходиться без телефона. Они могут проводить время, часами «висеть на телефоне».

Положительные качества русских женщин связываются в русском сознании исключительно с культурным концептом «женщина – мать». Русские женщины – хорошие жены и матери, они умеют отлично готовить, в их доме царит порядок и чистота. Одной из важнейших черт характера русской женщины является постоянное стремление кого-то опекать, о ком-то заботиться, кого-то накормить. «Такие женщины даже считают, что если им не о ком заботиться, то и нет смысла делать что-то для

себя» [9]. Женское начало ассоциируется с созданием, тяжелым трудом, с теплотой материнской заботы. Женская картина мира отпечатавалась во многих пословицах и поговорках, которые свидетельствуют о большой гендерной роли женщин и их значимости. Гендерные роли часто обладают положительными характеристиками. Так, о роли женщины как матери свидетельствуют следующие поговорки: *от солнышка тепло, от матушки добро; нет лучшего друга, чем родная матушка*.

Характер русских женщин отличается своей силой. Он порой сильнее мужского. Самое часто цитируемое и любимое народом описание настоящей русской женщины: «Коня на скаку остановит, / В горящую избу войдет...» – из знаменитого стихотворения Н. А. Некрасова (1821 – 1877) «Есть женщины в русских селеньях» [15]. Сила характера русской женщины заключена «в терпении, в умении прощать, в борьбе за выживание себя и своих семей, в том, чтобы оставаться красивыми, несмотря на все тяготы жизни» [15]. «Ориентир большинства русских представительниц прекрасного пола – домашний очаг, счастливая семья, и мужчины это чувствуют. Хотя в последнее время и появляется все больше и больше карьеристок, основная часть все еще готова жертвовать блестящими перспективами ради мужа, ради ребенка. Где еще встретится подобное чудо – красавица, умница, хозяйка хорошая, и готовая почти все отдать за личное счастье?» [16].

«Русские женщины могут быть очень отчаянными, сумасбродными и непредсказуемыми. Русские женщины морально сильны, но несмотря на это они хотят чувствовать себя маленькими беззащитными девочками, которых защищают сильные мужчины» [9]. Больше всего сила русских женщин проявляется в том, что они показывают свою слабость, особенно в отношении с мужчинами. «Будучи способными на огромную силу в одних ситуациях, они будут абсолютно слабыми в других. В этом есть некая игра – игра со сменой ролей, которые они знают и исполняют гениально» [15]. В русских женщинах много благородства, любви, отчаяния, силы и воли.

Русские женщины очень выносливы. «Кто еще сможет после тяжелого дня, проработав наравне с мужем, приготовить полноценный домашний ужин» [16]. Ангелина Безменова в личном блоге пишет: «Русские женщины обладают великой силой выносливости и терпения. Они терпят тупое пьянство своих мужчин – которым те порой даже гордятся. Они терпят побои пьяных мужей. Они терпят это долго, многие – всю жизнь.... Россия – «женская» страна согласно научным исследованиям межкультурной коммуникации. Это подразумевает систему ценностей, преобладающих в обществе. Так называемые «мужские» качества – это соревновательность, оценочность, амбициозность и накопительство материального богатства. Тогда как «женские» культуры на первое место ставят отношения между людьми и качество жизни. Это многое объясняет в России – почему русские женщины так заботливы, почему они поддерживают мужчин, почему они добры и почему у них так развиты материнские инстинкты» [15].

Русские женщины отличаются «красотой»: *Русские женщины очень красивые, пожалуй, самые красивые в мире, и это не подлежит сомнению.* (Заозерская Анжелика. Люк Бессон: «Свою принцессу я пока не встретил или уже потерял» // Труд-7, 2009.03.18). *Русские женщины красивы и следят за собой!* (Юлия Смирнова. 4 варианта зимнего SPA-отпуска // Комсомольская правда, 2007.12.19). *Тогда как русские женщины сводили и сводят с ума всех мужчин мира* (Ни мира, ни войны // Труд-7, 2007.11.08). *Но вот парадокс: хотя русские женщины заслуженно славятся во всем мире красотой, обаянием и хозяйственностью, именно у нас в стране эпопея с замужеством – это пик* (Ермакова Мария. Пусть плохонький, да мой! // Труд-7, 2001.08.20) [17]. «Нет в русских женщинах бьющей ключом радости, веселья, горячего темперамента. В них можно заметить некую тайну, глубокую любовь, сострадание, нежность, умение посвятить себя тому, что дорого. Глаза – зеркало души. Глаза русских женщин «открытые, искренние и немножко меланхоличные. Глаза, отражающие вечную борьбу между разумом Запада и душой Востока» [15]. «В русских женщинах есть нечто особенное, чего нет ни в одной красоте с Манхэттена, из Лос-Анджелеса, Парижа, Рио-де-Жанейро, Токио или Рейкьявика» [18]. *Россияне ценят за «холодную и загадочную» красоту, «неописуемый шик»* [18].

Для русской женщины очень важен «внешний вид». «При собеседовании на работу женщинам, как правило, задается вопрос: – Зачем вы пользуетесь косметикой? Большинство европейек ответит: – Чтобы выглядеть и чувствовать себя лучше, увереннее. Ответ на подобный вопрос русских кандидаток: – Чтобы выглядеть лучше, быть более привлекательной для мужчин» [16]. «Женщины по всему миру ориентируются на комфорт, естественность, потому что это удобнее, да и проще. Мы же не можем позволить себе выглядеть неухожено. То же относится к обуви и одежде. В жару, дождь, гололед, на пляже – русская женщина будет все равно гордо шествовать на каблуках – и неважно, что это неудобно, главное – она будет знать, что выглядит хорошо! В Европе девушка на каблуках встречается очень редко – и то, в основном, для вечернего выхода. В выборе одежды русские также руководствуются внешним видом, а не удобством» [16].

Говоря о современной русской женщине, нельзя не отметить такой признак концепта, как «успешность». Появились новые репрезентанты концепта: *успешная женщина, деловая женщина, бизнес-леди, коммерсантка, бизнесвумен, бизнесменша, бизнес-менка, предпринимательница*. Частота употребления слова «бизнес-леди» составляет 57 раз на ≈ 300 млн слов [2].

Особенности, которые свойственны гражданам нашей страны, зачастую даже в несколько гипертрофированной форме, отражаются в столь популярной сегодня форме в интернете, как статус. Статус, как правило, это какие-либо фразы, текст, чаще всего цитата, но могут быть и небольшие изображения. Нередко статусы у людей носят юмористический характер. Современный человек знаком с этим тер-

мином не понаслышке. Практически все считают его обязательной частью своей страницы в какой-либо социальной сети. Люди используют статусы в разных целях. Статусы отражают род деятельности пользователя, его социальное (и не только) положение в нашем обществе, отражают физическое состояние владельца странички, а также его эмоции, состояние души. С помощью статуса в популярных социальных сетях человек имеет прекрасную возможность выразить свои мысли, особенности и настроение в плане представителя той или иной национальности. Среди статусов, посвященных русским женщинам, можно выделить статусы:

1) о красоте русской женщины: *Русские парни самые ревнивые, потому что у них девушки самые красивые. Русские девчонки самые-самые красивые! И это не обсуждается;*

2) об отношениях между мужчиной и женщиной: *Русская женщина от мужчины хочет одного – всего! Каждая девушка и женщина хочет быть слабой и нежной в руках мужчины или парня, но встречи с русскими мужиками делают их только сильнее... Русские девушки славятся своей красотой, добротой и душевностью на весь мир! Только русские парни мечтают об итальянках и японках;*

3) русские – самые лучшие жены: *Рай – это американская зарплата, русская жена, английский дом и китайская пища. Ад – китайский дом, английская еда, американская жена и русская зарплата;*

4) статусы о желании женщины нравиться мужчинам: *Только русские женщины красят ногти перед тем, как поехать на картошку;*

5) статусы о счастливом замужестве: *Счастливое замужество – это когда смотришь на проходящего мимо красивого мужчину, так смотришь, смотришь... И думаешь – блин, куртка классная, надо мужу такую же купить!;*

6) о корыстолюбии женщин: *Ты замужем и у тебя нет норковой шубы, бриллиантов, ты едешь на маршрутке, да еще и работаешь?!? Поздравляю – ты вышла замуж по любви! Кто не работает – та удачно вышла замуж;*

7) о женской дружбе: *Настоящая подруга не та, которая разделит с тобой беду, а та, которая не захлебнется от зависти, когда ты счастлива;*

8) о «женском слове»: *Я же тебе русским языком сказала «буду через 5 минут!», что ты мне теперь названиваешь каждые полчаса?!!*

Проведенный в 2013 году опрос среди жителей г. Кемерово в возрасте от 15 до 60 лет (всего 49 человек) «С кем ассоциируются у Вас следующие качества?» (были предложены качества) выявил, что с женщинами ассоциируются следующие качества: миролюбие (49), эмоциональность (49), непредсказуемость (49), ответственность (49), ум (49), воля (42), сила (42), амбициозность (40), терпеливость (35), честность (35), внушаемость (35), решительность (28), слабость (28), отзывчивость (28), уступчивость (28), справедливость (21), надежность (21), доброта (19), тактичность (18), самообладание (14), мудрость (14), хитрость (14), жесткость, твердость (10), справедливость (6), пассивность (4), свободолюбие (4).

В заключении хочется отметить, что концепт РУССКАЯ ЖЕНЩИНА всегда являлся значимым концептом русской лингвокультуры. В XXI веке он не теряет своей актуальности, а наоборот, его струк-

тура обрастает все новыми признаками, такими как ум (ранее мудрость), амбициозность, непредсказуемость, корыстолюбие, успешность.

Литература

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11000 синоним. Рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
2. Бизнес-леди // Словарь русских синонимов. URL: <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/бизнес-леди>
3. Женщина // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/>
4. Карамзин Н. М. История государства российского: коллекционное издание. М.: РОССОА. 1124 с.
5. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
7. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
8. Махлина С. Т. Семиотика культуры повседневности. М., 2009. 229 с.
9. Наши милые русские женщины. URL: http://rod111.tabu.ru/Russkaya_Zhenschina
10. Образ русской женщины // Традиция: русская энциклопедия. URL: http://traditio.ru.org/wiki/Образ_русской_женщины
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ОНИКС XXI век: Мир и Образование, 2004. 1200 с.
12. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII – XX веков. В 2 т. Т. 1. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 848 с.
13. Пименова М. В. Душа и жизнь: особенности концептуализации // Филологический сборник. Кемерово: Графика, 2002. Вып. 2.
14. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 176 с.
15. Русские женщины. URL: <http://vlublen.com/blog/214/307>
16. Русские женщины. URL: <http://www.allwomens.ru/514-my-i-oni.html>
17. Русские женщины // Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru
18. Русские красотики // Super Стилль: женский журнал. URL: <http://www.superstyle.ru>
19. Словоупотребление «женщина» // Словарь русских синонимов. URL: <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/женщина>
20. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен // Словарь древне-русских личных собственных именъ. С.-Петербургъ, 1903. 857 с.
21. Хигир Б. Ю. Энциклопедия имен. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2007. 528 с.
22. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. К.: Рад. шк., 1989. 511 с.

Информация об авторе:

Точилина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФИиМО КемГУ, totschilina-juli@mail.ru.

Yulia N. Tochilina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ИСТОРИЯ СИБИРИ

УДК 930.85

К ВОПРОСУ О КАДРОВОМ СОСТАВЕ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ЗОДЧИХ
В ПЕРИОД С 1860-Х ПО 1880-Е ГГ.*О. В. Богданова*

WEST SIBERIAN ARCHITECTS STAFF IN THE 1860s – 1880s

O. V. Bogdanova

В статье рассматривается кадровый состав зодчих, работавших в городах Западной Сибири в период 1860-х – 1880-х г. Целью статьи является выявление наиболее востребованных зодчих, а также количественное соотношение выпускников российских ведущих архитектурно-строительных учебных заведений. Более подробно исследуется деятельность зодчих, чье творчество оказало решающее влияние на формирование архитектурно-художественного облика западносибирского города.

The paper addresses the staff of architects who worked in the towns of Western Siberia in the 1860s to the 1880s. The purpose of the paper is to identify the most demanded architects and the proportion of graduates of Russian leading architectural schools. The paper also deals with the activities of architects whose work had an important influence on the formation of the architectural appearance of the west Siberian town.

Ключевые слова: зодчие, выпускники, деятельность, город, должность.

Keywords: architects, alumni, activities, city, post.

С 1860-х гг. начинается новый период в формировании архитектурно-строительных кадров Западной Сибири. В России в это время в целом сложилась ситуация, потребовавшая специалистов, умеющих не только проектировать, но и грамотно руководить строительным процессом. Еще в 1851 г. император Николай I в своем выступлении при посещении Строительного училища отмечал: «Россия имеет рисовальщиков и художников; ей нужны строители; поэтому требую, чтобы училище приготавливало строителей, умеющих возводить здания, строить дороги и мосты; – самостоятельных строителей гражданских и дорожных сооружений» [14, с. 85 – 87].

Строительное училище к 1860 г. стало главным российским учебным учреждением архитектурно-строительного профиля, готовившим строителей. В градостроительстве Западной Сибири в этот период появляется большое количество выпускников Строительного училища, что было продиктовано главной задачей училища – подготовка строительных кадров для провинции.

Назовем наиболее значимых специалистов, выпускников Строительного училища (СУ), работавших в 1860 – 1880-х г. в городах Западной Сибири. Наибольшее их количество было отмечено в губернских городах Томске и Тобольске. В Томске работали К. И. Голубцов, В. А. Сербин, Г. Н. Серебренников, Т. Я. Соколов, А. П. Бетхер, А. А. Казаков, А. А. Клобуков, М. Г. Арнольд, Б. Ф. Поляновский, П. П. Наранович. В Тобольске и Тюмени проектировали и строили А. В. Бышевский, А. Л. Бетхер, А. Б. Вальницкий, Н. Н. Вейс, К. Д. Гордеев, Л. Г. Калинин, И. К. Кржевский, З. Е. Полонский. В Омске работали А. С. Голубцов и М. И. Шухман, в Барнауле – Н. Шульдадь.

Начиная с 1882 г., после того как СУ было преобразовано в высшее учебное заведение и получило наименование Института гражданских инженеров (ИГИ), в Западной Сибири появились первые его выпускники. В Томск приехали гражданские инженеры И. И. Буковецкий, И. Р. Фертнер, Ю. Ю. Шраер, Э. Э. фон Шульман, в Омск – К. Д. Гордеев.

В рассматриваемый период наиболее значительное влияние на формирование архитектурного западносибирского города, а именно Томска, оказало творчество гражданского инженера П. П. Нарановича. Он был направлен в Томск на должность главного строителя Первого Сибирского университета [4]. П. П. Наранович по проекту академика А. К. Бруни построил в комплексе университета главный корпус, астрономический дом и часовню при нем. По своим проектам П. П. Наранович возводил клиники при университете, службы при главном корпусе, оранжерею с теплицами, общежитие для студентов, анатомический (старый корпус) и гигиенический институты. В 1885 г. П. П. Наранович был назначен архитектором Западно-Сибирского учебного округа, оставаясь при этом в должности архитектора университета. С 1888 г. он являлся еще и младшим архитектором строительного отделения при Томском губернском совете, а также имел частную практику. Помимо комплекса университета П. П. Наранович проектировал и строил и другие сооружения, формирующие центральную часть города. Это здание городского театра, дом генерал-губернатора (совместно с архитектором В. В. Хабаровым), мужскую гимназию, дом купца-миллионера И. Г. Гадалова (реконструкция), здание горной лаборатории, народной библиотеки, дом для служащих при Томской почтово-телеграфной конторе. Архитектурно-художественное решение зданий, спроектированных П. П. Нарановичем, было выполнено в эклектике, в основном в ее рационалистическом направлении. Подобное решение было характерно для здания общежития, мужской гимназии, театра Короле-

ва, народной библиотеки. Другой вариант эклектики с использованием стилизованных элементов, а иногда и приемов классицизма, был присущ таким постройкам, как губернаторский дворец, дом купца И. Г. Гадалова. Использование подобных решений фасадов было характерно также для творчества архитектора В. В. Хабарова, в соавторстве с которым П. П. Наранович работал при строительстве дома губернатора и дома купца И. Г. Гадалова.

На примере кадрового состава архитектурно-строительных служб губернского Томска видно, что в период с 1860-х по 1880-е гг. в городе работали в основном выпускники СУ. Число представителей Академии художеств (АХ) было значительно меньшим. К 1870 г. почти не остается выпускников Института корпуса инженеров путей сообщения (ИКИПС) и совсем немного представителей Московского дворцового архитектурного училища (МДАУ). Причем выпускники СУ и ИГИ занимали наиболее значимые административные должности. Так, на должности губернского архитектора в этот период почти всегда находились выпускники СУ, а именно А. К. Македонский, В. А. Сербин, К. И. Гоняев (выпускник училища гражданских инженеров), А. А. Клобуков, Э. Э. фон Шульман, и только три года эту должность занимал выпускник АХ Н. И. Шенфельд. А вот должность городского архитектора была занята в основном выпускниками АХ – Н. А. Зборжевский, В. В. Хабаров, причем последний был на ней четырнадцать лет (с 1876 г. по 1889 г.). В период с 1860-х по 1880-е гг. должность городского архитектора занимали в течение девятнадцати лет выпускники АХ, в остальное время выпускники СУ и МДАУ, причем последние находились на этой должности недолго, каждый по 2 – 5 лет. Должность архитектора епархии в этот период также почти всегда принадлежала выпускникам СУ (УГИ или ИГИ): А. А. Ашемуру, К. И. Гоняеву и И. Ю. Шраеру. Выпускники СУ назначались и на должности главных строителей наиболее значимых объектов. Именно выпускники СУ или ИГИ были главными строителями Первого Сибирского университета и первого технического института – Технологического института, открытых в Томске в 1888 г. и в 1900 г. соответственно [2; 3].

Число выпускников АХ в 1860 – 1880-е гг. в Западной Сибири остается постоянным, примерно по 3 – 5 человека на каждое десятилетие. В Томске работали академик Н. И. Шенфельд, В. В. Хабаров, А. А. Алексеев и Н. А. Зборжевский. В Тобольске и Тюмени в этот период работали следующие выпускники АХ: С. Е. Белков, Ф. Ф. Голованов, И. А. Гартунг, академик Ю. О. Дютель, Б. Б. Цинке, И. К. Ламберг. В Омске АХ была представлена бывшими выпускниками: Э. И. Эзетом, академиком В. К. Гейде, А. П. Крусером, Г. С. Вершининым. В Барнауле работал зодчий Н. Шульдадь.

В Томске среди названных зодчих особо выделялось творчество В. В. Хабарова. По его проектам в губернском Томске были возведены многие здания и сооружения, проведена реконструкция одной из главных площадей города – Гостинодворской площади – и здесь же построено здание харчевни «Славянский базар». На главной административной площади города Соборной по проекту зодчего был возведен губернаторский дом (совместно с П. П. Нарановичем), церковно-приходская школа, проведена реконструкция домов купца

И. Г. Гадалова. Зодчим были построены кельи в Алексеевском мужском монастыре. Уже позднее, находясь на должности епархиального архитектора, по его проектам и под его руководством были построены «дом трудолюбия» при Иоанно-Предтеченском женском монастыре, церковно-приходская школа при Благовещенском соборе, внесены исправления в проект и смету пристройки к римско-католической церкви, выполненным гражданским инженером Ю. Ю. Шраером, а также деревянные и каменные церкви в деревнях и селах Томской губернии: Св. Николая в с. Кышмановском Бийского округа, Св. Петра и Павла в с. Шаховском Шадринской волости Барнаульского округа и др. [7, л. 47, 48, 83, 135]. С 1885 по 1897 гг. зодчий руководил восстановительными работами на обрушившемся Троицком соборе, проектированном К. А. Тонном. По проекту В. В. Хабарова было возведено множество построек в Томской губернии: это флигели в городе Каинске, ремонт почто-телеграфной конторы в Колывани, мост через реку Алей в с. Чистоныше и др. [7, л. 72, 101, 157]. Творчество В. В. Хабарова выделялось в застройке Томска эклектичными постройками с явным тяготением к классицистическим приемам и элементам. Такими зданиями являлись дом генерал-губернатора, дома по Спасской улице, дома купца И. Г. Гадалова.

Деятельность академика Н. И. Шенфельда в Сибири отмечена проектированием в 1871 г. придела Св. Екатерины к Троицкой церкви в Колывани. Собор этот был выстроен в 1867 г. по проекту академика Я. М. Набалова, выполненного им в 1859 г. Академик архитектуры Н. И. Шенфельд, получивший это звание в 1856 г. за проект «городской Думы», занимал должность Томского губернского архитектора с 1868 по 1871 гг. [9]. После окончания АХ Н. И. Шенфельд сначала работал в С.-Петербургской Палате государственных имуществ, а затем в Департаменте уделов, где занимался строительством дворцов [15].

Говоря об общем направлении в архитектуре Тобольской губернии, следует отметить, что 1870-е гг. стали, как справедливо отмечает исследователь Е. М. Козлова-Афанасьева, началом «новой волны подъема культовой архитектуры в селениях региона, сменившей затишье 1840 – 1860-х гг.» [1, с. 2]. При этом, как отмечает Е. М. Козлова-Афанасьева, подъем этот проходил в условиях повсеместного внедрения типовых проектов культовых зданий и если в первой трети XIX в. епархиальный архитектор мог «не соотнобразиваться с присланными из Министерства образцовыми планами, так как в предуведомлении оных сказано: не предполагается, чтобы по сим планам непременно строить церкви по всяким местам, а применять оные, где и сколько можно», то во второй половине XIX в. при всех послаблениях в строительном законодательстве, ориентация на типовые разработки проявила себя более отчетливо [5, с. 3]. Архитекторы руководствовались старым (еще от 25 мая 1801 г.) Указом Святейшего Синода «о строении везде каменных церквей», в котором предписывалось «строить особенно в селах хотя и не огромные и без излишних украшений архитектурных, каковые могут обойтись в самую умеренную цену» [5, с. 3]. Со второй половины 1880-х гг. в Тюмени городским архитектором работал академик архитектуры Ю. О. Дютель. Он был приглашен в августе 1886 г. Тобольской городской думой из Ирбита [7,

с. 237]. Кроме непосредственных должностных обязанностей, Ю. О. Дютель занимался частной архитектурно-строительной практикой и вместе с тобольским губернским инженером П. С. Голышевым организовал в Тюмени строительное бюро. По проекту Ю. О. Дютеля в Тюмени в 1887 г. был построен дом Князева. Кроме того, Ю. О. Дютель был одним из авторов проекта Тобольского музея вместе с архитектором П. П. Апличевым [17, с. 237]. С 1889 г. Ю. О. Дютель работал в должности городского архитектора Екатеринбурга.

Среди названных зодчих, работавших в Омске, следует выделить творчество Э. И. Эзета, являвшегося с 1863 по 1877 гг. городским архитектором, а также одновременно совмещавшим должность войскового архитектора Сибирского казачьего войска (1865 – 1869 гг.) и директора тюремного отделения [18, с. 307 – 308]. С 1877 г. он являлся чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири Н. Г. Казнакове. Кроме того, с 1883 по 1891 гг. Э. И. Эзет был городским головой Омской городской думы, а также имел звание почетного попечителя Омской учительской семинарии [11, л. 3]. Э. И. Эзет еще до прибытия в Омск имел большую архитектурную практику, он был помощником Высочайшего двора, возводил церкви и дворцовые постройки в С.-Петербурге и Петергофе. Его авторству принадлежало большое количество зданий, сформировавших центральную часть Омска. Это пять домов по главной улице города – Любинскому проспекту, здание театра (не сохранилось), а также здания мужской и женской гимназии, фельдшерско-акушерской школы, учительской семинарии, доходные дома Н. Кузнецова, Волковых [20, с. 126]. В 1870 г. Э. И. Эзет составил проект застройки территории бывшей крепостной эспланады. Проектировал он также для Тюмени и Тары [19, с. 50]. Умер зодчий в Омске 1 января 1895 г. Таким образом, приехав в Омск совсем молодым, Э. И. Эзет почти три десятилетия занимался здесь активной архитектурной практикой и административной деятельностью.

Академик архитектуры В. К. Гейде, получивший это звание в 1852 г. за «Проект гостиницы для столицы», работал Акмолинским областным архитектором с 1870 по 1888 гг. Он окончил АХ в 1842 г. со званием неклассного художника, в 1846 г. был за границей за свой счет [15, с. 313]. До приезда в Омск он работал в Севастополе. В Омске в 1870 г. освидетельствовал Крестовоздвиженскую церковь, участвовал в перестройке Сибирской военной гимназии.

В Барнауле в этот период следует отметить творчество выпускника АХ архитектора Н. Шульдаля. По его проекту было надстроено третьим этажом здание Барнаульского духовного училища [6, л. 4 – 5]. По отзывам архитекторов Э. И. Эзета и Круссерова, находившихся при генерал-губернаторе Западной Сибири, «означенная надстройка может быть допущена, но только при условии, если в существующем здании в наружных и внутренних стенах второго этажа имеются железные связи» [6, л. 4]. При этом Э. И. Эзет предлагал уменьшить толщину стен предполагаемой надстройки, сделав ее не в 4 кирпича, а от 2,5 до 3 кирпичей. Таким образом, уменьшив давление на фундамент, что было «...весьма важно в данном случае» [6, л. 4, об.].

Продолжается участие в 1860 – 1880-х гг. в градостроительном процессе Западной Сибири военных ин-

женеров, но их остается мало по сравнению с предшествующим периодом. Так, например, П. С. Эрбер 1-й, окончивший инженерное артиллерийское училище и зачисленный в корпус военных инженеров, прослужил в Сибири более 15 лет [12, л. 83 – 85]. В 1866 г. он был назначен техником при Тобольской губернской строительной комиссии, а также часто исполнял должность губернского архитектора (за отсутствием последнего) [13, л. 157 – 167, об.]. В формулярном списке среди работ, выполненных зодчим в Сибири, значились следующие объекты: постройка каменного тюремного замка в Петропавловске Тобольской губернии, временного каторжного отделения и порохового склада в Тобольске. Выпускник ИКИПС И. А. Чуйкевич после увольнения от службы, приехал в Тобольск в 1860 г. Воспитанник ИКИПС М. Е. Прасолов начал работать в Западной Сибири с 1841 г. в связи с переводом в III округ Путей сообщения с назначением в Западную Сибирь, т. е. спустя год после окончания ИКИПС [12, л. 142 – 144, об.]. В 1860 г. он состоял при Тобольской губернской строительной комиссии «для составления проектов и смет и производства работ», в 1866 г. он работал при Туринском тюремном замке, был штабс-капитаном строительного отряда [12, л. 142]. Выпускник ИКИПС инженер штабс-капитан И. А. Чуйкевич, уволенный в 1860 г. с военной службы, работал в Тобольске с 1861 г. [12, л. 40 – 43, об.]. В Томской дорожной и строительной комиссии также продолжали работать выпускники ИКИПС, с 1864 по 1867 гг. – инженер-капитан С. М. Волтатис, с 1860 по 1870 гг. – П. Г. Фавицкий, составивший проект манежа для Томского батальона [9, л. 41; 8, л. 312 – 314, 430 – 433].

Значительно уменьшилось в рассматриваемый период число горных инженеров, занятых в зодчестве Западной Сибири. 1 июня 1867 г. Корпус горных инженеров был упразднен, а бывшие офицеры получили статус гражданских чинов [16, л. 14].

В период 1860 – 1880-х гг. в Западной Сибири выпускников МДАУ остается очень мало, среди них следует назвать Ф. Ф. Вагнера, Я. А. Иванова, П. В. Леонтьева и Н. М. Фирсова. Деятельность Ф. Ф. Вагнера стала особо заметной в архитектуре Омска. Среди остальных зодчих никто не оставил какого-либо значимого следа в архитектуре Западной Сибири этого периода. Совсем недолго в Тобольской строительной комиссии проработал П. В. Леонтьев, он приехал в Тобольск в 1867 г. и уже через год – в 1868 г. – умер. Всего два года с 1869 г. по 1871 г. отработал в Томской строительной комиссии Я. А. Иванов [10, л. 42 – 44]. Такой же срок пробыл на должности городского архитектора Н. М. Фирсов, приехав в Томск в 1859 г., но уже в 1861 г. он был уволен с должности за «предосудительное поведение», поскольку «вел жизнь нетрезвую» [8, л. 343].

В процессе исследования были выявлены случаи, когда на должности губернского инженера работали лица, не имевшие архитектурного образования (технологи, механики или имевшие неоконченное архитектурное или инженерное образование). Так, например, технолог, механик П. С. Голышев, являлся Тобольским губернским инженером, а в период 1880 – 1890-х гг. был одним из ведущих подрядчиков в Тюмени при строительстве жилых и производственных зданий, занимался также вопросами электрификации города. Е. П. Чигиринцев, исключенный из СУ (высший класс),

исполнял должность Тобольского губернского архитектора в 1871 – 1872 гг. Несомненно, назначение слабого специалиста исключалось. Е. П. Чигиринцев до этого назначения проработал уже 20 лет в Тобольской губернской строительной комиссии, куда был назначен чертежником в 1852 г. До Тобольска он работал чертежником в Московской губернской строительной комиссии.

Были отмечены также случаи использования на архитектурно-строительных должностях ссыльных. Так, ссыльный Ламберг, выпускник АХ, был в 1870-х гг. тюменским городским архитектором, а также основателем гончарно-изразцового завода «Фортуна» в Тюмени. После нахождения под следствием оказался в Тобольске в 1876 г. выпускник Лесного и межевого института П. Н. Макаров, который через десять лет стал губернским архитектором Тобольска. Ссыльный поселенец М. К. Приоров, выпускник Николаевской инженерной академии, работал в Томске, где в 1885 – 1886 гг. руководил возведением домово́й церкви при архиерейском доме.

Таким образом, выявляется следующая картина в архитектурно-строительном составе западносибирских зодчих. С 1860-х существенно увеличивается количество выпускников СУ, по сравнению с 1850-ми их становится в два раза больше. Это соотношение сохраняется на протяжении всего периода 1860 – 1880-х гг. Причем выпускники СУ в этот период становятся наиболее востребованными и главными архитектурно-строительными кадрами в градостроении Западной Сибири. Постоянно в этот период число представителей АХ, причем трое из них имели звание академиков архитектуры. Как правило, они занимали ответственные должности губернских или городских архитекторов и работали в административных центрах. Отмечается значительное уменьшение выпускников ИКИПС, а в 1870 – 1880-х гг. их участие в зодчестве Западной Сибири становится минимальным. Выпускники МДАУ и др. учебных заведений архитектурно-строительного профиля были также единичны.

Литература

1. Архив филиала института «Спецпроектреставрация» в Тюмени. Е. М. Козлова-Афанасьева. Историческая записка. Успенская церковь в с. Успенское.
2. Богданова О. В. Гражданские инженеры – строители Томского университета // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2007. № 303. Октябрь. С. 55 – 60.
3. Богданова О. В. Гражданские инженеры как главные строители учебных комплексов в городах Западной Сибири (на примере Томского Технологического института) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2007. № 1. С. 27 – 35.
4. Богданова О. В. Строитель первого Сибирского университета Павел Петрович Наранович // Проектирование и строительство в Сибири. 2006. № 1(31). С. 44 – 47.
5. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГА в Тобольске). Ф. 329. Оп. 1. Д. 37. // Архив филиала института «Спецпроектреставрация» в Тюмени. Е. М. Козлова-Афанасьева. Историческая записка. Успенская церковь в с. Успенское.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 85.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 41. Д. 248.
8. ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 503.
9. ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1600.
10. ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1638.
11. ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 3030.
12. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 353. Оп. 1. Д. 83.
13. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 184
14. Зосимовский З. По поводу речи гражданского инженера Султанова «Одна из задач Строительного училища» // Зодчий. 1882. В. VI. С. 85 – 87.
15. Императорская Санкт-Петербургская Академия художеств. 1764 – 1914. Сост. С. Н. Кондаков. Ч. II. Часть биографическая. СПб., 1914.
16. Контев А. В. Элита Алтайского горнозаводского общества // Алтайские горные офицеры. XVIII – XIX вв. Сборник документов. Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края, 2006.
17. Копылов В. К. Былое светописы (У истоков фотографии в Тобольской губернии). Тюмень: Слово, 2004. 864 с.
18. Пугачева Н. М. Эзет Э. И. // Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество, 1994. С. 307 – 308.
19. Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Застройка городов Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. Вып. 2. История повседневности: сборник научных статей / Под ред. В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.
20. Шихатов И. На государственной службе. Омск: Лето, 2002. 207 с.

Информация об авторе:

Богданова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета Национального Исследовательского Томского государственного университета, ol-pr2002@mail.ru.

Olga V. Bogdanova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Archaeology and Historical Regional Ethnography, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(571.17):323.23(47+57)''1946/1953''

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В СССР 1946 – 1953 ГГ.,
СВЯЗАННЫЕ С ОБРАЗОМ И. В. СТАЛИНА (по материалам Кемеровской области)**
Е. С. Генина, М. М. Колязимова

**IDEOLOGICAL CAMPAIGNS IN THE USSR IN 1946 – 1953 CONNECTED WITH THE IMAGE
OF J. V. STALIN (revealed by the example of Kemerovo region)**
E. S. Genina, M. M. Kolyazimova

Данная статья посвящена идеологическим кампаниям, связанным с образом И. В. Сталина и развернувшимся в СССР в 1946 – 1953 гг. Авторы провели анализ содержания кампаний с использованием материалов Кемеровской области. В указанной постановке проблемы тема изучается впервые. Основу для подготовки исследования составили архивные документы и материалы периодической печати. Образ И. В. Сталина в советской идеологии в первые послевоенные годы продолжал эволюционировать. С именем «вождя» ассоциировались все экономические и политические достижения страны, постоянная забота о советском народе, Победа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг., будущие свершения государства. Идеологические кампании преследовали цель мобилизации общества в условиях послевоенного восстановления СССР. Они закономерно получили поддержку и широкий отклик населения Кемеровской области. Идеологические кампании имели особую актуальность в Кемеровской области – регионе промышленного развития, поскольку одной из их составляющих стало принятие повышенных трудовых обязательств.

The paper focuses on the ideological campaigns connected with the image of J. V. Stalin and expanded in USSR in 1946 – 1953. The authors analyze the content of the campaign materials on the base of Kemerovo region. In the above mentioned formulation of the problem, the topic is studied for the first time. The archival documents and periodicals served as the basis for the preparation of the study. In early postwar years, the image of J. V. Stalin in the Soviet ideology continued to evolve. All political and economic achievements of the country, the constant care for the people, Victory in the Great Patriotic War of 1941 – 1945, future achievements of the state were associated with the name of the leader. Ideological campaigns were aimed at mobilizing the society in the postwar restoration of the USSR. They consistently received support and feedback from Kemerovo region population. The ideological campaigns were particularly urgent in Kemerovo region – the region of industrial development, as one of the campaigns' components was the adoption of higher labour commitments.

Ключевые слова: идеология, идеологические кампании, образ И. В. Сталина, отклики населения, Кемеровская область.

Keywords: ideology, ideological campaigns, image of J. V. Stalin, population feedback, Kemerovo region.

В первые послевоенные годы образ И. В. Сталина в советской идеологии продолжал совершенствоваться. Об этом свидетельствуют идеологические кампании, проводившиеся в СССР в 1946 – 1953 гг. Они получили широкий отклик на региональном уровне, в том числе в Кемеровской области. Эта тема, связанная с историей Кемеровской области, изучена недостаточно. Авторы настоящей статьи ранее обращались к ее отдельным аспектам [6, с. 149 – 151, 162 – 166; 20, с. 76 – 81]. В данном случае поставлена цель комплексного изучения проблемы.

Страна, пережившая Великую Отечественную войну 1941 – 1945 гг., встретила Победу ожиданиями. Либеральные надежды народа, выплеснувшиеся после войны, натолкнулись на громадную «идеологическую стену», выстроенную режимом. Государственная идеология доказала свою эффективность и способность к эволюции, сплотив миллионы советских людей во имя Победы над врагом. Она создала И. В. Сталину славу «вождя-победителя», упрочила его роль в качестве лидера страны и мирового коммунистического движения. На новые общественные настроения режим ответил «новой мобилизацией». Задачи «новой мобилизации» И. В. Сталин обозначил в речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 г. Объявленная «вождем» цель первой по-

слевоенной пятилетки заключалась в том, чтобы «...восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах». В перспективе предполагалось «поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем» [33].

Речь И. В. Сталина, названная исторической, обсуждалась на митингах и собраниях трудовых коллективов Кемеровской области. Обратимся к сути прозвучавших здесь выступлений. Так, кузнец Судженской МТС Зыбин на собрании коллектива говорил: «Речь товарища Сталина воодушевляет на еще более высокие трудовые подвиги. С именем Сталина мы, бывшие фронтовики, победили врага в кровопролитных боях, клянемся, что и в труде достигнем побед, работая за двоих». Бригадир полеводческой бригады колхоза «Агросвет» Сероухов (Анжеро-Судженский район) на прошедшем собрании выразил свое мнение: «Сталин показал нам, за что сейчас нужно бороться, чтобы жизнь людей нашей страны стала еще лучше. Мы, колхозники, выполним все то, что от нас требуется» [24]. Забойщик участка № 10 шахты «Журилка» Гайрашев (Ленинск-Кузнецкий) заявил, что его «ответом на речь товарища Сталина будет выполнение нормы на 200 процентов». Свое решение он обнародовал на сменном митинге, состо-

явшемся на шахте. Повышенные производственные обязательства принял весь коллектив шахты «Журилка» [7].

14 декабря 1947 г. вышло Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Вводились единые розничные цены на продукты питания и промышленные товары вместо существовавших ранее пайковых и коммерческих цен. С 16 по 29 декабря 1947 г. в стране прошел обмен старых денег на новые деньги. Задачей денежной реформы была объявлена ликвидация последствий войны в области денежного обращения, укрепление советского рубля и повышение его роли в советском хозяйстве [31]. Целью развернувшейся идеологической кампании являлась демонстрация успехов СССР, сумевшего перестроить экономику на мирный лад в короткие сроки, стремление подчеркнуть преимущества социализма перед капитализмом.

На предприятиях и в учреждениях Кемеровской области вновь проходили митинги и собрания трудящихся, где давалась оценка событию. Население восприняло постановление как «большую заботу правительства и партии» о советских людях, что поднимало авторитет власти и И. В. Сталина. 16 декабря 1947 г. на всех крупных промышленных предприятиях и в организациях Кемерова прошли митинги трудящихся. Здесь присутствовало 11763 человека, выступило 57 человек [11, л. 191]. Звучали слова благодарности «вождю» за заботу о населении. На собрании колхозников Старо-Червоновского сельсовета присутствовало более 500 колхозников. Председатель сельсовета Кряжков в своей речи отметил: «Радостно жить и работать в такой стране, как наша, где большевистская партия, советское правительство и лично товарищ Сталин проявляют повседневную заботу о благосостоянии рабочих, служащих и колхозного крестьянства. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) целиком и полностью отражает интересы народа» [29]. Данная кампания, как и предыдущая, стимулировала трудовую активность населения региона.

На массовое сознание активно воздействовала политика снижения цен. Ценовая политика в условиях нерыночной экономики – это мощный государственный рычаг не только для решения экономических проблем, но и для манипуляции общественным мнением. Эта популистская мера использовалась властью с целью поддержания собственного авторитета и создания положительной реакции в обществе [16, с. 86]. С 1948 по 1954 гг. ежегодно проходило снижение цен на продовольственные и промышленные товары. Размору снижения цен не уделялось большого внимания, значение имел факт заботы государства о народе. Все этапы снижения цен сопровождались пропагандистскими акциями [16, с. 86 – 89; 21, с. 33 – 34]. В речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 г. И. В. Сталин заявил: «Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня тру-

дящихся путем последовательного снижения цен на все товары...» [33].

Каждое снижение цен вызывало одобрительные отклики населения. На предприятиях и в учреждениях Кемеровской области состоялись митинги и собрания, трудящиеся благодарили «вождя» за заботу и брали повышенные трудовые обязательства. Забойщик шахты имени Сталина И. Латышев (Прокопьевск) в связи с пятым снижением цен в 1952 г. писал: «Счастлива и радостна наша жизнь. Счастлива она тем, что о нас, рядовых советских людях, заботится величайший человек эпохи – наш вождь, отец, друг и учитель И. В. Сталин. На сталинскую заботу партии и правительства о советских людях я решил ответить по-шахтерски: буду ежедневно вырабатывать по полторы нормы. Пусть наш стахановский труд умножает богатство Родины, укрепляет ее несокрушимое могущество в борьбе за мир во всем мире» [22]. В 1951 г. поэт М. Небогатов посвятил снижению цен стихотворение «Спасибо вождю», где присутствуют строки:

Как о любимых детях,
неустанно
Великий вождь заботится о нас!
Счастливой жизни, доброго здоровья
Желает он народу своему.
От всей души с горячею любовью
Мы нашу благодарность шлем ему [28].

Во время выборов в Советы депутатов трудящихся различных уровней население демонстрировало отношение к власти, оставляя надписи на оборотной стороне бюллетеней для голосования. Обнаружены надписи с упоминанием И. В. Сталина. Во время выборов в Верховный Совет РСФСР в феврале 1947 г. некоторые избиратели в Кемерове написали на бюллетенях имя «вождя»: «Слава товарищу Сталину!», «Приветствую товарища Сталина!», «Голосую за тов. Сысоеву и тов. Сталина» [9, л. 27]. На бюллетенях в Анжеро-Судженске были оставлены надписи: «Голосую за мозг человечества – товарища Сталина, за счастье народа», «Голосую за Петра Николаевича Федосеева, я выражаю любовь Партии и Правительству и родному отцу тов. Сталину» [8, л. 2]. В Промышленновском районе на 125 бюллетенях присутствовали надписи, демонстрирующие преданность партии и И. В. Сталину. Приведем некоторые из них: «Голосую за тов. Шарова, я голосую за мудрую Сталинскую политику», «Голосую за Сталина, голосую за нашу партию», «Привет тов. Сталину! Да здравствует тов. Сталин!» [12, л. 140 об.].

В декабре 1947 г., когда проходили выборы в местные Советы, на бюллетенях обнаружены надписи подобного содержания. Из надписей, сделанных в Кемерове: «Голосую за Сталина», «Слава вождю народов товарищу Сталину!», «Спасибо товарищу Сталину за отмену карточек и за обмен денег», «Поздравляем товарища Сталина с днем рождения!». Одна из надписей, сделанных в Мариинске: «Будьте достойны, сыны мои, Великого Ленина, служите народу, как он служил, как служит товарищ Сталин» [10, л. 52]. Люди, пришедшие на избирательные участки в день рождения «вождя» (21 декабря 1947 г.), не скрывали праздничного настроения. Пожилой

рабочий Кемеровского коксохимического завода Л. И. Демин сказал: «...спасибо Сталину, спасибо партии большевиков за то, что я – равноправный член общества, за то, что я имею право выбирать свой Совет, за то, что я живу под солнцем Сталинской Конституции. Под лучами этого солнца так хорошо и светло живется каждому честному трудовому человеку» [23]. Словно вторила его словам жительница Сталинска (ныне Новокузнецк) Кузюк: «За наше советское счастье, за родного Сталина отдала я свой голос. Пусть еще краше будет наша жизнь» [26].

Иногда стремление выразить благодарность И. В. Сталину принимало неожиданный оборот. В день выборов в местные Советы на избирательный участок № 71 Кемерова первыми, к 4 часам утра, пришли супруги Н. А. Садченко и Д. П. Садченко с детьми. Они передали председателю участковой избирательной комиссии письмо, предназначенное И. В. Сталину. В письме, подписанном Н. А. Садченко, отцом восьмерых детей, выражена благодарность «вождю» за его «мудрое и великое руководство». Глава семьи вместе с детьми взял обязательство «выполнять производственную программу на 250 – 300 %». Он просил избирателей последовать призыву, а избирательную комиссию – огласить текст письма по радио [11, л. 82 – 83, 88].

В 1949 г. развернулась идеологическая кампания, связанная с юбилеем И. В. Сталина. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1949 г. он был награжден орденом Ленина в честь 70-летия и за заслуги перед советским государством [34]. Еще одним Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1949 г. учреждались международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами» [35]. Мероприятия по подготовке и проведению юбилея рассматривались на заседании бюро Кемеровского обкома ВКП(б) 7 декабря 1949 г. Население региона предполагалось охватить лекциями и докладами о жизни и деятельности И. В. Сталина. Планировались специальные выставки, радиопередачи, демонстрация киноматериалов о «вожде», концертные программы, в день юбилея – специальные выпуски газет. Организовывалась продажа книг И. В. Сталина, художественной литературы о нем, его портретов и посвященных ему плакатов. Обязательной составляющей торжеств становились повсеместные собрания трудящихся. На 20 – 21 декабря 1949 г. назначили городские и районные торжественные собрания представителей партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций [13, л. 9 – 13].

Выпуск газеты «Кузбасс» (орган Кемеровского обкома и горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся), вышедший в день юбилея, посвящен поздравлениям И. В. Сталина. Под строками из государственного гимна – «Нас вырастил Сталин – на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил» – опубликованы письма благодарных кузбассовцев. Герой Советского Союза Д. Квитович рассказал, как во время войны бойцы сражались с врагом «с именем Сталина в сердце», а уверенность в «правом деле», руководимом «вождем», поддерживала их [18]. Старейший газетчик Кемеровского

коксохимзавода Ф. И. Беляев считал, что «рабочий человек стал хозяином своей жизни» благодаря И. В. Сталину. Автор письма констатировал: «Учение Сталина ведет нас к новым победам – к коммунизму» [3].

Поэт М. Небогатов написал «Песню о Сталине», опубликованную в том же выпуске газеты. Автор назвал И. В. Сталина «мудрым», «солнцем земли», «любимым отцом», ведущим страну «дорогою ленинской» «в мир коммунизма». Особо выразительны следующие строки:

В дебрях таяжных
Мы звезды зажгли,
Светят огни с рудников.
Мудрому Сталину –
Солнцу земли –
Слава на веки веков [27].

В телеграмме, направленной И. В. Сталину Кемеровским обкомом ВКП(б) и Кемеровским облисполкомом, говорится: «По Вашему гениальному предначертанию на Востоке страны создан новый мощный экономический центр – Кузбасс – край угля, металла, химии и машиностроения. Каждый шаг в развитии Кузбасса связан с Вашим именем, поэтому советские люди называют Кузнецкий бассейн Сталинским Кузбассом ... День Вашего славного семидесятилетия является для нас великим и торжественным праздником. В этот день коммунисты и все трудящиеся Кузбасса дают Вам слово вести неустанную борьбу за дело партии Ленина – Сталина, за дело строительства коммунизма в нашей стране» [25].

Подобные настроения в регионе проявились еще в 1930-е гг., в частности, во время обсуждения проекта Конституции СССР 1936 г. Жители Кузбасса внесли предложения, связанные с именем «вождя». Они выступали за отражение во вводной части Конституции «роли в пролетарской революции наших вождей Ленина и Сталина», внесение изменений в государственный герб (портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, либо В. И. Ленина и И. В. Сталина), переименование столицы СССР в честь «вождя» [32, с. 17, 227, 230]. Стахановцы шахты имени Сталина (Прокопьевский рудник) завершили обращение к трудящимся Кузбасса следующим образом: «...десятками новых мастеров угля выразим свою шахтерскую благодарность товарищу Сталину за счастливую и радостную жизнь» [15, л. 10].

В 1949 – 1953 гг. в СССР прошла кампания по борьбе с космополитизмом, направленная, прежде всего, против еврейской интеллигенции. Завершающей акцией кампании выступило «дело врачей». 13 января 1953 г. газета «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей». В нем говорилось о раскрытии органами государственной безопасности «террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза» [1]. Сообщение ТАСС дополняла передовая статья «Правды» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», где шла речь о «преступных деяниях» участников «группы», их службе иностранным разведкам [30]. На предприятиях и в учреждениях Кемеровской области прово-

дились читки указанных материалов, их обсуждение. Выступающие высказывали возмущение поступками «врачей-убийц», требовали применения к ним высшей меры наказания. Традиционно последовали обещания повышенных трудовых показателей. Так, коллектив шахты «Капитальная-2» (Осинники) принял «обязательство увеличить ежедневную добычу угля и тем самым обеспечить досрочное выполнение новой сталинской пятилетки» [17, с. 150 – 153; 14, л. 15].

В выступлениях жителей региона присутствовало имя И. В. Сталина. Во время предвыборного собрания коллектива начальник участка шахты имени Кирова (Ленинск-Кузнецкий) выразил свое мнение: «Как бы ни злобствовали поджигатели войны, к каким бы ухищрениям и мерзостям они ни прибегали, им не повернуть колеса истории вспять. Мы уверенно смотрим в будущее, потому что с нами товарищ Сталин. Советский народ уничтожит презренных предателей, наймитов империалистических разведок». На Кемеровской ТЭЦ перед утренней сменой прошла читка опубликованных материалов. Начальник смены сказал: «В ответ на чудовищные происки врагов мы должны еще теснее сплотить свои ряды вокруг Великого Сталина, еще больше повысить бдительность, разоблачать и беспощадно уничтожать предателей». Навалоотбойщик шахты «Южная» (Сталинка) высказался так: «Я слышал по радио, что наша разведка обнаружила факты преступной деятельности со стороны врачей, которые умертвили наших руководителей. Хорошо, что вовремя распознали этих паразитов, которые могли бы посягнуть на жизнь и других наших руководителей, даже на самое дорогое в нашей жизни – товарища Сталина» [17, с. 151 – 152, 153].

5 марта 1953 г. скончался И. В. Сталин. В траурные дни жители Кемеровской области слушали сообщение по радио о прощании с «вождем». Для массового слушания радиопередач дополнительно установили 1420 радиоточек, в том числе на площадях и улицах – 158 радиоточек. Как только было получено Обращение ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР к членам партии, к трудящимся страны, в Кемеровской области прошли траурные митинги, собравшие более 900 тысяч человек. На митингах выступило 24720 человек [14, л. 28]. После того, как секретари партийных организаций зачитывали указанное обращение, на трибуну поднимались ораторы. В выступлениях звучали сожаление и скорбь, перечислялись заслуги И. В. Сталина, давались обещания «еще больше сплотиться вокруг партии и правительства»,

повысить «бдительность», вести борьбу с «протозейством», увеличить производительность труда. Нередко на собраниях принимались письма в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР, где говорилось «о беспредельной преданности делу Ленина – Сталина», сплоченности вокруг партии и правительства [2; 5]. В письмах, опубликованных в газете «Кузбасс», выражены благодарность «за счастливую жизнь», которую обеспечил И. В. Сталин, и чувства скорби. Трудящиеся заявляли о решимости бороться за «дело Ленина – Сталина», рассказывали о новых успехах в работе [4; 19]. После похорон снова состоялись траурные митинги. Всего было проведено 4006 митингов, где присутствовало около 800 тысяч человек, выступило 23713 человек [14, л. 30].

Молодой рабочий из Кемерова в письме родителям в Акмолинскую область стремился передать скорбь о «вожде»: «Я видел потрясающие картины выражения общего горя, видел, как плакали седоволосые старики и малые дети, плакали видевшие многое на своем веку старые коммунисты, плакали, не скрывая своих слез и не стыдясь их. Видел ораторов, которые, выйдя на трибуну, долго не могли произнести ни одного слова. Как тяжело наше горе, что словами его выразить невозможно» [14, л. 28].

В 1946 – 1953 гг. в СССР развернулись идеологические кампании, связанные с образом И. В. Сталина. Образ лидера партии и государства в советской идеологии продолжал эволюционировать. И. В. Сталин, укрепивший свои позиции в годы побед Великой Отечественной войны, в мирное время вновь стал объединителем нации во имя дальнейших свершений социализма. В глазах общества он являлся человеком, обладающим исключительно достоинствами: «великий вождь», «великий полководец», «гениальный ученый», «отец», «учитель», «лучший друг». Достижения страны и благополучие ее граждан связывались с именем И. В. Сталина. Поэтому известие о его смерти большинство населения восприняло как личную трагедию. Некоторое время государственная идеологическая система еще продолжала функционировать по инерции. В Кемеровской области данные идеологические кампании закономерно проходили при активной поддержке населения. В промышленном регионе они стали важным стимулом к новым трудовым успехам. Но несмотря на выявленные массовые настроения, имело место и иное, иногда прямо противоположное, отношение к власти. Данная тема является самостоятельной и требует специального углубленного изучения.

Литература

1. Арест группы врачей-вредителей // Правда. 1953. 13 янв.
2. Банников В. Сталин всегда будет с нами // Кузбасс (Кемерово). 1953. 8 марта. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1953/N57_mart.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
3. Беляев Ф. И. Мы идем к коммунизму // Кузбасс. 1949. 21 дек. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1949/N249_dek.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
4. Бурлов Е. Он жил для нас // Кузбасс. 1953. 8 марта. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1953/N57_mart.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
5. В городе, носящем имя вождя // Кузбасс. 1953. 7 марта. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1953/N56_mart.pdf (дата обращения: 12.05.2014).

6. Генина Е. С. Исторические этапы идеологизации населения Кузбасса в 20-е – начале 50-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 1998. 197 с.
7. Горняцкий ответ // Кузбасс. 1946. 17 февр. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1946/N37_fevr (дата обращения: 12.05.2014).
8. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 99.
9. ГАКО. Ф. П-15. Оп. 9. Д. 51.
10. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 179.
11. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 181.
12. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 182.
13. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 349.
14. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 200.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3316. Оп. 41. Д. 131.
16. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 229 с.
17. Из информации секретаря Кемеровского обкома КПСС М. Гусева заместителю заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е. И. Громову об откликах жителей Кузбасса на сообщение ТАСС и передовую «Правды» об аресте группы «врачей-вредителей». 14 января 1953 г. г. Кемерово // Неизвестный Кузбасс: сборник архивных документов. Вып. 2. Тоталитарная система: палачи и жертвы / под общ. ред. В. А. Сергиенко; сост. Н. В. Галкин, Л. И. Гвоздкова, Р. С. Бикметов, Б. И. Берлинтейгер. Кемерово: Государственный архив Кемеровской области, 1995. С. 150 – 153.
18. Квитович Д. Где Сталин – там всегда победа // Кузбасс. 1949. 21 дек. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1949/N249_dek.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
19. Ковалев Я. Сталин дал нам счастливую жизнь // Кузбасс. 1953. 9 марта. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1953/N58_mart.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
20. Колязимова М. М. Подготовка и празднование 70-летия И. В. Сталина в г. Кемерово (1949 г.) // Балибаловские чтения: материалы седьмой научно-практической конференции, посвященной 95-летию городского статуса Кемерово, июнь 2013 г. / редкол.: Н. С. Бледнова, З. Ф. Волкова, Е. С. Генина и др. Кемерово: Примула, 2013. С. 76 – 81.
21. Кузнецова Н. В. Снижение розничных цен и материальный уровень жизни населения СССР в 1947 – 1952 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. (Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения). 2008. № 1(13). С. 32 – 42. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-roznichnyh-tsen-i-materialnyy-uroven-zhizni-naseleniya-sssr-v-1947-1952-godah> (дата обращения: 12.04.2014).
22. Латышев И. Счастлива наша жизнь // Кузбасс. 1952. 4 апр. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1952/N81_apr.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
23. Ливянт Э. Спасибо Сталину, спасибо партии большевиков // Кузбасс. 1947. 22 дек. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1947/N253_dek.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
24. Мищенко А. Достигнем новых трудовых побед // Кузбасс. 1946. 17 февр. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1946/N37_fevr (дата обращения: 12.05.2014).
25. Москва, Кремль. Товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу // Кузбасс. 1949. 21 дек. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1949/N249_dek.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
26. На новой улице // Кузбасс. 1947. 22 дек. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1947/N253_dek.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
27. Небогатов М. Песня о Сталине // Кузбасс. 1949. 21 дек. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1949/N249_dek.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
28. Небогатов М. Спасибо вождю // Кузбасс. 1951. 3 марта. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1951/N52_mart.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
29. Ответ колхозной деревни // Кузбасс. 1947. 16 дек. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1947/N248_dek.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
30. Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. 1953. 13 янв.
31. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» // Кузбасс. 1947. 15 дек. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1947/N247_dek.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
32. Предложения трудящихся Западной Сибири к проекту Сталинской Конституции СССР. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое издательство, 1936. 240 с.
33. Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года // Сталин И. В. Полное собрание сочинений. Т. 16. 1946. URL: <http://sovetsia.at.ua/Stalin/Tom16.html> (дата обращения: 30.03.2014).
34. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении товарища Иосифа Виссарионовича Сталина орденом Ленина» // Кузбасс. 1949. 21 дек. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1949/N249_dek.pdf (дата обращения: 12.05.2014).
35. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении международных Сталинских премий “За укрепление мира между народами”» // Кузбасс. 1949. 21 дек. URL: http://91.190.232.206:8080/period/kem_onb/kuzbass/1949/N249_dek.pdf (дата обращения: 12.05.2014).

Информация об авторах:

Генина Елена Сергеевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, whitesiberia@narod.ru.

Elena S. Genina – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Колязимова Марина Михайловна – соискатель кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, marina.kolyazimova.90@mail.ru.

Marina M. Kolyazimova – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 929:303/423

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ**
Ю. Ю. Гизей, Е. Г. Исакова

USE OF PROSOPOGRAPHIC DATABASES IN STUDYING THE HISTORY OF EDUCATION
Yu. Yu. Gizey, E. G. Isakova

Статья посвящена проблемам применения методов обработки и анализа исторических источников. На примере базы данных «Преподаватели средних учебных заведений Западной Сибири (1860 – 1917 годы)» характеризуется процесс формирования электронных баз данных, анализируются принципы создания, приводятся основные результаты и перспективы использования. Авторы приходят к выводу о несомненной ценности подобных разработок в исследовательской практике.

The paper focuses on the methods of studying and analyzing historical sources. The database “School teachers of West Siberia (1860 – 1917)” is used to exemplify the process electronic database creation: the main principles of creation are analyzed, the main results and perspectives of using such databases are listed. The authors conclude that such methods are definitely valuable for historical research.

Ключевые слова: база данных, преподаватели, компьютерные технологии.

Keywords: database, teachers, computer technologies.

На современном этапе развития отечественной исторической науки в условиях увеличения числа работ, написанных в русле социальной истории, ориентированной на изучение общественных процессов, микро- и макрогрупп, важным инструментом стал просопографический метод. Он предполагает создание на основе разрозненных частных сведений коллективной биографии социальных, профессиональных и иных групп людей. Данный метод позволяет привести весь значимый биографический материал к систематизированному виду и позволяет организовать недостаточно полную информацию таким образом, чтобы она приобретала дополнительный смысл и способствовала получению новых представлений о жизни общества или определённой социальной группы. В данном случае аналитический интерес для исследователей составляют данные в совокупном виде, тогда как изучение отдельных человеческих жизней не представляет первостепенной задачи.

Просопографический метод предполагает обработку массива информации, содержащейся в исторических источниках и требующей соответствующего упорядочивания, хранения и управления. Одним из наиболее широко распространенных способов является организация информации в виде баз данных. База данных – совокупность данных, организованных по определенным правилам, предусматривающим общие принципы

описания, хранения и манипулирования данными, независимая от прикладных программ [3, с. 7]. На сегодняшний день существует большое количество специальных программ, обеспечивающих хранение и использование информации, например СУБД Access, Visual Fox Pro и др. с широким набором инструментальных средств.

Исследование преподавательского сообщества средних образовательных учреждений Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. привело к идее разработки реляционной базы данных «Преподаватели средних учебных заведений Западной Сибири (1860 – 1917 годы)». Она имеет автоматизированный фактографический характер, построена в базовой программе Microsoft Office Excel и обеспечивает организацию персональных сведений о 1479 педагогах.

Подобные подходы активно используются исторической информатикой. Примером результатов подобных исследований является база данных на сайте «История населенных пунктов Алтай» [1]. Обработка широкого круга источников позволила восстановить даты основания или первого упоминания населенных пунктов Алтай, создавать тематические карты с помощью геоинформационных систем.

Идентичные методы к анализу социальных групп были применены при составлении баз данных по депутатам Первой Государственной думы (1906) и Коман-

дармам, разработанных на кафедре исторической информатики МГУ [2].

В основе базы данных «Преподаватели средних учебных заведений Западной Сибири (1860 – 1917 годы)» лежит комплексный подход, предполагающий соединение междисциплинарных исследований, в данном случае истории, социологии, математики и информатики. Ее основу составили персональные сведения об учителях, служащих в общеобразовательных и профессиональных средних образовательных заведениях в период с 1860 по 1917 годы, извлеченные из широкого круга первичных источников, представляющих собой как структурированные, так и не структурированные тексты: формулярные списки, некрологи, газетные и журнальные статьи, всеподданнейшие, попечительские и ревизионные отчеты, списки служащих учебных заведений, журналы благотворительных и культурно-просветительских обществ. Для извлечения персональных данных педагогов были привлечены биографические исследования, юбилейные сборники различных ведомств, памятные книжки Западной Сибири и Западно-Сибирского учебного округа, статистические обзоры, хронологические перечни, энциклопедии. Целью работы являлось сведение воедино имеющихся материалов о преподавателях средних учебных заведений Западной Сибири в указанный хронологический период и их обработка с использованием просопографического метода для создания коллективной биографии социофессиональной группы – преподаватели средних учебных заведений.

Изначально была создана таблица средних учебных заведений Западной Сибири, содержащая сведения о типе и ведомственной подчиненности образовательного учреждения, его местонахождении, времени открытия, последующих преобразованиях и др. Затем на основе метода ретроспективного анкетирования для формализации данных (стандартизации значений) был разработан формуляр анкеты педагога из 19 параметров, по которым анализировались персоналии учителей. Условно выделенные параметры можно разделить на 2 группы: первая представляет общую информацию о преподавателях, позволяющую проследить их профессиональное становление. В качестве критериев здесь выступают такие сведения, как фамилия, имя, отчество, годы жизни, образование, поступление на службу, место работы, совместительство, занятие административных должностей, конфессиональная принадлежность, жалование, награды, звания. Эти сведения содержались в официальных документах, что обеспечило относительно широкие возможности для ее извлечения, а соответственно и высокий процент заполняемости таблицы. Вторая группа представлена информацией личного характера, в частности, сословной принадлежностью, семейным положением, возрастом вступления в брак, количеством детей, наличием недвижимой собственности. Сбор сведений по этому блоку вызвал наибольшие затруднения ввиду того, что частная жизнь, как то: годы женитьбы/замужества, деторождения, приобретений и т. д. – нашла слабое освещение в официальных источниках. В результате лишь в отношении 49 % респондентов удалось собрать информацию, касающуюся личной жизни. Все указанные параметры можно разделить на статичные, вклю-

чающие данные об имени, дата и месте рождения, образовании и пр., и динамические, которые фиксировались в личном деле по мере изменения, например, совместительство, размер жалования, служебные перемещения и пр. Для каждого из параметров, кроме числовых, был разработан стандартизированный словарь значений.

На основе анкеты была составлена таблица Microsoft Office Excel, в которой каждая строка содержала в себе персональную информацию по отдельному респонденту, включенному в систему. Качественные характеристики получили количественное (цифровое) выражение и были проанализированы с помощью количественных методов. При анализе отдельно взятых предметных областей стало возможным получение интересующей пользователя информации по заданному параметру относительно социофессиональной группы в целом. Благодаря функции настраиваемых фильтров таблицы удалось сделать выборку и произвести отдельные срезы по различным принципам: хронологическому, гендерному, сословному и другим.

Синтез массового и уникального в просопографической информации позволил получить данные как о конкретных персоналиях, так и строить обобщенные представления о социальной группе в целом. Основная масса выводов относительно педагогического корпуса Западной Сибири была сделана на основе анализа просопографической базы данных. На основе внесенных в таблицу сведений удалось проследить количественные и качественные изменения в преподавательском составе учебных заведений в исследуемый период. Полученные цифровые сведения базы позволили проследить изменения в динамике роста учительских кадров, выявить их сословную принадлежность, половозрастной и этноконфессиональный состав педагогических коллективов, уровень заработка разных групп педагогов в зависимости от типа учебных заведений. Например, удалось установить, что образовательный уровень учителей средних образовательных учреждений западно-сибирского региона соответствовал предъявляемым требованиям, и основная масса педагогов-мужчин имела высшее образование, полученное преимущественно в столичных вузах. При этом была выявлена специфика: преподаватели специальных дисциплин профессиональной средней школы имели преимущественно среднее образование, что объяснялось отсутствием централизованной системы их подготовки. На основе агрегации данных относительно сословной принадлежности мы пришли к выводу, что преподавательский корпус являлся неоднородным по составу с преобладанием выходцев из непривилегированных сословий. Превалирующим являлся тип русского православного педагога, а допущенные до преподавания иностранцы в основном вели иностранные языки. Было установлено, что подавляющая масса преподавателей совмещала службу в различных учебных заведениях. Анализ сведений относительно частной жизни педагогов позволил увидеть их в качественно новой роли семьянина, в процентном отношении определен уровень брачности и детности учительства. Основываясь на полученных сведениях, был произведен сравнительный анализ положения педагогов разных типов школ и таким образом выявлено общее и особенное в статусе педагогов.

Собранная информация показала динамику развития преподавательского корпуса, профессионального уровня, а вместе с тем позволила определить степень распространения на Западную Сибирь общероссийских тенденций.

Сегодня, при большом объеме информации и сложности производимых с ней операций, проблема эффективности средств организации хранения, доступа и обработки данных вызывает определенную сложность. Создание базы данных обеспечило рациональную организацию собранного материала, структурно упростило и систематизировало информацию, а также обеспечило к ней эффективный доступ. На основе созданной просопографической базы данных был составлен коллективный портрет преподавательского сообщества, выделены профессиональные и социальные характеристики. Преимуществом базы является то, что она располагает не только статистическими данными, но и обширным объемом персональной информации, позволяющим проследить как менялся социальный и профессиональный статус человека в течение всего времени его жизни.

База данных «Преподаватели средних учебных заведений Западной Сибири (1860 – 1917 гг.)» представляет собой наиболее полное собрание персональных характеристик такого важного субъекта образовательного процесса, как учительство Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Ее анализ позволяет получить объективное представление об образовательном пространстве, социoproфессиональной группе и, что очень важно, избежать излишней описательности. Возможность свободной настройки базы данных на любую из ее предметных областей в зависимости от необходимой пользователю информации превращает ее фактически в новый «метаисточник» по истории образования Западной Сибири, структура которого практически не связана со структурами исходных исторических источников. Его данные могут служить основой для исследований как по истории среднего образования в регионе в целом, так и истории отдельных школ или биографий конкретных личностей.

Литература

1. История населенных пунктов Алтая. URL: <http://new.hist.asu.ru/base/rindex.html> (дата обращения: 16.05.2012).
2. Кафедра исторической информатики. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. URL: <http://hist.msu.ru/Departments/Inf/Stud/files.htm> (дата обращения: 15.06.2014).
3. Черноусова А. М. Создание и использование баз данных: учебное пособие. Оренбург: ГОУ ОГО, 2009. 244 с.

Информация об авторах:

Гизей Юлия Юрьевна – доцент кафедры отечественной истории КемГУ, gizey-yur@yandex.ru.

Yulia Yu. Gizey – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian History Kemerovo State University.

Исакова Екатерина Геннадьевна – ассистент кафедры отечественной истории КемГУ, katrinishakova@yandex.ru.

Ekaterina G. Isakova – Assistant Lecturer at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 37.075+93(571.1)

РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОЙ СЕТИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

О. А. Голикова

THE DEVELOPMENT OF SCHOOLS NETWORK IN WEST SIBERIAN SCHOOL DISTRICT IN THE LAST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

O. A. Golikova

В статье анализируется совокупность различных факторов, повлиявших на развитие начального образования Западной Сибири в последней четверти XIX в. На основании анализа статистических данных автор приходит к выводу о необходимости учреждения в регионе дирекции народных училищ.

The paper describes a set of different factors influencing the development of primary education in Western Siberia in the last quarter of the 19th century. On the basis of the analysis of statistical data, the author comes to the conclusion that it was necessary to establish the Directorate of public schools in the region.

Ключевые слова: начальное образование, дирекция, Западно-Сибирский учебный округ.

Keywords: primary education, Directorate, West Siberian school district.

Западная Сибирь занимала огромное территориальное пространство и по своему географическому положению являлась связующим звеном между Восточной Сибирью и Европейской частью России. В последней четверти XIX в. здесь произошли серьезные изменения, повлиявшие на все сферы жизни, в том числе и на начальное образование. Под их воздействием развивалась школьная сеть учебного округа.

Среди факторов, отразившихся на просвещении, ведущее место принадлежало строительству железной дороги, связавшей Сибирь с Европейской частью страны. Транссиб открыл для региона новые возможности. В 1880 г. было принято решение о строительстве железной дороги от Екатеринбурга до Тюмени, которое велось одновременно в двух направлениях: Челябинск – Омск и Кривошеино – Омск. Первый участок Екатеринбург – Тюмень стал использоваться с 1885 г., а в 1895 г. появилась линия, соединяющая Челябинск – Курган – Омск [18, с. 95].

Железная дорога активизировала экономическое развитие региона. Магистраль стала огромным транспортно-промышленным комплексом, эксплуатация которого дала мощный импульс для развития переселенческого движения.

В 90-е гг. XIX в. освоением Сибири стал заниматься Комитет Сибирской железной дороги, созданный по инициативе С. Ю. Витте. Одним из вопросов, обсуждаемых на его заседаниях, был переселенческий. Комитет признал благотворное влияние переселения на экономическое и политическое развитие Сибири и принял решение о необходимости всеми силами способствовать этому процессу. Подготовленные «Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги» были утверждены 13 июня 1893 г.

С 1893 г. по 1903 г. переселенцы направлялись в Тобольскую и Томскую губернии, Акмолинскую область, занимая плодородные земли Алтайского края. В результате колонизации края был основан 171 поселок с населением более 125000 жителей. С 1893 по 1901 гг. появился 251 крестьянский участок, рассчитанный на 94107 душ мужского пола [13, с. 7].

Обозначившийся механический прирост населения значительно повысил спрос на грамотность. Современники событий оценивали по-разному воздействие пришедших на начальное образование. Например, А. А. Кауфман выделял в качестве главного недостатка крестьянской колонизации низкий культурный и нравственный уровень переселенцев, их склонность к бродяжничеству [10, с. 44]. П. Т. Виноградов наоборот отмечал, что прибывшие во многом содействовали развитию грамотности в регионе, так как ехали из губерний, в которых образование находилось на более высоком уровне. Привыкшие к тому, что их дети имели возможность получения знаний, они столкнулись с «катастрофической» нехваткой учебных заведений. Потребовалось открытие специальных школ для переселенцев, но сделать это было практически невозможно, так как все хозяйственные расходы по содержанию возлагались на жителей. Позволить себе такие значительные траты переселенцы зачастую не могли [2, л. 85].

Кроме переселенцев в начальных учебных заведениях нуждались и дети железнодорожных служащих. В основном дорога проходила на большом расстоянии от населенных мест, где существовали школы и поэтому дети работников практически не имели доступа к грамоте. Ситуация стала меняться с 1896 г. после того, как правительство разрешило открывать по линии железной дороги школы специально для детей служащих [3, л. 7]. С 1898 г. начался процесс создания таких учебных заведений.

Для строительства и обслуживания магистральной требовались значительные людские ресурсы. Если первые рабочие кадры брались в основном из центральной части страны, то постепенно встал вопрос о целесообразности таких действий. Возникла необходимость в формировании местного образовательного комплекса, способного удовлетворить возникавшие запросы. Для этого на рубеже XIX – XX вв. стали создаваться специальные технические училища, призванные частично решить кадровые проблемы. Специалист по развитию низшего и среднего профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. И. С. Сковородина в своем ис-

следовании пришла к выводу, что именно железная дорога стимулировала развитие образования в регионе, а это в первую очередь отразилось на его начальном звене [20, с. 15].

На развитие образования значительное влияние оказала и местная администрация. Сибирские чиновники вложили немало усилий в развитие просвещения края. Показательна деятельность генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова. При его содействии учреждались городские и сельские приходские училища. В Омске в 1872 г. была создана первая в регионе учительская семинария для подготовки сельских учителей. Общественность города стала принимать более активное участие в процессе образования. Имевшиеся в Омске городские общества добровольно содержали женские прогимназии. В Тюмени и Томске из городских сумм выделялись средства на развитие реальных училищ, а купечество жертвовало деньги на постройку и эксплуатацию школьных зданий. Сельское население стремилось оказать посильную помощь в развитии школьного дела, беря на себя хозяйственные вопросы содержания школ [14, с. 231].

Отсутствие земских органов самоуправления компенсировали культурно-просветительские общества, большинство членов которых являлось чиновниками административного аппарата. Развитие городского самоуправления оказывало благоприятное влияние на общественные организации, взяв их под свой контроль. На примере Томской губернии, проанализировав состав общественных организаций и гласных городских дум в конце 90-х гг. XIX в., можно увидеть, что члены общественных организаций и гласные – одни и те же люди. Объяснить это можно несколькими причинами: ограниченным числом образованных горожан, малочисленностью прогрессивного купечества, высокой общественной активностью отдельных лиц. Барнаульский ученый статист В. А. Скопа подсчитал, что почти все члены гласных Томской думы являлись членами различных общественных организациях. Например, инженер В. Ф. Оржешко длительное время состоял в обществе попечения о начальном образовании. Потомственные почетные граждане Томска П. И. Макушин, городской голова И. М. Некрасов, И. Гадалов и др. совмещали деятельность в городском самоуправлении с председательством или членством в большинстве культурно-просветительских и научных организаций. Аналогичной была ситуация в крупных городах – Барнауле, Новониколаевске, Бийске [21, с. 107]. Совместная деятельность обществ с городскими властями была закономерным явлением, имевшим важное практическое значение для развития просвещения Западной Сибири.

Ярким примером деятельности общественных организаций является работа «Общества попечения о начальном образовании» Томска, созданного по инициативе купца П. И. Макушина. После избрания в 1875 г. гласным в Томскую городскую думу он стал вести работу, направленную на привлечение внимания городских властей к нуждам просвещения. В результате появилась училищная комиссия, в обязанности которой входило составление отчетов о состоянии начальных училищ города Томска. За 15 лет открылось 17 новых школ [4, л. 1 – 2].

Развитие капитализма оказало влияние на восприятие сибиряками образования как одного из факторов, повышающих социальный статус. Многие купцы стали активно жертвовать на развитие просвещения. Они выделяли значительные средства на строительство и содержание школ, становились попечителями учебных заведений. Нередко дома для училищ передавались или строились частными лицами, так, например, в Тобольской губернии Алексеевская и Колосовская школы были открыты и содержались за счет частных пожертвований.

Примеру П. И. Макушина последовали многие городские общества Западной Сибири. В Акмолинской области в 1884 г. было создано «Общество попечения о начальном образовании», члены которого считали себя младшими братьями Томского общества, их девизом стал лозунг – «ни одного неграмотного». Общество существовало на пожертвования. Почетный член, купец А. И. Деров передал более тысячи рублей на школьные нужды, городские власти Омска выделили лес и землю под школу. В 1898 г. общество содержало 3 приходских городских училища, 2 воскресных и 1 рукодельную женскую школу. В 1884 г. в г. Барнауле открылось подобное общество, в 1887 г. – в г. Каинск, в 1885 г. – в г. Тюмени, 1 декабря 1891 г. – в Ялуторовском округе [16, с. 85].

Помимо обществ попечения о начальном образовании, значительную роль в формировании социокультурного облика сыграли и другие общественные организации. Горожане принимали активное участие в жизни региона. По их инициативе в крупных городах появились различные благотворительные, научные, профессиональные, досуговые объединения, численность которых постоянно увеличивалась. В Тобольске их насчитывалось более 10, среди них были: физико-медицинское, попечительство о бедных, миссионерское, отделение русского музыкального общества и др. В Барнауле открылось 26 обществ, в Тюмени – 20, в Бийске – 19, в Новониколаевске – 17, в Кургане – 7, в Омске – 68, в Томске – 88. Организация и развитие этих общественных организаций свидетельствует о возрастающей активности местного населения и его стремлении принимать активное участие в жизни края.

В сельской местности решение образовательного вопроса во многом зависело от сознательности местных жителей. В качестве примера можно привести распределение школ по волостям Тобольской губернии. На 1880 г. в губернии было 2860 сел, около 98 тыс. чел., начальных школ всего 205. В 170 селениях с общим числом жителей в 60 тыс. чел. школ вообще не было. Имеющиеся учебные заведения располагались в 2690 селений (92 тыс. чел.). Из указанных волостей 103 имели по одной школе, 36 – по две, 6 – по три школы [15, с. 252 – 253]. Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что распределение учебных заведений было обусловлено не числом жителей и детей школьного возраста, а потребностью в грамотности, продиктованной торгово-промышленным развитием местности и степенью благосостояния жителей. Так как содержать учебные заведения могли только зажиточные крестьяне, менее состоятельные селяне часто отказывались брать на себя хозяйственные расходы по

содержанию учебных заведений, считая их слишком обременительными для себя [8, л. 35].

Способствовали развитию сибирского просвещения и областники. Сибирь в оценках областников в сравнении с Европейской частью страны являлась отсталым регионом. Ее культурное развитие находилось в сложном положении. По мнению Г. Н. Потанина, критическая ситуация существовала в сельской местности «...деревня живет без интеллигенции, в деревнях сплошная умственная пустыня» [17, с. 254]. По мнению Н. М. Ядринцева, состояние школьного дела было просто катастрофическим [25, с. 74].

Нельзя не отметить вклад политических ссыльных. Их значимость в данном процессе была обусловлена спецификой развития самого региона. Отсутствие интеллигенции создавало информационный вакуум, который в определенной степени восполнялся ссыльными. В 1911 г. в «Сибирских вопросах» была опубликована любопытная заметка «...в Сибири политические ссыльные всегда были нарасхват. Они готовили детей в гимназии, лечили, писали, делились газетой, всеми своими знаниями, устраивали музеи. Сами жандармские исполнители с нетерпением ждали, не пошлет ли в их округ судьба «политика» – владеющего иностранными языками, и нельзя ли ему поручить обучение дочерей? И конечно, такие полковники были не только снисходительны, но и либеральны» [19, с. 16]. В конце XIX в. в Сибирь ссылали членов и руководителей народнических организаций: врачей, педагогов, литераторов, инженеров, студентов. Они принимали деятельное участие в процессе образования детей местного населения. По данным сенатской ревизии Томской губернии в 1892 – 1893 гг. сельских детей обучали «тайные учителя» [7, л. 10].

Активно действовали ссыльные в крупных городах, например, в Бийске и Барнауле проходила деятельность высланного в 1879 г. из Петербурга В. К. Штильке. Он приложил немало усилий для создания общества попечения о начальном образовании. В 1891 г. в Барнауле было открыто научное общество любителей исследования Алтая [1, л. 16].

Влияние рассмотренных факторов на динамику роста школ подтверждают статистические данные. На 1885 г. (год создания Западно-Сибирского учебного округа) начальных школ в Западно-Сибирском учебном округе насчитывалось 776. Большинство из них располагалось в Тобольской губернии – 331, в Томской губернии – 254, в Акмолинской области – 108, в Семипалатинской – 83 [6, л. 136]. За десять лет – к 1895 г. – Томская губерния значительно опередила Тобольскую по численности начальных учебных заведений. Причин этого несколько. Во-первых, по экономическим показателям Томская губерния к концу века стала значительно превосходить Тобольскую, что было связано со строительством железной дороги, которая способствовала интенсивному развитию губернии в целом. Во-вторых, сам город Томск стал первым городом за Уралом, имевшим высшее учебное заведение. Очевидность данного положения выразил первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа В. М. Флоринский. В 90-е гг. XIX в. он отметил: «...Тобольск превратился в будничный захолустный городок...» [24, с. 117]. Другой современник от-

мечал: «...в настоящее время на городе лежит печать упадка: новых зданий мало, а прежние сильно пострадали... население города почти не увеличивается. Его торгово-промышленное значение ничтожно...» [9, с. 281]. Отсутствие внешних стимулов в развитии Тобольской губернии привело к тому, что за 15 лет в Томской губернии число начальных школ увеличилось на 288 %, в Тобольской – на 117 % [22, с. 157].

Рост количества учебных заведений не отражает реальной картины обеспеченности населения начальным образованием. Следует учитывать в целом охват школьной сетью детей достигших необходимого возраста. На 1885 г. в Тобольской губернии на одного учащегося приходилось 4 неучащихся, в Томской – 1:5, в Акмолинской области – 1:4, в Семипалатинской – 1:7. На 1895 г. показатели изменились. В Тобольской губернии они стали 1:2, в Томской – 1:2, в Акмолинской области – 1:4, в Семипалатинской – 1:7 [23, с. 157].

Большинство школ находилось в городах, дети горожан в сравнении с детьми из сельской местности имели больше возможности получить первоначальное образование. Данные переписи 1897 г. показывают, что в городах Тобольской губернии на 1 учащегося приходилось 4 неучащихся. В сельской местности это соотношение было 1:7 [11, с. 57]. В Томской губернии в городах на 1 учащегося приходилось 3 неучащихся, в сельской местности – 1:6 [5, л. 58].

В Акмолинской области большинство образовательных учреждений, в том числе и начальных, находилось в Омске. В 1897 г. из 196 имевшихся 26 располагались в Омске, в них обучалось 5660 мальчиков (35,5 % от общего числа детей школьного возраста) и 4935 девочек (24 %). На одну школу приходилось 407 детей. В остальных городах области было 18 начальных учебных заведений, в которых обучалось 7325 чел. – 3724 мальчика и 3601 девочка.

В сельской местности существовало 66 школ, при общем количестве детей школьного возраста 24462. В процесс обучения были вовлечены 1981 мальчик – 15,4 % и 631 девочка – 5,4 %. На одну школу приходилось 370 детей школьного возраста. В течение года в области открылось 29 новых учебных заведений, в которые поступило 1048 детей [12, с. 31].

В казачьих селениях вопросы просвещения населения решались Войсковым казачьим правлением, которое уделяло пристальное внимание обучению. Правление стремилось к тому, чтобы обеспечить как можно больше детей местами в школах. Достаточно высокой была доля образованных девочек, в сравнении с другими местностями учебного округа. На 1897 г. в поселках насчитывалось 99 школ, дающих знания 3437 детям, из них – 2589 мальчикам и 848 девочкам. Общее число детей школьного возраста составляло 19322 – 9815 мальчиков и 9507 девочек. На 1 школу приходилось 195 детей: 26,3 % мальчиков и 9 % девочек.

Подводя итог, можно отметить, что на формирование школьной сети Западно-Сибирского учебного округа в последней четверти XIX в. оказали влияние различные факторы, среди которых первое место принадлежало строительству железной дороги. Она активизировала многие процессы, повлиявшие на на-

чальное образование. Это выразилось не только в активном переселенческом движении, которое обеспечило значительный механический прирост населения. Дети вновь прибывших жителей нуждались в начальном обучении, что вскоре стало серьезной проблемой, которая привела к созданию особой категории школ, открывавшихся специально для переселенцев. Развитие капиталистических отношений требовало квалифицированных работников различных сфер деятельности. Все это в свою очередь ставило много задач перед регионом, одной из которых была необходимость в формировании местного образовательного комплекса, основывавшегося в первую очередь на начальном образовании.

На развитие просвещения значительное влияние оказала местная администрация. Деятельность

Н. Г. Казнакова, П. И. Макушина, И. М. Некрасова, И. И. Гадалова и др. привела к повышению образовательного уровня населения, способствовала активности общества, в результате чего появились различные организации, способствовавшие развитию просвещения. Ценен вклад областников, лидеры которого стремились к комплексному развитию Сибири и росту ее культурного уровня.

Перечисленные факторы способствовали развитию школьной сети Западно-Сибирского учебного округа. Произошедшие изменения поставили перед местной администрацией вопрос о необходимости создания специальной системы по управлению и развитию начальных учебных заведений – дирекций народных училищ.

Литература

1. ГАНО. Ф. 869. Оп. 1. Ед. хр. 139.
2. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Ед. хр. 114.
3. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Ед. хр. 1155.
4. ГАТО. Ф. Р-1582. Оп. 1. Ед. хр. 29.
5. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Ед. хр. 32.
6. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Ед. хр. 4.
7. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Ед. хр. 673.
8. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Ед. хр. 770.
9. Головачев П. М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. Хрестоматия по истории Сибири. Новосибирск, 1997. 258 с.
10. Кауфман А. А. Сибирское переселение и исход конца XIX в. СПб., 1901. 46 с.
11. Малайевский Г. Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. СПб., 1896. 85 с.
12. Обзор Акмолинской области за 1898 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора. Омск: Тип. Акмолинского областного правления. 1900. 79 с.
13. Обзор Акмолинской области за 1905 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора. Омск: Тип. Акмолинского областного правления. 1906. 185 с.
14. Памятная книжка Западной Сибири. Омск: Тип. Окружного штаба, 1882.
15. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск: тип. Тобольского губернского правления. 1884. 255 с.
16. Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 г. Тобольск: Тип. Тобольского губернского управления. 1909. 218 с.
17. Потанин Г. Н. Нужды Сибири. СПб., 1908. 290 с.
18. Прибыльский Ю. П. Народное образование Тюменской области // Школа Тобольской губернии в XVIII – начале XX в. Хрестоматия. Т. 1. Тюмень: Вектор Бук, 2001. 430 с.
19. Сибирь и политическая ссылка // Сибирские вопросы. 1910. № 33.
20. Сковородина И. С. Развитие низшего и среднего профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. 24 с.
21. Скопа В. А. История развития статистики и статистических учреждений в Томской губернии в 1835 – 1919 гг. Барнаул: БГПУ, 2009. 212 с.
22. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып. 3. СПб., 1902.
23. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1900 г. Вып. 4. СПб., 1903.
24. Флоринский В. М. Заметки и воспоминания // Русская Старина. 1906. № 4.
25. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб, 1882. 471 с.

Информация об авторе:

Голикова Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, г. Новокузнецк, momsi@yandex.ru.

Olga A. Golikova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(47).084.9

ПРОПАГАНДА И СМИ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ (1954 – 1964 ГГ.)

А. В. Горбатов

PROPAGANDA AND THE MASS MEDIA DURING KHRUSHCHEV'S ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN (1954 – 1964)

A. V. Gorbатов

Статья посвящена изучению ряда пропагандистских аспектов в период хрущёвской антирелигиозной кампании в 1954 – 1964 гг. в СССР. Рассмотрены следующие вопросы: идеологические методы политики советского государства в сфере государственно-религиозных отношений; роль СМИ, пропагандистов научного атеизма и спецслужб в антирелигиозной деятельности.

The paper is devoted to the study of propaganda aspects during Khrushchev's anti-religious campaign in the Soviet Union (1954 – 1964). The following questions are considered: ideological methods of the Soviet government's policy in the sphere of state-religion relations; the role of mass media, propogandists of scientific atheism and intelligence services in anti-religious activity.

Ключевые слова: пропаганда, научный атеизм, СМИ, спецслужбы, государственно-конфессиональные отношения в СССР.

Keywords: propaganda, scientific atheism, mass media, intelligence services, state-religion relations, the Soviet Union.

Данная статья посвящена изучению ряда пропагандистских аспектов в период хрущёвской антирелигиозной кампании в 1954 – 1964 гг. Пропаганда в данном случае нами рассматривается как распространение и утверждение в массовом сознании идеологически обусловленных атеистических взглядов и представлений, составляющих мировоззренческие позиции советского общества в целом. Пропагандистские антирелигиозные материалы в СССР транслировались по различным каналам. Следует выделить два основных направления по осуществлению пропагандистского воздействия: на уровне межличностного общения (лекция, устное выступление, семинар и т. д.), а также с использованием технических средств массовой информации, т. е. инструментов, которыми оперирует журналистика. К техническим средствам журналистики и пропаганды относились, прежде всего, СМИ, а также издательство (книги, брошюры, плакаты) и отчасти кинематограф.

1954 г. ознаменовался повышенным вниманием государственного руководства СССР к вопросам научно-атеистической пропаганды. После того, как Н. С. Хрущев со своими единомышленниками устранил Л. П. Берию, он как новый лидер КПСС обратил свой взор на область идеологической работы. Н. С. Хрущев, как и многие партийные функционеры, полагал, что высокая религиозность в стране объясняется, прежде всего, результатом недостаточной антирелигиозной пропаганды, пассивностью КПСС и чрезмерной активностью духовенства и верующих. Соответственно, активная воспитательная работа среди населения могла, с точки зрения лидера государства, дать позитивные результаты, если только форсировать усилия в данной сфере.

Началом антирелигиозной кампании можно считать выход постановления ЦК «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7.07.1954 г. [8, с. 428 – 432]. Оно обя-

зывало партийные, комсомольские и общественные организации развернуть пропагандистское наступление на «религиозные пережитки». В настоящем документе пересматривались сложившиеся при И. Сталине, в основном толерантные отношения между государством и религиозными организациями. Более того, предшествующая политика осуждалась как «примиренческая», так как у некоторых партийных и советских работников утвердилось ошибочное мнение, что в ходе строительства коммунизма религиозная идеология стихийно, самотеком исчезнет и потому необязательно участвовать в активной атеистической работе. «В то же время, – отмечалось в постановлении, – церковь и различные религиозные секты значительно оживили свою деятельность, укрепили свои кадры и, гибко приспосабливаясь к современным условиям, усиленно распространяют религиозную идеологию среди отсталых слоев населения». Реставрируется забытая лексика времен «безбожной пятилетки»: «церковники и сектанты изыскивают различные приемы для отравления сознания людей религиозным дурманом..., празднование религиозных праздников, нередко сопровождающиеся многодневным пьянством, массовым убоем скота, наносит большой ущерб народному хозяйству, отвлекает тысячи людей от работы, подрывает трудовую дисциплину» и т. д. [8, с. 428 – 429].

Перед партийными, комсомольскими и профсоюзными и другими общественными организациями была поставлена задача – в кратчайшие сроки активизировать научно-атеистическую пропаганду. Так, в Сибири впервые в послевоенное время развернулась широкая газетная антирелигиозная кампания. Содержательную ее сторону мы можем проследить на примере Кемеровской области.

Все антирелигиозные газетные публикации, вышедшие в указанный период, можно разделить на несколько тематических групп:

а) материалы на естественнонаучную тему, пропагандирующие достижения науки и техники и объясняющие явления природы с материалистических позиций. «Есть ли жизнь на других планетах», «Сон и сновидения», «Первые люди на земле», «Сколько лет земле». Публикации подобной тематики должны были, согласно задачам пропагандистского аппарата, опосредованным образом содействовать формированию у трудящихся атеистических убеждений;

б) антиклерикальные публикации произведений классиков российской и мировой художественной литературы. Так, газета «Кузбасс» от 10 октября 1954 г. в рубрике «Свет против тьмы» посвятила антирелигиозной теме целую полосу, в которой присутствовали фрагменты сочинений Л. Толстого, А. Чехова, А. Серафимовича, В. Маяковского;

в) материалы, посвященные непосредственно антирелигиозным вопросам, авторами которых были, как правило, партийные функционеры, пропагандисты, преподаватели общественных дисциплин. Публиковались теоретические материалы о вреде и происхождении суеверий, христианстве и сущности церковных праздников. При этом активно использовалось наследие мировой атеистической литературы, и, прежде всего, основателей марксизма и В. И. Ленина. Для практиков атеистической работы на страницах газет предлагались методические материалы: программы занятий кружков, рекомендательные списки литературы, образцы лекций и др.

Статьи, посвященные вреду религии, зачастую носили наступательно-агрессивный характер. С газетных полос сходили сомнительные, в том числе с точки зрения научного атеизма, сентенции: «религия враждебна советскому здравоохранению», «в действительности религия не имеет какой-то особой морали», «церковная мораль, якобы имеющая универсальное общечеловеческое значение» [9, 27 авг., 8 окт., 2 ноябр.]. Так, кандидат философских наук В. безапелляционно утверждал, что «всякая религия предписывает верующим ненавидеть людей, исповедующих другую религию» [9, 27 авг.];

г) публикации антицерковные, базирующиеся на конкретном местном материале. Для агитаторов-атеистов это была «передовая» борьбы с религией, и именно здесь проявились худшие черты коммунистического богоборчества. Как правило, в подобных статьях, репортажах, фельетонах содержались формулировки, оскорбляющие чувства верующих, производились грубые выпады против духовенства и религиозных объединений.

В статье «В чаду ладана» газеты «Комсомолец Кузбасса», описывая судьбу девушки, исключенной из комсомола за пение в церковном хоре, автор предлагал «вытравить из Любы все отсталое» [7]. В публикации «Лена должна жить» верующая мать, которая под действием предрассудков боится отдать врача своего больного ребенка, характеризуется как «женщина с безразличным лицом святоши и пронизывающими глазами ханжи», «мать, дышащая на вскормленного собой же ребенком дыханием смерти – низменное, хищное существо...» [3].

В материалах о духовенстве под характерными заголовками, например, «Подлинное лицо отца Бори-

са» [6], священнослужители представлялись обществу как «мракобесы», морально разложившиеся люди, пораженные такими социальными недугами, как стяжательство, алкоголизм, взяточничество и др. Пропагандистская война с религией и церковью неминуемо выливалась в оскорбления духовенства и верующих.

Внезапное для верующих и духовенства тотальное атеистическое наступление государства также неожиданно прекратилось с принятием постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 г. Постановление «осадило» ярких богоборцев, предложив заняться развертыванием «систематической кропотливой работой по пропаганде естественнонаучных знаний и идейной борьбы с религией» [8, с. 446 – 447].

До развития сложившейся системы телевизионных средств массовой информации ведущей формой пропаганды долгое время оставалась лекционная работа. Не все имели возможность приобретать и читать газеты. Особенно это касалось «отсталых» верующих. «Лекция была и остается главной формой распространения политических и научных знаний, в том числе одной из главных форм пропаганды атеизма», – отмечалось на Всесоюзном совещании-семинаре по научно-атеистическим вопросам в 1957 г. [1, с. 416 – 417].

Наивная абсолютизация эффективности лекционной работы привела к тому, что качество пропагандистской деятельности пропорционально соотносилось с уровнем религиозности населения. «Церковников и сектантов расплодилось так много потому, что очень плохо поставлена лекционная и агитационная работа» – типичное логическое построение партийного функционера того времени. Распространенность подобного тезиса – заблуждения в партийной среде подтверждают многочисленные архивные материалы (на примере Кемеровской области [4, оп. 7, д. 290, л. 154; д. 218, л. 14; д. 202, л. 160; оп. 8, д. 426, л. 31].

Соответственно критика состояния научно-атеистической пропаганды носила перманентный характер, так как религиозных организаций не становилось меньше, стабильно присутствовали примеры активности верующих и духовенства. Видимо по этой же причине лекторы неохотно специализировались по теме «научный атеизм». «Научно-атеистическая пропаганда в Кемерово отсутствует. Лекторская группа горисполкома развалилась, а областное лекционное бюро организовало в этом (1954 г.) году всего три лекции на научно-атеистические темы», – отмечалось в передовице областной газеты «Кузбасс» [9, 26 авг.].

Лекции по «атеизму» действительно не могли принести необходимого практического эффекта. Как правило, они адресовались не к верующим, а к слушателям-атеистам, подавляющему большинству которых данная проблематика была мало интересна. Вероятность обращения верующего в атеиста также сводилась к нулевой отметке. Трудно поверить, что после часа лекционной работы слушатель изменит свое мировоззрение, формирующееся годами. С учетом того, что часть лекторского корпуса по многим параметрам демонстрировала крайне низкий уровень квалификации, можно утверждать, что степень идеологического

влияния пропагандистских рычагов на религиозные институты была ничтожной, а сама работа лекторов в этом направлении по существу бессмысленной. Выходя за хронологические рамки статьи, следует отметить, что такое положение дел в сфере пропаганды атеизма было повсеместным и продолжалось вплоть до перестройки. Показательны в этом смысле результаты социологического исследования, проведенные в 1969 г. отделом пропаганды и агитации ГК КПСС г. Томска совместно с Домом политпросвещения. В 32-х партийных организациях было роздано 2000 анкет, ответили 1707 респондентов. На вопрос «какие темы больше всего вас привлекают?» были даны следующие ответы: «международная жизнь» – 1386 человек; «вопросы морали и воспитания» – 845; «достижения науки и техники» – 749; «проблемы народного хозяйства» – 544; «вопросы марксистско-ленинской теории» – 393; «вопросы партийной жизни» – 325. Научно-атеистическая тематика интересовала слушателей меньше всего – 206 человек. При вопросе «на какие темы чаще всего приходилось слушать лекции?» ответы сгруппировались следующим образом: «международная жизнь» – 1229; «О В. И. Ленине» – 755; «по вопросам экономики и внутреннем положении СССР» – 702; «по вопросам марксистско-ленинской теории» – 458; «на темы морали и воспитания» – 329 [13, д. 4020, л. 188, 192]. Как видно, атеистическая проблематика совсем не входила в список приоритетных тем пропагандистов г. Томска, несмотря на то, что в этом областном центре вели активную, в том числе нелегальную, деятельность различные религиозные объединения.

Здесь вполне уместно привести слова одного сибирского епископа старообрядческой церкви: «В научно-атеистической пропаганде нет серьезных аргументов и научно обоснованных выводов против религии. В большинстве случаев критикуется неблагоприятные поступки служителей культов, т. е. занимаются попойством. Ведь не случайно на научно-атеистические темы серьезные люди из ученых не выступают. Почти ни один из академиков не пишет на антирелигиозные темы. Серьезный ученый дорожит своим авторитетом, чтобы не подорвать его поверхностными статьями на антирелигиозные темы, он молчит». Примечателен комментарий уполномоченного по делам религии: «Если ознакомиться с положением дел в Новосибирской области, то следует признать, что в этом заявлении нашего идеологического врага доля правды есть» [5, оп. 1, д. 64, л. 14].

Для характеристики состояния научно-атеистической работы исследуемого периода вполне применима оценка Л. И. Боженко, исследовавшего данную проблему в Сибири периода 1920-х гг. «Она проводилась не систематически, временными кампаниями, носила, из-за отсутствия необходимых квалифицированных кадров, подчас легковесный, кустарный характер» [2, с. 135].

Кризисному состоянию научно-атеистической пропаганды способствовал бюрократически-начетнический стиль работы идеологических структур. Отделы пропаганды и агитации при партийных комитетах были заняты в основном бумажной работой. Так, работники Сталинского ГК партии в октябре 1954 г.

ограничились только переписыванием планов районных отделов при проверке выполнения решений по атеистической пропаганде и борьбе за здоровый быт [11]. Подобное происходило и в конце 1960-х гг. В архиве г. Томска есть дело, где отложены сотни листов практически одинакового стандартного текста. Это справки районных и городских комитетов партии о выполнении постановления ОК КПСС от 5.04.1968 г. «О мероприятиях по усилению атеистической работы среди населения» [13, д. 3788].

В пропагандистской антирелигиозной деятельности среди населения активно участвовали сотрудники КГБ. Основными методами были выступления с лекциями в аудиториях, в печати, по радио и телевидению. Только за один 1960 г. сотрудниками УКГБ по Кемеровской области было прочитано 365 лекций, 12 докладов и проведено 135 бесед. Как правило, офицеры ГБ перед аудиторией представлялись работниками пропагандистских, образовательных учреждений. В 1960 г. в прессе было опубликовано 105 статей и фельетонов антирелигиозного содержания, написанных в сотрудничестве и по информации работников КГБ [4, оп. 9, д. 25, л. 2 – 3; оп. 8, д. 156, л. 40]. Кемеровским областным книжным издательством была выпущена антирелигиозная брошюра «От тьмы к свету» (под редакцией работника КГБ). В основу книги [10] легли материалы, собранные местными органами госбезопасности.

Оперативные работники Хакасии, занятые чекистской работой среди иеговистов в 1959 – 1961 гг., прочли более 140 лекций и провели около 300 индивидуальных бесед с представителями общества Свидетелей Иеговы [12].

В Кемеровской области органы госбезопасности, узнав, что священник Ю. в состоянии сильного опьянения, пытаясь пройти в крестильное помещение, разбил окно, с помощью сотрудников районного отдела милиции задержали его на следующий день за мелкое хулиганство. На основании этого Ю. был осужден на 5 суток и водворен в КПЗ. По договоренности с работниками милиции в один из дней священник вместе с другими был выведен на работу (ремонт дороги) на одну из многолюдных улиц города, где он и был незаметно сфотографирован. В увеличенном виде фотография с соответствующими комментариями была помещена в городской сатирической газете «Пережитки прочь», по материалам органов был опубликован фельетон в областной газете «Кузбасс». В итоге, Ю. был снят с регистрации уполномоченным по делам религии, а митрополитом – лишен сана священника и уволен с церковной службы [4, оп. 9, д. 25, л. 26].

Организирующую роль спецслужб в совместных комплексных мероприятиях (советские органы, СМИ, школьная общественность) против незаконных религиозных групп хорошо, на наш взгляд, демонстрируют следующие записи из информационного отчета управления КГБ по Кемеровской области за 1961 г.

«19 сентября 1960 г. *пресвитер общины ЕХБ К. К. Креккер* (курсив автора) вызван в горисполком на профилактическую беседу. Во время этой беседы ему в присутствии старшего пресвитера ЕХБ Ермилова было указано на незаконность сектантских дейст-

вий с его стороны и нарушения соответственного положения ЕХБ, по которому верующим запрещается привлекать на молитвенные собрания детей школьного и дошкольного возраста. Этот факт Креккер в категорической форме отрицал.

Чтобы уличить его в неискренности, с помощью работников городской и многотиражной шахтовой газет, мы организовали негласное фотографирование детей, посещавших молитвенный дом баптистов, а затем установили фамилии и школы, в которых они учатся (курсив автора).

Используя эти данные, 30 октября 1960 г. в Осинниках в городской и многотиражной газете была опубликована статья с фотоснимками: «Оградим детей от баптистов-мракобесов», изобличающая Креккера...» [4, д. 25, л. 4 – 6], после чего последовало общешкольное собрание, на котором атеисты-родители потребовали от верующих родителей прекращения их сектантской деятельности.

Подводя итог, отметим следующее. В антирелигиозных публикациях культивировался упрощенный, нарочито примитивный подход к осмыслению проблемы, касающейся вопросов религии и научного атеизма. Вместо серьезного анализа читателю, как правило, предлагался набор стереотипных суждений относительно конфессий, религиозных организаций и верующих. Они зачастую носили наступательно-

агрессивный характер, были направлены больше на возбуждение враждебности к священнослужителям и верующим. Нередко использовались оскорбительные эпитеты, такие как «фанатики», «мракобесы», «изуверы», «святоши».

В антирелигиозной риторике в исследуемый период в большей степени внимание уделяется представителям протестантских конфессий (баптисты, меннониты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня и др.). Все они именуются «сектантами», содержание термина при этом имеет откровенно негативную коннотацию.

В пропагандистских антирелигиозных кампаниях активную организующую роль играли спецслужбы (КГБ). Именно органы госбезопасности владели наиболее полной и объективной информацией о жизнедеятельности религиозных общин и конфиденциальными сведениями о религиозных руководителях и активистах, которыми в ограниченных объемах впоследствии пользовались пропагандисты и журналисты.

В деятельности пропагандистов присутствовала низкая квалифицированность, а также инертность, начетничество, заформализованный подход к решению каких-либо конкретных проблем, кампанейщина. Идеологический прессинг был затратным и неэффективным, носил скорее профилактический характер.

Литература

1. Амосов Н. К. О формах и методах научно-атеистической пропаганды в современных условиях // Наука и религия. М., 1957.
2. Боженко Л. И. Антирелигиозная пропаганда в Сибири в начале нэпа // По этапам развития атеизма в СССР. Ленинград, 1967.
3. Борьба за Уголь. 1954. 21 ноябр.
4. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1418.
6. Знамя коммунизма. 1954. 10 окт.
7. Комсомолец Кузбасса. 1954. 23 июня.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1985.
9. Кузбасс. 1954.
10. От тьмы к свету. Кемерово, 1960.
11. Сталинское знамя. 1954. 4 дек.
12. Филиал Центрального государственного архива Республики Хакасия (ФЦ ГАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2936.
13. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1.

Информация об авторе:

Горбатов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории цивилизации и социокультурных коммуникаций факультета истории и международных отношений КемГУ, gorb1965@yandex.ru.

Alexey V. Gorbатов – Doctor of History, Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УЧЕНЫЕ СИБИРИ НА ОБОРОННЫЕ НУЖДЫ ОТЕЧЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – 1918 ГГ.)

Ю. П. Горелов

CONTRIBUTION OF SIBERIAN SCIENTISTS INTO THE DEFENSE NEEDS OF RUSSIA DURING WORLD WAR I

Yu. P. Gorelov

Статья посвящена вкладу сибирской науки на оборонные нужды Отечества в годы Первой мировой войны. Показаны различные формы армейской попечительской деятельности, которой занимались сибирские ученые.

The paper focuses on the contribution of Siberian scientists into the defence needs of their Motherland during World War I. It analyses various forms of army fiduciary activities which involved Siberian scientists.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, ученые.

Keywords: World War I, Siberia, scientists.

Первая мировая война, столетие которой будет отмечаться в 2014 году, из-за идеологических установок рассматривалась советскими исследователями как империалистическая, грабительская, чуждая народу России. Наложение табу породило множество запретных тем, в том числе посвященных вкладу сибирских ученых на оборонные нужды. Однако, никакая длительная война без серьезной поддержки гражданского населения просто невозможна. Поэтому оборонная и попечительская работа ученых заслуживает огромного уважения и изучения. Нельзя в истории Отечества допускать, чтобы в угоду классовых идеологий забывались многие гуманные общечеловеческие темы.

Работа ученых была актуальна потому, что неподготовленность к войне увеличивала боевые потери русских войск. Для укрепления обороноспособности страны понадобились запоздалые научные изыскания и производства. Для успешного решения намеченных программ весной 1915 г. при Академии наук была образована комиссия для исследования естественных

производительных сил России. В практические разработки включалось: изучение лечебных свойств соленых озер, растительного сырья, военно-технического творчества, создание сети специальных лабораторий, цехов, институтов.

Главными научными центрами были определены Петроград и Москва. В столичных городах открылись свыше 30 исследовательских отделов: оптической техники, лекарственных трав, продовольственных заготовок и другие. Однако проблемами России стали – изолированность отечественной науки от других стран, недостаток приборов, материалов и особенно кадров-исполнителей. Например, в 1914 г. в Академии наук работало только около 100 научных сотрудников [31, с. 5 – 12].

Малое количество ученых проживало и в Сибири. В регионе под термином научного работника власти считали лиц, ведущих научно-преподавательскую работу в высшем учебном заведении. Основная часть таких кадров работала в Томске. Общее представление об их квалификации дает таблица 1.

Таблица 1

Научная квалификация ученых Сибири на начало 1914 г. [46]

Всего	По квалификации				По отраслям науки			
	профессора	приват-доценты	преподаватели	ассистент-лаборант	медицинские	прикладные	точные	юридические
177	57	15	25	80	90	55	20	12

Из таблицы видно, что только около 40 % ученых имели степени и звание. Свыше 50 % из них были представлены медицинскими науками, остальные прикладными, юридическими, точными. Однако, несмотря на свою малочисленность, эти люди в тесном контакте с населением проводили большую работу, направленную на усиление обороноспособности страны.

С началом войны расширился реестр просветительских и научных обществ. В Сибири стал действовать комитет преподавателей высших учебных заве-

дений по устройству лекций на оборонные нужды. В лекционной работе выделялись томские профессора Г. Г. Гельберг, С. И. Солнцев, С. В. Востротин. Они освещали особенности технического обеспечения вооруженных сил, рассматривали геополитические интересы России, а также экономические связи войны с народным хозяйством и т. д. [18].

В ноябре 1914 г. в прессе журналисты писали о большой зависимости России от промышленности Германии, откуда только в 1913 г. страна ввозила товаров на 640 млн. руб., как правило, из переработан-

ного ранее русского сырья (кожи, шерсти, воска, дерева и т. д.). Значительной была зависимость от немецкого медицинского оборудования и лекарств. В ответ уже в первые недели войны сибирские кустики под руководством ученых наладили производство хирургического инструмента [24; 32].

Помогая беженцам, томские ученые, благодаря разработке собственных опросных анкет, составили городской банк данных на каждую новую семью. Имея обширную статистическую информацию, городская дума, местные комитеты по оказанию помощи беженцам могли быстрее и рациональнее оказать любую помощь пострадавшим людям [29].

С 1915 г. активизировалась деятельность научных медицинских съездов. Форумы проводили Пироговское общество врачей, санитарные отделы Военно-промышленных комитетов (ВПК). Медики обсуждали вопросы лекарственных возможностей растительного сырья, изготовления медицинского инвентаря. Они делились опытом помощи раненым, беженцам, рассказывали о методах борьбы с заразными заболеваниями, решали другие проблемы, связанные с войной.

Вскоре появились и первые практические результаты. Отдел рентгенологии академика П. П. Лазарева подготовил специалистов, которые помогали с устройством рентгеновских кабинетов во многих городах страны, в том числе Омске, Томске, Барнауле, Иркутске и др. Они устанавливали современные рентгеновские экраны и снабжали врачей фотографическими пластинками способными проявляться при дневном свете [31, с. 46]. Совершенствуя оптические приборы, иркутские ученые предложили дорогую заграничную оптику изготовлять из забайкальского кальцита, который ничем не уступал зарубежному исландскому образцам [2].

Спасая жизни солдат, актуальную лечебную и научную работу проводили в госпиталях сотрудники Томского университета. Они на своих конференциях рассматривали вопросы о лечении сложных ранений с последующей демонстрацией пострадавших солдат. Здесь выделялись профессора В. М. Мыш, С. Г. Часовников, Д. П. Кузнецкий и др. [19]. Решая проблему нехватки кадров, администрация медицинского факультета за счет отказа от преподавания второстепенных дисциплин сократила срок обучения студентов до 4 лет. Будущих врачей обязали проходить летние практики в военных госпиталях [20]. Клиники университета расширили прием больных до 6 тыс. человек, в них проводилось в период войны до 1 тыс. операций ежегодно [21].

Санитарным ведомством с помощью сибирских ученых и военнопленных мастеров-протезистов оказывалась помощь инвалидам. В Томске, Красноярске, Омске, Иркутске проводились мероприятия по налаживанию производства протезов, в том числе редких искусственных глаз. Однако малое количество квалифицированных кадров, отсутствие современного оборудования, недостаток сырья так и не позволили вернуть производство в широких масштабах [3].

Опыты, практикуемые профессором А. Е. Чичибабиным, помогли сибирякам из местного растительного сырья получать свои обезболивающие растворы на основе опия и кокаина [31, с. 54]. Растительное сырье

применяли не только в медицинских целях. В годы войны в кожевенном производстве резко сократился ввоз импортных дубителей. Решая эту проблему, научные кадры Сибири рекомендовали на кожевенных заводах открывать собственные соковаренные отделения, в качестве исходного сырья применять иву, ель, лиственницу, бадан и другие местные растения [38].

Учеными региона успешно была решена проблема дефицита мыла, производимого на жировом сырье. Они предложили потребительской кооперации шире применять в мыловарении растительные жиры, известные в науке под названием «саломасса» и «саломалина». Практически при том же качестве стоимость мыла сокращалась более чем на 40 % [42].

Высочайшим повелением от 24 мая 1915 г. научным коллективам предлагалось принять участие в разработках по применению отравляющих газов в военных целях, а также в поисках эффективных средств защиты от этого оружия массового поражения [9]. В августе 1915 г. в Томском университете (далее ТГУ – Ю. Г.) была создана специальная комиссия, в которую вошли профессора А. П. Поспелов (председатель), М. Г. Курлов, П. П. Орлов, Н. А. Александров, Н. В. Вершинин [10]. Члены комиссии изучали образцы противогазов, проводили химические анализы удушающих газов, а также при местном Военно-промышленном комитете открыли собственную оборонную секцию [11].

Осенью 1915 г. на ученом совете ТГУ комиссия доложила о первых результатах: из дешевых и прочных материалов ими был создан собственный противогаз, из смеси жидкого аммиака и кислорода – защита от газовых атак, а также новое сырье для добычи цианистого водорода, необходимого в артиллерийском деле [12]. Получив первые обнадеживающие результаты, ректорат выделил исследовательской группе дополнительные средства, закрепил за ней университетский газовый заводик, помог штатами, посудой, реактивами [13]. В декабре 1915 г. впервые были получены значительные партии продукции. Однако для налаживания промышленного производства не хватало финансов, необходимого сырья и химических реактивов. В начале 1916 г. благодаря успешному столичному показу томской военной продукции, состоящей из газовых отравляющих баллонов, артиллерийских гранат и других изделий, проблема была решена. Эти разработки стали финансировать сразу три ведомства: санитарное, военное и министерство просвещения, причем 75 % всех средств стали перечислять оружейники-артиллеристы [14]. Новое финансирование позволило запустить промышленное производство в структурах нескольких отделений университета: профессора Н. Н. Александрова – по производству синильной кислоты, инженера Г. В. Хонина – по производству кровяной соли, профессора Я. И. Михайленко – по производству металлического натрия. Всего в трех отделениях работало свыше 60 человек [15].

В апреле 1916 г. ректор ТГУ в своем отчете в Петроград сообщал, что оборонные работы завершены. Созданный завод способен выпускать химические вещества к артиллерийским гранатам до 3 пудов в су-

тки. В штате 60 человек, а также группа солдат, прикомандированных к обслуживанию производства. Для хранения продукции построен современный ледник. Свое сообщение он заканчивал просьбой быстрее принять оборонный завод на баланс артиллерийского ведомства [16].

Участвовали сибиряки и в засекреченных проектах по усилению боеспособности флота. Кузбассовец Я. Ю. Тедер занимался испытанием дизель-электрических подлодок типа «Барс», «Гепард», «Веперь» и других, которые затем принимали активное участие в боевых действиях на Балтике [7].

Отметились ученые и другой актуальной работой. Представление о их деятельности дают сведения из Биографического словаря профессоров Томского университета, из которого видно, что большинство из них трудились в боевых отрядах Красного Креста, фронтовых и тыловых лазаретах. Свои знания эти люди передавали на ускоренных курсах по подготовке военного медперсонала, в организации мастерских по изготовлению протезов, в подыскании рабочих мест для инвалидов. Остальные, главным образом обществоведы, занимались патриотическим воспитанием населения, защищали гуманные способы ведения войны и разъясняли вопросы правовой защиты военнопленных, участвовали в организации сбора подарков на военные нужды [30].

За активную работу значительная часть сибирских ученых периодически представлялась к наградам. Только в октябре 1916 г. царские ордена получили сразу 15 человек, среди них: В. В. Сапожников, В. Н. Савин, И. В. Михайловский, Г. М. Иосифов,

Н. И. Кравченко и другие. Из наградных листов можно узнать, что этих людей награждали не только за весомый вклад в оборонную работу, но и как российских патриотов и государственников [17].

Из-за постоянных конских мобилизаций перед учеными-животноводами остро стал вопрос о воспроизводстве лошадиного стада. С помощью ветеринаров в регионе проводился селекционный отбор жеребцов-производителей, особенно английских скакунов. Большую часть таких коней поставляли в Томскую государственную конюшню, специалисты которой решали проблемы выведения лошадей улучшенных пород для военного ведомства [39].

Местные научные кадры привлекались к работе с ценными военными трофеями. По настоянию специалистов-овцеводов 4 тыс. трофейных силезских овец были доставлены на ферму сельскохозяйственного училища г. Омска, на содержание которых власти выделили 6 тыс. рублей. Вскоре породистых животных стали распространять по всем крупным фермам и сельскохозяйственным училищам всего региона [23].

Сибирские ученые участвовали в армейских поставках продовольствия. В регионе всю войну работала крупная заготовительная организация «Монгольская экспедиция». Отряды этой экспедиции работали также в Монголии, Маньчжурии, Китае и даже в Австралии. Возглавлял эту организацию ученый-географ, полковник П. К. Козлов. Благодаря деятельности этой экспедиции, на оборонные нужды было заготовлено значительное количество продукции (таблица 2).

Таблица 2

Особенности заготовок Монгольской экспедиции [44]

<i>Заготовлено</i>	<i>1915 г.</i>	<i>1916 г.</i>	<i>1917 г.</i>
Скота (голов)	24000	93000	120000
Масла (т)	8350	27250	19755
Сала (т)	165	2313	5460
Кож (шт.)	23888	175584	125944
Овчин (шт.)	16306	125944	113216

Как следует из таблицы, к 1917 г. заготовка скота по сравнению с 1915 г. увеличилась в 5 раз, масла в 2 раза, сала в 33 раза, кож в 5 раз, овчин в 7 раз. Такая работа стала возможной благодаря самоотверженной деятельности научных работников этой экспедиции, а также значительной финансовой помощи самого государства. На заготовки в 1915 г. было потрачено 3438 тыс. рублей, а в 1917 г. в 10 раз больше – 32165 тыс. руб.

В Кузбассе с осени 1915 г. велись работы по производству взрывчатых веществ. Акционерное общество «Копикуз» получило крупный военный заказ на строительство ряда оборонных предприятий (порохового, химического заводов и др.). Война создала небывалый спрос на металл. Профессор Томского технологического института Н. В. Гутовский, совершив ряд экспедиций на юг Кузбасса, предложил на основе руд Горной Шории открыть металлургический завод близ старинного города Кузнецка (Новокузнецк).

Проект будущего Завода было поручено исполнить самому автору [25; 27].

Ученые Сибири принимали участие и в производстве артиллерийских снарядов. По их рекомендации на Новониколаевском механическом заводе, который постоянно испытывал нужду в квалифицированных рабочих, стали использовать ремесленников из числа политссыльных. В казенных мастерских красноярского затона, при изготовлении 15 тыс. 90 мм бомб – труд 60 военнопленных [4].

При нехватке стратегического сырья наукой использовалась вторичная переработка отходов промышленного производства, для сбора которого было мобилизовано гражданское население. Обществом повсеместной помощи пострадавшим на войне, работающим в Сибири, было собрано к началу 1916 г. свыше 2 тыс. пудов газет, 33 пуда книг, 2820 пудов тряпок, 7 пудов резины, 27 пудов старых сапог, 22 тыс. шт. бутылок, 24 пуда рогожи, 130 пудов вере-

вок, свыше 200 пудов цветных металлов и других отходов утильсырья [26]. Кроме того, население региона привлекалось к сбору финансовых средств для приобретения сибирскими частями воинских противогазов [5; 6].

Неоценимый вклад на нужды войны вносили специалисты лесных хозяйств Сибири. Они вели заготовки снарядных ящиков, ружейных болванок, колесных ободьев, шпал для стратегических железнодорожных магистралей, а также сырья для санитарной службы (дегтя, уксуса, спирта, скипидара и т. д.). Выделялись химические заводы Переселенческих управлений: Малиновский, Екатерининский, Омский, а также более мелкие вокруг г. Томска. Однако, основанные на кустарном способе производства, имея низкую техническую оснащенность, они не всегда справлялись с военными поставками [40].

Интересную заявку от Омского Военно-промышленного Комитета в Центральный комитет сделал инженер С. Ф. Седов. Он предлагал использовать для прокорма армии пищевые добавки из плодов сибирского кедра. Кедровая мука, жмых, масла по его расчетам имели 45 % белковых веществ, следовательно, по питательным свойствам они превосходили мясо, рыбу, овощи, хлеб. Потому Центральный ВПК поручил Томскому профессору Е. Г. Зубашеву более детально разобраться в этом предложении и только затем начать его промышленное внедрение [28]. Аналогичную заявку на производство сахара из сибирской свеклы сделал профессор С. А. Никольский [27].

В это же время из-за землетрясений и опасных обвалов на Кругобайкальской железной дороге военные ученые, техники и инженеры решали задачу строительства нового объездного пути через Иркутск – Верхнеянский – Бодайбо. Они обосновали обязательную связь Иркутска с безопасной Ленской дорогой оборонной необходимостью, а также тем, что в окружной столице находятся основные запасы боевого обеспечения сибирских частей [34].

Подобные работы проводились и на Дальнем Востоке. Из отчета Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти следует, что только во Владивостокском порту с целью приема заграничных оборонных грузов железнодорожники и моряки значительно увеличили число платформ, маневренных путей, складов, причалов, кранов. С помощью американских и отечественных инженеров для оборонных перевозок они срочно наладили дополнительную сборку подвижных железнодорожных составов, поступающих из Канады и Америки. Кроме того, во Владивостокских мастерских до окончания мировой, а затем и гражданской войн регулярно собирались армейские вагоны-бани, товарные теплушки, а также бронепоезда [33; 35; 36].

В Сибири на основании изученной научной документации отмечается деятельность ученых, направленная на защиту солдат от лишних военных жертв, на благоустройство ратного труда и социальную защиту военнослужащих. Актуальность этой проблематики была вызвана тем, что в общевойсковом бою начала XX в. квадратный метр пространства простреливался более чем десятком пуль. Поэтому в России, как и в других странах, специалисты работали над

проблемой изыскания различных защитных средств. По их рекомендациям в этой войне отказались от широкого применения кавалерийских частей, головы солдат закрыли металлическими касками, а тело укрывали серыми под цвет фронтовой местности шинелями [1]. Для жизни в военно-полевых условиях начинали использовать облегченные сумки, чемоданы, багажи. Один из вариантов такого багажа предложил штабс-капитан 1-го Заамурского полка Максимов. Изобретение под № 64836, названное им выючным багажом, весило всего 10 кг. В багаже находились вещи многофункционального назначения, а именно: кровать-носки, разборный стол-ящик, меховой матрас с отделением для посуды и другие предметы, облегчающие боевую жизнь офицера [22].

Учеными были не забыты и инвалиды. Для них издавались справочники по получению необходимой правовой защиты. В небольших брошюрах юристы-правоведы разместили законодательные акты, адреса отвечающих за работу с инвалидами правительственных и общественных учреждений, списки всех доступных для них больниц, приютов, учебных мастерских и курсов. Большое внимание юристы уделяли пенсионному вопросу: они предупреждали, что права на пенсию терял инвалид, ставший монахом, поступивший на государственную службу, попавший под суд или эмигрировавший за границу. Особые доплаты от 36 до 120 рублей по закону имели солдаты, награжденные Георгиевскими крестами [37].

Наиболее важная научно-исследовательская деятельность ученых нашла отражение в научных изданиях. Широкую известность имели научные сборники, изданные в г. Томске, а также Академической комиссией. Это журналы «Природа», «Богатство России», сборник «Естественные производительные силы России», отчеты о деятельности академических экспедиций и т. д. Общее представление о работе ученых в годы войны дает выпуск печатной продукции. Только одной Российской Академией было опубликовано 1200 стр. научных статей объемом 80 печатных листов, кроме того, некоторые изыскания публиковались в сибирской прессе [31, с. 86].

В целом, по данным главы российского ВПК А. И. Гучкова, в конце войны действовало совместно с учеными 242 Военно-промышленных комитета. Каждый десятый из них находился в Сибири. Подводя итоги оборонной и научной работы, он заявил, что, спасая мир от немецкого милитаризма, Комитеты мобилизовали на оборонную деятельность лучшую молодежь, у народа забрали его последние сбережения (по его словам, крохи), а также смогли в своей работе соединить разные политические силы из числа промышленников, ученых и рабочих [8].

Таким образом, в Сибири деятельность научных организаций имела некоторые местные отличия. Во-первых, они появились позже, чем в центральных губерниях; во-вторых, они тесно сотрудничали с предпринимательскими кругами, общественными организациями, народными массами; в-третьих, в регионе заметный вклад в оборону внесли учебные заведения и научные сотрудники г. Томска; в-четвертых, практическая деятельность сибирских ученых воплотилась в лечении раненых, в стремлении организовать обо-

ронное производство, создании заменителей дефицитному сырью, организации экспедиций по различным военным заготовкам, а также в сохранении для

страны лучшего поголовья скота и организации дружных аналогичных мероприятий.

Литература

1. Бегунова А. И. От кольчуги до мундира. М., 1993. С. 149.
2. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 176. Оп. 1. Д. 502. Л. 237.
3. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 595. Оп. 13. Д. 580. Л. 1 – 10.
4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 629. Л. 314-315.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 50 Д. 5776. Л. 1 – 7.
6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 52. Д. 193. Л. 15.
7. Галкин Н. Судьба рабочего в «рабочем» государстве // Разыскания. 1995. № 3. С. 64 – 73.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 555. Оп. 1. Д. 299. Л. 4 – 5.
9. ГАТО (Государственный архив Томской области). ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.
10. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 107. Л. 8, 13, 14.
11. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 107. Л. 11, 13.
12. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 107. Л. 16 – 17.
13. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 107. Л. 25.
14. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 107. Л. 25, 236.
15. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 107. Л. 221 – 225.
16. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 107. Л. 252, 268 – 269.
17. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 701. Л. 36, 39, 40.
18. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3048. Л. 6 – 8.
19. ГАТО. Ф. 832. Оп. 1. Д. 20. Л. 182, 183, 226, 249 и др.
20. ГАТО. Ф. 832. Оп. 1. Д. 694. Л. 31.
21. ГАТО. Ф. 832. Оп. 1. Д. 703. Л. 38.
22. ГАЧО (Государственный архив Читинской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5138. Л. 42.
23. Жизнь Алтая. 1914. 9 октября.
24. Жизнь Алтая. 1914. 16 ноября.
25. Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее. Кемерово, 1978. С. 90.
26. Отчет общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям за 1915 год. Петроград, 1916. С. 6.
27. Правительственный вестник. 1917. 11 февраля.
28. Правительственный вестник. 1917. 24 февраля.
29. Программа и техника регистрации беженцев в Томске. Томск, 1915. С. 1 – 15.
30. Профессора Томского университета. Биографический словарь. 1868 – 1917 гг. Вып. 1. Томск, 1966.
31. Работа Российской Академии наук в области исследования природных богатств России. Обзор деятельности КЕПС за 1915 – 1921 гг. Петроград, 1922. С. 5 – 12.
32. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 970. Оп. 3. Д. 1184. Л. 282, 283, 351 и др.
33. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1284. Оп. 194. Д. 43. Л. 30, 33.
34. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 423. Оп. 1. Д. 1. Л. 136, 260.
35. РГАЭ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 49. Л. 10, 11.
36. РГАЭ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 50. Л. 32, 58, 59.
37. Справочник по вопросам организации помощи увечным воинам. Петроград, 1916. С. 1 – 23.
38. Сибирская советская энциклопедия (ССЭ). Т. 2. Стб. 788.
39. ССЭ. Т. 2. Стб. 927.
40. ССЭ. Т. 3. Стб. 101, 135.
41. ССЭ. Т. 3. Стб. 542.
42. ССЭ. Т. 3. Стб. 616.
43. ССЭ. Т. 3. Стб. 721.

Информация об авторе:

Горелов Юрий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 8(384-2)58-40-16.

Yury P. Gorelov – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА КУЗБАССА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Н. А. Гурин, В. Г. Дорохов

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CULTURE AND ART IN KUZBASS IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

N. A. Gurin, V. G. Dorokhov

В статье рассматривается ряд аспектов развития начального профессионального образования в сфере культуры и искусства как одного из элементов системы подготовки кадров для данных учреждений. В центре внимания авторов находятся исторические аспекты рассмотрения начального звена подготовки кадров для учреждений культуры и искусства. Делается вывод о том, что, не смотря на специфику работы музыкальных и художественных учреждений в Кемеровской области, они в целом выполняли возложенные на них функции, однако кардинальные изменения в социально-экономической, политической, культурной и духовной жизни страны в 1990-е гг. привели к системному кризису начальное звено профобразования сферы культуры и искусства.

The paper discusses some aspects of the development of basic vocational training in the field of culture and art, as an element of the system of training staff for these institutions. The authors focus on the historical aspects of studying the initial level of training staff for culture and art institutions. The paper concludes that, despite the specifics of music and art institutions in Kemerovo region, they generally perform their functions, but dramatic changes in the socio-economic, political, cultural and spiritual life of the country led to a systemic crisis of basic vocational education.

Ключевые слова: Кемеровская область, культура, искусство, образование, подготовка кадров.

Keywords: Kemerovo region, culture, art, education, training.

Исследование музыкальной и художественной жизни российских регионов, в особенности находящихся на территории Сибири, является, с точки зрения восполнения пробелов культурного строительства, необходимым условием в развитии микроистории Кузбасского региона. Вплоть до настоящего времени нет крупных и развернутых работ, затрагивающих это перспективное направление социальной истории. Понимание культурных и социальных процессов, развивавшихся в системе подготовки кадров музыкального и художественного образования, позволит лучше понять причины кризиса, поразившего советскую систему культуры и искусства в конце 1980-х гг., поскольку только одними политическими и экономическими причинами невозможно объяснить все происходившее в культурной сфере Кузбасса во второй половине XX века.

Музыкальная и художественная жизнь представляет собой специфическую область деятельности человека, заключающую в себе совокупность различных видов музыкально-художественной практики. Для обеспечения запросов населения необходимы кадры, которые позволяли бы в полной мере реализовывать как идеологическую, так и духовную сторону функционирования учреждений культуры и искусства. Кузбасский регион, входивший в 1930-е гг. в Новосибирскую область, быстро развивался в промышленном отношении. Вполне естественно, что это вызвало потребность создания соответствующей социально-культурной инфраструктуры для улучшения жизни трудового населения. В свою очередь это актуализировало задачу подготовки кадров в сфере культуры и искусства. Образование в 1943 году позволило интенсифицировать данную задачу, решение которой облегчалось тем фактом, что Кузбасс использовал уже

сложившуюся к этому времени в стране систему подготовки кадров в сфере культуры и искусства.

Основные типы заведений, из которых состояла данная система, были:

1) учреждения начального профессионального образования, к которым относились детские школы искусств по типам (музыкальные, художественные и т. п.), а также различные студии, коллективы художественной самодеятельности при учреждениях клубного типа;

2) средние специальные учебные заведения, представленные в области культурно-просветительным, художественным и музыкальными училищами, а также отчасти частью педагогических училищ, которые вели подготовку по смежным специальностям в области искусства;

3) высшие учебные заведения, представленные в Кемеровской области институтом культуры, чей вклад в развитие кадрового потенциала существенно повлиял на социально-культурное развитие региона.

Отдельно можно говорить о различных краткосрочных формах подготовки кадров (краткосрочные курсы, факультеты общественных профессий, университеты культуры и т. п.), а также мероприятий, направленных на повышение квалификации работников учреждений культуры и искусства.

Послевоенное восстановление страны, к сожалению, не способствовало быстрому развитию на территории области учебных заведений культуры и искусства, так как не хватало ни квалифицированных кадров, ни полноценного финансирования. К концу 1950-х гг. в г. Прокопьевске был только один оркестр – эстрадный оркестр при кинотеатре. Само население, несмотря на позитивное отношение к музыкальному образованию, в силу специфики социального состава области, далеко не сразу и без особого восторга вос-

принимало идею музыкальной пропаганды. Например, в 1956 г. концерт Глеба Аксельрода, лауреата международных конкурсов, прошел в полупустом зале [1]. Лишь по мере улучшения социально-экономического положения населения в период 1960 – 1970-х гг. просветительная деятельность детских музыкальных школ (ДМШ) и детских художественных школ (ДХШ) раскрылась в полной мере. Председатель Совмина СССР А. Н. Косыгин не раз отмечал важность того, что «...сотни учащихся вместе со своими учителями несут музыкальные знания в массы и в первую очередь учащимся общеобразовательных школ». Фактически это был заказ со стороны государства, который помог сформировать потребность населения в искусстве.

Детские музыкальные и художественные школы (ДМШ и ДХШ) как начальное звено подготовки будущих кадров для учреждений культуры и искусства несли большую функциональную нагрузку в этой системе. Министерство культуры в 1960-е гг. подчеркивало, что наряду с основной функцией ДМШ (подготовкой наиболее одаренных учащихся к поступлению в музыкальные, музыкально-педагогические или культурно-просветительные училища) следует делать акцент и на воспитание активных участников коллективов художественной самодеятельности, способных в т. ч. к руководству ими [2]. Например, в местной периодике этого времени часто фигурировали примеры подобные тому, как выпускника Мариинской ДМШ по классу баяна В. Петрова через пять лет после окончания школы, когда он уже работал следователем городской прокуратуры, пригласили руководить кружком баянистов для школьников [3]. С одной стороны это говорило о востребованности кадров, которые готовились в области, с другой – это было прямым свидетельством профессионального кадрового голода, поскольку вынуждены были привлекать людей из непрофильных организаций для укрепления сферы культурного досуга на местах.

Долгое время главными формами приобщения народных масс к искусству были лекции и концерты, с которыми учащиеся и преподаватели выступали как в общеобразовательных школах, так и в рабочих клубах, учебных заведениях, на строительных площадках, на летних агитплощадках и избирательных участках. Например, за 1969 – 1970 учебный год силами ДМШ г. Новокузнецка было прочитано порядка 300 лекций и дано 283 концерта. Но уже в это время, пусть и редко, но отмечалось, что детские музыкальные школы, как и общеобразовательные, прежде всего, являются учебными заведениями, дающие определенные знания учащимся и поэтому не стоит превращать их в филиалы концертных организаций и филармоний [4]. Фактически стремление руководства области насытить потребность населения в культурном досуге, привело к перекосам практического плана, когда учащиеся вместо подготовки к занятиям и освоению теоретических дисциплин вынуждены были большую часть своего учебного времени тратить на рабочие моменты, с которыми они и так сталкивались после окончания учебного заведения. В некоторой степени связь теории и практики укреплялась лишь за счет снижения теоретической подготовки учащихся.

Идея о необходимости дальнейшего роста сети ДМШ и ДХШ и расширение круга обучавшихся в них детей была доминирующей с точки зрения развития специального профильного образования в стране [5]. Так, с середины 1960-х гг. ежегодно в РСФСР открывалось по 150 – 200 ДМШ, а в школах работало свыше 20 тыс. преподавателей. Хотя в сельской местности имелось уже более 540 ДМШ, количество сельских детей и подростков, обучавшихся музыке, было незначительным [13]. В СССР к концу 1967 г. действовало более 4,5 тыс. ДМШ и ВШОМО (вечерние школы общего музыкального образования) с контингентом около 750 тыс. и 54 тыс. учащихся соответственно. Многие из выпускников ДМШ активно работали в коллективах художественной самодеятельности. Ряд республик СССР (УССР, БССР и КазССР), поддерживая инициативу РСФСР, приняли решения об открытии к 1970 г. в каждом городском районе ДМШ [6], что можно считать свидетельством успешного применения позитивного опыта, полученного одной республикой в других.

Впрочем, как показывала дальнейшая практика, несмотря на бурный рост сети ДМШ, они все равно не могли поспеть за возрастающими потребностями населения. Например, в 1968 г. на Краснобродском разрезе (60 км от г. Белова), данная проблема была решена созданием ДМШ силами родительского комитета. Это достаточно необычно, учитывая централизованный характер открытия новых учреждений культуры, однако формальных препятствий к этому не было. Областное управление культуры разрешило оформить ее как филиал ВШОМО при ДМШ г. Белова на условиях самоокупаемости (силами разреза).

В 1970-е гг. стали проявляться симптомы снижения творческой инициативы в музыкальных учебных заведениях области. Для преодоления этой негативной тенденции было решено в качестве морального поощрения присваивать почетный статус «Дом музыки» (давали за особую концертную и просветительную деятельность). В 1978 году его получила Междуреченская ДМШ [10], а в 1982 году – Прокопьевская [7].

В отдельную группу ДМШ можно выделить детские хоровые школы и хоровые классы. В 1964 г. была открыта первая в г. Кемерово музыкально-хоровая школа Всероссийского хорового общества, положившая начало развитию хоровых студий и школ. В 1971 г. хоровые студии были преобразованы в ВШОМО с хоровым уклоном после поступления соответствующего ходатайства местного отделения Всероссийского хорового общества. Это обосновывалось желанием дать педагогам этих студий те же юридические права, которые были установлены для педагогов ДМШ. Областное управление, в свою очередь, предложило организовать в 1972 г. хоровые отделения в ДМШ области. В задачи этим отделениям вменялось привитие любви к хоровому искусству, воспитание участников и организаторов художественной самодеятельности, а также подготовка наиболее одаренных к поступлению в профессиональные учебные заведения. Впрочем, процесс имел незначительные темпы. Так, только в 1977 г. по инициативе директора школы М. М. Маслова был открыт хоровой класс в

ДМШ п. Малиновка (район г. Осинники) [8]. Первой ДМШ г. Новокузнецка, в которой были организованы занятия хорового пения, стала ДМШ № 7, затем ее примеру последовали и другие школы (например, в 1977 г. в Междуреченске открылась детская музыкально-хоровая школа № 52). Развитие школьных хоров и хоровых школ способствовало появлению нового типа детского музыкального творчества в виде постановок детских опер.

Важное место в системе начального профессионального образования в сфере культуры и искусства отводилось художественному образованию. В Кемеровской области, как и в целом по стране, сеть детских художественных школ (ДХШ) в сравнении с музыкальной сетью развивалась крайне медленно. Обучение детей живописи в районных центрах и сельской местности было практически невозможным. В целом по стране констатировалось не только малочисленность школ, но и отсутствие специализированных школ-интернатов, а также ограниченное количество мест, выделявшихся для учащихся ДХШ в школах-интернатах Министерства просвещения. На конец 1965 г. в РСФСР было только 52 ДХШ, в т. ч. 6 в Сибири (Иркутская, Омская, Читинская, ДХШ в г. Комсомольске-на-Амуре и Исилюле), а также опорная художественная школа, которой стала ДХШ г. Красноярска. Министерством культуры СССР в 1966 г. для перелома этого положения было принято решение об открытии во всех областных центрах страны ДХШ (порядка 30 школ), и в т. ч. в Кемерово в 1967 г. (вторая была открыта в 1970 г. в г. Новокузнецке) [9]. С 1967 г. по 1972 г. в городах области было открыто восемь ДХШ, что достаточно много для такого небольшого временного интервала.

Впрочем, если начальное музыкальное и художественное образование развивались главным образом в форме детских школ искусств, то ряд других направлений этой сферы получил свою начальную ступень в коллективах художественной самодеятельности. Подготовка кадров и обучение в данных объединениях не являлось первостепенной функцией, однако ряд творческих направлений, особенно в области культуры (кино- и фототворчество, народная хореография, фольклор и т. п.) получили именно в форме художественной самодеятельности начальную ступень профессионального образования. Занятие музыкой в подобных объединениях, как начальная ступень профессионального образования, было малоразвито по причине достаточно обширной сети ДМШ, однако также имело место. К подобным формам можно отнести различные платные детские музыкальные кружки, которые работали при клубах, домах и Дворцах культуры и других организациях (например, пионерские клубы ЖЭК, комбинаты бытового обслуживания и т. п.). К ним можно отнести и различные любительские музыкальные коллективы, функционировавшие как на базе учреждений клубного типа, так и в рамках внешкольной работы учреждений народного образования.

Широкое распространение получили занятия в танцевальных коллективах при учреждениях клубного типа. Местная печать поддерживала стремления детей и подростков заниматься хореографией в само-

деятельных объединениях и сделать это своей будущей профессией, для чего рекомендовалось поступать на хореографическое отделение института культуры, готовившее балетмейстеров и руководителей любительских танцевальных коллективов [10]. Но если начальное профессиональное хореографическое образование, пусть и частично, было представлено в рамках государственных школ искусств (начало 1980-х гг.), то ряд других видов творчества имел своей начальной образовательной формой только коллективы художественной самодеятельности. В частности так обстояло дело с кино- и фототворчеством, поскольку для получения профессионального образования по данной специальности не требовалось обязательного начального профессионального образования.

Фактически, кино- и фотодвижение было ярким проявлением взрослого художественного творчества, которое своими корнями уходило в детское художественно образование, закладывавшее в своих обучающихся необходимую базу для совершенствования своих навыков и умений во взрослой жизни. Условной точкой начала движения кино- и фотолюбителей в Кемеровской области можно назвать 1961 г., когда прошел первый областной смотр кинолюбителей. Дополнительный импульс кино- и фотодвижению в Кемеровской области в середине 1960-х гг. дал приказ Кемеровского управления культуры «Об организации кинофотостудий и кружков в клубных учреждениях области», изданный на основе Постановления Совета Министров РСФСР [11]. Директорам средних специальных учебных заведений и ДМШ надлежало принять меры к распространению кинолюбительства среди студентов, учащихся и преподавательского состава, организовать в этих целях кружки кинолюбительства, общественные любительские киностудии, обеспечить приобретением необходимой киноаппаратуры. Заведующим районными и городскими отделами культуры надлежало создать в течение двух лет при каждом головном районном клубном учреждении кино- и фотокружки, а также ряд студий для организации методической помощи кружкам. Силами этих кружков должны были сниматься киносюжеты на местную тематику, фотоочерки о трудовых буднях, лучших людях деревни, новом быте. Заведующим отделами культуры также следовало обеспечить участие сельских кино- и фотолюбителей в областных смотрах.

К 1974 году на территории области действовало 113 любительских киностудий [12]. Впрочем, несмотря на широкое распространение в Кузбассе кино- и фотолубительства, во главе самодеятельных студий зачастую стояли люди пусть и преданные своему делу, однако не имеющие специального образования, работающие скорее по наитию. Для решения этой проблемы в 1974 г. в Кемеровском государственном институте культуры была открыта специализация «Режиссура любительского кино- и фотоколлектива» [13]. В планах значилось даже открытие такой формы повышения квалификации, как постоянно действующий киноуниверситет, который мог бы помогать стихийно открывающимся кинофакультетам, кружкам, клубам, возглавляемым энтузиастам. Однако данная инициатива не получила своего логического продол-

жения. Не в последнюю очередь это было связано с ухудшением экономической ситуации в стране. В 1990-е годы кардинальные изменения в общественно-политической, экономической, культурной и духовной жизни России поставили музыкальное и художественное образование перед проблемой выживания.

Многие острые проблемы, существовавшие и ранее, привели к тому, что данный уровень подготовки кадров в сфере культуры и искусства оказался в состоянии системного кризиса, от которого он смог оправиться только в 2000-е годы.

Литература

1. Котенев С. Мир полный звуков // Кузнецкий рабочий. 1970. 18 сентября [Детские музыкальные школы г. Новокузнецка].
2. Р-786. Д. № 288. Л. 154 – 159. Постановление коллегии Министерства культуры СССР «О состоянии и мерах по улучшению работы музыкальных школ» от 29.02.1968 г.
3. Петров В. Музыка всегда со мной // Вперед. 1973. 16 ноября. [ДМШ г. Мариинска – 15 лет].
4. Ройз Е. Работать с большей отдачей // Знамя шахтера [Междуреченск]. 1984. 17 июля. [О ДМШ № 24 г. Междуреченска]; Берсенев Е. Дом музыки звучит гордо! // Контакт [Междуреченск]. 2005. 27 сентября (№ 69). С. 13. [ДМШ № 24 – 48 лет].
4. Р-786. Д. № 288. Л. 202 – 207. Постановление коллегии Министерства культуры СССР «О состоянии и мерах по улучшению работы музыкальных школ» от 29.02.1968 г.
5. Котенев С. Мир полный звуков // Кузнецкий рабочий. 1970. 18 сентября. [Детские музыкальные школы г. Новокузнецка].
6. Р-786. Д. № 288. Л. 202 – 207. Постановление коллегии Министерства культуры СССР «О состоянии и мерах по улучшению работы музыкальных школ» от 29.02.1968 г.
7. Золушка просится в школу // Комсомолец Кузбасса. 1975. 11, 14 января. [Об открытии детской филармонии при ЦДМШ № 1 г. Кемерово]; Пирожников В. Двери в страну музыки // Комсомолец Кузбасса. 1975. 11 марта. [Об открытии детской филармонии при ЦДМШ № 1 г. Кемерово]; Багаева И. Приглашает детская филармония // Комсомолец Кузбасса. 1979. 13 октября. [О работе детской филармонии при ЦДМШ № 1 г. Кемерово].
8. Ястребов Ю. Приглашение к танцу // Комсомолец Кузбасса. 1971. 2 сентября. [О хореографическом отделении КГИК].
9. Р-786. Д. № 251. Л. 115 – 118. Об итогах совещания директоров и педагогов ДХШ и мер по дальнейшему развитию детского художественного образования. 31.05.1965 г.
10. Патрушев И. Детской музыкальной школе – 20 лет // Борьба за уголь. 1958. 9 февраля. [ДМШ г. Анжеро-Судженска]; Шатская Т. Личная жизнь Изабеллы Гранат // Такие женщины в сибирской стороне / сост. Р. Лобанов, Е. Чусовитина, Р. Миронова. Кемерово, 1998. С. 28 – 31.
11. Постановления Совета Министров РСФСР «О развитии узкоплёночной кинематографии и широком использовании ее для учебных целей и политико-просветительной работы» № 387 от 30.04.1966 г.
12. Цукров В. «Малый экран» Кузбасса // Кузбасс. 1986. 8 мая. [О работе кафедры кинофотомастерства КГИК].
13. Институт ждет пополнения / на вопросы корреспондента отвечал Л. Казаков // Комсомолец Кузбасса. 1974. 14 мая. [О новых специализациях в КГИК].

Информация об авторах:

Гурин Никита Александрович – аспирант института истории СО РАН, nikita.gurin@mail.ru.

Nikita A. Gurin – post-graduate student at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Дорохов Валерий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, dorokhov_@mail.ru.

Valeriy G. Dorokhov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

**РИСУНОК КАШТАКСКОГО ОСТРОГА И РУДНИКА
ИЗ «ХОРОГРАФИЧЕСКОЙ ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГИ» С. У. РЕМЕЗОВА
В. Н. Добжанский, А. Н. Ермолаев**

**THE FIGURE OF KASHTAKSKY JAIL
AND MINE FROM "CHOROGRAFIC DRAWINGS BOOK" BY S. U. REMEZOV
V. N. Dobzhansky, A. N. Ermolaev**

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-11-42002а.

Первым отождествил острожек на рисунке с Каштакским острогом барнаульский историк В. Б. Бородаев. В 2011 г. в письме А. Н. Ермолаеву, который сообщил ему о нашей работе с документами по Каштакскому промыслу и предполагаемом их издании, указал на рисунок из ХК. По его мнению, это было изображение Каштакского острога 1697 г. Авторы выражают В. Б. Бородаеву искреннюю благодарность.

В 1696 г. в Томском уезде на р. Каштак была найдена серебряная руда. В 1697 г. на этом месте был построен Каштакский острог и предпринята попытка наладить добычу руды и выплавку из нее серебра. Эта работа осуществлялась греческими мастерами во главе с А. Левандианом. Наши представления по истории Каштакского промысла до сих пор опирались на очень небольшой круг источников, опубликованных еще в XIX в. Эти публикации в значительной мере носили случайный характер и отражали далеко не все вопросы истории этого промысла. Между тем по Каштакскому промыслу имеется значительный комплекс документов, которые были скопированы Г. Ф. Миллером в 1740 г. в Томском и Тобольском архивах и сейчас хранятся в СПФ АРАН и РГАДА. Местонахождение серебряной руды на рч. Каштак отмечено на «Чертеже земли Томского города», копия которого имеется во всех трех атласах С. У. Ремезова. На вклейке к чертежу р. Томи «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова есть безымянный рисунок острога и рудника. По мнению авторов статьи, на этом рисунке дано подлинное изображение Каштакского острога и рудника.

In 1696, silver ore was found in Tomsk district on the river Kashtak. In 1697, Kashtaksky jail was built at this place and an attempt to establish ore extraction and silver melting from it was made. This work was carried out by Greek craftsmen headed by A. Levandian. Our knowledge of the history of Kashtaksky development was based on a very small number of sources published in the 19th century. To a considerable extent, these publications occurred at random and did not reflect all the issues of the history of that development. Meanwhile, there is a significant set of documents on Kashtaksky development that were copied by G. F. Miller in 1740 in Tomsk and Tobolsk archives which are now stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg Branch and in the Russian State Archive of Ancient Documents. The location of silver ore by the river Kashtak is marked in "The Draft of Tomsk City Area", a copy of which is available in all the three atlases by S. U. Remezov. The foldout to the drawing of the river Tom in the "Chorographic drawings book" by Remezov contained an unnamed drawing of a jail and a mine. The authors believe this drawing to be a genuine image of Kashtaksky jail and mine.

Ключевые слова: Томский уезд, Каштакский рудник, Каштакский острог.

Keywords: Tomsk district, Kashtaksky mine, Kashtaksky jail.

В последние годы заметно оживился интерес к истории горнозаводского дела Урала и Сибири XVII в. В частности, было опубликовано несколько работ по истории сереброплавильного завода, который был построен в конце XVII в. на рч. Каштак в Томском уезде (примерно в 8 км юго-западнее районного центра Тисуль Кемеровской области).

Многочисленные попытки найти собственные источники серебряной руды, предпринимаемые русским правительством на протяжении всего XVII в., успеха не имели [13, с. 71 – 114; 14, с. 149 – 190; 15, с. 35 – 46; 16, с. 8 – 10; 24, с. 68 – 71]. Поэтому сообщение об открытии в Томском уезде серебряной руды, образцы которой получили в Москве в сентябре 1696 г., было воспринято с большим интересом и надеждой. Опытные плавки руды, проведенные в Риге и в Москве, дали положительные результаты. Греческий мастер-рудознатец А. Левандиан, служивший в Сибирском приказе, предложил построить на месте находки руды сереброплавильный завод. Правительство молодого

Петра I заключило с ним контракт сроком на 4 года, в течение которых он должен был наладить производство серебра и обучить несколько русских людей рудоплавному мастерству [17, с. 269]. Каштакский рудник и завод были построены осенью 1697 г., но уже через два года были заброшены по причине низкого качества руды и очень тяжелых геологических условий ее залегания, постоянной угрозы нападения со стороны енисейских кыргызов [7, с. 53 – 54; 11, с. 86 – 87].

Наши представления по истории Каштакского промысла до сих пор опирались на очень небольшой круг источников, опубликованных еще в XIX в. Эти публикации в значительной мере носили случайный характер и отражали далеко не все вопросы истории этого промысла [10, с. 333 – 341; 17, с. 268 – 270; 23, с. 5 – 14]. Между тем по Каштакскому промыслу имеется значительный комплекс документов, которые были скопированы Г. Ф. Миллером в 1740 г. в Томском и Тобольском архивах и сейчас хранятся в СПФ

АРАН и РГАДА [1, с. 175; 2, с. 35 – 39]. Их полная публикация готовится авторами статьи. Задача настоящей статьи другая.

Наряду с письменными документами сведения о местонахождении серебряной руды на рч. Каштак нашли отражение и на «Чертеже земли Томского города», копия которого имеется во всех трех атласах С. У. Ремезова [18, л. 11; 19, л. 168]. Эти сведения очень кратки и ограничиваются надписями «руда серебряная» («Хорографическая чертежная книга» (ХК), Л. 168), «руда серебряна» («Чертежная книга» Сибири (ЧК), Л. 11) и «серебrena руда» («Служебная чертежная книга» (СК), Л. 58).

Напомним, что ХК является самым первым из созданных С. У. Ремезовым атласов Сибири. Он был начат в октябре 1696 г. и закончен к 1 сентября 1697 г. Книга состоит из 175 листов, сгруппированных в 98 глав и разделенных на две части. Первая часть представлена 150 чертежами рек Сибири, во втором разделе следуют копии обзорных карт Сибири, чертежи, относящиеся к работам по строительству Тобольска в 1684 – 1689 гг. и копии шести карт-чертежей городов с уездами (Тюмень, Тара, Березов, Томск, Кузнецк, Мангазья). Работу над атласом С. У. Ремезов продолжал и в последующие годы. Об этом свидетельствуют дополнительные чертежи рек, которые подклеены к готовым чертежам [5, с. 82 – 89]. ХК хранится в Гуфтоновской библиотеке Гарвардского университета США. В 1958 г. она была опубликована в Голландии [3, с. 183 – 185; 4, с. 94 – 101]. В 2010 г. книга была полностью оцифрована и стала доступна в интернете [19], а в 2011 г. издана в Тобольске [20]. Второй том последнего издания, в котором и опубликована ХК оказался для авторов статьи недоступным. В связи с этим в статье использована электронная версия ХК.

Именно в ХК имеется рисунок острога и рудника, названия которых неизвестны и представляют загадку для исследователей. Никаких подписей под рисунком нет. Название реки, на берегу которой изображены рудник и острог, также отсутствует (рис. 1). Гольденберг в своей книге о С. У. Ремезове среди вклеек к чертежам рек отметил «рисунок острожка», но обратил внимание не на него, а на оборотную сторону этой вклейки: «В печатном издании книги (имеется в виду голландское издание ХК) не воспроизведена обратная сторона вклейки (к л. 130) на которой, находится заметка о классификации сибирских народов» [5, с. 88]. Поскольку рисунок острожка не имел никаких подписей, то Гольденберг больше к нему не возвращался, уделив внимание классификации народов.

Гольденберг не объяснил, какое отношение имеет указанная классификация народов к чертежу реки Томи. Если исходить из названия главы 44 Хорографической книги «Река Том с урочищи и степь з жильями язык», то данная классификация тут явно неуместна. Здесь перечислены не только народы Сибири и Дальнего Востока, но и Поволжья, Монголии, Китая, Средней Азии. Даже включенные в перечень народы, обозначенные как проживающие «под Томским» – «чюлымцы, ачинцы, кыргызы белые и черные, алтырцы, теленбинцы, далайцы, далай катуни», собственно

к р. Томи отношения не имеют. Тогда возникает вопрос, какое отношение к чертежу р. Томи имеет безымянный острог и рудник. Ответ будет тоже отрицательный – никакого. Тем не менее определенная логика в этом есть. Из названия статьи уже ясно, что речь идет о Каштакском остроге и руднике, которые были построены в Томском уезде осенью 1697 г. [7, с. 53 – 54]. Какие же у авторов статьи имеются для этого основания?

Острог и рудник имеют отношение не к р. Томи, а к Томскому уезду, центром которого был г. Томск, изображение которого дано на этом чертеже. Если бы на рисунке был изображен только один острог, то определить его название было бы крайне затруднительно. В Томском уезде в конце XVII в. было несколько острогов – Ачинский, Верхотомский, Мелесский, Сосновский, Уртамский [18, л. 11]. Ключом к установлению имени острога является чертеж рудника. В Западной Сибири в это время было только одно место, где была предпринята попытка наладить горнорудное дело – на рч. Каштак в Томском уезде, о чем уже говорилось выше.

В мае 1698 г. томский воевода В. А. Ржевский в своей отписке в Москву писал: «В нынешнем, государь, 206-м году грек Александр Левандиан с товарищи бил челом тебе, великому государю, чтоб отпустил товарища ево грека Спиридона Мануйлова для всяких нужд к тебе, великому государю, к Москве. А по твоему, великаго государя, указу и по грамоте указано мне, холопу твоему, из них по одному человеку к Москве отпускать кого он, Александр, похочет послать. И я, холоп твой, по тому ево, Александру, челобитью того товарища ево, грека Спиридона Мануйлова, к тебе, великому государю, к Москве отпустил» [22, л. 70 – 70 об.]. Сообщив также о работе на промысле, воевода добавил: «А те, государь, вышеписанные серебряныя руды и тех руд жилам, в которых подкопах явились вновь, *написав всему чертеж и подписав*, послал я, холоп твой, к тебе, великому государю, к Москве с греком Спиридоном Мануйловым да с томским сыном боярским Васильем Жуковским» [22, л. 71 об. – 72] (*здесь и далее курсив наш – В. Д., А. Е.*).

С. Мануйлов прибыл в Москву 17 сентября, а уже 18 сентября в Сибирском приказе, отвечая на вопросы приказных дьяков, сказал: «...они, греченя, почали копать землю, где явилась жила серебряной руды от речки Коштака в болото и болотом и копали подкопом недель с шесть на три части, для того, что рудные жилы пошли на трое. А в ту шесть недель тем подкопом прошли на сорок на одну сажень трехаршинных, и в том числе в глубину шесть сажень, а достальные сажени копали в сторону к болоту и болотом подкопом, как шли рудные жилы. *А шла де та жила не прямо, луковата, и о том подписано на чертеже, которой привез он, Спиридон*» [24, л. 264 об.; 10, с. 340].

Кроме этого, Мануйлов подал в Сибирском приказе и письмо А. Левандиана, который писал: «...и мы, приехав, работать начали. И киргисские воинские люди ездят кругом острога непрестанно, и из острогу выходить вдаль нам ни по что не дают. *И где прежде сего явилась руда серебряная, в краю берега речки*

Коштаку, и та жила пошла в болото, и о том на чертеже указывает. И мы зачали работать на том месте, на старом, где нам указали, и для того, что близко острога; и когда увидим людей неприятельских, и мы от них убегаем в острог. А работа, государь, началась октября с 1 числа, копали в глубину яму 6 сажень трехаршинных, а болши того копать было невозможно, для того: вошло воды многое число и были великие морозы; а жила из той подкопной ямы разделилась на 4 стороны, а изо всех сторон течет ключевая вода, и мы, ту воду выливая и землю копая с великим своим трудом и мучением, шли подкопом 6 недель, вошли в землю длиною 41 сажень трехаршинных» [10, с. 338; 24, л. 262 – 262 об.].

Сличение приводимых сведений из сообщений Ржевского, Левандиана и Мануйлова с надписями на чертеже рудника показывает их полное совпадение – вход в штольню от берега реки, с указанием глубины 6 сажен, разветвлением на несколько жил («луковата», по выражению Мануйлова).

Обратимся теперь к чертежу рудника из ХК. Он действительно сопровождается подписями, которые мы приводим по тобольской публикации: «*Схема рудника. В глубину 6 саженей от порогу, ямы в 6 саженей, руда, жила, от наугол до ус(тя) 10 саженей, от устья подкоп до жилы 6 саженей, до жилы 4 сажени, руда доброй желтой, 13 саженей подкоп, подкоп ишут корень, подкоп круг камени 6 саженей, подкоп ишут корень под черной к(амень) 2 сажени, руда к(амень) черной бол(ьшой), от камени подкоп 4 сажени*» [20, с. 142].

Рисунок фиксирует рудник на момент завершения работы в начале декабря 1697 г. Работу греки начали 1 октября, копали шесть недель и закончили в связи с наступившими холодами в конце ноября. Приказчик острога С. Лавров уточняет, что произошло это 25 ноября: «А работные люди и грек Симион перестали земляной работы работать ноября с 25 числа. А с того числа льют из той ямы воду и столбы ставят по вся дни; а воды льют из той ямы ста по четыре и болши. А в иных местах нынешним временем зимним серебряной руды за морозами промышлять никоими делы невозможно. ... А грек Симион мне говорил, что промыслу серебряной руды до весны промышлять не станет» [22, л. 47]. Но эти даты даны по старому стилю, по новому стилю окончание работ приходится на 5 декабря. Работа на руднике была возобновлена только в конце мая 1698 г., когда Мануйлов с чертежом рудника отправился в Москву [22, л. 71 – 72].

Месяцем раньше, 11 августа 1698 г., в Москву приехал С. У. Ремезов в связи с назначением его руководителем работ «каменному городскому строению» Тобольска. Здесь он пробыл 4 месяца [5, с. 41 – 51]. Не вызывает сомнений, что в Сибирском приказе он виделся с греческим мастером и получил от него последние сведения о Каштакском промысле, о находке новых руд на рч. Барандате и р. Большом Китае. Разумеется, Мануйлов показал Ремезову и рисунок острога и рудника, с которого «иконник» сделал копию.

Впрочем, с Мануйловым Ремезов мог встретиться и в Тобольске буквально накануне своего отъезда в

Москву, куда он выехал 28 июня 1698 г. [5, с. 43]. Мануйлов был отпущен из Томска 29 мая 1698 г. [22, л. 72]. Водный путь от Томска до Тобольска занимал тогда около месяца. «И в Тобольску, – рассказывал Мануйлов в Сибирском приказе, – те опытные руды боярин и воеводы князь Михайло Яковлевич да стольник князь Петр Михайлович Черкасские и дьяки в приказной полате распечатывали, и для образцов той руды оставили в Тобольску, а сколько, не ведают. А достальную опытную руду, за тобольскою печатью, прислали с ним, Спиридоном, к Москве в Сибирской Приказ» [10, с. 340 – 341]. Если Ремезов находился еще в Тобольске, то пропустить такую встречу с греческим мастером он не мог. В этом случае получает объяснение наличие на оборотной стороне листка с рисунком острога и рудника перечня народов. В момент встречи с греческим матером у Ремезова не оказалось под рукой чистого листа бумаги, и он сделал копию на первом, попавшемся ему под руку, листке с перечнем народов. В любом случае рисунок острога и рудника – это копия Ремезова, снятая с подлинного чертежа Каштакского острога и рудника, привезенного в Москву Мануйловым.

Получив сведения о начале работы на Каштакском промысле, С. У. Ремезов постарался отобразить их в «Хорографической книге». Сведения о местонахождении серебряной руды на р. Каштак имелось уже на «Чертеже земли Томского города». Однако копия этого чертежа, сделанная в размер «Хорографической книги», не позволила внести в нее новые дополнительные сведения (строительство Каштакского острога, о новых находках руды на р. Большой Китае и рч. Барандате). Эти сведения С. У. Ремезов вносит в чертеж р. Чулым, который, видимо, был готов и подклеен к чертежу р. Оби еще в Тобольске («Обь. Глава 38 и р. Чулым»). Наше предположение основывается на том, что обозначение ясных волостей в виде трех небольших кружков, русских деревень в виде небольших прямоугольников, Ачинского и Мелесского острогов, дороги из Томска в Киргизы и на Красный Яр, как на чертеже р. Оби, так и на чертеже р. Чулым показаны красным цветом. Очень схематичное изображение Каштакского острога в этом плане отличается не только черным цветом, но и по стилю. Копию же острога и рудника он подклеил под чертеж «р. Том с урочищи». Сделано это было, видимо, из чисто практических соображений. Чертеж реки Чулым сам являлся вклейкой к чертежу р. Оби и подклеивать к нему еще один лист было нецелесообразно. Чтобы не потерять сделанный рисунок острога и рудника, не имевший никаких подписей, Ремезов и подклеил его к чертежу «р. Том с урочищи». Здесь находилось изображение Томского города, центра одноименного уезда, на территории которого и находился Каштакский промысел и острог.

Обратимся к рисунку острога. Первые общие сведения о Каштакском остроге были получены от С. Мануйлова, который рассказал в Сибирском приказе, что «служилые люди поставили острог, мерою по 20 сажен все четыре стены, покопан рвом, а по углам 4 башни рубленые, а в них избы» [10, с. 340]. Кроме того, из одного документа, скопированного в 1740 г. И. Гмелиным в Томском архиве, было извест-

но, что в остроге была «построена часовня во имя великих иерархов вселенских учителей Василия, Григория, Иоанна» [9, с. 41]. На основании этих скудных данных В. Н. Добжанским была предпринята реконструкция Каштакского острога [7, с. 55]. Предполагалось, что эти ворота находились под проездной башней с часовней. Однако на рисунке Каштакского острога из ХК проездной башни нет. В настоящее время в нашем распоряжении имеется «Роспись острожному строению» Каштакского острога, в которой сказано, что часовня была построена «на проезжих воротах» [21], которые были поставлены, видимо, на столбах (Приложение). Ворота и надвратная часовня выходят к реке и показаны на рисунке горизонтальными штрихами.

Таким образом, рисунок острога не во всем согласуется с острожной росписью. И здесь мы должны, видимо, говорить не о подлинности изображения, а о точности его изображения художником. Иными словами, перед нами не «фотография» Каштакского острога, а обобщенное отображение небольшого сибирского («уездного») острога. В Томском уезде таких острогов было пять (см. выше). Все они были однотипны по своему внутреннему и внешнему виду и для художника его изображение не представляло трудности. Надо полагать, что в воеводском архиве имелись и чертежи этих острогов.

В одной из своих работ Гольденберг привел этот рисунок острожка «с тыновой оградой, характерной для большинства сибирских укреплений XVII в.» как типичный пример первого типа укреплений военно-оборонительных сооружений населенных пунктов [6, с. 166].

Исследования историков архитектуры показали, что «сибирские крепости XVI – XVII вв. состояли почти из однотипных построек ... Жилые дома в самой крепости строились редко. Сменные «годовальщики» располагались в жилых этажах башен, а постоянные служивые люди и другое население ставили свои усадьбы на посаде. Церковь в виде надвратной часовни либо отдельного здания также являлась неизбежным элементом застройки» [12, с. 35].

Относительно авторства первоначального чертежа Каштакского острога и рудника, можно высказать следующее соображение. Из отписки В. А. Ржевского следует, что они были изготовлены самим воеводой (см. выше). Вряд ли следует понимать это в прямом смысле. Вероятно, воевода посылал на промысел живописца Я. Фомина, который в июне 1697 г. в составе отряда служилых людей под командованием С. Тупальского и В. Круглика ездил на рч. Коштак для взятия руды для «опыту» и сделал чертеж этого места [8, с. 151 – 153]. Чертеж этот оказался не совсем готовым и томский воевода в сентябре 1697 г. отправил его С. Лаврову, полк которого только что прибыл на рч. Коштак, для исправления. В своей отписке В. А. Ржевскому С. Лавров написал: «Присланы ко мне чертеж с конным казаком с Терентьем Серединным и велено на том чертеже по подпискам исправить, что от которого места верст и сажень. И я тот чертеж по подпискам исправляя, послал в Томской с сыном боярским с Ыльею Цыцуриным да с служилыми людьми с Миткою Бурнашевым да с Васьюкою Ко-

лесниковым 206-го году сентября в 26 день» [24, л. 503]. После постройки острога и начала работ на промысле Фомин, вероятно, еще раз приезжал на р. Каштак, чтобы сделать рисунок острога и возможно рудника. Не исключено, однако, что чертеж рудника и острога мог сделать кто-нибудь из греков. У себя на родине во время поиска руд и копания шурфов вряд ли в их распоряжении были специальные чертежники. Такие чертежи им приходилось делать самим, так как необходимо было обладать навыками чертежника-рисовальщика, знакомого с горным делом. Им как специалистам-рудознателям при поиске руд приходилось составлять подобные чертежи, вряд ли они имели в своем распоряжении специального чертежника.

Для художника здесь главное было отобразить ландшафтную ситуацию на берегу реки

Приложение

Роспись острожному строению, что построено в Каштакском остроге.

Роспись острожному строению, что построено в Каштакском остроге.

Острог мерою кругом восемьдесят саж[е]н, на проезжих воротах построена часовня во имя трех святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго.

Да в том же остроге построено на четырь[е]х углах четыре избы; а на трех избах построены три башни, а на четвертой избе построена греку Ал[е]ксандру Левандионову с товарищи белая горенка. А перед тою горенкою построены сени и покрыты драньем. К часовне и в часовню двери из ево, Александровых, сеней.

Да в том же остроге построено для государевых всяких припасов анбар мерою восьми аршин, да две кузницы, мерою кузница по восьми аршин. Да в остроге ж построено для служивых и работных людей четыре юрты земляных, да за острогом построена баня подле речки Каштак.

А часовню, и онбар, и кузницы, и горенку (конец листа истлел, вставлено по копии – В. Н., А. Н.) грекам, и сени, и баню построил Семен Лавров² после войскога с осадными служивыми людьми (слово оборвано – В. Н., А. Н.). Да он же Семен доставлявал острогу двенадцать сажень печатных (в копии этот текст опущен, видимо, как не имеющий отношения к острожной росписи – В. Н., А. Н.). Да он же, Семен, отдал шуйскому татарину Мышьяну Койлачакову государеву лошадь кормить и та лошадь ныне у него Мышьяна. Да он же, Мышьян, побил осемь беглых людей на Кие реке стольника и воеводы Василья Андреевича Ржевского и иных пять человек, а ис тех людей один ушел в Томской (РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера), оп. 2, д. 478, ч. 3, № 1 – В. Н., А. Н.). Да у него ж, Семена, в остроге две пушки, одн[а] пушка стоит на башне, а другая пушк[а] в остроге для всякого времени.

Да в казенном анбаре государевых сорок три мушкета, три лагуна да бочка пушечного и ручного порошу без весу, полпята свинки свинца без весу ж, да на дороге Юрью Раецкому дана государева пищаль, что дана была Бозайку.

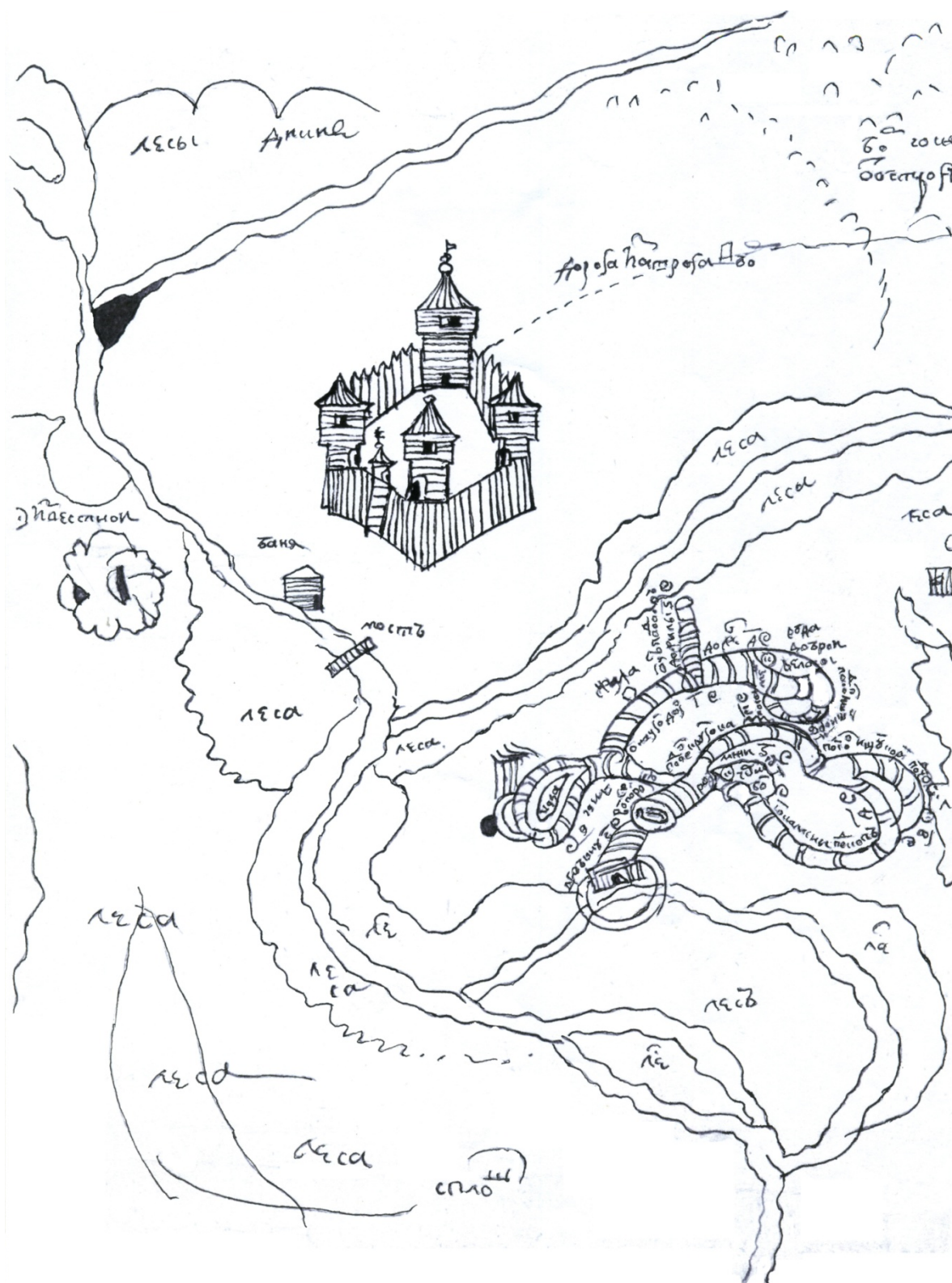

Рис. Каицацкий острог и рудник

Литература

1. Актовые источники по истории России и Сибири XVI – XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг (в двух томах). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. Т. 1. 250 с.
2. Актовые источники по истории России и Сибири XVI – XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг (в двух томах). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. Т. 2. 303 с.
3. Гольденберг Л. А. «Хорографическая чертежная книга» С. У. Ремезова // ВИ, 1962. № 6.

4. Гольденберг Л. А. Новый источник по истории Сибири – «Хорографическая чертежная книга» С. У. Ремезова // Изв. СО АН СССР. Серия общ. наук. № 5. Вып. 2. 1965.
5. Гольденберг Л. А. Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720 гг. М.: Наука, 1965. 263 с.
6. Гольденберг Л. А. Атласы Сибири С. У. Ремезова как источник для истории сибирских городов // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 1978.
7. Добжанский В. Н. Начало сереброплавильного производства в Сибири // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. Вып. 5. С. 44 – 62.
8. Добжанский В. Н. «Чертеж земли Томского города» // ВИ, 2013. № 7.
9. Добжанский В. Н., Усков И. Ю. Новый документ о сереброплавильном промысле на р. Каштак // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. Вып. 5. С. 35 – 43.
10. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1867. Т. X. 504 с.
11. Контев А. В. 300 лет со времени первого серебряного промысла в Западной Сибири // Страницы истории Алтая. 1997 г. Календарь памятных дат. Барнаул, 1996.
12. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.
13. Кузин А. А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 360 с.
14. Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005. 324 с.
15. Манькова И. Л. Приказ тайных дел и горнорудное дело: в поисках выхода из финансового кризиса рубежа 50 – 60-х гг. XVII в. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
16. Новомбергский Н. Я., Гольденберг Л. А., Тихомиров В. В. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. (по материалам Сибирского приказа) // Очерки по истории геологических знаний. М., 1959. Вып. 8.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ. 1-е.). СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. III. 690 с.
18. Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1882. – 58 с.
19. Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга. URL: // <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155>
20. Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск: Обществ. благотворит. фонд "Возрождение Тобольска", 2011. 690 с. Факсим. изд. рукописи "Хорографической чертежной книги Сибири" Ремезова С. У. напечатано в типограф. "Grafiche Stella", Италия. URL: <http://www.enasledie.ru/ras/view/publication/general.html?id=46872928> (дата посещения: 11.01.2013).
21. РГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 478, ч. 3, № 1.
22. РГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 393/3.
23. Спасский Г. И. Две грамоты о начале горного промысла в Сибири // ВОИДР, 1850. Кн. 7.
24. СПбО АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 18.
25. Ястребов Е. В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII веке // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 54 – 97.

Информация об авторах:

Добжанский Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории КемГУ, kafoi@history.kemsu.ru.

Viktor N. Dobzhansky – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Ермолаев Алексей Николаевич – доктор исторических наук, заведующий лабораторией истории Южной Сибири ИЭЧ СО РАН, доцент кафедры Отечественной истории КемГУ, kafoi@history.kemsu.ru.

Alexey N. Ermolaev – Doctor of History, Head of the Laboratory for the History of Southern Siberia, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of Russian Academy of Science; Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(571.17):343.264(=162.1)"1830/1860"

ПОЛЬСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗБАССА в 1830 – 1860 годах

А. Н. Ермолаев

POLISH POLITICAL EXILES IN KUZBASS TERRITORY IN 1830 – 1860

A. N. Ermolaev

Статья посвящена польским политическим ссыльным, отбывавшим наказание на территории современного Кузбасса в 1830 – 1860-х гг. Автором установлены численность и районы размещения польских ссыльных, а также условия их жизни и быта в ссылке.

The paper is devoted to Polish political exiles serving sentences in the territory of modern Kuzbass in 1830 – 1860. The author determined the number and placement areas of the Polish exiles, as well as their living conditions and life in exile.

Ключевые слова: политическая ссылка, История Кузбасса, польские восстания XIX века.

Keywords: political exile, Kuzbass history, Polish revolts in the 19th century.

Ссылка как вид наказания, связанный с принудительным выселением человека из места жительства и водворением его в отдаленной местности, сформировалась в России в XVI – XVII вв. Однако в тот период она носила исключительный и персональный характер. Массовый характер она приобрела во второй половине XVIII века, когда императрица Елизавета Петровна указами от 25 мая 1753 г. и 30 сентября 1754 г. заменила «натуральную» сметную казнь ссылкой и каторгой [7, с. 838 – 839; 8, с. 235 – 236]. Позднее указом от 13 декабря 1760 г. императрица наделила помещиков правом самостоятельно ссылать крестьян в Сибирь вместо передачи их в рекруты [9, с. 582 – 584]. Через несколько лет после этого на Колывановоскресенских и Нерчинских заводах скопились сотни каторжных. Потребность в рабочих руках на казенных заводах была полностью удовлетворена. Более того, стала сказываться нехватка продовольствия для ссыльных. Поэтому именными указами от 25 сентября 1761 г. и 22 января 1762 г. «колодников» и «каторжных» запрещено было селить при Колывановоскресенских и Нерчинских заводах, а распределять их вдоль дорог и на военных укрепленных линиях [10, с. 789 – 790; 11, с. 891 – 892].

В 1822 году при участии М. М. Сперанского были разработаны и приняты «Устав о ссыльных» [12, с. 433 – 469] и «Устав об этапах в сибирских губерниях» [13, с. 469 – 486]. Уставы стали своеобразным кодексом сибирской ссылки, объединившим в себе все ранее существующие нормы и правила по вопросам принудительного удаления преступников. «Устав о ссыльных» определял, что ссылка может быть двойной: на каторжные работы и на поселение. В ссылку могли отправить только по решению судебных инстанций. Впервые создавались специальные органы управления ссылкой. В Тобольске был организован Приказ о ссыльных, а в каждом губернском городе были созданы Экспедиции о ссыльных. Вводились некоторые нормы снабжения ссыльных продуктами и одеждой. Правда, вскоре после введения в действие «Устава о ссыльных» некоторые его положения были изменены. Так отдельными указами к середине XIX века фактически была восстановлена ссылка в административном порядке, то есть без суда по распоряжению властей.

Согласно существующему тогда законодательству судебные инстанции могли направить на каторжные работы или на поселение как уголовных, так и политических преступников. Со времени учреждения Тобольского приказа о ссыльных уголовная ссылка приобрела достаточно стабильный характер. Ежегодно в Сибирь ссылали от 8 до 10 тыс. уголовных преступников. Политическая ссылка была тесно связана с всплесками политической или национальной борьбы в Российской империи. После каждого массового антиправительственного выступления в Сибирь отправлялись сотни или тысячи политических ссыльных.

После подавления польского восстания 1830 – 1831 гг. в Сибирь было сослано несколько тысяч поляков. Большинство из них была причислена к Сибирскому казачьему войску и размещена на укрепленных линиях. В течение многих лет в самом Царстве Польском продолжались аресты неблагонадежных лиц. Среди них были и римско-католические священники. Известно, что в 1839 г. несколько ксендзов за хранение возмутительного содержания бумаг, не позволившую переписку и преступные речи были арестованы и сосланы в Сибирь. Среди них был А. Анкудович. Он был направлен в Кузнецк под строгий надзор полиции. В течение десяти лет с 1840 г. по 1850 г. он отбывал ссылку в Кузбассе. Известно, что он ходатайствовал о дозволении заниматься какой-либо службой для «снискания себе пропитания». Его корреспонденцию просматривали, а присланная ему из Полоцка посылка была возвращена обратно. В 1850 г. ему разрешили переселиться в Томск, где он служил викарием [5, с. 404].

В 1864 году в сибирскую ссылку стали направлять участников польского восстания 1863 – 1864 гг. В Сибири оказались около 20 тыс. поляков. Как установил Б. С. Шостакович, в учете ссыльных была полная неразбериха. Так, из отправленных в Восточную Сибирь 10 тыс. человек реально в Иркутск прибыло всего 6 тыс. Как выяснилось позже, около 3 тыс. человек вопреки решениям Тобольского приказа о ссыльных были распределены в Западной Сибири [20, с. 254 – 272].

К такому наплыву ссыльных местные власти оказались не готовы, перегруженность Тобольского приказа о ссыльных приводила к тому, что не хватало

кормовых и путевых денег, этапные учреждения не справлялись со своими обязанностями [16, с. 29 – 30]. Принять большое количество ссыльных на местах также было довольно сложно, власти вынуждены были размещать ссыльных в пределах Алтайского округа, куда ссылка была запрещена законами 1761 и 1762 гг.

Для наблюдения за политическими ссыльными тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович составил секретную инструкцию, одобренную генерал-губернатором Западной Сибири. Согласно этой инструкции полиция обязана была следить «за поведение и образом мыслей высланных лиц», всеми средствами пресекать любые попытки, направленные на распространение «вредного общественному порядку учения». В то же время полиция должна была «облегчать по возможности те затруднения, которые встречаются для лица, поселяющегося в чужой и незнакомой ему местности» [16, с. 32].

По официальным данным в Томской губернии оказалось 5918 человек [16, с. 29]. Размещены они были неравномерно, ссыльных водворяли как в сельской местности, так и в городах. Большую часть приняли селения Каинского округа (2152 человека). Затем следовал Мариинский округ (1395 человек). На последнем месте – Томский округ (1225 человек) [17, л. 39 – 40]. Остальные округа губернии были освобождены от размещения ссыльных. Однако кроме сельской местности политические преступники были водворены в городах. В общей сложности по городам было размещено около 1 тыс. человек. Причем, если в селениях, расположенных на землях Алтайского горного округа, поляков не водворяли, то для городов было сделано исключение. Ссыльные оказались в Барнауле, Бийске, Кузнецке и др. городах.

Первая партия ссыльных прибыла в Мариинск уже в 1864 г. Из 1395 ссыльных поляков, размещенных к 1866 г. в Мариинском округе, большая часть оказалась в Дмитриевской (623 человека) и Колыонской (539 человек) волостях. Намного меньше поляков оказались в Баимской (69 человек) и Боготольской (164 человека) волостях. В самом Мариинске на этот же год числилось 118 человек [18, с. 80, 82, 88]. В Кузнецке в это же время было размещено 87 человек. Размещенные в сельской местности и городах поляки делились на способных к самостоятельному хозяйству и неспособных (меньшинство), а также детей и женщин, следующих за осужденными [17, л. 39, 42].

Многие из сосланных польских политических преступников были дворянами, государственное преступление их квалифицировалось как «участие в шайке мятежников» или помощь «мятежникам». Именно с такой формулировкой в 1866 г. в Мариинск прибыли Иван Богуцкий, Габриэль Завадский, Казимир Домпковский, братья Иосиф и Яков Мацкевичи, Александр Монкевич, Антон Бобрик, Вацлав Гукинский, Антон Садзевич, Павел Рокоша, турецкий подданный Абрам Альтентан, Феликс Подгорский, Викентий Малицкий и др. Были среди польских политических ссыльных и священники. Бывший викарный Юлиан Кельпш был сослан в Мариинск «за участие в мятеже и возбуждении прихожан к мятежу, сбор кре-

стьян пред приходом и личном присутствии при чтении в костеле революционного воззвания» [2, л. 138 – 140, 187 – 190; 3, л. 77 – 78, 97 – 98, 100 – 101, 148 – 149, 160 – 163].

В Кузнецке оказались братья Ландсберги, Конюшевский, Кухарский, Феликс Альбертович Ковальский и др. Некоторые прибыли с семьями. Например, Михаил Еринович поселился в Кузнецке с женой Екатериной, детьми Константином, Амалией, Юлией и матерью жены Анной Домбровской. В Кузнецке даже оказалась ссыльная полячка, принимавшая участие в восстании, Юлия Стефановичева с дочерьми Анастасией, Алабиной и Королиной. Большинство сосланных в Кузнецк поляков были шляхтичами (польскими дворянами). Некоторые владели различными ремеслами. Шляхтичи получали небольшой ежемесячный паек, а остальные зарабатывали себе на хлеб ремеслом [5, с. 407, 412].

По воспоминаниям Е. Берви, часть ссыльных поляков объединились в Кузнецке в небольшое товарищество, в которое входило около 30 человек. Возглавил его ссыльный шляхтич Гудович. Каждый из членов товарищества имел свои обязанности, распределенные в соответствии с их способностями и умениями. Поляки обзавелись своим хозяйством: наняли дом, купили корову и кур, посадили огород. Более того, они организовали ловлю рыбы сетями и охоту на зайцев в окрестностях города. В результате у них всегда были свои продукты, и даже оставалось свободное время. Вечерами они часто делились воспоминаниями, главными из которых были польские события 1863 – 1864 гг., пели польские песни, рисовали карикатуры, ставили различные сценки из спектаклей [1, с. 129 – 133].

Ссыльные поляки оказали большое влияние на жизнь тихого провинциального Кузнецка, так как они «принесли с собой невиданное в этой глуши искусство и неизвестные до того ремесла. Все кинулись заказывать себе сбрю, мебель, экипажи, даже картины и изящные вещи. Стали устраивать праздники с необычайно до этого роскошью, выписывали музыку». Ссыльные поляки стали также инициаторами устройства в Кузнецке домашних спектаклей, сформировался небольшой кружок любителей драматического искусства. Большинство жителей города относились к ссыльным полякам сочувственно [5, с. 407, 412].

В связи с большим наплывом польских политических преступников местные полицейские власти не справлялись со своими обязанностями. В октябре 1864 г. томский губернатор ходатайствовал о выделении дополнительно несколько десятков нижних чинов полиции для размещения их по селам и городам губернии. В течение последующих двух лет численность нижних чинов полиции в Западной Сибири была увеличена на 183 человека. В 1867 г. дополнительно было командировано еще 166 человек. Все они поступали в распоряжение полиции из военного ведомства. При этом делался расчет, чтобы на каждого нижнего чина полиции в городе приходилось 5 политических ссыльных. В результате в Мариинске дополнительно разместили 31 нижнего чина полиции, в Кузнецк прибыли 16 человек [17, л. 190 – 193].

По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири нижних чинов полиции размещали в кварталах, где проживали ссыльные. Они должны были нести постоянный «бдительный надзор» за преступниками, посещать каждого из них, отвращать от вступления в брак с местными жителями и т. д. Городничим выделялись ежегодно 150 рублей «на секретные расходы». Эти деньги тратились в основном на перлюстрацию писем и наем «тайных агентов», которые внедрялись в среду политических ссыльных и доносили об их деятельности [17, л. 26 – 31 об., 194 – 195, 259].

Усиление полиции было ненапряженным. Польские политические ссыльные даже в Сибири не оставляли свои революционные замыслы. В январе 1865 г. в Красноярске была раскрыта тайная организация польских ссыльных, возглавляемая активным участником восстания Иосифом Ратынским. Он был сослан на каторжные работы сроком на 20 лет, но документы его оказались утеряны и восстановлены со слов самого осужденного. Разумеется, вместо подлинного наказания он объявил, что сослан на поселение и был оставлен в Красноярске. Еще двигаясь по этапу в Сибирь, Ратынский сумел создать небольшую группу единомышленников, ставивших цель поднять восстание. Вскоре его организация расширилась и окрепла. Была даже намечена дата восстания – март 1866 г. Причем выступление должно было произойти сразу в нескольких городах Сибири. Для этого в Тобольске, Томске, Омске, Мариинске и Канске были назначены руководители восстания. Отряд мариинских повстанцев должен был возглавить ксендз Келпач. Для связи с ним в город был отправлен ближайший помощник Ратынского Иосиф Шленкер. Однако полиция уже знала о его намерениях, и за ним была установлена слежка. Недалеко от Красноярска он был арестован. После этого полиция получила новые сведения о подготовке восстания. Оказывается, ссыльные поляки общались между собой посредством шифрованной переписки, они составили инструкцию для восстания на польском языке, подготовили прокламации на русском языке и собирались изготовить фальшивые деньги. Одним из главных пунктов их тайных встреч оказался город Мариинск [19, с. 557 – 559, 562 – 565]. После раскрытия заговора главные его организаторы Иосиф Ратынский, Павел Ляндовский, Николай Серно-Соловьевич и др. были арестованы.

В 1865 г. в Томске и Тобольске ссыльные поляки создали тайную организацию, связанную со столичным обществом «Ад». Это общество, созданное саратовским разночинцем Н. А. Ишутиным, ставило себе цель убийство императора. В него входил и известный впоследствии бывший студент Д. В. Каракозов, стрелявший в Александра II. Тайное польское общество в Сибири было раскрыто полицией в 1866 г. Два главных организатора Антон Бонасевич и Генрих Вашкевич были посажены в разные тюрьмы: первый – в Томске; второй – в Омске. В тюрьме к каждому из них подсадили провокаторов, с помощью которых удалось узнать фамилии некоторых участников организации. Оказалось, что среди них были ссыльные поляки, проживающие в разных местах Сибири. Были среди них и лица, отбывающие наказание в Кузнецке.

В результате в сентябре и октябре 1866 г. в Томск и в Кузнецк был направлен жандармский штабс-капитан Халтурин, который провел многочисленные обыски. В Томске была создана следственная комиссия, которая выяснила, что участники тайной организации занимались агитацией и «рассчитывали растревожить престопадные пожарами и другими бесчинствами» [19, с. 610 – 611]. В ходе обысков были изъяты тысячи бумаг, написанных на польском языке. Однако у полиции было очень мало квалифицированных переводчиков, поэтому многие документы так и не были переведены [16, с. 40 – 41]. Вероятно, заподозренные в противоправительственной деятельности ссыльные были переведены в другие места для отбывания ссылки.

В том же 1866 г. полиция раскрыла в Санкт-Петербурге заговор, целью которого было освободить из нерчинской каторги Н. Г. Чернышевского. Заговорщики имели обширные связи с политическими ссыльными как в Западной, так и в Восточной Сибири. Согласно полученной полицией информации в Сибирь должен был отправиться один из заговорщиков. Там он должен был вступить в связь с несколькими ссыльными поляками, среди которых был Казимеж Кухарский, отбывающий наказание в Кузнецке. Кухарский являлся студентом Петербургского университета, в 1861 г. он участвовал в студенческих демонстрациях, затем в 1863 г. сражался в отряде Зыгмунта Сераковского, действовавшего на территории Ковенской губернии. К заговору были причастны еще несколько ссыльных поляков, в том числе Виктор Гриневич, отбывающий ссылку в Томске и доктор Вышинский, находящийся в Тобольске. У арестованных организаторов заговора были изъяты бумаги на русском языке с написанными между строк симпатическими чернилами тайными записями на польском [19, с. 596 – 597, 703]. По всей вероятности, после раскрытия заговора Кухарский был переведен из Кузнецка в другое место.

Местные власти неохотно размещали польских ссыльных на землях Кабинета. Появление их в Кузнецке было нарушением существующего законодательства и произошло в результате того, что их просто негде было водворять. Поэтому администрация старалась как можно быстрее сократить численность или вообще выселить поляков из пределов кабинетских земель. В течение 1867 – 1868 гг. многие польские ссыльные были переведены из Кузнецка в другие города, в том числе в Мариинск. Так в Мариинске оказались выселенные из Кузнецка Доминик Жук, Георгий Коссиловский, Андрей Кржижановский, Эдуард Котович, Урбан Торгонский, Викентий Юстинович и др. [6, с. 156, 159, 160, 171, 174].

Несмотря на все строгости властей, польские политические преступники чувствовали себя в ссылке довольно вольготно. Многие из них свободно перемещались не только по всей губернии и Сибири, но и самовольно покидали место ссылки и возвращались на родину. Губернские власти не могли собрать с них установленные законом налоги, поскольку не знали где искать сосланных политических преступников. В марте 1870 г. Главное управление Западной Сибири попыталось изучить ситуацию. Оно обратилось в гу-

бернские правления с запросом о состоянии польских ссыльных, их статусе в местах причисления и сборе с них налогов [4, л. 53, 55].

В июле 1870 г. мариинский мещанский староста Шадчин представил специальный отчет о польских политических ссыльных. Оказалось, что около половины всех сосланных на самом деле в городе не проживали. Шадчин составил специальную ведомость о поляках, находящихся в «неизвестной отлучке». В «черном списке» оказались 50 ссыльных, из них 14 человек были сосланы в 1864 г., 20 – в 1865 г., 8 – в 1866 г. и 8 – в 1867 г. В конце списка мещанский староста честно признался: «означенным политическим ссыльным на отлучку увольнений выдаваемо не было, податей и повинностей взыскиваемо не было, а также пособий им выдаваемо не было, и где означенные лица находятся мне не известно» [4, л. 57 – 60].

Возвращение на родину в Царство Польское политических ссыльных началось уже в 1867 г. Указом от 17 мая Александр II распорядился прекратить все следственные дела, касающиеся восстания 1863 – 1864 гг., а всех обвиняемых освободить. Сосланным в Сибирь в административном порядке позволялось ходатайствовать о возвращении в Царство Польское. Если местные власти одобряли ходатайство, то

ссыльные имели право вернуться на родину [14, с. 792 – 793]. Указом от 25 мая 1868 г. царь даровал прощение всем участникам польского восстания, которые на момент осуждения имели возраст менее 20 лет (кроме осужденных на каторжные работы). Они получали право возвратиться на родину. Кроме того, значительно облегчалась участь сосланных по суду: некоторые категории ссыльных получали право приписываться к сельским и городским обществам с восстановлением прав и преимуществ; каторжные освобождались от работ и причислялись к поселенцам и т. д. [15, с. 648 – 649].

В связи с массовым возвращением в Царство Польское политических преступников в марте 1870 г. все меры по усилению полиции, принятые в 1866 г., были отменены. Все нижние чины полиции были возвращены к местам их воинской службы. Кстати, к этому времени из Кузнецка как города, находящегося на землях Кабинета, были выведены все польские политические ссыльные [17, л. 245 – 246 об., 249 – 249 об.]. В Мариинске же по сведениям Л. П. Роцевской в 1871 г. еще числилось 92 человека [18, с. 88]. В течение 1870-х гг. большая часть участников польского восстания 1863 – 1864 гг. вернулась на родину, хотя некоторые остались жить в Сибири навсегда.

Литература

1. Берви Е. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 7 – 8. С. 127 – 142.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Д-44. Оп. 1. Д. 66.
3. ГАКО. Ф. Д-44. Оп. 1. Д. 73.
4. ГАКО. Ф. Д-44. Оп. 1. Д. 149.
5. Никулина И. Н. Польская политическая ссылка на Алтай в XIX в. // Сибирская ссылка. Вып. 6(18). Иркутск, 2011. С. 400 – 425.
6. Никулина И. Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.). Барнаул, 2004. 176 с.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Соб. 1-е. Т. 13. № 10101.
8. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 14. № 10306.
9. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 15. № 11166.
10. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 15. № 11331.
11. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 15. № 11414.
12. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 38. № 29128.
13. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 38. № 29129.
14. ПСЗРИ. Соб. 2-е. Т. 42. № 44601.
15. ПСЗРИ. Соб. 2-е. Т. 43. № 45898.
16. Ремнев А. В. Польская ссылка и западносибирская администрация (1863 – 1868 гг.) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII – XX вв.). Омск, 1996. С. 29 – 43.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 25. 1864 год. Д. 1556.
18. Роцевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX века. Тюмень, 1976. 141 с.
19. Русско-польские революционные связи. Т. 2. М., 1963. 812 с.
20. Шостакович Б. С. Численность ссыльных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема // Сибирская ссылка. Сб. науч. ст. Вып. 3(15). Иркутск, 2006. С. 254 – 272.

Информация об авторе:

Ермолаев Алексей Николаевич – доктор исторических наук, заведующий лабораторией истории Южной Сибири Института экологии человека СО РАН, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, al-ermolaev@yandex.ru.

Alexey N. Ermolaev – Doctor of History, Head of the Laboratory for the History of Southern Siberia, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of Russian Academy of Science; Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

**К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ
АГРАРНЫХ РАЙОНОВ КУЗБАССА В 1930-Х – НАЧАЛЕ 2000-Х ГОДОВ***К. А. Заболотская, О. В. Костюнин***DYNAMICS OF GENERAL EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE POPULATION
OF AGRICULTURAL DISTRICTS OF KUZBASS IN THE 1930s - EARLY 2000S***K. A. Zabolotskaya, O. V. Kostyunin*

В статье анализируются основные факторы, способствовавшие повышению общеобразовательного потенциала жителей аграрных районов Кузбасса в 1930-х – начале 2000-х годов. Особое внимание уделяется развитию школьной инфраструктуры, совершенствованию учебного процесса, обеспеченности образовательных учреждений педагогическими кадрами. Делается вывод о том, что особенности формирования сферы образования аграрных территорий оказывали влияние на замедление темпов роста образовательного уровня сельских жителей.

The paper analyzes the main factors that contributed to improving the general education potential of residents agricultural areas of Kuzbass in the 1930s – early 2000s. Particular attention is paid to the development of school infrastructure, improvement of the educational process, provision of educational institutions teaching staff. The authors conclude that the peculiarities of education in agrarian territories influenced the slowdown in educational level of rural population.

Ключевые слова: образование, школа, педагог, успеваемость, всеобуч, профориентация.

Keywords: education, school, teacher, academic performance, general education, career guidance.

В 1930-е гг. образовательный и культурный уровень жителей аграрных территорий Кузбасса оставался невысоким. Приоритетной задачей была ликвидация неграмотности, высшее образование тогда было доступно немногим. Ускоренный индустриальный рост требовал соответствующего развития социально-культурной сферы страны. Местные учебные заведения, как правило, ориентировались на аграрную специализацию [24, с. 223].

В предвоенные годы отставание, накопленное в развитии социально-культурной сферы аграрных районов, в полной мере ликвидировать не удалось [19, с. 49]. К концу 1930-х гг. были достигнуты определенные успехи в расширении системы народного образования. Так была ликвидирована массовая неграмотность. Молодежь, приходившая на промышленные предприятия, уже имела образовательный минимум не ниже четырех классов. В Кузбассе темпы роста числа учащихся городских школ были выше соответствующих темпов роста в сельской местности, что стало следствием ускоренной урбанизации региона. В 1940/41 учебном году в 1876 школах Кузбасса обучалось 349,5 тыс. учащихся [1, с. 60].

При этом отличия в качестве усвоения программного материала учащимися городских и сельских школ были разительными. На 3-й сессии Тяжинского райсовета 14 июня 1940 г. отмечалось: «684 ученика оставлены на второй год, 519 учеников оставлены на осеннюю переэкзаменовку, более 300 детей не охвачены школой» [16, л. 26].

Одним из следствий культурной революции 1930-х гг. стало некоторое повышение образовательного уровня крестьянства. В деревне тысячи людей получили среднее и высшее образование. Сотни тысяч колхозников были охвачены различными формами образования и повышения квалификации, посещали занятия в школах, кружках, на курсах и т. п.

По данным переписи 1939 г. среди колхозников Сибири насчитывалось 241 человек с высшим образованием, 21,3 тыс. чел. – со средним, кроме того, 720 обучались в вузах и 4,3 тыс. – в техникумах [18, с. 32 – 36].

В годы Великой Отечественной войны образовательным учреждениям не удавалось осуществить правительственное постановление о всеобуче. Число учащихся в школах неуклонно сокращалось. В 1940 – 1941 учебном году в школах Кузбасса обучались 349,4 тыс. человек, а к концу войны их число сократилось до 265,6 тыс. человек. За 1940 – 1941 гг. в регионе были закрыты 70 школ, действовали 1806 [4, л. 17]. Всеобучем было охвачено 40 % сельских и 90 % городских детей. За годы войны в школах значительно ухудшилась успеваемость. Отмечались случаи исключения из школ учащихся, оставшихся на третий год [36, с. 174 – 175]. В 1942/43 учебном году по школам Тяжинского района успеваемость составляла 84 % [10, л. 25].

В послевоенные годы продолжалось сокращение сети семилетних и средних школ. По-прежнему не хватало учебников, тетрадей, учительских кадров. Местные партийные и советские организации, изыскивая средства для капитальных вложений в народное образование, привлекали колхозы, профсоюзы и общественность [19, с. 273 – 274]. На средства общественности в 1947 г. по Кемеровской области было построено 14 сельских и 5 городских школ. В 1947 г. на эти цели в Кузбассе было ассигновано 190 млн. руб. В сравнении с 1944 г. эти ассигнования возросли на 35 %. Ежегодно увеличивалось поступление учебников в школы Кузбасса. В 1947 г. образовательные учреждения получили 1 млн. экземпляров [46].

В послевоенные годы сеть образовательных учреждений Кузбасса была недостаточной для обеспе-

чения всеобщего семилетнего образования. Из 1836 зданий почти треть требовали капитального ремонта, десятки школ размещались в приспособленных помещениях. В Кемеровской области насчитывалось всего 90 средних школ, количество учащихся 8 – 10-х классов составляло 6600 человек (2,5 % от общего числа учащихся). В 1947 г. в городах и районах Кузбасса школу не посещали 3800 детей. Так, в городе Анжеро-Судженске не ходили в школу 211 человек, в Итатском районе – 184, в Подунском – 175 [17, л. 27]. Многие дети оказывались вне образовательных учреждений из-за отсутствия одежды и обуви, что объяснялось тяжелым материально-бытовым положением большинства сельских семей. В таких условиях лишь немногие выпускники сельских школ по уровню своей подготовки могли поступить в высшие учебные заведения [46].

Нерешенной оставалась проблема педагогических кадров. Для исправления положения в аграрных территориях создавалась постоянная сеть методических точек – кустовые методические объединения учителей 1 – 4 классов при средних школах и предметные комиссии учителей 5 – 10 классов. Здесь читали лекции на педагогические и общественно-политические темы, давали открытые уроки с их последующим обсуждением, проводили практикумы по изготовлению наглядных пособий и т. п. Во многих школах создавались методические уголки, где собирались лучшие работы учащихся, наглядные пособия, педагогическая литература [21, с. 115].

В целях повышения квалификации педагогов в Чебулинском районе работали предметные секции и проводились семинарские занятия. Каждому учителю раз в неделю предоставлялся свободный от уроков день или день с меньшей нагрузкой, чтобы создать возможность для самостоятельных занятий и участия в работе методических объединений [26]. В каникулярное время в сельских школах работали районные методические объединения учителей, на которых ставились вопросы опережающего планирования, самообразования учителей и другие [13, л. 56].

Большое значение придавалось заочному обучению учителей без отрыва от производства. Руководители Кемеровского областного отдела народного образования не назначали на работу в школу новых учителей без педагогического образования, прежде чем они не поступали на заочное отделение, а тех, кто не желал повышать свою квалификацию, освобождали от работы или переводили в младшие классы. Уровень подготовки педагогов зачастую оставлял желать лучшего. Директор Верх-Чебулинской школы Володин отмечал: «Учительница физики, окончившая Калининский педагогический институт, свой предмет знает только по книжкам. Спросите ее: «Как устроен электрический выключатель?» Она не сумеет ответить на этот вопрос. Наши ученики увлекаются электротехникой, производят интересные опыты, а педагог физик не знает устройства электрического выключателя. Из-за неосведомленности этого педагога в практических вопросах, касающихся физики, наглядные пособия и приборы используются очень неполно» [3]. В аграрных территориях

постепенно повышался кадровый потенциал педагогического корпуса. В Мариинском районе за 1953 – 1955 гг. количество учителей с высшим педагогическим образованием увеличилось с 17 до 38 человек [14, л. 122].

В послевоенные годы успеваемость учащихся сельских школ оставалась низкой. В 1947 г. в Валериановской неполной средней школе Тяжинского района из 13 учеников, допущенных к испытаниям по русскому языку, 8 выполнили работу на «плохо» и 4 на «очень плохо». Только единственная работа получила удовлетворительную оценку. В двух начальных школах – Выселковой и Боровской – ни один из допущенных к испытаниям учеников не выполнил контрольной работы [38]. В протоколе заседания бюро Итатского райкома ВКП(б) от 5 февраля 1947 г. отмечалось: «Успеваемость в выпускных классах Итатской средней школы резко снизилась. Так, в 4 классе неуспевающих – 25 %, в 7 классе – 27,7 %. Не снижается процент неуспеваемости и в четвертой четверти. Так по русскому языку по текущим отметкам только в выпускных классах не успевают восемь человек, литературе – 7 человек, истории – 6 человек, физике – 5 человек» [5, л. 214].

Весной 1949 г. в школах Мариинского района насчитывалось 1026 неуспевающих учеников, или 1/6 от их общего количества. Особенно плохо было поставлено обучение в начальных школах: не выдерживалась сетка часов занятий, преподавание велось формально, без наглядных и иллюстрирующих пособий. В Зенкинской школе некоторые учителя в день проводили всего 2 – 3 урока по 20 – 25 минут. Хорошей успеваемости педагоги добивались лишь в отдельных школах [34].

В послевоенные годы охват сельской молодежи школой не превышал 30 %. В 1945 г. в Кузедеевском, Мысковском и Тяжинском районах не было организовано ни одной школы рабочей молодежи, ни одного класса, где бы обучалась сельская молодежь [35]. На 15 декабря 1948 г. в Итатском районе насчитывалось до 3718 человек молодежи, не имевших начального и семилетнего образования. Обучением в сети школ рабочей и сельской молодежи было охвачено только 280 человек, из которых в течение года выбыло 74 учащихся. Успеваемость в школах сельской молодежи была низкой. Из 206 учащихся 36 были оставлены на повторный курс [6, л. 227 – 228].

В 1950 г. при колхозе им. Буденного Мариинского района был организован постоянно действующий колхозный университет. Учебный план предусматривал 180 часов занятий. В колхозном университете обучались 60 человек. Занятия проводились еженедельно в понедельник по 6 часов. Учащимся начислялись трудодни в зависимости от успеваемости от 0,5 до 1 трудодня [9, л. 199 – 200]. Также действовали районные колхозные школы. В 1947 г. в Чебулинской районной колхозной школе состоялся выпуск специалистов сельского хозяйства: звеньевых, сеяльщиков, бригадиров полеводческих бригад, счетоводов. В школе они ознакомились с основами организации колхозного производства, учета труда в бригадах, уставом сельхозартели. Многие выпускни-

ки сразу же получали направления на работу в колхозы [2].

Возрастание социальных и технологических требований к уровню образования тружеников села ставило проблему выравнивания качества обучения. Между школьниками, обучавшимися в городских и сельских школах, сохранялись различия по объему и качеству знаний. Это было обусловлено такими факторами, как меньшая развитость материально-технической учебной базы деревенской школы, мелкопоселковый характер сельского расселения, сравнительно более низкий культурный уровень родителей, недостатки в подготовке учительских кадров [40, с. 409].

В сельских школах крайне низкой оставалась квалификация учителей. Так, в Чебулинском районе на начало 1961 г. из 321 учителя только 61 имел высшее образование, 69 – незаконченное высшее, 150 – среднее педагогическое, 20 – общее среднее и 11 не имели даже среднего образования. Заочно повышали свою квалификацию в педагогических институтах и техникумах только 48 человек [16, л. 32 – 33]. Постепенное улучшение качественного состава педагогических кадров оказывало положительное влияние на совершенствование учебно-воспитательного процесса. В 1970 г. в школах Тяжинского района работали 47 учителей отличников народного просвещения. Вместе с тем кадровый вопрос оставался нерешенным. Не хватало учителей иностранного языка, музыки, пения, изобразительного искусства. Из-за отсутствия учителей часть общеобразовательных дисциплин исключалась из учебного процесса или изучалась на примитивном уровне [42, л. 14 – 16].

Сельским учителям нередко приходилось работать в сложных условиях. Многие поселки, деревни были расположены сравнительно далеко от крупных культурных центров области. Не всегда была у них возможность для повышения профессионального мастерства. На рубеже 1970 – 1980-х гг. наметилась тенденция к укреплению творческих связей между коллективами преподавателей педагогических учебных заведений и учителей сельских общеобразовательных школ. Многие преподаватели вузов брали индивидуальное шефство и осуществляли наставничество над молодыми учителями. Если в 1976 г. в сельских школах было 86 % учителей с высшим образованием, то в 1979 г. эта цифра возросла до 96 %. Положительное влияние на закрепление кадров в сельской местности оказывала система заочного обучения. В 1979 г. на заочное отделение Новокузнецкого пединститута поступил 81 человек из аграрных территорий. С 1974 г. этим учебным заведением проводился внеконкурсный прием сельской молодежи. Во многих аграрных районах стало традицией торжественно встречать и посвящать в учителя выпускников педагогических учебных заведений. В 1981 г. в сельских школах Кемеровской области работали более 40 человек, носивших звание заслуженного учителя РСФСР [37, с. 145 – 150].

Вопрос с обеспечением сельских школ учительскими кадрами оставался острым. Неудовлетворительные бытовые условия в территориях способст-

вовали текучести педагогических кадров. Так в 1968 – 1971 гг. в Тисульский район прибыло 84 специалиста с высшим образованием, 106 – со средним педагогическим. За это же время выбыло 96 специалистов с высшим образованием, со средним педагогическим – 181 [7, л. 83]. В аграрных районах Кузбасса предпринимались отдельные попытки закрепления педагогических кадров. Учителям, приезжавшим в совхоз «Победа» Тисульского района квартиры выделялись практически вне очереди. Так в 1985 г. половина из построенных квартир была передана учителям [8, л. 31]. В середине 1980-х гг. в вузах и техникумах обучались 138 стипендиатов хозяйств Чебулинского района [45, л. 55].

Также нерешенной оставалась и проблема успеваемости учащихся сельских школ. В начале 1960-х гг. по Чебулинскому району на обучение 652 неуспевающих ежегодно затрачивалось 91,2 тыс. рублей [16, л. 32 – 33]. В 1970-е гг. принимались дополнительные меры по реализации закона о всеобщем, что позволило значительно уменьшить убыль контингента учащихся. В Тисульском районе за 1973 – 1975 гг. убыль из 1 – 8 классов сократилась с 5,1 % до 4,3 %, из 9 – 10 классов с 6,9 % до 3 %. Однако, по сравнению с областными показателями, процент выбытия оставался достаточно высоким [47].

Районным отделам народного образования не удавалось обеспечить выполнения восьмилетнего всеобщего всеми школами. До окончания 8-х классов выбывали, как правило, трудные и неуспевающие ученики. В 1971 г. в Ижморском районе не было охвачено всеобщим 13 учащихся [27]. В 1974 г. по Тисульскому району из 1 – 8 классов в профессионально-технические училища, не дававшие среднего образования, по неуважительным причинам выбыло 26 человек, из 9 – 10 классов – 17 человек [47]. В начале 1970-х гг. в сельских районах осуществлялся переход к всеобщему среднему образованию. В Тяжинском районе за 1973 г. успеваемость учащихся составила 99,3 %, отсев неуспевающих учащихся – 0,4 %. Анализ показывал, что значительная часть учащихся, поступавших в первые классы, не получали восьмилетнего образования [12, л. 56 – 57]. Проблема профориентации школьников по-прежнему не находила своего решения. Отбор молодежи для поступления в сельскохозяйственные учебные заведения сводился к выдаче направлений всем желающим. В итоге многие выпускники вузов вследствие отсутствия вакансий работали механизаторами [43, л. 29].

В соответствии с планами социально-экономических преобразований и демографическими изменениями состава сельского населения проводилась работа по упорядочению и рациональному размещению сельских школ. На центральных усадьбах совхозов и колхозов, где не было средних школ, разворачивалось строительство комплексов с интернатами и жилыми домами для учителей. Широкомасштабное строительство школ позволяло переходить на односменные занятия, увеличивать число учащихся в группах продленного дня. Улучшалась организация подвоза учащихся в школы из мелких населенных пунктов. За 1955 – 1991 гг. по Кузбассу число государственных дневных общеобразовательных школ

сократилось на 647, число учащихся увеличилось на 115 тыс. чел. [22, с. 22 – 23; л. 2 – 6, 22, 37, 86; л. 2, 8; л. 15, л. 3].

Материально-техническая база образовательных учреждений в аграрных территориях оставалась недостаточной. По оборудованию и технической оснащенности сельские школы заметно уступали городским. К концу 1980-х гг. здание Шестаковской восьмилетней школы (Чебулинский район) за 50 лет эксплуатации пришло в негодность. Четыре классных комнаты не позволяли организовать кабинеты и мастерскую для производственной практики. Даже бывшая раздевалка была приспособлена под классную комнату, одновременно выполнявшую роль школьной столовой. Окна не открывались, частично выполняя роль несущих конструкций. Для укрепления потолочного перекрытия на болтах были подвешены дополнительные балки-подпорки [25, с. 86 – 87].

В рамках совершенствования учебно-воспитательного процесса в 1970 – 1980-х гг. в сельских школах проводились разнообразные эксперименты. В Красноярской школе Ижморского района в 1970 году были введены факультативные занятия. Учащиеся 8 – 10-х классов в количестве 20 человек в течение всего учебного года посещали факультативы. Особенно эффективными оказались занятия по математике и химии. Из 9 учащихся, поступавших в высшие учебные заведения, студентами стали 7 человек [27]. Этот опыт получил широкое распространение в аграрных территориях. В 1974 г. в школах Чебулинского района факультативными занятиями было охвачено 765 учащихся [13, л. 56]. В 1989 г. 3 средние и 2 неполные средние школы Тяжинского района перешли на обучение по пятидневному графику. В Тяжинской средней школе № 2 проводился эксперимент по психологическому изучению личности ребенка, по развитию эстетического воспитания. В средней школе поселка Нововосточный проводился эксперимент по использованию критериев оценки деятельности педагогов [44, л. 30 – 34].

Планомерно проводилась политика повышения образовательного уровня педагогов сельских учебных заведений. В 1989 г. по Тяжинскому району более 92 % учителей 4 – 10 классов имели высшее образование, 74 % педагогов были со специальным образованием. Однако в школах все еще ощущался недостаток педагогических кадров. В 12 средних и восьмилетних школах района не преподавался иностранный язык. Не хватало учителей истории со специальным образованием. В ряде восьмилетних школ района русский язык и литературу преподавали выпускники педагогического училища [11, л. 1 – 6]. Такое положение дел приводило к понижению уровня общеобразовательной подготовки молодежи и росту числа выпускников с низкими базовыми навыками в чтении, письме, счете. Каждый пятый восьмиклассник не мог сдать вступительные экзамены в техникум и каждый четвертый выпускник средней школы – в вуз. Оценок, полученных в школе, не подтверждали более 50 % учащихся [20, с. 167].

В 1990-е гг. в сельских территориях наблюдалось устойчивое сокращение образовательных учре-

ждений. За 1991 – 2003 гг. по Кузбассу число государственных дневных общеобразовательных школ сократилось на 109, число учащихся уменьшилось на 103 тыс. человек [22, с. 22 – 23]. За 1991 – 2001 гг. численность дневных общеобразовательных школ в сельской местности Кузбасса сократилось с 622 до 545 [39, с. 15]. В Мариинском районе только за 1997 – 1999 гг. число комплектов классов уменьшилось с 301 до 283. Главными причинами сокращения общеобразовательных учреждений являлись – неуклонное уменьшение количества классов в малокомплектных школах и падение платежеспособности родителей [31, л. 72].

Темпы старения и износа школьных зданий существенно опережали темпы их реконструкции и строительства новых объектов. Занятия в ряде школ аграрных районов были организованы в две смены. Размер учебной площади, приходящейся на одного ученика, был ниже нормы. Остро стояла проблема обеспеченности образовательных учреждений классно-лабораторным оборудованием, учебно-наглядными пособиями, техническими средствами обучения, спортивным инвентарем, мебелью. Ежегодно увеличивалось количество детей, подвозимых из малонаселенных пунктов. Устаревший автобусный парк требовал обновления и капитального ремонта. Имели место пропуски занятий учащимися из-за срыва подвоза по причине отсутствия горюче-смазочных материалов. Из-за недостатка денежных средств образовательные учреждения были не в состоянии создать необходимые санитарно-гигиенические условия для организации учебного процесса. Все это вело к ограничению возможностей выпускников сельских школ в последующем определении жизненного пути [30, л. 62].

В начале 2000-х гг. в Ижморском районе только в 24 % школ полностью реализовалась инвариантная часть учебной программы, в остальных школах образовательный стандарт не выполнялся. Вакантными оставались места учителей музыки, черчения, ИЗО, истории. Для учащихся сельских школ такое положение дел зачастую оборачивалось трагедией. Так, из-за того, что в ряде школ не преподавался иностранный язык, молодые люди не смогли поступить в лицей МЧС [25, с. 222 – 223].

Аграрные районы испытывали острый недостаток кадров как в экономике, так и в социальной сфере. Поэтому первоочередной задачей стало создание кадрового резерва, закрепление специалистов на селе. Мариинский лесотехникум устанавливал связи с высшими учебными заведениями. В 1996 г. был создан единый педагогический комплекс с Сибирским государственным технологическим университетом, а в 1998 г. – с Томским архитектурно-строительным университетом, где выпускники техникума получали высшее образование по сокращенной программе [23]. Сельские территории налаживали связи с вузами Кемеровской области – государственным университетом, сельскохозяйственным институтом, технологическим институтом пищевой промышленности, медицинской академией, университетом культуры и искусств. В начале 2000-х гг. только в Тяжинском районе сертификатами Кемеровского государственного университета владели 22 педагога [28].

подавляющее большинство специалистов, подготовленных в вузах, в сельские территории не возвращались. Для исправления этой негативной тенденции администрации аграрных районов практиковали заключение трехсторонних договоров: вуз – администрация района – абитуриент. Согласно этому документу выпускник после окончания учебного заведения должен был вернуться в район и отработать 3 года [32]. В сельских территориях большое внимание уделялось закреплению на селе кадров молодых специалистов. Для максимального информирования учащихся о современных требованиях к профессии и личности проводились недели старшеклассника. Также практиковалось проведение ярмарок учебных мест и дней открытых дверей на предприятиях и в организациях [41].

В 2003 г. в Тяжинском профессиональном лицее было открыто ускоренное обучение от Кемеровского технологического института пищевой промышленности. На отделение «бухгалтерский учет, анализ и аудит» набрали 29 человек, имевших базовое образование. При поступлении в институт выпускники имели преимущества – зачислялись сразу на третий курс. В 2002 г. в Кемеровский технологический институт пищевой промышленности по целевому направлению от совхозов и колхозов Тяжинского района поступили 20 человек. По договору, заключенному с Кемеровским сельскохозяйственным институтом, в Тяжинском профлицее можно было получить профессии учителя биологии, технологии и

предпринимательства. К 2003 г. высшее образование здесь получили 120 человек [29].

Ректор Кемеровского сельскохозяйственного института В. И. Мясенко отмечал успешное взаимодействие преподавателей Тяжинского профлицея и вуза: «Преподаватели лицея в вариативной части учебных планов могут использовать институтские методики, могут общаться с преподавателями института, совместно проводя всевозможные конференции и круглые столы. Выпускники лицея и Тяжинского сельскохозяйственного класса, безусловно, имеют дополнительные возможности получения высшего образования» [33].

Таким образом, в 1930-х – начале 2000-х гг. система просвещения сельских районов развивалась в плане совершенствования учебно-воспитательного процесса и создания современной инфраструктуры. При этом особенности формирования сферы образования аграрных территорий (недостаточное развитие материально-технической базы, нехватка высококвалифицированных педагогических кадров, несовершенство учебного процесса) оказывали заметное влияние на замедление темпов роста общеобразовательного уровня сельских жителей. К концу рассматриваемого периода усилилась связь школ аграрных территорий с вузами Кузбасса и соседних регионов, что способствовало постепенному повышению общеобразовательного потенциала населения сельских районов и создавало базу для получения среднего специального и высшего образования.

Литература

1. Брель В. Н. Некоторые проблемы развития образования, науки и культуры в Кузбассе накануне Великой Отечественной войны // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы III Всероссийских научных чтений, г. Кемерово (17 – 18 декабря 2003 года). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003.
2. В Чебулинской районной колхозной школе // Кузбасс. 1947. 15 декабря.
3. Володин И. Покончить с формальным отношением к преподаванию // Кузбасс. 1951. 18 августа.
4. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 304. Оп. 5. Д. 51.
5. ГАКО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 9.
6. ГАКО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 23.
7. ГАКО. Ф. П-40. Оп. 17. Д. 7.
8. ГАКО. Ф. П-40. Оп. 39. Д. 1.
9. ГАКО. Ф. П-107. Оп. 6. Д. 41.
10. ГАКО. Ф. П-115. Оп. 1. Д. 52.
11. ГАКО. Ф. П-115. Оп. 18. Д. 10.
12. ГАКО. Ф. П-115. Оп. 21. Д. 9.
13. ГАКО. Ф. П-120. Оп. 18. Д. 3.
14. ГАКО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 25.
15. ГАКО. Ф. Р-78. Оп. 3. Д. 71.
16. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-77. Оп. 3. Д. 46.
17. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 6. Д. 25.
18. Гушин Н. Я., Мелентьева, А. П. Культурная революция в сибирской деревне и ее роль в становлении и развитии социалистического образа жизни // Культурная жизнь Сибири XVII – XX вв. Новосибирск, 1981.
19. История Сибири. Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Ленинград: Наука, 1969. 469 с.
20. Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Культурная сфера сибирского села во второй половине 80-х гг. // Социальная сфера Сибири: тенденции и проблемы развития. Новосибирск, 1992.
21. Карпунина И. Б. Сельское учительство Западной Сибири в 1946 – 1950 гг. // Социально-культурные преобразования в сибирской деревне, 1917 – 1980 гг. Новосибирск, 1982.
22. Кемеровская область в цифрах за 20 лет (1984 – 2003) / Кемеровский областной комитет государственной статистики. Кемерово, 2004. 64 с.; ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 32; Оп. 7. Д. 2.; Оп. 7, Д. 4.; Оп. 7. Д. 6.

23. Кожемяко Н. Н. Годы поиска и свершений // Вперед. 2001. 3 октября.
24. Копылов С., Лапкин Ф. Город на Кии. К 300-летию Мариинска (поселение Кийска). Кемеровский полиграфкомбинат, 2001. 491 с.
25. Костюнин О. В. Состояние системы образования в аграрных районах Кемеровской области (1985 – 1992 гг.) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Вып. 2. Кемерово, 2012.
26. Култаев А. Е. За дальнейшее улучшение работы сельской общеобразовательной школы // Ленинская искра. 1974. 31 октября.
27. Курс – на всеобщее среднее образование // Заря коммунизма. 1972. 31 августа.
28. Курс – на качество знаний // Призыв. 2003. 28 августа.
29. Ластовская О. Профлией – путевка в будущее // Призыв. 2003. 28 мая.
30. Мариинский районный государственный архив (МРГА). Ф. 2. Оп. 1. Д. 41.
31. МРГА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47.
32. Мжельская В. Зона особого внимания // Призыв. 2003. 18 июня.
33. Мясенко В. И. Лицей, институт, производство // Призыв. 2002. 14 сентября.
34. О некоторых вопросах школьной работы // Знамя коммунизма. 1949. 7 апреля.
35. О состоянии учебно-воспитательной работы в школах области // Кузбасс. 1945. 25 декабря.
36. Орлова С. В. К вопросу о реализации всеобщего образования на территории Кузбасса в 1940-е годы // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию Кемеровской области, г. Кемерово (15 мая 2003 года). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003.
37. Паршинцев А., Шатров Ю. Сегодня и завтра сел Кузбасса. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1980. 159 с.
38. Первый день экзаменов в школе // Кузбасс. 1947. 23 мая.
39. Социальная сфера Кемеровской области (1991 – 1995 гг.). Кемерово, 1996.
40. Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма. М., 1979.
41. ТААТР (Текущий архив администрации Тяжинского района). Распоряжение администрации Тяжинского района № 55-р от 22 февраля 2000 г. «О проведении Недели старшекласника».
42. Тяжинский районный государственный архив (ТРГА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 324.
43. ТРГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 600.
44. ТРГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 948.
45. Чебулинский районный государственный архив (ЧРГА). Ф. П-120. Оп. 36. Д. 4.
46. Чистяков Н. Народное образование в Кузбассе // Кузбасс. 1947. 9 декабря.
47. Усачев Г. Успехи сельской школы в твоих руках, учитель // Новая жизнь. 1975. 9 сентября.

Информация об авторах:

Заболотская Калерия Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, 8-960-908-50-07.

Kaleria A. Zabolotskaya – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Костюнин Олег Викторович – кандидат исторических наук, пресс-секретарь главы Тяжинского муниципального района, pressa-atmr@yandex.ru.

Oleg V. Kostyunin – Candidate of History, press-secretary of the Head of Tyazhin municipal district.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(470)''1914/1919'':347.965

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОГО ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО М. С. СТРАВИНСКОГО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН (1914 – 1919 гг.)

С. П. Звягин

PROFESSIONAL AND SOCIO-POLITICAL ACTIVITY OF IRKUTSK ATTORNEY M. S. STRAVINSKY DURING WORLD WAR I AND THE CIVIL WAR (1914 – 1919)

S. P. Zvyagin

Данная статья посвящена одной из малоизученных тем в отечественной историографии – общественно-политической деятельности российской интеллигенции в годы Первой мировой войны. На примере судьбы присяжного поверенного М. С. Стравинского показан профессиональный рост российского дворянина, выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Он приехал в Сибирь в 1897 г., когда здесь впервые стали формировать такой институт правового государства, как адвокатура. Однако М. С. Стравинский не ограничился только профессиональной деятельностью. Он быстро стал достаточно известным в Иркутске общественным деятелем. Это привлекали самые разные мероприятия: от борьбы с туберкулезом до оказания помощи только что созданному Иркутскому университету. Поэтому не является случайным, что он в 1914 г. становится почетным консулом Королевства Бельгии в Иркутске. М. С. Стравинский и на этом поприще сумел помочь этой несчастной тогда стране. Особый интерес представляют родственные связи М. С. Стравинского. Он был тестем известного в Императорской России чиновника и исследователя Сибири и Дальнего Востока Н. Л. Гондатти.

The paper is devoted to one of the poorly studied topics in Russian historiography – that of public and political activity of the Russian intelligentsia during the World War I. the author appeals to the example of the fate of attorney M. S. Stravinsky to show the professional growth of the Russian nobleman, a graduate of the Law Faculty of St. Petersburg University. He came to Siberia in 1897, when the bar as a legal institution was just being created there. However, M. S. Stravinsky was not limited only to professional activities. He quickly became a well-known public figure in Irkutsk. He was involved in a variety of activities: from fighting tuberculosis to supporting the newly created Irkutsk University. Therefore, it is not accidental that in 1914 he became an honorary Consul of the Kingdom of Belgium in Irkutsk. M. S. Stravinsky managed to help that country, which was rather desperate at that time, in that sphere. M. S. Stravinsky's family ties deserve special interest. He was the father-in-law of N. L. Gondatti, a well-known officer in Imperial Russia and explorer of Siberia and the Far East.

Ключевые слова: Сибирь, Иркутск, адвокат, Первая мировая война, Гражданская война, профессиональная и общественно-политическая деятельность, благотворительность, генеология.

Keywords: Siberia, Irkutsk, attorney, World War I, Civil war, professional, social and political activity, charity, genealogy.

150-летию судебной реформы 1864 г. в России посвящается

Годы Первой мировой войны для Мечислава Станиславовича Стравинского были наполнены не только профессиональным служением, но и исполнением многочисленных и разнообразных общественных поручений.

19 июля 1914 г. Германия объявила России войну. Уже 3 сентября 1914 г. М. С. Стравинский был избран членом Иркутского отдела Российского общества Красного Креста [21, 28 сент.]. В том же году М. С. Стравинский состоял членом Иркутского губернского попечительства детских приютов [24, с. 119].

Среди горожан М. С. Стравинский пользовался устойчивым авторитетом. В 1914 – 1919 гг. его избирали гласным Иркутской городской думы, а 1918 г. он исполнял обязанности городского головы [13, с. 282; 20, с. 269, 302, 376].

М. С. Стравинский помогал Родине в войне в необычном качестве. Дело в том, что 26 мая 1914 г. Государь Император Николай II своим высочайшим повелением соизволил признать М. С. Стравинского бельгийским нештатным консулом в Иркутске [38, с. 192].

М. С. Стравинский, Иркутск, 1910 г.

Начало Первой мировой войны оказалось трагическим для этой небольшой страны. Битва за Бельгию заняла у немцев 17 дней. Это вовсе не свидетельствовало о несокрушимой силе военной машины Германии [31, с. 134].

Трагедия Бельгии, ее мужественное сопротивление агрессору не оставили равнодушными россиян. Чувство сопереживания разделяли и иркутяне. 5 октября 1914 г. в городском театре состоялся патриотический спектакль. На нем присутствовал известный иркутский общественный деятель И. И. Серебренников. По его воспоминаниям, в антракте военным оркестром были исполнены гимны: русский (шесть раз), французский (четыре), бельгийский и сербский – три и английский один раз. Бельгийскому консулу М. С. Стравинскому, пишет И. И. Серебренников, была устроена «сочувственная манифестация».

«Бельгийский гимн, по мнению И. И. Серебренникова, напоминает военный марш. В нем слышна готовность героически отстоять свою страну от всякого врага, будь он даже в сто раз могущественнее их... публика выслушала все гимны и особенно шумно манифестовала после исполнения французского и бельгийского гимнов» [42, с. 52].

В середине октября 1914 г. владелец театра «Кинетофон» приглашал послушать исполнение гимна «Боже, царя храни», а также гимны союзников России: французский, английский, сербский, бельгийский, японский, черногорский и польский [25, с. 18].

28 октября 1914 г. в Иркутске состоялась большая патриотическая манифестация. Начало было положено молебном о победе в Новом кафедральном соборе. Затем ее участники прошли по центру города. Горожан приветствовали начальник края Л. М. Князев, городской голова И. М. Бобровский. Шествие последовало по многим адресам, в том числе мимо квартир французского и бельгийского консулов. Везде их тепло приветствовали [19, 29 окт.]. В ноябре 1914 г. бельгийский консул М. С. Стравинский собрал в помощь жителям этой разоренной боевыми действиями страны 3609 руб. [38, с. 197].

В конце 1914 г. среди местной польской колонии возникла мысль о создании в Иркутске общества. Оно было призвано взять на себя попечительство о пленных славянах, содержащихся в военном городке. Видимо у Мечислава Станиславовича был непростой характер и у него произошел конфликт с присяжным поверенным Ф. А. Томашевским. Суть заключалась в следующем. 11 января 1915 г. состоялось собрание, на котором были избраны члены комитета. В председатели президиума была выдвинута кандидатура И. С. Иконникова, а в его товарищи – Ф. А. Томашевского и М. С. Стравинского. Когда М. С. Стравинский узнал, что его «соперником» является Ф. А. Томашевский, он заявил, что избрание Ф. А. Томашевского будет скандалом, а если того еще и изберут, то он, М. С. Стравинский, уйдет из комитета. В результате выбрали М. С. Стравинского.

В своем объяснении Совету присяжных поверенных он написал следующее: «...не признаю для себя возможным участвовать в таком обществе, где г. Томашевский занимал бы более высокое и почетное по-

ложение, чем я. Но я ровно никакого протеста не заявил против участия г. Томашевского в этом обществе на равных со мной правах, т. е. в качестве обыкновенного члена правления... Я прекрасно знаком с практикой всех советов присяжных поверенных в Российской империи и могу с твердой уверенностью сказать, что среди десятка тысяч дисциплинарных дел не было случая возбуждения дисциплинарного производства против присяжного поверенного за слова и мысли, высказанные заочно». Коллеги разъяснили М. С. Стравинскому неправильность его действий [50, с. 327 – 330].

В 1915 г. М. С. Стравинский получил следующие общественные поручения: член губернского по налогу с недвижимых имуществ присутствия, товарищ председателя Восточно-Сибирского окружного управления Российского общества Красного креста, товарищ председателя благотворительного общества «Утоли моя печали», член дирекции Иркутского городского банка.

14 мая 1915 г. в иркутском костеле по инициативе итальянской колонии были отслужены литургия и молебен. Затем участники манифестации прошли к памятнику Императору Александру III. На Большой улице к ним присоединилась местная японская колония. Демонстранты останавливались у домов Иркутского генерал-губернатора, командующего войсками Иркутского военного округа, квартир французского и бельгийского консулов Вильмона и Стравинского [38, с. 204].

В ночь на 1 января 1916 г. при встрече Нового года в 1-м Общественном собрании М. С. Стравинский поднял тост за командующего войсками Иркутского военного округа [18, 3 янв.].

30 января 1916 г. через Иркутск на запад проследовал Его Императорское Высочество, Великий князь Георгий Михайлович. Августейшая особа посетила Забайкалье с целью мобилизации ресурсов на ведение войны. На местном железнодорожном вокзале среди встречавших был и бельгийский консул М. С. Стравинский [18, 31 янв.].

В ночь на 1 января 1917 г., встречая Новый год в 1-м общественном собрании, М. С. Стравинский провозгласил здравицу в честь Государя Императора Николая II [21, 9 янв.].

Во второй половине января 1917 г. он выступал в Иркутском окружном суде по делам товарищества «Зерно – Сахар» из Москвы и П. И. Гусева [21, 24, 31 янв.].

Авторитет и опыт М. С. Стравинского оказался востребованным и после свержения монархии. В начале марта 1917 г. от гласных городской думы его избрали в Комитет общественных организаций Иркутска [21, 4 марта.].

На заседании Иркутской городской думы 23 марта 1917 г. обсуждался вопрос об обновлении состава этого органа власти. М. С. Стравинский предложил не выводить сторонников старого государственного устройства. По его словам, пусть они сами подадут прошения об этом [21, 25 марта.].

В 1917 г. М. С. Стравинский вновь был избран в Иркутскую городскую думу по списку союза домо-

владельцев. Он являлся членом городской управы. В 1917 г. он состоял в следующих комиссиях: благотворительной, общественного призрения, по выборам в Иркутскую городскую думу 1917 г., по выборам во Всероссийское Учредительное собрание.

Продолжалась его деятельность в качестве старшины 1-го общественного собрания. В частности, 5 августа 1917 г. редакция одной из газет опубликовала объявление М. С. Стравинского о том, что концерт Богущкого перенесен из большого в малый зал. Это решение он оправдывал тем, что в большом зале была организована игра в лото [21, 5 авг.].

В 1917 г. дыхание далекой от Иркутска войны доносило присутствие в городе 8800 военнопленных [3, стб. 517]. Эти люди существенно повлияли на городскую жизнь и горожан. Однако об их пребывании в этом городе нет ни слова в монографии А. И. Гергилевой [9, с. 123]. Очевидец жизни Иркутска того времени присяжный поверенный и общественный деятель М. А. Кроль считал, что «Иркутск стал участником той страшной драмы, которую Россия пережила в годы мировой войны» [26, с. 436].

По представлению М. С. Стравинского как бельгийского консула бельгийский король Альберт I пожаловал иркутянину Михаилу Малахову Золотой крест 1-й степени. Этой наградой была отмечена его выдающаяся храбрость по охране бельгийского консульства в Иркутске 18 декабря 1917 г. во время боев с большевиками [46, 2 нояб.]. По оценке П. А. Новикова, по количеству жертв бои против власти большевиков в Иркутске стоят в России на втором месте после Москвы [33, с. 35].

В связи с деятельностью М. С. Стравинского в Иркутске в годы Первой мировой войны нельзя не упомянуть о следующем. В 2000 г. доктор исторических наук Н. В. Греков из Омска в своей монографии сообщил о том, что в контрразведывательных сводках Иркутского военного округа упомянут иркутский присяжный поверенный М. С. Стравинский. Он был уличен в связях с якобы шпионом из Владивостока А. Бутенгоф-Штауфахером [14, с. 418].

Эта информация уточнена на сайте кандидата юридических наук Р. Г. Мельниченко из Волгограда. Во время Первой мировой войны М. С. Стравинский подозревался в работе на германо-австрийскую разведку: «Во Владивостоке на поприще шпионажа работали двое швейцарских подданных – Адольф Бутенгоф и Франц Вальден. В этом им содействовали находившиеся в Иркутске Александр Гезе, аптекарь Жинжерова и присяжный поверенный Стравинский» [52]. Никакие меры уголовного преследования к нашему персонажу предприняты не были. Может быть, это была шпиономания, характерная для любой войны?

М. С. Стравинский был последовательным сторонником учреждения в Иркутске университета. Он был членом комиссии городской думы по его созданию. В августе 1916 г. юрист пожертвовал 250 руб. на создание высшего учебного учреждения в городе [44, 31 авг.].

16 февраля 1917 г. одна из местных газет известила читателей о том, что Иркутская городская дума

выбрала делегацию в составе городского головы И. М. Бобровского, его товарища Н. Н. Донского и М. С. Стравинского для выражения Иркутскому генерал-губернатору А. И. Пильцу благодарности за его хлопоты по учреждению университета [21, 16 февр.].

На заседании Иркутской городской думы 21 февраля 1917 г. слушался вопрос о развитии учебных заведений в городе. Речь зашла о создании политехникума. Гласный М. С. Стравинский высказался в поддержку его появления. Однако, заявил он, идея об учреждении университета должна оставаться. Он предложил ассигновать 1 млн руб. на развитие в городе высшей школы [21, 23 февр.]. Когда вопрос об учреждении вуза наконец-то решился, то М. С. Стравинский 27 октября 1918 г. выступил на торжественном акте открытия Иркутского университета.

Не оставлял он своим вниманием молодой вуз и позже. В 1919 г. присяжный поверенный М. С. Стравинский состоял членом юридического общества при Иркутском университете. За свою жизнь Мечислав Станиславович собрал богатую юридическую библиотеку в 200 томов, 50 из которых находятся в фондах Научной библиотеки Иркутского государственного университета. К сожалению, в соответствующем издании об этом не сказано ни слова [11]. Видимо, эти книги распылены по всему фонду библиотеки [51].

Пока нет сведений, что делал М. С. Стравинский в период «первой» советской власти (декабрь 1917 г. – июль 1918 г.). 11 июля 1918 г. в Иркутске одержали верх противники большевиков [34, с. 11].

27 июля 1918 г. председатель Иркутской городской думы М. С. Стравинский преподнес стяг с изображением святителя Иннокентия с одной стороны и надписью «С нами Бог» с другой начальнику 3-й Иркутской дивизии полковнику П. П. Гривину. В 18 часов на Тихвинской площади прошел молебен архимандрита Софрония. В своем выступлении М. С. Стравинский выразил надежду, «что славные сибирские войска, с помощью Божьей и покровителя Сибири Св. Иннокентия одолеют внутреннего врага – большевиков, победоносно доведут начатое нашими братьями чехословаками дело победы до конца».

На церемонии присутствовали главный начальник округа полковник А. В. Эллерц-Усов, командир Средне-Сибирского корпуса подполковник А. Н. Пепеляев. Тогда же состоялся торжественный марш войск [33, с. 129 – 130].

6 августа 1918 г. Иркутский губернский комиссар П. Д. Яковлев известил председателя Иркутской губернской следственной комиссии М. П. Сеткина о том, что вместо отказавшегося работать члена комиссии И. П. Кокоулина «городской думой избран, а мною утвержден гласный М. С. Стравинский» [8, л. 14 – 15]. Однако вскоре Мечислав Станиславович обратился к М. П. Сеткину со следующим письмом: «Милостивый государь, Михаил Петрович, я по чисто субъективным причинам не могу быть членом следственной комиссии и эти полномочия с себя слагаю» [8, л. 22].

6 августа 1918 г. М. С. Стравинского избрали товарищем председателя комитета помощи больным и

раненым [41, 7 авг.]. Таких людей в городе было еще много.

В конце октября 1918 г. в 1-м Общественном собрании были выборы старшин. Его кандидатура была среди 7 других. М. С. Стравинский вновь был избран председателем Совета старшин 1-го общественного собрания. Причем на этот пост он избирался неоднократно [46, 26 нояб.].

Осенью 1918 г. присяжные поверенные округа Иркутской судебной палаты М. С. Стравинский и Н. Н. Раевский были назначены членами Сибирского Высшего суда, затем членами Гражданского департамента Правительствующего Сената [40, 26 сент.]. Это сообщение не осталось незамеченным. Одна из местных газет откликнулось на него следующими словами: «Выдающийся и бескорыстный юрист, снискал себе громадное уважение. Приветствуем и сожалеем, что он покидает Иркутск» [46, 26 сент.]. Торжественные проводы М. С. Стравинского в Омск были назначены на воскресенье 26 октября. В тот же день на 2½ был назначен обед в 1-м Общественном собрании [46, 4 окт.].

29 октября 1918 г., сразу после приезда в Омск, М. С. Стравинский был принят Верховным правителем России адмиралом А. В. Колчаком [39, 31 окт.]. Торжественное открытие Высшего суда было назначено на 3 ноября 1918 г. [46, 23 окт.].

В конце 1918 г. М. С. Стравинский вернулся в Иркутск. Вместо традиционных визитов Новый 1919 г. он встретил в 1-м Общественном собрании [20, 3 янв.].

Последняя известная мне информация о М. С. Стравинском относится к началу июня 1919 г. Тогда в Иркутске в многолюдном заседании Славянского общества под его председательством было решено издавать свою газету. Уже было собрано 75 тыс. руб. и решено объявить подписку еще на 100 тыс. руб. Председателем общества являлся присяжный поверенный П. А. Разумовский [17, 5 июня].

Теперь следует рассказать о том, как складывалась жизнь известного иркутянина до 1914 г. Мечислав (по другим данным Мечеслак – С. 3.) Станиславович Стравинский родился, возможно, в 1849 г. Он являлся потомственным дворянином Владимирской губернии и был римско-католического вероисповедания.

М. С. Стравинский окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета [50, с. 110]. Во время учебы он попал под уголовное преследование. Дело называлось многословно: «О студенте Мечислаке Стравинском и редакторе «С.-Петербургских ведомостей» А. Сомове, преданных суду за напечатание в «С.-Петербургских ведомостях» статьи Стравинского, оскорбительной для местных властей Эстляндской губернии».

Разбирательство дела происходило 2 апреля 1869 г. в Санкт-Петербургской судебной палате. Защиту осуществлял присяжный поверенный В. Д. Спасович. Судьи нашли подсудимых виновными и приговорили А. Сомова к 25, а М. Стравинского к 50 руб. штрафа. В случае «несостоятельности уплаты»

М. Стравинскому грозила одна, а А. Сомову – две недели ареста [53].

До 1874 г. М. С. Стравинский был помощником присяжного поверенного, а после открытия 1 сентября 1874 г. окружного суда в Екатеринбурге стал в мае 1875 г. вторым, после И. А. Белоруссова, адвокатом на Среднем Урале [53]. С 3 августа 1879 г. он – присяжный поверенный 1-го округа Минского окружного суда Виленской судебной палаты.

В 1897 г. в развитие судебной реформы 1864 г. была создана Иркутская судебная палата [1, с. 206 – 209]. Ее юрисдикция распространялась на Иркутский, Красноярский, Якутский, Читинский, Благовещенский, Владивостокский и Пограничный окружные суды [28, с. 133]. 4 октября 1897 г. Стравинский обратился к сенатору, действительному статскому советнику, ее старшему председателю Г. В. Кастриото-Скандербек-Дрекаловичу [27, с. 176] с прошением о переводе его присяжным поверенным при Иркутском окружном суде.

К прошению были приложены рекомендации должностных лиц, которые знали М. С. Стравинского по совместной службе. Прокурор Казанской судебной палаты Соколов 8 августа 1897 г. в письме за № 445 сообщил: «...Стравинский, обладая хорошими способностями и даром слова, с успехом исполнял при Минском окружном суде обязанности присяжного поверенного, в особенности по уголовным делам, причем нравственные качества его за время службы моей в Минском окружном суде не вызывали никакого упрека».

Председатель Московского окружного суда 10 августа 1897 г. в письме № 28 писал: «Присяжный поверенный Стравинский всегда отличался самою живою деятельностью и горячим усердием к тем делам, которые ему приходилось вести в Московском окружном суде, выказывая, кроме того, вполне удовлетворительные знания своего предмета. За время службы он ни в чем предосудительном замечен не был».

Прокурор Московского окружного суда Бартельсон 31 августа 1897 г. в письме за № 138 известил: «Стравинский известен как обладающий солидными знаниями юрист, как талантливый оратор, как опытный, энергичный поверенный по чужим делам». Таким образом, в 1897 г. М. С. Стравинский стал одним из первых присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты [50, с. 112].

Он сразу и надолго занялся активной общественной деятельностью в городе. В 1897 г. он вошел в состав общества земледельческих колоний. При обсуждении устава Общества он высказался против участия в деятельности общества местных учителей, которые, по его мнению, нравственно калечили детей. В 1898 – 1899 гг. был председателем римско-католического общества. Почетный блюститель городского Нагорного училища.

Мечислав Станиславович пробовал себя даже в драматургии. В 1901 г. в Санкт-Петербурге была опубликована его пьеса «В погоню за славой».

В 1903 г. с присяжным поверенным М. С. Стравинским как с минским домовладельцем случилась

беда. Он долгое время работал в Сибири и, возвращаясь в Минск, был обворован. В поезде железной дороги ловкие мошенники сумели незаметно вытащить у него бумажник, в котором находились документы и крупная сумма денег. Найти злоумышленников по горячим следам не удалось. М. С. Стравинский смирился с пропажей денег и документов. Однако вскоре ему сообщили, что в его московский дом почтальон принес посылку, в которой были документы и записка. Воры написали, что сожалеют о случившемся и поэтому возвращают документы по указанному в них адресу. Кроме того, они готовы вернуть и украденную сумму, если только господин Стравинский ничего против них иметь не будет. Как сообщили газеты, «любезность свою мазурики объяснили тем, что они не знали о принадлежности их жертвы к сословию адвокатов».

После образования в 1906 г. присяжной адвокатуры в Иркутском судебном округе М. С. Стравинский был избран председателем Совета присяжных поверенных (23 февраля 1907 г. – 3 апреля 1912 г.) [6, с. 230]. Во время выборов членов Совета в 1912 г. на М. С. Стравинского и И. С. Фатеева кем-то из членов иркутской адвокатуры были написаны пасквили. В 1916 – 1917 гг. М. С. Стравинский избирался членом данного Совета.

Начал свою деятельность в этом общественном формировании он не совсем обычно. Вот что писал по этому поводу прокурор Пограничного окружного суда прокурору Иркутской судебной палаты: «Постановление Совета присяжных поверенных останавливает на себе внимание своими новым, не имеющим прецедентов в судебной практике и идущим вразрез с прямым смыслом закона толкованием прав советов присяжных поверенных в отношении возбуждения уголовного преследования о преступных деяниях, совершаемых присяжными поверенными в сфере их профессиональной деятельности».

Все началось с того, что в Харькове жил и работал присяжный поверенный Гунтарев. Выиграв 5 тыс. руб. исковых денег, он скрылся. Начался всероссийский розыск. Беглого адвоката обнаружили в Маньчжурии, где и арестовали. Поскольку это происходило на территории, подведомственной Совету присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты, на заседании 9 августа 1908 г. совет во главе с М. С. Стравинским постановил войти с представлением к прокурору Иркутской судебной палаты. Они считали, что инициатива предания к суду еще двух категорий: присяжных поверенных и их помощников должна непосредственно исходить от совета и никто, даже прокурор, не имеет права начинать дело ранее соответствующего постановления совета. Естественно, это вызвало бурный протест представителей прокурорского надзора. В личном разговоре М. С. Стравинского с прокурором судебной палаты выяснилось, что по этому делу уже состоялся обвинительный акт и оно передано в суд, Мечиславу Станиславовичу была тактично разъяснена неправильность действий возглавляемого им совета.

Надо сказать, писал в заключении чиновник прокуратуры, что совет присяжных поверенных под

председательством М. С. Стравинского отличался большей демократичностью, чем под председательством В. А. Харламова [52].

28 декабря 1909 г. в здании Иркутской судебной палаты состоялось первое заседание учредителей общества «Патронаж». Присутствовало 22 человека. Председателем был избран Е. П. Нимандер, а товарищем председателя – М. С. Стравинский [38, с. 137].

В 1910 г. он состоял заместителем председателя комитета Иркутского общества воспитательно-исправительных заведений.

20 января 1913 г. ночью по пути в Санкт-Петербург в Иркутск прибыл Приамурский генерал-губернатор, шталмейстер Двора Его Императорского Величества, действительный статский советник Н. Л. Гондатти. Его встречали начальник Забайкальской железной дороги Кнорринг, городской голова Жбанов. Высокопоставленный гость остановился на квартире М. С. Стравинского. Через несколько дней он предполагал выехать в столицу [44, 22 янв.].

Н. Л. Гондатти покинул Иркутск в ночь на 23 января 1913 г. Его провожал начальник губернии Л. М. Князев. До Красноярска высокого гостя сопровождал прокурор Иркутской судебной палаты Е. П. Нимандер [44, 24 янв.; 26, с. 693].

12 марта 1913 г. в одной из местных газет М. С. Стравинский поблагодарил земляков за участие в празднике «белого цветка» [44, 12 марта]. В дореволюционной России это было ежегодное мероприятие, придающее духовные силы больным туберкулезом [49, с. 136].

24 марта 1913 г. во время заседания в обществе взаимного кредита он предложил присутствующим почтить память бывшего Иркутского губернатора И. П. Моллериуса [44, 27 марта].

23 сентября 1913 г. на торжественном собрании Иркутского совета присяжных поверенных по поводу 50-летия московской адвокатуры М. С. Стравинский произнес приветственное слово, впоследствии опубликованное брошюрой [37, с. 9].

В конце декабря 1913 г. М. С. Стравинский был избран гласным Иркутской городской думы от избирателей центральной части города. Он представлял так называемую хозяйственно-прогрессивную партию [10, 14 нояб.; 21, 31 дек.].

19 мая 1914 г. в особом присутствии уголовного отделения Иркутского окружного суда началось слушание дела «Союза союзов». По мнению Н. С. Романова, это был «отголосок 1905 г.». Подсудимым вменялось в вину участие в октябре 1905 г. в объединенном стачечном комитете. Среди обвиняемых: инженеры Малявкин, Вознесенский, Хоммер, присяжные поверенные Л. С. Шапиро, И. С. Фатеев, Орнштейн, врач Савельев, бывший гласный Окунев и др.

Защиту представляли П. Н. Переверзев (Санкт-Петербург), Мясоедов (Саратов). От иркутской адвокатуры были М. А. Кроль, М. С. Стравинский, Каретников, Серегин. 28 мая 1914 г. все обвиняемые были оправданы [38, с. 192].

22 февраля 1915 г. Прокурор Иркутского окружного суда подал кассационный протест в уголовно-

кассационный департамент Правительствующего Сената, Сенат оставил протест без последствий.

В Иркутске семья Стравинских жила по ул. Харлампиевской, № 34, в собственном доме [4, с. 83]. Теперь это улица М. Горького в центре городе, недалеко от Ангары.

Женой М. С. Стравинского была дочь бывшего председателя Костромской земной управы Надежда Валерьяновна, урожденная Светлополева. В семье были сыновья Анатолий и Борис, дочь Маргарита.

Анатолий Стравинский родился в Кинешме 25 января 1874 г. Молодой человек окончил 5-ю Санкт-Петербургскую гимназию и был «поведения отличным». В его студенческом деле хранится свидетельство Костромской духовной консистории от 3 июня 1891 г. о его крещении. Документ был выдан по прошению присяжного поверенного Мечислава Станиславовича Стравинского. Судя по записи в метрической книге Благовещенской церкви г. Кинешмы ребенок был крещен 4 февраля. Родители новорожденного – дворянин Мечислав Станиславович Стравинский, католического вероисповедания, и «законная жена его» Надежда Валериановна, православного вероисповедания. Восприемниками были губернский секретарь Михаил Валерианович Светланишев и девица Варвара Валериановна. Таинство совершил священник Павел Альбов, дьячок Александр Передаскин и приказной пономарь Павел Енисейский.

Другой документ из личного дела А. М. Стравинского – свидетельство, выданное Владимирским Дворянским депутатским собранием присяжному поверенному М. С. Стравинскому о том, что он внесен в шестую часть дворянской родословной книги Владимирской губернии и род его утвержден в древнем дворянстве 30 ноября 1881 г. Есть в деле и уведомление, что А. М. Стравинский подлежит исполнению воинской повинности в 1895 г.

4 августа 1891 г. А. М. Стравинский подал прошение ректору Московского университета о принятии в число студентов 1-го курса медицинского факультета. Затем название факультета было зачеркнуто и заменено сверху «на юридический». Местом жительства молодого человека был указан следующий адрес: г. Минск, Подгорная улица, дом № 29.

На следующий день молодой человек подал новое прошение. В обращении к ректору Московского университета от 5 августа он сообщал, что на медицинском факультете есть недостаток вакансий, поэтому ему последовал отказ. А. М. Стравинский просил теперь о принятии на первый курс юридического факультета. Теперь становится понятным, почему прежний текст был зачеркнут другими чернилами и исправленное было заверено 23 августа 1891 г. Плату в 50 руб. за первый семестр он внес 17 августа 1891 г.

Однако молодому человеку не довелось пойти по стопам отца. 21 сентября 1891 г. он вновь обратился с прошением к ректору Московского университета. На этот раз студент первого курса юридического факультета просил разрешить переход в Императорскую Военно-медицинскую академию (г. Санкт-Петербург – С. 3.). Документы ему вернули в тот же день – 21 сентября [48, л. 1 – 7].

По сведениям З. В. Востокова, впоследствии А. М. Стравинский был иркутским актером. В 1898 – 1901 гг. он писал стихи и рассказы и два года сотрудничал с иркутской газетой «Восточное обозрение» [5].

Про второго сына М. С. Стравинского известно совсем мало, да и неточно. В 1902 г. товарищем прокурора Владивостокского окружного суда состоял коллежский секретарь Болеслав Мечеславович Стравинский [36, с. 35.]. Возможно, это был сын нашего героя.

Маргарита Мечиславовна Стравинская (14 июля 1875, Екатеринбург, Российская империя – ?, Харбин, Китай) в 1898 г. стала женой Николая Львовича Гондатти (8 августа 1860, Москва, Российская империя – 5 апреля 1946, Харбин, Китай) [7, с. 144]. Супружеская пара прожила вместе более 40-лет. Жена Н. Л. Гондатти умерла, видимо, в годы Второй мировой войны [16, с. 24 – 26].

До января 1906 г. он служил управляющим канцелярией Иркутского генерал-губернатора [45, с. 419]. 6 апреля 1906 г. Н. Л. Гондатти выехал из Иркутска [38, с. 71]. 18 апреля того же года он вступил в должность Тобольского губернатора [47, 18 апр.]. Потом он стал Приамурским генерал-губернатором. Теперь ясно, почему в 1913 г., будучи проездом в Иркутске, он остановился в доме М. С. Стравинского – своего тестя.

Старшая дочь Гондатти-Барбелюк Татьяна Николаевна (21 августа 1904, Иркутск, Российская империя – 28 июля 1976, Австралия) окончила гимназию имени М. А. Оксаковской [35, с. 173] на Вокзальном проспекте в Харбине [29, с. 87] и в 1929 г. Харбинский политехнический институт по специальности «инженер-строитель». В 1931 г. вышла замуж за Григория Иосифовича Барбелюка. Однако вскоре разошлась и в 1937 г. переехала в Шанхай. В 1953 г. уехала в Австралию. После смерти единственного сына вела очень замкнутую жизнь [2, с. 47, 93 – 94].

Как начальник Земельного отдела КВЖД Н. Л. Гондатти активно занимался строительством в Харбине жилого поселка, получившего название Гондателька. Главной улицей была Татьянаинская, названная, по сведениям Г. В. Мелихова, в честь дочери Н. Л. Гондатти [30, с. 352].

Младшая дочь Гондатти – Ольга (4 августа 1906, Тобольск, Российская империя – 5 февраля 1929, Харбин, Китай) покончила жизнь самоубийством [2, с. 47, 93 – 94]. Студентка последнего курса юридического факультета отравилась сильным ядом. Рядом с телом лежала записка: «Прошу в моей смерти никого не винить». Накануне Ольга была очень весела, пела, играла на пианино. Редакция харбинской газета «Заря» вопрошала в те дни: «Что могло заставить молодую, жизнерадостную девушку, оканчивающую высшее учебное заведение и только что высказывавшую бодрые планы на будущее в разговоре с отцом, искать добровольной смерти – остается тайной» [18, 6 февр.].

Родители же высказали следующее предположение: «Ольга – горячая патриотка, тосковала по Родине и эта тоска привела ее к решению о добровольной смерти» [15, с. 172]. Пережить трагедию помог вскоре появившийся внук. Это был сын старшей дочери Татьяны. В одной из харбинских газет тогда появился снимок Н. Л. Гондатти с 3-х летним Володей [15, с. 173].

В Харбине Гондатти жили в добротном уютном доме с роскошным садом на одной из центральных улиц города – Большом проспекте № 108 [15, с. 163]. На этой же улице располагались такие престижные в городе объекты, как Управление КВЖД, Железнодорожное собрание, Коммерческое училище, торговый дом «И. Я. Чурин и К°», доходный дом Б. Д. Мееровича [29, с. 24, 79, 100].

Впоследствии Н. Л. Гондатти лишился своего особняка и всего имущества [12, с. 93]. Он умер, писал

в некрологе митрополит Нестор, нищим, смиренно и безропотно, никого не обвиняя и никому не жалуясь на свою судьбу [32, с. 49].

Данная статья возвращает иркутянам имя их незаурядного земляка, жившего в городе в начале XX в. и много сделавшего для его жителей. Хочется надеяться, что дальнейшая поисковая работа даст нам возможность дополнить биографию М. С. Стравинского новыми сведениями.

Литература

1. Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX веков в лицах и документах: материалы к энциклопедии. Иркутск, 2004.
2. Барбелюк (урожденная Гондатти) Татьяна Николаевна // Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: биобиблиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.
3. Вегман В. Д. Военнопленные империалистической войны // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1.
4. Весь Иркутск на 1909 г. Иркутск, 1909.
5. Востоков З. В. Биографический словарь деятелей Восточной Сибири. Т. 2: «М - Я» // Хабаровская краевая научная библиотека. Рукописный фонд.
6. Вся Сибирь. 1912 г. Томск, 1912. С. 230.
7. Выдающиеся Тобольские и Сибирские губернаторы / сост. С. Пархимович, С. Туров. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3352. Оп. 1. Д. 1362.
9. Гергилева А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: февраль 1917 – 1920 гг. Красноярск, 2007.
10. Голос Иркутска (Иркутск). 1913.
11. Гольдфарб С., Щербаков Н. Иркутский государственный университет: хроника событий 1918 – 1998. Иркутск: Агентство «Комсомольская правда – Байкал», Изд-во Ир. Ун-та, 1998.
12. Гондатти Николай Львович // Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке биобиблиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.
13. Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872 – 2011: биограф. справочник / авт.-сост. А. В. Петров, М. М. Плотнокова. Иркутск, 2011.
14. Греков Н. В. Опыт и проблемы развития отечественной разведки в 1905 – 1917 гг. (общероссийский и сибирский аспекты). Омск, 2000.
15. Дубинина Н. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997.
16. Дубинина Н. Судьба Н. Л. Гондатти в эмиграции // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД. М., 19 – 21 мая 1998 г. М., 1998.
17. Заря (Омск). 1919.
18. Заря (Харбин). 1929.
19. Иркутская жизнь (Иркутск). 1914.
20. Иркутская жизнь (Иркутск). 1916.
21. Иркутская жизнь (Иркутск). 1917.
22. Иркутская летопись 1661 – 1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2003.
23. Иркутские губернские ведомости (Иркутск). 1914.
24. Календарь-справочник по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1914 г. Изд-е В. Ф. Хардина и И. И. Серебренникова. Иркутск: паровая типография И. П. Казанцева, 1914.
25. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г). Новосибирск, 2013.
26. Кроть М. А. Страницы моей жизни. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008.
27. Курас Л. В., Курас Т. Л., Щербаков Н. Н. История Иркутской судебной палаты (1897 – февраль 1917 гг.). Улан-Удэ: Изд-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003.
28. Курас Т. Л. Вопросы подсудности дел судебным палатам в Российской империи (1864 – 1917 гг.) // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Вып. 4(16) / ред. кол. В. М. Андреев, А. А. Иванов, С. И. Кузнецов и др. Иркутск: Оттиск, 2007.
29. Левашко С. С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск: Частная коллекция, 2003.
30. Мелихов Г. В. Белый Харбин середина 20-х. М.: Русский путь, 2003.
31. Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. М.: Ин-т всеобщей истории, 2002.

32. Нестор. Погребение Н. Л. Гондатти (Некролог) // Хлеб Небесный (Харбин). 1946. № 6.
33. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005.
34. Новиков П. А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май – август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело: альманах / ред. Н. И. Дмитриев. 2000. № 8.
35. Хисамутдинов А. А. Оксакская гимназия (Харбин) // Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.
36. Памятная книжка Приморской области на 1902 г. Владивосток, 1902.
37. Приветственное слово, сказанное председателем Иркутского совета присяжных поверенных, членом этого Совета, М. С. Стравинским, в торжественном собрании по поводу 50-летия московской адвокатуры 23 сентября 1913 г. Иркутск: Губ. типография, 1917.
38. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902 – 1924 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994.
39. Русское дело (Омск). 1919.
40. Свободная Сибирь (Красноярск). 1918.
41. Свободный край (Иркутск). 1918.
42. Серебренников И. И. Претерпев судьбы удары. Дневник 1914 – 1918 гг. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008.
43. Сибирская жизнь (Томск). 1916.
44. Сибирские вести (Иркутск). 1913.
45. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень: Тюм. изд. дом, 2000.
46. Сибирский голос (Иркутск). 1918.
47. Тобольские губернские ведомости (Тобольск). 1906.
48. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 305. Д. 686.
49. Черкасов А. А. Русская провинция в праздниках начала XX в. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. VI. Минск: БГУ, 2011.
50. Шахерова С. Л. Дореволюционная адвокатура Восточной Сибири (1895 – 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001.
51. URL: <http://www.library.isu.ru/ru/fonds/index.html> (дата обращения: 30.10.2013).
52. URL: <http://www.melnichenko.net/about23.html> (дата обращения: 18.10.2013).
53. URL: <http://www.Sky.ru/advokat/history> – свободный (дата обращения: 20.11.2013).

Информация об авторе:

Звягин Сергей Павлович – профессор кафедры новейшей отечественной истории, доктор исторических наук, КемГУ, whitesiberia@narod.ru.

Sergey P. Zvyagin – Professor of modern history, Doctor of History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 433.908.332.1

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПОПОЛНЕНИЯ ШАХТЕРСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В КУЗБАССЕ

А. А. Зеленин, М. Г. Леухова, А. Е. Пьянов

ABOUT THE ORIGINS OF RECRUITMENT OF COAL MINING STAFF IN KUZBASS IN THE PERIOD OF INDUSTRIALIZATION

A. A. Zelenin, M. G. Leukhova, A. E. Pianov

В статье анализируются источники пополнения шахтерских кадров в Кузбассе в 1920-е – 1930-е годы. Цель статьи – охарактеризовать основные категории источников рабочих кадров для угольной промышленности Кузбасса. Авторы выделяют основные группы населения, служившие источником пополнения рабочих кадров угольной промышленности. Дают характеристику каждой группе рабочих кадров, выявляют качественные и количественные характеристики каждой группы. В ходе исследования авторы приходят к выводу о существовании различных каналов пополнения рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса, выявляя роль каждого из них в формировании кадрового состава угольной промышленности Кузбасса.

The paper analyses the origins of recruiting coal mining staff for Kuzbass in the 1920s – 1930s. The paper aims at characterizing the main categories of the staff working in Kuzbass coal mining industry. The authors determine the main social groups that coal miners originated from. Characteristic of each group is provided, including qualitative and quantitative characteristics. The authors conclude that working staff for Kuzbass mining industry originated from a number of different backgrounds, and distinguish the role of each in the formation of coal mining industry in Kuzbass.

Ключевые слова: угольная промышленность, рабочие кадры, индустриализация, Кузбасс.

Keywords: coal mining, working staff, industrialization, Kuzbass.

Распределение горняков, прибывших в Кузбасс в 1928 – 1930 гг., по прежнему месту жительства*

Район выбытия	Прибыло	
	количество	% к итогу
Ленинградская область	42	0,4
Западная область	29	0,3
Московская область	42	0,4
Нижегородская область	60	0,5
Уральская область	180	1,6
Татарская АССР	110	1,0
Средне-Волжский край	214	1,8
Центрально-Черноземная область	135	1,2
Ниже-Волжский край	13	0,1
Средне-Кавказский край	19	0,1
Казахская АССР	41	0,3
Сибирский край	9092	79,5
Дальне-Восточный край	27	0,2
БССР	27	0,2
УССР	53	0,5
Не указали место выхода	1196	10,6
Прочие	151	1,3
Итого	11431	100

Примечание: *Заболотская К. А. Количественный и качественный рост рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса (1917 – 1970): дис... канд. ист. наук. Кемерово, 1975.

Из 11431 горняков, прибывших в регион в 1928 – 1930-е гг., около 9 тыс. (79,5 %) являлись выходцами из Сибири [25, с. 32 – 33]. Удельный вес выходцев из других районов был незначителен. Так, первостроителями кузбасских шахт – "Зидоинка" 1-2, "Коксовая", "Маганак" и др. – являлись крестьяне, входившие в состав местных промысловых артелей. Например, в Прокопьевском районе – из промартели им. 1 мая деревни Усяты [1, с. 18]. По мнению К. А. Заболотской, основной причиной преобладания местного сибирского населения в пополнении рядов кузбасских шахтеров являлось то, что сельское население привлекалось в угольную промышленность путем организованного набора в основном из районов Восточной и Западной Сибири. В последующие годы эта тенденция сохранялась. В 1937 г. в г. Прокопьевск прибыло 11654 чел., из них 5278 чел. (45,3 %) – из Новосибирской области, 2241 чел. (19,2 %) – из Алтайского края [24, с. 86].

Заметно усилился приток рабочей силы в промышленность, когда ВЦСПС и газета "Труд" организовали месячник профпропаганды. В Запсибкрае такой месячник объявили с 1 по 30 сентября 1931 года. Были разработаны конкретные мероприятия, реализация которых позволила в октябре 1931 г. закончить в основном призыв 7 тыс. колхозников в угольную промышленность Кузбасса [21, с. 7]. В целом партийные, комсомольские и профсоюзные мобилизации являлись одной из форм привлечения и формирования рабочих кадров. В 1931 г. крайком ВЛКСМ создал резервный ударный комсомольский батальон для

Конец 1920-х – 1930-е гг. были чрезвычайно важным периодом в истории нашей страны. Происходил стремительный процесс промышленной модернизации страны. В ходе этого процесса не только создавались новые отрасли промышленности, но и активно осваивались новые районы страны, которые быстро становились промышленными центрами СССР.

В условиях ускоренной модернизации одними из основных вопросов становились проблемы капиталовложений и вопросы обеспеченности кадрами. Обращение к вопросам источников пополнения шахтерских кадров в первой половине XX века становится важным в связи необходимостью для нашей страны проведения полномасштабной модернизации экономики.

В условиях быстрого промышленного развития Кузбасса в конце 1920-х гг. – 1930-х гг. сильно возросла потребность в рабочей силе. Слаборазвитые города, такие как Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженск и другие, не могли обеспечить людскими ресурсами бурно развивающуюся угольную промышленность. В связи с этим возросла роль деревни в пополнении рабочего класса в Кузбассе. Явление это было характерно для всей угольной промышленности СССР, и горняки Кузбасса не составляли исключения. На 1928 г. из рабочих происходило 34,4 % всех шахтеров страны; 36,6 % – шахтеров Сибири и 33,8 % – шахтеров Донбасса. Из крестьян соответственно – 62,3 %, 58,7 %, 63,1 %. Остальные рабочие вышли из числа служащих, торговцев, кустарей [24, с. 87].

Необходимо отметить, что усиление притока крестьянских масс шло одновременно с коллективизацией в деревне [26, с. 86]. По данным Народного Комиссариата труда, из 4490 человек, направленных в "Сибуголь" на 1 октября 1930 г. из сельской местности, колхозников было 830 (18,5 %), батраков – 1580 (35,2 %) и отходников – 2080 (46,3 %) [23, с. 32]. Так, основной контингент направленных на шахты составляли батраки и отходники. Они не имели собственного хозяйства или временно порывали с ним. В последующие годы индустриализации эта тенденция продолжала сохраняться. Среди шахтеров Кузбасса в 1932 г. выходцев из рабочих насчитывалось 30,7 % от общего количества шахтеров, из крестьян – 64 % [4, с. 31]. Сопоставление состава шахтеров в 1929 и 1932 гг. показало, что среди них в первой пятилетке снизилась доля выходцев из рабочих и повысился удельный вес выходцев из крестьян.

Особенностью являлось и то, что увеличение количества рабочих угольной промышленности происходило преимущественно за счет местного сибирского населения. Об этом свидетельствуют результаты переписи городского населения Кузбасса, проведенной в 1931 году. Распределение их по месту жительства дает наглядное представление, за счет каких районов пополнялись рабочие кадры бассейна (таблица 1).

шахт бассейна в количестве 2470 человек [27, с. 123].

Таким образом, потребность в неквалифицированных рабочих в первые годы индустриализации покрывалась в основном за счет крестьян. В последующие годы доля крестьян в новых пополнениях шахтерских кадров снизилась. Отчасти это было связано с тем, что в целом процесс перехода крестьянства в состав рабочих проходил медленно, крестьяне неохотно отрывались от земли. С другой стороны, рост численности городского населения, особенно в последние годы второй пятилетки, создал объективные предпосылки для постепенного снижения доли сельского населения в комплектовании шахтерских кадров бассейна.

В конце 30-х годов в трех крупнейших городах Кузбасса – Кемерово, Новокузнецке и Прокопьевске – проживало 54 % шахтеров, занятых в угольной промышленности бассейна. В составе прибывших 44 % из городов и около 48 % из сельской местности, что свидетельствует о возрастании роли городов в пополнении шахтерских кадров Кузбасса [2, с. 134].

Своеобразным источником пополнения шахтеров Кузбасса явились красноармейцы, уволенные в запас из рядов армии и флота. Постановлением Совета Труда и Оборона от 6 октября 1930 г. Народному Комиссариату труда предписывалось предоставить в распоряжение Сибугля 12454 рабочих и обеспечить совместно с Народным Комиссариатом по военным и морским делам качественный отбор вербованных рабочих из числа уволенных в запас [35, с. 134].

Еще один источник пополнения шахтерских кадров составляли кустари, выходцы из семей служащих, нетрудовые элементы. Однако удельный вес этой группы составлял от 2 до 5 %. Анализ "Профсоюзной переписи 1932 – 1933 гг." показал, что в первом пятилетии процент по названным категориям постоянно уменьшался. Так, кустарей и членов артелей, поступивших на производство в 1928 – 1929 гг., было 1 % от общего количества, в 1930 г. – 0,6 %, в 1931 и 1932 гг. соответственно – 0,6 и 0,1 % [30, с. 98 – 101]. Но вместе с тем удельный вес выходцев из торговцев и кустарей был выше, чем в Донбассе. Это связано с более широким развитием в Сибири кустарной промышленности. Так, на 1928 г. процент кустарей к общему количеству рабочих составлял в Донбассе 1,2 %, в целом по стране – 1,4 %, в Сибири – 3,4 % [34, с. 27 – 28].

К весне 1930 г. кадровая обстановка изменилась. Крестьянские хозяйства в значительной степени были коллективизированы, безработицу поглотило промышленное и транспортное строительство. Кузбасс начал испытывать дефицит рабочей силы, доходивший до 40 %. Учитывая это обстоятельство, в 1930 г. перед ЦК ВКП(б), Сибирским краевым отделом труда был поставлен вопрос о необходимости вербовки в Китае для работы в Кузбассе 60 – 70 тыс. рабочих [19, с. 11]. В последующие годы тенденция нарастала. На 1 июля 1931 г. по сравнению с 1930 годом требовалось увеличить число рабочих на 183 % [12, с. 40]. С 1 июля 1930 г. Кузбассу разрешалось вербовать рабочую силу. 10 сентября 1930 г. было заключено соглашение Наркомата тяжелой промышленности, согласно которому намечалось завербовать в 21 районе Та-

тарской республики, Нижне-Средне-Волжском и Нижегородском краях 17000 рабочих. Всего из принятых в 1930 г. на шахты Кузбасса 21,2 тыс. горняков, рабочие, поступившие по договорам, составили 63,7 % [24, с. 90]. Однако эти меры не обеспечили необходимого количества рабочих.

Тогда от самотека перешли к политике организованного набора. Бюро Запсибкрайкома ВКП(б) в решении "О состоянии и задачах обеспечения промышленности и строительства квалифицированной рабочей силой" (15 декабря 1930 г.) [33, с. 73] отмечало, что по Западной Сибири отсутствовал пятилетний план подготовки рабочей силы, не было точных данных потребности в квалифицированных рабочих не только на 1930 г., но и на 1931 г., не были выявлены и свободные ресурсы, непродуманно составлены заявки на необходимую рабочую силу. Для улучшения обеспечения шахт кадрами функция их набора была изъята из ведения Народного Комиссариата по труду и передана непосредственно управлениям предприятий. На органы Наркомтруда возлагались планирование, руководство и контроль за хозяйственными органами по оргнабору и подготовке кадров; наблюдение за правильным их использованием; контроль за организацией труда и зарплаты, выполнением коллективных договоров, за соблюдением техники безопасности, жилищно-бытовыми условиями, организацией женского труда на производстве [18, с. 18].

Кроме того, устанавливались договорные отношения между промышленными предприятиями и колхозсоюзами. По соглашению между Кузбассуглем и Крайколхозсоюзом от апреля 1931 г. для работы на угольные предприятия региона выделялось 6795 человек [18, с. 7]. Реально поступило 4170 человек, что составило 61,3 % от плана, в том числе в Анжерское рудоуправление – 1388 человек (61,7 %), Кемеровское рудоуправление – 550 (65,03 %), Ленинское и Прокопьевское рудоуправление соответственно прибыло 423 (45,74 %) и 1803 (69,75 %) человек [18, с. 40]. Наряду с оргнабором рабочие поступали на шахты путем самотека. В конце 1931 г. на шахты "Кузбассугля" по оргнабору поступило 10,4 тыс. рабочих, а самотеком только с мая по ноябрь этого года прибыло 26,3 тыс. человек [18, с. 16].

Вопрос об обеспечении угольной промышленности рабочей силой был остро поставлен на совещании хозяйственников, проведенном ЦК ВКП(б) в июне 1931 года. Предлагалось шире использовать оргнабор на основе договоров о взаимопомощи промышленных предприятий и колхозов, принцип материальной заинтересованности колхозников и других слоев сельского населения для работы в промышленности [29, с. 2]. За первую пятилетку в порядке оргнабора на шахты Кузбасса было привлечено 29,2 тыс. человек, из них свыше 80 % завербовано в Сибири.

В первые годы индустриализации, несмотря на кризисное положение в городах с жильем, текучесть кадров в Кузбассе была незначительной. Ее сдерживала безработица. С ростом промышленного строительства и потребности в рабочей силе рабочие получили возможность, не опасаясь остаться без работы, переходить с одного предприятия на другое в поисках лучших условий. Вместе с тем организационный на-

бор не смог обеспечить угольную промышленность региона квалифицированными кадрами, так как основная масса прибывших была из сельской местности и слабо подготовлена для работы под землей. Из прибывших в 1930 г. на Кемеровский рудник 1844 подземных рабочих квалифицированными были 711 человек (39 %) [15, с. 112 – 130]. Велика была текучесть кадров. Так, для организационного набора из колхозного и единоличного сектора по нарядам крайплана для Киселевского рудоуправления были выделены два района в Запсибкрае – Кожевниковский и Кочковский. Из них прибыло в 1934 г. – 3722, в 1935 г. – 3334, в 1936 г. – 3249 человек, а убыло из Киселевского рудоуправления соответственно 2902, 2707, 3840 человек. Таким образом, за три года прибыло 10305 чел., а убыло 9449 человек. Рудник из года в год сокращал вербовку и связанные с ней расходы. Основным недостатком являлось то, что вербовка проводилась в летние месяцы, в разгар сельскохозяйственных работ, когда в деревне трудно было найти свободную рабочую силу.

В последующие годы удельный вес оргнабора продолжал снижаться. Далеко не все рабочие, поступившие на шахты по оргнабору, могли работать под землей. Они либо уезжали, нарушая сроки контракта, либо переходили на другие предприятия. Все это не способствовало созданию на шахтах постоянных рабочих кадров.

В целом в 1936 г. на шахты Кузбасса по организованному набору должны были поступить 6500 рабочих, прибыло – 2675 (41,2 %) [22, с. 120, 135]. Поэтому не случайно этот метод стал постепенно вытесняться приемом рабочих самими предприятиями. Однако в довоенные годы полностью отказаться от него угольная промышленность не могла.

Одной из действенных мер борьбы с текучестью стала развернувшаяся с конца 1930 г. контрактация рабочих, то есть добровольное принятие ими обязательств отработать на данной стройке, предприятии определенный срок. Сроки контрактации составляли до пяти лет, в то время как вербовки один – два года. На 1 мая 1931 г. в Кемерове работами по контракту было охвачено 32 %, в Ленинске – 46,2 %, в Прокопьевске – 44 % горняков [17, с. 132].

Определенную роль в пополнении шахтерских кадров сыграла миграция части украинских горняков в Кузбасс. Донбассовцы были заметной группой в среде тех, кто приходил на кузбасские шахты. В период строительства Прокопьевского рудника газета "Советская Сибирь" писала: "На Верблюжью кочку со всех концов Советского Союза пришли шахтеры. Разные это были люди. Одни пришли с приисков... другие потянулись с Донбасса и отдали Прокопьевску индустриальные навыки. Третьи шли с деревень". Отсутствие необходимых статистических материалов не дает возможности точно определить число донецких горняков, работавших в первые пятилетки на шахтах Кузбасса. Имеющиеся данные говорят, что в 1931 г. выходцы с Украины составляли 0,5 % всех горняков Кузнецкого бассейна [25, с. 33].

Однако важно было не только число прибывших из Донбасса в Кузбасс шахтеров, но, главным образом, тот трудовой опыт, которым они владели. Так,

Степан Иванович Латышев приехал в Прокопьевск в 1925 году. Руководимая им бригада, работавшая на штольне "Центральная", одной из первых стала ударной, перешла на хозрасчет, а ее опыт стал достоянием всех горняков бассейна.

Следует заметить, что миграция донецких шахтеров носила стихийный характер, так как горняцкие кадры Донбасса в этот период характеризовались значительной текучестью и малым процентом кадровых горняков: в начале 30-х гг. каждый четвертый шахтер Донбасса имел стаж работы в угольной промышленности менее года. В 1932 г. здесь было принято 178 % состава рабочих, а выбыло 198 % [36, с. 563]. Случаи организованного приезда в Кузбасс были исключением. Например, направление на шахты 14 врубмашинистов во главе с Прокудиным [16, с. 12].

Активное участие в развитии Кузбасса принимали иностранные рабочие и специалисты.

Но в отличие от практики АНК набор стал осуществляться централизованно, через ВСНХ, Востсибуголь. 1 июня 1928 г. было принято Постановление СНК СССР "Об упорядочении капитального строительства", в котором указывалось на необходимость усиления практики привлечения специалистов из-за границы. Намечались меры подкреплению их на производстве и определялась планомерность поступления на объекты [14, с. 58]. Однако в первый год пятилетки отмечались невысокие темпы выполнения плановых заданий. Это было связано с недофинансированием заграничных командировок с целью привлечения иностранных специалистов. Валюта выделялась крайне трудно, частью даже за счет неудовлетворения других потребностей угольных предприятий [14, с. 17].

Для изменения ситуации ВСНХ намечал специальные планы по привлечению иностранцев, выполнение которых находилось под строгим контролем. Трест "Востокуголь" имел специальный иностранный отдел (ИНО), через него и устанавливались связи с зарубежьем. С каждым специалистом заключался договор на 3 года, при этом устанавливался испытательный шестимесячный срок. Подписавшему договор оплачивалась фактическая стоимость поездки по железной дороге или морским транспортом, а также провоза груза до 240 кг. Специалисту и членам его семьи предоставлялось меблированное жилье, ежегодный месячный отпуск с оплатой проезда на родину и обратно с сохранением заработной платы, бесплатные коммунальные услуги и гужевой транспорт. Для них был организован отдел иностранного снабжения (Инснаб), через который иностранные специалисты получали специальный продуктовый паек. То есть льготы были довольно значительные. Советским специалистам они предоставлялись лишь в качестве поощрения. Существенной была и разница в окладах советских и иностранных рабочих и специалистов. Так, среднемесячная заработная плата подземных рабочих составляла соответственно 150 руб. и 500 руб., инженерно-технических работников – 620 и 1215 рублей [28, с. 110, 116]. Причем иностранные специалисты получали часть зарплаты в валюте, которая по их желанию переводилась на заграничные счета. К примеру, инженер получал 300 марок или 200 долларов,

техник – 150 марок [6, с. 25]. Вместе с тем были случаи, когда иностранные инженеры требовали более высоких заработных плат. Так, инженер Хибнер из Силезии запросил оклад 2000 долларов в месяц, пару лошадей, автомобиль, прислугу, кучера, садовника [6, с. 35]. В основном иностранные рабочие отмечали, что материально они обеспечены, но уровень культурной жизни их не удовлетворяет.

В случае невыполнения обязанностей договора в отношении иностранных специалистов "Сибуголь" имел право его расторгнуть. Если нарушения происходили по вине трестов, то "Сибуголь" обязан был оплатить проезд специалиста на родину. Согласно этим условиям иностранцы ехали в Кузбасс. В 1929 г. правление "Союзугля" привлекло в каменноугольную промышленность Кузнецкого бассейна 8 рабочих и 4 дипломированных инженера [9, с. 23]. Заявки для иностранных специалистов для треста "Сибуголь" на 1930 г. увеличились до 30 человек. Из них требовалось 10 инженеров-конструкторов для проектирования промышленных сооружений, 19 специалистов для организации механизированной угледобычи по шахте № 9/10 Анжерского рудоуправления и 10 рабочих для постройки шахтовых сооружений [9, с. 193]. А в 1931 г. ИНО "Востокугля" решил пригласить и использовать специалистов в количестве 1550 человек: 550 из Европы и 1000 из Америки [9, с. 316]. Из них в Прокопьевское рудо- и шахтоуправление – 200 человек, Ленинское рудоуправление – 500; Анжерское рудоуправление – 251 человек. Такое резкое увеличение потребности в иностранных специалистах объяснялось развертыванием работ по угледобыче, в которой большое место отводилось механизации процессов.

Но в этот ответственный момент иностранный отдел ВСНХ СССР принял решение о временном прекращении набора рабочих за границей, вызванное отсутствием иностранной валюты. Однако объединение "Востокуголь" настаивало на немедленном удовлетворении заявок для Прокопьевского и Ленинск-Кузнецкого управлений и управления нового строительства. В Прокопьевск требовалось 67 специалистов из Германии для проходки комплекса шахты "Коксовой", на шахту "Капитальную" Ленинского управления нового строительства – 55 американских рабочих [9, с. 163]. Объединение мотивировало такую просьбу "не просто желанием иметь в Азии европейцев", а полной подготовленностью к приему иностранных рабочих. Указывалось, что в Германии или Америке найдутся рабочие и техники, желающие работать на безвалютных условиях и приехать за свой счет. Рабочие требовались не только на строительство шахт, но и на действующую Щегловскую шахту, причем в строго указанные сроки – до 1 июня 1931 года. Заявка Сибугля была в значительной мере удовлетворена.

В 1932 г. в системе Кузбассугля работало 52 иностранных специалиста. В 1933 г. приток немецких и американских инженеров и рабочих увеличился. Так, на Кемеровском руднике в 1932 г. работало 28 человек, в 1933 г. – уже 40 [8, с. 193]. Кроме немцев и американцев на шахтах Кузбасса работали австрийцы, чехи, югославы, венгры, поляки, англичане, французы, итальянцы, литовцы, китайцы. Многие иностран-

ные рабочие владели несколькими специальностями: машиниста врубмашин, проходчика, забойщика. Их труд использовался в различных формах: возглавляли шахтные мастерские, работали инструкторами.

Иностранные инженеры возглавляли шахты, отделы, службу механизации, школы подготовки кадров. Так, главным инженером строительства шахты "Коксовая" работал немецкий инженер Цимфельд, главным механиком – Флорен. За успешную работу 36 ударников среди иностранных рабочих в августе 1934 г. в качестве поощрения были отправлены на экскурсию на теплоходе по Волге. Среди них – 11 членов ВКП(б), 2 члена компартии Германии, 2 члена компартии Австрии, 1 член КП Чехословакии [8, с. 8]. По личному приказу Л. М. Кагановича на это мероприятие выделялось 11,4 тыс. рублей.

Со временем отношение к иностранным рабочим и специалистам изменялось. Как известно, это было связано с формированием тоталитарного режима в СССР. Их стали огульно обвинять во вредительстве, шпионаже. Со второй половины 30-х гг. численность иностранцев на шахтах Кузбасса сократилась. В 1934 г. в Анжерском рудоуправлении работало 90 человек, в Ленинском – 136 и УНШ – 29, в Прокопьевском рудоуправлении – 302 иностранных рабочих. Уже в 1935 г. количество рабочих уменьшилось и составило по Анжерскому, Ленинскому и Прокопьевскому рудоуправлениям соответственно 63, 80, 240 человек. Массовое увольнение иностранных рабочих и специалистов началось после поступления в трест Кузбассуголь директивы Наркома топливной промышленности Л. М. Кагановича. Начальник Кузбассугля В. Я. Принцев информировал управляющих о необходимости в течение 5 дней уволить и освободить от работы всех иностранных подданных, за исключением чехов. О всех уволенных сообщалось органам НКВД для оформления выездных документов. Уже 4 ноября 1937 г. начальник спецотдела Кузбассугля Рудин доложил В. Я. Принцеву о выполнении директивы. Временно в Объединении оставалось 43 человека [7, с. 25, 28].

В целом бурное промышленное развитие бассейна привело к росту численности рабочих кадров, о чем свидетельствует таблица 2.

Данная таблица свидетельствует о высоких темпах роста численности шахтерских кадров. За первую пятилетку среднегодовой темп прироста составил 27,3 %. В первые годы второй пятилетки – 1933 – 35 гг. – темпы прироста численности рабочих сохранились достаточно высокими – 22,1 %. Однако в 1936 г. численность шахтеров даже сократилась. Это было вызвано движением новаторов производства и связанным с ним подъемом производительности труда. Как справедливо отмечал А. В. Волченко, на снижение темпов роста численности шахтеров повлияло также некоторое сокращение объемов вводимых в эксплуатацию производственных мощностей шахт [2, с. 25].

Динамика среднегодовой численности рабочих угольной промышленности Кузбасса*

Годы	Численность рабочих		Численность всего персонала	
	человек	в % к 1928/29 г.	человек	в % к 1928/29 г.
1928/29	11639	100	12425	100
1929/30	13228	113	14668	118
1931	15290	133	17061	136
1932	22547	194	25714	206
1933	25319	217	28584	229
1934	29181	251	32720	263
1935	33578	290	38604	309
1936	33203	276	37987	302
1937	34687	300	39738	318

Примечание: *Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 1717. Л. 40г. Д. 1918. Л. 95; Д. 3100. Л. 98; ГАКО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 99. Л. 101, 104; Ф. 177. Оп. 5. Д. 301. Л. 22; Д. 30. Л. 53; Д. 300. Л. 23.

Кроме того, численность всего промышленно-производственного персонала возрастала более быстрыми темпами. В первую пятилетку с 12425 чел. (1928/1929 гг.) до 25714 чел. в 1932 г., что составило прирост 200 %. Во вторую пятилетку темпы несколько снизились. При общем увеличении численности до 39738 чел. в 1937 г. прирост составил 155 %. Численность рабочих угольной промышленности СССР за

довоенные пятилетки увеличилась на 88 %. Удельный вес шахтеров Кузбасса среди горняков страны вырос с 5 до 9,7 % [36, с. 78].

В процессе развития угольной промышленности Кузнецкого бассейна наряду с ростом численности шахтеров произошло и перераспределение рабочей силы по угольным районам.

Таблица 3

Численность шахтеров, занятых на угледобыче по угольным районам Кузбасса

Районы	Чел., %	1928/29 гг.	1932 г.	1933 г.	1937 г.
Анжерский	чел./%	5695/45,9	7808/30,2	6807/23,7	6462/16,1
Кемеровский	чел./%	1475/11,8	2092/8,1	2447/8,3	2214/5,6
Ленинский	чел./%	2889/23,2	5996/23,3	6938/24,2	9388/23,8
Прокопьевский	чел./%	2366/19,0	5738/22,3	6060/21,1	12300/31,0
Киселевский	чел./%	-	1110/4,3	2147/7,6	3464/8,9
Осинниковский	чел./%	-	1852/7,2	2596/9,6	3852/9,4
Куйбышевский	чел./%	-	1118/4,6	1559/5,5	2058/5,2
Итого	чел.	12425	25584	28584	39738.
	%	100	100	100	100

Примечание: *Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 1981. Л. 100; ГАКО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 30. Л. 54; Оп. 5. Д. 301. Л. 122.

Из приведенных данных видно, что ведущий с момента зарождения в Кузбассе угольного производства Анжеро-Судженский район в 1933 г. уступил первенство по численности трудящихся Ленинскому, а затем и Прокопьевскому руднику, на котором в 1937 г. был сосредоточен 31 % всех горняков бассейна. Это было связано с продвижением добычи угля в южные районы бассейна.

Таким образом, в годы первых пятилеток в результате развития угольного Кузбасса произошел многократный рост численности шахтеров, в результате чего возрос их удельный вес в общей численности шахтеров страны.

Рост численности шахтерских кадров в годы первых пятилеток сопровождался и качественными изменениями. В составе шахтеров повысился удельный вес женщин. В угольной промышленности Кузбасса он вырос с 3,2 % в 1928 г. до 19,5 % в 1935 году [31, с. 249]. Но внедрение женского труда в производство проходило без всякой плановости и учета работоспособности, поэтому некоторые женщины, способные

работать на более ответственных работах, в производство включались простыми рабочими, а женщины без навыков в угольных профессиях ставились к машинам [13, с. 1, 5, 49]. Однако шахты в первую очередь стремились избавиться от женщин-работниц. К примеру, "Центральная штольня" Прокопьевского рудника из 150 работниц сократила в 1935 г. сразу 50 человек [5, с. 1].

В годы индустриализации произошли большие изменения в возрастном составе шахтеров. Молодежь занимала значительное место в новом пополнении. По данным профсоюзной переписи 1929 г. молодежь в возрасте 17 – 24 лет составляла 25 %, в 1934 г. среди рабочих "Кузбассугля" молодежь до 24 лет составляла 32,3 %. Но к середине 1937 г. удельный вес этой группы снизился до 19,5 %, что объяснялось рядом причин.

Во-первых, повышением благосостояния народа, развитием народного образования. Значительная часть молодежи в возрасте до 22 лет стала учиться в школах, техникумах, вузах. Часть сельской молодежи оставалась в деревне, приобретая специальности сельских

механизаторов [20, с. 22]. Таким образом, определялась взаимосвязь между развитием образования в стране и снижением удельного веса на шахтах молодежи в возрасте до 24 лет.

Во-вторых, работоспособными в то время являлись лица, родившиеся в 1913 – 1920 гг. А это годы первой мировой и гражданской войн, следствием которых были низкая рождаемость и высокая детская смертность.

В годы первых пятилеток изменился кадровый состав, структура рабочей силы. В 20-х гг. значительную часть шахтеров – 39,3 % – составляли рабочие с дореволюционным трудовым стажем. По стажу непрерывной работы на данном предприятии шахтеры распределялись так: 29,0 % шахтеров имели стаж более 5 лет, из них 13,7 % – свыше 10 лет, 15 % – от трех до 5 лет, 30,4 % и 25,5 % соответственно до трех лет и менее одного года [35, с. 144, 145]. Таким образом, в начале первой пятилетки более половины всех шахтеров – 55,9 % – работали на шахтах менее трех лет.

К концу 30-х гг. уже 68 % угольщиков Кузбасса имели стаж на данном предприятии менее 3-х лет [32, с. 2]. Такая ситуация с кадрами объяснялась форсированными темпами индустриализации, которые могли быть обеспечены только быстрым ростом численности шахтеров. Поэтому стаж работы новых кадров был невелик. Кроме того, на данное обстоятельство повлияло и постоянное обновление кадров.

Основными причинами текучести кадров являлись: невысокая заработная плата, обезличка рабочего места, плохие жилищные условия (обеспеченность шахт жилфондом составляла 5 %), недостаточное снабжение спецодеждой, продуктами питания и промтоварами, плохое медицинское обслуживание, слабая культурно-просветительская база. Для изменения ситуации руководством трестов и шахт предпринимались различные меры. Заключались индивидуальные трудовые договоры с подземными рабочими, выдавались премии за контрактацию, ссуды на индивидуальное жилищное строительство и земля под садовые участки, предоставлялись путевки в санатории и дома отдыха [11, с. 72].

Для улучшения снабжения рабочих при предприятиях создавались подсобные плодовоовощные хозяйства, индивидуальные огороды, широкая организация которых началась с 1933 года. Одна семья получала для огорода от 0,12 до 0,25 га земли. Выделялись специальные кредиты на приобретение скота. В 1934 г. по всем рудоуправлениям "Кузбассугля" было выдано 993879 руб. возвратных ссуд на приобретение рабочего скота, мебели, одежды, 364681 руб. – на жилищное строительство. Однако данные меры охватывали незначительное количество рабочих. Жилищный кризис не был разрешен окончательно [11, с. 36].

Текучесть кадров оставалась значительной. Она не отличалась стабильностью. В 1934 г. процент текучести составил 16,4 %, в 1935 г. повысился до 18,51 %, в 1936 и 1937 гг., соответственно, составлял 14,8 и 15,3 %. Усиление борьбы с прогулами увеличило процент на 3,2. Уволено за прогулы в 1934 г. 7204 чел., в 1935 г. – 8479 человек [10, с. 25, 97].

Так, в 1937 г. наибольшая текучесть рабочих по забою отмечалась в "Кемеровоугле" – 20,7 %; "Ленин-

скугле" – 18,5 %; рабочих по эксплуатации – на шахтах Кемерова – 19,0 %, Ленинска – 17,5 %. Постоянная текучесть кадров вызывала необходимость дополнительного привлечения рабочей силы.

Большой рост численности горняков сопровождался изменением их структуры. Уменьшение удельного веса подземных рабочих в общем составе произошло в 1933 г. за счет перекомплекта поверхностных. В 1934 и 1935 гг. увеличился удельный вес подземных рабочих, сократилось количество обслуживающих рабочих.

Улучшение ситуации было связано с проведенной концентрацией горных работ, что позволило уплотнить рабочее время подземных рабочих. Кроме того, подземные обслуживающие рабочие были переведены с шести на семичасовой рабочий день. Вводилось систематическое наблюдение за штатной дисциплиной на шахтах. В последний год пятилетки произошел перекомплект по всем категориям рабочей силы. Перекомплект рабочих по забою в 380 чел. был вызван усилением подготовительных работ вследствие ввода непредусмотренных планом пологападающих пластов. Увеличение поверхностных рабочих сверх плана на 1225 человек и младшего обслуживающего персонала на 333 человек произошло вследствие ликвидации больших угольных отвалов на поверхности для чего была произведена постройка временных эстакад и увеличено количество поверхностных откатчиков. Вследствие перевода на самостоятельные балансы всех шахт и разукрупнения участков произошел перекомплект служащих и инженерно-технических работников.

Таким образом, в процессе превращения Кузнецкого бассейна во второй Донбасс быстрыми темпами увеличилась численность шахтеров. Пополнение шахтерских кадров в годы первых пятилеток в Кузбассе шло преимущественно за счет сибирского населения. Основными источниками формирования рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса являлись первоначально крестьяне, выходцы из торговцев, кустарей, красноармейцы, уволенные в запас из рядов армии и флота. Приток кадров из европейской части СССР был невелик, в основном ехали донецкие шахтеры. В становлении второй угольной базы принимало участие иностранные рабочие.

Приток рабочей силы в угольную промышленность бассейна осуществлялся несколькими путями. В начале индустриализации преобладали трудовые мобилизации, самотек, добровольная вербовка, контрактация. В условиях бурного развития бассейна резко возросла потребность в рабочих кадрах, которую не мог обеспечить свободный наем. Он был вытеснен организованным набором рабочих, являвшимся плановой формой привлечения в угольную промышленность сельского населения. Однако оргнабор не квалифицированных, технически грамотных рабочих. И к концу 30-х годов на первый план снова выдвинул прием рабочих путем вольного найма. Рост численности шахтерских кадров сопровождался изменениями их качественной структуры: повысился удельный вес женщин, изменился возрастной и кадровый составы.

Литература

1. Архивный отдел администрации города Прокопьевска. Ф. 104. Оп. 1. Д. 34.
2. Волченко А. В. Изменение в численности рабочих кадров Кузбасса в годы довоенных пятилеток // Из истории рабочего класса Сибири. Вып. IV. Кемерово: Кн. изд-во, 1972. 370 с.
3. Волченко А. В. К вопросу об источниках и проблемах пополнения рабочих кадров Кузбасса в годы индустриализации // Рабочие Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. 360 с.
4. Вторая угольная база СССР – Кузбасс. Ч. II / Под общ. ред. горн. инж. М. С. Строилова. Новосибирск: ОНТИ, 1936. 269 с.
5. ГАКО. Ф. 26. Д. 38.
6. ГАКО. Ф. 177. Оп. 3. Д. 55.
7. ГАКО. Ф. 177. Оп. 3. Д. 72.
8. ГАКО. Ф. 177. Оп. 3с. Д. 15.
9. ГАКО. Ф. 177. Оп. 3с. Д. 16.
10. ГАКО. Ф. 177. Оп. 5. Д. 20.
11. ГАКО. Ф. 177. Оп. 5. Д. 21.
12. ГАКО. Ф. 177. Оп. 5. Д. 41.
13. ГАКО. Ф. 26. Оп. 3. Д. 38.
14. ГАКО. Ф. 92. Оп. I. Д. 179.
15. ГАКО. Ф. П-15. Оп. 6. Д. 116.
16. ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 26.
17. ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3.
18. ГАНО. Ф. 532. Оп. 1. Д. 641.
19. ГАНО. Ф. 532. Оп. 6. Д. 462.
20. ГАНО. Ф. 627. Оп. I. Д. 540-6.
21. ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1452.
22. ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 15. Д. 719.
23. ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 50.
24. Заболотская К. А. Количественный и качественный рост рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса 1917 – 1970: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1975.
25. Кузбасс. Результаты переписи городского населения. 1931 г. Новосибирск, 1931.
26. Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1968. 300 с.
27. Отчет Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) II краевой партконференции. Новосибирск, 1934. 198 с.
28. Подсчитано автором: ГАКО. Ф. 177/с. Оп. 3. Д. 77. Л. 110, 116; Д. 75. Л. 25.
29. Правда. 1931. 1 июля.
30. Профсоюзная перепись 1932 – 1933 гг. М: Профиздат, 1934. 280 с.
31. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917 – 1937 гг.) / Ред. А. С. Московский. Новосибирск: Наука : Сиб. отд-ние, 1982. 425 с.
32. РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 19.
33. Савостенко В. М. Деятельность КПСС по созданию второй угольно-металлургической базы СССР (1926 – 1937 гг.). М: Высшая школа, 1981. 176 с.
34. Труд в СССР. Справочник 1926 – 1930 гг. / Ред Я. М. Бинеман. М., 1930. 137 с.
35. Заболотская К. А., Халиулина А. А., Карпенко З. Г. и др. Угольная промышленность Кузбасса, 1721 – 1996. Кемерово: Кн. изд-во, 1997. 301 с.
36. Угольная промышленность СССР: К 40-летию Великой Октябрьской соц. революции / Ред.: В. К. Бучнев и др. М.: Углетехиздат, 1957. 636 с.

Информация об авторах:

Зеленин Алексей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8(3842) 58-40-16.

Alexey A. Zelenin – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Леухова Мария Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, chno@kemsu.ru.

Maria G. Leukhova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Пьянов Александр Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, alpiyanov@yandex.ru.

Alexander E. Pianov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(571.17)"1880/1893":631/635

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗБАССА В ПЕРИОД 1880-Х – НАЧАЛА 1890-Х ГОДОВ*А. Ю. Карпинец***AGRICULTURE IN KUZNETSK AND MARIINSK DISTRICTS OF TOMSK PROVINCE IN THE PERIOD OF THE 1880S – EARLY 1890S***A. Yu. Karpinets*

Статья содержит сведения об основных проблемах земледельческого производства на территории Кузбасса, конкретнее, Кузнецкого и Мариинского округов Томской губернии в период 1880-х – начала 1890-х годов. Целью работы было охарактеризовать состояние, проследить динамику, выявить особенности функционирования земледельческого хозяйства края в указанный период.

Обработка и анализ статистических данных, содержащихся в приложениях к ежегодным всеподданнейшим отчётам томского губернатора за 1881 – 1893 годы, в целом позволили обозначить тенденции, определить структуру, подтвердить существенные закономерности земледельческого производства на исследуемой территории. В обобщающих работах по истории Кузбасса соответствующая тематика не получила должного отражения, в связи с чем представленный материал может быть использован в образовательных и научных целях.

Проведённое исследование позволило прийти к следующим основным выводам. Фундаментом экономического развития рассматриваемой местности в обозначенное время оставалось земледелие. Обилие в крае достаточно плодородных земельных угодий наряду с немногочисленностью населения и отсутствием крупной частной собственности на землю способствовали развитию здесь экстенсивного переложного земледелия. Крестьянское хозяйство, основываясь на традиционных, архаичных способах возделывания почв, в условиях неразвитости путей сообщения и денежного кредита оставалось преимущественно натуральным.

В условиях отсутствия инновационных методов повышения уровня урожайности первостепенное и, фактически, единственное значение имел климато-метеорологический фактор, поэтому в Кузбассе, как, собственно, и в России в целом, периодически случались неурожаи, препятствовавшие стабильному развитию крестьянского хозяйства; не способствовали развитию земледельческого производства в регионе отсутствие транспортной инфраструктуры и товарно-денежных отношений.

В то же самое время явным преимуществом «кузбасских», в особенности мариинских, хлебопашцев следует считать обилие свободных чернозёмных целинных земель, позволявшее собирать более высокие урожаи, чем в европейской России; однако же указанный гандикап следует считать временным, поскольку интенсивный рост населения за счёт ежегодной естественной прироста и увеличения переселенческого движения в регион в условиях отсутствия механизмов интенсификации земледельческого производства неизбежно способствовал снижению коэффициента потребления на душу населения, что в скором времени могло привести здесь к обострению «крестьянского вопроса» так же, как и в европейской части страны.

Article contains data on the main problems of agricultural production in the territory of Kuzbass, more particularly, Kuznetsk and Mariinsk districts of the Tomsk province in the period of the 1880th – the beginning of the 1890th years. The purpose of work was to characterize a state, to track dynamics, to reveal features of functioning of agricultural economy of edge during the specified period.

Processing and the analysis of the statistical data containing in appendices to annual reports of the Tomsk governor for 1881 – 1893 as a whole allowed to designate tendencies, to define structure, to confirm essential regularities of agricultural production in the territory. In generalizing works on history of Kuzbass the corresponding subject didn't receive due reflection in this connection the presented material can be used in the educational and scientific purposes.

The conducted research allowed to come to the following main conclusions. The base of economic development of the considered district in designated time there was an agriculture. Abundance in the region enough fertile land grounds along with small number of the population and lack of a large private property on the earth promoted development here extensive refalse agriculture. The country economy, based on traditional, archaic ways of cultivation of soils, in the conditions of backwardness of means of communication and the monetary credit remained mainly natural.

In the conditions of lack of innovative methods of increase of level of productivity, the climatic and meteorological factors, therefore in Kuzbass as, actually, and in Russia as a whole, periodically there were the crop failures interfering stable development of country economy had paramount and, actually, unique value; development of agricultural production wasn't promoted in the region by lack of transport infrastructure and the commodity-money relations.

At the same time it is necessary to consider as a clear advantage of Kuznetsk and Mariinsk plowmen abundance of the free qualitative virgin lands, allowing to reap more big crops, than in the European Russia; however the specified handicap should be considered temporary as the intensive growth of the population at the expense of annual natural profit and increase in resettlement movement the region in the conditions of lack of mechanisms of an intensification of agricultural production inevitably promoted decrease in coefficient of consumption per capita that shortly could lead here to an aggravation of "a country question" as well as in the European part of the country.

Ключевые слова: пореформенный период российской истории, история Кузбасса, тенденции и особенности, структура и закономерности земледельческого производства в России на примере Кузнецкого и Мариинского округов Томской губернии, составлявших большую часть современного Кузбасса.

Keywords: the post-reform period of the Russian history, history of Kuzbass, tendency and feature, structure and regularities of agricultural production in Russia on the example of Kuznetsk and Mariinsk districts of the Tomsk province.

«Земледелие составляет главную промышленность и главное основание благосостояния жителей Томской губернии...» [7, с. 1]

В обобщающих работах по истории Кузнецкого края не получила должного освещения проблема земледельческого производства. История Кузбасса как промышленного региона априори рассматривалась, прежде всего, в контексте его индустриального развития. Между тем Кузнецкий и Мариинский округа, в рассматриваемый период образовывавшие большую часть территории современного Кузбасса, включали 19 волостей, из которых только в одной Салаирской «из 1226 дворов хлебопашеством занимаются лишь 34 семьи, которыми засеивается до 200 десятин» [14, с. 3]. В остальных волостях основу экономической деятельности составляло, прежде всего, хлебопашество. В связи с этим характеристика состояния и динамики земледельческого производства, определение его структуры, выявление тенденций, закономерностей и особенностей его развития представляются достаточно значимыми.

В пореформенный период земледелие здесь по-прежнему базировалось на традиционных, архаичных, естественных принципах хозяйствования: обрабатываемая земля не удобрялась, механические приспособления не использовались. Значительные земельные пространства при малочисленности населения позволяли заниматься экстенсивным земледелием при полном отсутствии каких бы то ни было инноваций. Сохой или плугом распахивалась целинная земля, в течение 5 – 8 лет она последовательно засеивалась различными зерновыми культурами: рожью, пшеницей, овсом, просом, ячменём, гречихой, наконец, картофелем. После истощения плодородия земля «ложилась под пар» на 10 – 15 лет, до тех пор, пока сорным травам, массовое произрастание которых, собственно, и служило показателем истощения ресурсов земли, не приходили на смену пырей, морковник, клубника, костяника, вегетация каковых являлась доказательством возобновления злачности почв [17, с. 1].

Н. А. Ваганов на страницах работы «Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайской губернии», изданной по статистическим материалам, собранным членами специальной комиссии 1882 г., характеризует земледелие Бачатской волости Кузнецкого округа следующим образом: «...Полей не унавоживают. С весны на занятой под пашню нови выжигают траву, после чего подымают сохой и засевают обыкновенно пшеницей или ярицей (прим. авт.: *яровой рожью*) в течение двух лет подряд, после пшеницы следует овёс, а затем озимая или яровая рожь. После 2 – 5, а иногда и 7-летних севооборотов новь считается выпашанной и поступает в залежь на 15 – 30, а то и более лет, смотря по количеству свободных земель в селениях» [21, ч. II, с. 4]. Охарактеризованная Н. А. Вагановым переложная система земледелия в

целом была типична для всех хлебопашенных волостей округа.

В «Памятной книжке Томской губернии на 1884 год», изданной Томским статистическим комитетом, при характеристике казённых земель ведомства государственных имуществ, к каковым, собственно, относился Мариинский округ, отмечалось: «При обилии плодородных земель, почти каждый крестьянин, или занимающийся хозяйством ссыльный, пашет, где ему вздумается... Вследствие всеупотребительной здесь переложной системы хлебопашества, участок земли обрабатывается до тех пор, пока не истощится, а потом поступает в залежь» [18, с. 11].

Существенное увеличение количества населения в пореформенный период неизбежно должно было привести к сокращению целинных земель и невозможности дальнейшего существования здесь только лишь экстенсивной переложной системы. В 1880-х гг. на территории Кузбасса наблюдается естественная прирост в размере более 5 тысяч человек ежегодно; так, всего за 7 лет с 1882 по 1888 гг. народонаселение только за счёт превалирования рождаемости над смертностью увеличилось здесь более чем на 30 тысяч человек (прим. авт.: см. прил.: табл. № 4, диаг. № 4).

Кроме того, после отмены крепостного состояния крестьян активизировалось переселенческое движение в регион. По приблизительным подсчётам в период середины 1880-х – начала 1890-х гг. на территорию Томской губернии переселилось более 200 тысяч человек [4, с. 196]. Согласно статистическим данным, которые следует признать не полными, поскольку учёт переселенцев только начинался и не был ещё совершенным, в 1883 г. на территории Кузбасса, в основном в Мариинском округе, водворилось более 500 человек, из них более 400 человек – ссыльных; в следующем 1884 г. – более тысячи человек, из них около половины – ссыльных; в 1885 г. – больше 1,5 тысяч переселенцев и ссыльных (Высчитано нами по [8 – 11; ведомость № 3 с прил.; 19; с. 1, 10, 11]) и т. д., и это только официально зарегистрированных; общеизвестно, что подавляющая часть мигрантов осуществляла «самовольные» переселения, минуя регистрационную процедуру.

Вполне естественно, что сохранение традиционного характера земледелия в таких условиях должно было привести к неизбежному снижению коэффициента потребления, поскольку динамика объёмов урожая зерновых не была прогрессивной (прим. авт.: см. прил., срав. диаг. 4 и 5). Один из ведущих специалистов по аграрной истории России Л. В. Милов, опираясь на работы И. П. Елагина, Т. И. Осминского, Л. С. Прокофьевой и др., выводит «прожиточный минимум» XVIII – XIX вв., равный 3 четвертям (прим. авт.: около 24 пудов, или около 400 килограммов зерна) на человека [5, с. 388 – 389].

На исследуемой территории в рассматриваемый период средний размер душевого сбора зерновых и

картофеля составил 4 четверти (*прим. авт.: см. прил., табл. 4*). Дважды, в неурожайные 1883 г. и 1888 г., он опускался ниже нормы, определённой Л. В. Миловым (*прим. автора: см. прил., диаг. 5*), в остальное время, колеблясь в пределах от 2,2 до 5,1 четвертей; однако же по мере роста жителей в регионе соответствующий показатель, пусть незначительно, но тем не менее постепенно падал (*прим. авт.: см. прил., табл. 4, диаг. 4, 5*). Таким образом, ежегодное и достаточно существенное увеличение населения Кузбасса, как за счёт естественной прироста, так и вследствие активизации переселенческого потока, требовали той или иной степени интенсификации земледельческого производства для удовлетворения первоочередных потребностей в продуктах питания.

Крестьянское хозяйство рассматриваемого периода оставалось преимущественно натуральным. Становление товарного производства в деревне сдерживалось неразвитостью путей сообщения и кредита. В условиях существовавшей тогда рыночной экономики в урожайные годы вследствие ограниченности спроса и, напротив, избытка предложения цены на сельскохозяйственную продукцию снижались до минимума, вследствие чего крестьяне, нуждавшиеся в деньгах, прежде всего, для уплаты податей, вынуждены были за бесценок продавать не только излишки, но и часть урожая, предназначенного для собственного потребления, или даже часть семенного фонда.

Таким образом, отсутствие возможности сбыта или обмена товара способствовало складыванию парадоксальной ситуации, когда обильные урожаи не увеличивали благосостояния жителей, а даже, наоборот, создавали дополнительные трудности [8, с. 1]. Следует отметить, что максимальному падению цен на хлеб препятствовала деятельность винокуренных заводов, которые, активизируя производство в урожайные годы, способствовали поддержанию спроса на зернопродукты, тем самым не допуская их окончательного обесценивания, однако же ситуация явно требовала государственного регулирования.

Правительство, содействуя разрешению указанного противоречия, в первой половине 1870-х годов инициировало создание специализированных учреждений мелкого кредита, которые формировали бы оборотный капитал для лиц, занимающихся земледелием и промыслами. С этой целью министерство финансов приняло и распространило типовой устав ссудо-сберегательных товариществ и рекомендовало местным властям их организацию. Во второй половине 1870-х гг. были открыты первые кооперативные учреждения мелкого кредита, так называемые ссудо-сберегательные товарищества, которые ссужали крестьян кредитами под небольшой процент. Острую потребность в средствах платежа крестьяне ощущали в мае, когда деньги требовались на покупку семян для посева, в августе – на уборку урожая, в ноябре – для уплаты податей, и в январе – на торговые обороты.

Необходимость товариществ привела к тому, что к началу 1880-х гг. в Кузнецком округе действовало уже 16 ССТ [8; с. 1], но в силу крайней незначительности денежных средств у подавляющей массы населения кредитные кооперативы вследствие своей нежизнеспособности закрывались или фактически без-

действовали. К середине 1880-х гг. в Кузнецком округе было закрыто 7 ССТ, остальные существовали по большей части лишь на бумаге, в Мариинском из открытых во второй половине 1870-х гг. 3-х ССТ не осталось ни одного [9, с. 3 – 4].

Всё это противоречит тезису о том, что «после крестьянской реформы в Кузнецком округе, как и в других областях России, рост товарного хозяйства значительно ускоряется, а старое, патриархальное, натуральное крестьянское хозяйство вовлекается во всероссийский и даже международный торговый оборот» [2, с. 121].

Среди зерновых культур в Кузнецком и Мариинском округах преобладали овес, пшеница и рожь. $\frac{3}{4}$ годового урожая составляли именно эти хлеба. Третью всего собранного урожая занимал овёс (*прим. авт.: см. прил., диаг. 3*), чему способствовали 2 обстоятельства. Во-первых, овёс – одна из самых хладостойких зерновых культур. Для прорастания семян и появления всходов достаточно минимальная плюсовая температура, всходы овса переносят кратковременные заморозки, к тому же он влаголюбив. Вследствие указанных особенностей культуры он в основном хорошо переносит капризы продолжительной холодной и дождливой весны с периодическими заморозками (*прим. авт.: Растениеводство / Г. С. Посыпанов, В. Е. Долгодворов, Б. К. Жеруков и др.; Под ред. Г. С. Посыпанова. М: КолосС, 2007. С. 232*), что характерно для изучаемой территории. Недаром народная мудрость гласила: «Сей овес в грязь – будешь князь», «Снег на овёс тот же навоз» [1, с. 78, 244]. Во-вторых, на территории Кузбасса было достаточно развито скотоводство, а овёс, как известно, одна из главных кормовых культур.

Перечисленные факторы определяли преобладание овса в структуре посевов зерновых в рассматриваемом регионе. В общей же массе годового урожая в Кузбассе зерновая триада овса, пшеницы и ржи составляла 74 %. В гораздо меньших количествах сеяли ячмень (5 %), гречиху (1 %), остальные зерновые культуры: ярицу, горох, просо и др. (12 %), высаживали картофель (8 %) следующих сортов: «белый», «красный», «простой», «американка», «скороспелка» (*прим. авт.: см. прил., диаг. 3*).

Как свидетельствует Л. В. Милов со ссылкой на других признанных специалистов аграрной истории России И. Д. Ковальченко и А. С. Нифонтова, к середине XIX в. урожайность зерновых культур в регионах центральной России оставалась достаточно низкой, в среднем на уровне сам-3. «После отмены крепостного права, – пишет Л. В. Милов, – прогресс в технике, влияние новых производственных отношений привели к некоторому сокращению затрат труда, стала расти, хотя и немного, урожайность, но несмотря на некоторый рост объёма зерновой продукции, кардинальных изменений в пореформенный период не произошло, и к концу века чистый сбор зерна, включая картофель, на душу населения едва достиг 3-х четвертей (24 пудов)» [3, с. 624].

На территории Кузбасса в это время размер душевого сбора, колеблясь от 17,6 пудов в неурожайные годы до 40,8 в урожайные, в среднем составлял 32 пуда на человека или 4 четверти (*прим. авт.: см.*

прил., табл. № 4), что, как видим, несколько выше, чем в европейской России. Уровень урожайности в регионе в 1880-е – начале 1890-х гг. был также несколько более высок, чем в историческом центре страны, и, изменяясь от сам-1,9 до сам-10,1, в среднем составлял сам-5 (прим. авт.: см. прил., табл. 3).

Если в европейской части страны урожайность составляла в 1880-е – начале 1890-х гг. в среднем "сам-4", то в Кузнецком округе – "сам-4,4", в Мариинском – "сам-5,6" (прим. авт.: см. прил., табл. 1, 2), что являлось следствием обилия на территории Кузбасса, особенно в Мариинском округе, достаточно плодородных чернозёмных целинных земель. Уровень урожайности основных зерновых культур (овса, пшеницы, ржи и ячменя) здесь соответствовал сам-4,75, причём урожайность «капризной» гречихи была даже несколько выше и составляла сам-6, картофеля – сам-7 (прим. авт.: см. прил., диаг. 1). Между тем, по оценке Л. В. Милова, «для крестьянина разница урожая всего лишь в один "сам" имела в России громадное значение, ибо давала возможность иметь хотя бы минимум товарного зерна» [5, с. 390]. Таким образом, урожайность зерновых и картофеля на территории Кузбасса была несколько выше, чем в европейской части страны, другое дело, что отсутствие полноценных возможностей эффективного сбыта продукции приводило к падению цен на неё, тем самым препятствуя развитию крестьянских хозяйств края.

Обработка и анализ статистических данных по «кузбасским» округам позволили подтвердить ряд общих закономерностей, свойственных земледельческому производству России в целом, и в то же время определить некоторые особенности, характерные для изучаемой местности. Неурожайные годы в стране, по разным оценкам, чередовались с периодичностью примерно раз в 3 – 6 лет. Как отмечал Л. В. Милов, «Почти каждые три года в России был неурожай, но неурожай был разной степени и разного масштаба. Вся палитра урожаев и неурожаев разных степеней в течение столетий примерно умещалась в десять лет» [6, с. 33]. Действительно, в рассматриваемый период на территории Кузнецкого и Мариинского округов Томской губернии было выявлено 2 неурожая: в 1883 г., затем, спустя 4 года, в 1888 г. (прим. авт.: см. прил., диаг. 2).

Согласно «Обзору Томской губернии за 1883 год» весна выдалась продолжительной, дождливой и холодной, нестабильностью отличалось и лето с ранними заморозками, помешавшими уборке урожая. Несмотря на то, что посеяно в 1883 г. было более, чем в предшествующем, урожай был вдвое меньшим обычного. К тому же собранное зерно было «тощее, легковесное, попорченное спорыньёю и с значительною примесью семян сорных трав» [9, с. 2]. Хотя в отчётной документации губернского начальства указано, что население не испытало особых затруднений благодаря обильным запасам, произведённым в прежние урожайные годы, тем не менее косвенные сведения позволяют судить об определённых трудностях.

Неурожай 1883 г. был общероссийским, затронув почти все губернии страны, а вот недород 1888 г. носил локальный характер даже в пределах Томской губернии. В Мариинском округе в указанном году

урожайность была средней по округу и составила сам-5,4, а в Кузнецком – самая низкая за рассматриваемый период – сам-1,9 (прим. авт.: см. прил., табл. 1, 2). Причём ситуация различалась даже в пределах одного округа по волостям. Высоким уровнем урожайности отличились Алчедатская и Боготольская волости Мариинского округа Томской губернии, на землях которых было посажено более трети всех посевов зерновых в округе. Урожайность овса и ржи составила здесь в 1888 г. сам-7,5. В большинстве же волостей Кузнецкого округа «не вернули даже семян». Основными обстоятельствами этого стали такие климато-метеорологические негативы, как: холодная и сухая весна, препятствовавшая благополучному севу и своевременным всходам, сильные ветры, заморозки («иней»), град во время цветения растений, засуха в первой половине лета, наконец, дождливая вторая половина лета, расстроившая уборочную страду [14, с. 4 – 7].

Другая примечательная особенность региона в рассматриваемый период заключается в следующем. Общеизвестен неурожай 1891/92 гг. в России и его негативные последствия. Как отмечает ряд историков и публицистов, неурожай 1891 г., совпавший с рядом неблагоприятных обстоятельств в экономической сфере, в том числе и мирового уровня, привёл к массовому голоду, имевшему масштабы общенародной катастрофы. Именно голод начала 1890-х гг. за свои масштабы получил наименование «царь-голод».

На территории Кузбасса, напротив, отмечаем сравнительно высокий сбор хлебов. Более того, в 1891 г., уровень урожайности в Кузнецком округе был самым высоким (прим. авт.: «!») здесь за рассматриваемый период, составив почти сам-6 (прим. авт.: см. прил., табл. 1, диаг. 2). Отмеченный факт в условиях общенародного голода способствовал в том числе массовому распространению в крестьянской среде европейской России легенд о сказочной зажиточности и вольности населения Сибири, что во многом способствовало активизации переселенческого движения в регион с начала 1890-х гг.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что фундаментом экономического развития территории Кузбасса в период 1880-х – начала 1890-х гг. оставалось земледелие. Крестьянское хозяйство, основываясь на традиционных, архаичных способах возделывания земли, в условиях неразвитости путей сообщения и денежного кредита оставалось преимущественно натуральным. Обилие земельных угодий в регионе наряду с немногочисленностью населения и отсутствием крупной частной собственности на землю способствовали развитию экстенсивного переложного земледелия.

В условиях отсутствия инновационных составляющих повышения уровня урожайности, как то, к примеру, удобрение почв, использование механических средств посева и сбора урожая, селекция посевного материала и др. первостепенное и, фактически, единственное значение имел естественный климато-метеорологический фактор. Благоприятные погодные условия позволяли на чернозёмах Кузбасса получать сравнительно высокие урожаи зерновых и картофеля; негативные погодные обстоятельства, случавшиеся

периодически раз в 3 – 6 лет, особенно в ответственные периоды сева, цветения, сбора растений, способствовали недородам хлебов, когда собиралась лишь половина от обычной нормы, да и то неудовлетворительного качества. Препятствовали формированию товарного земледельческого производства в регионе и неразвитость транспортной инфраструктуры и товарно-денежных отношений.

В то же самое время явным преимуществом кузнецких, а особенно мариинских земледельцев следует считать обилие свободных целинных земель, позволявшее собирать более высокие урожаи, чем в европейской России. Анализ источников и литературы позволяет прийти к выводу, что крестьяне Кузбасса, располагая главной ценностью хлебопашца – плодотворной землёй, были в целом зажиточнее своих соотечественников за Уралом, уровень среднедушевого потребления «кузбассовцев» был несколько выше.

С развитием переселенческого движения крестьян из европейских губерний, которое принимает особо значительные размеры вследствие неурожая 1891 – 1992 гг., указанное преимущество постепенно нивелировалось; более того, интенсивный рост населения региона за счёт ежегодной естественной прироста наряду с увеличением миграционного потока в условиях отсутствия механизмов интенсификации земледельческого производства неизбежно приводили к снижению коэффициента потребления, что в скором времени могло привести здесь к обострению «крестьянского вопроса» так же, как и в европейской части страны.

Приложение

(Прим. авт.: сост. нами по: Обзор Томской губернии за 1881... – ... 1893 год.

Ведомость о посеве и урожае хлебов за 1881... – ... 1893 год;

Ведомость о числе жителей в городах и округах Томской губернии за 1882 год;

Ведомость о движении населения в Томской губернии за 1883... – ... 1888 год [7 – 17].

Измерение в четвертях; четверть = около 125 килограммов или около 8 пудов [20; с. 50; Каменцева Е., Устюгов Н. Русская метрология. М., 1975. С. 248 – 250]; (количество населения указано с исключением переселенцев и ссыльных).

Таблица 1

Урожайность зерновых культур и картофеля в Кузнецком округе Томской губернии в 1880-х – начале 1890-х годов

Год	Пшеница озимая		Пшеница яровая		Рожь озимая		Овёс		Ячмень	
	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор
1881	0	0	26891	128592	37145	176006	41551	198226	8633	41984
1882	0	0	28983	130910	27336	131924	45213	226151	7745	41846
1883	18754	57035	31858	68019	20553	66118	50797	113105	8311	22275
1884	16364	71245	30244	148397	25118	139164	43879	198741	6028	32196
1885	7	37	31679	103051	25467	115954	43968	218062	8485	27891
1886	0	0	32862	145954	20404	103267	38374	177576	7515	33806
1887	0	0	35976	164958	32411	145498	42751	243915	8046	30895
1888	0	0	37351	26205	28609	67647	51749	114505	8340	5700
1891	0	0	30407	185505	38779	184998	50073	323963	6059	35270
1892	0	0	32936	179948	30472	116083	54849	306726	7106	37182
1893	0	0	33951	149562	33880	189455	50986	176407	7382	35719
Всего	35125	128317	353138	1431101	320174	1436114	514190	2297377	83650	344764
сам-	3,7 (4)		4		4,5		4,5		4,1 (4)	

Продолжение таблицы 1

Год	Гречиха		Остальные зерновые		Картофель		Итого		Урожайность
	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сам-
1881	308	2156	15100	73586	8519	84066	138147	704616	5,1 (5)
1882	0	0	27299	123736	9514	50489	146090	705056	4,8 (5)
1883	0	0	8117	20487	9413	20587	147803	367626	2,5 (2)
1884	79	395	8137	43326	9906	34449	139755	667913	4,7 (5)
1885	12	60	18925	85544	8351	41847	136894	592446	4,3 (4)
1886	4	16	11418	54954	7063	46061	117640	561634	4,8 (5)
1887	18	93	17258	79112	7740	85534	144200	750005	5,2 (5)
1888	0	0	23235	20851	8226	62605	157510	297513	1,9 (2)
1891	224	3900	19203	114801	9857	63908	154602	912345	5,9 (6)
1892	88	447	27781	106091	8946	59430	162178	805907	5,0 (5)
1893	250	808	22340	109461	10861	53023	159650	714435	4,5 (5)
Всего	983	7875	198813	831949	98396	601999	1604469	7079496	4,4 (4)
сам-	8		4,2 (4)		6,1 (6)		4,4 (4)		4,4 (4)

Диаграмма 1. Показатели урожайности зерновых культур и картофеля в Кузнецком и Мариинском округах Томской губернии в 1880-х – начале 1890-х годов
(прим. авт.: измерение в сам-только)

Таблица 2

Урожайность зерновых культур и картофеля в Мариинском округе Томской губернии в 1880-х – начале 1890-х годов

Год	Пшеница озимая		Пшеница яровая		Рожь озимая		Овёс		Ячмень	
	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор
1881	–	–	8606	44570	29136	193211	26805	180777	5009	28798
1882	–	–	9050	44252	25502	180263	28394	197138	5708	35540
1883	–	–	17387	20722	20977	79424	38385	54109	5690	18469
1884	–	–	5877	75592	19846	132503	11803	143906	4901	35862
1885	229	1018	12161	63228	26956	185054	24532	128363	6176	35538
1886	289	1375	13602	82003	27845	157612	27948	141239	6410	33175
1887	–	–	12466	84196	29166	192386	26920	161087	6020	37135
1888	–	–	8892	42666	23695	139671	30672	151639	5408	24662
1891	–	–	12911	61023	29822	128312	50001	248113	5620	36048
1892	4205	16581	14442	65369	28804	163500	42823	260205	6975	36640
1893	4230	16600	16809	86064	31265	178215	43521	185799	7710	39160
Всего	8953	35574	132203	669685	293014	1730151	351804	1852375	65627	361027
сам-	сам-4		сам-5		сам-6		сам-5,3		сам-5,5	

Продолжение таблицы 2

Год	Гречиха		Остальные зерновые		Картофель		Итого		Урожайность сам-
	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	
1881	665	2522	8192	31516	7012	40317	85425	521711	6,1 (6)
1882	414	3542	4523	24017	7212	63269	80833	548021	6,7 (7)
1883	941	388	9683	7566	9757	30739	102820	211417	2,0 (2)
1884	592	3394	5047	41169	2028	74503	50094	506929	10,1 (10)
1885	412	2975	10492	70611	7485	68734	88443	555521	6,2 (6)
1886	481	3112	12750	74500	11789	77541	100825	570557	5,6 (6)
1887	500	2529	15498	97227	6218	60042	96788	634602	6,5 (6)
1888	337	1794	9796	47517	6630	55693	85430	463642	5,4 (5)
1891	836	4619	8012	39064	8970	65891	116172	583070	5,0 (5)
1892	1533	8895	5796	26197	9763	61386	114341	638773	5,5 (6)
1893	1226	2653	4225	18319	9492	60688	118478	587498	4,9 (5)
Всего	7937	36423	94014	477703	86356	658803	1039649	5821741	5,6 (6)
сам-	сам-4,6 (5)		сам-5		сам-7,6 (7)		сам-5,6 (6)		5,6 (6)

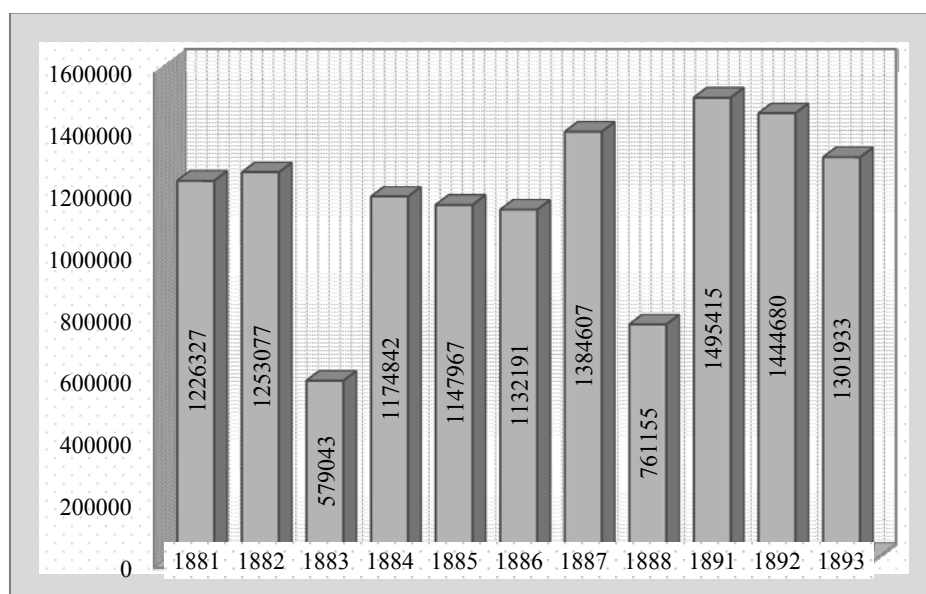

Диаграмма 2. Динамика объёмов производства зерновых культур и картофеля в Кузнецком и Мариинском округах Томской губернии в 1880-х – начале 1890-х годов

Таблица 3

Урожайность зерновых культур и картофеля в Кузнецком и Мариинском округах Томской губернии в 1880-х – начале 1890-х годов

Год	Пшеница озимая		Пшеница яровая		Рожь озимая		Овёс		Ячмень	
	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор
1881	–	–	35497	173162	66281	369217	71356	379003	13642	70782
1882	–	–	38033	175162	52838	312187	73607	423289	13453	77386
1883	18754	57035	49245	88741	41530	145542	89182	167214	14001	40744
1884	16364	71245	36121	223989	44964	271667	55682	342647	10929	68058
1885	236	1055	43840	166279	52423	301008	68500	346425	14661	63429
1886	289	1375	46464	227960	48249	260879	66322	318815	13925	66981
1887	–	–	48442	249154	61577	337884	69671	405002	14066	68030
1888	–	–	46243	68871	52304	207318	82421	266144	13748	30362
1891	–	–	43318	246528	68601	313310	100074	572076	11679	71318
1892	4205	16581	47378	245317	59276	279583	97672	566931	14081	73822
1893	4230	16600	50760	235626	65145	367670	94507	362206	15092	74879
Всего	35125	128317	353138	1431101	320174	1436114	514190	2297377	83650	344764
сам-	4		4,5		5		5		5	

Продолжение таблицы 3

Год	Гречиха		Остальные зерновые		Картофель		Итого		Урожайность
	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сев	сбор	сам-
1881	973	4678	23292	105102	15531	124323	223572	1226327	5,5 (5)
1882	414	3542	31822	147393	16726	113758	226923	1253077	5,5 (6)
1883	941	388	17800	28053	19170	51326	250623	579043	2,3 (2)
1884	671	3789	13184	84495	11934	108952	189849	1174842	6,2 (6)
1885	424	3035	29417	156155	15836	110581	225337	1147967	5,1 (5)
1886	485	3128	24168	129454	18852	123602	218465	1132191	5,2 (5)
1887	518	2622	32756	176339	13958	145576	240988	1384607	5,7 (6)
1888	337	1794	33031	68368	14856	118298	382943	761155	2,0 (2)
1891	1060	8519	27215	153865	18827	129799	270774	1495415	5,5 (5)
1892	1621	9342	33577	132288	18709	120816	276519	1444680	5,2 (5)
1893	1476	3461	26565	127780	20353	113711	278128	1301933	4,7 (5)
Всего	983	7875	198813	831949	98396	601999	2784121	12901237	4,8 (5)
сам-	6		4,5		7		5		5

Диаграмма 3. Соотношение объёмов производства зерновых культур и картофеля в Кузнецком и Мариинском округах Томской губернии в 1880-х – начале 1890-х годов

Таблица 4

Соотношение урожая зерновых культур и картофеля на душу населения в Кузнецком и Мариинском округах Томской губернии в 1880-х – начале 1890-х годов

Дата	Количество населения		Количество четвертей		Четвертей на душу населения	
	Кузнецкий округ	Мариинский округ	Кузнецкий округ	Мариинский округ	Кузнецкий округ	Мариинский округ
1 янв. 1883 г.	147191	104553	705056	548021	4,8	5,2
1 янв. 1884 г.	150930	106692	367626	211417	2,4	2
1 янв. 1885 г.	153928	107514	667913	506929	4,3	4,7
1 янв. 1886 г.	157223	109957	592446	555521	3,8	5
1 янв. 1887 г.	160642	110808	561634	570557	3,5	5,1
1 янв. 1888 г.	164185	113391	750005	634602	4,6	5,6
1 янв. 1889 г.	167583	115158	297513	463642	1,7	4
					3,5	4,5

Продолжение таблицы 4

Дата	Количество населения	Количество четвертей	Четвертей на душу населения
	Кузбасс	Кузбасс	
1 янв. 1883 г.	251744	1253077	5
1 янв. 1884 г.	257622	579043	2,2
1 янв. 1885 г.	261442	1174842	4,5
1 янв. 1886 г.	267180	1147967	4,4
1 янв. 1887 г.	271450	1132191	4,3
1 янв. 1888 г.	277576	1384607	5,1
1 янв. 1889 г.	282741	761155	2,9
Ежегодный прирост	более 5 тысяч человек	отсутствует	4

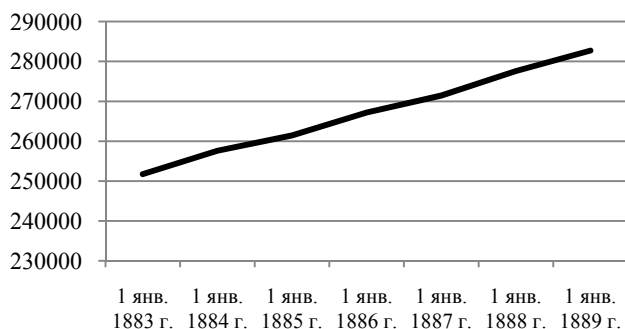

Диаграмма 4. Динамика увеличения численности населения Кузнецкого и Мариинского округов Томской губернии в 1880-е годы (за счёт естественного прироста)

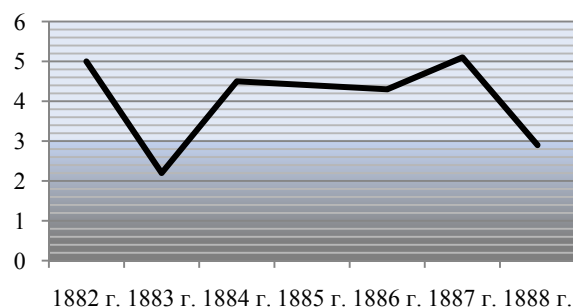

Диаграмма 5. Динамика количества четвертей на человека в год в Кузнецком и Мариинском округах Томской губернии в 1880-е годы

Литература

1. Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 880 с.
2. История Кузбасса / Гл. ред. член-корреспондент АН СССР А. П. Окладников. Ч. 1: История Кузбасса с древнейших времён до Великой октябрьской социалистической революции. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. 380 с.
3. Милов Л. В., Цимбаев Н. И. История России XVIII – XIX веков / под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 784 с.
4. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Издание Канцелярии Комитета министров. СПб.: Государственная типография, 1900. 375 с.
5. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
6. Милов Л. В. О некоторых методологических аспектах изучения аграрного рынка второй половины XVIII – первой трети XIX вв. // Проблемы источниковедения и историографии: мат. II научных чтений памяти акад. И. Д. Ковальченко. М., 2000. С. 33.
7. Обзор Томской губернии за 1881 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Томского губернатора. Томск: Губернская типография. 1882.
8. Обзор Томской губернии за 1882 год.
9. Обзор... за 1883 год.
10. Обзор... за 1884 ...
11. Обзор... за 1885 ...
12. Обзор... за 1886 ...
13. Обзор... за 1887 ...
14. Обзор... за 1888 ...
15. Обзор... за 1891 ...
16. Обзор... за 1892 ...
17. Обзор... за 1893 ...
18. Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томск: Издание Томского статистического комитета: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1884. 175. V. [1] с.
19. Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томск, 1885.
20. Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Урожайность хлебов в России. 1795 – 2007 // Российская академия наук. Институт востоковедения. М.: ИВ РАН, 2009. 192 с.
21. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайской губернии: отчёт / сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. СПб: [б. и.], [1886].

Информация об авторе:

Карпинец Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири Института экологии человека Сибирского отделения Российской академии наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, naukarpinets@mail.ru.

Alexey Y. Karpinets – the candidate of historical sciences, the associate professor; research associate of laboratory of history of Southern Siberia of Institute of ecology of the person of the Siberian office of the Russian Academy of Sciences, associate professor of the contemporary national history, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА XX ВЕКА В ДОКУМЕНТАЦИИ МУЗЕЕВ И АРХИВОВ НЕГУБЕРНСКИХ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*С. В. Макаrchук***SOCIO-POLITICAL MOVEMENT IN THE EARLY 20TH CENTURY REFLECTED IN THE DOCUMENTS OF MUSEUMS AND ARCHIVES OF EASTERN SIBERIA NON-PROVINCIAL TOWNS***S. V. Makarchuk*

Изучается отражение общественно-политического движения начала XX века в документах, сохранившихся в музеях и архивах малых городов Восточной Сибири, которые не являлись центрами губерний. Показано значение введения в научный оборот документов полиции, органов местного самоуправления, специальных коллекций архивов и музеев.

The paper studies the reflection of the socio-political movement of the early 20th century in the documents preserved in museums and archives of small towns in Eastern Siberia, which were not province center. The author shows the importance of introducing police and local governments records as well as special collections of archives and museums to the scientific community.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, общественно-политическое движение, политические партии, общественные организации, музеи, архивы, фонды, документы.

Keywords: Eastern Siberia, socio-political movement, political parties, public organizations, museums, archives, funds and documents.

Для полного и всестороннего изучения общественно-политического движения в Сибири становится актуальной проблема вовлечения в научный оборот новых документальных данных. Источником их может стать архивная и музейная документация, сохранившаяся в малых сибирских городах, не являющихся в изучаемое время губернскими или областными центрами. В отношении Восточной Сибири историками в основном собирался материал в архивохранилищах Красноярска, Иркутска, Читы. Нашей целью является показ значения для изучения общественного движения оставшейся вне внимания исследователей документации музеев и архивов ряда негубернских восточносибирских городов.

Нелегальный характер общественно-политического движения предопределил нахождение основного массива представляющей его документации в фондах судов, а также жандармских и полицейских управлений. Важнейшие судебные дела политического характера находятся в двух фондах Иркутской судебной палаты, действие которой распространялось на Восточную Сибирь и Дальний Восток [1]. Политические дела представлены также в фондах Иркутского [2] и Читинского [3] окружных судов, Временного военного суда в г. Чите, пос. Песчаном и на ст. Средненской [4], Временного военного суда в г. Красноярске [5]. Из негубернских городов наибольшее количество судебных материалов сохранилось в фонде Минусинского окружного суда и мировых судей, но они в основном представляют мелкие, уголовные дела [6].

Наиболее ценные документы, характеризующие политическое подполье, находятся в фондах губернских жандармских управлений и охранных отделений [7]. В них сохранилась переписка начальников с нижестоящими коллегами, справки о неблагонадёжных лицах, агентурная информация, материалы обысков, отчётность перед вышестоящими органами, выписки

из перлюстрированной корреспонденции, донесения филёров и сексотов.

В уездных центрах охранных отделений и специальных жандармских управлений не существовало. Исключение в Восточной Сибири составлял г. Верхнеудинск, где действовало Верхнеудинское отделение жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги. Фонд отделения хранится в Национальном архиве республики Бурятия (НАРБ). В нём отложился богатый исторический материал, показывающий состояние и деятельность подпольных политических сил как в Верхнеудинске, так и по всей линии Забайкальской железной дороги [8]. Рассматривая документы фонда вкупе с документацией находящегося в Чите жандармского управления Забайкальской железной дороги [9], историк может реконструировать действия политического подполья по всей Забайкальской области.

В апреле 1907 г. жандармами была раскрыта подпольная организация «Забайкальское отделение Всероссийского военного союза Верхнеудинского гарнизона». При обыске у члена организации П. Платонова изъято 2 экземпляра эсеровской «Солдатской газеты» – издания ЦК ПСР, а у А. В. Матрёнинского – газеты «Голос социал-демократа» и «Дневник социал-демократа». У Г. Шамизона обнаружен лист почтовой бумаги с записью: «Военный союз Верхнеудинского гарнизона есть организация беспартийная». Далее ставились задачи союза – ниспровержение государственного и общественного строя в России путём вооружённого восстания совместно с революционерами. У него же отобраны заметки по устройству Кассы Военного союза Верхнеудинского гарнизона [10, л. 425 – 426].

Григорию Моисеевичу Шамизону удалось скрыться от следствия в Верхнеудинске и выехать во Владивосток, поэтому документы по выяснению его личности в фонде верхнеудинских жандармов отсут-

ствуют. Из документации других архивов следует, что сразу по прибытии во Владивосток Шамазон включился в работу по созданию здесь военной организации, подобной верхнеудинской [11, л. 5]. Однако вернуть работу Военный союз Владивостокского гарнизона не успел. Его организаторы были арестованы, а Г. М. Шамизон приговорён к смертной казни через повешение. Приговор был приведён в исполнение, причём на допросе он заявил, что принадлежит «к партии социал-демократов большевиков». При обыске у него обнаружен членский билет № 7 с печатью: «Сибирский союз. Владивостокская группа. Российская социал-демократическая рабочая партия» [12, л. 3].

В отношении других членов военной организации в Верхнеудинске жандармским отделением было проведено тщательное расследование. Интересные данные были получены об Александре Васильевиче Матрёнинском. Из сохранившегося в фонде письма начальника Томского губернского жандармского управления (ГЖУ) следует, что «...бывший студент Томского Технологического института Александр Васильев Матрёнинский с 1903 года состоял членом Томского социал-демократического комитета, занимался преступной агитацией среди местных рабочих и распространял нелегальную литературу, склад которой у него хранился в квартире в доме № 1/24 на углу Никитинской улицы и Даниловского переулка; участвовал во всех студенческих сходках и беспорядках, происходивших в Томске с 1903 года; участвовал в устройстве спектаклей в пользу политических ссыльных и для сбора денег на вооружение нелегальных организаций... 2 сентября 1906 года названный Матрёнинский на время военного положения был выслан этапным порядком из гор. Томска в избранное им место жительства гор. Троицкосавск, Забайкальской области» [10, л. 453]. Следствие заключило, что А. В. Матрёнинский признан виновным в том, что «В 1906 – 1907 гг. в гор. Верхнеудинске Забайкальской области состоял членом преступных сообществ, присвоивших себе наименования «Верхнеудинская организация Российской социал-демократической рабочей партии» и «Забайкальское отделение Всероссийского военного союза Верхнеудинского гарнизона» [10, л. 432].

Началось предварительное следствие по делу о комитете Верхнеудинской организации РСДРП, входе которого обнаружены кассовые отчёты организации; адреса связей с Москвой, Томском, Красноярском, Иркутском, Владивостоком, Харбином, Мысовском, Одессой; произведения Г. В. Плеханова и В. И. Ленина [13, л. 215, 232; 10, л. 423]. Найден также «Отчёт об участии Троицкосавской группы РСДРП в избирательной кампании» с подписью: «Комитет Троицкосавской группы РСДРП. 10 апреля 1907 г.» [10, л. 351]. У членов социал-демократической организации изъяты также 15 экземпляров Устава Забайкальского отделения Всероссийского военного союза и «Солдатский листок» № 1 – издание Забайкальского отделения Всероссийского военного союза [13, л. 2, 215]. Из сохранившегося в фонде подлинника газеты «Солдатский листок» узнаём, что 21 января артиллерийский полк «угощали обедом из тухлой, гнилой

рыбы, издававшей зловоние»; в первой сотне казачьего полка вахмистр Лапордин «беспощадно бьёт своих подчинённых»; в инженерной дистанции «начальство крадёт казённые деньги» [14].

Жандармские полицейские управления непосредственно занимались также деятельностью общественных организаций неополитического характера, допускающих в ходе своей работы рассмотрение политических вопросов. Так, в поле зрения верхнеудинских жандармов находилось в 1915 г. Общество забайкальских учителей, пострадавших от войны [15, л. 10]. Но, как правило, подобные общественные организации находились в сфере влияния общей полиции. В негубернских городах их курировали уездные и окружные полицейские управления. В этом отношении ждуют своего исследователя фонды полицейских управлений Минусинска [16], Ачинска [17], Троицкосавска [18], Баргузина [19], Селенгинска [20], Верхнеудинска [21].

Особый интерес представляет фонд Верхнеудинского уездного полицейского управления. В нём сохранились сведения об общественных организациях г. Верхнеудинска, представляющие собой: наименование организации, время её возникновения и деятельности, выписки из уставов, списки членов правлений и руководства. Жандармские власти часто обращали внимание общей полиции на положения уставов, являющиеся «лазейкой» для политической пропагандистской работы: создания при обществах культурно-просветительных организаций, библиотек, проведения лекций. Так, в мае 1913 г. начальнику Верхнеудинского уездного полицейского управления был представлен устав Верхнеудинского потребительного общества «Экономия». Параграф первый устава гласил: «Общество потребителей в городе Верхнеудинске Забайкальской области под названием «Экономия» учреждается с целью доставления своим членам по возможно дешёвой цене или по умеренным рыночным ценам различных предметов потребления и домашнего обихода, предоставления своим членам возможности из прибылей от операции общества делать сбережения». Казалось бы, организация имеет чисто экономический характер, но возможности культурно-просветительной, политико-пропагандистской деятельности закладывались в примечании к § 1: «При обществе могут быть... организуемы учреждения, имеющие целью различными средствами и способами улучшать материальные и нравственные условия жизни членов общества» [22, л. 16].

Полицейское управление располагало списком организаторов и членов руководства потребительного общества «Экономия». Но для того чтобы выяснить их партийную и политическую принадлежность, необходимо провести дополнительную работу, прежде всего с архивными жандармскими документами. В полицейском списке членом правления «Экономии» значился И. А. Пятидесятников [22, л. 6]. По документам охранного отделения он проходил как видный социал-демократ, сторонник придания кооперативному движению политического характера. В его квартире проходили собрания верхнеудинских социал-демократов, на которых обсуждались проблемы партийной работы в кооперативах. На одном из собраний, по донесению секретной агентуры, обсуждался вопрос о

«необходимости распространения в деревне в возможно широком размере идей кооперации, как единственного в данный момент действительного средства объединения народных масс» [23, л. 30]. И. А. Пятидесятников выступал на Первом кооперативном съезде Забайкалья в Чите, на котором было создано Забайкальское товарищество кооперативов [24, 11 дек.]. Читинский полицеймейстер обратил особое внимание на речь Пятидесятникова, в которой он заявил, что в товарищество «...могут вступать лишь на идейной почве, а на экономической, т. е. торговой не могут» [25, л. 1].

В имеющемся в Верхнеудинском уездном полицейском управлении списке членов правления общества «Экономия» за 1916 г. значится З. С. Кошиков [26, л. 46]. По документации охраны, это социал-демократ, организатор и руководитель Прибайкальского общества кооперативов в Верхнеудинске. Члены общества и его председатель подозревались в распространении в городе нелегальных изданий иркутской социалистической организации «Союз сибирских рабочих», в т. ч. газеты «Товарищ пролетария» [23, л. 41, 45].

Списки общественных организаций и их членов, содержащиеся в фонде полицейского управления, позволяют судить о распространённости кооперативных, профессиональных, культурно-просветительных союзов в Верхнеудинске. Достаточно многочисленным и хорошо организованным являлось профессиональное Общество взаимопомощи приказчиков в г. Верхнеудинске. В его руководство входили председатель правления, товарищ председателя, секретарь, казначей, члены и кандидаты в члены правления [27, л. 10]. Действовало культурно-просветительное Общество попечения о начальном образовании в г. Верхнеудинске [26, л. 46]. В Верхнеудинском уезде, согласно полицейскому списку, в 1913 – 1914 гг. было образовано 3 сельских потребительных общества – Погроминское, Сосновоозёрское и Урлукское [27, л. 41]. Кроме потребительных кооперативов, работу вели Первое и Второе общества взаимного кредита [26, л. 50, 53]. В списке руководителей Первого общества числится И. А. Пятидесятников, который вёл борьбу против аполитичности и сепаратизма кредитных кооперативов. На Третьем съезде кооперативов Забайкалья он предложил принять резолюцию, гласившую, что «...кредитная кооперация есть только часть общей кооперации, она должна быть свободной от административного воздействия и должна находиться в руках лишь самих участников товариществ, что должно быть обеспечено кооперативным законом. Поэтому съезд приглашает в настоящее время кредитные товарищества вступить в обще-кооперативный союз» [28, л. 11]. Однако, этот призыв не был услышан, и в мае 1916 г. создаётся отдельный Забайкальский союз кредитных и ссудно-сберегательных обществ, в котором влияние социал-демократов уже не прослеживается [29, 1 июня].

Из неполицейской документации, характеризующей общественное движение в малых городах и сёлах, следует отметить фонды городских дум и управ, сельских управлений, однако, выделить в этих материалах политическую составляющую очень сложно.

Представление об обществах и союзах, общественном самоуправлении и муниципальном управлении дают документы следующих фондов: Верхнеудинской городской думы и городской управы [30]; Троицкосавской городской думы и городской управы [31]; Ачинской городской думы и городской управы [32]; Енисейской городской думы [33]; Минусинского волостного правления [34]; Кальского сельского управления [35].

Городские думы и управы занимались всеми вопросами общественной и хозяйственной жизни городов. Так, Троицкосавская городская дума за 1909 – 1913 гг. рассмотрела вопросы:

- о снабжении беднейших учеников учебниками и учебными пособиями;
- о постройке новой скотобойни;
- о сдаче в аренду лавок;
- о продаже пустопорожней городской земли;
- о постройке водопровода;
- о закрытии двух ремесленных и приходского училищ;
- о концессии на постройку и эксплуатацию проектируемой железной дороги Мысовая-Кяхта;
- о расквартировании в г. Троицкосавске и слободе Кяхта 20 Восточно-Сибирского стрелкового полка [36].

При думах образовывались многочисленные комитеты и комиссии, ведавшие всеми вопросами общественной жизни. При Ачинской городской думе действовали:

- комиссия по выработке плана по введению всеобщего начального обучения в г. Ачинске [37, л. 217];
- школьная комиссия, обсуждавшая вопросы народного образования в городе [38, л. 37];
- попечительный комитет для заведования городской богадельней и лечебницей [38, л. 413];
- комиссия против пьянства и алкоголизма и комиссия для руководства в деле развития внешкольного образования и трудового устройства инвалидов войны и детей [39, л. 277].

Выборы в думу не учитывали партийной принадлежности гласных, и только с мая 1917 г. стало возможным выдвигать кандидатов с учётом национальной, профессиональной, партийной принадлежности. 15 мая вышел из печати список кандидатов в гласные Ачинской городской думы, представленных от 6 групп: от партии социал-демократов-интернационалистов, от еврейского общества, от группы домовладельцев, от группы учащихся, от группы социалистов-революционеров, от партии народной свободы [39, л. 4 – 5].

Документы Ачинской городской управы рисуют развёрнутую картину работы общественных организаций в городе. Успешно действовало Ачинское общество попечения о бедных и местное отделение Красного Креста [40, л. 6]. По всей стране подобные общества оказывали помощь политическим ссыльным, которые часто сами участвовали в их работе. В отношении Ачинска и других малых городов Восточной Сибири это предстоит ещё выяснить исследователям. Известно, что Ачинск, особенно перед войной и в военное время, был наводнён политссыльными

[41, л. 532]. С 1914 г. существовало культурно-просветительное Ачинское общество народного образования и физического развития [42, л. 1]. Из других архивных источников следует, что заведующим книжным магазином общества являлся Н. П. Осинкин. Он был арестован в 1909 г. за принадлежность к Рижской военной организации РСДРП и отправлен в Ачинск в ссылку. В 1917 г. избран от социал-демократов гласным городской думы [43, л. 1]. Исследовать возможную связь с политссылкой предстоит и в отношении повсеместно возникших во время войны комитетов помощи беженцам. В Ачинске, в частности, по данным городской управы, существовали городской и волостные комитеты помощи беженцам [44, л. 3, 26, 73]. В архиве сохранились документы фонда Ачинского уездного комитета помощи беженцам [45].

В фондах сельских и волостных правлений преобладает хозяйственная документация, и встречаются лишь отрывочные свидетельства об общественной жизни. Начальство проявляло заботу о политическом воспитании сельчан в духе Союза русского народа. 20 декабря 1910 г. в Кальском сельском управлении был получен циркуляр Енисейского губернатора, в котором сообщалось, что небольшой кружок «русских людей» уже 5 лет издаёт в Петербурге журнал «Нева»: «По цене это самый дешёвый журнал в России, так как стоит всего один рубль в год с пересылкой... Зная лично направление журнала и полезность его чтения, я сообщаю об этом крестьянским начальникам и подрайонным переселенческим чиновникам губернии, присовокупляя, что я бы очень желал, чтобы журнал этот получил распространение в сельских обществах, почему и прошу принять меры» [46, л. 4].

После февральско-мартовских событий 1917 г. властные функции на местах стали переходить к более политизированным городским и сельским комитетам общественной безопасности (КОБы) и земским управам. На заседаниях Канской уездной земской управы постоянно ставились значимые общественно-политические проблемы: обсуждались вопросы народного образования, тексты прокламаций с обращениями к народу, вопросы присоединения к Всесибирскому объединению земств и городов [47, л. 2, 7, 12]. В Минусинском архиве сохранились фонды Усинского окружного и волостного временных комитетов безопасности [48] и Минусинского комитета общественной безопасности [49].

Из документов Минусинского КОБа следует, что сразу после его образования было послано приветствие находящейся в ссылке в г. Минусинске видной эсерке Е. Брешко-Брешковской: «Решено послать к «бабушке» русской революции Брешко-Брешковской делегацию от комитета для выражения от населения чувств восхищения перед её стойкостью в защите интересов народа» [50, л. 3]. На этом же заседании 4 марта 1917 г. включены в состав КОБа представители существующих до революции общественных организаций: Минусинского общества потребителей (Н. А. Шаконников) и Минусинского общества кредитных товариществ (И. М. Аланов). Комитет сразу решил проявить свою власть: «Решено довести до сведения местных типографий о том, что им предос-

тавляется право печатать печатные (издания – С. М.) независимо от их политического содержания. Только произведения, в которых проводится борьба с новым правовым порядком в России, должны печататься только с разрешения комитета». В протоколе заседания КОБа от 5 марта содержится просьба к Енисейскому комитету РСДРП делегировать представителей в свой состав [50, л. 4].

Общественно-политическое движение в малых сибирских городах можно проследить и по документации, собранной в специальных коллекциях некоторых архивов и музеев. Но документы коллекций характеризуют преимущественно деятельность одной социал-демократической партии. В НАРБ создан фонд, включающий коллекцию документов досоветского периода [51]. Особое значение имеют содержащиеся в нём воспоминания видных членов Верхнеудинской организации РСДРП Б. Шумяцкого и А. Черных, легко сверяемые с архивными жандармскими документами. Шумяцкий вспоминает о работе городского района социал-демократической организации Верхнеудинска в 1906 г., о деятельности приглашённого из Читы профессионального революционера Я. Ротарштерна [51, л. 1]. А. Черных повествует о состоянии и деятельности организации в 1906 – 1907 гг., в т. ч. о совместной работе с «Ильёй» (Б. Шумяцким), возглавляющим её комитет, Организация, состоящая из 2-х районов – железнодорожного и городского проводила совместные с эсерами массовки, устраивала дискуссии с ними по аграрному вопросу.

Предпринимались попытки создания нелегальных профессиональных союзов приказчиков и учителей [51, л. 1].

В Ачинском архиве представляет интерес фонд краеведа М. И. Павленко, особенно скрупулёзно собранный материал о жизненном пути известной на Урале и в Сибири социал-демократки Ольги Ивановны Патлых (Двиняниной). В 1904 г. она вступила в группу РСДРП в Уфе, работала в Перми, Екатеринбург, Нижнем Тагиле. В 1909 – 1910 гг. отбывала ссылку в Тасеевской волости Енисейской губернии, а в 1911 г. переведена в Ачинск [54, л. 7]. Данные Павленко подтверждает хранящийся в уфимском архиве обвинительный акт по делу О. Патлых [55, л. 482]. В Ачинске она совместно с Ф. Врублевским, Е. Пузановой и другими ссыльными эсдеками принимала участие в возрождении в 1916 г. местной группы РСДРП. Февраль 1917 г. застал её в Иркутске.

О. Патлых не покинула Сибирь и до 30-х годов находилась здесь на партийной работе в Иркутске и Новониколаевске [54, л. 8]. В Ачинском краеведческом музее хранятся дела Ф. К. Врублевского и Е. Л. Пузановой, характеризующие их партийно-политическую работу в городе [56].

В Нижнеудинском историко-краеведческом музее сохранились воспоминания Кашика Сергея Дмитриевича о своём отце Дмитрие Александровиче Кашике, в которых он утверждает: «Легальной общественной работой в Тайшет у отца была пасека. По его инициативе была создана коллективная на паях пасека. Помещалась она у разъезда Суетиха. Эта общественная деятельность на пасеке давала возможность, не вызывая подозрений, вести революционную работу»

[57, л. 9 – 10]. Однако следует сказать, что в политической документации никакой «революционной работы» со стороны Д. А. Кашика не зафиксировано. С ноября 1916 г. Д. А. Кашик стал работать дорожным мастером в Нижнеудинске. Здесь, по воспоминаниям сына, он уже после февраля 1917 г. возглавил комитет большевиков, способствовал размежеванию с меньшевиками, а с объявлением эсерами «террора» в отношении большевиков, пригрозил им ответить тем же. «От такого решительного ответа эсеры струсили и от террора отказались» [57, л. 13 – 14]. Но и эти сведения пока не находят документального подтверждения. То же касается воспоминаний К. Журбицкого о видной революционерке М. А. Цукасовой, которая «проводила собрания, организовывала побеги из ссылки и тюрем и оказывала материальную помощь» [58, л. 3].

Фонд Енисейского естественно-исторического и культурно-бытового музея находится в городском архиве г. Енисейска [59]. Здесь представляют интерес документы Енисейского общества взаимного страхования от огня, учреждённого в 1904 г. Общество являлось примером самостоятельной провинциальной общественной организации с развитой системой самоуправления. Из Устава следует: «Делами общества управляют:

- а) общее собрание членов;
- б) наблюдательный комитет;
- в) правление;
- г) ревизионная комиссия...

Общее собрание ежегодно избирает из числа членов общества в составе не менее трёх лиц ревизионную комиссию для проверки отчёта и обревизирова-

ния действий правления... Голоса в общих собраниях подаются закрыто (баллотировочными шарами или закрытыми записками» [60, л. 1 – 2]. В делах общества имеется алфавитный список членов-страхователей, а также список всех 83-х подобных обществ, существующих в России. В Сибири отмечено существование обществ в городах Барнауле, Бийске, Благовещенске, Иркутске, Красноярске, Омске, Тобольске, Томске, Тюмени [61, л. 28 – 32].

Институциональная принадлежность подобных организаций к общественному движению несомненна, а наличие политической составляющей требует дополнительного изучения.

В целом общественно-политическое движение в малых сибирских городах и сёлах нашло отражение:

- 1) в фондах жандармской и общей полиции негубернских городов;
- 2) в фондах городских дум и городских управ;
- 3) в документации сельских и волостных правлений;
- 4) среди документов городских и сельских КОБов и земских управ;
- 5) среди специально созданных коллекций документов и материалов, сохранившихся в музеях и архивах.

По своему содержанию большинство документов указанной группы фондов носит общественный характер, и для того чтобы стать источником общественно-политической информации, многие из них должны быть подвергнуты дополнительному сравнительному анализу. Введение их в научный оборот – важная задача исследователей общественно-политического движения.

Литература

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 246 – Иркутская судебная палата; Ф. 245 – Прокурор Иркутской судебной палаты.
2. ГАИО. Ф. 243 – Иркутский окружной суд; Ф. 242 – Прокурор Иркутского окружного суда.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 43 – Читинский окружной суд; Ф. 50 – Прокурор Читинского окружного суда.
4. ГАЗК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 109 – 226.
5. Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. 792. Оп. 1. Д. 70.
6. Архивный отдел администрации г. Минусинска (АОАМ). Ф. 81 – Минусинский окружной суд; Ф. 77 – Мировой судья 1 участка; Ф. 78 – Мировой судья 4 участка.
7. АААКК. Ф. 827 – Енисейское губернское жандармское управление; ГАИО. Ф. 600 – Иркутское губернское жандармское управление; Ф. 601 – Иркутское районное охранное отделение.
8. Национальный архив республики Бурятия (НАРБ). Ф. 381 – Верхнеудинское отделение жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги.
9. ГАЗК. Ф. 222 – Жандармское управление Забайкальской железной дороги.
10. НАРБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 21А.
11. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Ф. 495. Оп. 1. Д. 1.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1568. Оп. 2. Д. 748.
13. НАРБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 21.
14. Солдатский листок. № 1. 1907. Апрель.
15. НАРБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 110.
16. АОАМ. Ф. 90 – Минусинское уездное полицейское управление; Ф. 116 – Минусинское окружное полицейское управление.
17. Архивный отдел администрации г. Ачинска (АОАА). Ф. 88 – Ачинское уездное полицейское управление.
18. НАРБ. Ф. 190 – Троицкосавское городское полицейское управление.
19. НАРБ. Ф. 123 – Баргузинское окружное полицейское управление.
20. НАРБ. Ф. 98 – Селенгинское окружное полицейское управление.
21. НАРБ. Ф. 337 – Верхнеудинское уездное полицейское управление.

22. НАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 2329.
23. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП. ОО. 1915 г. Ед. хр. 5 ч. 26 лБ.
24. Забайкальская новь. 1913.
25. ГАЗК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 415.
26. НАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 2887.
27. НАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8576.
28. ГАЗК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 82.
29. Забайкальская новь. 1916.
30. НАРБ. Ф. 484 – Верхнеудинская городская дума; Ф. 10 – Верхнеудинская городская управа.
31. НАРБ. Ф. 349 – Троицкосавская городская дума; Ф. 261 – Троицкосавская городская управа.
32. АОАА. Ф. 6 – Ачинская городская дума; Ф. 22 – Ачинская городская управа.
33. Муниципальное учреждение Енисейский архив (МУЕА). Ф. 8 – Енисейская городская дума.
34. АОАМ. Ф. 34 – Минусинское волостное правление.
35. Центральный государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. И-14 – Кальское сельское управление.
36. НАРБ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 33 – 38.
37. АОАА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 34.
38. АОАА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36.
39. АОАА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 43.
40. АОАА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 82.
41. Лопаткин Г. Летопись города Ачинска. Ачинск: Свет, 2006.
42. АОАА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 78.
43. АОАА. Ф. Р-709. Оп. 1. Д. 140.
44. АОАА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 91.
45. АОАА. Ф. 17 – Ачинский уездный комитет помощи беженцам.
46. ЦГАРХ. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 5.
47. Канский государственный архив (КГА). Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 3.
48. АОАМ. Ф. 61 – Усинский окружной и волостной временные комитеты безопасности.
49. АОАМ. Ф. 124 – Минусинский комитет общественной безопасности.
50. АОАМ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3.
51. НАРБ. Ф. 450 – Коллекция документов досоветского периода.
52. НАРБ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1.
53. НАРБ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 2.
54. АОАА. Ф. Р-709. Оп. 1. Д. 141.
55. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Ф. И-187. Оп. 1. Д. 372.
56. Ачинский краеведческий музей (АКМ). Инв. № 2380.
57. Нижнеудинский историко-краеведческий музей (НИКМ). Ф. 11. Оп. 1. Д. 4.
58. НИКМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 7.
59. МУЕА. Ф. 6 – Енисейский естественно-исторический и культурно-бытовой музей.
60. МУЕА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 112.
61. МУЕА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 102.

Информация об авторе:

Макарчук Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, makar@kemsu.ru.

Sergey V. Makarchuk – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ИЗМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СТАТУСА СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КУЗБАССА (1985 – 2008 ГГ.)*Н. Н. Мальцева***INFLUENCE OF SOCIAL AND ECONOMIC FACTORS ON THE CHANGE OF THE MODERN STATUS OF THE RURAL INTELLIGENTSIA OF KUZBASS (1985 – 2008)***N. N. Maltseva*

Тема изучения интеллигенции для историков не является новой. При этом в современное время многие отмечают большие изменения в определении ее статуса и роли.

В результате сложного периода социально-экономических преобразований российского общества сельская интеллигенция Кемеровской области (Кузбасса) в лице работников образования, медицины и культуры оказалась под угрозой потери своего положения как передового отряда наиболее образованной и активной группы сельского поселения.

В настоящее время степень изученности сельской интеллигенции на уровне аграрных районов страны, Сибири, в том числе и Кузбасса, также предоставляется недостаточной.

В данной работе определены три периода в развитии сельской интеллигенции Кузбасса: 1985 – 1991 гг.; 1992 – 1998 гг.; 1999 – 2008 гг. Так, например, в период времени с 1985 по 1991 гг. труду сельской интеллигенции со стороны государства придавалась большая социальная значимость. В свою очередь ее представители организовывали для односельчан большую просветительскую и общественную работу. Тогда же наметилась и тенденция снижения в сельских районах области числа объектов соцкультбыта.

В период времени с 1992 – 1998 гг. негативные тенденции и проблемы сельской интеллигенции продолжали усугубляться. В результате этого профессиональная активность и авторитет учителей, работников медицины и культуры аграрных районов Кузбасса продолжали снижаться, что способствовало отчуждению сельского населения от традиционных культурных ценностей и усилило разрыв между городом и деревней.

По мнению многих исследователей, временной отрезок 1999 – 2008 гг. принято считать для Кузбасса временем экономического подъема и социальной стабилизации. Но и эти годы не улучшили положение сельской интеллигенции. Ее профессиональные проблемы получили затяжной характер.

Возможным выходом из сложившейся ситуации по возрождению статуса сельской интеллигенции может послужить общая стратегия действий региональных и правительственных властей. В Кемеровской области есть достаточно примеров по оказанию своевременной поддержки работникам социально-культурной (бюджетной) сферы, что получило впоследствии дальнейшее развитие на государственном уровне в национальных проектах.

В Кузбассе имеются все возможности и условия для создания и реализации нового проекта по возрождению сельской интеллигенции.

У автора статьи имеются практические наработки по возрождению сельской интеллигенции на примере Ленинск-Кузнецкого муниципального района.

The topic of intelligentsia is not new for historians. However, in present days many scientists note substantial changes in definition of its status and role.

As a result of the difficult period of social and economic transformations of the Russian society the rural intelligentsia of Kemerovo region (Kuzbass), namely teaching, medical and cultural professionals, suffered the threat of losing their position of the advanced members of the most educated and active group of rural population.

At the level of agrarian regions of the country, Siberia and Kuzbass rural intelligentsia has not been studied sufficiently.

Three periods in the development of the rural intelligentsia of Kuzbass are defined in this work: 1985 – 1991; 1992 – 1998; 1999 – 2008. Thus, in 1985 – 1991, the state gave big social importance to rural intellectuals' work. At the same time, the intellectuals carried out huge educational and public work for fellows villagers. Then tendency for the decrease in the number of social and cultural facilities in rural regions was outlined.

In 1992 – 1998 negative tendencies and problems of the rural intelligentsia were aggravated. As a result, the professional activity and authority of teachers, workers of medicine and culture in the agrarian areas of Kuzbass continued to decrease, which led the rural population's alienation of from traditional cultural values and strengthened a gap between the city and the village.

According to many researchers, it is considered that the period of 1999 – 2008 was the time of economic recovery and social stabilization for Kuzbass. But at those years the situation of the position of rural intellectuals didn't improve. Its professional problems received a long perspective.

A common strategy of the regional and state authorities' actions can be a possible way to revive the status of the rural intelligentsia. There are a lot of examples on providing support to workers of the welfare (budgetary) sphere in Kemerovo region, which received further development in national projects at the state level.

There are huge opportunities and conditions for creation and implementation of the new project for revival of the rural intelligentsia in Kuzbass.

The author has practical know-how on revival of the rural intelligentsia by the example of Leninsk-Kuznetsk municipal area.

Ключевые слова: сельская интеллигенция, современный, статус, положение, авторитет, проблемы.

Keywords: rural intelligentsia, modern, status, situation, authority, problems.

Следует отметить, что тема изучения интеллигенции не является новой. Ей посвящено немало значительных работ.

Наряду с этим все же подчеркнем, что в последние десятилетия как в XX, так и в XXI вв., ни в одной группе российского общества не произошло таких больших изменений в социальном статусе и роли в обществе, как у интеллигенции.

Кроме того, по справедливому мнению известного журналиста В. Костикова, тех, кого ранее причисляли к интеллигенции: ученых, учителей, изобретателей, врачей, сельских агрономов, инженеров, армейских и морских офицеров, писателей, судей, квалифицированных рабочих, — отодвинули на обочину общественной жизни [9, с. 4].

В данном ракурсе заслуживает внимания точка зрения ученого интеллигентоведца И. И. Осинского о том, что основные сферы деятельности интеллигенции, особенно провинциальной, находятся под угрозой полного разрушения. В данном случае он имеет в виду тенденцию возрастания социальной деградации и депрофессионализма среди ее представителей [13, с. 75 – 77].

Под угрозой потери своего положения в целом оказалась и сельская интеллигенция в лице работников образования, медицины и культуры.

Социально-экономические преобразования исследуемого нами периода (1985 – 2008 гг.) оказали негативное воздействие не только на сельскохозяйственную отрасль, но и на общий уровень жизни населения сельских районов страны и региона.

Благодаря средствам массовой информации эти данные стали достоянием широкой общественности. «В семидесяти одном регионе России произошло значительное сокращение сельского населения, российское село начало воспроизводить бедность» [17, с. 11]. «Социальная сфера села оказалась в зоне бедствия: стали закрываться фельдшерско-акушерские пункты, школы, больницы, а те, кто там работает, имеют большие трудности» [8, с. 9].

Это отмечает в своей работе и кузбасский ученый О. Костюнин, считая, что сложившаяся в те кризисные годы диспропорция социально-экономического развития, высокий уровень миграции, стремительное разрушение субкультур традиционного типа, маргинализация широких социальных слоев привели к деформации социокультурной среды Кемеровской области [10, с. 158].

Подчеркнем, что такое положение дел непосредственным образом явилось причиной падения позиций и статуса интеллигенции села как передового

отряда наиболее образованной и активной группы сельского населения.

К сожалению, в настоящее время степень изученности сельской интеллигенции на уровне аграрных районов страны, Сибири, в том числе Кузбасса, предоставляется недостаточной.

Кемеровская область в составе регионов страны занимает заметное место в оказании социально-ориентированной поддержки в виде широкой системы ряда льгот для работников бюджетной сферы. Но и здесь эти меры уже не являются значительным стимулом, способным к возрождению ранее утраченных авторитетных позиций сельской интеллигенции.

Кроме того, современные данные о положении деревни в Кузбассе также отнюдь не радуют. «В Кемеровской области становится все больше деревень, в которых никто не живет. Наблюдается процесс исхода жителей сельских территорий. По данным Кемеровостата, за межпереписной период – с 1989 по 2010 годы – число поселений, в которых есть жители, уменьшилось на полтора процента» [5, с. 3]. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. деревень стало на восемь меньше, насчитывается 48 «мертвых» поселков, в которых никто не прописан, в течение года число жителей и вовсе уменьшилось на 3 тыс. человек» [15, с. 19].

Таким образом, считаем, что заявленная тема актуальна и своевременна для исследования.

В ходе работы по изучению состояния статуса сельской интеллигенции Кузбасса представляется целесообразным выделить три периода ее развития: 1985 – 1991 гг. – начало перестройки, развал советской системы и прежнего государственного устройства; 1992 – 1998 гг. – кризисные явления в экономике; 1999 – 2008 гг. – стабилизация социально-экономической обстановки. В 2008 г. исполнилось 65 лет со дня образования Кемеровской области.

В начале первого периода (1985 – 1991 гг.) общее состояние сельской интеллигенции в Кузбассе характеризовалось как вполне стабильное. Ее представителям отводилось большое место в решении проблем социального развития села, в сближении материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни. В сельских районах области имела разветвленная сеть учреждений здравоохранения, культуры, просвещения, бытового обслуживания, торговли. Работать в те годы в сельской местности в школе, учреждениях медицины и культпросвета считалось престижным и авторитетным. Из бюджета области выделялись значительные финансовые средства на улучшение их материально-технической

базы. Специалистам социальной сферы предоставлялось бесплатное жилье, создавался ряд других комфортных социально-бытовых условий для проживания.

Как видим, тогда со стороны государства труду сельской интеллигенции придавалась большая социальная значимость.

В свою очередь, учителя, медработники, работники клубов и библиотек организовывали для односельчан большую просветительскую и общественную работу. В свободное от основной работы время они выступали с концертами на полях и фермах перед тружениками села, выпускали «Молнии», стенгазеты и боевые листы. Принимали активное участие в социалистических соревнованиях, проводили акции и политзанятия, вели работу сандружин, комиссий по борьбе с пьянством, профилактике здоровья, писали статьи в газеты о передовиках сельхозпроизводства и многое другое.

Однако, кризис гласности и ускорения, а также серьезные политические перемены в стране в тот период времени поспособствовали изменениям в худшую сторону не только общего положения интеллигенции села, но и условиям их труда и быта.

Так, в сельских районах Кузбасса тогда наметилась тенденция снижения числа учреждений соцкультбыта. Если в 1985 – 1986 учебном году было 650 сельских школ, то в 1990 – 1991 учебном году их стало 626. Учреждений культурно-досугового типа в 1985 г. – 754, в 1990 г. – 732; сельских библиотек в 1985 г. – 556, в 1990 г. – 553 [11, с. 82, 95]. За период времени с 1985 по 1991 гг. на 149 ед. было сокращено количество фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов [3, с. 8].

Таким образом, существенное сокращение данных учреждений и сопутствующие этому проблемы явно свидетельствуют о начале кризисного состояния в социальной сфере села, как, впрочем, и в других отраслях народного хозяйства.

Следует подчеркнуть, что типичность данной ситуации набирала масштабность и в других регионах страны. В период с 1992 по 1998 гг. негативные тенденции продолжали углубляться. А. Тулеев, губернатор Кемеровской области, не понаслышке знающий проблемы в регионе, вспоминает о тех событиях следующим образом: «В те годы Кузбасс был зоной сплошного социального бедствия, большинство кузбассовцев находилось на грани выживания. Пенсии и зарплаты не выплачивали месяцами. Бесконечные забастовки, пикеты, голодовки, разгул преступности» [4, с. 1].

Об ухудшающемся положении того времени жители совхоза «Силинский» Кемеровского района области открыто высказывали свое мнение в средствах массовой информации. Вот что они писали: «В селах Кузбасса гибнет социальная инфраструктура, закрываются школы, детские сады, наших детей превращают в будущих безграмотных рабов» [1, с. 16]. Агропромышленный комплекс находится в тяжелом затяжном кризисе [1, с. 16].

Как видим, все указанное выше непосредственным образом отрицательно влияло на положение и статус представителей сельской интеллигенции.

Как следствие, исследуемая нами социальная группа начинала сдавать свои позиции. К этому прибавлялись проблемы в профессиональной деятельности: ухудшение и несоответствие требованиям материально-технического состояния учреждений образования, медицины и культуры, старение и недостаток кадров, снижение объема финансовых средств для повышения квалификационного уровня специалистов, а также своевременно не выплачиваемая заработная плата и ее низкий уровень. Добавим, что в те годы учителя, работники медицины и культуры, проживающие в сельской местности, относились к самым низкооплачиваемым профессиям, в сравнении с городскими коллегами.

Отметим и существенный факт того, что в регионе стала проследиваться тенденция сокращения учреждений социальной сферы села, принимающая все более устойчивое состояние в последующие годы. Официальные данные подтверждают это. Так, с 1992 по 1998 гг. наблюдается снижение общего количества дневных общеобразовательных школ сельских районов Кемеровской области. Если в 1992 г. их насчитывалось 618 ед., то в 1998 г. – 592 ед. [12, с. 5]. Не лучшим образом складывалось тогда положение и в сфере медицины. В 1992 г. в аграрных районах области насчитывалось 605 фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов, в 1998 г. их становится 568 единиц [18, с. 13].

Количественный состав сельских клубов и библиотек также претерпевал значительные изменения. Статистические данные свидетельствуют о том, что в 1992 г. было 718 клубов и 526 библиотек, в 1998 г. осталось 642 клуба и 502 библиотеки соответственно [20, с. 85 – 87; 21, с. 286].

Справедливости ради отметим, что экономические преобразования, проводимые тогда в стране путем сокращения объектов социальной сферы с целью экономии бюджетных средств, привели только к усугублению проблем сельских жителей еще на долгие годы. В связи с чем считаем, что в кризисные годы путей выхода социальной сферы из неблагоприятного состояния в новых рыночных условиях было явно недостаточно, и это продолжало создавать большие трудности для профессионального развития сельской интеллигенции.

Одной из проблем являлось ухудшение состояния материально-технической базы сельских школ. Темп старения и износа зданий опережали во много раз темп строительства новых объектов. Остро стояла в школах проблема обеспеченности классно-лабораторным оборудованием, учебно-наглядными пособиями, техническими средствами обучения и мебелью. Из-за отсутствия материальных средств педагоги были вынуждены использовать на уроках устаревшее оборудование двадцатилетней давности, в то время как разрешалось использовать его сроком эксплуатации 5 – 7 лет.

Как отмечали очевидцы: «В те годы подолгу не ремонтировались школы, а денежных средств еле хватало на самое элементарное» [21, с. 286].

Указанные выше недостатки по состоянию материально-технической базы учреждений образования оказывали непосредственное влияние на возможности детей получать в селе достойное качественное образование. Оно продолжало оставаться низким.

Как видим, в те годы сельское образование в Кузбассе продолжало снижать свой уровень, тем самым оно оказывало деструктивное влияние на работников просвещения – одного из крупнейших отрядов сельской интеллигенции.

Приоритетным направлением социальной политики советского и постсоветского времени достаточно продолжительное время является сфера здравоохранения. Но как оказалось далее, в период времени с 1992 по 1998 гг. проводимые в стране экономические преобразования ухудшили показатели развития сельской медицины и ее доступность для сельских жителей. Что получило в итоге кризисное состояние.

Вследствие этого учреждения здравоохранения аграрных районов области стали испытывать большие трудности в обеспеченности медикаментами, что непосредственным образом влияло на своевременное оказание помощи больным людям.

Обеспокоенный таким положением дел врач из Ленинск-Кузнецкого района Е. Мархинин выразил свое мнение в местной газете. В интервью он рассказал о том, что «Из-за безденежья туго с медикаментами, лечить болезни селянам становится все более накладно» [7, с. 3].

Исследователи отмечают, что в тот период времени в сельских районах Кемеровской области показатели воспроизводства населения характеризовались рядом отрицательных тенденций: снижение рождаемости, рост смертности, сокращение продолжительности жизни.

Считаем, что такая ситуация требовала повышенного внимания к проблемам в этой области здравоохранения со стороны правительственных властей.

В результате чего авторитет медицинского работника как представителя сельской интеллигенции наряду с работниками просвещения и культуры продолжал утрачивать свои позиции.

По мнению О. Костюнина, исследователя социального развития аграрных районов Кемеровской области, «Довольно продолжительное время Кузбасс было принято оценивать исключительно как мощный индустриальный регион. Культурный потенциал края, как правило, рассматривался лишь в качестве второстепенного параметра» [10, с. 23 – 24].

Нестабильное положение в осуществлении социально-экономического реформирования в период с 1992 по 1998 гг., как в целом по стране, так и регионе, негативным образом отразилось на культурно-досуговой сфере сельских районов. Резкое снижение финансовых средств со стороны государства привели

ли к крайне неудовлетворительному состоянию большого количества учреждений культуры.

Как выход из положения в сельских клубах, библиотеках, музыкальных школах области тогда предлагалось вводить платные услуги. Как показало время, в сельских районах этот метод не получил достаточного развития ввиду низкой платежеспособности селян.

Из воспоминаний специалистов о том времени следует, что многим оказывалось неважным, чем будет заниматься их учреждение, пусть хоть крутит «рулетку», или с утра до ночи показывает боевики, при этом главным было заработать денег» [6, с. 6].

Но и в такой ситуации односельчане по-прежнему продолжали предъявлять серьезные претензии к качеству творческого труда работников клубов и библиотек, сравнивая его с трудом учителей и медицинских работников, причем не в пользу первых. Быть в сельской местности работником культуры для многих тогда оказалось занятием непривлекательным и неблагоприятным.

В результате этого профессиональная активность и позиция среди работников культуры как заметных представителей сельской интеллигенции наряду с педагогами и медицинскими работниками стала снижаться, что, в свою очередь, способствовало отчуждению части сельского населения от традиционных культурных ценностей и еще больше усилило разрыв между городом и деревней.

Отметим, что в тот период времени со стороны региональных властей были приняты меры, способствующие выходу из кризисного состояния. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, Совет народных депутатов Кемеровской области первого созыва (1994 – 1996 гг.) за время работы в указанные годы утвердил 46 законов, в их числе и законы о социальных гарантиях для работников бюджетной сферы: учителей, врачей, работников культуры, что в свою очередь повлияло на постепенное снижение социальной напряженности, вызванной по причине длительных сроков задолженности по заработной плате [4, с. 2].

Во-вторых, для привлечения общественности к проблемам интеллигенции в ноябре 1997 г. в г. Кемерово состоялось заседание учредительного собрания интеллигенции Кемеровской области. Оно было приурочено к проведению в декабре того же года конгресса Российской Федерации для ее представителей.

В связи с чем осмелимся подчеркнуть, что данное мероприятие вселяло надежду на то, что в ходе работы собрания будут затронуты наравне с другими и проблемы сельской интеллигенции. Но, к сожалению, этого не произошло, так как на встрече, по мнению Д. Ахметовой: «Большая часть выступлений была похожа на концерты школьной агитбригады. Надо ли было собирать столько не самых глупых людей области, чтобы сообщить, что промышленность лежит на боку, бюджетникам не платят зарплату, а интеллигенция разобщена?» [2, с. 3].

Таким образом, считаем, что все указанное нами выше по общему состоянию положения сельской интеллигенции Кузбасса в период государственных преобразований с 1992 по 1998 гг. явно свидетельствует о продолжающемся деструктивном изменении их статуса. Кроме того, отрасли социальной сферы, расположенные в аграрных районах области, в которых трудились ее сельские представители, по-прежнему продолжали отставать по уровню развития от городских.

По мнению многих исследователей, период времени с 1999 по 2008 гг. в Кузбассе принято считать этапом экономического подъема и социальной стабилизации, характеризующейся динамичным развитием базовых отраслей промышленности, а также ростом инвестиционной привлекательности как крупного индустриального сибирского региона. К сожалению, чего нельзя сказать, когда дело касается общего уровня развития в эти годы социально-культурной сферы сельских районов области и ее представителей в лице сельской интеллигенции. Предлагаем рассмотреть это подробнее.

Реальное положение дел указывает на тот факт, что и в эти годы положение сельской интеллигенции не изменилось в лучшую сторону. Профессиональные проблемы получили затяжной характер.

Так, к примеру, состояние объектов соцкультбыта по-прежнему указывает на низкий уровень материально-технической базы данных учреждений, что является причиной продолжения процесса сокращения их сети.

Официальные данные подтверждают это. В 1999 – 2000 учебном году в Кемеровской области насчитывалось 573 сельские школы, в 2007 – 2008 их стало 390 единиц [11, с. 82]. Фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов в 2000 г. было 562, в 2008 г. – 541 единица [19, с. 165]; Учреждений культурно-досугового типа в 2000 г. – 632 и 505 библиотек, в 2008 г. – 585 учреждений культурно-досугового типа и 499 библиотек соответственным образом [11, с. 95 – 96].

Добавим, что в эти годы, как и прежде, в сельских районах области имел продолжение процесс старения кадрового состава среди педагогов, медработников, работников клубов и библиотек, что создавало тревожное положение в дальнейшем.

Понимаем и то, что, лишившись однажды поддержки со стороны государства на долгие годы, сохранять кадровый состав и повышать профессионализм становилось все сложнее.

Отметим и тот факт, что ликвидация долгов по заработной плате, безусловно, являлась положительным фактором. Это, несомненно, улучшило материальное положение представителей интеллигенции села, но отнюдь не изменило общего состояния социальной сферы и не уменьшило ее проблем. Учителя, работники медицины и культуры продолжали «выживать» за счет личных подсобных хозяйств и приусадебных участков. Физически у них не оставалось времени и сил на участие в общественной жизни

села. В результате чего профилактическая работа среди односельчан, имевшая значительные результаты в деревне, сокращалась.

Таким образом, годы сложного реформирования, проводимые в стране в период времени с 1985 по 2008 гг. только усугубили трудности, которые испытывали сельские интеллигенты. Их общий вклад в общественную жизнь села и проявление активной жизненной позиции был также сведен до минимума.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что выходом из сложившейся ситуации по возрождению статуса современной сельской интеллигенции необходимым является общая стратегия действий региональных и правительственных властей, так как эта проблема имеет затянувшийся характер. У автора данной статьи есть все основания так полагать.

Во-первых, по мнению кузбасского ученого И. П. Поварича (2006 г.), «Только систематизация знаний может способствовать адекватному восприятию социальной политики как со стороны тех, кто ее осуществляет, так и со стороны тех, на кого направлены ее меры, и, в конечном счете, определяет эффективность ее практической реализации» [14, с. 32].

Если учесть, что И. П. Поварич был тогда ректором Кемеровского государственного университета, есть все основания полагать, что он хорошо владел ситуацией и понимал суть вопроса. И все же мы предполагаем увидеть в ближайшее время ход планомерного поэтапного реформирования в области социальной политики, в части возрождения авторитета сельской интеллигенции.

Во-вторых, Кузбасс – один из немногих регионов в стране, который с 1997 г. явился разработчиком системы мер, позволяющей оперативно решать социальные проблемы и оказывать своевременную поддержку как городским, так и сельским жителям, что получило в 2005 г. дальнейшее развитие национальных проектов на государственном уровне

В-третьих, в г. Белгороде в ноябре 2011 г. был проведен первый съезд сельской интеллигенции. Работой съезда руководил В. В. Путин, будучи премьер-министром страны. В заседаниях тогда приняли участие специалисты не только агропромышленного комплекса, но и образования, культуры, здравоохранения и спорта, работающие на селе. Это мероприятие явилось важным событием, так как наблюдается очевидный интерес к данной теме со стороны представителей власти.

Таким образом, все приведенное выше еще раз позволяет подчеркнуть важность и актуальность заявленной темы. Считаем, что в Кузбассе есть все возможности и условия для реализации нового проекта по возрождению сельской интеллигенции.

С такой постановкой вопроса согласен и О. Бетин – глава администрации Тамбовской области. В популярной для читателей газете «Аргументы и факты» (2013 г.), он также предлагает, что «пора давно спуститься на землю и начать возрождать сельскую интеллигенцию» [16, с. 2].

Опираясь на собственную практику, автор статьи имеет видение решения проблемы по возрождению сельской интеллигенции. В течение нескольких лет он проводил мероприятия по поддержке их статуса в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области.

Материалы по данному исследованию были представлены для участия в областном конкурсе «Лучший муниципальный служащий» в 2008, 2009, 2012, 2013 гг.

Литература

1. Артамонов В. К. и др. Хлеб земли Кузнецкой. Кемерово, 2003.
2. Ахметова Д. Интеллигенция имеет свойство исчезать незаметно // С тобой. 1997. 27 ноября.
3. ГАКО. Р. 864. ОП. 1. Д. 1283. С. 8. Д. 1336. С. 8.
4. Ежедневный пресс-релиз пресс-службы Администрации Кемеровской области. 2014. 27 марта. С. 1, 2.
5. Иванова А. Почему село умирает // Аргументы и факты в Кузбассе. 2013. 6 – 12 ноября.
6. Иноземцева И. Такого еще не было // Клуб. 1992. № 2.
7. Канафеева С. Лучшее, конечно, впереди // Знамя труда. 1998. 29 декабря.
8. Комков С. Критическая точка российской демографии // Сельская новь. 2003. № 10.
9. Костиков В. А что ты сделал для...? // Аргументы и факты, 2009. 24 июня.
10. Костюнин О. В. Социальное развитие аграрных районов индустриального региона в середине 80-х гг. – начале XXI в. (по материалам Кемеровской области): дис...канд. ист. наук. Кемерово, 2012.
11. Кузбасс. История в цифрах. Новосибирск: Экор-книга, 2008.
12. Образование в цифрах: стат. сб. Кемерово. 1998.
13. Осинский И. И. Интеллигенция современной России. URL: <http://history.kemsu.ru/oldversion/tezis/vov>
14. Поварич И. П., Морозова Е. А. Социальная политика в Кузбассе // Деловой Кузбасс. 2006. № 12.
15. Потапова Ю., Орлов А. Невеселая Грива // Российская газета. 2013. 31 октября.
16. Репов С. Полный рецессец // Аргументы и факты. 2013. 17 – 23 июля.
17. Румянцев В. Российское село: расширенное воспроизводство бедности // Российская Федерация сегодня. 2005. № 6.
18. Социальная сфера Кемеровской области: стат. сб. Кемерово. 2001.
19. Социальное положение и уровень жизни населения Кемеровской области: стат. сб. Кемерово. 2012.
20. Статистический ежегодник Кемеровской обл. Ч. I: стат. сб. Кемерово, 1994. С. 85 – 87. Статистический ежегодник Ч. I. Кемерово, 1999.
21. Тулеев А. Г. Кузбасс. Сибирь. Россия. Губернаторская пятилетка (1997 – 2002 гг.). Кемерово. 2002.

Информация об авторе:

Мальцева Нина Николаевна – аспирант кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, начальник управления образования администрации Ленинск-Кузнецкого муниципального района, ruoik@mail.ru.

Nina N. Maltseva – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University; Head of the Department of education, Administration of Leninsk-Kuznetsk municipal district.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК [550.8:553.3/4]“18.30-40”(571.150)

РАЗВЕДКА И ДОБЫЧА ЗОЛОТОНОСНЫХ РОССЫПЕЙ В АЛТАЙСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ В КОНЦЕ 30-Х – НАЧАЛЕ 40-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

М. Н. Мякишев

EXPLORATION AND PRODUCTION OF GOLD PLACERS IN THE ALTAI MINING DISTRICT IN THE LATE 1830S – EARLY 1840S

M. N. Myakishev

Статья посвящена истории разведки и добычи золотых россыпей на кабинетских землях Алтайского горного округа в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века. Подробно рассмотрена деятельность поисковых партий на данной территории с точными географическими указаниями, количеством разведанного и добытого золота. Проанализирована деятельность Горного правления, которая свидетельствует о грамотном руководстве золотодобывающей отраслью в этот промежуток времени.

The paper addresses the history of exploration and extraction of gold placer on cabinet lands of the Altai mountain district in the late 1830s – early 1840s. The author considers the searching parties' activity this territory and gives details about the exact geographical locations and the amount of explored and extracted gold. The activity of Mountain board which testifies to the competent management of gold mining branch in this period is analysed.

Ключевые слова: казенные земли Алтая, поисковая партия, золото, золотые прииски, Горное правление.

Keywords: state lands of Altai, searching party, gold, gold mines, Mountain board.

С конца 30-х гг. до первой половины 50-х гг. XIX в. золотопромышленность Алтайского горного округа успешно развивалась благодаря деятельности Министерства финансов, которое ставило целью в первую очередь увеличение добычи золота. Горное правление посылало новые поисковые группы в ранее не изученные районы округа, не без основания полагая, что там может быть открыто еще много богатых россыпей. Кроме того, существовала вероятность найти месторождения алмазов и платины, как это произошло в Уральском горном округе [1]. В 1847 г. Российская империя не без помощи алтайского золота заняла первое место в мире по его добыче. В 1850 г. в Сибири добывалось уже более 70 % российского благородного металла [2, с. 322].

С целью оказания методической помощи горным офицерам в розыске золота в 1839 г. в Штабе Корпуса Горных Инженеров были разработаны «Практические замечания о золотоносных россыпях», где были рассмотрены особенности Уральских и Алтайских россыпей, указана средняя длина, ширина и толщина залегания, отмечено, на какой породе они лежат, упомянуты геологические приметы, на которые надо обращать внимание [3].

1839 г. был не богат на открытия. На поиски золота было истрчено около 10 тыс. руб., и сформировано две разведывательные команды [4, с. 90]. Одной было приказано исследовать лога и речки, принадлежащие к вершинам Мрас-Су, другой – вершины рек Кондомы и Бии. Найдена была лишь одна россыпь партией шихт-мейстера Гребенщикова по речке Тихой, впадающей в вершину Мрас-Су с левой стороны. Толщина пласта 3/4 аршина (53,25 см), ширина 15 сажень (32 м), среднее содержание золота в 100 пудах 1 з. 2 д., примерное количество золота в россыпи оценили в 7 п. 17 ф. Россыпь лежала на сиените и зеленом камне. Планировалось на этот год промыть 11068233 пудов песка и добыть из него 30 пудов золота, однако в реальности было промыто 11010101 пуд и добыто из него лишь 21 п.

24 ф. 83 з. драгоценного металла. Невыполнение плана было связано с резким обеднением россыпей, в которых количество золота упало с 1 з. 5,65 д. до 72, 125 д. [5, л. 168 об. – 169]. Снижение в целом повлияло на общую добычу золота в Российской империи. По данным И. С. Боголюбского, она увеличилась всего на 3 пуда и составила 495 п. 32 ф. [6, с. 115].

В 1840 г. Горным правлением к истокам реки Томи было направлено на поиски золота две партии, каждая в количестве 26 человек. Первой группе предстояло исследовать реки и лога с правой стороны течения, второй – с левой стороны. Над обеими партиями был поставлен всего один руководитель (по причине небольшого расстояния между ними и для сокращения расходов) – горный инженер поручик И. Г. Принг. В помощники ему были даны урядник 3-й статьи Тузовский и младший чертежник Чупортнев. Перед управляющими Змеиногорского, Локтевского, Салаирского и Томского краев стояла задача поиска россыпного золота на их территориях. На две золотоносные разведывательные партии было выделено по смете 7 тыс. 228 руб. ассигнациями [7, л. 5 – 7 об.]. В итоге группами И. Г. Принга была обнаружена только одна россыпь золота по реке Большой Казас с содержанием от 42 д. до 1 з. 4 д. [7, л. 302 – 310]. В окрестностях действующих золотых промыслов так называемая экономическая разведка привела к посредственным результатам. В рапорте штабс-капитана Быкова сказано, что в округах Мрасском и Терсинском золотосодержащие россыпи не открыты. В Успенском новых открытий не сделано, однако продолжалась разведка россыпи в вершинах Филипповского лога, которая была длиной 150 сажень (319,5 м.), шириной от 3 до 6 сажень (6,4 – 12,8 м), толщина пласта составляла от 1/2 до 1 аршина (35,5 – 71 см). Среднее содержание золота в россыпи равнялось примерно 1 з. 36 д. в 100 пудах песка. На Егорьевском золотом промысле разведка на новых местах не производилась из-за недостатка средств. На Пезасском прииске разведали две россыпи: по реке

Пезас с содержанием 78,5 д. и по ключу Надежному с содержанием в 1 з. 14,75 д. В округе Мунгайского золотого промысла новые россыпи не были найдены.

Администрация округа стала больше внимания уделять найденным ранее залежам, которые вначале посчитали неблагонадежными. Так, по реке Петрушихе, разведанной еще в 1830 г., хотя и обнаружили золото, но посчитали недостаточным для добычи. После повторной разведки в 1840 г. была открыта богатая россыпь длиной 150 саженей (319,6 м.), шириной от 8 до 16 саженей (17 – 34 м), толщиной пласта от 1 до 3 аршин (71 – 213 см). Среднее содержание золота в золотоносном пласте 1 з. 3,5 д. [7, л. 327 – 328].

Алтайский горный округ в рассматриваемый год перевыполнил планы Горного правления и по промывке песка, и по добыче благородного металла. Было обработано 14 399 773 п. песка и получено из него 34 п. 28 ф. 82 з. 12 д. золота, что превысило нормативы приблизительно на 350 тыс. п. и 4,5 п. соответственно. В целом для Российской империи 1840 год стал годом серьезного роста добычи благородного металла. Всего с казенных и частных рудников Урала было получено около 300 пудов золота. В Сибири с казенных и частных приисков – 246 пудов и с Нерчинского округа – 6 пудов. Всего 551 пуд и 35 пудов золота, добытого из серебра Алтая и Нерчинска. Итого, по нашим подсчетам, было извлечено 586 пудов драгоценного металла, что больше добытого в 1839 г. на 91 пуд (+15,5 %). Такой рост можно объяснить увеличением добычи в Восточной Сибири.

По прошествии десяти лет со дня открытия золота в Колывано-Воскресенском округе неразведанных территорий на нем осталось немного, и все они были трудно доступны. Поэтому снизилось количество отправляемых разведывательных партий с 8 до 3. Уменьшение компенсировалось тем, что количество действующих приисков увеличилось, и вслед за ним увеличилась добыча драгоценного металла. К 1841 г. работало 8 крупных промыслов: Егорьевский, Терсинский, Пезаский, Успенский с Боголюбским (рядом), Урский, Мунгайский, Петропавловский на Мрас-Су и Стрижковский (рядом), Царево-Николаевский [8, л. 83 – 84]. Как мы видим, из этого списка некоторые прииски были объединены из-за своей близости друг к другу, и на них выделялись общие нормы выработки песка и золота. Самый крупный из промыслов был Царево-Николаевский с 928 рабочими. Он же был и самым продуктивным казенным прииском. В 1841 г. с его россыпи добыли 16 п. 18 ф. 90 з. [8, л. 84]. По нашим подсчетам, это равнялось примерно 50 % от всего добытого россыпного золота Алтая, добытого в том же году. Даже в общероссийском масштабе этот промысел дал 2,55 % от общего количества благородного металла (646 п. 16 ф.) [6, с. 115]. Всего же на казенных приисках Алтая в данный период трудилось около 2404 человек [8, л. 83 – 84]. В 1841 г. на разведку было истрачено приблизительно 7 тыс. руб. и направленно на розыск две поисковые группы. Одной из них поручено было исследовать все реки и лога, впадающие с левой и правой стороны в реку Федоровку (но не касаться долины самой Федоровки), а затем исследовать речки и лога, впадающие в Ортон и Мрас-Су, до устья Заслонки [9, л. 46 – 46 об.]. Второй партии было необходимо

исследовать лога и реки, впадающие в Мрас-Су, начиная от того пункта, где кончается песчанниковая формация, до устья реки Заслонки. Разведка проходила по территории современной Горной Шории. Также Горное правление приказало произвести хозяйственными средствами поиск золота в окрестностях действующих золотых промыслов под наблюдением местных управляющих. С мая по октябрь совершали разведку партии, однако им ничего обнаружить не удалось. Управляющим действующих приисков повезло больше. В окрестностях Пезасского золотого промысла были произведены поиски по ключу Прокопьевскому, впадающему с правой стороны в реку Нижнюю Терсь. Содержание золота в россыпи колебалось от 1 до 7 золотников. Золотосодержащий пласт лежал на известняке на глубине около 2-х саженей (426 см). Толщина россыпи была от 1 до 1,5 аршин (71 – 106,5 см), ширина от 10 до 25 саженей (21,3 – 53,25 м), длина 185 саженей (194 м). Примерное количество золота в россыпи 2 пуда 16 ф. 25 з.

В окрестностях Егорьевского золотого промысла были открыты три небольшие россыпи. Первая по логу 1-му Петровскому, впадающему с левой стороны в реку Суенгу, с содержанием золота от 48 до 80 долей в 100 пудах. Длина золотого пласта 54 сажени (115 м), толщина 3 аршина (213 см), ширина 2 сажени (426 см). В россыпи заключалось примерно 7 ф. 3 з. Вторая россыпь была найдена по логу 3-му Петровскому, впадающему с правой стороны в реку Суенгу, с содержанием золота от 24 до 48 долей. Длина россыпи 150 саженей (319,5 м), толщина 2 аршина (142 см), ширина 3 сажени (6,4 м). Примерное количество золота в россыпи 11 ф. 29 з. Третья по реке Суенге по левому ее берегу в трех небольших логах, с содержанием золота от 40 до 72 долей в 100 пудах. Длина золотого пласта 300 саженей (639 м), толщина 1,25 аршина (89 см), ширина 1 сажень (213 см). Россыпь содержала примерно 6 ф. 75 з. 4 д.

В окрестностях Салаирского рудника были открыты две небольшие россыпи:

1) по реке Куболде, впадающей с левой стороны в реку Черновой Бесчат, на расстоянии 7,5 верст (8 км) от Салаирского рудника. Золотой пласт содержал в 100 пудах 36 долей. Россыпь в длину 80 саженей (170 м), в ширину 7 саженей (14,9 м), в толщину 3/4 аршина (53,25 см); лежала на глубине до 1 3/4 сажени (3,73 м). Примерное количество золота в россыпи 5 ф. 66 з. 84 д.;

2) по реке Большой, впадающей с правой стороны в реку Большую Толмовую, с содержанием золота около 32 долей в 100 пудах. Длина россыпи 70 саженей (149 м), лежала на глубине 4,5 сажени (9,6 м). Россыпь из-за наступления осени полностью не была разведана [10, с. 153 – 160].

Также производилась разведка вблизи других золотых промыслов, но она была мало результативна. По нашим подсчетам, в 1841 г. в общей сложности нашли 5 россыпей со средним содержанием в 1 золотник в 100 пудах, в которых было заключено более трех пудов золота. Этот небольшой результат не сопоставим с Уральскими казенными заводами. Уральские поисковые группы в 1841 г. нашли несколько богатейших россыпей с общим объемом предположительно 100 п. 24 з. 70 д. [11, с. 167 – 168].

Горное правление, увидев рост добычи золота в 1840 г., увеличило план на 1841 г. с 30 до 32 п. 10 ф. Также было увеличено количество обработанного песка на незначительные 60 тыс. пудов. План по добыче благородного металла был выполнен и составил 32 п. 36 ф. 46 з. 48 д. Промыто золотоносного песка было меньше, чем запланировано (вместо 14101250 всего 13760225 пудов). Нужно количество золота удалось добыть лишь благодаря тому, что пески оказались богаче, чем предполагалось. Количество разведанного золота к 1841 г. составляло 300 п. 8 ф. 30 з. 30 д. [5, л. 168 об. – 169]. Расходы на всех приисках составили 157 тыс. 254 руб. 75 коп., что меньше запланированного примерно на 11 тыс. руб. Вследствие этого 1 золотник драгоценного металла обошелся казне в 1 руб. 24,25 коп. [8, л. 83 – 84]. Наиболее дешево обходилось золото, добытое с Царево-Николаевского промысла (всего 72 коп. за 1 золотник). По нашему мнению, это было связано с тем, что этот промысел был самым механизированным из всех казенных приисков, соответственно при меньшей численности работников промывали большее количество песка. Посетивший его в 1844 г. ученый-геолог Г. И. Щуровский отмечал, что на промывке песка задействовано помимо чаш и корыт Бурлаковская машина, а подвоз песков к промывке происходил по железной дороге. Для откачки воды была устроена штанговая машина [12, с. 167].

В 1842 г. было направлено на разведку две поисковые группы [9, л. 196 – 197]. В этот год на их снаряжение было потрачено всего около 5 тыс. руб., это был один из самых минимальных расходов за 1840-е гг. Одной группе под руководством губернского секретаря Ишкарина было поручено исследовать все реки и лога, впадающие с правой и левой сторон, в вершины реки Мрас-Су, а также долины этой реки с того места, где была закончена разведка в 1841 г. Другой партии, которой распоряжался поручик Семянников, приказано было обследовать окончательно все лога и реки рядом с реками Мрас-Су и Ортоном, оставшимися неисследованными в 1841 г. Как видим, снова в поле зрения Горного правления оказалась Горная Шория. В первой партии было 35 человек, во второй – 30, к каждой партии был приставлен урядник для надзора за рабочими. Кроме этих партий в поиске были задействованы управляющие местными действующими золотыми промыслами в Змейногорском, Локтевском, Салаирском и Томском краях. Поиски для двух разведывательных партий оказались неудачными.

В окрестностях действующих золотых промыслов дела обстояли более благополучно. Самой крупной находкой 1842 г. стала россыпь, найденная рядом с Царево-Николаевским прииском. Она была обнаружена штабс-капитаном Ястршембским по реке Веселой. Содержание золота в ней было от 12 долей до 13,5 золотника, толщина золотоносного пласта от 2 до 9 четвертей (35,5 – 160 см), лежал он на глинистом сланце, порфире и сиените. Среднее содержание золота в россыпи было примерно 1 з. 37 д., всего можно было получить до 23 п. 32 ф. 45 з. 48 д. В дальнейшем эту россыпь объединили с Царево-Николаевским прииском, который в результате стал еще более прибыльным.

В окрестностях Егорьевского золотого промысла были открыты четыре небольшие россыпи, самая богатая из которых была с содержанием всего от 24 до

40 долей. В окрестностях Мунгайского золотого промысла разведка проходила по рекам Преображенке и Омутной, но были обнаружены лишь слабые признаки драгоценного металла.

В окрестностях Успенского золотого промысла были открыты четыре небольшие золотосодержащие россыпи. Самая крупная была разведана по реке Малой Поперечной, впадающей в реку Большую Поперечную, с содержанием золота от 16 долей до 1,5 золотника. Длина россыпи равнялась 1 версте 220 саженьям (1550 м), толщина 1 аршин (71 см), ширина 10 саженьей (21,3 м), примерное количество золота 3 п. 28 ф. 42 з.

В окрестностях Петропавловского золотого промысла на Мрас-Су производилась разведка по рекам: Матвеевке, Азаксу, Сосновой и Быстрой. Признаков золота не было обнаружено.

Крупную россыпь нашли вблизи Петропавловского золотого промысла на Терси по ключу Басалаевскому, впадающему с правой стороны в реку Красную, с содержанием золота в 100 пудах от 15 долей до 1 золотника 84 долей. Толщина россыпи оказалась 3¼ аршина (53,25 см), длина 1 верста 200 саженьей (2556 м), ширина 6 саженьей (12,8 м), примерное количество золота 1 п. 28 ф. 34 з. 48 д. Рядом с Салаирскими рудниками была найдена одна небольшая россыпь с содержанием золота приблизительно 2,5 фунтов [13, с. 213 – 222].

В окрестностях Томского и Локтевского заводов разведка золота не проводилась из-за недостатка рабочих: все людские резервы с заводов были направлены на действующие золотые промыслы. Администрация Алтайского горного округа стала еще более активно исследовать давно открытые залежи золота, однако по разным причинам, например, из-за невысокого содержания золота в россыпи или ее труднодоступности добыча не велась. В округе Стрижковского золотого промысла в семи верстах по реке Петровской была продолжена шурфовка россыпи, открытой еще в 1835 г. Золота в ней обнаружили от 30 долей до 2,5 золотников. Кроме того, по распоряжению Горного начальника была направлена партия на реку Кочуру, впадающую в Кондому, для разведки россыпи, открытой штабс-капитаном Олышевым в 1838 г. Он целиком ее не разведал из-за притока воды. Длина россыпи была 160 саженьей (341 м), толщина от 1 четверти до 1½ аршина (17,8 – 35,5 см), ширина от 28 до 40 саженьей (59,6 – 85,2 м), среднее содержание золота от 20 долей до 1,25 золотника. Дальнейшая разведка показала еще более богатое содержание золота, и было принято решение, что здесь можно ставить прииск. Всего, по подсчетам Горного правления, было открыто золота в 1842 г. 33 п. 33 ф. 47 з. 10 д., со средним содержанием 72,625 доли в 100 пудах [13, с. 223 – 224].

Количество разведанного золота на Алтае в 1842 г. едва покрывало его добычу, следовательно, запасы благородного металла остались на уровне 300 пудов [5, л. 169 – 169 об.]. Было запланировано промывать в этом году 14 231 632 пуда песка и добыть 32 п. 10 ф. 22 з. 48 д. [5, л. 169 – 169 об.; 8, л. 245 – 246]. Основная намеченная нагрузка по добыче приходилась на Царево-Николаевский промысел (18 п. 14 ф.). Однако план не был выполнен. Промыли всего 12474862 пудов и получили из него 31 п. 14 ф. 46 з. Сокращение добычи было вызвано тем, что перестал действовать Успенский золотой прииск, и действующих промыслов осталось 7.

Количество золота могло быть значительно меньше, если бы не повысившийся уровень содержания золота в россыпях, вместо запланированных 83,5 доли реально было 91,125 доли.

Разведка в 1843 г. на Алтае не принесла существенных результатов. На поиск золота было направлено две партии [9, л. 408 – 408 об]. Группе под руководством горного чиновника Мензбира было поручено исследовать реки Кобырза, Тазас и Камзас, впадающие в Мрас-Су с правой стороны. Вторая партия под руководством чиновника Моора должна была, во-первых, окончательно провести разведку россыпи по реке Кочур, открытой поручиком Олышевым в 1838 г. Во-вторых, исследовать речки и лога в окрестностях данной россыпи. Также была назначена особая золотоискательная партия для исследования рек, впадающих в реки Чую и Катунь, там, где путешествовал в 1842 г. известный ученый, камер-юнкер П. А. Чихачев. Экономическую разведку золота было приказано предпринимать в Локтевском, Змеиногорском, Салаирском и Томском краях, а также в окрестностях действующих золотых промыслов.

1-я Мрасская партия Мензбира не нашла значительных признаков золота. Вторая, названная Кондомской, исследовала 8 речек и ключей и обнаружила 3 россыпи. Самая богатая из них была найдена по реке Кабардинке, которая впадает в Кондому ниже реки Кочуры в 7 верстах (7,5 км). Длина россыпи составляла 4 версты 200 сажень (4,7 км), содержание золота от 1½ до 5 золотника в 100 пудах, ширина золотоносного пласта 7 сажень (14,9 м), толщина 1 аршин (71 см), лежал он на глубине от 2 до 4 аршин (142 – 284 см). При среднем содержании золота в 3¼ золотника с нее можно было намыть до 3,25 пудов.

В округе Егорьевского золотого промысла партией, находившейся в распоряжении пристава промысла поручика Полетика, 1-го была найдена россыпь по ключу Надежденскому, впадающему в реку Большой Тайлы. Россыпь была длиной 150 сажень (319,5 м), толщиной 1 аршин (71 см), шириной от 6 до 14 сажень (12,8 – 30 м), лежала на глубине от 4 до 5 1½ аршин (284 – 390 см), содержание золота 50 долей на 100 пудов. Примерное количество всего золота – до 1 пуда.

Возле Петропавловского промысла на Мрас-Су партией под руководством пристава промысла, губернского секретаря Юргенсона 2-го, была открыта россыпь с общим содержанием золота более 1 пуда.

Недалеко от Салаирского рудника партией под руководством управляющего Салаирским краем майором А. Я. Фрезе была открыта небольшая золотоносная россыпь в верховьях речки Толмовой. Длина россыпи была 75 сажень (160 м), ширина 5 сажень (10,65 м), толщина 10 вершков (44,4 см), содержание золота от 30 долей до 1 золотника 80 долей, приблизительно россыпь содержала до 4 фунтов золота. Всего за 1843 г. из семи найденных золотоносных россыпей можно было получить до 7 п. 4 ф. драгоценного металла.

В непосредственной близости от действующих приисков началась дополнительная разведка. Была обнаружена россыпь по ключу Попугаевскому, которая являлась продолжением Успенского промысла. В ней обнаружили до 30 фунтов золота. Ниже Петропавловского промысла на Мрасе по реке Базасу найдена россыпь с содержанием от 60 до 80 долей в 100 пудах.

Самая удачная разведка такого типа оказалась по реке Веселой, рядом с Царево-Николаевским промыслом. В двух разрезах содержание золота колебалось от 1 з. 1,125 д. до 2 з. 0,75 д. [14, с. 209 – 222]. В связи с очень небольшим объемом разведанного золота запасы его в целом сократились с 300 до 280 пудов [5, л. 168 об. – 169]. На казенных приисках Урала дела обстояли лучше, хотя там тоже происходило сокращение. В 1843 г. на Урале было добыто около 140 пудов, а разведано лишь 129 п. 10 ф. 62 з. 64 д. [15, с. 116].

В 1843 г. было запланировано промыть песка и добыть золота 12 526 314 п. и 32 п. 10 ф. соответственно. Как видим, Горное правление подстраивало свои планы к реальному производству, а не действовало спонтанно. В 1842 г. наметился спад в обработке песка, и в связи с этим администрация округа решила снизить план добычи по обоим статьям.

На деле в 1843 г. произошло перевыполнение плана: было промыто песка 13 158 171 пуд, золота получено 33 п. 28 ф. 87 з. 38 д. Правление увеличило план по добыче благородного металла на 1844 г. до 33 п. 10 ф., то есть на 1 пуд [5, л. 168 об. – 169]. В общероссийском масштабе доля алтайского казенного золота стремительно уменьшилась, так как в Восточной Сибири золотопромышленность развивалась огромными темпами. В 1843 г., по нашим подсчетам, эта доля составила 2,7 % [6, с. 115].

В 1844 г. Горное правление снарядило три золотоискательские партии, истратив на это, по данным В. Н. Мамонтова, менее 5 тыс. руб. [4, с. 90]. Первая партия под руководством поручика Полетика 2-го должна была исследовать лога и реки, принадлежащие к системе реки Тайдон, впадающей в Томь. Партия была направлена туда в связи с тем, что на противоположном склоне Кузнецкого Алатау частные золотопромышленники открыли несколько богатых россыпей. Вторую партию во главе с кандидатом Пирожковым направили исследовать реку Уса, впадающую в Томь с правой стороны. Третья партия разведывала реку Кондому. Ей было приказано исследовать открытую в 1843 г. горным чиновником Моором россыпь по реке Кабардинке и близлежащие места. Все партии проводили тщательную геологическую разведку с подробным описанием горных пород. Как видим, в 1844 г. интерес Горного правления был перенаправлен с Горной Шории на Кузнецкий Алатау, так как две поисковые группы были отправлены именно туда.

Партией поручика Полетика 2-го была обнаружена только одна россыпь, стоящая разработки, по реке Орловке. Длина россыпи была 250 сажень (532 м), ширина 18 сажень (38 м), толщина 3¼ аршина (53,25 см), лежала на глубине 3 аршина (213 см). Среднее содержание золота составляла 93 доли в 100 пудах. Примерное количество золота – более 2 пудов 30 фунтов. По реке Усе производились первые поиски золота, и все ждали открытий, так как она протекала рядом с двумя золотыми промыслами: Терсинским и Пезаским. Из двух вершин разведали только правую, северо-восточную вершину с реками: Тихая, Быстрая, Глухая, Песчаная и Гранитная. Поиски окончились неудачей. Третья партия окончательно разведала россыпь по реке Кабардинке. Среднее содержание золота в россыпи оказалось высоким – 1,75 золотника. По реке Кыдашу этой же партией была обнаружена россыпь. Дли-

на ее составляла 400 сажень (852 м), ширина 4 – 5 сажень (8,5 – 10,65 м), толщина 1 – 1,5 аршина (71 – 106,5 см), лежала на глубине от 4,5 до 5,5 аршина (319,5 – 390 см), среднее содержание золота составляло 69 долей в 100 пудах. Примерное количество золота в россыпи 1 пуд 12 фунтов.

Одновременно управляющим действующими промыслами было приказано изучить содержание и благонадежность россыпей, открытых несколько лет назад. В итоге возле Пезасского прииска были разведаны реки Невольная и Северная, возле Терсинского – река Смирновка. Исследования показали, что разработка возможна. Поиски в окрестностях Царево-Николаевского и Петропавловского золотых промыслов были безрезультатными. Приставом Егорьевского промысла по логу Осыпному была найдена богатая россыпь длиной 175 сажень (373 м), толщиной 3 сажень (6,4 м), лежала на глубине 4 аршина (2,84 м), среднее содержание золота в 100 пудах песка 87,5 доли. Примерное количество золота в россыпи – свыше 8,5 пудов. Это открытие было важно, так как Егорьевский промысел был сильно выработан, и встал вопрос о переводе рабочих на другие предприятия. Всего же за 1844 г. были разведаны 3 россыпи с общим содержанием золота до 12,5 пудов [16, с. 247 – 259]. В связи с этим запасы россыпного золота сократились с 280 до 252 пудов [5, л. 168 об. – 169].

Был перевыполнен план по промывке песка. Однако из-за сокращения содержания золота в россыпях его добыли примерно на 1 пуд меньше нормы. В 1844 г. добыча на кабинетских золотых приисках Алтая составила 32 п. 16 ф. 14 з. со средним содержанием золота в россыпях 86,25 доли в 100 пудах [5, л. 168 об. – 169].

Подводя итоги данному этапу развития золотопромышленности Алтайского горного округа можно отметить, что, во-первых, Горное правление стало больше уделять внимание бедным россыпям. Требовалось все большее количество золота, а учитывая, что старые прииски иссякали, приходилось разрабатывать то, что оставалось. Также Горное правление нашло решение проблемы в поиске россыпей рядом с действующими приисками. Во-вторых, наблюдалась следующая закономерность: из года в год результативность разведки золота поисковыми партиями сокращалась. В связи с этим администрация округа стала уменьшать количество разведывательных групп. Их работа стала малоэффективной по сравнению с так называемой экономической разведкой. В-третьих, остро ощущалась нехватка людей, из-за которой тормозились поиски и добыча золота. Это серьезная проблема касалась всей Сибири XIX в., население которой увеличивалось не на столько, чтобы успевать за быстро растущей промышленностью.

Литература

1. Бегер Ф. Ф. Изложение о поисках серебряных руд и золотоносных россыпей в округе Колывано-Воскресенских заводов для руководства партионным офицерам // Горный журнал. 1831. № 12.
2. Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006. 420 с.
3. Практические замечания о золотоносных россыпях // Горный журнал. 1839. № 5.
4. Мамонтов В. Н. Материалы к истории разведочного и поискового дела в Алтайском округе Ведомства Кабинета Его Императорского Величества // Горные и золотопромышленные известия. 1910. № 11.
5. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1831.
6. Боголюбовский И. С. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877. 138 с.
7. ГААК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 29.
8. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1691.
9. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО) Ф. Д-6. Оп. 1. Д. 151.
10. Отчет о действии в 1841 году поисковых партий в округе Колывано-Воскресенских заводов // Горный журнал. 1842. № 4.
11. Об открытиях, сделанных золотоискательными партиями в округах Уральских казенных заводов, в 1841 году // Горный журнал. 1842. № 4.
12. Щуровский Г. Е. Геологическое путешествие по Алтаю с историческими и статистическими сведениями о Колывано-Воскресенских заводах. М., 1846. 431 с.
13. Отчет о действии в 1842 году поисковых партий в округе Колывано-Воскресенских заводов // Горный журнал. 1843. № 5.
14. Отчет о действии поисковых партий в Алтайском горном округе в 1843 году // Горный журнал. 1844. № 5.
15. О количестве золота, открытого разведками в 1843 году, в казенных округах Уральских заводов // Горный журнал. 1844. № 4.
16. Отчет о действии поисковых партий в Алтайском горном округе в 1844 году // Горный журнал. 1845. № 8.

Информация об авторе:

Мякишев Михаил Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и психологии Кемеровской государственной медицинской академии, mihail_myakishev@mail.ru.

Mikhail N. Myakishev – Candidate of History, Senior Lecturer at the Department of History and Psychology, Kemerovo State Medical Academy.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК (9457117): 334.7882 “199/200”

ОСНОВАНИЕ КУЗБАССКОЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ И РАЗВИТИЕ ЕЁ ЧЛЕНСКОЙ БАЗЫ В 1991 – 2010 ГГ.

Н. Р. Новосельцев

ESTABLISHMENT OF KUZBASS CHAMBER OF COMMERCE AND INDUSTRY AND DEVELOPMENT OF ITS MEMBERSHIP IN 1991 – 2010

N. R. Novoseltsev

В статье автором выделены основные этапы развития Кузбасской торгово-промышленной палаты (далее – КТПП) на основе следующих критериев: изменение нормативно-правовой основы, организационной структуры, изменение количественных и качественных характеристик членской базы. Особое внимание уделено изменению количественных характеристик членской базы КТПП, которые ярко характеризуют процесс развития. В результате исследования автор пришел к выводу, что количественная характеристика является одним из критериев, определяющих развитие КТПП. Рост членской базы КТПП за 20 лет подтверждает тот факт, что механизм КТПП и условия членства были понятны и привлекательны для малого бизнеса.

The author allocates the main stages of development of the Kuzbass Chamber of Commerce and Industry on the basis of the following criteria: change of a standards and legal basis and organizational structure, change of quantitative and qualitative characteristics of the members. Special attention is paid to change of quantitative characteristics of the Chamber's member base which brightly characterize the development. As a result of research the author came to the conclusion that the quantitative characteristic is one of the criteria defining the Chamber's development. The Chamber's member base growth over 20 years confirms that fact that the Chamber's mechanism and conditions of membership were clear and attractive for small business.

Ключевые слова: Кузбасская торгово-промышленная палата, Кузбасс, Администрация Кемеровской области, члены палаты.

Keywords: Kuzbass chamber of commerce and industry, Kuzbass, Administration of Kemerovo region, Chambers' members.

Во второй половине 1980-х гг. под влиянием общих процессов перестройки был взят курс на реформирование экономической модели развития государства. Административно-командные механизмы регулирования экономикой заменялись рыночными. Были приняты законы СССР «О кооперации в СССР» и «Об индивидуальной трудовой деятельности».

Реформы в сфере экономики затронули все экономические институты, в том числе и Торгово-промышленную палату СССР (далее – ТПП). В ходе реорганизации системы ТПП в конце 1980-х гг. стали создаваться региональные отделения ТПП СССР.

В январе 1989 г. на базе Центрально-Сибирского регионального отделения ТПП СССР было создано Кемеровское представительство [1, с. 1]. Директором была назначена Т. О. Кривошеева (Алексеева). Основной деятельностью представительства была экспертиза качества и количества товаров, комплектности оборудования по заявкам предприятий и организаций. В Уставе КТПП именовалась независимой некоммерческой общественной организацией, объединяющей своих членов на добровольной основе; действовала на основании полного хозрасчета, самофинансирования и самоокупаемости и являлась правопреемником Кемеровского представительства Центрально-Сибирской ТПП [2, с. 1 – 6].

Согласно Уставу, основными функциями палаты являлись: помощь и защита членов палаты; содействие развитию производства конкурентоспособной продукции и осуществлению процессов приватизации; создание акционерных обществ, совместных предприятий; приглашение и принятие представите-

лей и делегаций иностранных деловых кругов и общественных организаций; организация международных выставок и проведение национальных торгово-промышленных выставок за границей и др.

Членами палаты могли стать не только предприниматели, руководители предприятий, но и иностранные физические лица, признающие устав и выполняющие его.

Высшим органом КТПП являлось общее собрание членов, которое созывалось не реже одного раза в два года. Общее собрание определяло основные направления деятельности КТПП, избирало Совет (и определяло количество его членов) и Президента палаты. Руководит общим собранием председатель. Советом же руководит президент. К функциям Совета относились: организация выполнения решений общего собрания членов палаты, принятие решений о создании и прекращении деятельности разных подразделений палаты, принятие решений по вопросам внешнеэкономической деятельности. Президент избирается на 5 лет. Он организует работу палаты, решает самостоятельно все вопросы, кроме тех, которые относятся к компетенции Совета и общего собрания.

Источниками доходов КТПП являлись вступительные взносы, прибыль от хозяйственной деятельности структурных предприятий, добровольных пожертвований на развитие палаты [2, с. 6 – 8].

18 декабря 1991 г. состоялось собрание [3], решением которого 29 кузбасских предприятий учредили КТПП, и в этот же день был принят и утвержден первый устав палаты. Устав КТПП [4, с. 1 – 6] редактировался девять раз за двадцатилетний период с изме-

нением экономической и политической ситуации в стране. К самым существенным поправкам следует отнести изменение формулировки «независимая общественная организация» на «негосударственная некоммерческая организация». Таким образом, детализируется основа финансирования палаты – не за счет государства, а только членские взносы. Расширена значительно вторая глава. В уставе (редакция от 28.09.2007 г.) рассматриваются предмет, цели и задачи КТПП в добавлении к функциям. Вместо формулировки «содействует осуществлению процессов приватизации» содержится «содействует привлечению инвестиций в экономику Кузбасса». Этот тезис подтверждает тот факт, что палата не стоит на месте, а меняется в ногу со временем. Также новый тезис «участвует в работе по повышению конкурентоспособности кузбасской и российской продукции на внутреннем и мировом рынках» говорит, что КТПП преодолела переход к рыночной экономике и функционирует в соответствии с данной моделью.

С течением времени органы управления претерпели большие изменения. В уставе от 18.12.1991 г. высшим законодательным органом являлось общее собрание, в перерывах между собраниями иногда созывалось внеочередное собрание членов палаты. Основными функциями являлись: определение основных направлений деятельности, избрание президента и совета. Совет являлся исполнительным органом, так как организовывал выполнение решений общего собрания. В уставе от 28.09.2007 г. высшим руководящим органом является съезд. К функциям добавляется право утверждать, дополнять и изменять устав КТПП. Постоянно действующим в период между съездами является правление КТПП. У правления гораздо больше функций, чем у совета, и если последний орган имел четкий исполнительный характер, то у правления было больше законодательных инициатив.

Во исполнение указа президента РФ «О ТПП РФ» от 18 марта 1993 г. Администрация Кемеровской области приняла распоряжение [5]. Согласно этому документу руководителям различных властных структур рекомендовалось привлекать представителей КТПП к участию в разработке и осуществлении программ поддержки предпринимательства, выработке нормативных актов, включать по взаимному согласованию представителей КТПП в состав комиссий, рабочих групп по торгово-экономическому сотрудничеству.

В 1992 г. в КТПП открылись две фирмы «Кузбассэкспертиза» и «Кузбассвнешсервис». За четыре месяца 1992 г. эксперты «Кузбассэкспертизы» рассмотрели товаров более чем на 260 млн руб. Брак составил 4,7 %. Директор фирмы подчеркивала, что ошибок можно было бы избежать вовсе, если бы начинающие бизнесмены обратились в палату сразу, а не на последней стадии сделки.

«Кузбассвнешсервис» помогала фирмам найти зарубежного партнера для совместной деятельности, получить информацию об интересующей фирме, принять зарубежных гостей. В фирму также обращались с просьбами помочь в рекламе, в организации выставок и презентаций [6]. Расширяется сеть представительств

КТПП: открытие филиалов в Новокузнецке, Ленинск-Кузнецке, Прокопьевске, Юрге. В течение 1993 – 1994 гг. осуществлялись контакты с экспертами Фонда «Ноу-Хау» из Великобритании. Реализация программы началась с 1995 г.

Для выработки стратегии развития КТПП и для эффективного управления с 1998 г. составляются бизнес-планы развития. Первый бизнес-план был разработан специалистами КТПП с участием британской фирмы «Энтерплан» в 1997 г. Бизнес-планирование развития палаты дает возможность понять, какое место занимает КТПП в экономическом пространстве Кузбасса, в чем ее преимущества и где она уступает конкурентам, и как использовать свое положение для продвижения интересов членов КТПП.

Изучение рынка услуг в Кузбассе позволило определять потенциал палаты в предоставлении консалтинговых услуг и те направления, на которых палате необходимо концентрировать свои усилия для более эффективного развития. На основе всестороннего анализа работы составляются стратегический и рабочие планы, и на их основании делаются финансовые прогнозы развития палаты [7, с. 1]. Разработанная модель бизнес-плана позволила осуществлять мониторинг и контроль за развитием организации, иметь точный анализ существующего положения Палаты и давать реалистичный прогноз ее будущей деятельности.

Вопрос авторитета, способность участвовать в социально-экономической жизни региона, оценка деятельности палаты определяется состоянием и расширением членской базы.

В 1998 г. был выработан новый подход в работе с членами КТПП. Сегодня ежедневную связь с клиентами поддерживают специалисты по маркетингу. Все контакты служб и структур КТПП с членами палаты и клиентами регистрируются, чтобы оценить уровень удовлетворенности предоставляемыми услугами. Периодически рассылаются анкеты для выявления их актуальных потребностей. Членам Палаты услуги предоставляются бесплатно или со скидкой от 10 до 20 %. Новые методы работы с клиентами позволили увеличить членскую базу в 1998 году на 50 %.

Членами палаты на 1999 г. являлись 154 предприятия и организации разных форм собственности. Состав членской базы КТПП реально отражал качественные изменения, произошедшие в 1990-е гг. в инфраструктуре бизнеса Кемеровской области. Так, доля предприятий малого и среднего бизнеса в общем количестве членов ТПП составляла к концу 1990-х гг. 60 % (по сравнению с 12 % в 1994 г.), наблюдается ее постоянное увеличение. Это определило необходимость структурных изменений в КТПП, а также необходимость ориентировать текущую и перспективную деятельность на удовлетворение запросов и потребностей малого и среднего бизнеса.

Работа по бизнес-планированию была продолжена. Это позволило увеличить членскую базу с 75 предприятий в 1998 г. до 582 членов палаты в 2004 году и выйти на первое место по количеству членов палаты среди палат Сибирского региона.

В структуре Палаты в 1998 г. был создан отдел по работе с членами Палаты. Основной задачей отдела является реализация политики, направленной на укрепление и расширение членской базы. В городах области связь с членами Палаты обеспечивает филиальная сеть.

Таким образом, за период 1994 – 1999 гг. значительно увеличению количества членов Палаты способствовало организационное развитие. В каждом филиале КТПП была решена задача создания подразделений по работе с членами палаты. Эксперты по работе с членами Палаты в городах вели целенаправленную работу по привлечению предприятий города в члены Палаты через адресную рассылку информации о преимуществах членства, личные встречи с руководителями предприятий, работу на городских выставках – ярмарках. Первый этап в развитии КТПП датируется 1990-х гг.

Кроме того, подобная организация работы в городах области позволяла охватывать вниманием и клиентов филиалов, с которыми, в свою очередь, ведётся работа по привлечению в члены КТПП [8, с. 13 – 15].

Система оказания услуг членам Палаты складывалась в течение длительного периода времени с учётом уже имеющихся возможностей Палаты, а также потребностей предприятий и предпринимателей, которые выявлялись в результате анкетирования членов Палаты и опроса клиентов. Основная цель предоставления услуг бесплатно, то есть в счёт членских взносов, – это максимальное удовлетворение заявок и обращений, поступающих от членов Палаты. Это услуги, рассчитанные как на крупные промышленные предприятия, развивающие своё производство, экспорт продукции, так и на предприятия малого бизнеса, на организации всех отраслей и форм собственности. Это услуги по продвижению товаров как в другие регионы России, так и за рубеж, публикация информации в справочнике о членах Палаты на русском и английском языках, распространение информации на выставках в РФ и за рубежом, размещение информации на сайте Палаты в разделе «Коммерческие предложения», предоставление возможности пользования информационными и справочными фондами Палаты, другие услуги.

С укреплением деловой репутации Палаты в начале 2000-х гг. менялся подход к привлечению в члены Палаты. Так, если в 2002 г. основной приток членов Палаты обеспечивался за счёт адресной рассылки информации о Палате предприятиям, индивидуальных встреч с предпринимателями, работы на выставках – ярмарках, то в последующие годы приросту членской базы способствовало проведение тематических мероприятий. Их широкое освещение в средствах массовой информации привлекает в Палату значительное количество предприятий и организаций.

Достигнув к 2000 г. значительного прироста членов палаты, палата пошла по пути формирования отраслевых образований и комитетов. Такая форма объединения дает возможность решать отраслевые проблемы региона, выходить со своими вопросами на законодательную и исполнительную власти области. Члены палаты понимают целесообразность такого

объединения для более эффективного и успешного решения важных для них вопросов.

Деятельность общественных формирований при палате регламентировалась Уставом КТПП, соответствующими положениями об этих формированиях и осуществляется в соответствии планами их работы. При палате работали две гильдии – агропродовольственная и гильдия полиграфистов Кузбасса, комитет по безопасности предпринимательской деятельности. В декабре 2004 г. при Палате была создана третья гильдия – гильдия рекламистов Кузбасса. Задачами нового отраслевого объединения являлись защита интересов рекламной отрасли, её качественное развитие.

Во второй половине 2000-х гг. для КТПП сложилась непростая обстановка. Экономика страны переживала кризис, который отрицательно повлиял на развитие бизнеса и заставил многие предприятия пересматривать свои планы и максимально оптимизировать расходы. Активизировав деятельность, направленную на отстаивание базовых ценностей предпринимательства: экономическую свободу, социальную ответственность, новаторство и предприимчивость; а также продолжая работу по защите прав и интересов членов палаты, укреплению положительного образа кузбасского бизнеса в условиях выпавшего на этот период экономического кризиса, КТПП не только сохранила, но и упрочила положительную динамику роста количества ее членов. Членская база пополнилась за отчетный период еще 212 предприятиями и организациями. В конце 2010 г. Палата объединяла 794 хозяйствующих субъекта Кемеровской области.

Подразделения, созданные в городах области, также позволили приблизить услуги палаты к предприятиям с учетом особенностей развития территорий. В городах Новокузнецк, Междуреченск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий функционируют подразделения по работе с членами палаты. Эксперты в городах ведут целенаправленную работу по развитию членской базы через адресную рассылку информации о преимуществах членства, личные встречи с руководителями предприятий, работу на городских выставках – ярмарках, организацию тематических мероприятий с участием потенциальных членов в том числе.

Все сотрудники по работе с членами палаты в 2009 – 2010 годах прошли обучение в МИМОП ТПП РФ по курсу «Современные методы вовлечения в членство». Начальник и заместитель начальника ДРЧП прошли полный курс «Менеджмент торгово-промышленных палат», тем самым подтвердив соответствие квалификационным требованиям, предъявляемым к руководителям высшего звена управления системы торгово-промышленных палат Российской Федерации. Обучение позволило организовать непрерывную и системную работу по привлечению и работе с членами Палаты.

Почти на 30 % возросла членская база по итогам проведенных тематических встреч, профессиональных семинаров, презентаций, научно-практических конференций, на которых поднимались самые разнообразные темы: борьба с коррупцией, взяточничество, недобросовестное предпринимательство, дебиторская

задолженность, доступное жилье, энергосбережение, развитие свободной конкуренции и др. За 2006 – 2010 гг. прошло около 700 встреч.

В своей деятельности КТПП руководствуется принципом: «Там, где проблема, должен быть комитет». При этом большинство членов (79 %) участвуют в общественных формированиях по профессиональным интересам или отраслевому признаку. В ходе ежеквартальных заседаний гильдий и комитетов выявляются наиболее важные проблемы по направлениям деятельности и вырабатываются пути их решения. Успешно работают Агропродовольственная гильдия, Комитет по безопасности предпринимательской деятельности, Комитет по содействию внешнеэкономической и выставочно-ярмарочной деятельности, Комитет по инновационной и инвестиционной деятельности, Комитет по оценочной деятельности, Комитет по развитию малого и среднего бизнеса, Комитет по энергетической стратегии, Клуб юристов, Клуб маркетологов, Экспертный Совет по противодействию коррупции и недобросовестности при осуществлении гражданских прав, IT Клуб, Гильдия строителей.

Кузбасская ТПП традиционно организует собственные стенды на выставках, проводимых в регионе, где также ведется работа по вовлечению в члены Палаты. Презентации Кузбасской ТПП ежегодно проходят в рамках Международной недели предпринима-

тельства и бизнеса, Международной специализированной выставки технологий горных разработок «Уголь России и Майнинг», Кузбасского международного угольного форума и выставки-ярмарки «Экспо-Уголь».

Подводя итог, можно сказать, что за прошедшие 20 лет КТПП увеличила количество членов с 29 в 1991 г. до 794 в 2010 г., т. е. более чем в 25 раз. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что КТПП удалось создать условия для развития малого бизнеса (членов КТПП) за счет хорошо организованной структуры КТПП и надежной политики по работе с членами палаты.

В формировании и развитии КТПП можно выделить два этапа. Первый этап охватывает 1991 г. – 2000 г. Он связан с созданием КТПП в 1991 г.; первыми шагами в области экспертизы, организации выставок, ярмарок; участия в фонде «Ноу-хау» по поддержке малого предпринимательства и создание первого бизнес-плана и открытия учебно-делового центра. Также закончилась формироваться филиальная сеть КТПП. На втором этапе (2000 г. – 2010 г.) КТПП увеличила число членов к 2010 г. до 800. Была создана гильдия рекламистов Кузбасса и клуб юристов. В кризисные 2007 – 2009 гг. активность палаты не упала, а усилилась. КТПП стала центром решения проблем малого бизнеса на региональном уровне.

Литература

1. Текущий архив (далее ТА) КТПП. Летопись Кузбасской торгово-промышленной палаты.
2. ТА КТПП. Устав Кузбасской торгово-промышленной палаты от 18 декабря 1991 г.
3. ТА КТПП. Протокол общего собрания действительных членов Кемеровского представительства Центрально-Сибирской ТПП от 18 декабря 1991 г.
4. ТА КТПП. Устав Кузбасской торгово-промышленной палаты от 18 декабря 1991 г.
5. ТА КТПП. Распоряжение Администрации Кемеровской области от 23.12.1994 № 956-р «О деятельности Кузбасской торгово-промышленной палаты».
6. Не оружейная, не грановитая торгово-промышленная // Сибирский бизнес. 1992. № 11.
7. ТА КТПП. О работе Кузбасской торгово-промышленной палаты за период 1994 – 1999. Кемерово, 2000.
8. ТА КТПП. Аналитическая записка Кузбасской торгово-промышленной палаты. Кемерово, 2005.

Информация об авторе:

Новосельцев Николай Рэзвич – соискатель кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, snoopy87@mail.ru

Nikolay R. Novoseltsev – post-graduate student at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Научный руководитель:

Овчинников Владислав Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории КемГУ.

Vladislav A. Ovchinnikov – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КУЗБАССЕ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В. А. Овчинников, А. В. Блинов

FORMATION OF THE SOVIET SYSTEM OF TRAINING SPECIALISTS FOR THE COAL INDUSTRY IN KUZBASS DURING THE PRE-WAR PERIOD

V. A. Ovchinnikov, A. V. Blinov

Статья посвящена подготовке специалистов для угольной промышленности Кузбасса в довоенный период. Рассматриваются различные варианты: переподготовка рабочих, организация курсов, производственные курсы. Особое внимание уделено открытию первых профильных техникумов в Кемерово и Прокопьевске.

The paper addresses the issue of training specialists for the coal industry of Kuzbass during the pre-war period. Various options are considered: retraining workers, organization of courses, working courses. Special attention is paid to opening of the first specialized technical schools in Kemerovo and Prokopyevsk.

Ключевые слова: Кузбасс, угольная промышленность, профессиональное образование, горный техникум.

Keywords: Kuzbass, coal industry, professional education, mining technical school.

Современный Кузбасс – промышленный регион. Сложно не согласиться с мнением профессора К. А. Заболотской, что угольная промышленность стала фундаментом для формирования многоотраслевого индустриального комплекса региона: «на базе угольной промышленности здесь началось развитие металлургии, энергетики, химии, машиностроения, выросли многие сибирские города...» [4, с. 5].

История угольной промышленности Кузбасса имеет солидную историографическую оценку, получившую освещение в ряде исследований [4 – 6]. Намного сложнее обстоит вопрос с исследованиями, посвященными подготовке специалистов для угольной промышленности. Лишь только отдельные аспекты получили освещение в статьях, посвященных истории горнозаводского производства Алтайского горного округа, промышленного развития Сибири и Кузбасса в советский период [9; 12].

В данной статье предпринята попытка осветить начальный (довоенный) период становления системы подготовки специалистов для угольной отрасли Кузбасса.

С установлением советской власти для решения важнейших социально-экономических и политических задач необходимо было создать профессионально-технические школы, тесно связанные с жизнью, с практикой социалистического строительства, способной обеспечить народное хозяйство кадрами квалифицированных рабочих. Все вопросы профессионально-технического образования нашли отражение в Программе партии РКП(б), принятой в марте 1919 г, в которой было предусмотрено бесплатное и обязательное общее и политехническое образование для всех детей обоего пола до 17 лет. В течение 1918 – 1920 гг. декретами Советского правительства был сломан старый аппарат просвещения и созданы новые органы по руководству народным образованием, в том числе и профессионально-техническим [3]. Все дореволюционные профессионально-технические учебные заведения были переданы в ведение Наркомпроса. В январе 1920 г. был образован Главный комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр),

на который возлагалось руководство профтехобразованием в стране. В его ведении находились школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), профессиональные курсы, техникумы, рабфаки, курсы повышения квалификации рабочих. Главпрофобр проводил реформу в соответствии с задачами социалистического строительства: были разработаны документы, определяющие пути развития советской профессиональной школы, в которых определялись принципы революционной перестройки старой профшколы и создания советской системы подготовки квалифицированных рабочих.

В 1920-е годы единственным среднетехническим учебным заведением в Западной Сибири, готовящим кадры для горнодобывающей промышленности, был Томский индустриальный техникум, сыгравший положительную роль в пополнении коллективов шахт Кузбасса квалифицированными кадрами [9, с. 76].

В начале первой пятилетки в Кузбассе в связи с индустриализацией страны возросла потребность в увеличении объемов угледобычи. В рамках первого пятилетнего плана планировалось открыть 14 новых шахт, а отправным объемом добычи угля было определено 5,2 млн т. Однако уже в 1929 г. было принято решение довести цифру к концу пятилетки до 8,2 млн т. [11]. К этому времени оформляется два наиболее крупных центра угольной промышленности в Кузбассе: Кемерово с прилегающими к нему угледобывающими Анжеро-Судженским и Ленинск-Кузнецким районами и Прокопьевск с Киселевском с Новокузнецким и Осинниковским районами.

С увеличением добычи угля возросла потребность в технических кадрах. Если в начале 1920-х гг. проблема обеспечения шахт квалифицированными специалистами на местах решалась за счет выпускников Томского индустриального техникума и выдвижения опытных рабочих на должность техников, то в условиях роста добычи угля и технической модернизации угольной промышленности этих ресурсов оказалось недостаточно. Более целесообразным было организовать подготовку техников для шахт на местах.

В Кузбассе подготовку квалифицированных кадров пришлось организовать с нуля, так как имеющиеся в Кузнецком округе учебные заведения профессионально-технического образования не отвечали возрастающим запросам. Например, в 1925 г. было подготовлено только 57 рабочих [7]. В 1927 – 1928 гг. вся учебная сеть профессионально-технического образования состояла из 17 школ и курсов с количеством обучающихся в них 740 человек. Основной формой подготовки рабочих являлись школы горнопромышленного ученичества, фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и строительного ученичества (стройуч). Готовились кадры рабочих на курсах и путем индивидуального обучения на предприятиях. Срок обучения в школах был трехлетний, на курсах от 6 месяцев до 1 года и более.

По решению Кузнецкого окружкома партии в 1928 г. количество профшкол увеличилось до 37 с количеством учащихся в них 4722 человек, стационарными были 4 горнопромышленные и одна фабрично-заводская школы с общим числом учащихся в 1036 человек [1, л. 14]. В 1929 г. все школы и курсы профтехобразования были выведены из организационного подчинения Наркомпросу и переведены в ведение предприятий истроек [2, л. 162].

Важную роль в первоначальной профессиональной подготовке играли Комбинаты рабочего обучения. К 1930 г. они были созданы в Анжеро-Судженске, Ленинск-Кузнецком, Прокопьевске. В апреле 1931 г. Комитет рабочего контроля был создан на Кузнецкстрое. Подготовка рабочих в Комитетах рабочего обучения для других предприятий осуществлялась на договорных началах. До 1934 г. в Комитетах рабочего обучения проводилась и общеобразовательная подготовка рабочих для поступления их на рабфаки и в техникумы.

В начале 1931 г. на основе школ рабочего юношества были образованы производственно-политические курсы (ППК) и рабочие технические школы (РТШ). Срок обучения на курсах без отрыва от производства 6 – 9 месяцев, в технических школах – от 9 месяцев до 2,5 лет.

В сентябре 1933 г. ЦИК и СНК СССР приняли решение о перестройке школы профтехобразования в профессиональные школы квалифицированных рабочих массовых специальностей с коротким сроком обучения: срок в школах был сокращен с 3 лет до 6 – 12 месяцев за счет исключения общеобразовательных предметов и некоторых узких специальностей. В 1933 г. ППК и РТШ преобразовали в производственно-технические курсы (ПТК), на которых готовили кадры по 10 – 12 основных производств.

Создание мощных предприятий и внедрение механизации во все отрасли требовали повышения квалификации рабочих. Поэтому в июне 1932 г. вышло Постановление о сдаче экзамена рабочими 225 ведущих специальностей по техническому минимуму знаний, а в угольной, металлургической, машиностроительной промышленности экзамен по техминимуму должны были сдавать все рабочие. В течение 1932 – 1933 гг. была развернута сеть кружков и курсов технического минимума. В результате реорганизации школ профтехобразования и введения минимума тех-

нических знаний увеличилась пропускная способность курсов и школ. Количество курсов объединения «Кузбассуголь» за период с 1931 по 1934 гг. увеличилось с 8 до 32; школ – с 7 до 9. Некоторые курсы были превращены в курсы повышения квалификации рабочих ведущих специальностей. Сеть стационарных учебных заведений осталась в 1935 г. без изменений. Курсовая сеть получила дальнейшее развитие: впервые преподавание в кружках и курсах стало сочетаться с технической пропагандой передового опыта, зародились стахановские курсы и курсы мастеров социалистического труда, на которых обучались квалифицированные рабочие с целью овладения прогрессивными методами организации труда и технологии производства. В связи с возникновением движения новаторов производства и перспективами его развития декабрьский (1935 г.) Пленум ЦК партии определил значение технической учебы рабочих одним из важнейших вопросов. Во исполнение решений Пленума народный комиссар тяжелой промышленности подписал 26 января 1936 г. приказ о ликвидации многообразия курсов и кружков и созданию трех форм курсов: техминимума, стахановские и мастеров социалистического труда.

В 1937 г. был образован комбинат «Кузбассуголь» и при крупных предприятиях были созданы центральные курсы, а при отдаленных шахтах их филиалы. И было внедрено два новых вида массовой техучебы. С марта 1938 г. все вновь поступающие на шахты рабочие проходили 20-часовой курс изучения правил безопасности, этот курс прошли 13560 человек. Организованный семинар по циклическому методу добычи угля прошли 20345 шахтеров.

В сентябре 1929 г. Кемеровский городской комитет партии и Окружной комитет профсоюза угольщиков вышли с ходатайством перед Центральным комитетом партии и Правительством об организации в Кузбассе среднего технического заведения. В ноябре 1929 г. по решению ЦК ВКП(б) был открыт Щегловский индустриальный техникум, осуществлявший подготовку специалистов по трем направлениям: горному, химическому и металлургическому. В 1932 г. Щегловский техникум был разделен на три самостоятельных в соответствии с действующими направлениями. Горный техникум остался в Кемерово и с сентября 1932 г. начал самостоятельную деятельность по подготовке техников по эксплуатации угольных месторождений.

Довоенный период стал временем становления Кемеровского горного техникума. Первоначально техникум размещался в нескольких зданиях, а в 1934 г. в поселке «Стандарт» для него было построено двухэтажное типовое здание. Силами преподавателей и студентов были оборудованы учебные кабинеты горного дела, горной электротехники, механизации горных работ и др.

В эти годы в техникуме обучались не только рабочие с близрасполагающихся угольных районов: Анжеро-Судженского, Кемеровского, но и из соседних областей Западной Сибири. Уже в 1932 г. Кемеровский горный техникум сделал первый выпуск – 37 техников горных электромехаников, в 1933 г. – 10 техников специальности эксплуатация пластовых месторо-

ждений и 30 техников горных электромехаников. Всего с 1932 по 1940 г. Кемеровский горный техникум подготовил для шахт Кузбасса 364 специалиста [9, с. 81 – 82].

В сентябре 1932 г. на уровне Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета было принято решение о переводе Томского горного техникума в Прокопьевск [8, с. 83]. Место ему отвели на Тыргане – возвышенности за пределами угленосной толщи месторождения, где по генеральному плану и проектам развития Прокопьевского рудника должен был появиться город шахтеров Углеград, в 10 км от центра города Прокопьевска.

Переезд техникума и обживание нового места оказались не простыми и нелегкими. Учебный год тогда начинался не 1 сентября, а 1 октября. Чтобы не сорвать занятия, уже 4 июля на железнодорожную станцию Усыты (г. Прокопьевск) прибыл из Томска для организации переезда студенческий отряд в количестве 120 человек. Корпус будущего техникума оказался под железной крышей, но без дверей, окон, без внутренней штукатурки, без канализации, водопровода, отопления и освещения. Рабочих на стройке было крайне мало. Перед прибывшими встала трудная задача – к 1 октября закончить все работы. Конечно, этого сделать не удалось, но многое все же было сделано. Как вспоминает Г. П. Ирисов, один из участников студенческого отряда: «Рабочих на стройке было крайне мало. Нам предстояло заполнить эту брешь. Центральная часть здания отводилась под учебный корпус с аудиториями, клубом, столовой, левое (южное) крыло – под квартиры, а правое (северное) – под общежитие студентов. Возле строящегося здания техникума... поставили пятидесятиметровый щит из досок, на котором чуть ли не сотня студентов обучалась приемам оштукатуривания. После нескольких дней тренировки они перешли на настоящие штукатурные работы внутри здания. Часть физически сильных ребят отрядили для копания траншей для канализации, теплофикации и водоснабжения... Работали по десять – двенадцать часов с получасовым перерывом на обед. Студенты трудились по-ударному, и на земляных ручных работах они опережали рабочих стройконторы. И делали это не из-за рубля, а из-за сжатых сроков, чтобы не сорвать себе начало учебного года» [8, с. 84].

Эшелон с преподавателями прибыл позднее. Семьи прибывших были размещены в одноэтажном здании стройконторы. После трех месяцев работы здание техникума приобрело удовлетворительный вид. В центральной части разместились учебные помещения, столовая, клуб, электростанция. В северном крыле – общежитие учащихся, и в южном крыле – квартиры преподавателей, рабочих и служащих. Из Томска были вывезены: горный и геологический музеи, электро-техническая лаборатория, кабинет геодезии и маркшейдерского дела, кабинет физики, химическая лаборатория, стационарная электростанция, чертежный кабинет и оборудование учебной мастерской. Таким образом, несмотря на трудности, занятия можно было проводить.

В том же 1932 г. состоялся первый (Прокопьевский) выпуск 65 техников. В дополнение к этому

38 человек закончили курсы повышения квалификации горных мастеров. Становление техникума в Прокопьевске началось с создания учебной материальной базы и формирования педагогического коллектива. Кроме этого техникуму пришлось заводить и содержать лошадей, так как между Тырганом и городом расстояние было большое, а дорога одна, причем сказочно плохая и грязная. Возникало множество и других проблем, но общими усилиями они преодолевались.

Здание техникума и территория постепенно благоустраивались: соорудили канализацию, освещение. Даже на берегу реки Чумыш у поселка Чистугаш были построены дачные домики.

Что касается учебной работы, то она проводилась на достаточно высоком уровне. С переводом техникума в Прокопьевск профиль подготовки горных техников разных специальностей стал более целенаправленным. Так, специальность техников-разработчиков теперь именовалась «Разработка угольных месторождений», на специальностях «Шахтное строительство» и «Маркшейдерское дело» изменения состояли в основном в акцентировании содержания программ некоторых специальных предметов. В организации педагогического труда тоже следовали сложившимся традициям, заключавшимся, прежде всего, в обязательном уточнении межпредметных связей и соблюдении формы учебной работы, учета знаний учащихся. Так, например, 28 апреля 1936 года приказом по техникуму предлагалось преподавателям всех дисциплин при проверке конспектов обращать внимание на грамотность учащихся. Содержание программ каждого предмета расчленилось на части, завершающиеся по смыслу. Подготовленные таким образом программы согласовывались так, чтобы общеобразовательные предметы обеспечивали своевременное изучение общетехнических дисциплин, а подготовка по общеобразовательным и общетехническим дисциплинам обеспечивала бы возможность изучения специальных предметов. К концу 1930-х гг. по инициативе преподавателей Г. П. Ирисова и П. В. Павлова были введены существенные изменения в тематику дипломного проектирования на специальности «Горная электромеханика». Наряду с проектированием стационарных шахтных установок велись проектирования по темам «энергоснабжение», «электрооборудование» и «механизация подготовительных и очистных горных работ».

С переводом техникума в Прокопьевск значительно улучшилось практическое, производственное обучение. Все преподаватели специальных предметов руководили производственными практиками. При этом находились они на шахтах вместе с учащимися в течение всего срока прохождения практики, т. е. не менее месяца в году [8, с. 94].

В 1940 г. при техникуме было образовано вечернее отделение. Заведующих вечерним отделением было два – по одному от каждого угольного треста. К этому времени подходило к концу строительство нового здания специально для техникума.

Строительством нового учебного корпуса руководство техникума занялось еще в 1932 г. Данное строительство не принадлежало к числу ударных про-

мысленных строек первых пятилеток и затянулось на десять лет. Только весной 1941 г. строительство было завершено. Открытие нового корпуса все ждали с нетерпением. Но началась Великая Отечественная война и с первых же ее дней в новом здании расположился военный госпиталь.

Таким образом, за период 1926 – 1940 гг. в Кузбассе практически была создана и прошла большое развитие система профессионально-технического образования рабочих кадров. В ее развитии выделяются три этапа.

Первый этап – 1926 – 1928 гг., когда курс на индустриализацию, богатые перспективы развития промышленности Кузбасса и некоторый её рост поставили на повестку дня вопрос о подготовке квалифицированных рабочих. За все три года для всех предприятий и строек было подготовлено немногим более тысячи человек.

Второй этап охватывает 1929 – 1933 гг. Рост грамотности населения, создание широкой сети школ и курсов профтехобразования сделали возможной подготовку рабочих в широком масштабе, что позволило обеспечить основные потребности промышленности и строек в квалифицированных рабочих. За этот период было подготовлено свыше 50 тыс. рабочих. На территории Кузбасса появляются профильные техникумы, готовящие специалистов для угольной промышленности.

Третий период 1934 – 1940 гг. отличается тем, что школы и курсы системы профессионально-технического образования уже не занимались общеобразовательной подготовкой рабочих, и, благодаря введению курсов технического минимума, с 1934 г. учебой охватываются практически все рабочие. За этот период подготовлено 224 тыс. рабочих.

Литература

1. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области). Ф. 22. Оп. 1. Д. 229.
2. ГАКО. Ф. 727. Оп. 1. Д. 27.
3. Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957.
4. Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.) Историческое исследование. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995.
5. Карпенко З. Г. Кузнецкий угольный (1921 – 1971 гг.). Кемерово, 1971.
6. Карпенко З. Г. Развитие угольной промышленности и черной металлургии Сибири. Кемерово, 1985.
7. Комсомольская правда. № 278 от 03.12.1929 г.
8. Кузница кадров. Документально-публицистическое издание / Под ред. В. Д. Славникова. ООО Изд-во «Сибирское время», 2012.
9. Лапшин И. А. Из истории подготовки техников для шахт Кузбасса в годы первых пятилеток // Из истории рабочего класса Сибири. Вып. 3. (к 250-летию открытия Кузнецкого угольного бассейна). Кемерово, 1970.
10. Ленинск-Кузнецкий. Страницы истории (1759 – 1941). Т. 1. Новосибирск: Приобские ведомости, 2013.
11. Леухова М. Г. Угольное звено Урало-Кузнецкого комбината в годы первой пятилетки // Экономическая история Сибири XX века. Тезисы докладов участников. Барнаул, 2006. URL: <http://www.new.hist.asu.ru>
12. Овчинников В. А., Блинов А. В. Становление горного профессионального образования на территории Кузбасса в XVIII – первой половине XIX в. // Профессиональное образование в России и за рубежом. № 1(13). 2014. С. 144 – 151.

Информация об авторах:

Овчинников Владислав Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории КемГУ; проректор по науке Кузбасского регионального института развития профессионального образования.

Vladislav A. Ovchinnikov – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University; Vice-Rector for Science, Kuzbass Regional Institute of Development of Professional Education.

Блинов Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории КемГУ.

Alexey V. Blinov – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(571.1):656.7

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ В 1960 – 1990-Е ГОДЫ

Т. А. Сычева

REORGANIZATION OF THE WEST-SIBERIAN DIRECTORATE OF CIVIL AVIATION AUTHORITIES IN THE 1960S – 1990S

T. A. Sycheva

Статья посвящена вопросам становления и реорганизации организационной структуры Западно-Сибирского управления гражданской авиации в сер. 1960 – 1990-е годы. Указаны нормативные акты, лежащие в основе изменения структуры ЗСУ ГА, а также авиаотряды и аэропорты, входившие в состав ЗСУ ГА.

The paper addresses the issues of formation and reorganization of the structure of the West-Siberian Directorate of Civil Aviation Authorities in the mid-1960s – 1990s. The paper lists the legal acts, serving as the basis for the change in the structure of the Directorate, as well as the airlines and airports that belonged to the Directorate.

Ключевые слова: авиапредприятия, аэропорты, структура, Западно-Сибирское управление.

Keywords: airlines, airports, structure, West-Siberian directorate.

Введение

Западная Сибирь – один из крупнейших промышленных центров России. Одной из задач современной системы документооборота архивной службы стоит учет и систематизация всех этапов реорганизации любого предприятия, в том числе и ведомственных, к которым относятся авиапредприятия. В условиях существования относительной стабильности советской системы авиапредприятия также были подвержены структурным изменениям, в том числе и реорганизации. Реорганизация предприятий на любом этапе их существования – это весьма сложная процедура, еще сложнее ориентироваться работникам данных предприятий при выходе на пенсию или получении документальных подтверждений о стаже, наградах, командировках, выполнении специальных заданий и т. д. Сегодня, когда встает реальная необходимость в обеспечении справочно-исторической информацией бывших работников аэрофлота, столь важно знать, на каком этапе и как называлось то подразделение, в котором работал человек. Составление исторической справки предприятия является важным этапом в работе каждого архивного отдела организации, особенно если оно является приемником ранее существовавшей организации.

Степень изученности темы

Исследованиям проблем развития гражданской авиации в Западной Сибири посвящено не так много работ. В основном это юбилейные труды, вышедшие к важным датам в судьбе сибирских авиапредприятий. Среди них можно выделить работы Шиловского, Сычевой, коллективный труд по истории Томского авиапредприятия, статьи по истории авиапредприятия г. Томска, г. Барнаула и др. [3; 11 – 13]. Авторы данных публикаций акцентируют внимание на роли данных авиапредприятий в развитии региона, выполнении плановых показателей по перевозке почты, грузов, пассажиров, выполнении сельскохозяйственных работ, а также дают характеристику личному составу авиапредприятий.

Источники и методы

Основными источниками изучения истории развития и применения гражданской авиации в народном хозяйстве стали опубликованные и неопубликованные

источники. Среди них особое место занимают материалы Государственного архива Новосибирской области, Фонд Р. 1712, где представлены как первичные, так и сводные отчеты авиапредприятий. Также при подготовке статьи были использованы материалы ГАРФ, РГАЭ, которые в основном использовались для корректировки и перепроверки имеющихся материалов. Рассмотрение изучаемого объекта происходит в последовательности от прошлого к настоящему, выявляя этапы развития ЗСУ ГА. Если применять принцип историзма в оценке развития авиатранспорта, то: во-первых, необходимо рассматривать, в каких условиях проходил процесс развития во второй половине XX века авиатранспорт; во-вторых, что он собой представлял в середине 1960 – 1980-х годов; в-третьих, каковы были особенности и итоги данного развития как в стране, так и применительно к Западной Сибири, какие факторы влияли на развитие данного вида транспорта в изучаемом регионе. Поэтому основными методами изучения этапности развития ЗСУ ГА был анализ, синтез, индукция и дедукция.

Результаты исследования

История развития гражданской авиации Сибири уходит далекими корнями в прошлое и берет свое начало в 30-е годы XX века, когда в 1932 г. было организовано Сибирское управление сельхозавиации. В период с марта 1934 г. по сентябрь 1935 г. управление называлось – Западно-Сибирская контора гражданской авиации.

В годы третьей и четвертой пятилеток (с 9 сентября 1937 по 2 января 1942 гг.) Управление носило название – Западно-Сибирское управление гражданского воздушного флота. В условиях Великой отечественной войны перед Сибирью была поставлена сложная задача обеспечения воздушного моста, способствующего поставке ценных грузов для армии и продуктов для фронта и тыла, поэтому с января по сентябрь 1942 г. название управления соответствовало прямым его функциям – Управление воздушной магистралью Москва-Иркутск, с сентября 1942 г. управлению было возвращено прежнее название, которое в неизменном виде просуществовало до сентября 1952 г. и было преобразовано в

Западно-Сибирское территориальное управление Гражданского Воздушного флота.

В 1965 г. прошла очередная реформа и были восстановлены министерства. В условиях изменения управления народным хозяйством СССР гражданская авиация так же претерпела реорганизацию. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1964 г. «Об образовании общесоюзного министерства гражданской авиации СССР» [1] на базе Главного управления гражданского воздушного флота при Совете Министров СССР, которое было создано для улучшения руководства Гражданским воздушным флотом и обеспечения дальнейшего развития гражданской авиации. Данный Указ повлек за собой перерас-

пределение функций и конкретизацию основных направлений развития данной отрасли. 15.09.1964 года все Территориальные управления (ТУ) ГВФ переименованы в Управления ГА, ОАГ ГВФ – в ОАГ ГА, в том числе Западно-Сибирское управление ГА. Основными функциями управления стало обслуживание населения и нужд народного хозяйства воздушным транспортом и авиацией специального применения. В подчинении ЗСУ ГА находились аэропорты Новосибирской, Томской, Омской, Кемеровской областей и Алтайского края. В составе ЗСУ ГА располагались 18 летных отрядов, которые включали в себя аэропортовые комплексы и летные эскадрильи.

Таблица 1

Перечень летных отрядов в составе ЗСУ ГА середина 1960-х – начало 1990-х гг.

<i>Объединенный авиаотряд</i>	<i>Центральный аэропорт</i>	<i>Летный отряд №</i>	<i>Самолетный парк</i>
Барнаульский ОАО	Михайловка	341	Ми-4п. Ан-2. Ми-2. Ми-8. Як-40. Ан-26б. Ту-154б-1, б-2. Л-410
		341 ЛО	Ми-4п. Ан-2. Ми-2. Ми-8. Як-40. Ан-26б. Ту-154б-1, б-2. Л-410
Горно-Алтайский ОАО	Горно-Алтайск		Ан-2
Кемеровский ОАО	Кемерово	196 ЛО	Ан-2. Ан-24б, рв. Ан-26б. Ту-154
Колпашевское АП	Южный	237 ЛО	Ан-2. Як-40. Ан-28
		257 ЛО	Ми-2. Ми-8
Новосибирский ОАО	Северный	6 ЛО	Ил-14. Ан-24
		116 ЛО	Ан-2. Ми-8
		204 ЛО	Ан-24. Ан-26. Ми-2. Ан-30. Л-410м. Ми-26
Новокузнецкий ОАО	Спиченково	184 ЛО	Ан-24рв. Ми-2. Ми-8. Ту-154б,м. Ан-26б
Омский ОАО	Центральный	365 ЛО	Ан-24б, рв. Ан-26. Л-410. Ту-154м. Ка-32
Стрежевской ОАО в 1970-е годы – Александровский ОАО, в конце 1980-х Стрежевской ОАО переименован в Стрежевское ГАП	Стрежевой	244 ЛО	Ан-2. Ми-8т
Толмачевский ОАО	Толмачево	114 ЛО	Ан-24б
		204 ЛО	Ту-104а, б (1957 – 1978), далее отряд выведен в Новосибирский ОАО
		384 ЛО	Ил-18в, д, е. Ту-154а, б-1, м. Ил-86
		448 ЛО	Ан-24рв. Ан-26б
Томский ОАО	Богашёво с 1967 г. (до этого использовался а/п Каштак)	119 ЛО	Ан-24рв. Ан-26
		284 ЛО	Ан-2. Л-410. Ту-154

За время своего существования ЗСУ ГА оставалось в прежнем составе, лишь изменялось количество и качество аэропортовых комплексов и число летных эскадрилий. Однако в условиях перехода на самоокупаемость и новые условия хозяйствования и организации предприятий ЗСУ ГА подверглось существенной реорганизации, что в конечном итоге привело к прекращению деятельности такой структурной единицы, как «ЗСУ ГА».

В 1990 г. вступило в силу новое положение о министерстве. Оно ограничивало функции министерства как органа государственного управления воздушным транспортом в стране. С этого момента основной функцией МГА было проведение в жизнь государственной политики социально-экономического развития

воздушного транспорта как составной части народно-хозяйственного комплекса [4], что в результате привело к созданию новых авиакомпаний и выделению аэропортов в самостоятельные объединения. В 1991 году МГА на основании Распоряжения Совета Министров РСФСР (от 18.09.1991 г. № 1026-р) было преобразовано в Департамент воздушного транспорта Министерства транспорта Российской Федерации [10]. Данные структурные изменения предполагали создание конкуренции Аэрофлоту в борьбе за рынок авиауслуг в условиях перестройки.

Анализ структуры в условиях относительной организационной стабильности позволяет говорить об эффективности (хотя со значительными оговорками) на самом крупном этапе в развитии авиатранспорта, в

контексте экономических, политических, социальных изменений в советском обществе.

В условиях новых экономических отношений на основании приказа Министерства гражданской авиации СССР № 232 от 9 октября 1990 г. в целях наиболее полного удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения страны и Западно-Сибирского территориального региона в авиационных перевозках, обеспечения безопасности полетов, повышения культуры обслуживания пассажиров, расширения самостоятельности предприятий, экономической заинтересованности коллективов в конечных результатах хозяйственной деятельности, внедрения демократических форм управления и конкурентоспособных организационных структур, в соответствии с решениями президиума совета отрасли от 9 июля 1990 г., Совета командиров ОАО ЗСУ ГА от 24 сентября 1990 г. и Совета трудового коллектива ЗСУ ГА от 25 сентября 1990 г. Западно-Сибирское управление гражданской авиации (ЗСУ ГА) реорганизовано с 1 января 1991 г. и на его базе создан концерн "Сибирские авиалинии" ("СибАВИА") [2]. Тем самым ЗСУ ГА в его прежнем составе прекратило свое существование.

Концерн "СибАВИА" являлся производственно-хозяйственным комплексом, который в интересах государства, Западно-Сибирского территориального региона и входящих в состав концерна предприятий и организаций осуществлял воздушные перевозки и авиационные работы на принципах хозяйственного расчета, самофинансирования и самоуправления на основании закона СССР "О государственном предприятии" и устава концерна "Сибирские авиалинии" ("СибАВИА"). Высшим органом управления являлся совет. В состав концерна входили предприятия: Новосибирский ОАО, Толмачевский ОАО, Омский ОАО, Томский ОАО, Барнаульский ОАО, Новокузнецкий ОАО, Кемеровский ОАО, Колпашевский ОАО, Стрежевской ОАО, ОМТС, ЦАВС, УГЦ.

Однако столь разветвленная система с самостоятельными элементами оказалась неуправляемой в условиях новых экономических отношений. В результате в условиях перехода к рыночным механизмам функционирования всех отраслей экономики, на основании постановления Правительства РФ № 399 от 11 июня 1992 г. и приказа Министерства транспорта РСФСР № 65 от 31.08.1992 г. было создано Западно-Сибирское региональное управление воздушного транспорта. Совместным решением Совета концерна «СибАВИА» и Западно-Сибирским теркомом профсоюза авиаработников была образована ликвидационная комиссия о расформировании концерна «Сибирские авиалинии» и была произведена передача предприятиям, входящим в концерн, хозяйственных функций, выполняемых дирекцией концерна.

Если же говорить о каждом из объединенных авиаотрядов, входивших в состав Западно-Сибирского управления ГА, то в 1991 году объемы перевозок пассажиров, почты, грузов в Омском аэропорту достигли наивысших показателей. Отправки авиапассажиров, без учета транзитных, достигали почти миллиона человек в год. В летний период принималось более 100 рейсов в сутки. Омский аэропорт был одним из крупнейших на магистрали соединяющей столицу нашей Родины с Дальним Востоком. Города Крайнего Севера,

Средней Азии через Омск были соединены с главной с Западом и Востоком нашей страны. Дальнейшее развитие получила и малая авиация. 17 районных центров и населенных пунктов были связаны авиалиниями Омской области. Широкое применение Ан-2 не только на пассажирских авиаперевозках, но и по оказанию скорой медицинской помощи, по охране лесов от пожара и т. д. расширили спектр услуг, оказываемых омской авиацией. В 1994 году произошло разделение коллектива авиапредприятия на авиакомпанию «Омскавиа» и «Омский аэропорт». Позже из единой структуры авиапредприятия выделилась диспетчерская служба по управлению движением. В связи с началом международных рейсов в 1997 г. Омский аэропорт получил статус международного, что позволило увеличить пассажиропоток и расширить географию полетов. Авиакомпания «Омскавиа» просуществовала до 2009 г. и была признана банкротом [9; 5].

Новейшая история Томской авиации началась в 1991 году, когда произошла реорганизация Томского объединенного авиаотряда в Томское государственное авиапредприятие. Томское авиапредприятие, став самостоятельным, в 1999 г. было объединено с Колпашевским и Стрежевским авиапредприятиями сначала в ФГУП «Томс-Авиа», а затем в 2004 году ФГУП «Томскавиа» было акционировано, 100 % акций принадлежали Министерству имущественных отношений РФ (с 2008 – ФАУГИ). 7 июля 2006 года из ОАО «Томск Авиа» было выделено ООО «Авиакомпания «Томск Авиа»».

Колпашевское ГАП, как самостоятельное, просуществовало в период с 1992 по 1999 гг., а в 1999 г. вошло в состав авиакомпании Томскавиа. Аналогичная судьба постигла и Стрежевское авиапредприятие, которое также в период 1992 – 1999 гг. существовало как Стрежевское ГАП, а затем в 1999 г. вошло в состав Томскавиа [8].

В 1995 году аэропорту Барнаул присвоен статус международного аэропорта. 23 сентября 1997 года, в соответствии с программой внешнего управления Барнаульского государственного авиационного предприятия (БГАП), на базе аэропортового комплекса было создано ОАО «Авиапредприятие «Алтай», которое продолжает работу и по сей день. Аэропорту было присвоено имя Г. Титова [6].

1990-е годы принесли Кемеровскому авиапредприятию существенные изменения: с 05.03.1991 г. приказом МГА № 47 Кемеровское авиапредприятие ЗСУ ГА переименовано в Кемеровское государственное авиапредприятие концерна «Сибавиа», а с 01.07.94 на основании пр. № 51 от 27.06.94 Кемеровское государственное авиапредприятие концерна «Сибавиа» переименовано в Акционерное общество открытого типа «Кемеровское авиапредприятие». Планы были грандиозные, и их реализация должна были принести как акционерам, так и области огромные дивиденды.

Акционерный период на Кемеровском предприятии был недолгим, однако именно он принес самые сложные и тяжелые последствия для развития авиапредприятия. В силу экономических катаклизмов, происходящих в государстве, не всегда рационального использования ресурсов предприятия, недальновидной политики руководства аэропорта АОТ Кемеровское авиапредприятие стало банкротом и распалось. Одна-

ко, область без столь важного и стратегически значимого объекта обойтись не могла.

В результате реорганизации распоряжением администрации Кемеровской области за № 882 от 24.08.1998 г. для обеспечения функционирования международного сектора аэропорта города Кемерова было создано Государственное Унитарное предприятие «Аэропорт Кемерово».

196 летный отряд, просуществовав до 1992 года, был переименован в 7-й летный отряд, а с декабря 1995 года вышел из состава Кемеровского авиапредприятия и получил новое название АОЗТ «СИАИР», ставший с июня 1998 года составной частью компании «Сибирь».

С 1990 года самолетами Ту-154 Новокузнецкого объединенного авиаотряда стали выполняться рейсы в Москву. В 1991 году было начато строительство нового здания аэровокзала, котельной, двух ангаров, аварийно-спасательной станции. К 1993 году в авиапредприятии насчитывалось 9 самолетов Ту-154, из них 3 самолета Ту-154М и 6 – Ту-154Б, 6 самолетов Ан-24, 5 самолетов Ан-26, 10 вертолетов Ми-8 и 10 вертолетов Ми-2. В 1995 году введено в эксплуатацию здание амбулатории для медицинского обслуживания работников авиапредприятия. К 1998 году расширилась география полетов. Авиакомпания выполняла рейсы как по России, так и осуществляла международные чартерные рейсы. К началу 1998 года в предприятии сложилась крайне сложная обстановка. В результате 26 февраля 1998 года Арбитражный суд Кемеровской области ввел арбитражное управление предприятием и назначил Виктора Белозерова внешним управляющим. 25 августа 1999 года ЗАО «Аэрокузбасс» на открытых торгах приобрело имущественный комплекс ОАО «Аэрокузнецк». В ноябре 2000 года введен в действие ангар для выполнения любых форм технического обслуживания и доработок на самолетах класса Ту-154 и

ниже. 12 ноября 2001 года ЗАО «Аэрокузбасс» преобразовано в ООО «Аэрокузбасс» [7].

Стремительное сокращение перевозок региональных и местных авиалиний, произошедшее в 1990-е гг., ударило сильнее именно по аэропорту Новосибирск – Северный, чем по Толмачёво, привело к резкому сокращению числа рейсов и обслуживаемых пассажиров. Кроме того, областное контрольно-ревизионное управление выявило ряд заведомо убыточных сделок по продаже имущества предприятия, а также нецелевого использования средств. На маршрутах из Новосибирска в Нижневартовск, Стрежевой, Сургут стало летать Томское авиапредприятие. Новосибирск – Северный в 2004 был признан банкротом.

В 1992 году аэропорт Толмачёво стал самостоятельным предприятием и получил статус международного. Спустя три года завершился процесс акционирования авиапредприятия: 51 % акций находятся в государственной федеральной собственности, а 49 % принадлежат коммерческим предприятиям и частным лицам. Сегодня на базе аэропорта Толмачёва базируется одна из крупнейших авиакомпаний J7 Aerolines.

Заключение

Реорганизация привела к сокращению местных воздушных линий, что значительно снизило пассажиропотоки внутри Сибирского региона и создало определенные трудности в перемещении между областями Западной Сибири, где авиация порой выступала единственным связующим звеном. Поэтому сегодня принимая управленческие решения по организации авиатранспортных услуг руководителям необходимо учитывать положительный опыт, накопленный в предыдущий период существования как общесоюзных, так и региональных авиалиний.

Литература

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 31. С. 373. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/zakony/3946578/>; <http://base.garant.ru/3946578/>
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. 1712. Оп. 1. Л. 11 – 12.
3. Евдокимов В. А., Полоцкая В. М. Воздушная гавань, открытая веками: к 80-летию акционерного о-ва «Омский аэропорт». Омск: Омский аэропорт, 2009.
4. История отечественной гражданской авиации. М., 1996. С. 472.
5. Официальный сайт авиакомпании «Омскavia». URL: <http://omskavia.ru/> (дата обращения: 19.09.2011).
6. Официальный сайт авиапредприятия «Алтай» Аэропорт Барнаул имени Г. Титова
7. Официальный сайт аэропорта г. Новокузнецка «Аэрокузбасс». URL: http://www.aerokuz.net/-index.php?option=com_content&view=article&id=6&Itemid=11
8. Официальный сайт аэропорта Стрежевское. URL: http://russianplanes.net/REGISTA/Strezhevskoe_GAP
9. Официальный сайт Омского аэропорта. URL: <http://www.aeroomsk.ru/index.php?page=aeroport&base=4>.
10. Распоряжение Совета Министров РСФСР от 18 сентября 1991 г. № 1026-р. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=EXP; n=205709>
11. Сычева Т. А. Очерки по истории аэропорта Кемерово. Кемерово, 2004.
12. Томск начинается здесь: 40 лет и один день. Томск, 2008.
13. Шиловский М. В., Шиловский Д. М. Воздушный причал Сибири. Очерки истории аэропорта Толмачёво 1957 – 2007 гг. Новосибирск: Студия визуальных решений. 2007. 272 с.

Информация об авторе:

Сычева Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, tsycheva@rambler.ru.

Tatiana A. Sycheva – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(571) «19/20»

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРАВОСЛАВНЫХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

О. Н. Терехова

DEVELOPMENT OF ORTHODOX LITURGICAL INSTITUTIONS SYSTEM OF TOMSK DIOCESE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

O. N. Terekhova

Цель статьи – рассмотреть развитие системы православных богослужебных заведений Томской епархии в конце XIX – начале XX в. Автор делает вывод о том, что систему православных богослужебных заведений епархии отличали высокие темпы роста, что было связано с переселенческой политикой, освоением земель и строительством Транссибирской железной дороги.

The paper aims at considering the development of the Orthodox liturgical institutions of Tomsk diocese in the late 19th – early 20th centuries. The author concludes that the system of Orthodox liturgical institutions of the diocese was characterized by high growth rates, which was associated with the resettlement policy, land development and construction of the Trans-Siberian Railway.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Томская епархия, церковное строительство.

Keywords: Russian Orthodox Church, Tomsk Diocese, church building.

В конце XIX – начале XX в. православный храм был неотъемлемой чертой городского и сельского пейзажа в России. Ему придавалось несколько значений: религиозное, ибо храм воспринимался как дом Бога; политическое, потому что в условиях православного государства церковь являлась представителем власти на местах, помещением для проведения общих собраний, оглашения указов и информации о происходящих событиях в стране, регистрации населения и записи актов гражданского состояния, формирование системы взглядов граждан и контроль над ней; мировоззренческое, так как храм являлся своеобразным символом общности и единства населения, проживающего на определённой территории, а также признаком главенства населённого пункта над данной

местностью, и гарантировал закрепление статуса «села» за ним; просветительское и культурное.

В обыденном же сознании церковь воспринималась как гарант процветания и стабильности. Известный автор, излагая историю с. Богородского, расположенного в 54 км от г. Томска, отмечал, что именно со времени построения храма (или часовни), несмотря на скудость почвы и разливы реки, село стало населённым, в нем расположилось волостное правление, училище, стала проводиться ежегодная ярмарка 23 июня, оборот которой составлял до 10000 руб. [15].

Динамика развития системы православных богослужебных заведений Томской епархии в конце XIX – начале XX в. представлена в таблице 1.

Таблица 1

Развитие системы православных богослужебных заведений Томской епархии в конце XIX – начале XX в.

Год	Церкви						Часовни и молитвенные дома	Итого
	соборные	монастырские	приходские	домовые	приписные	кладбищенские		
1889	11	7	364	16	42	8	163	611
1896	9	7	426	19	42	8	167	678
1901	9	12	518	24	122	8	175	868
1909	9	12	639	29	160	8	441	1298
1913	9	16	807	31	229	7	363	1456
1916	9	16	905	32	247	7	391	1607

Примечание: составлено по: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 907. Л. 7 (об), Д. 1928. Л. 22 (об) – 23, Д. 2766. Л. 35 (об) – 46; ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4728. Л. 3 – 57; Всеподанейший отчёт Обер-Прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за соответствующие годы; Справочная книга по Томской епархии за 1898 – 1899 г. Томск, 1900, за 1902 – 1903 г. Томск, 1903, за 1909 – 1910 г. Томск, 1911, за 1914. Томск, 1914.

Если в 1889 г. в епархии насчитывалось 611 богослужебных заведений, то к 1917 г. их число увеличилось в 2,6 раза и уже составляло 1607. В начале 90-х гг. на территории епархии развернулось бурное церковное строительство, которое представлено в таблице 2.

Строительство православных богослужебных заведений в Томской епархии в конце XIX – начале XX в.

Построено за год					
год	каменных	деревянных	год	каменных	деревянных
1892	1	41	1904	5	45
1896	-	44	1906	8	51
1897	1	52	1907	6	55
1898	5	49	1908	3	48
1899	3	54	1909	3	65
1900	3	61	1910	2	68
1901	3	56	1913	4	53
1902	5	49	1914	3	50
1903	2	39	1916	2	32

Примечание: составлено по: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2121. Л. 3, Д. 2489. Л. 11 (об), Д. 2551. Л. 11, Д. 2737. Л. 27, Д. 2766. Л. 29 (об) – 30; Всеподданейший отчёт Обер-Прокурора Синода по ведомству православного исповедания за соответствующие годы; Справочная книга по Томской епархии за 1898 – 1899 гг. Томск, 1900, за 1909 – 1910 гг. Томск, 1911 и за 1914. Томск, 1914.

Причин столь грандиозного строительства было несколько. Во-первых, огромная территория, разбросанность населённых пунктов, препятствия в сообщении постоянно стимулировали строительство новых богослужебных заведений. Даже после отделения огромной Семипалатинской области одно богослужебное заведение приходилось на 1170,7 км². Вот типичная история для Томской епархии: «плохие дороги сильно препятствуют сообщению с церковью. Во время зимы, когда случается трудно больной, приходилось не раз выезжать всей почти деревне топтать дорогу, чтобы кое-как привезти священника. Младенцы по полугоду и более оставались некрещеными...» [17]. Во-вторых, в это время активно перестраиваются уже порядком обветшавшие или ставшие тесными ввиду увеличения населения церкви. Пр. Макарий не раз докладывал Синоду, что в епархии немало ветхих храмов, например, таких как Верх-Майзасский Каинского округа, стены которого трясутся от ударов колокола на колокольне, и тесных, рассчитанных на 200 – 250 человек, при численности прихожан в приходе в 7 – 10 тысяч [1, с. 160]. В благочинии № 37 6 церквей тесные и холодные, «когда-то они были крашены, но от краски под влиянием непогод не осталось и следа. Церковные главы наклонились в сторону, а кресты от времени потускнели». А церковь с. Окуловского вообще вмещает только 40 человек [9, л. 12]. В приходах с. Старобутырского и с. Вознесенского насчитывается по 10 тысяч прихожан, с. Тогульского (8000), деревень Ключи (9000), Локоть (7000), Рокаты (6500), Волчиха (5000) при церквях, рассчитанных на 200 – 500 молящихся [9, л. 12 об.]. В-третьих, распространение православия в результате миссионерской деятельности. В-четвёртых, быстрые темпы увеличения православного населения и создание новых посёлков в результате переселенческой политики и хозяйственного освоения региона. В-пятых, серьёзным бедствием были пожары. Вот названия только некоторых пострадавших строений: Иоанно-Предтеченская с. Криводаново (8.01.1914) Томского округа; Вознесенская с. Верхотомского (22.10.1912) Кузнецкого округа;

Георгиевская д. Малоархангельской (20.12.1895) Каинского округа; Петропавловская с. Марушкинского (31.12.1898) Бийского округа; Вознесенская с. Косихинского (15.09.1895) Барнаульского уезда; Николаевская с. Сибирячихинского (18.02.1885), Покровская с. Старо-Алейского (4.02.1898) Змеиногорского уезда.

Система православных богослужебных заведений Томской епархии в конце XIX – начале XX в. состояла из разных элементов, различающихся по статусу, роли и значению.

Первенствующее место в системе православных богослужебных заведений занимали соборы. Главным храмом епархии, в котором служили архиереи, стояла архиерейская кафедра (амвон), был кафедральный собор. В 1834 г. в качестве кафедрального собора была выбрана Благовещенская церковь г. Томска. Но она по вместимости и внешнему облику не могла соответствовать этому статусу. Поэтому 3.06.1845 второй томский архиерей Афанасий (14.06.1841 – 18.01.1854) начал строительство нового кафедрального собора [5, л. 2]. И только при епископе Владимире (6.08.1883 – 8.03.1886) строительство главного храма епархии вновь было возобновлено и закончено в 1899 г. Освящение главного престола во имя Троицы состоялось 25 мая 1900 г. Собор был каменным и находился в центре г. Томска, его основание представляло собой правильный крест с четырьмя выступами: восточный служил продолжением алтаря, в трёх других были сделаны железные двери с гранитными крыльцами. Крыша собора была покрыта железом и покрашена голубой краской. Венчали сооружение позолоченные башни, купола и кресты. Внутри стены собора украшала живопись [6, л. 2]. Собор являлся прообразом московского храма Христа Спасителя и третьим подобным собором в России. Накануне рождественских праздников, в конце 1900 г. собор был освещён электрическими фонарями, на установку которых было потрачено 1000 руб. Газета «Сибирская жизнь» с гордостью сообщала, что кафедральный собор Томска по их количеству уступает только своему московскому прообразу – Храму Христа спасителя [13]. Это, несо-

менно, была самая примечательная постройка конца XIX – начала XX в. в Томской епархии. Остальные соборы также были каменными и располагались в городах епархии: Барнаульский Петропавловский, построенный в 1772 г., Семипалатинский Знаменский (1788), Кузнецкий Спасо-Преображенский (1792 – 1801), Змеиногорский Преображенский (1817), Мариинский Николаевский (1824), Нарымский Крестовоздвиженский (1827), Каинский Спасский (1829), Колыванский Троицкий (1867), Бийский Троицкий (1877), Усть-Каменогорский Покровский (1888). В конце XIX в. был построен Покровский собор в Усть-Каменогорске. Его освящение, состоявшееся 29 – 31 мая 1888 г., стало примечательным событием жизни Томской епархии. Для участия в церемонии город посетили Пр. Исаакий, епископ Бийский Макарий [16].

Монастырские церкви находились на землях монашеских обителей. Одна обитель могла располагать несколькими церквями. За Томским Иоанно-Предтеченским женским монастырём числилось 5 церквей, Улалинским Николаевским – 3, Барнаульским Богородице-Казанским – 2 церкви и 1 молитвенный дом, Томским Богородице-Алексеевским – 2.

Домовые церкви Томской епархии находились при архиерейских домах (Крестовая в Томске, Казанская и Дмитриевская в Бийске), в учреждениях (церковь Святителя и Чудотворца Димитрия при Главном управлении Алтайского округа, Николаевская при томской городской больнице, Спасская церковь при пересылочной тюрьме в г. Томске), в учебных заведениях (Благовещенская Барнаульского духовного училища, Богородице-Казанская при Императорском Томском университете). Среди домовых церквей численно доминировали церкви, находящиеся при духовно-учебных и богоугодных заведениях. К 1917 г. самое большое количество домовых церквей имелось в г. Томске (15), 6 в Барнауле, 3 в Бийске, по 2 в Мариинске и АДМ и по 1 в Каинске, Колывани, Кузнецке, Новониколаевске.

Число кладбищенских церквей в конце XIX – начале XX в. оставалось стабильным, но располагались они только при городских кладбищах Томской епархии.

Самой многочисленной группой в системе православных богослужебных заведений Томской епархии были приходские церкви. Приходская церковь являлась центром приходской общины. В этих церквях велось обязательное богослужение, хранились и велись метрические книги, осуществлялся учет принявших исповедь и причастие. При этих церквях формировались библиотеки, организовывались попечительства и внебогослужебные собеседования, церковно-приходские школы. В конце XIX – начале XX в. эта категория увеличилась в 2,5 раза. Остановимся на наиболее примечательных постройках. В 1896 г. было открыто движение по Сибирской железной дороге через Новониколаевск. С этого момента быстрыми темпами увеличивается население, и в начале XX в. Новониколаевск превращается в крупный промышленный центр Сибири. Параллельно с этими изменениями ведётся бурное церковное строительство. 29 декабря 1899 г. состоялось освящение Алексан-

дро-Невского храма Новониколаевска [4, л. 2]. Строительство велось с 1896 по 1899 гг., что можно считать рекордными сроками для столь крупного сооружения. Авторы проекта – инженеры В. А. Косяков и Д. К. Пруссак взяли за основу храм «Во имя ликующей Божьей Матери» в Галерной гавани Санкт-Петербурга. Стены восьмиугольного храма с колокольней были выложены методом чередования светлых и тёмных полос на манер церквей Византии. Новая церковь имела три престола: главный – Св. Благоверного князя Александра Невского, правый – Святителя и Чудотворца Николая, левый – Св. Великомученика Георгия Победоносца. Собор стал первым каменным зданием Новониколаевска. В начале XX в. в городе был освящён целый ряд церквей: 1901 – Покровская, 1.10.1907 – Воскресенская, 21.01.1908 – Казанская.

Приписные церкви прикреплялись к основной, обычно приходской. Строились они в отдалённых населённых пунктах. Своего самостоятельного причта не имели, а священнослужителям приходской церкви вменялось в обязанность совершать в них богослужения в престольный день и в великие церковные праздники. При увеличении числа прихожан приписные церкви переводились в разряд самостоятельных, и при них образовывался приход. С 1880 по 1917 гг. количество приписных церквей увеличилось в 9,5 раз. Настоящий «строительный бум» приписных церквей в Томской епархии наблюдается с конца 90-х гг. XIX в., в результате которого их доля в системе богослужебных заведений выросла с 6,2 % в 1896 г. до 15,4 % в 1916 г. Объяснялось это тем, что при разброшенности прихожан, недостатке священно-церковнослужителей они являлись возможным решением проблемы нехватки богослужебных заведений в епархии.

Важное место в системе богослужебных заведений Томской епархии занимали молитвенные дома и часовни. Молитвенным домом называлось помещение для богослужений, в отличие от церкви без алтаря, устроенное временно при отсутствии церкви. Но в Томской епархии из-за удалённости населённых пунктов от приходской церкви и нехватки храмов они всегда играли особую роль. Некоторые молитвенные дома были очень старыми, и когда они были построены, установить невозможно. При Николаевской церкви с. Солтонского Бийского уезда числилось 6 молитвенных домов, о которых сказано, что построены они издавна жившими в тех местах казаками, но с чьего позволения, неизвестно [21, л. 135 – 138]. Епархиальное начальство обязывало духовенство агитировать прихожан отдалённых местностей устраивать молитвенные дома. Они получили распространение там, где население было не в состоянии построить церковь, так как убранство такого дома обходилось значительно дешевле, чем церкви. Поэтому многие молитвенные дома этого периода не воспринимались как временные и имели алтарь. В начале 90-х гг. XIX в. появляется особый проект, сочетающий функции богослужебного и школьного помещения [18]. В 1904 г. в Томской епархии насчитывалось уже 15 таких церквей-школ [10, л. 8 об.]. Часовни представляли собой небольшие молельные строения с иконами и лампадой. Нередко часовни устанавливались в качестве

памятника (кирпичная часовня в память чудесного избавления царской семьи на Курско-Харьковской-Азовской железной дороге 17 октября 1888 г. напротив Троицкого собора г. Бийска, часовня в память избавления от холеры 1892 г. селения Локоть Кузнецкий округ), на целебных источниках и у святых ключей (часовня на реке Ушайке в г. Томске, часовня на Св. Ключе в 18 км от г. Семипалатинска). У некоторых городских церквей часовни были поставлены недалеко от входа для продажи религиозных книг, свечей и других принадлежностей культа (часовня при церковных воротах Одигитриевской церкви г. Барнаула). Но в Томской епархии по тем же самым причинам, что и молитвенные дома, они могли быть полноценным богослужебным заведением. В некоторых приходах имелось несколько часовен. В конце XIX – начале XX в. молитвенные дома и часовни стабильно составляли 20 – 30 % в системе богослужеб-

ных заведений Томской епархии. Лидером по наличию молитвенных домов и часовен был Кузнецкий уезд, согласно «Справочной книге 1914 г.», здесь находилось 117 молитвенных домов и часовен, что составляло 32,5 % от их общего количества. В Мартыновском приходе Кузнецкого уезда, например, было сразу 6 молитвенных домов в отдалённых деревнях, за Спасо-Преображенским собором г. Кузнецка числилось 1 молитвенный дом и 7 часовен (2 в городе и 5 – в отдалённых деревнях). Далее следовали Бийский уезд, располагавший 84 молитвенными домами и часовнями, Томский (48), Барнаульский (43), Змеиногорский (25), Каинский (19), Мариинский (14) [14].

Важно, чтобы соблюдалось соответствие количества богослужебных заведений православному населению. Этот аспект проблемы представлен в таблице 3.

Таблица 3

Соотношение православной паствы и богослужебных заведений в Томской епархии в конце XIX – начале XX в.

<i>Год</i>	<i>Количество православных</i>	<i>Количество стационарных заведений</i>	<i>Число православных на одно заведение</i>
1889	896552	611	1467
1896	1265614	678	1867
1901	1710687	868	1971
1909	2400558	1298	1849
1913	2902308	1456	1993
1916	3499939	1607	2178

Примечание: составлено по: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 907. Л. 7 (об), Д. 1928. Л. 22 (об), 23, Д. 2766. Л. 35(об) – 46; ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4728. Л. 3 – 57; Всеподданейший отчёт Обер-Прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за соответствующие годы; Справочная книга по Томской епархии за 1898 – 1899 гг. Томск, 1900, тоже за 1909 – 1910 гг. Томск, 1911 и за 1914. Томск, 1914.

В приведённых в таблице данных чётко прослеживается тенденция к постоянному увеличению числа лиц православного исповедания, приходящихся на одно заведение, несмотря на быстрый количественный рост системы православных богослужебных заведений. Что касается территории, то даже в 1916 г. 1 богослужебное заведение приходилось на 494 км².

Для компенсации недостатка богослужебных заведений в Томской епархии в конце XIX – начале XX в. появились подвижные церкви. Походная церковь представляла собой передвижную церковь со всей необходимой для богослужения утварью, обычно их использовали в воинских соединениях. Но в Томской епархии они применялись там, где не было стационарных храмов или они были слишком далеко: рудники, переселенческие и миссионерские поселки, инородческие улусы, а также в бедных приходах или с большим количеством старообрядческого населения. Походная церковь могла временно заменять и постоянную, пока та ещё не была построена. Походная церковь, как и приписная, причислялась к приходской, и за неё отвечал приходской причт. В 1896 г. их было 8 [7, л. 16 об.], в 1900 г. – 20 [8, л. 22 об.] и в 1915 г. – 68 [12, л. 27]. В 1908 г. Синод в рамках политики по удовлетворению духовных нужд переселенцев вводит разъездные причты, для Томской епархии

их учредили 3 [2, с. 153 – 157]. Государство выделило для строительства причтовых домов на месте постоянного жительства по 3000 руб. и ежегодного содержания по 2000 руб. на причт, из которых 1000 руб. получал священник, 500 руб. псаломщик и 500 руб. на разъезды. Разъездной причт Изотиковской походной церкви обслуживал население Тюхтетского землеустроительного района, Дмитриевской – золотоприискского подрайона в Мариинском уезде, Зимовской – Ново-Кусковской волости Томского уезда. Причт с походным Антиминсом двигался по определенному маршруту и посещал примерно 1 раз в месяц поселки своего района. С началом эксплуатации Сибирской железной дороги в епархии для обслуживания населения, расположенного вдоль железнодорожного полотна, появился разъездной вагон-церковь.

С конца 90-х гг. XIX в. строительство богослужебных заведений в Томской епархии становится частью государственной политики. В 1897 г. было принято решение о выделении на церковное строительство, кроме лесных материалов, по 2000 руб. денежного пособия на церковь для переселенческих посёлков [19, л. 12]. Согласно этому проекту были построены церкви в переселенческих селениях Ивановское Мариинского уезда [3, л. 57], Романово, Родина, Ужаниха, Моршань, Алабуга, Николаевское, Новая Полтава,

Знаменка, Верх-Каргатское Барнаульского уезда, Осиповка Кузнецкого уезда, Черновое Змеиногорского уезда, Талицкое Бийского уезда, Власиха Барнаульского уезда [20, л. 34 – 53]. В период приостановки переселенческого потока в Сибирь, вызванного русско-японской войной, правительственная помощь в строительстве церквей почти прекратилась.

С 1909 г. осуществляется планомерная политика церковного строительства в переселенческих посёлках, связанная с деятельностью Особого Совещания о церковных нуждах в переселенческих местностях при Синоде и Епархиального комитета по устройству церковного быта переселенцев. Правительство определило чёткий размер материальной помощи 2500 – 4000 руб. на каждый объект, и при этом оно рекомендовало отказаться от постройки дорогостоящих церквей и возводить более дешёвые и стандартные варианты. На деньги, выделенные из переселенческого управления строились: Троицкая с. Таловского (1910), Троицкая п. Ново-Александровский (1912), Дмитриевская с. Емельяновского (1912), Михаило-Архангельская церковь с. Анастасиевского (1913) Томского уезда, Иверская с. Балманского (1910), Покровская с. Яковлевского (1911), Николаевская с. Ново-Дубровского (1914) Каинского. Грандиозным было строительство храма в Славгороде, который намечался на

роль центра всей переселенческой организации в Томском районе. Смета строительства была равна 71000 руб., из которых Переселенческое управление в 1912 г. выдало 10000 руб., в 1913 и 1914 – по 20000 руб. [11, л. 16 – 16 об.]. Поступление недостающих сумм прервала первая мировая война. В 1909 г. государство санкционировало выдачу ссуд на строительство богослужебных заведений в переселенческих посёлках. Но, в целом, несмотря на принимаемые государственные меры, ассигнованных сумм для реальных потребностей Томской епархии было недостаточно.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. систему православных богослужебных заведений Томской епархии отличают высокие темпы роста. Культовое строительство, обеспечение кадрами Томской епархии стали частью переселенческой политики государства, а в самой епархии были созданы новые организационные структуры для решения этих вопросов. Но размеры финансирования не соответствовали реальным потребностям епархии, поэтому значительную роль играли епархиальные средства и усилия самих прихожан. Темпы развития Томской епархии были слишком стремительными, что создавало определённую внутреннюю нестабильность.

Литература

1. Всеподданейший отчёт Обер-Прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1902. СПб., 1905. С. 160.
2. Всеподданейший отчёт Обер-Прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1908 – 1909 гг. СПб., 1911. С. 153 – 157.
3. ГАКО. Ф. Д. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 57.
4. ГАНО. Ф. Д. 159. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.
5. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4321. Л. 2.
6. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4328. Л. 2.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1647. Л. 16 об.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1870. Л. 22 об.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2002. Л. 12.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2062. Л. 8 об.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2674. Л. 16 – 16 об.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2737. Л. 27.
13. Сибирская жизнь. 1900. № 281.
14. Справочная книга по Томской епархии за 1914. Томск, 1914.
15. Томские епархиальные ведомости. 1882. № 7. Отд. неофиц.
16. Томские епархиальные ведомости. 1888. № 16. Отд. неофиц.
17. Томские епархиальные ведомости. 1899. № 11. Отд. неофиц.
18. Церковные ведомости. 1892. № 6.
19. ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 180. Л. 12.
20. ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 224. Л. 34 – 53.
21. ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 331. Л. 135 – 138.

Информация об авторе:

Терехова Оксана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, terehov1968@mail.ru

Oksana N. Terekhova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(571.17):[622.012.2+553.94]"171/176"

ОТКРЫТИЕ И ОСВОЕНИЕ РУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ И КАМЕННОГО УГЛЯ В КУЗНЕЦКОМ КРАЕ В 1710-х – 1760-х ГОДАХ

И. Ю. Усков

DISCOVERY AND DEVELOPMENT OF ORE DEPOSITS AND COAL IN KUZNETSK REGION IN THE 1710S – 1760S

I. Yu. Uskov

В статье определены причины поиска полезных ископаемых со стороны основных групп исследователей – рудознатцев-практиков (М. Волков, С. Костылев, К. Гордеев, Я. Панов, И. Шестаков) и ученых-путешественников (Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, Э. Лаксман) в начальный период промышленного освоения региона. Обоснован факт первооткрытия кузнецкого каменного угля рудознатцем М. Волковым и проанализирована его промысловая деятельность. Выявлены проекты использования каменного угля в металлургическом производстве (Берг-коллегия, А. Демидов) и строительства на данной территории медеплавильных заводов (В. Н. Татищев). Изложены причины отсутствия промышленных разработок месторождений каменного угля (неконкурентоспособность с древесным топливом; необходимость изменения технологического процесса металлургических печей, невозможность транспортировки водным путем на Урал). Рассмотрена попытка возобновления добычи серебряной руды на реке Каштак (Н. Клеопин, И. И. Шишков, П. Старцов, А. Иванов).

The paper reveals the process of discovering new deposits of ores and coal, as well as their practical application in the initial period of the industrial development of the region. The paper defines the reasons for searches for minerals by major groups of researchers – dowsers-practitioners (M. Volkov, S. Kostylev, K. Gordeev, I. Panov, I. Shestakov) and scientists-travelers (D. G. Messerschmidt, G. F. Miller, I. G. Gmelin, E. Laxman). The fact of Kuznetsk hard coal discovery by the dowser M. Volkov is justified, and his activities are analyzed. The projects of using hard coal in metallurgical production (Berg-Collegium, A. Demidov) and construction of copper smelters in the area (V. N. Tatishchev) are revealed. The reasons for the lack of industrial development of coal deposits are identified (uncompetitiveness with wood fuel, need for change in the metallurgical furnaces process, inability to transport by water to the Urals). The attempt of silver mining renewal on the river Kashtak (N. Kleopin, I. Shishkov, P. Startsov, A. Ivanov) is considered.

Ключевые слова: открытие кузнецкого каменного угля, проекты строительства медеплавильных заводов; Каштакский рудник.

Keywords: Kuznetsk hard coal discovery, projects of copper smelters construction, Kashtaksky mine.

С природными ресурсами Кузнецкого края русское население столкнулось в XVII в. в процессе его хозяйственного освоения. Уже в конце столетия была предпринята попытка наладить добычу серебряной руды, найденной на р. Каштак в северо-восточных отрогах Кузнецкого Алатау.

Однако подлинное открытие природных богатств края произошло в XVIII в., когда поиск полезных ископаемых по всей территории России становится делом государственной важности. Среди причин этого явления стали необходимость ликвидации зависимости России от импорта черных и цветных металлов и значительно возросший, прежде всего, в связи с нуждами армии в годы Северной войны спрос внутреннего рынка. Законодательная основа была заложена именными указами Петра I (1700 г.) об учреждении приказа Рудокопных дел и о прииске золотых, серебряных, медных и иных руд. Свобода поисков и разработки полезных ископаемых, награждение за открытие серебряных и медных руд подтверждались именным указом об учреждении Берг-коллегии (1719 г.) [22, № 1812, с. 75; № 1815, с. 79 – 80; 23, № 3464, с. 760 – 762]. На Урале в г. Уктусе был организован Сибирский обер-бергамт, ведавший горными разведками и заводами в регионе. Его начальником стал один из «птенцов гнезда Петровых», талантливый администратор – В. Н. Татищев.

Немалая заслуга научного открытия Сибири принадлежала Петербургской Академии наук. Проблемы

развития производства и освоения природных богатств, удовлетворения потребностей мореплавания, метеорологии и картографии изначально концентрировали исследовательскую деятельность академии на комплексном познании внутренней территории России, прежде всего, в естественноисторическом отношении путем научных описаний и составлением ландкарт [13, с. 258].

История открытия и освоения природных богатств Кузбасса в дореволюционный период является сложившимся в местной историографии исследовательским направлением [4; 11; 12; 15; 31; 36; 39]. Между тем начальный период этого процесса (до постройки в 1771 г. на р. Томь-Чумыш первого железоделательного завода) получил фрагментарное освещение. Целью настоящей статьи является раскрытие процесса последовательного открытия рудных месторождений и каменного угля в Кузнецком крае с конца 1710-х по 1760-е годы, выявление выдвигавшихся проектов строительства заводов и использования обнаруженных полезных ископаемых.

Особенность сибирского рудоискательства в начале XVIII в. заключалось в том, что основным поисковым признаком были остатки древних горных выработок – «чудские копи». Передатчиком достижений древних рудокопов стало коренное население региона, так, в реестре рудных заявок 1732 – 1734 гг. прямо указывалось, что железная руда «взята в Кузнецком

уезде у ясачных иноземцев, которые плавают в малых печах в кришное железо» [12, с. 38].

Рудоискательство в Среднем и Верхнем Приобье в 10 – 20-х гг. XVIII в. связано с именами Степана Костылева и его «товарищей»: Михайлы Волкова, Леонтия Останина, Фёдора Комарова и Ивана Горбунова.

Длительное время биография знаковой для истории края фигуры, первооткрывателя кузнецкого каменного угля – рудознатца Михайлы Волкова, оставалась неизвестной, что способствовало восприятию его образа как полумифического, «баснословного героя», подобного героям народных эпосов [38, с. 32]. Благодаря вводу в научный оборот новых документов и их интерпретации исследователями стало возможным раскрыть страницы биографии рудознатца.

Социальное происхождение Михайлы Волкова проясняет доношение рудознатца в Берг-коллегию (январь 1721 г.) об открытии им в Западной Сибири различных рудных месторождений – *тобольский казачий сын* [14, с. 45]. Документ опровергает существовавшую в историографии версию о крепостном происхождении рудознатца. Сейчас наиболее аргументированной представляется точка зрения о том, что отцом рудознатца являлся пашенный крестьянин Красномысской слободы Тобольского уезда Михайло Аверкиев Волков, который между 1710 и 1717 гг. вместе с семьей переселяется в Коркину слободу того же уезда (ныне город Ишим Тюменской области), где был записан в беломестные казаки [3, с. 81].

Промысловая деятельность Михайлы Волкова по источникам прослеживается с 1717 г., когда он «с товарищами» отправился из Чаусского острога Томского уезда на Алтай, к Белоярской крепости, вероятно, для расширения зоны рудоискательской деятельности. Однако приказчик С. Серебрянников не принял промысловиков для проживания в крепости и отправил обратно, вследствие чего группа вынуждена была пойти дальше на юг «вверх по Оби-реке под Чемры» (речка Чемровка, правый приток реки Оби, недалеко от слияния Бии и Катунь) [10, с. 24 – 25].

В 1719 г. Волков находился в группе рудознатцев в не разрешённой властями экспедиции в верховьях реки Алей. Открыв шесть месторождений медной руды, С. Костылев и Ф. Комаров, учитывая опыт общения с местными властями, сказали государеву «слово и дело» и были отправлены из Томска в Тобольск и далее в Москву в Преображенский приказ для проведения следствия [29, с. 296]. Михайло Волков же дошёл до Иртыша, так как 1720-й год он встретил в Омской крепости, где был «для звериного промыслу». Здесь рудозналец сказал государеву «слово и дело» и был прислан в Тобольск, где подал доношение о прииске руд в Томском уезде. Так как самих минералов Волков не представил, для подтверждения заявления из Тобольска вместе с рудным мастером Ф. Инютиным его посылают в Томск. Волков показал мастеру места находок по рекам Порос, Ояш и Шегарка, а также «вверх по Томи до Красной горы, и у той горы руды приискали, и, взяв сверху той горелой земли, и говорил [Ф. Инютин] та де земля значит добрую серебряную руду» [цит. по: 14, с. 45].

В Кунгуре выяснилось (октябрь 1720 г.), что руда оказалась пустой породой. Волков подал донос на Ф. Инютина в не прииске им в Томском уезде руд и о

взятках с жителей Чаусского острога. По розыску на месте дознались, что рудный мастер взял с жителей 400 руб. деньгами, несколько «косяков» камки и других подарков и о руде утаил. Узнав о грозившей беде, Инютин бежал и скрылся у А. Демидова на Невьянском заводе [28, с. 281 – 282].

Собственное доношение Михайлы Волкова о поисках руд (январь 1721 г.) является первым официальным документом, извещающим о месторождении каменного угля на территории будущего г. Кемерово. Но понимал ли сам рудозналец, что он открыл? Документ прямо свидетельствует, что красный охристый цвет «горелой земли» ассоциировался не только у него, но и у мастера Инютина с «доброй серебряной рудой».

Сибирское горное начальство для изучения месторождений, заявленных Костылевым и Комаровым, а также для повторного обследования мест, указанных Волковым, в мае 1721 г. направляет в Томск немецкого горного специалиста П. Прифцена (Бривцына) в сопровождении самого рудознатца и «для письма и всякой помощи» Н. Петрова.

В Томске выяснилось, что С. Костылев уже вновь уехал на горный промысел, и встреча с ним состоялась слишком поздно для продолжения экспедиции на Алтай. Зато 11 сентября 1721 г. Прифцену была показана «вверх по Томе реке, от Верхотомскова острогу семь верст, красная горелая гора, а вышина той горе дватцат[ь] сажен. А признаки и слои в той горе разными виды, а слоями и признаками лежит на полдень. А толстота тем слоям по аршину, и по два, и по три аршина. И изо оной горы взято признак, на которых явствуют потписи. А при том месте прилегло сосновых лесов малое число. А удобных рек к заводу в близости нет, разве в семи или в десяти верстах обрести можно; тако ж против того и лесов...» [21, док. № 7].

Как отмечает В. Б. Бородаев, речь в приведенном фрагменте идет о возможности строительства вододельствующего рудоплавильного завода, работающего на древесном угле из сосновых дров. В отчёте Прифцена каменный уголь не упомянут, Красная гора (ныне в черте г. Кемерово) вновь была признана рудным месторождением [2, с. 27].

Экспедиция П. Прифцена вернулась в Кунгур 10 – 12 февраля 1722 г. Здесь и был, скорее всего, определён кемеровский уголь. «Реэстр рудам» с «№ 1. Уголь каменной из Томска, доносителя Михайла Волкова» содержится в доношении Сибирского обер-бергамта в Берг- и Мануфактур-коллегии, отправленном 7 мая 1722 г. за подписью И.-Ф. Блюэра и И. Патрушева [20, с. 106].

Рудознатцы до получения ответа из Берг-коллегии были направлены к горным работам на Подволошный рудник. В следующем 1723 г. Волков переводится на Григоровский рудник восстанавливаемого Пысковского медеплавильного завода. Вероятно, нахождение в подмастерьях (направлялся «для науки к добыче руд») стало не по нраву решительному и вольнолюбивому Михайле Волкову и он в этом же году сбегает с рудника [7, л. 230], чем поставил себя вне закона.

Без образа Михайлы Волкова невозможно представить современный Кузбасс и особенно его административный центр – город Кемерово. Для тобольского казачьего сына открытие в 1718/1719 годах на реке

Томи Горелой горы – лишь эпизод в нелегкой жизни промысловика. Предполагая местонахождение здесь рудных запасов, М. Волков дважды – в 1720 и 1721 годах – возвращается к ней с представителями сибирского горного начальства. Вместо руды последняя экспедиция доставила в феврале 1722 г. на Урал образцы каменного угля – полезного ископаемого, разработка которого станет важным фактором становления индустриального региона Западной Сибири.

Месторождение полезного ископаемого, которое выходит на дневную поверхность и резко, бьющим в глаза образом, отличается от окружающих его пород, было известно местным жителям. Сохранилась дневниковая запись от 28 апреля 1721 г., согласно которой ученому-путешественнику Д. Г. Мессершмидту и сопровождавшему его Ф. И. Страленбергу, о каменном угле у Верхотомского острога сообщил в Томске пленный шведский лейтенант Ehnberg [1, р. 93; перевод В. Ю. Гейера]. Заслуга М. Волкова, по замечанию В. Б. Бородаева, заключалась в том, что он первым посмотрел на Красную гору глазами промысловика-искателя, начал процедуру ее геологического открытия [2, с. 25].

Берг-коллегия, разбирая донесение 1722 г. Блюэра и Патрушева, выдвинула вопрос о практическом использовании найденного Волковым минерального топлива: «о оном угле осведомить – невозможно ль оттуда водяным путем к заводам или к рудным каким промыслам возить, и о том рапортовать» [20, с. 105]. В данном случае имелись в виду заводы восточных склонов Урала, так как на Алтае их еще не было. Знаменательно, что использование кузнецкого угля сразу по его открытии было поставлено в связь со снабжением топливом уральской промышленности, однако до его разработки в то время дело не дошло. Доставка угля к уральским заводам по Томи и Оби была не под силу транспорту XVIII в., да и в конкурентоспособности с древесным топливом каменный уголь явно проигрывал [12, с. 41 – 42]. В. Н. Татищев в своих работах по географии Сибири (1736 – 1744), отмечая наличие каменного угля «во многих местах, яко в Томском, також и Угории», дополняет: «хотя таковой камень в Англии вместо дров употребляют, но в Сибири за великим доволством дров никогда не употребляем» [34, с. 67, 159]. Незавершенность месторождения, вероятно, сказалась на факте отсутствия сведений о нем в описаниях Томского уезда специалистов и путешественников XVIII в., а именно И. И. Шишкова (1739 – 1741 гг.) и И. П. Фалька (1771 г.) [9, с. 87; 35, с. 537].

М. Волков в своем доношении указывал, что он знает «в Кузнецком уезде гору, которая ныне горит, а в той горе садитца сера горючая многое число». Вероятно, это та самая «Огнедышащая гора» (горел пласт юрского угля), находящаяся на правом берегу р. Томи, выше устья ее притока р. Абашевой, которую принимали за вулкан ученые-путешественники Д. Г. Мессершмидт (1721 г.) [14, с. 43] и И. Г. Гмелин (1734 г.) [6, с. 160].

В 1745 г. М. В. Ломоносов, редактируя русский перевод «Минерального каталога» Кунскамеры, в группе «Земли» отмечает: «бб. Серая земля, наподобие каменного угля, или лучше сказать: смуроватая глина; найдена при устье реки Абашовы, которым

впала в Тому; за Мессершмидтовым клеймом. 150. Земля с белыми и красными пестринами, найденная в огнедышащей горе при устье реки Абашовы, которым впала в реку Томь»; в группе «Жирные минералы»: «153. Каменное уголье в небольших прутиках; при устье Абашовы найдено. 154. Каменное уголье, светящееся, слоеватое; от реки Абашовы» [17, с. 76, 82, 97].

Таким образом, Ломоносов зафиксировал каменный уголь, найденный 10 августа 1721 г. [обоснование даты: 14, с. 42, 46] доктором медицины Д. Г. Мессершмидтом у «огнедышащей горы» около города Кузнецка.

Сведения о сибирских рудах заинтересовали уральского промышленника А. Демидова, который после подтверждения данных о наличии больших запасов меди, содержащей серебро, добился разрешения (1726 г.) добывать руду и строить заводы на Алтае.

Вначале 1730-х гг. разведки полезных ископаемых по поручению Сибирского Обер-берг-амта в районе рек Оби, Иртыша, Томи и др. производила крупная геологическая партия под руководством К. Гордеева.

В 1732 г. боярский сын Иван Шестаков и отставной казак Яков Панов объявили о нахождении серебряных и медных руд недалеко от г. Кузнецка по берегам р. Кондомы, около двух пудов образцов было доставлено в уездную воеводскую канцелярию [20, с. 89].

Перспективу создания в Кузнецком уезде базы металлургического производства видел В. Н. Татищев. Вновь получив назначение на должность главного начальника горных заводов Урала и Сибири, он в письме от 13 марта 1734 г. к императрице Анне Иоанновне дал высокую оценку местным рудным месторождений: «наибольшие сокровища искать надобно в Томском и Кузнецком уездах... Оные руды сеть лучшие и богатейшие по всей Сибири и подобны оным до днесь не сыскано...» [цит. по: 31, с. 248] (датировка письма см.: [9, с. 6 (прим. 10)]. В полученной правительственной инструкции (23 марта 1734 г.) Татищеву, помимо прочего, было указано «ехать в Томской и Кузнецкой уезд, и стараться, чтоб тамо сильные заводы построить, и доходы казны умножать» [24, № 6559, с. 292 (пункт 10)].

В сентябре 1734 г. территория Кузнецкого уезда была обследована участниками Академического отряда 2-ой Камчатской экспедиции, в результате чего его руководителями И. Г. Гmeliным и Г.-Ф. Миллером в доношении в Сенат (2 января 1735 г.) также выдвигался проект «ради казенного интересу» строительства в уезде базы черной металлургии. Для этого предполагалось использовать как железнорудные месторождения, так и обнаруженные месторождения каменного угля: «А лучшая железная руда имеется по реке Кондоме на текущей в оную Мандабаше реке, по Мразе на впадающей во оную реку Тагана речки, по последней мере можно бы там столко железа зделать, сколько в обоих сих [Томском и Кузнецком] уездах ежегодно на продажу исходит... К тому ж везде по реке Томе каменных угольев великое множество находится, от которых та прибыль есть, что их не надобно наперед жечь, так как из дерева, да от них же

перед другими угольями и болше жару бывает» [33, л. 117; 37, с. 23].

Всего В. Н. Татищевым предполагалось построить в Сибири 30 заводов. С целью привлечь в этот процесс частный капитал он добивается именного указа Анны Иоанновны от 16 декабря 1735 г. «О дозволении учреждать рудокопные заводы» [24, № 6841, с. 609]. Строительство медеплавильных заводов намечалось и в Кузнецком уезде, что отмечено Татищевым в «Общем географическом описании всея Сибири» (1736 г.) [34, с. 69].

Однако данному проекту в это время не суждено было реализоваться. «Охотников» для заведения заводов не оказалось. Единственным промышленником на Алтае оставался А. Демидов, чьи предприятия из-за наличия в алтайских медных рудах серебра и золота на короткий срок (1735 – 1736 гг.) отходили в казенную собственность под начало Томского горного правления. Достаточно быстро Демидову удалось добиться возвращения взятых в казну его алтайских предприятий.

В апреле 1739 г. Демидов получает от Генерал-Берг-директориума привилегию на разработку обнаруженного «подле реки Томи под городом Кузнецким» угля, а также право поисков «в объявленных и других местах Томского, Кузнецкого и Енисейского ведомств онгого угля и других металлов и минералов» [20, с. 108, 111].

Именно при Акинфий Демидове на Колывано-Воскресенском заводе были проведены первые опытные плавки алтайских руд на кузбасском каменном угле, хотя и закончившиеся неудачно. Столь знаменательный для истории кузбасской промышленности факт известен благодаря «Описанию Сибирской губернии Удорской провинции Кузнецкого уезда» (1742 – 1743 гг.) геодезиста И. И. Шишкова. В документе отмечается: «Из некоторых мест с реки Ини каменной уголь возжен был для пробы ... в Колыванской завод. И произносится слух, что за негодности брошен, ибо де кладен в плавильною медною печь, от которого ис той печи медь не пошла, оною печь от того угля разорвало» [9, с. 171 – 172]. Между тем промышленник ставил вопрос о практическом применении каменного угля в том или ином месте производственного цикла. В 1744 г. Демидов просил бригадира А. В. Безра, посланного для инспекции на алтайские предприятия, освидетельствовать каменную уголь, «на какое употребление он явитца удобнее, в плавильных печках или на гермакхерские горны» [36, с. 125].

Однако и во второй половине XVIII в. заводы продолжали работать на древесном угле, перевод металлургических печей на каменный уголь требовал значительных изменений в технологическом процессе, к чему местные инженеры не были подготовлены.

В начале 1740-х годов внимание специалистов занял вопрос о возможности возобновления добычи серебряной руды на р. Каштак.

8 февраля 1740 г. по пути из Красноярска в Томск речку Каштак пересек Г.-Ф. Миллер [18, с. 221]. Так как в силу зимнего времени осмотреть рудник было невозможно, то ученый в письме задержавшемуся в Красноярске И. Г. Гмелину просил его изучить рудокопное место. В сентябре 1740 г. Гмелин побывал на брошенном руднике, взял образцы руды и опробовал

их в Томске, но обнаружил в ней только свинец [19, с. 44].

Через два – три дня после Гмелина, 17 сентября 1740 г., место бывшего острога и рудника было осмотрено бергмейстером Н. Клеопиным, который находился в Томском и Красноярском уездах с целью осмотра медных рудных приисков. Во время осмотра предприятия рудных признаков обнаружено не было. Тем не менее Клеопин, исполняя свои служебные обязанности, ставит задачу установить причину запущения рудника и возможность возобновления промысла. В сентябре 1742 г. на Алапаевском заводе состоялась его встреча с Гмелиным, в результате которой бергмейстером был составлен «Экстракт» о деятельности рудника, представленный в канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов [8, с. 35 – 43]. 17 сентября 1744 г. Клеопин известил своим доношением Берг-коллегию о серебряном промысле на р. Каштак, чтобы «надлежащее решение учинено быть могло» [27, л. 509 – 518].

В 1741 г. рудные выработки на Каштаке вновь были осмотрены, теперь уже геодезистом И. И. Шишковым и его учеником П. Старцовым [9, с. 85].

В мае 1747 г. заводы и рудники А. Демидова перешли в ведомство Кабинета Е. И. В. [25, № 9403, с. 700 – 701], став основой крупного административно-хозяйственного комплекса на юге Западной Сибири – Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа.

В августе 1749 г. П. Старцов сообщил Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства о ранее осмотренном руднике. Для освидетельствования горных работ при Каштаке Канцелярия отправила с Барнаульского завода рудознатца Архипа Иванова, который уже 12 сентября представил семь образцов горных пород и плавильных продуктов, взятых с мест, где производились работы. Однако образцы при лабораторном испытании не выявили содержания металлов [32, с. II – III].

После перехода алтайских рудников и заводов в ведение Кабинета поиск месторождений руд и каменного угля в регионе продолжался, в том числе лицами, находящимися на службе Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. Некоторые из них впоследствии стали членами Петербургской Академии наук. Поэтому на Алтае встречается один из первых примеров плодотворного сотрудничества науки и производства.

В марте 1764 г. в Барнаул на должность пастора лютеранского прихода прибывает будущий академик Э. Лаксман, который совмещал службу с научными наблюдениями. В районе Томска и р. Чулым исследователь нашел слой каменного угля, а «с местности у реки Лебедь» он привозит образцы бурого каменного угля [16, с. 33, 365]. Современные исследователи биографии Э. Г. Лаксмана ошибочно связывают с находкой угля на берегах р. Лебедь (приток Бии) начало изучения богатств Кузнецкого угольного бассейна [26, с. 40], тем более что место, вероятно, было указано неточно, так как о месторождении каменного угля на данной реке ничего не известно.

Промышленный потенциал Кузнецкой округи уже в середине XVIII в. предопределил выделение ее как отличительной территории. Сибирский губернатор

Ф. И. Соймонов в своей работе впервые провел экономическое районирование Сибири. Кузнецкий край вошел в третью (из шести выделенных) часть: «от Тобольска в южную сторону между рек Иртыша и Оби Барабинскую степь и к югу лежащие места по Колыванской и Кузнецкой линии, около которой находящиеся серебряные и золотые рудники и заводы, как ныне изобилуют, так и впредь бесспорную надежду подают. И по справедливости именовать те

места *Золотым дном* за приличное почитается» [30, с. 454].

Необходимость для обустройства рудников и заводов округа железом и чугуном стала причиной строительства Томского железоделательного завода – первенца черной металлургии Кузбасса, с пуском в строй которого (1771 г.) начинается новая страница в истории промышленного развития края.

Литература

1. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720 – 1727. Berlin, 1962. Teil. 1.
2. Бородаев В. Б. Архивные материалы о Михайле Волкове и открытии Кемеровского месторождения каменного угля на Красной горке // Историко-культурное наследие: сохранение, использование: науч. практ. конф. (2007, Кемерово). Кемерово: АРФ, 2008.
3. Волков В. Г. Алтайские рудознатцы первой трети XVIII в.: происхождение и роль в первоначальном освоении территории Верхнего Приобья и Алтая // Ползуновский альманах. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2004. С. 80 – 87.
4. Волчек В. А. Изучение юга Западной Сибири в XVIII веке // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово-Городок, 2002. С. 135 – 151.
5. Геология СССР. Т. XVI. Кузнецкий бассейн / ред. В. И. Яворский. М.; Л.: Госгеолиздат, 1940. 783 с.
6. Гмелин И. Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе – сентябре 1734 г. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. Вып. 2.
7. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22.
8. Добжанский В. Н., Усков И. Ю. Новый документ о сереброплавильном промысле на р. Каштак // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. Вып. 5.
9. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730 – 1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. документов / авт. вступ. ст. и археограф. справки В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб.: Европейский дом, 2010. 260 с.
10. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века: сб. / сост. Ю. С. Булыгин и др. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. 351 с.
11. История Кузбасса: в 2 ч. / гл. ред. А. П. Окладников. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. Т. I – II. 376 с.
12. Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700 – 1860 годах. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1963. 216 с.
13. Киселев А. В. Роль Санкт-Петербургской Академии наук в становлении краеведения // Ученые записки НИИ прикладной культурологии. Кемерово, 2007. Т. 1(3).
14. Ковтун И. В. От «письмагоры» до «огнедышащей горы»: открытие петроглифов и угля в Кузнецкой котловине // Сборник научных трудов ИЭЧ СО РАН: сб. статей. Кемерово: б/и, 2010.
15. Крылов Г. В., Завалишин В. В., Козакова Н. Ф. Исследователи Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1983. 168 с.
16. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка / пер. со швед. Э. Паландер. СПб.: тип. им. Академии наук, 1890. 488 с.
17. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений; гл. ред. С. И. Вавилов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. 746 с.
18. Миллер Г. Ф. Путешествие из Красноярска в Томск, 1740 г. // Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. С. 209 – 233.
19. Обручев В. А. История геологического исследования Сибири: Период первый. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 153, 18, IV с.
20. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России: исследование и документы / Сост. под рук. А. А. Зворыкина. М.; Л.: Углетехиздат, 1952. 356 с.
21. Перевалов В. А. Новые документы о горнозаводском деле на Урале и в Сибири в первой четверти XVIII в. (по материалам ГАСО) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2003. Вып. 9. URL: www.ihist.uran.ru/index/ru/uiiv/n9/218
22. Полное собрание законов Российской империи, I собрание (ПСЗ РИ – I). СПб., 1830. Т. IV.
23. ПСЗ РИ – I. СПб., 1830. Т. V.
24. ПСЗ РИ – I. СПб., 1830. Т. IX.
25. ПСЗ РИ – I. СПб., 1830. Т. XII.
26. Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. Л.: Наука, 1971. 274 с.
27. Российский государственный архив древних актов. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 854 (сообщено В. Н. Добжанским).
28. Рожков В. Деятельность артиллерии-капитана В. Н. Татищева на Уральских заводах в царствование Петра Великого // Горный журнал. 1884. Т. III. № 8. С. 94 – 128, 246 – 282.
29. Серебряный венец России (очерки истории Змеиногорска) / Упр. арх. дела адм. Алт. края. Барнаул, 1999. 520 с.

30. Соймонов Ф. И. Древняя пословица СИБИРЬ ЗОЛОТОЕ ДНО // Ежемесячные сочинения. 1761. Ч. 2.
31. Сорокин М. Е. Из истории разведки полезных ископаемых на территории Кузбасса // Краевед Кузбасса: Мат. к науч. конф. Новокузнецк, 1970. Вып. 2.
32. Спасский Г. И. Две грамоты о начале горного промысла в Сибири // Вестник ОИДР. 1850. Кн. 7.
33. СПб Ф АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 24.
34. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России; под ред. А. И. Андреева. М.: Географиздат, 1950. 248 с.
35. Фальк И. П. Записки путешествия // Полное собрание учёных путешествий. СПб., 1824. Т. 6. 546 с.
36. Шемелев В. И. История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права; сост. вступ. ст. М. М. Кушниковой, В. А. Сергиенко, В. В. Тогулева. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. 368 с.
37. Элерт А. Х. Герард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири // Три столетия академических исследований Югры: От Миллера до Штейница. Екатеринбург, 2006. Ч. I.
38. Юдин Ю. Чёрный квадрат. Баснословные сказания об угле и горняках. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. 227 с.
39. Яворский В. И. Очерк по истории геологического исследования Кузнецкого бассейна. М.: Госгеолтехиздат, 1962. 144 с.

Информация об авторе:

Усков Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института экологии человека СО РАН, Yskov74@gmail.com.

Igor Yu. Uskov – Candidate of History, Associate Professor, Researcher at the Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 930:37.69

РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКОМ ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА (1954 – 1958 гг.)

К. В. Фадеев

DEVELOPMENT OF HUMANITARIAN EDUCATION AT TOMSK CONSTRUCTION INSTITUTE REVEALED BY THE EXAMPLE OF THE DEPARTMENT OF MARXISM AND LENINISM (1954 – 1958)

K. V. Fadeev

В статье рассматривается участие кафедры марксизма-ленинизма в развитии учебно-воспитательного процесса в техническом вузе на фоне изменений, происходивших в СССР после XX съезда КПСС. Главное внимание уделяется истории кафедры и установлению имен всех ее сотрудников, которые внесли свой вклад в развитие вузовского образования.

The paper focuses on the participation of the Department of Marxism and Leninism in the development of teaching and educational process in a Higher Technical School against the background of changes occurring in the USSR after the XX congress of CPSU. The main attention is paid to the history of the Department and revising the names of all the staff members who made contribution to the development of higher school education.

Ключевые слова: Томский государственный архитектурно-строительный университет, образование, учебный процесс, марксизм-ленинизм, политическая экономия, Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), политико-воспитательная работа.

Keywords: Tomsk State University of Architecture and Building, education, educational process, Marxism and Leninism, political economy, Communist party of the Soviet Union (CPSU), political-teaching work.

В 2013 г. кафедре истории России и политологии ТГАСУ исполнилось 60 лет. Кафедра имеет длительную и непростую историю становления и развития, в деятельности которой отразилась сложная и противоречивая судьба нашей страны в XX в., т. к. она теснейшим образом была связана с теми политическими и социально-экономическими преобразованиями, которые в ней происходили. Родоначальницей гуманитарного образования в техническом вузе стала кафедра марксизма-ленинизма, созданная в 1953 г. в числе

первых кафедр института и с этого времени ведет отсчет своей истории коллектив кафедры истории России и политологии.

В соответствии с этим, исходя из понимания кафедры как учебного подразделения, автор главным мерилom деятельности ее сотрудников ставил их участие в учебно-воспитательном процессе. Главной задачей стало изучение истории кафедры и установление имен всех ее сотрудников, которые внесли свой вклад в развитие вузовского образования. Началом

этого исследования послужило формирование очередного сборника «Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – XXI вв.», посвященно-го юбилею кафедры.

При работе над статьей были использованы документы, хранящиеся в Государственном архиве Томской области (ГАТО) и архиве ТГАСУ. Так, основные данные о деятельности кафедры и учебно-методического кабинета содержатся в частично сохранившихся отчетах и рабочих планах [11 – 13; 15; 17; 19; 21]. Обо всех изменениях штатного состава можно проследить по «Приказам ректора института по основной деятельности и по личному составу» и «Контрольным спискам преподавательского состава рабочих и служащих» [1; 2; 6; 8 – 10]. Одновременно использованы исследовательские [21, с. 6 – 11, 103 – 106] и публицистические работы [22], посвященные истории ТГАСУ, хотя большинство публикаций трудно отнести к разряду научных исследований, т. к. в них содержатся неточные, а иногда и ошибочные данные. Кратко характеризуя источники, следует сказать, что часть документов, необходимых для реконструкции деятельности кафедры, безвозвратно утрачена, а некоторые из имеющихся документов содержат неполную информацию. Поэтому целью этой статьи является систематическое описание истории кафедры с момента ее основания с опорой на архивные источники.

Приказом МВО СССР от 5 июня 1952 г. № 928 на основании постановления Совета Министров СССР от 19 января 1952 г. Главное управление строительных вузов с 1 сентября 1952 г. открывает Томский институт инженеров по строительству элеваторов на базе Томского политехникума Министерства заготовок СССР в составе одного строительного факультета [3, л. 1, 2]. Гуманитарная составляющая в открываемом институте отводилась кабинету основ марксизма-ленинизма и самостоятельной дисциплине «Основы марксизма-ленинизма» и осуществлялась силами двух преподавателей. Кандидат исторических наук, старший преподаватель, работающий по совместительству, А. Т. Макаева читала лекции по дисциплине, а А. Т. Шабалин, работая в должности заведующего кабинетом, фактически выполнял обязанности ассистента, проводя семинарские занятия со студентами по основам марксизма-ленинизма [1, л. 2, 3].

В 1953/1954 учебном году институт был переименован в Томский инженерно-строительный институт и вновь вошел в структуру МВО СССР. В этот же период была образована кафедра марксизма-ленинизма, а при ней функционировал учебно-методический кабинет [4, л. 152, 163; 20, л. 23]. Штат кафедры состоял из четырех человек – заведующая кафедрой А. Т. Макаева, старший преподаватель, работающий по совместительству Н. И. Печёных, преподаватель А. Т. Шабалин и заведующий кабинетом Б. И. Семаев. Формы и методы работы кафедры соответствовали политической и идеологической ситуации того времени. На нее были возложены задачи политической, идеологической и воспитательной работы не только среди студенческой молодежи, но и среди сотрудников института, трудящихся города и области. Посте-

пенно кафедра становится центром идеологической работы в вузе.

В процессе подготовки инженеров-строителей в техническом вузе важнейшее место принадлежит преподаванию гуманитарных и социально-экономических дисциплин, призванных формировать у слушателей фундаментальные мировоззренческие знания и ценности, широкий политический кругозор, умение грамотно решать поставленные перед ними задачи. Кроме того, эти дисциплины ориентированы на воспитание у слушателей патриотизма, порядочности, честности и справедливости, чувства гордости и ответственности за избранную профессию. Все эти задачи решались кафедрой марксизма-ленинизма.

В течение двух последующих учебных лет – 1954/1955 и 1955/1956 – на кафедре выдерживался стиль работы, заложенный ее руководителем А. Т. Макаевой. За это время в высшей школе структурно видоизменяются учебные дисциплины, когда к читавшемуся курсу «Основы марксизма-ленинизма» добавляется преподавание политической экономии, а в 1956 г. вводится марксистско-ленинская философия. Все это приведет в дальнейшем к кадровым перестановкам, когда на кафедру придут более опытные преподаватели, имеющие научные степени и звания и решающие поставленные временем проблемы в духе эпохального события – XX съезда КПСС – повлиявшего на развитие советского государства и общества. Ну а пока же учебный процесс и функционирование кафедры в институте шло своим чередом.

В конце 1953/1954 учебного года из института выбыло несколько сотрудников кафедры – Н. И. Печёных и А. Т. Шабалин. Однако с 1 сентября 1954 г. ее ряды пополнили молодые преподаватели, окончившие аспирантуру или вузы г. Томска. В их числе кандидат экономических наук, старший преподаватель И. А. Ветчинов, защитивший кандидатскую диссертацию при Саратовском экономическом институте; старший преподаватель З. А. Плясова, окончившая в 1954 г. аспирантуру при кафедре марксизма-ленинизма ТГУ без защиты, но продолжавшая работать над кандидатской диссертацией; преподаватель Б. И. Семаев, разрабатывавший кандидатскую диссертацию «Борьба Коммунистической партии за индустриализацию Дальнего Востока в 1926 – 1929 гг.»; преподаватель Г. К. Цехина, работавшая над кандидатской диссертацией «Разработка В. И. Лениным тактических основ марксистской партии (1905 – 1907 гг.)». (Прим. автора: Видимо темы не были окончательно утверждены, поэтому в документах фигурируют несколько рабочих вариантов их названия.). Состав кафедры также пополнился учебно-вспомогательным персоналом в лице лаборанта Е. В. Огур и новой заведующей кабинетом К. Ф. Малихиной, работавшей над кандидатской диссертацией «Генеральная линия компартии в области внешней политики 1922 г.» [2, л. 15 – 18, 82, 83; 11, л. 8, 9].

Согласно отчету по научно-исследовательской работе на 1 января 1954 г. преподавательский состав института состоял всего из 40 чел. и в основном молодых педагогов. При этом отсутствовали штатные высококвалифицированные научные сотрудники, что накладывало отпечаток на научно-исследовательскую

работу вуза [11, л. 1]. Естественно, что кафедры, находясь в стадии становления, не могли разрабатывать научные темы проблемного или комплексного характера. Однако работа в этом направлении велась. Так, на кафедре марксизма-ленинизма совместным обсуждением была принята общая научно-практическая тема, над которой будут работать все работники кафедры: «Борьба городской партийной организации за поднятие производительности труда».

Целью разработки этой темы, по мнению кафедр, является, во-первых, обобщение опыта партийных организаций города по борьбе за поднятие производительности труда, во-вторых, оказание помощи Горкому КПСС в распространении положительного опыта одних предприятий на другие. Планировалось собрать материалы по предприятиям города и к декабрю 1958 г. опубликовать брошюру объемом в 5 печатных листов, на основе которой, по согласованию с Райкомом КПСС, провести в дальнейшем лекционные собрания на предприятиях Вокзального района [13, л. 53, 75; 19, л. 10, 11].

Кроме общей темы каждый преподаватель имеет план научно-исследовательской работы. Так, А. Т. Макаева подготовила к печати монографию «Развитие внутрипартийной демократии в РКП(б) в период восстановления народного хозяйства (1921 – 1925 гг.)». З. А. Плясова должна подготовить к защите кандидатскую диссертацию; ассистенты Б. И. Семаев и Г. К. Цехина готовились к сдаче кандидатского минимума по истории КПСС и работали над сбором материала по своим диссертациям [11, л. 1, 2; 13, л. 53]. Также преподавателями кафедры сформирован сборник научных статей под редакцией А. Т. Макаевой, посвященный 50-летию первой русской революции 1905 – 1907 гг. Техническим редактором была назначена ассистент К. В. Волкова. Планировалось, что стоимость сборника составит 300 – 500 руб. после того, как статьи будут напечатаны на машинке и переплетены [13, л. 1, 48, 49, 54, 75].

Первые годы существования кафедры были нелегкими. Не хватало высококвалифицированных специалистов, учебников, методических пособий, нередко они перепечатывались на пишущей машинке или переписывались от руки. В тот период коллектив кафедры занимался не только преподаванием, но и решал задачи по воспитанию студенчества на революционных, боевых и трудовых традициях народа, а также вел активную общественную работу, руководя системой партийного просвещения, помогая в организации политического просвещения кафедрам всего института. Несмотря на сложности периода становления, сотрудники кафедры смогли обеспечить необходимый уровень преподавания общественных дисциплин.

В 1954 г. учебный год в институте начался позже в виду отъезда студентов в колхозы для оказания помощи по сбору сельскохозяйственной продукции. Общее число студентов составляло 640 чел., распределявшихся по курсам следующим образом: на I курсе – 304 чел., II курсе – 206 чел., III курсе – 130 чел. Обучались они по учебным планам, утвержденным МВО СССР в 1951 г., и согласно которым с III курса вводилась новая дисциплина – «Политическая эконо-

мия», что привело к увеличению штата кафедры за счет привлечения преподавателей с экономическим образованием [12, л. 1; 13, л. 16а; 16, л. 24, 25; 18, л. 23, 23 об., 27, 28].

В течение учебного года на кафедре проводилась учебно-методическая работа. Так, в целях обмена опытом и оказания помощи преподавателям в повышении качества читаемых студентам лекций и проводимых семинарских занятий было организовано взаимопосещение с последующим обсуждением на заседаниях кафедры. Обсуждение открытых лекций давало возможность вскрывать недостатки как в содержании, так и в методике изложения материала, что способствовало улучшению качества читаемых лекций.

Большое внимание уделялось семинарам. С этой целью Б. И. Семаев разработал методику семинарских занятий, учитывая опыт работы преподавателей, ведущих семинарские занятия. Его доклад вызвал на кафедре большой интерес и активное обсуждение. Также на кафедре неоднократно обсуждались вопросы организации самостоятельной работы студентов над произведениями классиков марксизма-ленинизма. Преподавателем Г. К. Цехиной была разработана методика конспектирования первоисточников. Ее доклад сначала был заслушан на кафедре, а затем прочитан студентам I и II курсов.

В результате, как отмечалось в отчете о деятельности кафедры, «Живее и интереснее проходили семинарские занятия в большинстве групп всех курсов особенно по материалам XX съезда КПСС. Большинство студентов серьезно относились к изучению марксистско-ленинской теории» [13, л. 74, 76; 19, л. 1, 3 – 5].

Объем политико-воспитательной работы был огромным. Принимаемые в институте планы по воспитательной работе в основном состояли из мероприятий, за которые отвечали преподаватели кафедры. Формы их проведения были разные: теоретические конференции, лекции, студенческие доклады и т. д. Например, по инициативе и под руководством кафедры была организована и проведена теоретическая конференция с самостоятельно изучающими марксистско-ленинскую теорию на тему: «50 лет первой русской революции 1905 – 1907 гг.», в рамках которой работники кабинета подготовили книжные выставки и фотовыставку, посещавшиеся студентами и преподавателями.

Одновременно велась общественно-политическая работа в городе и области, когда все работники кафедры участвовали в общественной жизни института и в работе городской и районной партийной организации. Так, А. Т. Макаева являлась членом партбюро и ответственной за постановку пропагандистской работы в институте, а также консультантом для самостоятельно изучающих марксистско-ленинскую теорию. Была внештатным лектором и руководила секцией историков и философов при Горкоме КПСС. З. А. Плясова была парторгом на кафедре и депутатом городского совета депутатов трудящихся, внештатным пропагандистом Райкома КПСС. Г. К. Цехина выполняла отдельные поручения Райкома КПСС по линии пропагандистской работы и являлась консультантом для самостоятельно изучающих историю

КПСС. Помимо этого руководила кружком служащих института по изучению материалов XX съезда КПСС, а также секцией студенческого исторического кружка при кафедре [13, л. 76, 77; 19, л. 7, 8, 9].

О проделанной преподавателями работе можно судить по итогам зачетной и экзаменационной сессии. Итак, по результатам сессии можно утверждать, что по курсу основ марксизма-ленинизма и политической экономии большинство студентов овладели материалом программы. Ряд студентов показали не только серьезные и глубокие знания по основам марксизма-ленинизма и политической экономии, но и умение связать теоретический материал с практикой и задачами коммунистического строительства, умение ориентироваться в событиях современности.

В отчете о деятельности кафедры А. Т. Макаева пишет: «Анализ причин, не сдавших зачет..., показывает, что не сдали... именно те студенты, которые в течение семестра плохо или совсем не занимались по основам марксизма-ленинизма и политической экономии... Поэтому не случайно, что такие студенты не могли освоить материал, пройденный за семестр в один-два дня, которые отводили на подготовку к зачету» [19, л. 13, 14].

История высшего образования второй половины 1950-х гг. проходила под влиянием демократизации общества, связанной с ликвидацией культа личности И. В. Сталина. Начались изменения в преподавании общественных наук, когда постепенно менялось и содержание преподаваемых предметов. После XX съезда КПСС был издан приказ МВО СССР В. Елютина, в котором отмечалось, что программа курса основ марксизма-ленинизма по преимуществу ограничивалась кругом вопросов, освещенных в «Кратком курсе истории ВКП(б)» со всеми имевшимися в нем недостатками. В вузах страны вместо основ марксизма-ленинизма вводилось преподавание самостоятельного курса истории КПСС. Так, в соответствии с указанием МВО СССР на IV и V курсах всех факультетов ТИСИ в осеннем семестре 1956/1957 учебного года вводится преподавание истории КПСС и новой дисциплины «Диалектический и исторический материализм» в объеме 42 и 36 часов соответственно с принятием зачета по окончании курса [6, л. 156, 172; 19, л. 34].

В последующие годы все эти мероприятия привели к изменению и увеличению учебной нагрузки и привлечению новых преподавателей на кафедру, т. к. институту нужны были не просто педагогические, а высококвалифицированные кадры. С середины 1950-х гг. ее основу составляли преподаватели-фронтовики. В общей сложности за исследуемый период на кафедре работало 17 штатных преподавателей, 5 из которых имели научные степени кандидатов наук и звания доцентов (*Прим. автора: При этом нужно учитывать, что в 1957 г. на многих кафедрах института имелось лишь по одному доценту или кандидату наук, а на кафедрах высшей математики и гидротехники таковые и вовсе отсутствовали.* [7, л. 148]): А. Т. Макаева, И. А. Ветчинов, Л. В. Малыхин, В. А. Зибарев, Б. И. Лещинер, который 10 июля 1956 г. сменил А. Т. Макаеву, заняв должность заведующего кафедрой [5, л. 321; 6, л. 215; 19, л. 20]. Некоторые из них имели опыт работы в партийных ор-

ганах, другие же пополняли преподавательский состав после окончания высших учебных заведений и аспирантуры. Это И. М. Шапоренко, Г. П. Ковалевская, М. А. Кочуров, В. З. Дозморov, А. А. Белобородов.

В это время все сотрудники кафедры активно занимались научно-исследовательской работой, о чем свидетельствует «План научно-исследовательской работы и работы по повышению квалификации на 1956/1957 учебный год» [19, л. 39, 40, 41]. Так, Б. И. Лещинер готовил к печати статью «Борьба КПСС за последовательное осуществление принципа коллективного руководства в партийных организациях (1946 – 1954 гг.)». В. А. Зибарев к февралю 1957 г. подготовил к печати статью «Освобождение малых народов Дальнего Востока Великой Октябрьской социалистической революцией», а в течение учебного года занимался сбором архивных материалов к вопросу о социалистических преобразованиях коренного населения Нарымского края. Л. В. Малыхин работал над статьей «Крестьянские Комитеты взаимопомощи на Дальнем Востоке (1924 – 1925 гг.)».

Старшие преподаватели занимались кандидатскими диссертациями. Так, И. М. Шапоренко нужно было в течение первого семестра оформить к защите диссертацию, а к февралю 1957 г. подготовить к печати статью «Основной экономический закон социализма и его действие в послевоенный период (1945 – 1955 гг.)». К январю 1957 г. Г. П. Ковалевской предоставить на обсуждение кафедры главу диссертации «Принцип материальной заинтересованности и подъем материального благосостояния советского народа в пятой пятилетке» и продолжать сбор фактического материала к последующим главам диссертации. З. А. Плясова должна была до апреля 1957 г. написать первую главу диссертации «Партийно-политическая работа партийных организаций Западной Сибири по дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению колхозов в 1938 – 1941 гг.», а к маю – июлю 1957 г. обработать вторую главу [16, л. 6, 7, 8].

Учебная нагрузка на кафедре распределялась следующим образом. Лекции по дисциплине «История КПСС» на I курсе читал кандидат исторических наук, старший преподаватель Л. В. Малыхин (семинарами руководили Л. В. Малыхин и ассистент Г. К. Цехина); на II курсе: лектор – старший преподаватель З. А. Плясова (семинарами руководили З. А. Плясова и кандидат исторических наук, ассистент В. А. Зибарев). На вечернем отделении лектор Л. В. Малыхин, а семинары за В. А. Зибаревым. Лекции по дисциплине «Политическая экономия» на II и III курсе читала старший преподаватель Г. П. Ковалевская, а семинары за ней проводили ассистенты К. В. Волкова и В. А. Зибарев; на IV курсе лекции и семинары были закреплены за старшим преподавателем И. М. Шапоренко. По дисциплине «Диалектический и исторический материализм» на IV и V курсе читает лекции и ведет семинары заведующий кафедрой Б. И. Лещинер [19, л. 42].

Помимо учебно-методической работы, кафедра всегда вела активную общественно-политическую работу. Так, под руководством старшего лаборанта Л. С. Рожневой, совместно с комитетом комсомола, в

период с марта по май 1958 г. были организованы лекции и беседы, посвященные 40-летию ВЛКСМ. В этот же период ассистент К. В. Волкова принимала участие в организации и проведении студенческих вечеров вопросов и ответов. В течение марта – июня 1958 г. кафедра организовала чтение цикла лекций для самостоятельно изучающих философию (лектором на них был Б. И. Лещинер), а в последующем оказывала помощь по подготовке и сдаче кандидатских экзаменов по диалектическому и историческому материализму и истории КПСС [8, л. 233, 244, 332, 335; 9, л. 363; 10, л. 188, 242, 305, 319; 19, л. 51].

В 1957 г. произошло важнейшее для института событие – состоялся первый выпуск студентов, теперь уже дипломированных инженеров. В июне прошла защита дипломов у 110 строителей, а в декабре у 48 гидротехников. И не последнее место в их подготовке сыграли преподаватели кафедры марксизма-ленинизма, сумевшие сформировать у студентов широкий политический кругозор и умение грамотно решать поставленные временем задачи. Все выпускники были направлены на стройки Сибири и Дальнего Востока [22, с. 42 – 46, 177].

Однако нужно отметить, что в силу ряда причин в работе института, в том числе и кафедры, наблюдались недостатки. В областном архиве сохранился приказ министра В. Елютина от 19 июля 1957 г. № 760, в котором напрямую на это указывается: «...в работе института... имеются существенные недостатки в проведении учебного процесса на кафедре марксизма-ленинизма. Так, в лекциях преподавателей кандидата исторических наук Л. В. Малыхина по истории КПСС и И. М. Шапоренко по политической экономии имеются существенные пробелы... В лекциях и на семинарских занятиях... не всегда достигается органическая связь теории марксизма-ленинизма с современной практикой коммунистического строительства... слабо используются наглядные пособия...»

В целях улучшения работы... ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Директору... института Л. М. Даманскому:

а) принять необходимые меры к устранению недостатков в работе института...;

г) усилить политико-воспитательную работу среди студентов...;

з) ...оказывать помощь преподавателям института в повышении их научной квалификации» [7, л. 146, 147, 149, 150; 9, л. 133, 134, 135, 136].

На данное распоряжение практически сразу же последовала реакция. В начале 1957/1958 учебного года приказом директора (ректора) ТИСИ от 9 октября 1957 г. № 326 на основании приказа по МВО СССР № 844 от 16 августа 1957 г. преподаватели кафедры марксизма-ленинизма практически в полном составе Б. И. Лещинер, В. А. Зибарев, Л. В. Малыхин, К. В. Волкова, З. А. Плясова, Г. К. Цехина, И. М. Шапоренко и представитель от партийной организации института старший преподаватель В. Н. Макаренков с 14 по 20 октября были командированы в г. Новосибирск на совещание преподавателей общественных наук [5, л. 286].

После этого в рамках учебно-методической работы на кафедре начинают функционировать предметно-методические комиссии, когда в октябре 1957 г.

прошло обсуждение проекта рабочих программ: по политической экономии (разработчик И. М. Шапоренко) и по истории КПСС (разработчик Л. В. Малыхин). Введено стенографирование лекций с их последующим обсуждением. Например, обсуждались лекции Л. В. Малыхина «Ленинская программа по национальному вопросу», Г. П. Ковалевской «Кругооборот и оборот капитала» и т. д. [19, л. 44, 45, 46, 50, 51].

На протяжении рассматриваемого периода в состав кафедры входил кабинет для самостоятельной работы студентов с библиотечным фондом книг по основам марксизма-ленинизма, политической экономии и философии. Основные задачи кабинета заключались в следующем: обслуживание студентов, аспирантов, преподавателей института в их стремлении по изучению марксистско-ленинской теории, а также оказание помощи в научной, педагогической и пропагандистской работе.

В течение 1954/1955 учебного года кабинетом заведовала К. Ф. Малыхина, окончившая в 1952 г. историко-филологический факультет ТГУ и пришедшая на работу в ТИСИ из Томской областной партийной школы. На третьем году работы института приступившая к работе новая заведующая столкнулась с рядом проблем: «Кабинет марксизма-ленинизма к началу учебного года не был готов, не были покрашены полы, стены, не было готово оборудование». Отъезд студентов на месяц в колхоз позволил работникам кафедры благополучно устранить возникшие проблемы, подготовив к занятиям 30 аудиторию и кабинет, и в дальнейшем оказывать студентам помощь в их работе над книгами [12, л. 1; 17, л. 7, 37].

После ухода из института в сентябре 1955 г. К. Ф. Малыхиной, которая поступила в очную аспирантуру ТГУ, кабинетом в течение 1955/1956 учебного года заведовала Л. С. Рожнева. В этот период кабинет продолжает осуществлять свою деятельность по нескольким направлениям. Например, для оказания помощи агитаторам и пропагандистам была подобрана литература и подготовлены выставки: «Июльский Пленум ЦК КПСС», «XX съезд КПСС», напечатаны планы для занятий по изучению данных материалов. Также кабинет осуществлял тесное сотрудничество с комитетом комсомола по проведению экскурсий по революционным местам в городе Томске и посещение в областном краеведческом музее выставки, посвященной 50-летию революции в Томске [17, л. 8; 12, л. 2, 3].

В 1956/1957 учебном году штат кабинета увеличивается за счет новой должности старшего лаборанта, которую занимает Л. С. Рожнева, а заведующим с сентября 1956 г. вновь становится Б. И. Семаев, переведенный на эту должность с ассистента кафедры. Следующие изменения в штате кабинета происходят уже в новом 1957/1958 учебном году, когда после ухода Б. И. Семаева заведующей становится ассистент кафедры Г. К. Волкова (Цехина) и ее приход на длительный период вносит определенную стабильность в работу кабинета [6, л. 127, 128; 9, л. 26, 195]. В это время кабинет принимает участие в работе студенческих научных кружков при кафедре. Регулярно обновляются фотовыставки. Например, к 3 ноября

1956 г. Б. И. Семаевым была оформлена фотовыставка на тему: «Великая Октябрьская социалистическая революция», а Л. С. Рожневой ко 2 декабря на тему: «День Советской конституции». Регулярно оформляется витрина «Новинки литературы по марксистско-ленинской теории» [19, л. 47, 48, 52, 53].

Таким образом, деятельность кафедры марксизма-ленинизма как основной составляющей распространения гуманитарного образования в техническом вузе была тесно связана с политическими и идеологическими процессами, происходившими в стране. Однако следует подчеркнуть, что преподаватели кафедры никогда не были слепыми исполнителями указаний, исходящих от вышестоящих партийных органов. Каждый из преподавателей описываемого периода был,

прежде всего, воспитателем молодежи, который стремился научить студентов мыслить творчески, стремясь в ходе лекционных и семинарских занятий формировать у студентов умения и навыки самостоятельной работы. Они не только знакомили студенческую молодежь с историей коммунистической партии и положениями коммунистической доктрины, но и прививали интерес к законам эволюции природы и общества, раскрывали ей особенности ключевых этапов развития государства, рассказывали о происходящих событиях в мире, т. е. повышали общеобразовательный уровень студентов, помогая им выработать собственную гражданскую позицию, воспитывали в них честность, порядочность и принципиальность.

Литература

1. Архив ТГАСУ. Оп. 26. Д. 2.
2. Архив ТГАСУ. Оп. 26. Д. 6.
3. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 10.
6. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 12.
7. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 13.
8. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 14.
9. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 15.
10. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 17.
11. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 29.
12. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 30.
13. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 32.
14. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 35.
15. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 36.
16. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 43.
17. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 47.
18. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 48.
19. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 51.
20. ГАТО. Ф.Р – 1600. Оп. 1. Д. 99.
21. История ТИСИ – ТГАСУ в документах и материалах: сб. документов. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2002. 132 с.
22. Селиванов Л. И. История Томской государственной архитектурно-строительной академии. Т. 1. ТИСИ. (1952 – 1985 годы). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. 188 с.

Информация об авторе:

Фадеев Константин Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ), fadееvk@rambler.ru

Konstantin V. Fadeev – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History of Russia and Political Science, Tomsk State University of Architecture and Building.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(571.17):[061:82-051]"1962/198"

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КЕМЕРОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР (1962 – 1980-е гг.)

А. М. Шерин

MAIN STAGES IN THE DEVELOPMENT OF KEMEROVO BRANCH OF THE UNION OF WRITERS OF THE RUSSIAN SOVIET FEDERATIVE SOCIALIST REPUBLIC (1962 – the 1980s)

А. М. Sherin

Данная статья посвящена становлению и развитию Кемеровского отделения Союза писателей РСФСР, которое было создано в 1962 г. Целью исследования является выделение отдельных этапов в развитии Кемеровской писательской организации и выявление их характеристик. В ходе исследования было определено три основных этапа развития местного отделения Союза: этап становления (1962 – первая половина 1970-х гг.), этап кризиса (вторая половина 1970-х гг.) и этап устойчивого развития (1980-е гг.). На этапе становления членам молодой писательской организации пришлось учиться слаженно выполнять поставленные перед ней задачи и решать возникающие проблемы, главными из которых стали выход публикаций с опозданием и нерегулярный выход номеров литературного альманаха «Огни Кузбасса». Многие проблемы были решены в первой половине 1970-х гг., но уже с середины 1970-х гг. писателям Кемеровской области пришлось столкнуться с кризисными явлениями. Организация потеряла почти треть своих членов и была вынуждена направить основные усилия на привлечение талантливых молодых писателей. Недостаток кадров удалось преодолеть к началу 1980-х гг. В 1980-е гг. писательская организация вышла на новый уровень работы с молодыми авторами, была создана литературная студия «Притомье» – главный источник пополнения рядов Союза писателей. Благодаря притоку талантливых авторов Кемеровскому отделению Союза писателей РСФСР в 1980-е гг. удалось выйти на новый уровень развития.

The paper is devoted to formation and development of Kemerovo branch of the Union of Writers of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, which was created in 1962. The research aims at identifying the stages in the development of Kemerovo literary organization and their main features. As a result, three main stages of development of the local branch of the Union of Writers were defined: the stage of formation (1962 – first half of the 1970s), the crisis stage (the second half of the 1970s) and the stage of sustainable development (the 1980s). In first stage, members of writers' organization had to perform tasks and solve problems of the Union. The main problem was irregular publications of the almanac «Ogni Kuzbassa». Many problems were solved in the first half of the 1970s, but since the middle of the 1970s writers of Kemerovo region encountered the crisis. The organization lost nearly a third of its members and had to send its efforts to attracting talented young writers. Staff crisis ended by the beginning of the 1980s. Writers' organization reached a new level of work with young authors in the 1980s, when literary studio «Pritomie» was created. Kemerovo branch of the Union of Writers reached a new level of development in the 1980s.

Ключевые слова: Союз писателей РСФСР, Кемеровское отделение Союза писателей РСФСР, писатели, поэты, литературный альманах «Огни Кузбасса», литературная студия «Притомье».

Keywords: Union of Writers of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, Kemerovo branch of the Union of Writers of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, writers, poets, literary almanac «Ogni Kuzbassa», literary studio «Pritomie».

Изучением деятельности Кемеровского отделения Союза писателей РСФСР долгое время занимались лишь филологи. Исторический аспект являлся только фоном подобных исследований, а главное внимание уделялось творческой деятельности, изменению авторского стиля и подобным моментам. Вопросы периодизации деятельности писательской организации в этих работах не поднимались, развитие конкретного отделения Союза связывалось с определенными этапами развития государства, которых чаще всего выделяют два: 1960-е – начало 1980-х гг. и 1980-е гг. Некоторые исследователи выделяют последние годы эпохи Л. И. Брежнева в отдельный период. В историческом аспекте изменение направлений творческой деятельности не может стать критерием для выделения этапов деятельности Кемеровской писательской организации. Сами писатели пытались подвести итоги развития организации. В юбилейных изданиях и библиографических справочниках писатели затрагивали

проблему периодизации развития организации, но развитие показано строго поступательным [26 – 28]. Подавляющее число работ, так или иначе связанных с развитием литературы в Кемеровской области, посвящено именно писателям, тому или иному члену организации, а не самой организации. О жизни и творчестве практически каждого местного писателя написаны книги. Информации о деятельности организации в целом в них крайне мало, но такие работы бесценны как источник информации о писателях. С этой точки зрения весьма интересна книга А. П. Казаркина «Пульс времени. Этюды о поэтах Кузбасса» [24]. Но в целом периодизации деятельности Кемеровской писательской организации в литературе уделяется недостаточное внимание.

Кемеровское отделение Союза писателей РСФСР было образовано 28 апреля 1962 г. Первое заседание

писательской организации, на котором с речью о задачах писателей Кемеровской области выступил первый секретарь обкома КПСС Л. И. Лубенников, состоялось 14 июня 1962 г. Молодое отделение насчитывало всего пять членов: драматург Т. Г. Ян, прозаики А. Н. Волошин и Г. М. Молостанов, поэты Г. Г. Генке и Е. С. Буравлев, который на первом организационном собрании был избран первым ответственным секретарем писательской организации [2, л. 1].

Для того чтобы выделить в деятельности Кемеровской организации Союза писателей РСФСР отдельные этапы развития, прежде всего, следует выяснить, какие задачи стояли перед местным отделением Союза и насколько успешно кузбасские писатели с ними справлялись. Основными направлениями деятельности творческого союза стали публикация произведений местных авторов, общественная деятельность (встречи с читателями, выступления и т. д.), поиск и подготовка нового поколения талантливых литераторов. Немаловажным фактором является и численность местного отделения Союза. Количество членов не является прямым критерием для выделения отдельных этапов развития писательской организации, но учитывая объем работы, которая на нее была возложена, пренебрегать им нельзя.

Молодая писательская организация практически сразу начала поиски новых сил. Имена литераторов, готовых стать членами Союза, были на слуху в литературной среде области. Первыми в ряды организации были приняты уже известные литераторы: романист В. С. Ворошилов, прозаики В. С. Рехлов, А. Н. Срывцев и А. П. Соболев, поэты В. А. Измайлов и М. А. Небогатов, литературный критик А. Ф. Абрамович. В скором времени список членов отделения пополнился прозаиками В. М. Мазаевым, Г. Л. Немченко, Г. А. Емельяновым, поэтом В. М. Баяновым. Эти писатели составили основной костяк организации. Именно им предстояло решать задачи, поставленные перед Кемеровским отделением Союза писателей РСФСР.

На протяжении всего существования отделение являлось сравнительно небольшим: в 1964 г. писательская организация включала 11 членов, в 1968 г. – 12, в 1970 г. – 13, в 1971 г. – 15, в 1975 г. – 11, в 1976 г. – 12, в 1977 г. – 12, в 1978 г. – 14, в 1980 г. – 15, в 1982 г. – 14, в 1986 г. – 20, в 1987 г. – 20, в 1989 г. – 23 члена [3, л. 59; 4, л. 1, 7; 5, л. 7; 8, л. 2; 10, л. 3; 11, л. 2; 12, л. 5; 14, л. 8; 17, л. 1; 18, л. 6; 22, л. 1; 23, л. 1]. Таким образом, состав писательской организации Кемеровской области чаще всего не превышал 15 человек. Лишь во второй половине 1980-х гг. в организацию входило более 20 членов. Случаи переездов в регион опытных писателей были нередкими, но главным источником пополнения писательской организации стали местные литераторы. Именно поэтому работа с начинающими писателями оказалась столь важной.

Главной проблемой писательской организации на протяжении практически всего ее существования стали сроки публикации произведений. Опубликовать рукопись отдельной книгой было непросто даже для опытных писателей. Начинающим писателям, которые не являлись членами Союза, сделать это было

еще сложнее. Но сроки публикаций больше зависели не от писательской организации, а от книжного издательства. Опубликовать произведения в периодических изданиях было проще. Существовало несколько крупных периодических изданий, которые регулярно печатали произведения кузбасских писателей. Среди них в первую очередь – литературный альманах «Огни Кузбасса» (печатный орган Кемеровской организации Союза писателей РСФСР), газеты «Кузбасс» (печатный орган Кемеровского областного и городского комитетов КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся) и «Комсомолец Кузбасса» (печатный орган Кемеровского обкома ВЛКСМ) и другие местные газеты. Печатать большие по объему произведения в газетах было затруднительно, и повести в основном печатались в литературном альманахе или в виде отдельных книг.

Альманах «Огни Кузбасса» издавался в Кемерово с 1949 г. (до второй половины 1950-х гг. – под названием «Сталинский Кузбасс»). Официально альманах являлся ежеквартальным изданием. Но номера альманаха выходили по мере накопления материала, что происходило один – два раза в год. Многие темы успевали утратить актуальность к моменту публикации, «сегодняшний» день в альманахе успевал стать «вчерашним» [1]. Особое место на страницах альманаха занимали произведения молодых авторов, альманах стал «стартовой площадкой» для многих получивших в будущем известность писателей. На определенном этапе (1970-е – 1980-е гг.) на страницах альманаха стали преобладать произведения молодых авторов, члены Союза все чаще находили другие издания. Опытные писатели уступили место молодым, но при этом следили за публикациями, поскольку многие члены Союза входили в состав редколлегии альманаха, которую на разных этапах возглавляли А. Н. Волошин, В. М. Мазаев, В. М. Баянов, Г. Е. Юров, С. Л. Донбай. На месте ответственного секретаря альманаха побывали В. В. Махалов, О. П. Павловский, В. Ф. Матвеев, В. Ф. Куропатов, В. Ф. Зубарев, А. И. Катков и другие.

С выходом журнала у Кемеровской писательской организации возникали некоторые трудности, но поскольку редколлегия альманаха состояла в основном из членов Союза писателей и тех, кто активно сотрудничал с организацией, многие проблемы удавалось решить очень быстро. Альманах был самой надежной площадкой для местных писателей: с руководством Кемеровского книжного издательства у писателей были частые конфликты, а в альманахе сами писатели отвечали за его работу. Те произведения, которые выходили на его страницах, не были результатом компромиссов и договоренностей.

Развитие писательской организации в начале 1960-х – первой половине 1970-х гг. шло достаточно ровными темпами. Выявить в деятельности Кемеровского отделения Союза этап становления весьма сложно. Проблемы, существовавшие в самом начале пути местного отделения (например, сложности с выпуском книг, нерегулярный выпуск номеров литературного альманаха «Огни Кузбасса» и т. д.), во многом сохранились и в 1970-е гг., и в 1980-е гг. Количество членов Союза лишь отчасти может стать критерием выделения этапа становления организации, по-

сколькучисленный рост еще не означает качественных изменений в работе. Уже с середины 1960-х гг. писательская организация насчитывала 11 – 12 членов. Если принять во внимание работу литературного альманаха «Огни Кузбасса» как один из главных критериев успешности деятельности организации, существенный сдвиг произошел в начале 1970-х гг. С 1973 г. альманах стабильно выходил раз в квартал [6, л. 2; 25]. Мы можем говорить о том, что этап становления Кемеровской писательской организации в целом завершился в первой половине 1970-х гг. Молодое отделение Союза за первое десятилетие своего существования успело окрепнуть, набраться опыта и привлечь новых членов. Проблемы с публикациями произведений оставались до конца не решенными, но определенные успехи в этой сфере имелись.

С середины 1970-х гг. в организации заметны кризисные явления. Один за другим из жизни ушли люди, стоявшие практически у самых истоков местного отделения. Это А. Ф. Абрамович, Е. В. Буравлев, В. А. Чугунов, В. С. Рехлов [9, л. 2 – 3]. Уход из жизни нескольких членов организации не может повлечь за собой ее кризис, но писательская организация – это группа людей, на которых, помимо литературных, возложены общественные обязанности. Обязанности членов Союза писателей по общению с читателями, встречи с трудящимися и учащимися области, публичные выступления на мероприятиях разного рода, пропаганда государственной идеологии остались прежними. Проблемы, с которыми организация сталкивалась ранее, во многом сохранились, справляться с возложенными на организацию задачами в середине 1970-х гг. стало гораздо сложнее. Это позволяет говорить о кризисе в организации во второй половине 1970-х гг., но кризис был не творческим, а, скорее, кадровым. Многие ушедшие из жизни писатели занимали в организации определенные должности. В. С. Рехлов (автор повестей «Горные рекруты», 1962 г., «Повесть о Михайло Волкове», 1960 г.) долгое время был уполномоченным Литературного фонда по Кемеровской области и секретарем организации. В протоколах заседаний бюро писательской организации за 1975 г. можно найти подпись В. С. Рехлова под протоколом первого заседания, но уже на третьем заседании должность уполномоченного Литфонда занял поэт И. М. Киселев (автор поэмы «Благодарю, земля, благодарю...», 1983 г.) [7, л. 1 – 4].

Во второй половине 1970-х гг. писательская организация активно занималась поиском и привлечением в свои ряды новых членов. Среди них были и «свои», подготовленные местной организацией писатели, давно знакомые кузбасским читателям, и приезжие писатели из других регионов. Так, в 1977 г. к ответственному секретарю организации В. М. Мазаеву с просьбой помочь с переездом в Кемерово обратился томский прозаик А. Шелудяков. Его роман «Из пламени кедра» о жизни современного звенкинского села на тот момент уже опубликовало издательство «Современник» [13, л. 6].

В 1978 г. Кемеровскую писательскую организацию вновь ожидали потери. Из жизни ушел автор романа о послевоенной жизни простых кузбассовцев «Земля Кузнецкая» (1949 г.) А. Н. Волошин [15, л. 26;

16, л. 35]. В 1982 г. литературный критик Е. Л. Цейтлин уехал в Калининград [19, л. 8]. Переезд писателей из одного региона в другой не был редкостью, но в данном случае Кемеровское отделение Союза писателей РСФСР продолжало терять опытных членов. В конце 1980-х гг. Г. Е. Юров во вступительной статье к библиографическому указателю «Писатели Кузбасса» отметил, что, несмотря на постоянный приток свежих сил, количество членов Кемеровской организации Союза писателей РСФСР как будто тяготело к роковому числу 13 [28, с. 8].

Привлечение новых членов в организацию стало настолько важной задачей, что в 1975 г. вопрос о рекомендации в члены Союза писателей решался на общем собрании писательской организации, на котором обычно подводили итоги литературного года, обсуждали проблемы и планы на будущее. Кандидатами стали уже давно сотрудничавшие с организацией В. Г. Рудин и Г. Я. Блинов [8, л. 2 – 3]. Они были рекомендованы местной организацией, но кандидатура Г. Я. Блинова в приемной комиссии Союза писателей в Москве получила 9 голосов «за» и 9 голосов «против». В 1976 г. ответственному секретарю Кемеровского отделения Союза В. М. Мазаеву пришлось привлечь личные связи для решения данного вопроса. Он написал несколько писем, где напомнил, что Кемеровская писательская организация за полтора года потеряла четырех членов из четырнадцати [11, л. 1]. При этом В. М. Мазаев не просил для Г. Я. Блинова никаких поблажек. Его кандидатуру можно было вновь рассмотреть спустя какое-то время.

Подобные проблемы имелись и при приеме в члены Союза писателей поэта Н. И. Колмогорова, чью кандидатуру в Москве отклонили. Ответственный секретарь Кемеровской писательской организации Г. Е. Юров просил изменить формулировку «отклонить» на формулировку «воздержаться до выхода новых произведений». Н. И. Колмогоров нередко для автора своего уровня печатался в центральных изданиях. Произведения поэта вошли в антологию «Молодая русская поэзия». «Литературная газета» не раз положительно отзывалась на своих страницах о творчестве автора. Уже после рассмотрения кандидатуры Н. И. Колмогорова в издательстве «Современник» в 1983 г. вышел его третий сборник стихов «Травяное окно», который получил положительную оценку «Литературного обозрения» [19, л. 11].

Вторая половина 1970-х гг. для Кемеровской писательской организации – это время активного поиска и привлечения новых членов. Как никогда местное отделение Союза нуждалось в талантливых литераторах, что совпало с общесоюзными тенденциями. 12 октября 1976 г. принято Постановление ЦК КПСС «О работе с талантливой молодежью» [29]. В начале 1980-х гг. число членов писательской организации удалось вернуть к прежнему уровню, а со второй половины 1980-х гг. местное отделение Союза писателей насчитывало в своих рядах более 20 членов. Писательской организации удалось преодолеть кризисные явления и выйти на новый уровень развития.

В 1982 г. члены Кемеровского отделения Союза писателей подняли вопрос о том, что до сих пор не создано бюро пропаганды художественной литерату-

ры. Уполномоченный бюро в Кемеровской области имелся, но это был представитель Новосибирского бюро и в Кемеровской области работал на общественных началах, но в 1982 г. место являлось вакантным. Ситуация, когда местная писательская организация не имела собственного бюро пропаганды художественной литературы и сотрудничала с бюро других регионов, в стране была совсем не редкой. Подобное происходило в соседнем Барнауле, где также работал уполномоченный из Новосибирска, но со ставкой. Писатели Кемеровской области просили передать эту ставку им: на оплачиваемую должность легче найти кандидатов, а в Барнауле к тому времени уже создали свое бюро. В сжатые сроки создать в Кемеровской области собственное бюро пропаганды художественной литературы не удалось, но работа уполномоченного от Новосибирского бюро отныне оплачивалась. В 1983 г. им был утвержден И. Я. Ляхов (член Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры РСФСР, член КПСС) [19, л. 1; 20, л. 19].

Писательская организация долгое время не имела собственного помещения, писатели делили крышу с местным отделением Союза журналистов СССР. Соседство с коллегами по перу не только способствовало укреплению связей, но и влекло за собой трудности. В Союз журналистов входило более 500 человек, писательская организация крепла. Она не поднимала «квартирный вопрос» до начала 1980-х гг. Только в 1983 г. ответственный секретарь организации Г. Е. Юров и председатель правления Кемеровского отделения Союза журналистов В. В. Банников обратились к секретарю обкома КПСС П. М. Дорофееву с просьбой передать писательской организации освободившееся помещение научно-технической библиотеки [21, л. 17].

В 1980-е гг. на новый уровень вышла работа с молодыми писателями. В разные периоды времени работу с начинающими литераторами с переменным успехом вели литературные группы при редакциях местных газет, представители комсомола и сама писательская организация. Со второй половины 1970-х гг. заметно сближение литературных групп, а в 1980-е гг. в Кемерово создана литературная студия «Притомье», которую члены писательской организации называли «проявлением слияния интересов Союза писателей и комсомола» [17, л. 5]. Работа студии была более эффективной, нежели деятельность литературных групп. В ее собраниях гораздо чаще участвовали профессиональные писатели. Первые результаты работы студии заметны в первой половине 1980-х гг. В 1982 г. трое из четырнадцати участников студии рекомендованы на 8-е Всесоюзное совещание молодых писателей. Со временем традиционными стали литературные праздники, организуемые совместными усилиями литстудии и писательской организации. Благодаря литературной студии заявили о себе поэты А. Д. Раевский, М. Н. Николаевский, В. А. Креков, И. А. Куралов, А. И. Катков и другие [17, л. 6].

В деятельности Кемеровского отделения Союза писателей РСФСР можно выделить три основных этапа: этап становления (1962 – первая половина 1970-х гг.), этап кризиса (вторая половина 1970-х гг.), этап устойчивого развития (1980-е гг.). На протяже-

нии всех этапов главной для кузбасских литераторов оставалась тема рабочих. Это вовсе не свидетельствует о том, что кузбасская литература однообразна. В. М. Мазаев известен как автор многочисленных произведений о геологах («Конец Лосиногского камня», 1963 г., «Последний цветок лета», 1963 г., «Разомкнутая цепь», 1972 г., «Грозная аномалия», 1982 г.). В. А. Коньков писал рассказы о жизни в шахтерских поселках. Главным героем самых известных романов В. С. Ворошилова «Солнце продолжает светить» (1960 г.) и «И не погаснет!» (1968 г.) стал шахтер, потерявший зрение. Г. Л. Немченко много писал о Запсибе, а Е. В. Буравлев известен кузбассовцам благодаря поэмам «Красная горка» (1961 г.) и «Первая плавка» (1965 г.). В. Г. Рудин известен своими напряженными документальными повестями на исторические темы (такими, как «День икс», 1961 г., «Тропа над пропастью», 1980 г., «Между вчера и завтра», 1984 г.). Г. Я. Блинов в основном писал для детей (например, повести «Патруль “Синяя стрела”», 1968 г., «Зона действия», 1988 г.). Каждый литератор Кузбасса писал на ту тему, которая была ему близка, а поскольку многие местные писатели вышли из рабочей среды или так или иначе были связаны с рабочими (например, начинали работать журналистами в шахтерских городах), рабочая тема в кузбасской литературе была особенно популярной. Но существовало достаточное количество произведений о тружениках села, учителях, врачах.

Этап становления организации охватывает более десятилетия существования отделения. В первой половине 1970-х гг. членам Союза писателей удалось преодолеть один из главных недостатков собственной деятельности: нерегулярные публикации литературного альманаха. Несмотря на то, что многие проблемы пока решить не удалось, можно говорить о том, что в начале 1970-х гг. Кемеровская писательская организация стояла в одном ряду с «опытными» отделениями Союза писателей в других регионах страны. Численно кемеровская организация уже в середине 1960-х гг. подошла к средним показателям за время своего существования. С середины 1970-х гг. заметны кризисные явления, связанные с нехваткой кадров, следствием которых стала большая загруженность членов Союза. Писательская организация по разным причинам потеряла почти треть своего состава, членам Союза пришлось взять на себя ряд дополнительных обязанностей. Вторая половина 1970-х гг. – это время активного поиска и привлечения новых членов. Больше внимание уделялось работе с талантливой молодежью, что совпало с общесоюзными тенденциями. Кадровые проблемы писательской организации удалось решить к началу 1980-х гг., но работа с молодыми писателями не прекратилась, а вышла на новый уровень. На смену небольшим литературным группам при редакциях местных газет пришла литературная студия «Притомье», со временем ставшая главным источником пополнения кадров писательской организации. С 1986 г. число членов местной организации не было менее 20 человек. 1980-е гг. стали временем расцвета Кемеровского отделения Союза писателей РСФСР. С распадом СССР Союзу писателей РСФСР, как и другим творческим союзам, пред-

стояло встретиться с серьезными трудностями. В 1990-е гг. на базе творческих союзов СССР были созданы творческие союзы России. Но трудности, с ко-

торыми организациям пришлось столкнуться в новой эпохе, были столь серьезными, что многие творческие союзы пришлось воссоздавать практически с нуля.

Литература

1. Бекшанский П. Пусть ярче горят творческие огни Кузбасса // Кузбасс (Кемерово). 1959. 20 янв.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 11.
4. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 21.
5. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 25.
6. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 42.
7. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 52.
8. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 53.
9. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 59.
10. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 67.
11. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 68.
12. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 75.
13. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 79.
14. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 86.
15. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 90.
16. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 98.
17. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 102.
18. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 123.
19. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 127.
20. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 132.
21. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 137.
22. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 154.
23. ГАКО. Ф. Р-1093. Оп. 1. Д. 161.
24. Казаркин А. П. Пульс времени. Этюды о поэтах Кузбасса. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1985. 136 с.
25. О журнале. URL: <http://ognikuzbassa.ru/about-us>. Сайт «Огни Кузбасса» (дата обращения: 20 мая 2013).
26. Писатели Кузбасса / сост. Э. В. Суворова. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1968. 57 с.
27. Писатели Кузбасса: библиографический указатель / сост. В. М. Лашевская, В. П. Смольская. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1980. 103 с.
28. Писатели Кузбасса: библиографический указатель / сост. С. А. Мазаева. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. 142 с.
29. Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» (от 12 октября 1976 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). 9-е изд. Т. 13. 1976 – 1980. М.: Политиздат, 1987. С. 137 – 140.

Информация об авторе:

Шерин Алексей Михайлович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, semenov-sherin@mail.ru.

Alexey M. Sherin – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(470)"2011/2014"

ГЕРМАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СИРИЙСКИЙ КРИЗИС

С. В. Арапина, Г. А. Яковлев

GERMAN-RUSSIAN RELATIONS AND THE SYRIAN CRISIS

S. V. Arapina, G. A. Yakovlev

В статье анализируется проблема взаимодействия Германии и России в контексте нарастания международной напряженности и, в частности, обострения сирийского кризиса. Авторы рассматривают основные пункты сирийского вопроса, по которым идет взаимодействие между нашими странами, а также дают краткую характеристику позиций этих государств по данной проблеме, выделяя основные негативные и позитивные стороны двусторонних взаимоотношений.

The paper analyzes the problem of interaction between Germany and Russia in the context of the rise of international tensions, and in particular, the escalation of the Syrian crisis. The authors examine the main aspects of the Syrian issue, in which Russia and Germany interact, as well as give a brief description of the positions of these states on this issue, highlighting the main negative and positive aspects of bilateral relations.

Ключевые слова: Германия, Россия, Сирия, терроризм, химическое оружие, Башар Асад, Арабская весна, США, ООН.

Keywords: Germany, Russia, Syria, terrorism, chemical weapons, Arab Spring, USA, UN.

Германия – страна, лежащая в сердце Европы. После объединения это положение Германии стало ещё более выраженным. Сами немцы все больше позиционируют себя не частью «Запада», а как посредника, мостом между двумя мирами – Востоком и Западом [1]. Разумеется, имея репутацию посредника и блюстителя мира, Германия не может оставаться в стороне от происходящих событий на Ближнем Востоке. Роль Германии как посредника, казалось бы, очевидна. И в свете этого факта удивительно узнавать, что в ответ на предложение для Германии от сирийского президента Башара Асада стать посредником в этом конфликте – абсолютно естественная для Германии роль – бывший министр иностранных дел Вестервелле немедленно от него отмахивается, ссылаясь на то, что посредник уже есть – спецпосланник ООН Лахдар Брахими [2].

Говоря об отношениях России и Германии касательно Сирии, следует сказать, что этот вопрос развел наши страны по разные стороны баррикад. Если Германия выступает за «новое начало для Сирии» и требует ухода Асада [3], то Россия заявляет о том, что она полностью признает его в качестве единственного законного представителя сирийского народа, а не «поедателей кишок», как красноречиво окрестил опозицию Владимир Путин [4]. Стоит отметить, что хоть Германия и призывает Асада уйти и создать новую политическую систему, их позиция отличается большей умеренностью по сравнению с США и Францией.

Несмотря на эту умеренную позицию Германии, в сентябре 2013 года она успела оказать моральную поддержку США в возможном осуществлении односторонних агрессивных действий в отношении Сирии [5]. Ещё толком не были проведены расследования со

стороны экспертов ООН, как западная коалиция была готова наброситься на Сирию. Впрочем, дальше декларирования намерений дело не пошло благодаря своевременной внешнеполитической инициативе Кремля, что спасло Германию от вовлечения её, пусть такого ограниченного, в авантюру, подобную Иракской Кампании.

В целом позицию Германии по Сирии можно проследить по пяти пунктам:

1. Защита прав человека, преследуемых религиозных и этнических меньшинств, обеспечение мирного демократического развития.
2. Сотрудничество с ведущими странами для решения кризиса.
3. Оказание моральной и фактической поддержки оппозиции.
4. Решение проблемы беженцев.
5. Химическое разоружение.

Что касается защиты прав человека во всем мире – это один из центральных приоритетов внешней политики Германии [6]. В Принципах германской внешней политике по правам человека права и свободы человека закрепляются не только за гражданами Германии. Они также должны защищаться ФРГ на международном уровне. Ближний Восток как регион, известный своими этническими и религиозными противоречиями, является одним из центральных проблемных регионов мира, а Сирия с её гражданской войной заставляет немецких правозащитников обращать на неё пристальное внимание.

В заявлении депутатов Бундестага [7] отмечается, что режим Асада с самого начала беспорядков с большой жестокостью подавлял народные выступления, тем самым преступно подрывая основы прав человека в арабской республике. Подчеркивается, что

уже с марта 2011 года ФРГ начала сворачивать программы партнерства с преступным режимом. Выражается сожаление депутатов по поводу поведения в Совете Безопасности России и Китая, которые посредством права вето блокируют любые возможности для мирового сообщества призвать правительство Асада к ответу.

Сами по себе права человека являются отдельным проблемным пунктом в отношениях между Германией и Россией. Также противоречия проявляются и в контексте сирийской проблемы. Берлин считает, что демократическое политическое будущее Сирии возможно только без Асада, ведь это «кровавый тиран», который дискредитировал себя, и пока он у власти – диалог с оппозицией невозможен. Москва же, напротив, продолжает поддерживать сирийского президента [8]. Что понятно. В повестке дня российской внешней политики защита прав человека не является одним из центральных пунктов, как это можно наблюдать в политике германской. Россия исходит прежде всего из рациональных соображений – Асад является одним из основных элементов политической системы Сирии и его уход может привести к хаосу во всей стране.

Проблемами религиозных меньшинств в равной степени обеспокоены и Россия, и Германия. Всем хорошо известно, что Сирия – многонациональная и многоконфессиональная страна, где тысячелетиями уживались люди разного происхождения и веры. Но Сирия Асада – это власть меньшинств [9]. И многие называют сирийский конфликт войной суннитского большинства против меньшинств, попыткой сломать такую систему, при которой большинство фактически лишено управления и вся власть находится в руках «еретиков», к коим сунниты охотно причисляют и шиитов, и тем более стоящих у власти алавитов.

Разумеется, международное сообщество бьет тревогу – Россия и Германия в этом вопросе не исключение. Россия как страна, имеющая в прошлом репутацию защитника православия, и в целом христианства, не раз высказывалась в защиту конфессиональных меньшинств в Сирии, особенно представителей христианства [10]. Сами сирийские христиане обращаются за помощью к России как к «защитнику христианства» с просьбами гарантировать их безопасность в это непростое время [11].

Германская общественность также сильно обеспокоена положением религиозных меньшинств. Даже многочисленными западными изданиями не раз отмечалось, что в отношении свобод религиозных до войны все было не так плохо [12]. И теперь многие христиане и представители других религиозных групп боятся, что со свержением Асада их ждет не расцвет права и демократии, а потеря того немногого, что у них было: права исповедовать религию своих предков.

Уничтожение алавитов в местах их компактного проживания носит в Сирии массовый характер и осуществляется со стороны суннитов-фанатиков – последователей радикальных исламистских группировок [13]. В алавитах они видят ненавидимую ими власть, мешающую утверждению в Сирии истинного исламского государства. Германия, можно сказать, нахо-

дится меж двух огней – с одной стороны, она признанный в мире защитник меньшинств и угнетенных, с другой – поддерживает сирийскую оппозицию, которая по меньшей мере на 50 % состоит из исламских радикалов [14] и угрожает самому существованию этих многочисленных религиозных групп.

Такой крупный ближневосточный конфликт, разумеется, привлёк внимание ведущих держав мира. Потребовалось организовать широкомасштабное международное сотрудничество на всех уровнях для разрешения кризиса. Германия и Россия играют в этом процессе не последнюю роль. В первую очередь, все инициативы обсуждаются в рамках ООН. В октябре 2011 года Германия совместно с Францией, Великобританией и Португалией подготовила проект, предусматривающий немедленное введение санкций против Сирии за неоднократное насилие в отношении протестующих. Однако Россия и Китай, наученные горьким опытом Ливии, выступили против данной инициативы. Эти страны заявили, что они против вмешательства других государств в дела Сирии [15]. Где лежит та грань, которая отделяет необходимость вмешательства в дела другого государства от необходимости соблюдения государственного суверенитета, международное сообщество не выяснило до сих пор.

Россия совместно с Китаем отвергла и последующие резолюции, опасаясь, что развитие событий в Сирии может пойти по ливийскому сценарию [16]. Очевидно, что именно ливийский опыт заставляет Россию действовать в сирийском вопросе так, как она действует. Ливийский сценарий в Сирии справедливо рассматривается российскими политиками как сценарий плачевный – с риском перерастания в большую ближневосточную войну, с дестабилизацией всего евразийского пространства. Поэтому лимит на ошибки у российского руководства в данном вопросе, можно сказать, исчерпан.

Остается вопрос, почему Германия так выступает за антисирийские резолюции и не боится повторения ливийского сценария, хотя при этом германские политики открыто заявляют о том, что военное решение конфликта неприемлемо. Ведь его решение должно быть политическим и мирным. Можно сделать вывод, что Германия прекрасно отдает себе отчет – в нынешней ситуации никаких существенных подвижек в Совете Безопасности по сирийскому вопросу не будет – из-за твердой позиции России и Китая. При этом, выступая единым фронтом за спорные резолюции, ФРГ, по крайней мере, не вносит вклад в новый разлад со своими союзниками по НАТО, демонстрируя солидарность. Тем самым заодно Германия показывает всем свою строгую приверженность международному праву [17].

Следует понимать, что сирийский кризис – крайне сложное явление сегодняшнего дня. Усложняется он большим количеством внешнеполитических игроков [18] – в разрешении сирийского кризиса, в свою пользу разумеется, заинтересованы не только Россия, Китай, страны ЕС, США, но и региональные игроки. На основе общности интересов формируются своего рода альянсы. Так можно выделить в сирийском кризисе «антизападный блок», возглавляемый Россией, куда также входят Иран и Китай. Гораздо более крупный

блок западных государств, возглавляемый США, куда, очевидно, входит и Германия. Антизападный блок составляют меньшее число стран, но их отличает стойкая и конкретная позиция по Сирии – никакого внутреннего вмешательства, никакой поддержки боевиков – прямой или косвенной. Страны западного блока же не могут похвастаться единством позиции – это «сомневающиеся страны», где и внутри страны существует довольно сильная оппозиция проводимой ими политики, например Великобритании. В августе 2013 года парламент Великобритании выразил твердое «нет» милитаристским амбициям Дэвида Кэмерона [19]. В США Обама даже не стал доводить дело до голосования в Конгрессе, зная, что его вряд ли поддержат. И если даже у лидеров этого западного блока нет четкой позиции, поддержанной и общественным мнением, и другими ветвями власти, то становится понятно, почему и позицию Германии часто называют непродуманной и двоякой [20]. Ряд германских экспертов подчеркивает, что Германия любит демонстрировать солидарность с союзниками, как это уже было сказано выше. Но когда речь заходит о каких-то реальных рисках, участии в военных действиях, Германия предоставляет своим союзникам лишь моральную поддержку и отказывается от прямого участия.

Следующий вопрос, который хотелось бы рассмотреть – позиция Германии и России по проблеме сирийской оппозиции. Сирийская оппозиция является одним из ключевых игроков кризиса, на которого делают ставки западные государства. После того, как, по их мнению, Асад потерял легитимность и право представлять Сирию на международной арене, это право должно прийти к оппозиции – Сирийскому национальному совету [21]. В соответствии с данными внешнеполитического ведомства Германии, ФРГ поддерживает сирийскую оппозицию [22]. В то же время Германия официально её не признала, хотя и оказывает ей дипломатическую и консультативную помощь. Россия же также не признает сирийскую оппозицию официально в качестве единственного законного представителя сирийского народа. Но заявляет, что готова с ней работать [23]. Россия позиционирует себя в этом конфликте как посредник между всеми враждующими политическими силами. На первый взгляд кажется, что наши позиции в данном вопросе идентичны – отсутствие официального признания, но при этом готовность работать с оппозицией. Однако если пригласиться получше, становится понятно, что отношения Германии с оппозицией более теплые – все-таки она в этом конфликте выступает на стороне антисирийского блока государств, требующих немедленного ухода Асада. В свою очередь, Россия как главный защитник Асада на международной арене вызывает у сирийских оппозиционеров мало симпатий, что сказывается на уровне нашего сотрудничества.

Ещё одним пунктом в поддержке оппозиции является проблема поставок вооружений. После того как под нажимом Франции и Великобритании оружейное эмбарго в Сирию было отменено [24], Меркель категорически исключила поддержку сирийской оппозиции поставками оружия [25], сказав, что для этого нет никаких правовых обоснований. Она доба-

вила, что Германия придерживается мирного решения конфликта, а также будет и дальше поддерживать мирные силы оппозиции. Германия верит в возможность мирного урегулирования путем поддержки умеренной части оппозиции.

Про поддержку оружием сирийской оппозиции со стороны России и говорить нечего – Россия полностью признает сирийское правительство и заявляет о том, что она не видит причин для того, чтобы прекращать оружейные поставки по ранее заключенным с законным сирийским правительством договорам. Подобная позиция России часто подвергается критике [26]. Можно сказать, что пока Запад вооружает оппозицию, Россия вооружает Асада.

За годы конфликта из Сирии бежало уже более 2,5 млн беженцев [27] и это число продолжает расти. Большое количество людей стали беженцами в собственной стране, перемещаясь из обстреливаемых районов в более безопасные. Это делает Сирию эпицентром гуманитарной катастрофы мирового масштаба. Естественно, Германию и ЕС не могла не коснуться эта проблема: Агентство ООН по делам беженцев сообщает, что с начала конфликта 56 тысяч сирийцев запросили убежище в Европе, большинство из них в Швеции и Германии [28]. Из них около 5 тысяч получили убежище в Германии [29]. Однако это число – лишь малая часть от того количества сирийцев, которые запросили убежище в этой стране.

Сама Германия является лидером в Европе по приему сирийских беженцев, ведь в неё с 2011 года перебрались 18 тысяч сирийских беженцев и подали заявку на получение статуса беженцев. Это помимо тех 5 тысяч, которые получили официальное убежище. Поэтому понятна позиция Германии, которая просит остальные страны ЕС активнее участвовать в решении этой проблемы [30].

Германия как страна с социально-направленной экономикой и политической системой создает все условия для приезжающих к ней сирийских беженцев. Так, в ФРГ существуют даже центры культурно-ценностной адаптации для сирийцев [31]. Это также своего рода и средство политической пропаганды среди беженцев – на занятиях подчеркивается, что государство Асада – полицейское, где стражи закона настроены ко всем враждебно, но в Германии полицейские – ваши друзья, а не враги. Также говорится, что если Сирия Асада полностью построена на взятках и коррупции, формируя клептократическую систему, то вот в ФРГ даже небольшие подарки чиновникам являются дурным тоном. Очевидно, что организаторы этих центров любят спекулировать фактами – тысячелетняя традиция Востока «подмазать», «уважить» нужных людей вмиг становится исключительно детищем режима Башара Асада, а не пороком многих восточных обществ. Можно сделать вывод, что ЕС и Германия, создавая такие центры, настроены с далеко идущей перспективой на формирование в Европе новой сирийской оппозиционной интеллигенции. Такую интеллигенцию потом можно будет использовать как мобилизационную силу вне страны для борьбы с режимом Асада, прежде всего на дипломатическом и информационном поле.

Осталось рассмотреть последний пятый проблемный пункт, на котором особенно концентрируется Германия и о котором мы уже упоминали – проблема химического разоружения Сирии.

В первую очередь Россию и Германию в этом конфликте объединяет стремление к миру. Когда Россия и США выступили с инициативой химического разоружения Сирии, был сделан важный шаг для разрешения этого конфликта [32]. На данный момент прилагаются международные усилия для ускоренного уничтожения химического арсенала Сирии. В начале января Германия объявила, что поможет международному сообществу уничтожить отдельные компоненты химических реагентов на фабрике, расположенной в городе Мюнстер [33]. Россия приветствовала решение германской стороны. В таком сложном конфликте между Россией и Германией благодаря этому сотрудничеству появились дополнительные точки соприкосновения.

Германия как страна, активно выступающая против использования любых видов оружия массового уничтожения, в сирийском конфликте логично выступает за химическое разоружение. Однако этот процесс сопряжен со многими трудностями. Начиная от транспортировки и доставки, заканчивая уничтожением и утилизацией. Поэтому после российско-американской инициативы и создания международной «антихимической коалиции» по Сирии, Германия с готовностью предложила свою помощь [34]. Причем речь идет не только о технической, но и о финансовой составляющей. На данный момент Германия принимает активное участие в утилизации сирийского химического оружия, внося, таким образом, вклад в мирное разрешение кризиса.

Стоит отметить, что Германия достаточно долго отказывалась от того, чтобы перемещать химические отравляющие вещества на свою территорию, однако Франк-Вальтер Штайнмайер заявил, что Германия не намерена отказываться от взятых на себя обязательств [35].

Какие предварительные выводы можно сделать, рассмотрев эти пункты? Прежде всего то, что у Германии и России есть в отношении Сирии не только противоречия. Наши страны выступают за политическое решение против военного вмешательства. Мы не поддерживаем поставки вооружений оппозиционерам. Также безусловно широкое сотрудничество в контексте химического разоружения. Есть и противоречия – Россия поддерживает Асада, Германия выступает за его уход: «Асад виновен, он должен быть устранен от власти и привлечен к международному суду» [36]. Но при этом ни о какой военной операции на манер той, что была в Югославии, речи идти не может. Кто и как тогда будет привлекать Асада к ответу, остается неясным. Впрочем, у германской стороны было одно предложение для решения судьбы Асада – Россия должна была, по мнению Ангелы Меркель, предоставить ему политическое убежище [37]. Но Лавров расценил это предложение как шутку, тем самым сильно смутив германских политиков. По мнению России, не имеет смысла сейчас обсуждать судьбу Асада, пока конфликтующие стороны не дого-

ворились между собой. В противном случае, к власти в Сирии могут прийти радикалы.

Отчасти противоречия объясняются разным отношением России и Германии к сирийскому вопросу. Так, для Германии сирийский кризис – это, безусловно, одна из важных международных проблем на повестке дня. Но для России «сирийский рубеж» – это нечто большее. Сирийский фронт для русских это средство отвоювать звание великой державы [38]. Военная база Тартус имеет больше даже символическое значение – это единственная база РФ за пределами СНГ, и её потеря будет ознаменовать собой ещё большее сужение зоны влияния России. Позиция России по Сирии – способ бросить вызов США, отстоять концепцию многополярного мира и утвердиться в качестве сильной региональной державы.

Германия традиционно в отношении СССР/России со времен Восточной политики Вилли Брандта старается придерживаться прагматичных позиций. В чем то она двояка: с одной стороны, наблюдается определенная критика в сфере прав человека и демократии. С другой – активное развитие экономических отношений, не взирая на внутренние проблемы и недемократичность режима. Подчинение внешнего курса в отношении России исключительно экономике наблюдалось особенно сильно при Герхарде Шредере, однако после прихода Меркель политика скорректировалась [39]. И хотя наши торговые отношения продолжали развиваться, вопрос построения гражданского общества в России откладывал на них неприятный отпечаток. Однако нет никаких признаков, что сирийский кризис и позиция России по сирийскому вопросу чересчур негативно отражался на наших с Германией отношениях. Так же как и вопрос о демократии в России, скорее это создавало некую напряженность, но о каком-то существенном ухудшении речи не шло. Как показала история, России потребовалось пересмотреть итоги Беловежских Соглашений, чтобы заставить Меркель пойти на определенные санкции. В отличие от Украины, Сирийский кризис для России и Германии является полем исключительно дипломатического противостояния.

Россию обвиняют в консервации и поддержке авторитарных политических режимов. Как гласит древняя латинская пословица: «Волк волка не кусает». Многие считают, что эта поддержка исходит от России исключительно потому, чтобы показать, насколько губительной и никемной может быть любая крамола, даже если она происходит из благих побуждений. Губительность и ненужность любых революций, тем более революционных войн, в России озвучивается на самом высоком уровне. Так, по словам Путина: «Россия уже исчерпала лимит на насилие» [40]. То есть очередная революция может привести к окончательной гибели России. Возможно, эту же логику российская политическая элита пытается перенести на ситуацию в других странах. Но на самом деле причины поддержки Башара Асада Россией гораздо более глубокие.

Для России сирийский рубеж является стратегическим и в экономическом плане. В случае падения режима Асада и прихода к власти суннитских радикалов влияние персидских монархий в этом регионе

многократно возрастет, что создаст условия для транзита катарского газа в Европу через сирийские порты [41]. А это ужасный экономический удар по России.

После того как Ангела Меркель заняла пост канцлера Германии, этой страной был вновь взят четкий курс на атлантическую солидарность. Отношения с США стали одной из самых приоритетных задач внешней политики. Неудавшаяся ось Париж-Берлин-Москва заставила политиков в Вашингтоне немного понервничать. Однако после ухода Ширака и Шредера пришедшие во Франции и Германии новые политики, такие как Меркель и Саркози, позволили американцам вздохнуть с облегчением – коренного поворота от Вашингтона к Москве в Европе не случилось. Но возвращение к формированию этой геополитической евразийской оси жизненно важно для благополучного существования наших государств.

Ведь ясно одно – в этом конфликте у нас есть один общий и важный интерес – стабильность на

Ближнем Востоке. Если стабилен Ближний Восток, значит стабильна Евразия. А стабильность Евразии – это гарантия безопасности для России и Германии. Куда понесутся толпы беженцев из Сирии, когда там начнется ещё больший хаос? Конечно же, в Европу, в Германию. Не трудно догадаться, что многие террористические группы после завершения своего «джихада» в Сирии ринутся на российский Кавказ. Управляемый хаос, который облюбовали американцы в Евразии, бьет по интересам и России, и Германии. Поэтому чем раньше мы поймем это и начнем двигаться навстречу друг другу, чем раньше мы создадим континентальный блок от Лиссабона до Владивостока, о целесообразности которого говорил ещё Карл Хаусхофер, тем быстрее мы сможем создать сильную и стабильную Евразию. Без террористов. Без американских баз. Без хаоса. Управляемого и не очень.

Литература

1. Malzahn C. C. Die gefährlichen deutschen Befindlichkeiten. URL: <http://www.welt.de/debatte/-kommentare/article126608079/Die-gefaehrlichen-deutschen-Befindlichkeiten.html> (дата обращения: 20.04.2014).
2. Assad sieht Vermittlerrolle für Deutschland. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/syrien-konflikt-assad-sieht-vermittlerrolle-fuer-deutschland-12605715.html> (дата обращения: 20.04.2014).
3. Rede von Außenminister Guido Westerwelle vor der 68. Generalversammlung der Vereinten Nationen am 28. September 2013, New York. URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2013/130928-BM-GV.html> (дата обращения: 20.04.2014).
4. Саудовская Аравия скрыто пригрозила России терактами на Олимпиаде. URL: <http://www.km.ru/world/2013/08/28/siriiskii-krizis/719449-saudovskaya-araviya-skryto-prigrozila-rossii-teraktami-na-o> (дата обращения: 21.04.2014).
5. Ещё 14 стран поддержали нанесение удара США по Сирии. URL: <http://news-w.com/63075-6476/%D0%95%D1%89%D0%B5> (дата обращения: 21.04.2014).
6. Grundsätze deutscher Menschenrechtspolitik. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Menschenrechte/GrundsaeetzeMRpolitik_node.html (дата обращения: 21.04.2014).
7. Antrag des Deutschen Bundestages vom 14.12.2011. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/-081/1708132.pdf> (дата обращения: 22.04.2014).
8. Russia tells U. S. it will continue backing Syria's Assad. URL: <http://www.rawstory.com/rs/2014/01/10/russia-tells-u-s-it-will-continue-backing-syrias-assad/> (дата обращения: 22.04.2014).
9. Филиппов А. А. Идеология власти меньшинства: опыт Сирии. URL: <http://pu.by/iss/n31/FILIPPOV31.pdf> (дата обращения: 23.04.2014).
10. Императорское православное палестинское общество просит ООН защитить сирийских христиан. URL: http://www.newsru.com/religy/26dec2013/ippo_uno.html (дата обращения: 23.04.2014).
11. Сообщение для СМИ. Об обращении сирийских христиан. URL: http://mid.ru/brp_4.nsf/-newslines/36DD54A2B4E9ABF144257C06003634C9 (дата обращения: 23.04.2014).
12. Martin D. Mit Assad leben wir besser. URL: <http://www.tagesschau.de/ausland/syrien-christen-ostern100.html> (дата обращения: 24.04.2014).
13. Die Alevitische Gemeinde Deutschland und die Unterzeichner verurteilen das Massaker an der alawitischen Minderheit in Syrien. URL: <http://alevi.com/de/die-alevitische-gemeinde-deutschland-verurteilt-das-massaker-an-der-alawitischen-minderheit-in-syrien/> (дата обращения: 24.04.2014).
14. Syria: nearly half rebel fighters are jihadists or hardline islamists, says IHS Jane's report. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/10311007/Syria-nearly-half-rebel-fighters-are-jihadists-or-hardline-Islamists-says-IHS-Janes-report.html> (дата обращения: 24.04.2014).
15. Совет Безопасности ООН не принял проект резолюции в отношении Сирии. URL: <http://www.trtrussian.com/trtworld/ru/newsDetail.aspx?HaberKodu=8c935f8c-4185-48df-858c-480d2eac11f9> (дата обращения: 24.04.2014).
16. РФ против повторения сирийского сценария в Сирии, заявил Чижов. URL: http://ria.ru/-arab_sy/20111212/515222016.html (дата обращения: 24.04.2014).
17. Канцлер ФРГ: Германия не будет участвовать в возможной военной операции в Сирии без мандата ООН, ЕС или НАТО. URL: <http://itar-tass.com/siriya-konflikt/670052> (дата обращения: 24.04.2014).
18. Gorzewski A. Akteure und Interessen im Syrien-Konflikt. URL: <http://www.dw.de/akteure-und-interessen-im-syrien-konflikt/a-17102378> (дата обращения: 24.04.2014).

19. Satter R. British Parliament votes against military intervention in Syria. URL: http://www.huffingtonpost.com/2013/08/29/british-parliament-syria-vote_n_3839067.html (дата обращения: 24.04.2014).
20. Варкентин А. Двойственная позиция Германии по Сирии. URL: <http://www.dw.de/двойственная-позиция-германии-по-сирии/a-17072017> (дата обращения: 24.04.2014).
21. Syrian dissidents form national council. URL: http://www.edmondsun.com/news_tab3/x2122765173/Syrian-dissidents-form-national-council (дата обращения: 24.04.2014).
22. Deutschland unterstützt die syrische Opposition. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/130711_Verbindungsb%C3%BCro-syrische-Opposition.html (дата обращения: 24.04.2014).
23. Лавров: Россия не признает сирийскую оппозицию, но готова с ней работать. URL: <http://www.panarmenian.net/rus/news/138546/> (дата обращения: 24.04.2014).
24. EU-Außenminister: Kein Waffenembargo mehr gegen Syrien. URL: <http://www.tagesschau.de/ausland/syrien-sanktionen104.html> (дата обращения: 25.04.2014).
25. Merkel: Keine Waffen für Syriens Rebellen. URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/merkel-keine-waffen-fuer-syriens-rebellen/8075230.html> (дата обращения: 25.04.2014).
26. Российские поставки в Сирию: техника или оружие? URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/01/140120_syria_russian_weapons.shtml (дата обращения: 25.04.2014).
27. ООН: число сирийских беженцев в Ливане превысило миллион. URL: <http://ru.euronews.com/2014/04/03/lebanon-faces-worsening-syrian-refugee-crisis/> (дата обращения: 25.04.2014).
28. Neun Millionen Syrier-Flüchtlinge. URL: <http://www.fr-online.de/syrien/fluechtlinge-aus-syrien-neun-millionen-syrien-fluechtlinge,24136514,26554302.html> (дата обращения: 25.04.2014).
29. Uno-Bericht: Neun Millionen Syrier sind auf der Flucht vor dem Krieg. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/syrien-schlimmste-fluechtlingskrise-seit-zwanzig-jahren-a-950510.html> (дата обращения: 25.04.2014).
30. Германия призывает ЕС активнее принимать беженцев из Сирии. URL: http://ria.ru/arab_riot/20130911/962482355.html (дата обращения: 25.04.2014).
31. Putz U. Deutschland-Kurs für syrische Flüchtlinge: «Schwulsein verboten, Nazis erlaubt?». URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/beirut-deutschland-kurs-fuer-fluechtlinge-aus-syrien-a-951604.html> (дата обращения: 26.04.2014).
32. Это шаг навстречу Обама. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/09/10_a_5646945.shtml (дата обращения: 26.04.2014).
33. Germany agrees to help destroy Syria's chemical weapons. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-25664162> (дата обращения: 26.04.2014).
34. Германия готова профинансировать уничтожение химоружия в Сирии. URL: <http://rbcdaily.ru/world/562949988902363> (дата обращения: 26.04.2014).
35. Destroying Syria's chemical weapons. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-25810934> (дата обращения: 27.04.2014).
36. Дракохруст Ю. Саммит G20 и сирийский кризис. URL: <http://inosmi.ru/world/20130911/212836980.html> (дата обращения: 27.04.2014).
37. Asyl für Assad in Russland ist ein „Witz“. URL: http://www.focus.de/politik/ausland/aussenminister-lawrow-brueskiert-westerwelle-asyl-fuer-assad-in-russland-ist-ein-witz_aid_777480.html (дата обращения: 27.04.2014).
38. Что для России «сирийский фронт»? URL: <http://inosmi.ru/overview/20130911/212833051.html> (дата обращения: 27.04.2014).
39. Караян Д. Меркель меняет модель отношений между Германией и Россией. URL: <http://inosmi.ru/world/20140409/219429631.html> (дата обращения: 27.04.2014).
40. Россия исчерпала лимит на насилие. URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2012/07/06/1007876.html> (дата обращения: 27.04.2014).
41. Газовое предупреждение России. Газопровод из Катара в Европу через Сирию. URL: <http://ari.ru/news/549aa0934> (дата обращения: 27.04.2014).

Информация об авторах:

Арапина Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений КемГУ, arapina77@mail.ru

Svetlana V. Arapina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary Russian History and International Relations, Kemerovo State University.

Яковлев Григорий Алексеевич – студент факультета истории и международных отношений КемГУ, gregorythefirst@gmail.com.

Grigory A. Yakovlev – student at the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ПОЛИТИКА «ПЕРЕЗАГРУЗКИ» КАК НОВЫЙ ЭТАП
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

О. В. Бирюкова

“RESET POLICY” AS THE NEW STAGE IN RUSSIA – THE USA RELATIONS

O. V. Biryukova

Статья посвящена изучению проблем взаимоотношений между Российской Федерацией и Соединенными Штатами на современном этапе. Автор выявляет необходимость принятия данной политики, основные мероприятия и причины, которые способствовали ее завершению. Кроме этого, автором представлены мнения отечественных и зарубежных экспертов о положительных и негативных результатах «перезагрузки».

The paper focuses on the problems in the relations between Russia and the USA at the contemporary stage. The author highlights the reasons for the “reset policy” formation, its main activities, and the reasons that led to its termination. Furthermore, the author provides the opinions of both Russian and foreign experts on the positive and negative results of the “reset”

Ключевые слова: Российская Федерация, Соединенные Штаты, политика, конфронтация, договоренность, многополярный мир, эксперты.

Keywords: Russia, the USA, politics, confrontation, agreement, multipolar world, experts.

Взаимоотношения между США и нашей страной на протяжении второй половины XX – начала XXI века носили непростой характер. Наши страны от конфронтации переходили к нормализации отношений и обратно. Конец XX века был ознаменован крушением СССР и установлением «однополярного мира». В начале 2000-х гг. в США группой неоконсерваторов по главе с Ч. Краутхаммером была сформулирована концепция об унилатерализме – праве на одностороннее распространение США своих идей, интересов и ценностей, априори легитимных в мировом масштабе «в виду высочайшего уровня развития демократии и демократических институтов в США». Данная политика была направлена на односторонние действия, без учета мнения международного сообщества и решений международных организаций.

Главным пунктом международной повестки дня становилась борьба с терроризмом. В частности, отмечается, что после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне американцы стали позиционировать себя как представляющих западный мир борцов с глобальным терроризмом, так называемой “осью зла”. Соединенные Штаты инициировали военную операцию против Аль-Каиды в Афганистане.

В 2002 г. в США была принята Стратегия национальной безопасности, которая основывалась на тезисе о всеобщем превосходстве американской демократии и фактически легитимировала любую интервенцию, обоснованную обеспечением национальных интересов США.

Позже Белый дом неоднократно демонстрировал, что обеспечения жизненно важных для себя интересов он будет добиваться любыми способами.

В то же время Российская Федерация, по мнению западных политиков, не могла оказывать большого влияния на геополитические изменения в мире. Теперь, как считают на Западе, прежде всего, в США, Россия стала региональной державой. Особенно отчетливо это видно по тому, как стремительно возросло число государств на постсоветском пространстве, стремящихся вступить в европейские организации

и НАТО. Российская Федерация оказалась неспособной повлиять на процессы, происходящие в Грузии, Молдавии, Украине и еще ряде стран. Режимы, приходящие к власти в этих государствах, проявляли прозападную и проамериканскую направленность. К тому же Москва была занята решением своих внутренних проблем и не могла уделять большого внимания своим соседям.

Однако часть политиков призывала не торопиться с выводами. И дальнейшие события подтвердили тот факт, что Российская Федерация вполне способна оказывать влияние на мировую политику. В частности, в своей Мюнхенской речи 10 февраля 2007 г. президент В. В. Путин заявил, что в случае развертывания «третьего позиционного района ПРО» и продолжения расширения НАТО на Восток Москва может принять ответные меры военного характера. Тем самым Российская Федерация после долгого перерыва дала понять Западу, что время односторонних уступок прошло. Москва будет стремиться восстановить свой статус мировой державы.

Как отметил Родерик Лайн, посол Великобритании в России: «Кремль, отверг мысль о «стратегическом партнерстве» с Западом. В этом больше нет потребности: Россия достаточно сильна, чтобы проводить полностью независимую политику, ей больше не нужно идти на уступки западному миру либо считаться с его точкой зрения. Она сама способна диктовать условия» [1].

В российско-американских отношениях нарастала конфронтация. Последующие полтора года между сторонами шла «встречная эскалация по проблемам ПРО и ДОВСЕ. «Пятидневная война» вокруг Южной Осетии (август 2008 г.) с вовлеченностью в нее России и США стала финалом «малой» конфронтации конца 2000-х годов.

Кавказский кризис показал все накопившиеся противоречия между двумя державами. Оба государства высказывали недовольство по поводу действий друг друга в данном конфликте. Россия обвиняла США в развязывании очередной «оранжевой револю-

ции». Доказательством этого могут служить значительное число американских военных инструкторов по подготовке грузинских военных. Кроме этого, отмечалось значительное количество оружия иностранного производства, которое было предоставлено Грузии. США восприняли действия миротворческих сил России как попытку Кремля восстановить своё военное и политическое влияние на Кавказе и Средней Азии. Обвиняли в желании восстановления границ СССР и новой империалистической политике.

Однако только этими событиями проблемы нарастания новой конфронтации между Россией и Соединёнными Штатами не исчерпываются. Следует выделить те вопросы, которые приводили к несогласованности подходов между Вашингтоном и Москвой:

- 1) иранская и северокорейская ядерные программы;
- 2) поставки российского оружия Венесуэле;
- 3) судьба демократии и прав человека в России;
- 4) расширение НАТО за счет бывших республик СССР;
- 5) защита интеллектуальной собственности США в России;
- 6) проблема ценовой политики России на газ для Украины и Белоруссии.

В геополитическом отношении США волновало сближение России с Китаем. Ведь Китай с самого начала рассматривался США как основной глобальный соперник. И такое сближение не могло не пугать Америку, она боялась, что может образоваться антиамериканский русско-китайский альянс.

Перед новой администрацией Соединённых Штатов встали вопросы пересмотра отношений с Москвой, чтобы решить все накопившиеся проблемы и не допустить новых. С этой целью Вашингтоном была провозглашена политика «Перезагрузки» между Кремлем и Белым Домом. Чтобы подтвердить серьезность своих намерений государственный секретарь США Хилари Клинтон на встрече в Женеве преподнесла российскому министру иностранных дел Сергею Лаврову символическую кнопку, которую министры нажали вместе.

Практическим началом новой международной линии США стало признание Вашингтоном окончания существования концепции «однополярного мира». Тем самым администрация президента Обамы отказывалась от концептуальных претензий своего предшественника Джорджа Буша младшего на глобальное доминирование. В своей речи 23 сентября 2009 года на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Барак Обама заявил: «Ни одна страна не может и не должна пытаться доминировать над другими странами. Ни один мировой порядок, который возвышает одну страну или группу стран, не будет успешным» [2].

Российская сторона также неоднократно высказывалась о стремлении вести более тесный диалог с Вашингтоном по ряду важнейших международных проблем.

Однако, несмотря на заявления лидеров обеих стран о стремлении к улучшению взаимных отношений, США и Россия вели политику, которую трудно оценить как дружескую.

В частности, в апреле 2009 г. на саммите НАТО была подтверждена возможность присоединения к альянсу Украины и Грузии. Таким образом, можно говорить о том, что инициатива президента России Дмитрия Медведева о создании новых структур безопасности в Евроатлантическом регионе была отвергнута. Также войска НАТО провели на территории Грузии крупные учения. С Чехией и Польшей были заключены соглашения о размещении на их территории объектов третьего позиционного района ПРО. Вице-президент США Дж. Байден заявил, что с Россией, ввиду ее очевидной слабости, можно разговаривать с позиции силы [3].

С другой стороны, обещание российского президента разместить в Калининградской области ракетные комплексы «Искандер» в случае, если Белый Дом пойдет на развертывание элементов ПРО на территории Польши и Чехии, сотрудничество России с Ираном в ядерной сфере и возможность продажи ему комплексов противовоздушной обороны С-300, полеты стратегических бомбардировщиков ВВС России над Атлантикой, их приземление на аэродромах в Южной Америке и, наконец, дальние походы кораблей российских ВМФ стали поводом к очередным обвинениям России в антиамериканизме.

Но тем не менее между Москвой и Вашингтоном происходил конструктивный диалог по ряду проблем. В частности, для того чтобы вывести отношения на новый уровень, Белый дом и Кремль в 2009 году приняли решение о разоружении. В ходе визита президента Б. Обамы в Россию стороны подписали документ «Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений». В нем говорилось о том, что Президент Российской Федерации и Президент Соединённых Штатов Америки приняли решение о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений своих стран и о заключении в ближайшее время новой юридически обязывающей договоренности на замену действующего Договора о СНВ. Кроме этого, стороны подчеркивали, что предельные уровни для стратегических носителей должны находиться в пределах 500 – 1100 единиц и для связанных с ними боезарядов – в пределах 1500 – 1675 единиц [4]. Также обращает на себя внимание Положение о базировании стратегических наступательных вооружений исключительно на национальной территории каждого из государств.

24 сентября в Нью-Йорке состоялся саммит государств – членов СБ ООН по ядерному разоружению и нераспространению, где в центре внимания оказалась ядерная программа Ирана.

На встрече с президентом США в ходе саммита президент Российской Федерации Д. А. Медведев сформулировал позицию России по поводу ситуации в Иране в контексте российско-американских отношений. Президент заявил: «Наша задача заключается в том, чтобы создать такую систему стимулов, которая позволит решить проблему мирного использования ядерной энергии Ирану, с одной стороны, но не допустит создания ядерного оружия, с другой стороны. Поэтому мы, как ответственные члены мирового сообщества и две крупнейшие ядерные державы, дей-

ствительно должны подавать сигналы в этом направлении...» [5].

На этой встрече российский президент дал также оценку отношений со своим американским коллегой: «...в последнее время в наших отношениях наступили благоприятные изменения, и у нас есть очень конструктивные, товарищеские рабочие отношения, которые помогают решать самые разные вопросы, которые стоят перед нашими странами»; «Мы готовы продолжать нашу совместную работу с администрацией Соединённых Штатов Америки и по вопросу мирной ядерной программы Ирана, и по другим вопросам. Самое главное, что мы вновь научились слушать друг друга».

8 апреля 2010 года в Праге президент Российской Федерации Дмитрий Медведев и президент США Барак Обама подписали договор СНВ-3, предусматривающий существенное сокращение ядерных вооружений.

Но чтобы новый договор вступил в силу, он должен быть ратифицирован парламентами двух стран. Несмотря на разные мнения по поводу этого договора в Москве и Вашингтоне, Государственная дума ратифицировала данный договор, а конгресс США в связи с борьбой республиканской и демократической партий всё оттягивали момент подписания договора. И только после вмешательства президента Барака Обамы договор был подписан.

Подписание Договора СНВ-3 создало предпосылки для расширения российско-американского сотрудничества в атомной сфере в целом.

В отношении политики противоракетной обороны Барак Обама провозгласил более гибкий подход на смену старому, который вызывал резкую критику Москвы. В действительности этот шаг никак не изменил политику США, но продемонстрировал готовность новой американской администрации к диалогу с Россией по проблемам международной безопасности.

Одним из важных достижений в политике «Перезагрузки» для Америки стала договорённость об «афганском транзите». Эта договорённость позволила США использовать «северный коридор» по территории России для транспортировки невоенных грузов. Несмотря на критику коалиции со стороны Кремля в афганском вопросе в целом, Москва признала, что американское присутствие играет стабилизирующую роль на территории всей Центральной Азии, и именно по этой причине стала оказывать Америке помощь.

В 2011 году вступило в силу Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, которое способствовало открытию американского рынка для российских компаний атомной энергетики.

Одно из достижений взаимодействий этого периода стало более тесное и систематическое взаимодействие в сфере противодействия терроризму и торговле наркотиками. В мае 2010 года в ходе заседания Рабочей группы России и США страны достигли договорённости по ряду мер, направленных на укрепление воздушной безопасности. В июне 2010 года проводилась интенсивная экспертная работа по согласованию проекта меморандума о взаимопонимании по авиационной безопасности.

В апреле и июне 2010 года были проведены российскими и американскими военными конференции по подготовке штабных учений, направленных на отработку способов координации при захвате террористами воздушного судна. А также на регулярной основе стало осуществляться взаимодействие кораблей ВМФ России и ВМС США при проведении операции по борьбе с пиратством в районе Африканского рога.

Также немаловажно взаимодействие России и Америки в решении вопроса о вступлении нашей страны во Всемирную торговую организацию (ВТО). Вашингтон оказывал активную поддержку Москве, что значительно ускорило и облегчило процесс вступления. Соединённые Штаты оказывали давление на некоторых своих партнёров, чтобы убрать последние препятствия на пути России к ВТО. Результатом всех этих действий явилось то, что 22 августа 2012 года Россию включили в официальный список стран-участниц ВТО под порядковым номером 156, это было объявлено в сообщении генерального директора ВТО Паскаля Лами.

В апреле 2010 года на заседании рабочей группы под председательством министров Набиуллиной и Лока был подписан Меморандум о намерениях по вопросам содействия инвестициям в США и России, предусматривающий, в частности, что Минэкономразвития России и Министерство торговли США будут действовать как контактные лица для существующих и потенциальных инвесторов обеих стран. Но при этом нужно отметить, что данные действия со стороны США не привели к существенному росту российско-американской торговли или резкому росту американских инвестиций. Если брать в сравнение с другими странами, такими как Китай, ФРГ, Италия и другие, американские позиции на Российских рынках достаточно малы. К тому же, согласно анализу Минэкономразвития, вступление РФ в ВТО привело к автоматической отмене лишь 4 из 96 ограничительных мер, действующих в отношении поставок из России [6].

В образовательной сфере в декабре 2009 года был подписан Совместный план по реализации представляющих взаимный интерес программ в начальном, среднем и высшем образовании и укреплению взаимодействий между американскими и российскими учебными заведениями и частным сектором. В феврале была объявлена новая фулбрайтовская премия в области «науки и инноваций». В ходе междисциплинарных семинаров и круглых столов участники – молодые антропологи, филологи, культурологи, историки, социологи, психологи – представляют свои исследовательские и/или педагогические проекты, обсуждают их, критически переосмысливают и пополняют новыми идеями.

Для более тесных контактов между нашими странами, а также для развития культурных, экономических, научных и гуманитарных связей двух держав 9 сентября 2012 года вступило в силу соглашение об упрощении визового режима, по которому был увеличен срок визы на 36 месяцев, а также снижена цена самой визы. Соглашение стало результатом обмена дипломатических отношений между МИД РФ с посольством США в Москве 10 августа 2012 года.

Однако 2012 год был ознаменован предвыборной гонкой в обоих государствах. Это означало, что и в Соединенных Штатах, и в Российской Федерации традиционно декларируют об укреплении позиций собственной страны на международной арене. В Вашингтоне борьба между демократами и республиканцами в вопросах внешней политики касается в том числе и отношений между Северной Америкой и Россией. Республиканцы всегда являлись сторонниками ужесточения своих позиций в отношении Москвы. Они считают, что надо использовать любые методы для борьбы за главенство США в мире, в том числе и военные. Демократы готовы на компромисс, даже на корректировку внешнеполитического курса, если это принесет им политические очки.

В России также в 2012 году проходила предвыборная компания, которая сопровождалась заявлениями об усилении роли Москвы в решении глобальных международных процессов, о последовательном отстаивании национальных интересов, о построении многополярного мира. Таким образом, это затрагивает интересы Белого дома, который старается не допустить появления еще нескольких центров, способных влиять на мировую политику.

Кроме этого, усиливаются противоречия между РФ и США еще по целому ряду международных проблем.

Одним из камней преткновения стал «Сирийский конфликт», который начался ещё 15 марта 2011 года. Основной причиной разногласий стал вопрос о методе разрешения конфликта. Так, к примеру, США заявляли о том, что Башар Асад должен покинуть свой пост, что с ним не нужно вести какие-либо переговоры, а добиться его отставки при помощи вооруженного вмешательства. Иную точку зрения представляли Россия и Китай, они настаивали на том, что насилие нужно прекратить через политический диалог воюющих сторон без какого-либо вмешательства, а тем более вооруженного, извне.

2 ноября 2012 года представитель МИД РФ сделал заявление о роли США в Сирийском конфликте. «Представители США заявляют, что не намерены ждать изменения позиции России и Китая – то есть без обиняков даётся понять, что Вашингтон видит урегулирование сирийского кризиса исключительно на своих условиях! – говорит дипломат. – Одновременно было заявлено, что США продолжают усилия по оказанию давления на сирийское правительство, в том числе путём ужесточения санкций. Звучат прямые указания, что надо делать сирийской оппозиции для формирования правительства в изгнании, а также о том, кто должен войти в такое правительство – вплоть до конкретных кандидатур». Тем самым оппозиционеров, по его словам, «поощряют на продолжение бескомпромиссной линии, направленной на свержение режима в Дамаске» [7].

Однако в разжигании военного конфликта Вашингтон все время пытался обвинить Кремль. Будучи еще пресс-секретарем Госдепартамента США, Виктория Нуланд заявила: «Мы видели оружие, применяемое против народа в (городах Сирии) Хомсе, в Хаме, Латакии, Идлибе. Мы видели, как россияне поставляли очередные партии оружия, которое было продано сирийцам совсем недавно...» [8].

Глава МИД РФ Сергей Лавров опроверг это заявление, сказав, что Россия завершает выполнение давно подписанных и оплаченных контрактов, и что все эти контракты касаются исключительно средств противовоздушной обороны [9].

Через три дня на пресс-конференции 5 ноября в Каире по итогам переговоров с главой Лиги арабских государств Набилем аль-Араби и спецпосланником ООН по Сирии Лахдаром Брахими Министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров, отвечая на вопрос журналиста о том, готова ли Россия принять в СБ ООН резолюцию с требованием о прекращении огня в Сирии, сказал, что Запад, настаивая на принятии в СБ ООН резолюции по Сирии, пытается обострить ситуацию и создать условия для смены режима в этой стране. «Резолюция, о которой говорят наши западные партнёры и о которой говорят некоторые другие наши коллеги, замышляется ими исключительно с одной целью: обострить ситуацию и создать условия для смены режима» [10].

Еще одним из конфликтов, разгоревшихся между Вашингтоном и Москвой стал принятый в США «Закон Магнитского».

Закон был назван в честь Сергея Леонидовича Магнитского. Сергей Леонидович работал аудитором в консалтинговой компании Firestone Duncan, был задержан за подозрение в уклонение уплаты налогов в особо крупных размерах и скончался в изоляторе временного содержания СИЗО «Матросская Тишина». Закон Магнитского принят в декабре 2012 года в США, это закон, который вводит персональные санкции в отношении лиц, ответственных за нарушение прав человека и принципа верховенства права. И был направлен против лиц, обвиняемых в его смерти.

В сентябре 2012 года в Великобритании ввели «список Магнитского». Список содержат 60 фамилий чиновников МВД, ФСБ, ФНС, Арбитражного суда, Генеральной прокуратуры и ФСИН вместе с кратким описанием роли каждого из указанных лиц в деле.

14 декабря 2012 года «закон Магнитского» был подписан президентом США Барак Обама. Закон вводил санкции против любых российских граждан, которые хоть как-то могут или могли бы быть связаны со смертью Сергея Магнитского. В частности к санкциям относятся: визовые ограничения на въезд на территорию США, санкции в отношении их финансовых активов в банках США.

В ответ на «закон Магнитского» Госдума РФ выступила с резкой критикой. Инициатором ответного законопроекта выступил Сергей Нарышкин, которого поддерживали лидеры всех четырёх фракций Госдумы РФ. По оценкам депутата «Единой России» Вячеслава Никонова закон «является беспрецедентным со времен холодной войны СССР и США» [11]. Он подчеркивает, что принятие «закона Магнитского» уже привело к ухудшению американо-российских отношений, и данная тенденция будет продолжаться.

Ответный законопроект неофициально был назван «законом Димы Яковлева», он предполагал введение санкций против граждан Америки. 14 декабря законопроект попал на первое чтение Госдумы РФ. В дополнение к этому законопроекту депутатами Лаховой и Афанасьевой было предложено ввести запрет на усы-

новление российских детей. 19 декабря законопроект был принят.

Все эти действия со стороны обоих государств привели к тому, что многие эксперты и политологи всерьез заговорили о срыве политики «Перезагрузки». Все более очевидными стали просматриваться противоречия между Москвой и Вашингтоном. В прессе появились статьи, в которых все отчетливее звучит мысль о возрождении политики «Холодной войны».

Последние события на Украине, действия администрации Обамы не добавляют доверия в восстановления добрососедских отношений между нашими странами.

21 ноября 2013 года прошла массовая многотысячная акция протеста в центре Киева в ответ на приостановку правительством Азарова подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом, поддержанная выступлениями населения в других городах Украины.

После принятия 16 января 2014 года Верховной радой пакета законов, предусматривавших ужесточение санкций за участие в массовых беспорядках, акция приняла резко радикальный антипрезидентский и антиправительственный характер.

В конце февраля 2014 года Верховная рада Украины отстранила президента Виктора Януковича от власти, изменила конституцию, возложила исполнение обязанностей президента на спикера Александра Турчинова и назначила президентские выборы на 25 мая.

Евросоюз и Соединенные Штаты отреагировали на события в Украине весьма положительно, назвав акцию протеста в Киеве проявлением демократии.

Однако часть регионов этой страны отказались признать новые киевские власти, которые, по их мнению, захватили столицу путем разгула банд националистов.

Руководители Крыма и Севастополя заявили о своем нежелании дальше оставаться в составе Украины, и на 16 марта был назначен референдум. По итогам обработки 100 % бюллетеней 96,77 % крымчан и почти 98 % севастопольцев, принявших участие в референдуме, проголосовали за присоединение к России [12]. 17 марта Крым и Севастополь признали себя независимыми от Киева территориями и подали заявку на вступление в состав Российской Федерации в качестве субъектов. Вечером 17 марта президент РФ В. В. Путин подписал указ «О признании Республики Крым». Договор о вступлении Крыма и Севастополя в состав РФ был подписан 18 марта. Церемония подписания прошла в Большом Кремлевском дворце. Документ скреплен подписями президента РФ Владимира Путина, председателя государственного совета Республики Крым Владимира Константинова, председателя Совета министров республики Крым Сергея Аксёнова и председателя координационного совета по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности Севастополя Алексея Чалого.

США, ЕС и ряд стран-партнеров после присоединения Крыма ввели против России санкции, которые МИД РФ неоднократно называл контрпродуктивными. США также объявили о замораживании торговых переговоров с Россией и ряда программ военного сотрудничества. Однако в решении ряда мировых про-

блем Вашингтон не рискнул пойти на сворачивание отношений. "Мы сократили двустороннее экономическое сотрудничество с Россией, военное сотрудничество, но что касается всех глобальных вопросов – это касается Ирана, Сирии, двусторонних обязательств в области разоружения – мы в основном сохранили это общение. <...> Так что это (сотрудничество) в основном продолжается", – сказала помощник госсекретаря США Виктория Нуланд [13].

Украинский кризис показал разность подходов между нашими странами в отношении урегулирования военных конфликтов в мире. Та риторика, которую ведут Соединенные Штаты, ярко демонстрирует, что Вашингтон готов согласиться со своим оппонентом только в том случае, если он действует в фарватере американской политики. Если же какое-нибудь государство пытается отстаивать свои национальные интересы, и они идут вразрез с политикой Белого дома, то такое государство подвергается давлению со стороны не только США, но и его ближайшего союзника – Евросоюза.

В отношении Российской Федерации санкции, которые применяются к нашей стране (как экономического, так и политического характера) не приносят желаемого результата для Вашингтона. Это объясняется рядом причин:

1. Европа достаточно сильно связана с РФ, мы поставляем им газ и нефть, у них покупаем продовольствие, автомобили и пр. И эта взаимная зависимость, пусть и имеющая определенные «перекося», – крайне важный фактор для поддержания геополитической стабильности. Представляется, что Запад, успокоившись и трезво подойдя к ситуации, вряд ли пойдет на избыточную эскалацию отношений с Россией. Ведь политика – политикой, но все-таки нормальный бизнес намного важнее. Российские рынки – это «лакомый кусок» для Запада, достаточно успешно им занятый.

2. Как показывает наша история, для того чтобы Россия «проснулась», ей всегда были необходимы явные угрозы, в первую очередь военные. Давление со стороны Запада в определенной мере может дать «обратный эффект» – рост возможностей экономического развития РФ, внутренней и внешней консолидации, повышения эффективности государства.

3. Россия – четвертый в мире держатель валютных активов и держит свои резервы в долларах США. И если наша страна начнет переводить свои активы в другие твердые валюты, например в юань или швейцарскую крону – то для США это обернется финансовой катастрофой.

Как бы события не развивались дальше, главный результат последних событий на Украине – окончательный срыв политики «Перезагрузки». Администрация Барака Обамы показала, что она не готова на действительно подлинное изменение отношений с Российской Федерацией.

Однако стоит разобраться в том, какую роль сыграл данный внешнеполитический курс Белого дома для обоих государств и для всего мира?

Ряд отечественных экспертов полагают, что политика «Перезагрузки», несмотря на всю свою противоречивость, сыграла положительную роль во взаимоотношениях между Российской Федерацией и Соеди-

ненными Штатами. В частности, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике Федор Лукьянов считает, что: «Перезагрузка – это модель сосуществования двух скованных ядерным паритетом непримиримых противников, перезагрузка – не синоним сближения или потепления, а конкретный набор тем, увязка которых позволила нормализовать контакты после глубокого упадка конца 2000-х. И она была успешной – рабочее взаимодействие восстановлено, несколько практических вопросов решено. На этом повестка дня перезагрузки исчерпалась, поскольку она была не политической линией, а серией мер, имевших четкую цель» [14].

Заместитель главного редактора журнала «Эксперт» Павел Быков и Геворг Мирзаян, специальный корреспондент журнала, считают, что сама по себе «перезагрузка» не подразумевала выстраивание партнерских, а по каким-то направлениям и стратегических контактов между Москвой и Вашингтоном. Ее реальная задача – стирание из «оперативной памяти» российско-американских отношений негативного опыта, накопленного в период правления администрации Джорджа Буша-младшего. И в этом плане перезагрузка успешно завершилась [15].

Также положительно оценивает данную политику директор Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Алексей Арбатов. По его мнению, «Перезагрузка» в отношениях России и США завершилась на третий год своей работы, выполнив поставленную перед ней задачу – предотвратив возможную конфронтацию Москвы и Вашингтона после кавказского кризиса 2008 года. Он подчеркнул, что перезагрузка на самом деле не преследовала цель улучшить взаимоотношения между Москвой и Вашингтоном, сделать их союзниками или стратегическими партнерами. «Просто мы в 2008 году во время кавказского кризиса подошли очень близко к грани конфронтации, и перезагрузка была нужна для того, чтобы отойти от этой грани. Мы от нее отошли», – отметил Арбатов [16].

Заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО Татьяна Шакелина говорит: Политика «Перезагрузки» спасла российско-американские отношения от «зависания», но, как и предполагалось, не поменяла существа отношений двух стран.

По её словам, «Любое сотрудничество лучше его отсутствия, если речь, конечно, идет о позитивном и выгодном для всех сторон взаимодействии. В случае с периодом отношений между Россией и США 2009 – 2012 годов необходимо, прежде всего, вспомнить, что понимала под сотрудничеством с Россией администрация Б. Обамы. Сферами сотрудничества назывались борьба с терроризмом, дальнейшее сокращение ядерных арсеналов и продолжение переговорного процесса по вопросам сокращения вооружений, сохранение всестороннего диалога на разных уровнях, взаимодействие в решении отдельных глобальных проблем. Планировалось наращивание торгово-экономического сотрудничества после принятия России в ВТО и отмены поправки Джексона-Вэника, за что выступали демократы. Определенные достижения есть – и это хорошо» [17].

Однако среди российских исследователей также есть ряд экспертов, которые считают, что перезагрузка не принесла положительного результата. В частности, директор Центра консервативных исследований при социологическом факультете МГУ, политолог и философ Александр Дугин считает, что: «Американцы вообще склонны считать, что „перезагрузка“ была обманным манёвром Путина, призванным отвлечь внимание от его возвращения. Я, кстати, скорее разделяю такое мнение – хотя бы потому, что сама по себе эта „перезагрузка“ оказалась просто бесполезной и не дала никакого эффекта. Кажется, она встала в один ряд с такими „достижениями“ Медведева, как отказ от зимнего времени, который сейчас собираются аннулировать. Но надо признать, что этой самой „перезагрузкой“ ему все же удалось заморочить американцам голову. Правда, и нашему народу тоже» [18].

Экономический обозреватель портала «geopolitica.ru», публицист Кирилл Мямлин также считает, что политика «Перезагрузки» не принесла провала. Он отмечает: «Только наивные люди могли поверить в «перезагрузку» – когда у стран принципиально разные геополитические интересы, все термины о необыкновенной любви являются «уловкой номер два» [19].

Заместитель директора Института США и Канады РАН Виктор Кременюк полагает, что суть политики «Перезагрузки» заключалась в том, чтобы «не просто улучшить отношения, но и расширить их за счет так называемой новой повестки дня (энергетика, космос, Арктика, контроль над движением ракетных технологий и расщепляющихся материалов и пр.). Вот этого не получилось. Помешали дела Магницкого, Ходорковского и все остальные перлы сталинизма, с которыми американцы дела иметь не хотят» [20].

Среди зарубежных авторов также нет единого мнения по поводу того, как расценивать политику «Перезагрузки» – как развитие отношений между Кремлем и Белым Домом или как очередной провал двусторонних связей.

Как пишет эксперт Центра за американский прогресс С. Шарап (работающий на администрацию Обамы), «ослепленные яростью противники «перезагрузки» отказываются признать ее успехи, забывают о том, что альтернативой могут стать антагонистические отношения между Россией и США, а это будет губительным для американских национальных интересов и развития России. Но он же добавляет: «„перезагрузка“ позволяет Вашингтону хотя бы как-то влиять на проблемное поведение России и открывает больше возможностей для действий в российской строго регулируемой внутривнутриполитической жизни» [21]. Последние слова наиболее значимы для внутренней американской аудитории, но у российской стороны могут вызвать вопросы. Это не значит, что надо отказаться от «перезагрузки». Напротив, следует ее использовать в российских интересах, расширять повестку дня, в диалоге отстаивать свои позиции, приветствовать разумное влияние и нейтрализовать ненужное.

Управляющий директор консалтинговой компании Kissinger Associates Томас Грэм также считает, что «Перезагрузка» при всех ее спорных моментах

принесла положительные результаты. «Президент Обама начал перезагрузку вскоре после своей инаугурации в 2009 году, чтобы нормализовать отношения с Россией, которые оказались в упадке после российско-грузинской войны в августе 2008 года. Согласно первоначальному замыслу, перезагрузка предусматривала набор взаимных уступок, которые отвечали бы интересам и США, и России, демонстрировали бы готовность Вашингтона учитывать интересы Москвы. Администрация Обамы прямо не говорила об этом, чтобы избежать обвинений в уступках по принципиальным вопросам. Тем не менее Белый дом принял ряд шагов, которые обозначили параметры размена: реконфигурация ПРО в Европе; готовность подписать юридически обязывающее соглашение о сокращении ядерных сил, как предлагала Москва; сознательное понижение уровня отношений с Украиной и Грузией; смягчение критики российской внутренней политики в обмен на, как они надеялись, российскую поддержку взгляда Обамы на безъядерный мир и американскую политику по Ирану и Афганистану. Сюда же добавилось и обязательство завершить работу по вступлению России в ВТО... Многое было достигнуто, включая новый договор СНВ, членство России в ВТО, санкции против Ирана и российская поддержка северного маршрута снабжения американских и натовских сил в Афганистане... К концу первого срока полномочий Обамы, если не на год раньше, перезагрузка достигла своей цели нормализации отношений. Выиграли обе стороны; сложно сказать, кто больше с точки зрения своих национальных интересов» [22].

Сторонниками продолжения развития подлинно партнерских отношений между Кремлем и Белым домом являются авторитетные специалисты по международным отношениям Г. Киссинджер, Э. Качинс, А. Стент, А. Ливен, Дж. Подеста и др. Они предлагают не увязывать вопросы внутренней политики России с российско-американским взаимодействием по проблемам, представляющим интерес для обеих сторон. По убеждению Э. Качинса, если США продолжают прагматичную политику, учитывающую хотя бы часть жизненно важных для России интересов, тренд к расширению повестки дня двустороннего взаимодействия и более позитивному восприятию Америки и ее влияния будет продолжаться [23].

Противники данной политики считают: «Перезагрузка» с Москвой – это отступление от традиционного американского внешнеполитического курса. Этот отход может способствовать падению международного авторитета Вашингтона. Поэтому необходимо способствовать ликвидации данного курса. Подобной позиции придерживается, в частности, эксперт Центра стратегических и международных исследований Я. Бугайски. Он считает, что Россия использует «перезагрузку», чтобы получить еще больше выгод и уступок от США (правда, ни одной уступки он не называет, с точки зрения российской стороны, их почти нет). Соединенные Штаты, по его мнению, должны противо-

стоять попыткам РФ превратить ОДКБ в более эффективную организацию, которая в ситуации нестабильности может быть использована для урегулирования (в качестве примера приводится «арабская весна», когда к урегулированию были привлечены силы НАТО). Я. Бугайски тревожит создание Таможенного союза, «возрождение имперской России», новая «разрядка», дающая, как он утверждает, больше преимуществ РФ и делающая более вероятными негативные, с американской точки зрения, сценарии ее возможного поведения на постсоветском пространстве [24].

Также резко отрицательной позиции по отношению к России придерживается сенатор Дж. Кайл, который заявил, что, проводя политику «Перезагрузки», США пренебрегли интересами своих союзников – стран Восточной Европы, нанесли серьезный ущерб усилиям по созданию противоракетного щита для Европы и размещенных там американских войск. Но главный урон от «Перезагрузки» видится сенатору в том, что Соединенным Штатам не удалось добиться от Москвы каких-либо серьезных уступок или поддержки по Ирану и ядерной программе КНДР. По убеждению Дж. Кайла, политика в отношении России должна стать более жесткой [25].

Но среди американских исследователей есть и такие, которые считают, что «Перезагрузка» не оказала никакого влияния на отношения между Кремлем и Белым домом. Например, профессор Колумбийского университета Роберт Легволд говорит, что в перепаде в отношениях между Вашингтоном и Москвой нет ничего нового.

«То же мы наблюдали во времена президента Клинтона, когда расширилось НАТО, а также во время войны в Косово в 1999 году, – вспоминает Легволд. – Мы достигли низшей точки в конце второго срока Клинтона – между странами попросту ничего не происходило. Примерно, как сейчас. Потом, после терактов 11 сентября, отношения улучшились, вплоть до 2008 года – российско-грузинской войны. Но благодаря усилиям президента Обамы и Дмитрия Медведева, дела опять пошли на поправку. Сейчас мы там, откуда начинали, но до сих пор не знаем, как разорвать этот цикл» [26].

Таким образом, подводя итог, следует сказать, что политика «Перезагрузки» явилась новым этапом российско-американских отношений. Ее проведение способствовало решению ряда международных конфликтов, снятию напряженности в мире. Однако данная политика не привела к полной ликвидации противоречий, стоящих между нашими странами. События на Украине – наглядный пример этих разногласий. Но от стабильных отношений Соединенных Штатов и Российской Федерации зависят многие мировые процессы. Поэтому многие эксперты надеются, что Белый дом и Кремль продолжают развивать взаимовыгодный диалог либо в формате «Перезагрузки» № 2, либо в какой-нибудь другой форме.

Литература

1. Родерик Лайн. Россия и Запад: конфронтация неизбежна?. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9972 (дата обращения: 03.04.2014).

2. Remarks by the President to the United Nations General Assembly. The White House. Office of the Press Secretary, September 23, 2009. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-to-the-United-Nations-General-Assembly (дата обращения: 08.04.2014).
3. Вице-президент США Джо Байден дал скандальное интервью газете The Wall Street Journal. URL: <http://www.bmwclub.ru/vb/archive/index.php/t-288853.html> (дата обращения: 13.10.2013).
4. Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений от 6 июля 2009 года. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/36 (дата обращения: 13.10.2013).
5. Выступление на саммите государств – членов СБ ООН по ядерному разоружению и нераспространению. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5566> (дата обращения: 10.10.2013).
6. Россия вступила в ВТО. URL: <http://www.interfax.ru/business/261593> (дата обращения: 15.10.2013).
7. «Коммерсантъ-Online». ООН обещала проверить видео казни сирийских солдат. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2060090> (дата обращения: 25.04.2014).
8. Виктория Нуланд полагает, что Россия, продавая оружие Сирии, «подливает масла в огонь». URL: <http://topwar.ru/12087-viktoriya-nuland-polagaet-cto-rossiya-prodavaya-oruzhie-sirii-podlivaet-masla-v-ogon.html> (дата обращения: 20.04.2014).
9. Госдеп США считает, что МИД РФ не знает о поставках вертолетов в Сирию. URL: <http://news.mail.ru/politics/9262245/> (дата обращения: 31.03.2014).
10. Выступление и ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Египта М. Амром, Каир, 5 ноября 2012 года. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/63A95427AC3B163344257AAD00469D7F (дата обращения: 31.04.2014).
11. Госдума ответит США "законом Яковлева". URL: <http://rutv.ru/brand/show/episode/185320> (дата обращения: 25.04.2014).
12. Референдум в Крыму. URL: http://ria.ru/trend/ref_crimea_16032014/ (дата обращения: 28.04.2014).
13. Политическое сотрудничество США и России продолжается... URL: <http://ria.ru/world/-20140508/1007049255.html> (дата обращения: 23.04.2014).
14. Перегрузка. Реквием. Второй срок Барака Обамы не сгладит конфликтов России и Америки. URL: <http://svop.ru/news/2529/> (дата обращения: 15.04.2014).
15. Время пошло / Павел Быков, Геворг Мирзян // «Эксперт». № 6 (838). 11 фев. 2013.
16. Эксперты: "перезагрузка" отношений РФ и США завершилась. URL: <http://ria.ru/politics/-20120305/584949857.html> (дата обращения: 31.03.2014).
17. Шаклеина Т. Перегрузка отношений России и США свои задачи выполнила. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1053024/> (дата обращения: 28.03.2014).
18. Была ли «перезагрузка» обманым манёвром Путина: мнения. URL: <http://www.iarex.ru/news/29898.html> (дата обращения: 03.04.2014).
19. Была ли «перезагрузка» обманым манёвром Путина: мнения. URL: <http://www.iarex.ru/news/29898.html> (дата обращения: 03.04.2014).
20. Россия и США заинтересованы в улучшении отношений, считают участники онлайн-конференции "Россия-Америка: перезагрузка провалилась?". URL: <http://www.dv-reclama.ru/b/finam/13368/> (дата обращения: 16.04.2014).
21. Charap S. Reset This. What's Behind the Ginned-up Crisis in U.S.-Russia Relations? Center for the American Progress. August 15, 2011. URL: http://www.americanprogress.org/issues/2011/08/atw_charap_foreign (дата обращения: 12.10.2013).
22. Перегрузка. Пять лет спустя. URL: <http://ria.ru/interview/20140306/998239405.html> (дата обращения: 27.04.2014).
23. Kuchins A. Reset Expectations: Russian Assessment of U.S. Power / Capacity and Resolve: Foreign Assessments of U.S. Power. Center for Strategic and International Studies. June 17, 2011. URL: <http://csis.org/publication/reset-expectations-russian-assessments-us-power...> (дата обращения: 10.10.2013).
24. Bugajski J. Putin Returns // e – International Relations. 28 September 2011. URL: <http://www.e-ir.info/2011/09/28/putin-returns-to-the-world-stage/> (дата обращения: 12.10.2013).
25. Democratic Movements Across the Middle East and North America, Afghanistan and Iraq, North Korea, People's Republic of China and Taiwan, Russia, Israel. URL: http://www.kyl.senate.gov/legis_center/security.cfm (дата обращения: 08.10.2013).
26. США и Россия после «перезагрузки». URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/us-russia-cycle/1739998.html> (дата обращения: 28.04.2014).

Информация об авторе:

Бирюкова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, olga1.biryukova@yandex.ru.

Olga V. Biryukova – Candidate of History, Assistant professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ПОЛИТИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЧЕРЕДНОЙ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ю. Л. Говоров

POLITICAL AND TECHNOLOGICAL ASPECTS OF THE NEXT RUSSIAN MODERNIZATION

Yu. L. Govorov

В статье анализируется проблема влияния взаимосвязи политики и технологического уровня на модернизацию российской экономики. Автор выявляет закономерности и условия трех предыдущих и грядущей четвертой российской модернизации и делает их сопоставительный анализ. Проблема рассматривается в контексте взаимоотношений между Россией, как технологическим реципиентом, и Западом, как технологическим донором, в условиях ограничения экономического суверенитета России ее членством в ВТО. Также поднимается вопрос о соотношении внутренних и внешних факторов на пути технологической модернизации РФ.

The paper deals with the problem of interconnection between the policy and the level of technologic development and their impact on the economic development of modern Russia. The author exposes the regularities and background experience of the previous three and the next Russian modernizations and makes a comparative study. The problem is contemplated in the context of mutual relations between Russia as technologic receiver and the West as technologic donor in the conditions of the WTO restrictions. The author raises a question of internal and external backgrounds and obstacles to technologic modernization of contemporary Russia.

Ключевые слова: Россия, Запад, технологический уклад, модернизация, членство в ВТО.

Keywords: Russia, the West, technological mode, modernization, WTO membership.

Из трех ключевых факторов, влияющих на человеческую историю (география, демография, технология), постепенно, но неуклонно «все более определяющим становится фактор технологический» [1], наиболее проявивший себя на Западе. По мере развития с Нового времени буржуазных отношений европейская цивилизация приобретала «все более инженерный, технологический характер», а передовые технологии стали «залогом победы» [2] глобальной европейской экспансии и доминирования Европы на международной арене. Россия же оставалась в стороне от столбовой дороги общеевропейского развития.

К моменту встречи с обуржуазивавшимся Западом в России фактически отсутствовали основы современного научно-технического знания, что угрожало ей потерей независимости и самобытности. Впервые вопрос об опасности подобного положения был поставлен в 1663 г. в «Политике» Юрия Крижанича, который считал, что из-за отсутствия «хороших законов» и «искусных навыков» в ремесле, земледелии и морской торговле «народу причиняется горькая обида: все наше добро от нас увозят, ... и чужестранцы у нас на глазах все плоды нашей земли поедают» [3, ч. 1, р. 1].

История российская «прошла как через разные стадии застоя, так и рывки развития» [4], причем последние всегда были результатом модернизаций. При всей многозначности и дискуссионности термина «модернизация», если абстрагироваться от ее «цивилизационно-культурного измерения» [5], чисто «функционально она предполагает ликвидацию технического отставания от некоего лидера, чьи возможности выглядят существенно выше» [6] – в нашем случае это западные страны. В связи с декларируемым намерением провести очередную, четвертую российскую модернизацию, сопоставление прежних попыток с нынешней и поиск закономерностей представляют интерес

как с академической, так и с практической точек зрения.

Во-первых, как следует из сказанного выше, в истории России витки модернизации всегда обуславливались не столько потребностями внутреннего развития, сколько необходимостью выживания во враждебном окружении «передовых наций».

Во-вторых, против натиска «передовых наций» Россия всегда использовала заимствованное у них же их технологическое наследство (византийское, британское, германское, американское). Со времен Юрия Крижанича считается, что большинство проблем России удастся решить путем преодоления сырьевого характера национальной экономики и экспорта на основе ее технического перевооружения по западным образцам за счет импорта или копирования передовых технологий. Противостоять Западу можно было только посредством усвоения западных идей, институтов и технологий на путях догоняющего развития. Как образно выразился А. Тойнби: «Трижды за 1100 лет Россия усваивала чужие цивилизации... И в каждом случае цивилизация, привлекая Россия на орбиту своей привлекательности, находила, что русский сателлит угрожает поменаться с ней местами, узурпировав место Солнца...» [7, р. 539]. Поэтому предположение, что без использования западного опыта «многие свершения, если не само существование России, были бы просто невозможны» [8], вполне правомерно: «Можно, конечно, попытаться придумать что-то свое, но проще скопировать готовые западные образцы» [1].

В-третьих, инициатива модернизационных рывков всегда исходила сверху от заинтересованного в них государства, так как они требовали от не столь заинтересованного в них общества жертв и лишений снизу. Поскольку российское общество, в отличие от западного, не дозрело до выполнения функций источника прогресса, эту функцию возложило на себя госу-

дарство (не случайно А. С. Пушкин называл правительство «единственным европейцем» в России). В этих условиях главной задачей государства, обеспечивающего догоняющее Запад развитие, является «поиск меры» [9, с. 763] между традиционно-русской инерцией и западными новациями, и выполнение «функции медиатора» между носителями этих противостоящих тенденций. Как известно, «чувство меры» – редкая политическая добродетель в нашей истории: гораздо чаще в спокойные «застойные» эпохи правительство российское проявляло пассивность в деле преобразований, а в критической международной обстановке (обычно после военных поражений) действовало по принципу «не перегибать – не выправить».

В-четвертых, замечено, что технологический фактор становится «причинно-отправным» для цепной реакции множества последующих изменений в самых различных сферах жизни догоняющих обществ-реципиентов, так как «он порождает диффузионную волну заимствований» [1], в том числе либерального толка. Еще Ю. Крижанич отмечал, что «чужеземные торговцы разрушают наши собственные порядки и насаждают в нашем народе свои растленные... обычаи, и вводят нас в соблазн, и губят наши души...» [3].

Россия нашла возможность проведения модернизации в течение столетий в несколько этапов, на каждом из которых решались конкретные задачи. При этом из поставленных Ю. Крижаничем двух основных проблем на всех этапах приоритет неизменно отдавался «искусным ремеслам» перед «хорошими законами», т. е. технологической модернизации. Отсюда пятая закономерность – экономическая модернизация влияла на модернизацию государственной системы и общественных институтов России только опосредованным образом. В результате такой верхушечной вестернизации «ускоренное движение вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро» [10, с. 314, 316], к спешному внедрению и, как правило, дурному исполнению. Современные авторы также отмечают «асимметрию теории и практики... идей и их технологического воплощения» в РФ [11, с. 268].

Со времен Петра I курс на модернизацию страны с помощью иностранцев и зарубежных технологий стал одним из элементов развития России. Хотя основная суть европейской жизни осталась за бортом реформ, армия, администрация, образование, наука и промышленность получили мощный импульс к развитию [12, с. 196]. Даже из «Евгения Онегина» известно, что Россия «читала Адама Смита» и обеспечивала за счет Запада как технологического донора «...все, чем для прихоти обильной / Торгует Лондон щепетильный / И по Балтийским волнам / За лес и сало возит нам...»

Созданный Петром и его наследниками технологический потенциал позволил России эффективно противостоять внешним угрозам. После Отечественной войны 1812 г. Россия достигла пика своего могущества (по соотношению внутренней мощи и внешней враждебности). Однако позднее, оставшись на обочине промышленной революции, Россия проиграла по причинам военно-технического характера Крымскую войну.

Отмена крепостного права положила начало первой попытке реализации целей догоняющего развития методами капиталистической модернизации на базе II технологического уклада. Однако, к 1913 г. удельный вес России в мировой экономике поднялся лишь до 5,3 %, в то время как на долю Франции приходилось 6,4 %, Англии – 14 %, Германии – 15,7 %, США – 35,8 % [13, с. 51]. Русско-японская и первая мировая война наглядно продемонстрировали степень военно-технического отставания России. Кроме того, первый российский капитализм рубежа XIX – XX вв. отличался рядом порочных характеристик: отсюда и попытка решить проблемы отсталости и отставания страны другим путем – методами социалистической модернизации.

Социалистическая модернизация 1930-х гг. смогла превратить российское общество из аграрного в индустриальное, поскольку все ресурсы страны были подчинены цели «догнать и перегнать» на решающих направлениях развития – именно эту мобилизующую функцию выполнял тоталитарный режим, который был «платой общества за индустриализацию» [14, с. 16], и превращение СССР в Великую державу.

Советское «индустриальное чудо» без западного технического содействия тоже не смогло обойтись. Анализ технологической истории СССР дает основания утверждать, что он не мог ликвидировать экономическую отсталость самостоятельно (по крайней мере, в короткий срок): если финансовая и политическая сторона сталинской индустриализации были обеспечены усилиями партии и жертвами народа, то ее технологическая сторона была обеспечена Западом, прежде всего США и Германией (довоенной и послевоенной). Они обеспечили техническое содействие программе индустриализации СССР стоимостью \$ 2 млрд (\$ 250 млрд в ценах нашего времени) на базе III технологического уклада [15]. За эти годы в страну было ввезено 300 тыс. станков [16], с участием 200 тысяч американских «спецов» подготовлено 300 тыс. советских специалистов [17]. В результате в 1930-е гг. в СССР была создана огромная, но технологически зависимая промышленность.

За годы войны СССР потерял 209 000 станков, молотов и прессы [18]. Однако, после Победы из Германии в Союз были вывезены 400 тыс. ж/д вагонов различных грузов, в том числе – 2885 заводов, 96 электростанций, 340 тыс. станков, 200 тыс. электромоторов [19]. В распоряжение СССР попала «вся технологическая инфраструктура» [20] другой, более развитой страны, труд 2 млн немецких военнопленных и творческий потенциал 200 тысяч специалистов, в т. ч. ученых-ядерщиков, ракетчиков и др., вывезенных в СССР [21].

Обновление советской индустрии после войны за счет немецкого оборудования стало не столько новым этапом, сколько продолжением сталинской модернизации 30 гг.: СССР «подсел на иглу» передовой германской техники довоенного III технологического уклада, в то время как Запад сразу после войны начал переход на IV уклад. Таким образом, СССР в значительной степени оставался в традиционном для него режиме «технологически зависимого развития». В результате «через 70 лет после победы социалистиче-

ской революции в одной отдельно взятой стране в той же стране потерпела поражение революция научно-техническая» [22]. Однако, в эпоху непосредственного соревнования двух систем техника решала все уже не только в военной, но и в других сферах. На очередном витке НТР, проигранном СССР, новая мощная волна диффузионного влияния западных технологий также «подорвала идеологические устои советской власти» [1].

В 90-е гг. Россия начала спускаться вниз по «технологической лестнице» в связи с перерастанием технологического отставания в технологическую деградацию: доля V технологического уклада упала с 6 % до 2 % при 60 % на Западе, IV-го – с 51 % до 47 % параллельно росту доли отсталых укладов [23, с. 150]. В первом десятилетии XXI в. произошел внешне эффективный восстановительный рост без качественного развития. Броский лозунг «великой энергетической державы» сориентировал страну на проедание советского наследия, «голландскую болезнь» и консервацию РФ в качестве «великого сырьевого придатка» развитого мира. На мировом рынке Россия проигрывает Востоку – по дешевизне рабочей силы, и Западу – по высоким технологиям.

Россия проиграла «по критериям технического века» целую научно-техническую эпоху англосаксонскому и романо-германскому мирам «на их поле». Поэтому очередная «модернизация – это не вопрос хорошей жизни. Это – вопрос жизни!» [24]. Страна должна выбираться из «технологического гетто» сырьевого болота на вершину мировой «технологической пирамиды» одновременно несколькими параллельными путями.

Во-первых, в связи с тем, что Запад активно переходит на VI технологический уклад, ему становится выгодно «сбрасывать» незападным странам, и недорого, устаревающие для него, но прогрессивные для остального мира технологии V уклада, – сейчас в РФ завозится в три раза больше оборудования, чем производится внутри страны [25].

Во-вторых, любыми путями необходимо приобретение технологий VI уклада. Так, США предполагают, что РФ уже скоро начнет оспаривать у КНР лидерство по научно-техническому шпионажу «в связи с необходимостью модернизации экономики» [26].

В-третьих, следует добиваться максимально возможной технологической самодостаточности хотя бы по определенной группе критических технологий [27].

Реализация вышеуказанных задач невозможна без изменения роли государства в сфере экономики: с одной стороны, оно должно содействовать созданию инновационной среды посредством общей демократизации и обеспечения реальных политико-правовых гарантий и условий предпринимательской деятельности. С другой стороны, государство должно отказаться от пассивно-либеральной роли «ночного сторожа» и усилить свою регулируемую роль в экономике. Однако, вступив в ВТО, Россия потеряла часть своего суверенитета в области регулирования экономики: «Право ВТО стало выше законов РФ» [28]. В связи с этим возникает вопрос о совместимости модерниза-

ции и ВТОизации в стране, в которой внешний фактор всегда был важнейшим фактором модернизации.

Согласно правилам ВТО, она может вмешиваться в процесс принятия страной-членом законов, «ограничивающих конкуренцию». Фактически, «речь идёт о подчинении законодательной власти РФ ВТО, за вывеской которой скрываются транснациональные корпорации» [29], т. е. членство РФ в ВТО «позволяет другим странам на правовой основе добиваться изменения российской политики» [30]. Правила ВТО, например, прямо запрещают предоставление российским предприятиям государственных субсидий с целью импортозамещения, а протекционизм вообще считается самым тяжким нарушением для члена ВТО [31]. Таким образом, «вне закона ВТО» оказывается возможность использования традиционно главных внутренних рычагов модернизации России – протекционизма и мобилизации государством человеческих и финансовых ресурсов.

Втянув страну в ВТО, руководство РФ обеспечило интересы торгово-спекулятивной буржуазии и традиционных экспортных секторов российской экономики, но поставило под вопрос перспективы развития высокотехнологичной промышленности как базы и цели четвертой модернизации – по уже действующему соглашению к 2017 году РФ должна снизить импортные пошлины на в среднем 70 % продукции машиностроения [32]. Импорт становится реальной угрозой национальной безопасности России...

Государство российское (в отличие от ФРГ, Южной Кореи, Японии) уклонилось от реального руководства возрождением национальной экономики. Огромные финансовые ресурсы РФ от продажи углеводородов, размещенные в западных банках и фондах, в этой ситуации по-прежнему предназначены выполнять пассивную функцию «подушки безопасности» вместо обеспечения целенаправленной комплексной модернизации. Между либеральным прозападным наднациональным режимом ВТО и жестким национальным режимом модернизации, которая могла бы стать на обозримую перспективу российской «национальной идеей», была выбрана ВТО.

Однако, ситуация резко изменилась с окончанием Беловежского переходного этапа и наступлением Крымской геополитической эпохи: согласно оптимистическим ожиданиям, «отныне Россия в защите своих интересов будет действовать без оглядки на мнения и враждебное отношение к этому и врагов, и партнеров» [33]. Давление извне может лишь ускорить начало перехода России в новое качество: ограничения в торговле «могут не только не навредить российским компаниям, а наоборот, дать шанс» [34] (по крайней мере, крупным корпорациям) для развития импортозамещения, преодоления сырьевой ориентации экономики, повышения степеней технологической независимости РФ. Санкции вынуждают поднимать реальное производство и сокращать закупки на стороне: «История нам не простит, если мы бездарно упустим эти возможности» [35].

Однако, возникло «совершенно непримиримое противоречие» [36] между попытками проведения российским руководством самостоятельной внешней политики и сохранением критической зависимости от

выстроенных Западом международных (ВТО) и российских институтов (приватизация основных стратегических ресурсов РФ, деиндустриализация, либеральный диктат в финансово-экономической и научно-образовательной сфере). В кризисной международной ситуации выяснилось, что «векторы нашей внешней и внутренней политики объективно противоположны: во внешней политике Россия отстаивает традиционные ценности, а во внутренней – продолжается господство либеральных идей». По мнению экспертов, «конфликт внешней и внутренней политики – главная угроза безопасности, поскольку на двух стульях усидеть невозможно. А если они еще и раздвигаются – обязательно провалишься между ними...» [37].

Прозападный режим ВТО и либеральные доктрины если и не блокируют модернизацию в РФ, то обрекают ее на точечность и некомплексность. Членство в ВТО не защитило РФ от санкций, отсюда вывод: «Без разрыва с этой организацией ни о какой модернизации, национальном машиностроении, долгосрочной эффективности ВПК не может быть и речи...» [36]. К тому же санкции сами по себе дают России обоснованное право для выхода «без потери лица» из ВТО как сферы, исключительно подконтрольной Западу, и дальнейшего расширения независимой от него сферы ЕвразЭС.

Оптимальным вариантом модернизации России было бы ее проведение в условиях равноправного партнерства с технологически продвинутыми «передовыми нациями», т. к. Европе нет полноценной замены ни как покупателю российских энергоресурсов, ни как поставщику оборудования в РФ («доля импорта в некоторых стратегических отраслях России превышает 80 %») [32].

При менее удобном варианте в условиях западного технологического эмбарго РФ сможет переориен-

тироваться на страны БРИКС «только частично»: по большинству, но не по самым важным технологическим позициям – и многое зависит от того, «до какой черты Россия и Китай могут дойти в стратегическом партнерстве» [38]. При этом варианте противостояние Западу (при дружбе с Востоком) может стать средством модернизации РФ в качестве «обычной для России диктатуры развития в контексте противостояния Западу» [39] со всеми неизбежными трудностями и возможными победами.

Из истории известно, что наша страна способна десятилетиями жить и развиваться в условиях изоляции и мобилизации. Именно в таких условиях СССР создал могучую индустрию. Но из советского опыта также известно, что «проблемы роста экономики в условиях мобилизации связаны не с его темпами, а с его качеством: результатом такого роста становятся серьезные диспропорции, а также появление многочисленных неконкурентоспособных предприятий и отраслей, которые в дальнейшем потребуют болезненной реструктуризации». Отсюда следует, что при втором варианте модернизации в условиях западного технологического эмбарго «в ходе новой «холодной войны» в первые годы мы будем героически преодолевать трудности, затем мы будем одерживать победы, а потом нашим внукам придется за эти победы расплачиваться» так же, как мы сейчас расплачиваемся за перекосы советской промышленной политики [40].

Однако, возможен и третий, худший вариант: трудности противостояния Западу могут стать оправданием для уклонения от модернизации, т. е. альтернативой модернизации России, что приведет к дальнейшей примитивизации ее экономики и закреплению ее в качестве «великого сырьевого придатка» мировой экономики.

Литература

1. Нефедов С., Механик А. Инновации победили Мальтуса. URL: <http://expert.ru/expert/2011/43/nnovatsii-pobedili-maltusa/> (дата обращения: 04.06.2014).
2. Бушуев О. Модернизация, методы и цели. URL: <http://maxpark.com/user/3652493684/content/817888> (дата обращения: 04.06.2014).
3. Крижанич Ю. Политика. URL: http://krotov.info/acts/17/krizhanich/krizh_01.html#1 (дата обращения: 04.06.2014).
4. Россия – перед катастрофой застоя или обновлением? URL: <http://kosarex.livejournal.com/1012559.html> (дата обращения: 04.06.2014).
5. Кудряшова И. Цивилизационное измерение модернизации: Россия в контексте мирового опыта. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/civilizacionnoje_izmerenije_modernizacii_rossija_v_kontekste_mirovogo_opyta_2014-06-04.htm (дата обращения: 04.06.2014).
6. Грибанов О. Модернизация, как скрытый феодализм? URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/826456/> (дата обращения: 04.06.2014).
7. Toynbee A. J. A Study of History. Vol. XII. N-Y.: L., 1963.
8. Добряков Д. Сколько иностранных мозгов нужно для модернизации России. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/561198/> (дата обращения: 04.06.2014).
9. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.
10. Ключевский В. О. Письма. Дневники. М., 1968.
11. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI в. М., 1998.
12. Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории. Т. IV. М., 1989.
13. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб, 1995.
14. Гароди Роже. Советский опыт. Родина, 1990. № 11.

15. Бисенгалиев М. Россия и Америка – не воевали, но торговали... URL: <http://maxpark.com/community/828/content/2148466> (дата обращения: 04.06.2014).
16. Клямкин В. С. Шевченко. URL: http://newtimes.ru/articles/detail/9019?PAGEN_1=2 (дата обращения: 04.06.2014).
17. Осетинский О. Нужен новый Сталин... URL: http://www.knigi-skachaty.ru/read/158716/page-s_6.html (дата обращения: 04.06.2014).
18. Сталин. Страну принял. Страну сдал. Только цифры. URL: http://www.politforums.ru/internal/-1260612236_11.html (дата обращения: 04.06.2014).
19. Кречетников А. Трофейная Германия. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_-6634000/6634155.stm (дата обращения: 04.06.2014).
20. Шуман Е. Немецкие репарации и советская экономика: цифры, факты, люди. URL: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,640521,00.html?maca=rus-rss_rus_yandex_new_comments_2-4163-xml (дата обращения: 04.06.2014).
21. См. например, о немецком следе в советской ракетной программе в: Черток Борис Евсеевич. Ракеты и люди (в 4-х тт.). URL: http://militera.lib.ru/explo/chertok_be/index.html (дата обращения: 04.06.2014).
22. Оскотский З. Г. Имитация. URL: http://lit.lib.ru/o/oskotskij_z_g/imitation.shtml (дата обращения: 04.06.2014).
23. Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001. С. 150.
24. Глазкова Л. Модернизация под музыку сталинских интонаций. URL: <http://gidepark.ru/user/-611136197/article/447219> (дата обращения: 04.06.2014).
25. Паничев Н. А. Эра болтунов. Власть сама разрушает свое будущее – отечественное станкостроение. URL: <http://www.argumenti.ru/society/n303/121611> (дата обращения: 04.06.2014).
26. По чужим чертежам. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1414376/modernizaciya_po_svt (дата обращения: 04.06.2014).
27. Вознесенский С. Российское правительство уничтожает ВПК страны? URL: <http://topwar.ru/4109-rossijskoe-pravitelstvo-unichtozhaet-voenno-promyshlennyj-kompleks-strany.html> (дата обращения: 04.06.2014).
28. Мямлин К. Путь в ВТО. Теория и практика. URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/06/18/put_v_vto_teoriya_i_praktika/ (дата обращения: 04.06.2014).
29. Катасонов В. ВТОизация всей страны. URL: http://www.stoletie.ru/politika/vtoizaciya_vsej_strany_562.htm (дата обращения: 04.06.2014).
30. "Ни у Медведева, ни у Путина нет и не было изначально уверенности в том, что нам надо вступать в ВТО". URL: <http://www.nakanune.ru/articles/16640/> (дата обращения: 04.06.2014).
31. Романов А. Россия и ВТО: вход бесплатно, выход – 40 трлн долларов? URL: <http://www.-newsland.ru/news/detail/id/1001776/> (дата обращения: 04.06.2014).
32. Импорт – угроза национальной безопасности России. URL: <http://rusrand.ru/actuals/import-ugroza-natsionalnoj-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 04.06.2014).
33. Лукьянов Ф. Перестройка-2014. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Perestroika-2014-16482> (дата обращения: 04.06.2014).
34. Айзятупова И., Лисовская В. Санкции на пользу России. URL: <http://www.gazeta.ru/business/-2014/05/23/6046045.shtml> (дата обращения: 04.06.2014).
35. Песков Ю. «Мы должны кормить пять таких стран, как Россия». URL: <http://expert.ru/expert/-2014/24/myi-dolznyi-kormit-pyat-takih-stran-kak-rossiya/> (дата обращения: 15.06.2014).
36. Болдырев Ю. Крым – достижение, но не индульгенция. URL: <http://www.svpressa.ru/politic/article/88779/> (дата обращения: 04.06.2014).
37. Сивков К. Конфликт внешней и внутренней политики – главная угроза безопасности. URL: <http://www.inomnenie.ru/debate/24471/> (дата обращения: 04.08.2014).
38. Лукин А. Мы сможем частично переориентироваться на страны Азии. URL: <http://www.-newtimes.ru/articles/detail/82953> (дата обращения: 04.06.2014).
39. Россия и Запад: состояние и перспективы отношений. URL: <http://liberal.ru/articles/1919> (дата обращения: 04.06.2014).
40. Кашин В. Холодная война нашего поколения URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/-29673481/holodnaya-vojna-nashego-pokoleniya?full#cut> (дата обращения: 04.08.2014).

Информация об авторе:

Говоров Юрий Львович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, Govorov@history.kemsu.ru.

Yury L. Govorov – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department for Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

НЕОЛОГИЗМЫ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Н. С. Годжаева

NEOLOGISMS IN MODERN GERMAN LANGUAGE

N. S. Godzhaeva

Данная статья посвящена проблеме обогащения словарного состава современного немецкого языка новыми лексическими единицами в таких сферах, как информационные технологии, экономика, социум, спорт, медицина, мода. Обогащение осуществляется путём заимствования, словообразования. В статье особое внимание уделено особенностям англо-немецких контактов.

The paper reveals how the vocabulary of the modern German language is enriched by lexical items in such spheres as information technology, economy, society, sport, medicine and fashion. Enrichment occurs by borrowed words and derivation. The paper gives specific regard to the specifics of English-German contacts.

Ключевые слова: неологизм, заимствование, словарный состав.

Keywords: neologism, borrowing, vocabulary.

Конец XX – начало XXI в. породил наибольшее число неологизмов в немецком языке. За период с 1991 – 2014 гг. (конец XX – начало XXI вв.) в немецком языке накопилось много новых слов, лексика обогатилась новыми значениями, а иные слова утратили свою актуальность.

Данная статья посвящена проблеме обогащения словарного состава современного немецкого языка новыми лексическими единицами в таких сферах, как наука и техника, образование, информационные технологии (компьютер/Интернет), телекоммуникации, телевидение, медицина, спорт, экономика, социум/общество. Обогащение осуществляется путем заимствования, словообразования и изменения значения слова.

Актуальность данной проблемы определяется прежде всего повышением внимания современной лингвистики к изучению неологизмов современного немецкого языка с использованием Интернет-ресурсов, основным тенденциям появления и интеграции неологизмов, их лексикографической обработке. Долгое время эта проблема оставалась мало изученной и недостаточно систематизированной. Это связано с тем, что изучение неологизмов в немецком языке активно началось в XX веке. В это время произошли радикальные перемены в политических условиях жизни носителей языка, в экономике, в научно-технической и во многих других сферах. Специфическим для немецкого языка внелингвистическим фактором, обусловившим развитие неологизмов, стало объединение Германии в 1990 г. Как правило, периоды значительных общественных перемен находят отражение в существенных изменениях лексического состава языка. Все это оказало влияние на рост и развитие современной лексики немецкого языка и потребовало ее специального исследования.

Под неологизмами мы понимаем новые лексические единицы (ЛЕ), возникшие в определенный момент времени (нами исследуются неологизмы последних 14 лет (90-е годы XX века – начало XXI века)), часто употребляющиеся в СМИ (не менее трех раз в указанный период), имеющие семантическую самостоятельность, т. е. независимость от определен-

ного контекста и, как правило, обладающие словообразовательной активностью [1, с. 3]. Выбор временного периода связан с появлением значительного числа неологизмов в указанных сферах на рубеже веков.

За основную единицу, представляющую объект данного исследования, принимается неологизм. Он определяется как заимствованная ЛЕ, переносимая в немецкую языковую среду, вступающая в новые семантические и словообразовательные отношения, и как немецкая ЛЕ, участвующая в образовании новых слов в комбинациях с немецкими или заимствованными компонентами или приобретающая новое значение.

Материалом для исследования послужили неологизмы (имена существительные, глаголы, прилагательные), извлеченные из словарей и прессы конца XX – начала XXI вв. Исходной лексикографической базой для установления неологизмов послужил словарь "Новая лексика: неологизмы 90-х годов в немецком языке" [4]. Помимо этого словаря были использованы данные еще электронных Интернет-ресурсов.

Наблюдения за лексическим материалом свидетельствуют о том, что более половины неологизмов (40 %), которые появились в немецком языке, являются англоамериканизмами. В качестве основных причин заимствования называются как собственно внутрilingвистические: потребность в номинации; так и экстралингвистические: исторически, социально-экономически и политически обусловленная расположенность немецкоязычного общества, особенно молодого поколения, после Второй мировой войны к принятию англоамериканизмов, а также доминирующая роль английского языка как средства интернациональной коммуникации. Половина из этого количества англоамериканизмов входит в состав сложных существительных. Так, например, из английского языка было заимствовано существительное *event* "событие", которое функционирует уже в немецком языке в составе сложного существительного *Eventkultur* "событийная культура".

Анализ языкового материала показывает, что большую часть заимствований составляют существи-

тельные (85 %). Это объясняется тем, что они обозначают новые предметы, явления и события.

Принимая во внимание семантические критерии, можно выделить следующие тематико-понятийные сферы, в которых представлены неологизмы.

«Компьютер»:

die Datenautobahn – канал данных; *der Doppelklick* – двойной клик (мышкой);

«Средства массовой информации»:

das Bezahlfernseher – платное телевидение; *die Dailysoap* – телесериал по будням; *das Multiplexkino* – кинокомплекс с количеством залов от 9 и выше, оснащённый современной проекционной и звуковой техникой;

«Социум/общество»:

das Bürgergeld – гражданский доход; *die Erlebnisgesellschaft* – стиль жизни, при котором общество сосредоточено на развлечениях; *das Mobbing* – бойкот;

«Спорт»:

das Bungeespringen – банджи-джампинг; *Inlineskating* – катание на роликовых коньках; *walken* – ходить пешком;

«Экономика»:

E-Commerce – продажа через интернет; *der Globalspieler* – предприятие, концерн; *das Outsourcing* – аутсорсинг (привлечение сторонних исполнителей к выполнению работ на контрактной основе); *das Direktbanking* – директ-банкинг (дистанционное банковское обслуживание);

«Развлечение/отдых»:

abhängen – зависать, тусоваться; *Konsolenspiele* – игры для приставок;

«Работа»:

das Assessmentcenter – кастинг, конкурсный отбор; *die Mobilzeit* – мобильный график работы; *das Telelearning* – дистанционное обучение;

«Мода»:

das Basecap – бейсболка; *die Outdoorjacke* – куртка для активного отдыха; *piercen* – делать пирсинг;

«Транспорт»:

der Elchtest – «Лосиный» тест (тестирование автомобиля); *das Jobticket* – билет для проезда в общественном транспорте; *die Wegfahrsperre* – иммобилайзер (устройство, которое будучи установлено на автомобиле, в случае угона будет препятствовать его движению своим ходом);

«Телефон/телефонная связь»:

call by call – телефонный вызов по бесплатной телекоммуникационной сети; *das Mobilnetz* – мобильная телефонная сеть;

«Здоровье»:

die Knopflochchirurgie – минимальная инвазивная операция; *die Wellness* – оздоровление;

«Возбуждающие средства»:

das Energiedrink – энергетический напиток; *die Partydroge* – возбуждающее средство.

Фактический материал, отражающий развитие словарного состава немецкого языка на рубеже XX – XXI вв., свидетельствует о том, что в разные промежутки времени и под влиянием разных событий в обществе и мире наблюдается доминирование неологизмов в следующих областях: Интернет/компьютер

(40 %), наука и техника (35 %) и телекоммуникация (16 %), что связано, прежде всего, с развитием научно-технических, информационных и компьютерных технологий, Интернета и телекоммуникации в рассматриваемый период.

Особую трудность представляют заимствования англицизмов, которые зачастую в процессе «интеграции» ещё не имеют в немецком языке чётко зафиксированных грамматических форм, определённых норм написания, произношения и употребления, поэтому можно встретить разные варианты написания одного и того же слова, например: *Carsharing* (групповое пользование автомобилем), *Car-Sharing*, *CarSharing*, *Car-sharing*, *Car Sharing*, *carsharing*, *car-sharing* [3, с. 5]. Примечательно то, что все эти варианты встречаются в текстах. Однако для всех заимствованных лексических единиц в результате транспозиции характерно изменение правописания (все имена существительные пишутся с заглавной буквы, согласно норм немецкого языка).

Часто билингвальные композиты пишутся раздельно или через дефис, в чем проявляется также влияние английского языка. Однако это позволяет придать семантической структуре прозрачность и возможность легко интерпретировать ее значение по составным компонентам.

В плане морфологической интеграции все имена существительные приобретают категорию грамматического рода. Присвоение рода происходит согласно определённым принципам:

– лексическому сходству и подобию: *der Shareholdervalue* – доля капитала акционеров (*der Wert/ der Profit*);

– полу: *der Anchorman* – ведущий новостной программы;

– морфологической аналогии: *die Political Correctness* – политическая корректность (все существительные с суффиксом -ness женского рода).

Для большинства лексических единиц характерна относительно высокая степень интегрированности, хотя многие из них обнаруживают колебания в роде. Некоторые неологизмы имеют два, а иногда даже три рода, как например, лексическая единица *Couchpatato* (человек, который своё свободное время проводит преимущественно перед телевизором со сладостями или солёным печеньем). Однако в текстах чаще всего этот неологизм имеет категорию женского рода, реже мужского и среднего. Это можно объяснить тем, что английское слово *potato* соответствует в немецком языке существительному *die Kartoffel*, которое является женского рода.

Для заимствованных лексических единиц характерно также колебание форм родительного падежа и множественного числа. Многие англонеологизмы допускают несколько вариантов образования форм Genitiv Singular:

– без окончания, например, *des Carsharing* (что соответствует норме английского языка);

– с окончанием -s, например, *des Carsharings* (что соответствует норме немецкого языка).

Анализ языкового материала показывает, что только 16 % заимствованных лексических единиц получают окончание -s в Genitiv Singular (*Bungeejum-*

ping), 37 % образуют Genitiv Singular без окончания -s (Canyoning, Downsizing), 47 % лексических единиц имеют обе формы образования Genitiv Singular (Banking, Piercing).

Что касается категории множественного числа, то здесь тоже встречаются варианты без окончания, например: *die Flyer* (листовки), и с окончанием -s, например: *die Flyers*. Однако более предпочтителен вариант без окончания по аналогии образования множественного числа у существительных в немецком языке с окончанием -er.

Такие слова, как *vital* (в немецком «полный жизненных сил», в английском «жизненно важный» и даже «роковой») и *familiär* (в немецком – «семейный» или «дружественный», в английском – *familiar* «знакомый», «привычный»), могут иметь различное толкование, поскольку эти слова существуют в обоих языках и происходит своего рода наложение одного значения на другое. В каком значении используется данное слово в немецком языке, не всегда понятно реципиенту. Часто речь идёт о псевдоанглицизмах, например, *Handy* – слово, которое в немецком языке означает мобильный телефон, а в английском является прилагательным и означает доступный, имеющийся под рукой, удобный, легко управляемый, ловкий, умелый. Таких примеров множество, и они свидетельствуют о том, что пути и источники заимствований одних и тех же слов могут быть как разными, так и одинаковыми (или схожими), но судьба заимствований чаще всего бывает непредсказуемой.

Что касается ассимиляции других частей речи, например, глаголов, то здесь уже проявляются некоторые особенности, в немецком языке даже сложности, касающиеся спряжения глаголов, например, с приставками. Поскольку в немецком языке есть глаголы с отделяемыми приставками, которые при спряжении отделяются и ставятся в конце предложения, то с английскими глаголами, имеющими приставки, не совсем ясно, как должна вести себя приставка. Например, как будут изменяться английские глаголы *back up* и *load down* в немецком языке при образова-

нии перфекта? *Ich habe das gebackupt/ backupt/, upgebackt. Ich habe das Programm gedownloadet / downge-loadet.* Какая из этих форм больше соответствует правилам немецкой грамматики и лучше вписывается в систему языка? Лингвисты пока не могут однозначно ответить на этот вопрос. Нет ясности также и при образовании форм прошедшего времени заимствованных английских глаголов, которые в своем языке имеют неправильные формы, а в немецком языке могут иметь как правильные, так и неправильные формы, допуская при этом несколько вариантов: *sightseen – sightsehen (sightsaw, sightseete, sightsah)*. Какой вариант закрепится в языке, пока неясно. Не исключено, что носители языка предпочтут экономичному, но трудно спрягаемому англоязычному заимствованию, свой родной, но значительно более громоздкий вариант: *Sehenswürdigkeitenbesichtigen*.

Исследованные неологизмы конца XX – начала XXI вв. представляют собой область тесного взаимодействия англо-немецкой языковой зоны и доказывают воздействие английского языка на процессы заимствования, словообразования и семантического изменения ЛЕ в современном немецком языке.

Главной закономерностью англо-немецких языковых контактов является заимствование терминологии рассмотренных сфер. Их транспозиция в язык-реципиент связана с экстралингвистическими факторами (интенсивное развитие науки и техники, информационных технологий, сфер телевидения и телекоммуникации, языковые контакты, интеграция в мировую культуру и т. д.). Для большинства неологизмов характерна высокая степень интегрированности на всех уровнях, хотя многие из них обнаруживают колебания в роде, образовании множественного числа и родительного падежа.

Тематико-понятийные сферы являются отражением экстра- и интралингвистического развития современного немецкого общества и немецкого языка. Рассмотренные наименования представляют собой открытые группы, которые постоянно пополняются новыми лексическими единицами.

Литература

1. Михеева Е. И. Неологизмы современного немецкого языка: автореф. дис... канд. филол. наук. Курск, 1998. 41 с.
2. Duden online. URL: <http://www.duden.de>.
3. Herberg D. Neologismen in der deutschen Gegenwartssprache. Probleme ihrer Erfassung und Beschreibung // Sprachwissenschaft, Didaktik, Methodik, Pädagogik und Unterricht. Heidelberg, 1998.
4. Neuer Wortschatz Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Schriften des Instituts für Deutsche Sprache, Band II, Hrsg. von L. M. Eichinger, P. Wiesinger, Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004.

Информация об авторе:

Годжаева Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, godjayeva@mail.ru.

Natalia S. Godzhaeva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редакцию 31.07.2014 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ MOODLE В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ*Т. И. Добрыдина, О. Г. Масленникова, Е. Ю. Надеждина***PROSPECTS OF USING VIRTUAL EDUCATIONAL PLATFORM MOODLE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES***T. I. Dobrydina, O. G. Maslennikova, E. Yu. Nadezhdina*

Статья посвящена роли дистанционных образовательных технологий в процессе обучения иностранному языку. В статье подробно рассматриваются перспективы использования виртуальной образовательной платформы MOODLE как в обучении иностранным языкам, так и в профориентации. Описаны основные особенности системы MOODLE, даны ключевые характеристики системы, выявлены три основных условия организации учебного процесса при разработке авторского учебного курса, а также предложен алгоритм работы на платформе MOODLE с целью профориентации.

The paper is devoted to the role of distance education in teaching foreign languages. The authors investigate the prospects of using virtual educational platform both for teaching process and for career guidance. The main features of MOODLE system are described, key characteristics of the system are given, three main conditions of the organization of educational process are revealed and the operating procedure of platform MOODLE concerning career guidance is offered.

Ключевые слова: дистанционное обучение, виртуальная образовательная платформа MOODLE, учебный курс, профориентация.

Keywords: Distance education, virtual educational platform MOODLE, training course, career guidance.

Социально-экономические процессы и требования постиндустриального информационного общества задают новые ориентиры развития и модернизации российского высшего профессионального образования. В современном обществе труд становится все более интеллектуальным и динамичным. Изменения окружающей среды в недавнем прошлом происходили медленно, за 10 – 15 лет фактически мало что менялось, и получаемый в вузе объем знаний был достаточен для профессиональной деятельности выпускников. В современных условиях моральное устаревание техники и технологии, в среднем, происходит каждые 2 – 3 года, а в таких отраслях производства, как химия, вычислительная техника, электроника, – ещё быстрее. Объем знаний в области науки, культуры, производства увеличивается в два – три раза быстрее, чем 5 – 7 лет назад. Одни профессии исчезают полностью, и появляются новые профессии, сущность целого ряда существующих несколько лет или десятилетий профессий коренным образом меняется. Поэтому знания, полученные студентом на начальном этапе обучения в вузе, становятся неактуальными для молодого специалиста, если у него не сформированы компетенции, позволяющие познавать и активно преобразовывать себя и окружающий мир. Это принципиально изменяет взгляд на процесс подготовки будущих профессионалов в высшей школе.

Полученные знания и сформированные во время обучения в вузе профессионально обусловленные компетенции выпускника должны обеспечить ему возможность самостоятельно продолжать образование в необходимой для него сфере в течение всей жизни. Ключевые квалификации, органично встроенные в структуру конкретной квалификации, определяют социально-профессиональный потенциал

современного работника. При этом речь идет о ключевых квалификациях нового поколения специалистов с компетенциями, необходимыми для широкого круга профессий, специалистов, способных адаптироваться к современным технологиям производства, легко переходить из одного вида труда к другому. И важной особенностью высшего профессионального образования сегодня становится «смещение вектора образовательной деятельности в сторону самостоятельной работы» [1, с. 41 – 45]. Введение новых образовательных стандартов, отражающих данную тенденцию, предопределяет необходимость изменения не только содержания подготовки будущих профессионалов, но и поиска инновационных способов организации образовательного процесса.

Одним из требований к условиям реализации основной образовательных программ бакалавриата на основе ФГОС является широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, определяется главной целью ООП, особенностью контингента обучающихся и содержанием конкретных дисциплин. Неотъемлемой частью стандартов всех направлений и профилей ФГОС являются компетенции, связанные с владением иностранным языком. К настоящему времени владение иностранным языком, которое понимается теперь не только как умение читать со словарем, но и воспринимать беглую английскую речь на слух, излагать по-английски свои мысли свободно и с правильным акцентом, стало для большинства необходимым минимумом для построения карьеры, для того, чтобы занять достойное место в обществе; и при этом общество, в современном понимании, не ограничивает

ся пределами России. Кроме того, в российских вузах наметилась тенденция повышения роли английского языка, обусловленная Федеральным законом Российской Федерации от 2012 года, в котором отдельное место отводится международному сотрудничеству в сфере образования, в частности, участию студентов в программах академических обменов с зарубежными высшими учебными заведениями. Главным критерием отбора студентов для участия в таких программах является уверенное владение иностранным языком.

В связи с этим перед преподавателями стоит задача научить студентов использовать английский язык как средство реального общения, как средство решения стоящих перед ними задач как в профессиональной деятельности, так и в личной жизни. И здесь нельзя не согласиться с мнением известного специалиста в области межкультурной коммуникации С. Г. Тер-Минасовой, которая отмечает, что с недавнего времени изучение языка стало более функционально: "Небывалый спрос потребовал небывалого предложения. Неожиданно для себя преподаватели иностранных языков оказались в центре общественного внимания: легионы нетерпеливых специалистов в разных областях науки, культуры, бизнеса, техники и всех других областей человеческой деятельности потребовали немедленного обучения иностранным языкам как орудию производства. Их не интересует ни теория, ни история языка – иностранные языки, в первую очередь английский, требуются им исключительно функционально, для использования в разных сферах жизни общества в качестве средства реального общения с людьми из других стран" [5, с. 26]. Реагируя на требования времени, ориентируясь на прикладной характер использования английского языка и учитывая достижения научно-технического прогресса, преподаватели вузов стараются применять в своей работе всё лучшее из того, что было и возникает сейчас на рынке образовательных технологий.

В решении данного вопроса все большая роль отводится электронному обучению и дистанционным образовательным технологиям (ДОТ), которые, согласно принятому в феврале 2012 года Федеральному закону Российской Федерации «О внесении изменений в закон Российской Федерации «Об образовании» в части применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий», могут применяться при реализации образовательных программ независимо от форм получения образования. Согласно данному закону, электронное обучение – это организация образовательного процесса с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие участников образовательного процесса [6]. Необходимо отметить, что российский рынок электронного образования развивается стремительно: все большее число

вузов внедряют эти технологии в образовательный процесс, еще более высокими темпами они используются крупным российским бизнесом в организации корпоративного обучения. Формируется новая индустрия – индустрия электронного обучения [2].

При обучении иностранному языку электронные технологии применяются как средство обучения и инструмент для решения профессиональных задач. В методической литературе эффективность применения дистанционных технологий обучения подчеркивают в работах А. А. Андреев; А. А. Ахаян, Д. А. Давыдов, В. И. Овсянников; D. Keegan; проблемам использования информационных образовательных технологий в преподавании иностранных языков посвящены исследования Е. И. Дмитриевой, М. В. Моисеевой, О. И. Сафроненко и др. В своих работах многие авторы выделяют следующие ключевые характеристики дистанционного обучения:

1. Гибкость: студенты не посещают регулярных занятий в виде лекций и семинаров, а работают в удобное для себя время в удобном месте и в удобном темпе, что представляет большое преимущество для тех, кто не может или не хочет изменить свой обычный уклад жизни.

2. Модульность: в основу дистанционного образования кладется модульный принцип. Каждый отдельный курс создает целостное представление об определенной области знаний. Это позволяет из выбора независимых курсов-модулей формировать учебную программу, отвечающую индивидуальным или групповым потребностям.

3. Экономическая эффективность: средняя оценка мировых образовательных систем показывает, что дистанционное образование обходится на 50 % дешевле традиционных форм образования. Опыт отечественных негосударственных центров дистанционного образования показывает, что их затраты составляют примерно 60 % затрат на подготовку специалистов по дневной форме. Относительно низкая себестоимость обучения обеспечивается за счет использования более концентрированного представления и унификации содержания, ориентированности технологий дистанционного образования на большее количество обучающихся, а также за счет более эффективного использования существующих учебных площадей и технических средств, например, в выходные дни.

4. Новая роль преподавателя: на него возлагаются такие функции, как координирование познавательного процесса, корректировка преподаваемого курса, консультирование при составлении индивидуального учебного плана, руководство учебными проектами и др. Он управляет учебными группами взаимоподдержки, помогает обучаемым в их профессиональном развитии. Асинхронное, как правило, взаимодействие студента и преподавателя предполагает обмен сообщениями путем их взаимной посылки по адресам корреспондентов. Это позволяет анализировать поступающую информацию и отвечать на неё в удобное для корреспондентов время.

5. Специализированные формы контроля: в качестве форм контроля используются дистанционно организованные экзамены, собеседования, практические, курсовые и проектные работы, экстернат, компьютерные интеллектуальные тестирующие системы.

6. Использование специализированных технологий: технология дистанционного образования – это совокупность методов, форм и средств взаимодействия в процессе самостоятельного, но контролируемого освоения им определенного массива знаний. Технология строится на фундаменте определенного содержания и должна соответствовать формам его представления. Эти основания можно сопоставить с характеристиками дистанционного обучения.

Если сопоставить ключевые характеристики дистанционного обучения и требования к программам ФГОС, то можно проследить, что:

гибкость – соответствует перераспределению аудиторных и внеаудиторных часов в рамках того или иного курса;

модульность – предполагает самостоятельные законченные блоки информации, при этом студент работает максимум времени самостоятельно, развивая у себя способности к самоорганизации и самоконтролю. Использование опорного конспекта при изложении содержания темы обеспечивает взаимодействие преподавателя и студента на основе предельного обобщения материала и его последующего «развертывания» – полноценного воспроизведения в сознании студента. Развивающий эффект этого метода обеспечивается за счет интенсивной интеллектуальной деятельности студента: полученные обобщенные знания необходимо аргументированно разъяснить. Прием постановки вопросов к тексту и поиск ответов на них (в последующем тексте, путем воспоминания, рассуждения и умозаключения) активизирует мыслительную активность студента;

специализированные формы контроля – предоставляет возможность диагностировать не только усвоенные студентом знания, умения и навыки, но и уровень сформированности определенной социально-личностной компетенции.

Таким образом, использование компьютерных технологий в обучении иностранным языкам позволяет не только обеспечить доступ к необходимым информационным ресурсам, но и создать новое образовательное пространство, активизировать учебно-познавательную деятельность обучающихся, повысить эффективность обучения и интерес ко всем культуроведческим аспектам обучения языку.

В связи с этим представляется важным уделить особое внимание электронной образовательной среде Moodle, которая является в течение последних пяти лет наиболее популярной во всем мире и считается лучшей в своей области. Данная система используется для создания динамических веб-сайтов для обучающихся в разных сферах независимо от уровня исходного и получаемого образования. Как отмечает А. В. Корень [3], «Moodle – система управления курсами (электронное обучение), также известная как система управления обучением или вир-

туальная обучающая среда. Среда представляет собой свободное (распространяющееся по лицензии GNU GPL) веб-приложение, предоставляющее возможность создавать сайты для онлайн-обучения. Система реализует философию «педагогике социального конструкционизма» и ориентирована, прежде всего, на организацию взаимодействия между преподавателем и учениками, хотя подходит и для организации традиционных дистанционных курсов, а также поддержки очного обучения» [3].

Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте Moodle, в Российской Федерации зарегистрировано на сегодняшний день 1416 установок данной системы, 519 из них – на частные компьютеры. При этом по всему миру зарегистрировано почти 69 тыс. сайтов на платформе Moodle в 235 странах [Официальный сайт электронной образовательной среды Moodle]. Слово Moodle является аббревиатурой от Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment, что можно перевести как «модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда». Существуют и другие варианты названия этой системы: «Free source e-learning software platform», «Course 7 Management System», «Learning Management System (LMS)», «Virtual Learning Environment (VLE)». Эти названия более краткие и подчеркивают отдельные отличительные черты системы. Так, представляется очень удачным название со словом «платформа», так как на эту платформу можно устанавливать определённые элементы в зависимости от целей преподавания.

Система Moodle является пакетом программного обеспечения для создания курсов дистанционного обучения и web-сайтов. К основным особенностям системы относится то, что:

- система спроектирована с учётом достижений современной педагогики с акцентом на взаимодействие между учениками (обсуждения);
- она может использоваться как для дистанционного, так и для очного обучения;
- она имеет простой и эффективный web-интерфейс;
- дизайн имеет модульную структуру и легко модифицируется;
- подключаемые языковые пакеты позволяют добиться полной локализации (на данный момент поддерживается 43 языка);
- студенты могут редактировать свои учетные записи, добавлять фотографии и изменять многочисленные личные данные и реквизиты;
- каждый пользователь может указать своё локальное время, при этом все даты в системе будут переведены для него в местное время (время сообщений в форумах, сроки выполнения заданий и т. д.);
- поддерживаются различные структуры курсов: «календарный», «форум», «тематический»;
- каждый курс может быть дополнительно защищен с помощью кодового слова;
- имеется богатый набор модулей-составляющих для курсов – Чат, Опрос, Форум, Глоссарий, Рабочая тетрадь, Урок, Тест, Анкета, Scorm, Survey,

Wiki, Семинар, Ресурс (в виде текстовой или веб-страницы или в виде каталога);

- изменения, произошедшие в курсе со времени последнего входа пользователя в систему, могут отображаться на первой странице курса;

- почти все набираемые тексты (ресурсы, сообщения в форум, записи в тетради...) могут редактироваться встроенным WYSIWYG RichText – редактором;

- все оценки (из Форумов, Рабочих тетрадей, Тестов и Заданий) могут быть собраны на одной странице (либо в виде файла);

- доступен полный отчет по вхождению пользователя в систему и по работе, с графиками и деталями работы над различными модулями (последний вход, количество прочтений, сообщения, записи в тетрадях);

- возможна настройка E-mail-рассылки новостей, форумов, оценок и комментариев преподавателей.

Для того чтобы использовать возможности системы, пользователю необходимо иметь компьютер, подключенный к сети Интернет. Чтобы начать работу надо набрать <http://localhost> в строке адреса web-браузера URL сервера, на котором установлена СДО.

При подготовке и проведении занятий в системе Moodle преподаватель использует набор модулей-составляющих для курсов. Варьируя сочетания различных элементов курса, преподаватель организует изучение материала таким образом, чтобы формы обучения соответствовали целям и задачам конкретных занятий. Остановимся более подробно на каждом из них:

1) **гlossарий** – позволяет организовать работу с терминами, при этом словарные статьи могут создавать не только преподаватели, но и студенты. Термины, занесенные в гlossарий, подсвечиваются во всех материалах курсов и являются гиперссылками на соответствующие статьи гlossария. Система позволяет создавать как гlossарий курса, так и глобальный гlossарий, доступный участникам всех курсов;

2) **ресурс** – любой материал для самостоятельного изучения, проведения исследования, обсуждения: текст, иллюстрация, web-страница, аудио или видео файл и др. Для создания web-страниц в систему встроен визуальный редактор, который позволяет преподавателю, не знающему языка разметки HTML, с легкостью создавать web-страницы, включающие элементы форматирования, иллюстрации, таблицы;

3) **задания** – это вид деятельности студента, результатом которой обычно становится создание и загрузка на сервер файла любого формата или создание текста непосредственно в системе Moodle. Преподаватель может оперативно проверить сданные студентом файлы или тексты, прокомментировать их и, при необходимости, предложить доработать в каких-то направлениях. Если преподаватель считает это необходимым, он может открыть ссылки на файлы, сданные участниками курса, и сделать эти работы предметом обсуждения в

форуме. Такая схема очень удобна, например, для творческих курсов. Если это разрешено преподавателем, каждый студент может сдавать файлы неоднократно – по результатам их проверки; это дает возможность оперативно корректировать работу обучающегося, добиваться полного решения учебной задачи. Все созданные в системе тексты, файлы, загруженные студентом на сервер, хранятся в портфолио;

4) **форум** предназначен для учебного обсуждения проблем, для проведения консультаций. Форум можно использовать и для загрузки студентами файлов – в таком случае вокруг этих файлов можно построить учебное обсуждение, дать возможность самим обучающимся оценить работы друг друга. При добавлении нового форума преподаватель имеет возможность выбрать его тип из нескольких: обычный форум с обсуждением одной темы, доступный для всех общий форум или форум с одной линией обсуждения для каждого пользователя. Сообщения из форума могут, по усмотрению преподавателя, автоматически рассылаться ученикам по электронной почте через 30 минут после их добавления (в течение этого времени сообщение можно отредактировать или удалить). Все сообщения студента в форуме хранятся в портфолио. Moodle поддерживает очень полезную функцию коллективного редактирования текстов (элемент курса «Wiki»);

5) **лекция** – позволяет организовать пошаговое изучение учебного материала. Массив материала можно разбить на дидактические единицы, в конце каждой из них дать контрольные вопросы на усвоение материала. Система, настроенная преподавателем, позаботится о том, чтобы по результатам контроля перевести ученика на следующий уровень изучения материала или вернуть к предыдущему. Этот элемент курса удобен еще и тем, что он позволяет проводить оценивание работы учеников в автоматическом режиме: преподаватель лишь задает системе параметры оценивания, после чего система сама выводит для каждого студента общую за лекцию оценку, заносит ее в ведомость;

6) **тесты** – могут содержать вопросы различных типов: вопросы в закрытой форме (множественный выбор), случайный вопрос, числовой, с ответами Да/Нет; с коротким ответом, с вложенным ответом, с созданием соответствия и др. Вопросы тестов сохраняются в базе данных и могут повторно использоваться в одном или разных курсах. На прохождение теста может быть дано несколько попыток. Существует возможность установить лимит времени на работу с тестом. Преподаватель может поставить оценку по результатам работы с тестом или только показать правильные ответы на вопросы теста.

Использование электронной образовательной среды Moodle позволяет проводить обучение в индивидуальном темпе (скорость изучения предоставленного материала устанавливается самим студентом в зависимости от личных обстоятельств и потребностей); предоставляет свободу и гибкость (студент

может самостоятельно планировать время, место и продолжительность занятий); обеспечивает доступность (образовательный ресурс доступен независимо от географического и временного положения студента и образовательного учреждения), мобильность (эффективная реализация обратной связи между преподавателем и студентом является одним из основных требований и оснований успешности процесса обучения), технологичность (использование в образовательном процессе новейших достижений информационных и телекоммуникационных технологий) и творчество (создание комфортных условий для творческого самовыражения учащегося).

Одной из главных задач, которая стоит перед преподавателем, становится правильная организация учебного процесса. При разработке своего учебного курса преподаватель должен:

- 1) сформировать учебно-методическое обеспечение курса: определить основные и дополнительные учебные материалы, а также электронные ресурсы для аудиторной и внеаудиторной работы;

- 2) определить, какие виды речевой деятельности, типы упражнений будут выполняться в аудитории, а какие – самостоятельно. В частности, при изучении иностранного языка языковые упражнения необходимо выносить на самостоятельную работу во внеаудиторное время, поскольку, с одной стороны, они являются затратными по времени, а с другой – студенты на старших курсах имеют в достаточной мере сформированные навыки и умения для работы с различными видами упражнений. К таковым относятся имитативные, подстановочные упражнения, упражнения на трансформацию, расширение (сокращение) предложения, подбор аналогов, заполнение пропусков, конструирование фразы из структурных элементов и др. [7, с. 231]. Студенты самостоятельно выполняют эти упражнения, размещенные на платформе Moodle, которая помогает преподавателю модерировать учебный процесс, своевременно давать советы по выполнению заданий, а также отслеживать и контролировать самостоятельную деятельность студентов. Работа в аудитории предполагает в основном коммуникативную деятельность, поэтому студенты работают преимущественно с речевыми упражнениями, развивающими продуктивные умения, особенно в области говорения. К речевым упражнениям относятся вопросно-ответные, репликовые, а также условная беседа, пересказ прочитанного, драматизация текста или ситуации общения, описание, дискуссия, устный рассказ;

- 3) осуществлять контроль и самоконтроль студентов. При этом мотивирующим фактором может быть и сама электронная обучающая среда Moodle, позволяющая построить учебный процесс доступно, логично структурировать все его этапы и организовать контроль для студентов [4]. Отладив процесс выполнения заданий на платформе, студенты быстро привыкают к тому, что их деятельность регулярно отслеживается преподавателем. Последний перед началом занятия, проверив наличие размещенных заданий на платформе, знает, кто, поработав предварительно самостоятельно дома, готов к продуктивной работе в аудитории. Это и

является мотивирующим фактором для студентов. Они знают, какие задачи стоят перед ними и как достичь определенного результата. Формой итогового контроля может быть устная презентация небольшого исследовательского проекта, что позволяет студентам продемонстрировать свои профессиональные, коммуникативные, языковые и иные компетенции.

Необходимо отметить, что использование электронной среды Moodle возможно и для создания авторских учебных курсов, и может рассматриваться, например, как профориентационный ресурс. Главной целью подобного ресурса может быть активизация познавательной деятельности ученика, формирование у него стремления к самостоятельному выбору профессии с учетом полученных знаний о себе, своих способностях и перспективах их развития, выявление среди учащихся молодых талантливых лидеров, способных творчески мыслить, самостоятельно улучшать качество своего образования и развивать свой творческий потенциал. Организация данного процесса на иностранном языке может иметь следующий алгоритм:

- 1 этап. Данный этап предполагает регистрацию участников на сайте с целью прохождения тестирования в рамках следующего этапа.

- 2 этап. Тестирование. После регистрации в личном кабинете учащемуся необходимо пройти тестирование, которое включает в себя блоки вопросов по профильным предметам, а также блок вопросов по любому иностранному языку (вопросы могут быть созданы и размещены по всем видам речевой деятельности). За каждый правильный ответ в тестировании участник получает определенное количество баллов. Время прохождения тестирования ограничивается одной или несколькими попытками.

- 3 этап. Видео-резюме. На заключительном этапе конкурса участники готовят видео-резюме на иностранном языке. Видео-резюме – это бизнес-портрет будущего специалиста, который дает возможность заочно продемонстрировать свои личные и деловые качества. Заранее определяются общие требования, предъявляемые к оформлению видео-резюме, например, электронный формат презентации, продолжительность, форма презентации, нестандартность подхода к заданию, доступность изложения материала и др.

- 4 этап. Оценка жюри конкурсных работ.

- 5 этап. Объявление результатов.

Подводя итог вышесказанному, можно с большой степенью уверенности утверждать, что платформа Moodle как основной способ организации обучения, как форма коммуникации преподавателя и студента, близкая к партнерству, представляет собой современную комфортную обучающую электронную среду, ориентированную на студентов и усиливающую их внутреннюю мотивацию. Применение виртуальной образовательной платформы Moodle в обучении иностранному языку способствует повышению эффективности этого процесса и, несомненно, является перспективным при формировании у студентов компетенций, связанных с использованием иностранного языка в их будущей профессиональной деятельности.

Литература

1. Андреев А. А. Роль и проблемы преподавателя в среде e-Learning // Высшее образование в России. 2010. № 8 – 9.
2. Концепция Федерального закона «Об индустрии электронного обучения (e-Learning)». URL: <http://mmc1012.unn.ru/News/ExpertSovet.php>
3. Корень А. В. Использование электронной образовательной среды Moodle в создании интерактивных учебных курсов нового поколения. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Владивосток: Изд-во ВГУЭС. 2013. Т. 1. URL: http://imbe.vvsu.ru/fin/pubs/article/details/material/14020/ispolzovanie_elektronnoy_obrazovatelnoy_sredy (дата обращения: 15.03.2014).
4. Рыманова И. Е. Использование среды Moodle для обучения профессиональному иностранному языку студентов технического вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11(29). Ч. 2. С. 164 – 167.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 624 с.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 28 февраля 2012 г. N 11-ФЗ «О внесении изменений в закон Российской Федерации «Об образовании» в части применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий». URL: <http://www.rg.ru/2012/03/02/elektronnoe-obuchenie-dok.html>
7. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студентов. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Филоматис, 2006. 480 с.

Информация об авторах:

Добрыдина Татьяна Ильинична – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, tdobrydina@rambler.ru.

Tatiana I. Dobrydina – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University

Масленникова Ольга Георгиевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков международного факультета управления Национально исследовательского Томского государственного университета, pro-77@mail.ru

Olga G. Maslennikova – Senior Lecturer at Foreign Languages Chair, International Department of Management, Tomsk State University.

Надеждина Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков международного факультета управления Национально исследовательского Томского государственного университета, nadezhdina_elena_tsu@mail.ru

Elena Yu. Nadezhdina – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Chief of Foreign Languages Chair, International Department of Management, Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 94(430).087

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В РАМКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Е. А. Жаронкина

THE AMERICAN POSITION ON THE GERMAN QUESTION WITHIN THE COOPERATION OF THE ANTI-HITLER COALITION

E. A. Zharonkina

В статье рассматривается позиция США в отношении германского урегулирования на встречах и конференциях стран антигитлеровской коалиции. Автор показывает, как менялись американские предложения по германской проблеме в ходе Второй мировой войны, оценивает вклад США в разработку принципов послевоенного устройства Германии.

The paper deals with the position of the United States against the German settlement in the meetings and conferences of the anti-Hitler coalition. The author shows how the American views on the German question changed in the course of World War II, and evaluates the USA's contribution to the development of the principles of post-war Germany.

Ключевые слова: Германия, антигитлеровская коалиция, оккупация, союзники, конференция.

Keywords: Germany, anti-Hitler coalition, occupation, allies, conference.

Вопрос о будущем Германии был неотъемлемой частью мирного урегулирования после окончания Второй мировой войны. В каждой из стран-союзниц по антигитлеровской коалиции – США, СССР и Великобритании – уже вскоре после их вступления во Вторую мировую войну началось предварительное изучение этого вопроса. Параллельно с разработкой планов в отношении послевоенной судьбы Германии внутри стран-союзниц по антигитлеровской коалиции началось обсуждение этой проблемы и между ними. В течение 1941 – 1942 годов вопросы послевоенного устройства Германии поднимались в переписке глав правительств США, СССР и Великобритании, а также на встречах представителей этих стран [6].

Одной из первых таких встреч стала англо-американская конференция в Касабланке, состоявшаяся в январе 1943 года. Именно здесь в выступлении Ф. Рузвельта по итогам конференции впервые прозвучали слова о «безоговорочной капитуляции». На заключительной пресс-конференции американский президент заявил: «Уничтожение военной мощи Германии, Италии и Японии означает их безоговорочную капитуляцию. Это означает надежную гарантию будущего мира во всем мире. Безоговорочная капитуляция подразумевает не уничтожение немецкого, итальянского и японского населения, а сокрушение в этих странах философской концепции, основанной на захватах и подавлении других народов» [20, р. 727]. Однако, требование «безоговорочной капитуляции» не включало в себя сколько-нибудь конкретной характеристики социально-политической программы союзников для Германии.

Несколько месяцев спустя, в декабре 1943 года, выступая в Конгрессе по итогам своей поездки в Тегеран, президент отметил, что «такая капитуляция не означает ликвидацию суверенитета германского народа, его самостоятельного существования, хотя и означает необходимость глубоких, коренных изменений в экономической, политической и идеологической жизни страны» [4, с. 157].

Уже скоро среди американского руководства начались разногласия по поводу термина «безоговорочная капитуляция». Ряд деятелей в госдепартаменте и военном министерстве, хотя открыто и не возражали против принципа полного поражения противника, увидели в нем крупнейшую «пропагандистскую ошибку», которая усиливает сопротивление немцев, излишне затягивает войну и увеличивает издержки. Руководители разведки и их единомышленники «решительно выступили против самого принципа» полного разгрома Германии, полагая, что это уменьшит возможности США в будущей борьбе против Советского Союза. В условиях обострения политической борьбы президент Ф. Рузвельт занял неопределенную, выжидательную позицию [16, с. 86].

Успехи советских войск на советско-германском фронте побудили правительственные круги США перейти к более активному обсуждению послевоенных проблем и вопросов германского урегулирования. Послевоенное планирование вступило в новую фазу. Вопросы будущего Германии активно обсуждались в 1943 году между государственными деятелями США и Великобритании, в частности, на переговорах в Ва-

шингтоне в марте 1943 года и в Квебеке в августе того же года. Эти встречи в значительной мере определили дальнейшую позицию Вашингтона и Лондона в германском вопросе.

В марте 1943 года президент поручил государственному секретарю Корделлу Хэллу и военному министру Генри Льюису Стимсону согласовать с англичанами совместные планы в отношении Германии в течение первых месяцев после ее поражения. С этой целью в марте 1943 года в Вашингтон прибыл министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден. Во время двухнедельных переговоров был затронут «большой круг политических вопросов, связанных с ведением войны и устройством послевоенного мира» [15, с. 373]. Состоялся обмен мнениями и по германской проблеме.

Во время одной из встреч, как пишет Р. Шервуд, «Иден сказал, что самое важное, о чем мы должны договориться в отношении Германии, это вопрос о том, сможем ли мы после войны и в период мира иметь дело с Германией как с единым целым, разоружив ее и т. д., или же мы будем настаивать на том, чтобы она была разделена на ряд независимых государств» [15, с. 380]. По мнению Ф. Рузвельта, следовало поощрять разногласия и стремления к сепаратистскому движению, если они возникнут в Германии, и по существу одобрить раздел Германии. В случае, если это «стихийное стремление не возникнет», Рузвельт и Иден единодушно заявили, что «при любых обстоятельствах Германию следует разделить на несколько государств, одним из которых при всех условиях должна быть Пруссия» [15, с. 380 – 381]. Германия после войны должна быть не только полностью и на длительный срок разоружена, но также очень надолго, если не навсегда ослаблена [13, с. 208]. Кроме того, президент заявил, что «после разгрома Германии он не согласится ни на какое перемирие путем переговоров, что мы должны настаивать на полной капитуляции без каких-либо обязательств перед противником в отношении того, что мы должны и чего не должны делать после заключения перемирия» [15, с. 386].

Еще одним форумом, на котором англо-американские союзники пытались согласовать свои позиции в отношении Германии, стала конференция, проходившая в Квебеке с 12 по 24 августа 1943 года. Помимо обсуждения вопросов военной стратегии и тактики, открытия второго фронта, союзники затронули и проблемы послевоенного устройства мира. 21 августа присутствовавшие на конференции Хэлл и Иден обменялись мнениями о будущем Германии после окончания войны. На вопрос государственного секретаря США, что лучше для Германии: оставить ее как нечто реально существующее, либо же расчленить, английский министр иностранных дел ответил, что хотя некоторые члены британского правительства выступают в пользу раздела Германии, но он и кабинет в целом считают, что это вряд ли будет возможно осуществить [8, с. 152]. К такому же заключению пришел и государственный департамент.

За несколько дней до этого, 18 августа специальный помощник государственного секретаря Л. Пасвольский представил Хэллу меморандум, в котором

предлагалось разделить Германию на северную и южную части, отделив Баварию, но такие общегосударственные инфраструктуры, как железные дороги, каналы, почта и телеграф, должны быть едины [21, р. 928]. Английские представители, в целом соглашаясь с идеей Хэлла, возражали против отделения Баварии от Германии, выступая за объединение государств бассейна Дуная и создание Дунайской конфедерации.

К осени 1943 года военно-политическая ситуация в Европе существенно изменилась. Германское командование окончательно утратило стратегическую инициативу. Произошел коренной перелом в ходе Второй мировой войны. Проблемы завершения войны и общие принципы организации послевоенного мира не могли больше оставаться предметом переговоров только между Вашингтоном и Лондоном. Все более острой и очевидной становилась потребность координации политических планов союзников.

В целях подготовки к предстоящей встрече «Большой тройки» было решено провести совещание министров иностранных дел трех держав. Такая встреча состоялась в Москве с 19 по 30 октября 1943 года. Незадолго до отъезда американской делегации на конференцию, 5 октября в Белом доме прошло совещание, на котором, кроме Хэлла, присутствовали его заместитель Эдвард Стеттиниус, ряд других сотрудников госдепартамента, а также адмирал Уильям Леги.

На этом совещании президент Рузвельт изложил свою точку зрения по германскому вопросу. Как пишет в своих мемуарах К. Хэлл: «президент категорически заявил, что он выступает за расчленение этой страны на три или более государств, полностью суверенных, но имеющих общую сеть почтовой связи, коммуникаций, железных дорог, таможенных правил и электроснабжения... В новых германских государствах не будет допущена никакая военная деятельность, в том числе военное обучение и военная промышленность. Восточная Пруссия должна быть отделена от Германии, а репарации взиматься не в денежном виде, а оборудованием и использованием немецкого труда» [23, р. 1265]. Аргументы в пользу того, что раздел Германии приведет ко многим нежелательным последствиям, выдвинутые другими участниками беседы, президент отклонил.

Одно из главных мест в работе Московской конференции занимали проблемы, касающиеся Германии. Им было посвящено седьмое заседание, состоявшееся 25 октября. Большая часть дискуссии свелась к обсуждению американского документа об обращении с Германией, представленного К. Хэллом 23 октября. Этот проект был выработан в государственном департаменте при консультации с другими министерствами и неоднократно обсуждался с президентом, а затем с англичанами. Он состоял из трех частей. В первой определялись основные принципы капитуляции Германии, во второй говорилось об обращении с Германией в течение периода перемирия, в третьей выдвигался ряд предложений, касающихся будущего политического статуса Германии [18, р. 720 – 723].

В проекте предлагалось оккупировать Германию войсками трех держав и установить над ней строгий

военный, политический и экономический контроль, предусматривались меры по денацификации, демилитаризации и демократизации страны. Германия должна была выплачивать репарации. Кроме того, американское правительство предложило провести децентрализацию германской политической структуры и поощрить направленные на это «любые движения внутри Германии в пользу уменьшения прусского влияния на рейх» [9, с. 272]. Вопрос же о границах Германии надлежало рассмотреть по достижении общего урегулирования.

Подробное обсуждение этого плана выявило единство взглядов союзников по основным положениям документа, были затронуты почти все стороны германской проблемы, включая расчленение страны. Несмотря на то, что в американском проекте не было сказано о расчленении Германии, а говорилось лишь о ее децентрализации, этот вопрос был поднят при обсуждении. Так, английский премьер-министр заявил, что его правительство «хотело бы разделения Германии на отдельные государства, в частности отделения Пруссии» [9, с. 168]. Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, не дав прямого ответа на этот вопрос, тем не менее отметил, что Советское правительство не исключает подобные меры и тщательно изучает этот вопрос, однако в данный момент оно еще не пришло к какому-нибудь определенному мнению. В подобном духе высказался и К. Хэлл, заявив, что «в наших высших сферах склонны идти на расчленение Германии. Но изучение этого вопроса продолжается» [9, с. 169].

Позже было решено передать американский документ для подробного изучения в создаваемую по решению Московской конференции Европейскую консультативную комиссию (ЕКК). По словам Хэлла, «многие из положений нашего документа были позднее включены в соглашения союзников о послевоенном обращении с Германией» [23, р. 1602].

К моменту первой встречи лидеров «большой тройки» – Сталина, Черчилля и Рузвельта – в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 года) германский вопрос находился уже в стадии детальной проработки. Основное внимание на Тегеранской конференции было уделено военным проблемам, прежде всего проблеме открытия второго фронта. И хотя германский вопрос затрагивался при обсуждении почти всех проблем, настоящая дискуссия развернулась между главами трех держав лишь в последний день работы конференции – 1 декабря [2, с. 105].

На этом заседании американский президент изложил свой план расчленения Германии на пять государств, составленный им лично за два месяца до конференции. Суть плана сводилась к следующему: «Пруссия должна быть возможно ослаблена и уменьшена в своих размерах... и должна составлять первую самостоятельную часть Германии. Во вторую часть Германии должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть – Саксония и район Лейпцига. Четвертая часть – Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна... Пятая часть – Бавария, Баден, Вюртемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собою независимое государство... Из состава

ва Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбурга... Рурская и Саарская области должны быть поставлены под международный контроль...» [10, с. 149].

Черчилль и Сталин в принципе не возражали против предложений американского президента. Английский премьер-министр выступил со своим планом расчленения Германии, вновь предложив отделить Пруссию и создать Дунайскую конфедерацию. По воспоминаниям У. Леги, присутствовавшего при обсуждении этих вопросов, на конференции «не было достигнуто никакого определенного решения по вопросу о расчленении Германии... хотя этот план был в принципе воспринят положительно» [1, с. 422]. Как и в случае с московским проектом Хэлла, было решено передать план Рузвельта на более тщательное изучение в Европейскую консультативную комиссию.

Европейская консультативная комиссия, место пребывания которой был избран Лондон, проделала в 1944 году большую работу по разработке и согласованию вопросов послевоенного урегулирования. Она состояла из представителей Великобритании, США и СССР, к которым позже присоединилась Франция. Соединенные Штаты Америки в комиссии представлял посол Дж. Вайнант, его помощниками и советниками стали Джордж Кеннан и Филипп Мозли. В задачи комиссии входило рассмотрение вопросов, связанных с окончанием военных действий, и представление трем правительствам совместных рекомендаций [9, с. 322]. В ее рамках был подготовлен ряд документов, определивших политику союзников в отношении Германии после ее капитуляции.

Чтобы обеспечить американского представителя в ЕКК инструкциями, основанными на согласованном подходе различных ведомств, в декабре 1943 года из представителей госдепартамента, военного и военно-морского министерств был создан Рабочий комитет по безопасности (Working Security Committee). Однако в силу того, что инструкции Вайнанту должны были одобрить не только Рабочий комитет по безопасности, но и госдепартамент, Объединенный комитет начальников штабов, Управление гражданской администрации военного министерства, иногда получалось так, что он вообще оказывался без каких-либо указаний из Вашингтона.

На одном из заседаний ЕКК 26 января 1944 года английский представитель У. Стрэнг заявил, что считает необходимым как можно быстрее заняться изучением вопроса о расчленении Германии, и предложил создать для этого специальный комитет. Свою позицию он обосновывал решениями Московской и Тегеранской конференций о передаче этого вопроса для рассмотрения в ЕКК. Вайнант поддержал предложение Стрэнга. Однако советский представитель Ф. Гусев уклонился от обсуждения этого вопроса, после чего в течение 1944 года он больше не поднимался.

Значительное место в работе ЕКК заняло обсуждение условий капитуляции Германии, длившееся с февраля по июль 1944 года. Каждая из сторон представила свои проекты. В американском проекте от 25 января 1944 года Германии выдвигалось требование признания полного поражения и безоговорочной

капитуляции. Для этого намечалось осуществление следующих мер: вывод германских войск с захваченных территорий; демобилизация; оккупация Германии на неопределенный срок; предоставление в распоряжение союзников средств связи, транспорта, прессы; освобождение узников тюрем и концлагерей, военнопленных и интернированных граждан Объединенных Наций; выдача военных преступников; выплата репараций и возмещение убытков; роспуск нацистских организаций; установление контроля за правительственными учреждениями. Все расходы, связанные с оккупацией, возлагались на Германию [5, с. 152 – 155].

Этот проект подвергся некоторым изменениям и в новой редакции был еще раз представлен к обсуждению. В нем говорилось о взятии на себя союзниками верховной и политической власти в Германии, о том, что все ресурсы и средства Германии будут предоставлены в распоряжение союзников, а права, полномочия и привилегии союзников, «вытекающие из полного поражения и безоговорочной капитуляции Германии, не будут иметь ограничений какого бы то ни было характера» [7, с. 157].

После длительного обсуждения 25 июля 1944 года члены ЕКК подписали текст согласованного документа о безоговорочной капитуляции Германии. Он был утвержден правительством США 9 августа. В документе предусматривалось безоговорочное признание со стороны Германии полного поражения германских вооруженных сил, прекращение военных действий и проведение мероприятий по разоружению и демилитаризации, установление верховной власти трех держав в отношении Германии, имеющей полномочия принимать любые меры необходимые для будущего мира и безопасности [19, р. 256 – 261]. На основе этого документа впоследствии была выработана «Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии», которую ЕКК утвердила 12 мая 1945 года, а 5 июня она была подписана в Берлине главнокомандующими четырех союзных держав [3, с. 84 – 90].

Приближение окончания войны поставило союзников перед необходимостью новой встречи. Переговоры об этом велись по инициативе Рузвельта на протяжении лета – осени 1944 года [6, с. 149, 167].

Конец 1944 – начало 1945 года были периодом энергичной подготовки американского правительства к встрече лидеров «большой тройки». Она состоялась 4 – 11 февраля 1945 года в Крыму и получила название Крымской (Ялтинской) конференции. До прибытия в Крым американская и английская делегации с 30 января по 2 февраля 1945 года провели совещание на острове Мальта, на котором согласовали свои позиции по многим вопросам, намеченным к обсуждению в Крыму.

Одно из главных мест в работе Крымской конференции занял германский вопрос. Союзники одобрили и утвердили решения, принятые ЕКК, включившие в себя условия безоговорочной капитуляции, механизм контроля и управления в Германии, а также распределение зон оккупации между союзными державами. Были намечены также политические и экономические принципы обращения с Германией в начальный кон-

трольный период, достигнуто соглашение о репарациях, по которому основой для расчета стала сумма в 20 млрд долларов, причем 50 % этой суммы отходило СССР. Для более тщательного изучения репарационного вопроса в Москве создавалась специальная межсоюзная комиссия по репарациям в составе трех представителей.

В Крыму вновь был подвергнут обсуждению вопрос о расчленении Германии. Еще 20 января 1945 года в беседе о предстоящей конференции с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР И. М. Майским американский посол в СССР Уильям Аверелл Гарриман отметил, что американского президента очень интересует проблема раздробления Германии [12, с. 615].

На заседании 5 февраля Рузвельт заявил, что в нынешних условиях не видит иного выхода, кроме расчленения, и предложил при предъявлении немцам условий капитуляции объявить, что Германия будет расчленена. Союзники согласились внести изменения в статью 12(а) условий капитуляции Германии, которая теперь гласила, что союзники «...примут такие меры, включая полное разоружение, демилитаризацию и расчленение Германии, которые они признают необходимыми для будущего мира и безопасности». Было также решено создать комиссию в Лондоне для изучения вопроса о процедуре расчленения Германии, в состав которой вошли Иден (председатель), Вайнант и Гусев. Однако впоследствии из-за изменения позиции Советского Союза, который фактически отказался от идеи расчленения Германии, работа комиссии зашла в тупик, после чего она больше не собиралась. Термин «расчленение» впоследствии исчез и из документа о безоговорочной капитуляции Германии и из Декларации о поражении Германии.

Некоторое время планы расчленения еще продолжали разрабатываться американским руководством. Этот вопрос обсуждался, в частности, 28 мая 1945 года в беседе И. В. Сталина со специальным помощником президента Г. Гопкинсом во время его визита в Москву [14, с. 140 – 145]. План расчленения Германии на три государства был и у нового президента Г. Трумэна перед его отъездом на Потсдамскую конференцию. Однако на конференции вопрос о расчленении так и не обсуждался. По словам Дж. Бирнса, «мысли трех правительств были далеки от расчленения, и эта проблема больше не поднималась» [17].

Потсдамская конференция руководителей трех держав (17 июля – 2 августа 1945 года) стала завершающей стадией многочисленных переговоров и выработки согласованной политики союзников относительно будущего Германии. Уже на первом заседании глав правительств 17 июля Трумэн представил к рассмотрению проект предложения об учреждении Совета министров иностранных дел (СМИД) в составе СССР, США, Англии, Франции и Китая. Главной задачей этого органа являлась подготовка мирных договоров с европейскими союзниками Германии, а также «мирного урегулирования для Германии, с тем, чтобы соответствующий документ был принят пригодным для этой цели правительством Германии, когда такое правительство будет образовано» [11, с. 286]. На сле-

дующий день американский проект с небольшими дополнениями был одобрен.

В этот же день, 17 июля, Трумэн внес на обсуждение Меморандум о политике в отношении Германии [11, с. 286]. На его основе в итоге были выработаны политические и экономические принципы (демилитаризации, демократизации, денацификации и декартелизации, впоследствии получившие название «политика четырех Д»), которыми необходимо было руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период. Они вошли как одна из частей в итоговый документ Потсдамской конференции – Протокол, подписанный главами трех правительств 1 августа.

Наиболее сложным на конференции оказался вопрос о репарациях. Американская делегация, отказавшись от крымских решений, настаивала на отказе от определения общей суммы репараций, и добивалась согласия на их получение каждой державой в своей зоне оккупации. После долгих дискуссий советская сторона согласилась с американскими предложениями. Было решено, что репарации для США, Англии и других стран, имевших на это право, будут удовлетворяться из западных зон оккупации и из соответствующих вложений за границей [11, с. 434 – 435].

Уже во время работы конференции 25 июля Европейской консультативной комиссией было принято соглашение «О некоторых дополнительных требованиях к Германии», предусматривающее осуществление комплекса мер, направленных на демилитаризацию, денацификацию и демократизацию Германии. 10 сентября 1945 года Европейская консультативная комиссия представила правительствам четырех держав отчет о своей работе, проведя за время своего существования с января 1944 года по август 1945 года 20 официальных и 97 неофициальных заседаний [22, с. 544 – 558].

Проблема послевоенного устройства Германии была предметом оживленных дискуссий между представителями стран «Большой тройки». Пока шли военные действия, эти проекты носили ещё предварительный характер, так как главной оставалась задача военного уничтожения противника. С осознанием неизбежности краха нацистской Германии проблемы ее будущего устройства выходят на первое место в дискуссиях союзников по вопросам послевоенной организации мира. По мере приближения окончания войны они приобретали все более интенсивный характер. Обсуждение этих планов вызывало жаркие споры между представителями стран «Большой тройки». Тем не менее на Потсдамской конференции трем державам удалось согласовать свои позиции в этом вопросе. Американская сторона внесла свою лепту в определение будущей судьбы Германии, так как частично решения союзников по германскому вопросу основывались на американских предложениях.

Литература

1. Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / Сост. Е. Я. Трояновская. М.: Политиздат, 1990. 558 с.
2. Галактионов Ю. В. Проблема расчленения Германии в планах антигитлеровской коалиции // Германия и немцы. История в человеческом измерении. Липецк, 2003.
3. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955.
4. Кузнец Ю. Л. От Пёрл-Харбора до Потсдама. Очерк внешней политики США. М.: Международные отношения, 1970. 352 с.
5. Меморандум представителя США от 25 января 1944 (ЕКК/44/, 3-е заседание) // Международная жизнь. 1968. № 5.
6. Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. В 2-х т. Т. 2.: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном. М.: Изд-во политической литературы, 1958. 296 с.
7. Приложение к меморандуму представителя США от 6 марта 1944 (ЕКК/44/, 12-е заседание) // Международная жизнь. 1968. № 5.
8. Севостьянов Г. Н. Квебекская конференция 1943 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 2.
9. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19 – 30 октября 1943 г.) // Сборник документов. М.: Политиздат, 1984. 384 с.
10. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) // Сборник документов. М.: Политиздат, 1984. 175 с.
11. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.) // Сборник документов. М.: Политиздат, 1984. 511 с.
12. Советско-американские отношения. 1939 – 1945 / Под ред. Г. Н. Севостьянова; сост. Б. И. Жилиев, В. И. Савченко. М.: МИД, 2004. 792 с.
13. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3-х т. Т. 1.: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. / Сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. М.: Международные отношения, 1996. 784 с.
14. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3-х т. Т. 2.: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. / Сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. М.: Международные отношения, 2000. 879 с.
15. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. Пер. с англ.. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 670 с.
16. Шутов В. С. Обсуждение вопроса о послевоенной политике в Германии в правящих кругах США в 1943 – 1944 гг. // Вопросы истории международных отношений. Вып. 7. Томск: Изд-во ТГУ, 1976.
17. Byrnes J. F. Speaking Frankly. New York: Harper & Brothers, 1947. Chapter 2 «Yalta – High Tide of Big Three Unity» // Сайт Колледжа Маунт-Холиоук. URL: <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/coldwar/byrnes.htm> (дата обращения: 15.04.2014).
18. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Volume I. General. Washington: United States Government Printing Office. 1963. 1189 p.
19. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. Volume I. General. Washington: United States Government Printing Office. 1966. 1554 p.
20. Foreign Relations of the United States. The Conferences at Washington, 1941 – 1942, and Casablanca, 1943. Washington: United States Government Printing Office. 1968. 895 p.
21. Foreign Relations of the United States. The Conferences at Washington and Quebec, 1943. Washington: United States Government Printing Office. 1970. 1382 p.
22. Report on the Work of the European Advisory Commission // Foreign Relations of the United States. 1945. Volume III. European Advisory Commission; Austria; Germany. Washington, 1968. P. 544 – 558.
23. The Memoirs of Cordell Hull. In 2 vol. Volume 2. N.Y.; Macmillan Company, 1948. 1804 p.

Информация об авторе:

Жаронкина Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, zharonkina@mail.ru.

Elena A. Zharonkina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

**ПРОПАГАНДА ИЛИ ОБЪЕКТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: РАДИОСТАНЦИЯ «ГОЛОС АМЕРИКИ»
В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА
ПРОТИВ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1953 – 1955 ГОДАХ**

С. Н. Мирошников

**PROPAGANDA OR OBJECTIVE INFORMATION: RADIO “VOICE OF AMERICA”
IN THE INFORMATION WARFARE OF EISENHOWER’S ADMINISTRATION AGAINST EASTERN
EUROPEAN COUNTRIES IN 1953 – 1955**

S. N. Miroshnikov

Статья посвящена возникновению Информационного агентства США и перестройке деятельности радиостанции «Голос Америки» в свете развертывания информационно-психологической войны администрации Д. Эйзенхауэра против стран Восточной Европы в 1953 – 1955 годах. В статье рассматриваются факторы, влияющие на эффективность работы радиостанции и поиски ею новых механизмов завоевания аудитории восточно-европейских стран.

The paper is devoted to the establishment of the United States Information Agency and restructuring of the radio “Voice of America” activities in the light of the development of information-psychological warfare of Eisenhower’s administration against Eastern European countries in 1953 – 1955. The author discusses the factors that influenced the effectiveness of the radio’s performance and the search for new mechanisms to attract Eastern European audience.

Ключевые слова: внешняя политика США, холодная война, информационная война, ЮСИА, «Голос Америки», Д. Эйзенхауэр, Восточная Европа.

Keywords: USA foreign policy, Cold War, information warfare, Voice of America, USIA, D. Eisenhower, Eastern Europe.

Появление ядерного, а затем и термоядерного оружия, развитие средств транспорта и связи в 40 – 50-х годах XX века заставляли правительства ведущих держав совершенно по-новому посмотреть не только на вопросы военного противостояния, но и на вопросы информационно-психологического воздействия на противника. Поэтому не случайно 24 января 1953 года избранный на выборах в ноябре 1952 года президент США Д. Эйзенхауэр создает «Специальный комитет по информационной политике за рубежом» во главе с Уильямом Джексоном. Задача комитета была сформулирована предельно четко: проанализировать деятельность правительственных органов в информационной области за рубежом и соотнести результаты этой деятельности с целями и задачами внешней политики и политики в области национальной безопасности США [6, p. 1795; 2].

В докладе «комитета У. Джексона» большое внимание было уделено проблемам радиовещания на СССР и страны Восточной Европы. По мнению авторов доклада, действия советских спецслужб серьезно ограничили, а в случае с СССР практически «свели на нет» другие возможности доведения информации до населения этих стран, кроме радиосигналов. Поэтому комитетом были даны конкретные рекомендации по реорганизации работы основных каналов информационного вещания на «коммунистические страны», в первую очередь радиостанций на коротких и средних волнах, которые являлись практически единственным способом, которым Соединенные Штаты могли донести свою точку зрения на происходящие события и противостоять советской пропаганде. Радиостанции на длинных и средних волнах должны находиться на относительно близком расстоянии от слушателей, чтобы они могли получать уверенный сигнал. Разме-

шение вдоль советской территории радиостанций со всем персоналом было очень затратным мероприятием. Единственной радиостанцией в Европе, вещающей от имени правительства США на территорию восточноевропейских стран, было «Радио в американском секторе». По мнению авторов доклада, не только каждая страна, но и каждый регион советского блока имеют свою собственную специфику, которую необходимо учитывать. Поэтому основной тезис доклада в отношении методов работы радиостанций – резкое снижение пропагандистского компонента в радиовещании – варьировался в зависимости от региона и страны, на которые шли радиопередачи [6, p. 1824; 2]. Учет этой специфики требовал хорошей координации между всеми службами государства, занимающимися вопросами взаимоотношений с зарубежными государствами. Для решения этой задачи, по предложению комитета, было создано Информационное агентство Соединенных Штатов (ЮСИА), независимое от государственного департамента. Через год после выхода в свет доклада Т. Стрейберт, первый глава ЮСИА, стал полноправным членом Совета по координации деятельности высших органов исполнительной власти США, а президент Д. Эйзенхауэр ежемесячно встречался с ним с 9 до 9.30 утра каждую последнюю среду месяца [4, p. 101]. В конечном итоге усиление роли психологических и информационных факторов во внешней политике США и укрепление роли самого Агентства привели к тому, что с 1957 года директор ЮСИА стал полноправным членом всех высших органов американской администрации [4, p. 134]. Для придания гибкости информационному вещанию авторы доклада предлагали передать право говорить от имени правительства только радиостанции «Голос Америки», а всю «черновую» пропагандистскую ра-

боту передать неправительственным организациям и их радиостанциям [10, р. 95]. Такое разделение функций позволило, по мнению исследователей, правительству США отделить «белые» и «черные» методы ведения психологической борьбы и тем самым в определенной степени снизить градус возможных обвинений в проведении подрывных действий против социалистических стран с правительства США [12].

Радиостанции «Голос Америки» отводилась определяющая роль в доведении до жителей за «железным занавесом» информации о позиции правительства США на международной арене, разъяснениях тех или иных действий Вашингтона в мире и, чему «комитет Джексона» призвал уделить повышенное внимание, знакомству советской и восточноевропейской аудитории с жизнью и культурой США [6, р. 1873]. Неудивительно, что львиная доля (63 % или 13,141 млн долл.) из 22 миллионного бюджета «Голоса Америки» в 1953 году тратилась на организацию и проведение вещания на страны социализма. На финансирование программ, направленных на территорию СССР, выделялось 6,554 млн долл. и 4,132 млн долл. восточноевропейскому отделу «Голоса Америки» [6, р. 1824].

За выводами «комитета У. Джексона» и по следам расследования деятельности администрации демократов по руководству радиостанцией в конгрессе США сенатором Дж. Маккарти (февраль – май 1953 года) администрация Д. Эйзенхауэра предприняла серьезную реорганизацию «Голоса Америки». Во-первых, радиостанция переехала из Нью-Йорка, где она размещалась с момента своего создания в 1942 году в Вашингтон в самый центр города в бывшее здание министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения на Пенсильвания авеню 330, что позволило, по мысли администрации, усилить правительственное влияние на политику радиостанции, а ее руководству быть в курсе всех решений, принимаемых американской администрацией [4, р. 102]. Во-вторых, новый директор ЮСИА Теодор Стрейберт, который был назначен президентом на этот пост 31 августа 1953 года [5, р. 238], провел серьезное сокращение персонала как в самом агентстве (вернее в тех службах, на основе которых формировалось ЮСИА, а это в первую очередь Администрация международной информации США (ИА)), так и на «Голосе Америки». На радиостанции во второй половине 1953 года были уволены 1985 сотрудников, и ещё 295 в первой половине 1954 года. Несмотря на серьезные сокращения зарубежных миссий нового агентства их роль в структуре ЮСИА и политики радиостанции серьезно усилились. Количество миссий за рубежом было сокращено с 85 до 76, а персонал в них был сокращен с 255 до 217. Самое серьезное сокращение коснулось представительство ЮСИА в Париже, которое было связано с информационным обеспечением «плана Маршала» [4]. «Комитет У. Джексона» настоятельно рекомендовал строить работу всех подразделений ЮСИА учитывая рекомендации миссий ЮСИА за рубежом. Несмотря на то, что статус этих сотрудников после вывода их за штат госдепартамента был серьезно ослаблен, к примеру, многие из них лишились статуса дипломатической неприкосновенности и многих льгот, связанных с работой в штате

госдепартамента в зарубежных миссиях, именно они были тем связующим звеном, которое снабжало центральные органы самой свежей информацией из страны их пребывания и давало так необходимую им реакцию местного населения на инициативы Вашингтона [7, р. 537]. Особенно это было актуально для сотрудников ЮСИА, работавших в дипмиссиях в посольствах социалистических стран [4, р. 100]. В-третьих, была серьезно изменена политика вещания самой радиостанции. Теперь упор должен делаться на новостные программы и изложение официальной точки зрения американской администрации, анализ международной ситуации и объяснение того, почему Вашингтон занял ту или иную позицию [6, р. 1754 – 1755], и, наконец, в-четвертых, серьезно была расширена культурная составляющая вещания за счет увеличения количества программ, посвященных американской культуре и образу жизни [6, р. 1752].

Эти изменения в деятельности как ЮСИА, так и «Голоса Америки» заняли относительно продолжительный период времени и были довольно болезненными, часто встречая непонимание среди персонала Агентства. Один переезд радиостанции Голос Америки из восьми городов вокруг Нью-Йорка и самого мегаполиса в Вашингтон занял один год. Характерно, что в отчете ЮСИА о деятельности «Голоса Америки» за 1954 год, особенно в отношении его деятельности на советском и восточноевропейском направлении, не было практически никаких новых содержательных элементов, которых требовала от руководства радиостанции республиканская администрация. Неудивительно, что этот отчет уместился в нескольких строках [6, р. 1784 – 1785]. Совсем по-другому отчет выглядел уже в 1955 году [7, р. 534 – 537]. И только в 1956 году первый президент ЮСИА Теодор Стрейберт, уходя в отставку, смог заявить, что его миссия по перестройке агентства закончилась.

Каким образом происходила эта перестройка? Главные изменения коснулись двух аспектов деятельности «Голоса Америки». Первое – это набор сотрудников для работы на радиостанцию, и второе – это тональность передач. Эти два компонента были взаимосвязаны. Теперь упор в подборе специалистов был сделан на профессионализм и знание того, что происходит в стране, на которую идет вещание. Да, конечно, антикоммунизм оставался важным компонентом в деятельности радиостанции, но упор делался на то, чтобы подать идеи антикоммунизма в такой упаковке, которая была бы понятна и принималась слушателями радио. Для этого требовались совершенно другие навыки и умения. Неудивительно, что многие «старые» сотрудники агентства и радиостанции не понимали, что от них хотят и, не приняв изменения, ушли с радиостанции. Во многом поэтому значительное число сотрудников не переехало из Нью-Йорка в Вашингтон вслед за радиостанцией [8, р. 58]. По большей части это были эмигранты из стран Восточной Европы и Советского Союза, которые не были профессиональными журналистами и могли только одно – критиковать социалистический строй. Они были «на своем коне», когда задача радиостанции была направлена на дискредитацию социалистического строя, описывая систему порабощения Советским Союзом народов

Восточной Европы, вспоминая историю существования независимых государств данного региона, критикуя поступки новых властей. Большая часть персонала и сетка передач «Голоса Америки» была сформирована в период развертывания демократической администрации информационной «Компании правды». Именно в это время был резко увеличен бюджет радиостанции, что позволило ей значительно увеличить штат своих сотрудников. Но как это зачастую бывает, необходимость быстро освоить деньги и выдать результат в виде новых программ, привел к тому, что на радиостанции оказалось много случайных людей, особенно из числа восточноевропейских и русских эмигрантов, которых во все времена много в Нью-Йорке. Но вся направленность передач была в прошлом. В них не было альтернативы того, что народы Восточной Европы и Советского Союза уже прошли и отбросили. Такую альтернативу нужно было найти и для этого нужны были другие люди.

Второй аспект деятельности, которого коснулась серьезная реорганизация, – содержание передач. Постепенно передачи, в которых в той или иной степени содержался какой-либо призыв к сопротивлению, противодействию правительству, исчезли из эфира. Упор был сделан на новостных передачах, в которых описывались и объяснялись действия США в отношении той или иной страны или того или иного события. Большое внимание уделялось анализу действий правительств восточноевропейских стран и состоянию экономики этого региона. Много внимания стало уделяться сравнительному анализу уровня благосостояния в Западной и Восточной Европе. Примером таких передач может служить «Внешнеполитическое обозрение», пятнадцатиминутная передача, в которой давался обзор наиболее важных мировых событий за неделю или «Пресс-конференция США», в которой три журналиста задавали вопросы приглашенному политическому деятелю или официальному представителю США, что было невозможно в большинстве стран мира в это время, не говоря уже о странах Восточной Европы или Советском Союзе [4, р. 107].

Основными темами, которые доминировали в 1953 – 1955 годах для Восточной Европы в передачах «Голоса Америки», были вопросы, связанные с рассмотрением «нового экономического курса» восточноевропейских государств и конфликта в руководстве коммунистических и рабочих партий государств «народных демократий» между «сталинистами», сторонниками жесткой линии и теми, кто считал, что «старый» курс должен быть модернизирован. Отставка Г. Маленкова и И. Надя подавались, к примеру, как проявление того, что коммунистические партии не могут модернизироваться и решать вопросы, связанные с удовлетворением потребностей населения в продовольствии и предметах быта [7, р. 535]. Большое внимание было уделено визиту Н. Булганина и Н. Хрущева в Белград в 1955 году. Подписание совместной советско-югославской декларации, в которой советское руководство признало саму возможность иного пути к социализму и, соответственно, право Югославии самостоятельно идти по этому пути, подавалось комментаторами радиостанции как путь советского руководства «в Канносу». «Путь в Канно-

су» идиоматическое выражение означающее покаяние. Возникло в период войны между императором «Священной германской империи» Генрихом IV и Папой Римским Григорием VII. После отлучения Папой Генриха IV от церкви, после того как он отказался признавать право Папы назначать епископов и перед угрозой бунта со стороны влиятельных немецких князей, император отправился в крепость Канноса на встречу с Папой для того, чтобы вымолить себе прощение, которое он после трехдневного ожидания под стенами крепости в конце концов и получил. С этого времени выражение «путь в Канносу» означает шаги, направленные на покаяние за совершенные поступки и, соответственно, как возможность для восточноевропейских народов ослабить зависимость от Советского Союза [7, р. 535].

Особенно следует выделить новое направление в информационной политике радиостанции – упор на распространение среди восточноевропейских и советских народов информации о предложениях американской администрации, направленных на мирное решение международных проблем и освещение гуманитарных аспектов политики Вашингтона, чего ранее в деятельности радиостанции не было. В 1953 – 1955 годах «Голос Америки» уделял большое внимание предложениям администрации Д. Эйзенхауэра, направленным на мирное использование атомной энергии, что являлось частью широкомасштабной компании, разработанной в ЮСИА, для распространения идей, заложенных в речи «Атом для мира» [7, р. 535]. Кроме этого, значительное внимание было уделено освещению позиции американского правительства по урегулированию «триестского вопроса», приведшего к решению многолетнего конфликта между Италией и Югославией, и предложениям Вашингтона помощи Албании, которая пострадала от наводнения в 1954 году [8, р. 535].

Особняком стоит появление в сетке радиопередач «Голоса Америки» музыкальных программ и передач, рассказывающих о культуре США. Предложенная посольством США в Москве программа, посвященная современной музыке и рассчитанная на «золотую молодежь», была прохладно воспринята в госдепартаменте. Там считали, что это пустая трата средств и эфирного времени, которое трудно будет защитить перед Конгрессом. Однако после того, как ЮСИА стало независимым агентством, Т. Стрейберт привел к руководству «Голоса Америки» профессионалов из сферы средств массовых коммуникаций. В мае 1954 году директором «Голоса Америки» вместо проводившего первый самый трудный этап реорганизации Леонарда Эриксона был назначен первый президент «Ассоциации радиовещательных компаний» Джон Попил, с которым Т. Стрейберт работал одно время на коммерческом радио. Именно с его именем связаны наиболее существенные изменения в тематике передач радиостанции и появление в сетке вещания передачи, ставшей на долгое время визитной карточкой радиостанции, – «Музыка в США». Музыкальная передача, «Джаз клуб», существовала короткое время в 1952 году на «Голосе Америки». Ее вел Леонард Физер. Однако она не смогла продержаться в сетке радиовещания долго в первую очередь в связи с наби-

равшей силу критикой «Голоса Америки» со стороны Конгресса США. Джон Поппил понимал законы, по которым работает радио, – необходимость постоянно бороться за слушателя, привлекая его чем-то новым, необыкновенным, модным. Кроме этого, передачи должны быть нацелены на определенную категорию слушателей: молодёжь, к примеру, легче откликается на все новое и, особенно, модное. Тягу к модному трудно заглушить даже в тоталитарном государстве. В этом Д. Поппил нашел понимание не только у директора ЮСИА, но и нового помощника президента по вопросам «холодной войны» Нельсона Рокфеллера, который сменил Чарльза Джексона на этом посту в марте 1954 года [11, р. 345].

Во многом успехом передача «Музыка в США» обязана своему бессменному ведущему Уильяму Коноверу, который смог удержать эту программу в сетке радиовещания более тридцати лет [4, р. 107]. У. Коновер, радиожурналист из Буффало, предложил свое видение передачи о музыке США, которая должна была транслироваться на скандинавские страны на английском языке с возможностью достигнуть территории СССР. Впервые передача «Музыка США» вышла в эфир 5 января 1955 года и с этого момента она постепенно стала превращаться в своего рода символ «Голоса Америки». Во многом этому способствовала манера, с которой Уильям Коновер, прокуренным голосом, рассказывал о музыке и музыкантах, не пришеивая в это политику. Уже через год после своего первого выхода в эфир в адрес передачи приходило до тысячи писем в месяц, что для того времени было фантастической цифрой. Поэтому руководство радиостанции в 1956 году приняло решение транслировать ее на весь мир [4, р. 107]. В 1955 году аудитория передачи оценивалась в 30 млн слушателей, а через десять лет возросла до 100 млн в 80 странах [13, р. 14]. Передача выходила в эфир шесть раз в неделю и была разделена на две части. Первая часть «Час джаза» была посвящена американскому джазу и стала сразу же популярна у слушателей. Вторая часть была посвящена остальным направлениям американской музыки и со временем стала даже более популярна, чем первая часть, особенно когда автор стал рассказывать о новых стилях в музыке, особенно о набирающем популярность у молодых слушателей рок-н-ролле. Собственно говоря, У. Коновер предложил не только новый жанр передачи, но и новый способ взаимоотношения между радиожурналистом и радиостанцией: он до конца своего сотрудничества с «Голосом Америки» не был штатным сотрудником радиостанции, а заключал с ней контракт на продажу ей своей программы. В первый год своей работы он получал пятьдесят долларов за передачу [4, р. 107]. Такое сотрудничество позволяло с одной стороны избежать журналисту давление со стороны администрации на политику, которой придерживался радиожурналист в своей программе, а с другой – позволяло руководству радиостанции легко снять с эфира программу, которая либо потеряла популярность, либо противоречит той линии, которой придерживается в данный момент радиостанция.

Выбор джаза в качестве главного элемента для рассказа слушателям радио о музыке США был вы-

бран тоже не случайно. Джаз в конце сороковых – начале пятидесятих, фактически, становился визитной карточкой США. Превосходство Советского Союза и стран Европы в классическом искусстве: опере, балете, симфонической музыке – было настолько подавляющим, что США часто считали «культурной пустыней». Распространение джазовой музыки в Европе было положено американскими чернокожими музыкантами, которые остались после первой мировой войны в Европе, чтобы не возвращаться на родину с ее расовой сегрегацией. Набрав популярность в «старом свете» в межвоенный период, джаз стал популярным и любимым именно как американская музыка. В этот период по Европе гастролировали известные американские джазовые коллективы. Наиболее удачным было турне Луи Армстронга в 1932 году, сделавшего его всемирно известным музыкантом [13, р. 10]. После Второй мировой войны в Западной Европе с большим успехом прошли туры американских джазовых исполнителей. После триумфального турне Армстронга в 1955 году стокгольмский обозреватель «Нью Йорк Таймс» писал, что «совершенно не понятно почему американское правительство тратит громадные деньги на пропаганду, лучше бы оно спонсировала поездку в Европу побольше джазовых коллективов» [13, р. 9]. Джаз в начале пятидесятих годов окончательно стал визитной карточкой искусства США в Европе и во всем мире.

Воздействие «Музыки США» на аудиторию за «железным занавесом» было громадным, оно настолько превосходило все остальные передачи «Голоса Америки», что в некоторых восточноевропейских странах сама радиостанция стала ассоциироваться с именем Уиллиса Коновера и его передач [9, р. 17]. Джаз очень быстро стал популярным среди «золотой молодежи» как в Советском Союзе, так и в странах Восточной Европы. Молодежь слушала не только музыку, но и перенимала образ мышления, который создавал джаз. У. Коновер так описывал воздействие этой музыки на человека: «Джаз – это музыкальная параллель американской политической и социальной системы. Мы выработали законы и границы, которые мы согласились выполнять и придерживаться, но мы свободны делать то, что мы хотим в этих установленных пределах. То же самое в джазе – музыканты соглашаются придерживаться ключевых вещей – мелодии, темпа и длительности. Внутри этих ограничений музыканты свободны играть все что они хотят. Так и у тех людей в других странах, которые слышат это качество в джазе, он стимулирует стремление к такой же свободе в их собственной жизни» [4, р. 107]. Не случайно именно в пятидесятые года в Москве и других крупных городах Советского Союза появляются «стиляги», молодые люди, обычно из числа «золотой молодежи», которые не только слушают «Музыку США» по «Голосу Америки» и музыкальные передачи Би Би Си из Лондона, но и перенимают стиль одежды и образ жизни, который пропагандировался на этих радиостанциях. Именно в это время в сленг попадают слова, которые тесно связаны с США, – «Бродвей» – для обозначения центральной улицы города; «чувак» (вариант от: Человек Уважающий Высокую Американскую Культуру) – «свой» человек,

«хилить» – ходить, прогуливаться, «шузы» от английского shoes – ботинки, «фазер» от английского father – отец, «жлоб» – представитель «серой массы», «дринкать» от английского drink – выпивать, «тусовать» от английского toseal – посиделки, сборище. Конечно увлечение джазом и появление стилига среди советской молодежи нельзя напрямую связывать с появлением программы «Музыка США» на «Голосе Америки», большую роль сыграло и то что огромное количество советских солдат и офицеров побывало за границей в ходе Второй мировой войны и с ними прибыло в СССР огромное количество трофеев, в том числе заграничной одежды и виниловых пластинок, из которых многие были с джазовыми композициями, которые были популярным в Европе в межвоенный период. Однако совершенно очевидно, что «Час джаза» способствовал популяризации джаза среди советской молодежи, будучи практически единственным источником получения информации о нем [1]. Подобное или даже большее влияние эта музыкальная передача оказала на Польшу. Показательным в этом отношении явился визит Уиллиса Коновера в Польшу в 1959 году, когда его уже встречали как «мессию» [4, р. 108].

Однако в самих Соединенных Штатах ситуация в отношении джаза была значительно более сложной. Во-первых, подавляющее большинство джазовых американцев были чернокожими, что в стране, в которой существовала расовая сегрегация, представляло определенные трудности для официальной поддержки джазовых музыкантов. Во-вторых, в госдепартаменте с большим трудом пробивало себе дорогу представление о том, что в термоядерный век борьба за «умы и сердца» людей во всем мире требует совершенно новых нестандартных подходов, в корне отличных от методов классической дипломатии, к которым питал такой пиетет государственный секретарь Дж. Даллес.

Охват радио аудитории в странах Восточной Европы и в Советском Союзе в пятидесятые годы оставался относительно небольшим. Точных данных по этому поводу нет до сих пор и возможно их никогда не будет. Так как совершенно неизвестно, кто слушал передачи имея приемник, а кто нет. Известно только, что советские и восточноевропейские органы безопасности брали на учет тех людей, у которых были приемники, принимающие короткие волны, на которых шли передачи «Голоса Америки». Однако уже с середины пятидесятых годов начали проводиться исследования для определения количества людей в социалистических странах, которые слушают зарубежное радио. Эти исследования дают приблизительную цифру охвата аудитории «Голоса Америки» в Советском Союзе и странах Восточной Европы в конце пятидесятых годов – от 10 до 20 %. Эти данные были приведены на конференции, проводимой совместно Гуверовским институтом и Международным проектом по изучению «холодной войны» Международного

исследовательского центра имени Вудро Вильсона в 2004 году [3].

И наконец, в 1954 году закончилось техническое оснащение радиостанции, которое резко расширило ее возможности вещать за «железный занавес». В этом году ЮСИА смогло запустить собственный передающий центр и отделение радиостанции «Голос Америки» в Мюнхене, передачи которого покрывали всю территорию Восточной Европы и достигали Москвы и Ленинграда. С 1955 года мюнхенский центр стал делать передачи на русском языке, целевой аудиторией которого были советские войска, расположенные в восточноевропейских странах [7, р. 537]. Этому предшествовали дебаты в СНБ по вопросу необходимости для РИАС перейти в своих трансляциях на русский язык для советских оккупационных войск. Однако по настоянию госдепа было принято решение вести передачи для советских войск, расположенных на территории стран Восточной Европы из Мюнхена [7, р. 537].

Таким образом, в первые годы после прихода к власти, республиканская администрация предприняла серьезные усилия по перенастройке «Голоса Америки» и всего аппарата по проведению информационной политики США за рубежом. Президент и его окружение понимали, что после получения Советским Союзом в свое распоряжение атомного и термоядерного оружия основная битва переместилась на новое поле – информационное, где у США были свои козыри, которые необходимо было умело использовать. Перестройка «Голоса Америки», которая проходила под нажимом крайне консервативных элементов американского истеблишмента, поднявшихся на волне «маккартизма», дала несколько иной результат, чем тот, на который рассчитывали маккартисты. Кроме того что на «Голосе Америки» был резко снижен пропагандистский элемент, особой популярностью у аудитории за «железным занавесом» стали пользоваться передачи о современной американской культуре и образе жизни, который крайне правые элементы в Вашингтоне сами не одобряли. Однако, для всего мира именно эта часть американской культуры становилась привлекательной и начала составлять серьезную конкуренцию классическому искусству, где главным законодателем мод по-прежнему оставался Советский Союз и Европа. Именно этот поворот в политике «Голоса Америки» в пятидесятых годах позволил ему стать серьезным фактором, повлиявшим на мировоззрение людей в Восточной Европе и Советском Союзе в период «холодной войны». В шестидесятые годы, в период вьетнамской войны «Голос Америки» частично отошел от этой политики: опять усилился пропагандистский элемент, в ущерб объективному освещению американской политики, что не замедлило сказаться на его популярности у зарубежной аудитории.

Литература

1. Козлов А. «Козел на саксе». М.: Вагриус, 1998. 445 с.
2. Мирошников С. Н. Перестройка администрацией Д. Эйзенхауэра механизма проведения информационно-психологической борьбы со странами социалистического лагеря // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3(29). Томск: Изд-во ТГУ, 2014.

3. Cold War Broadcasting Impact. Conference organized by the Hoover Institution and the Cold War International History Project of the Woodrow Wilson International Center for Scholars at Stanford University, October 13 - 16, 2004. URL: http://media.hoover.org/sites/default/files/documents/broadcast_conf_rpt.pdf
4. Cull N. J. The Cold War and the United States Information Agency: American Propaganda and Public Diplomacy, 1945 – 1989. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 560 p.
5. Foreign Relation of the United States. 1952 – 1954. Vol. I: General and Political Matters. Wash.: Government Printoffice, 1984. 844 p.
6. Foreign Relation of the United States. 1952 – 1954. Vol. II. National Security Affairs. Pt. 2. Wash.: Government Printoffice, 1984. 1928 p.
7. Foreign Relation of the United States. 1955 – 1957. Vol. IX: Foreign Economic Policy; Foreign Information Program. Wash.: Government Print office, 1987. 628 p.
8. Heil A. L. Jr. The Voice of America: A History. New York: Columbia University Press, 2003. 540 p.
9. Hixson W. L. Parting the Curtain: Propaganda, Culture and the Cold War 1945 – 1961. New-York: St. Martin's Griffin, 1998. 283 p.
10. Osgood K. A. Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. Lawrence: University Press of Kansas, 2006. 506 p.
11. Saunders F. S. The Cultural Cold War: the CIA and the World of Arts and Letters. New York: The New Press, 2000. 509 p.
12. Uttaro R. A. The Voices of America in International Radio Propaganda // Law and Contemporary Problems. Vol. 45. № 4. P. 103 – 122.
13. Von Eschen P. M. Satchmo Blows Up the World: Jazz Ambassadors Play the Cold War. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2004. 329 p.

Информация об авторе:

Мирошников Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Мировой политики Исторического факультета Томского государственного университета, Smiroshnikov64@mail.ru.

Sergey N. Miroshnikov – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of World Politics, History Faculty, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 341.217+070(479.22)

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ
ГРУЗИНО-ЮЖНООСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА МИССИИ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ГРУЗИИ**

О. С. Самутина, К. В. Юматов

**INFORMATION SUPPORT OF THE GEORGIA – SOUTH OSSETIA CONFLICT RESOLUTION
ACTIVITY BY THE EU OBSERVER MISSION IN GEORGIA**

O. S. Samutina, K. V. Yumatov

Военный конфликт августа 2008 г. между Грузией, Южной Осетией и Россией привел к активному включению в миротворческую деятельность Европейского Союза. С октября 2008 г. начала функционировать Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (МНЕС). Призванная наблюдать за урегулированием конфликта и продвижением гуманитарных акций для пострадавших в ходе военных действий и межэтнических столкновений, МНЕС оказалась напрямую вовлечена в контекст осетино-грузинского, грузино-абхазского и российско-грузинского конфликтов. Изучение информационных материалов, в которых представлена деятельность МНЕС, показывает, что с Грузией взаимодействие носит позитивный характер, что позволяет с одной стороны, сдерживать грузинские власти от радикальных действий образца 8 августа 2008 г., с другой – создавать информационной образ Грузии как страны, стремящейся к миру и эффективному разрешению проблем своих мятежных автономий. Что касается противников Грузии, то активная деятельность МНЕС позволила ускорить вывод российских войск и обеспечить Грузии внешнеполитическое прикрытие от прямого силового давления со стороны России. На сайте МНЕС отказ Южной Осетии, Абхазии и России допустить Миссию наблюдателей для постоянной работы на подконтрольную территорию представляется Интернет-аудитории как нежелание РФ, осетин и абхазов способствовать реальному миротворческому процессу. Таким образом продвигается мысль, что действия российского руководства являются нарушением плана "Медведева-Саркози" и мешают урегулированию конфликта. Таким образом, действия МНЕС соответствуют не только и не столько реальной миротворческой деятельности, сколько политике ЕС по уменьшению влияния РФ на постсоветском пространстве.

The military conflict between Georgia, South Ossetia and Russia in August 2008 led to active involvement of the European Union in the peace-making activity. The EU Observer Mission in Georgia has been operating since October

2008. The Mission was to observe the conflict resolution and promotion of humanitarian actions for those who suffered in the warfare and the ethnical conflicts, so it became directly involved in the context of the Ossetian-Georgian, Georgian-Abkhasian and Russian-Georgian conflicts. The study of the information materials reflecting the Mission's activity shows that its interaction with Georgia was positive, which allowed it, on the one hand, to restrain the Georgian authorities from radical military actions of 8 August 2008, but on the other hand, to create the informational image of Georgia as a country striving for peace and effective resolution of its revolting autonomy's problems. As for Georgia's opponents, the Mission's activity allowed to fasten the withdrawal of Russian troops and provided Georgia with external protection from Russia's direct power politics. The Mission's website interprets South Ossetia, Abkhazia and Russia's refusal to let the Mission in the observed territory for permanent work as the countries' refusal to facilitate the real peace-making process. Thus, the idea promoted among Internet users is that the Russian authorities' actions break the "Medvedev-Sarkozy" plan and hinder conflict resolution. So, the Mission's activities do not correspond to the real peace-making activity, but rather to the EU's policy to reduce Russia's influence on the post-Soviet space.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Грузия, Южная Осетия, Европейский Союз, Россия, миротворчество, информационная политика ЕС.

Keywords: South Caucasus, Georgia, South Ossetia, European Union, Russia, peace-making, EU informational policy.

В августе 2008 г. в Южной Осетии развернулись военные действия между Грузией, с одной стороны, Южной Осетией и Россией, с другой. В результате посредничества Франции и ЕС (в лице президента Французской республики Николя Саркози и министра иностранных дел Бернара Кушнера) был принят план мирного урегулирования, получивший название "плана Медведева-Саркози"[6]. Первоначально он состоял из 6 пунктов:

1. Не прибегать к использованию силы.
2. Окончательно прекратить все военные действия.
3. Свободный доступ к гуманитарной помощи.
4. Вооружённые силы Грузии возвращаются в места их постоянной дислокации.

5 пункт в трактовке российской и французской стороны звучал по-разному. В формулировке Дмитрия Медведева «Вооружённые Силы Российской Федерации выводятся на линию, предшествующую началу боевых действий. До создания международных механизмов российские миротворческие силы принимают дополнительные меры безопасности», под российскими миротворческими силами подразумевались войска, продолжающие находиться на территории Южной Осетии и Абхазии для обеспечения «дополнительных мер безопасности».

В трактовке Н. Саркози в пункте 5 имеются в виду «Вооружённые Силы России, действующие в рамках мандата ОБСЕ, которые присутствуют в Осетии». В результате таких разночтений европейцы, США и Грузия получили возможность обвинять Россию в нарушении плана мирного урегулирования.

6 пункт плана Медведева-Саркози вызвал столь же серьезные разночтения уже в ходе подписания и дальнейшей реализации. Первоначальная формулировка «Начало международного обсуждения вопросов будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности» [6] в ходе переговоров была видоизменена. Исключены слова «Начало международного обсуждения о вопросах будущего статуса Южной Осетии и Абхазии». В результате в русскоязычной версии документа осталась следующая фраза: «Международное обсуждение мер обеспечения безопасности и стабильности Абхазии и Южной Осетии». В Европейской версии была принята грузинская формулировка:

«Международное обсуждение мер обеспечения безопасности и стабильности в Абхазии и в Южной Осетии» [9]. Это позволило толковать фразу как относящуюся не к независимым государствам Абхазия и Южная Осетия, а к регионам Грузии. Впоследствии глава миссии, посол Х. Хабер заявлял: «Мандат МНЕС действителен на всей территории Грузии, включая Абхазию и Южную Осетию, но мы не можем и не хотим продвигаться с усилием, задача наших мониторов стучаться в двери и просить доступ в Абхазию и Южную Осетию» [10]

В сентябре миротворческую миссию ООН продолжила «большая тройка» в лице Николя Саркози (глава страны-председателя ЕС), председателя Еврокомиссии Жозе Мануэля Баррозу и верховного представителя ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности Хавьера Соланы. В ходе их визита в Москву 8 сентября 2008 г. к 6 пунктам плана «Медведева-Саркози» прибавилось еще три:

1. «Полный вывод российских миротворческих сил из зон, прилегающих к Южной Осетии и Абхазии, на линию, предшествующую началу боевых действий. Этот вывод будет осуществлен в течение 10 дней после развертывания в этих зонах международных механизмов, включая не менее 200 наблюдателей от ЕС, которое должно произойти не позднее 1 октября 2008 года» [29].

2. Международные механизмы наблюдения должны были осуществлять наблюдатели ООН, ОБСЕ и ЕС. Именно ЕС выступает гарантом неприменения силы.

3. Достигнута договоренность о начале международных дискуссий по урегулированию конфликта с 15 октября 2008 г. в Женеве. Должны были обсуждаться пути обеспечения безопасности и стабильности в регионе, вопрос о беженцах и перемещенных лицах и вопросы, внесенные с обоюдного согласия сторон [11].

Можно констатировать, что этот план стал отправной точкой в развертывании миротворческой миссии Европейского Союза в зоне грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов.

В спешном порядке 15 сентября 2008 г. была создана Миссия Наблюдателей Европейского Союза (МНЕС) в Грузии. По решению министров иностранных дел стран ЕС в МНЕС вошли 200 граждан-

ских наблюдателей. 1 октября МНЕС приступила к работе. Ее целью был контроль за соблюдением перемирия, заключенного по результатам августовской войны, а также способствование стабилизации ситуации [30].

Основные аспекты и направления деятельности миротворческой миссии Европейского Союза представлены в широком доступе на различных электронных ресурсах. Ключевым является официальный специализированный сайт Миссии Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM) на английском, грузинском и русском языках [12]. Миссия освещается на официальном сайте ЕС (European Union) [32], на Европейском голосе (European Voice) [31]. Помимо основных сайтов Европейского Союза задействованы и другие электронные ресурсы, которые представляют оценку и деятельность миротворческой миссии ЕС в Грузии.

Исходя из данных, размещенных на официальном сайте, Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии является невооруженной и гражданской. С точки зрения Европейского Союза "Мандат МНЕС охватывает всю территорию Грузии в рамках международно-признанных границ страны, хотя де-факто власти Абхазии и Южной Осетии до сих пор отказывают в доступе к территории, находящейся под их контролем. Миссия осуществляет круглосуточное патрулирование, уделяя особое внимание районам, прилегающим к административным границам Абхазии и Южной Осетии" [28]. В миссии участвуют мужчины и женщины различных профессиональных навыков для обеспечения сбалансированности ситуации в регионе. Главный офис миссии находится в Тбилиси, но наряду с ним функционируют региональные полевые в Мхете, Гори, Зугдиди [28]. Помимо МНЕС, с миротворческой целью в Грузии от ЕС функционируют: Специальный Представитель ЕС по вопросам Южного Кавказа и кризиса в Грузии и Делегация Комиссии Европейского Союза [7].

Основные цели Миссии сводятся к следующему: содействовать долгосрочной стабильности во всей Грузии и окружающем регионе, в краткосрочной перспективе стабилизировать ситуацию с уменьшением риска возобновления военных действий [33]. "Мандат Миссии включает в себя стабилизацию, нормализацию и построение доверия, а также предоставление отчетов ЕС для информирования органов, принимающих решения по вопросам европейской политики и, таким образом, способствует будущей вовлеченности ЕС в этом регионе" [28].

Итак, деятельность Миссии Европейского Союза в Грузии началась в сентябре 2008 г. и продолжается по сей день. Основные действия, итоги и результаты МНЕС представлены на сайте. Анализ материалов сайта и сравнительный анализ их с данными других ресурсов позволяют оценить степень эффективности и возможность реального решения основных задач миссий.

Самый первый пресс-релиз от 1 октября 2008 года освещает начало деятельности миротворческих сил ЕС по всем полевым офисам – Поты, Зугдиди, Гори, Тбилиси. Был осуществлен первый контакт с заинтересованными сторонами: представителями

грузинских властей, российского военного контингента и местного населения. Офицер связи МНЕС был размещен в МВД Грузии для осуществления коммуникации между правительством Грузии и европейскими миротворцами. Уже в этом пресс-релизе "МНЕС напоминает, что дата вывода российских сил истекает 10 октября, согласно соглашениям от 12 августа и 8 сентября" [5].

На первых порах одной из главных задач миссии, помимо установления контакта, являлось наблюдение представителями за монтажом российских блок-постов. Начало этому процессу было положено 5 октября [20]. 10 октября Хавьер Солана в Брюсселе подтвердил вывод российских войск "из прилежащих к Южной Осетии и Абхазии территорий" [34]. Несмотря на динамичное начало, сразу же проявились и основные проблемы, с которыми столкнулась МНЕС. В первую очередь, это отсутствие доступа на территорию Абхазии и Южной Осетии [10], проблема невзорвавшихся боеприпасов [21], гибель людей в приграничных районах, замедленное снятие российских блок-постов [18].

В отличие от взаимодействия с Южной Осетией, Абхазией и Россией, ситуация между МНЕС и Грузией имела положительную динамику. Уже в октябре 2008 г. между МНЕС и Министерством Внутренних Дел Грузии был подписан Меморандум о Взаимопонимании, который должен был обеспечить прозрачность в деятельности и передвижении полицейских сил Грузии [28]. На сайте МНЕС указывались некоторые проблемы с грузинскими силовиками, но они не имели далеко идущих последствий [14].

Первая встреча МНЕС с главой МИД Южной Осетии (в терминологии европейцев "де-факто Министром иностранных дел Южной Осетии") Михаилом Маирамовичем Миндзаевым состоялась 27 октября 2008 г. в присутствии главы российского гарнизона в Цхинвали Анатолия Тарасова. На встрече представители МНЕС подчеркнули, что Миссия Наблюдателей ЕС желает и готова осуществлять мониторинг всей территории, запросила информацию о структуре правоохранительных механизмов в Южной Осетии, соответственно был поставлен вопрос доступа Миссии в Южную Осетию [13].

Официальная позиция ЕС по пребыванию МНЕС в зоне грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов за 2008 г. фиксировала факт того, что существующие трудности в данном регионе требуют тщательного рассмотрения и постепенного решения. В реальности, с самого начала проявилась ситуация поддержки деятельности европейских миротворцев со стороны Грузии и ограничение ее влияния со стороны властей Южной Осетии и военной администрации российской армии. Эта тенденция сохранилась в последующий период.

2009 год начался с подписания МНЕС Меморандума о Взаимопонимании с Министерством Обороны Грузии. 26 января 2009 г. о подписании документа и его содержании сообщается на сайте МНЕС. Этот документ предусматривал ограничения передвижения грузинских вооруженных сил в районе административной границы с Абхазией и Южной Осетией, а также заблаговременное предоставление

информации МНЕС о таком передвижении. В пресс-релизах Миссии задача Меморандума о Взаимопонимании была в содействии не только стабилизации ситуации вдоль административных границ, но и выполнению первого пункта плана "Медведева-Саркози", который требует от сторон в конфликте отказа от применения силы [16].

На сайте МНЕС размещена информация, касающаяся использования огня как со стороны грузинских, так и южноосетинских, абхазских представителей. В то же время южноосетинские власти обвиняли и обвиняют МНЕС в бездействии относительно стягивания грузинских сил к административной границе с Южной Осетией. Миссия вынуждена заявлять опровержения на данные заявления [19]. Указывая на свои договоренности с Грузией о предварительном уведомлении о передвижении войск и полицейских, МНЕС подчеркивает: "Для того, чтобы ослабить напряжение и повысить уровень безопасности на территориях, прилежащих к административной границе с Южной Осетией, де-факто южноосетинские власти и российские силы должны сделать ответный шаг на эти соглашения. Стабильность будет иметь место только в случае, если все стороны будут способствовать этому" [19].

Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии в связи с увеличением напряженности в виде наращивания вооруженных сил вблизи административных границ призвала организовывать встречи Механизма по Предотвращению Инцидентов и Реагированию (МПИР). Исходя из информации МНЕС, это было вызвано и тем, что участились случаи гибели как военных, так и мирных жителей из-за различного рода "несчастных случаев". МПИР с участием Южной Осетии был создан в феврале 2009 г. в результате Женевских дискуссий [3]. Договоренность о начале проведения пятисторонних встреч с участием представителей Абхазии, Грузии, России, ЕС и ООН в Гале в рамках механизма по предотвращению и реагированию на инциденты была достигнута в ходе шестого раунда Женевских дискуссий по безопасности в Закавказье 1 июля 2009 года [1].

В преддверии первой годовщины августовских событий 2008 г. МНЕС провела встречи с представителями грузинской и южноосетинской сторон с целью проявления сдержанности и не нарушения установленных договоренностей. В свою очередь МНЕС, как говорится в пресс-релизах, усилила патрулирование и готова решать вопросы в системе "горячей линии" [25]. В то же время в 2009 г. встречи с южноосетинским руководством несколько раз срывались [24]. Европейцы традиционно называли виновниками этого власти Южной Осетии. Тем не менее постепенно встречи Механизма по Предотвращению Инцидентов и Реагированию начинают играть особую роль. Это реальная площадка для обсуждения и инструмент для обмена информацией и поиска компромиссов в конкретных случаях. Даже на фоне очередного срыва переговоров в ноябре 2009 г. посол Хабер констатировал, что "регулярный обмен информацией между грузинскими, российскими, южноосетинскими участниками и представителями ОБСЕ и ЕС в рамках Механизма по Предотвращению

Инцидентов и Реагированию способствовал возвращению домой ряда задержанных на обеих сторонах административной границы" [24].

Если взаимодействие с южноосетинскими властями постоянно получало информационное освещение на сайте МНЕС, то ситуация с Абхазией выглядела иначе. За полтора года проведения миротворческой миссии Европейским Союзом в Грузии на сайте МНЕС не было опубликовано пресс-релизов относительно встреч и договоренностей с "де-факто властями Абхазии".

В 2010 году пресс-релизы МНЕС очень часто освещают инциденты, связанные с задержанием либо грузинских граждан [22], либо граждан Южной Осетии [23], которые опять-таки возникают из-за нахождения близ административных границ. МНЕС пришлось столкнуться с новой проблемой, которая выражается в демаркационных работах вдоль административных границ со стороны Южной Осетии [15]. Так, восьмая встреча в рамках МПИР проходила совместно с МНЕС и ОБСЕ, была посвящена вопросам относительно расположения административной границы и процедурах ее пересечения [2].

Между МНЕС и Министерством Обороны Грузии было достигнуто в июле 2010 г. соглашение о повышении прозрачности деятельности со стороны Грузии. Европейские миротворцы подчеркивали, что соглашение принято в целях документирования строгого соблюдения Грузией принципа неприменения силы [27].

Исходя из опубликованных данных на сайте МНЕС, 2011 г. ознаменовался проведением многочисленных встреч в рамках МПИР при совместном сотрудничестве МНЕС и ОБСЕ. На этих встречах обсуждались острые и насущные вопросы относительно ситуаций, возникающих вдоль административной границы Южной Осетии. Например, на десятой встрече МПИР, которая состоялась в Эрзнети 13 марта, обсудили всестороннее решение проблемы задержания, улучшение свободы передвижения вдоль административной границы, включая установленные пункты пересечения. Помимо простого пересечения административных границ ставятся и вопросы о доступе к сельскохозяйственным угодьям на данных территориях [4].

Представители МНЕС очень часто подчеркивают, что Миссия наблюдателей ЕС серьезно относится к любым событиям, которые могут негативно повлиять на стабильность вблизи административной границы, и внимательно следит за ситуацией [17].

В сентябре 2011 г. главой МНЕС стал А. Тышкевич, который заявил, что МНЕС является одной из самых успешных миссий ЕС в рамках общей политики безопасности и обороны Европейского Союза [26].

16 ноября 2011 г. состоялся визит Верховного представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности Кэтрин Эштон на Южный Кавказ, где на встрече с ней А. Тышкевич подчеркнул, что Грузия была очень прозрачной с точки зрения военных структур и деятельности... выразил признательность за односторонние меморандумы о взаимопонимании с грузинскими министерствами внутренних дел и

обороны, за которыми "к сожалению не последовали ответные шаги России или де-факто властей Южной Осетии и Абхазии" [8].

2012 г. отмечен частыми созывами внеочередных встреч в рамках МПРИ в связи с задержанием лиц пересекающих административные границы. МНЕС неоднократно выражала свое недовольство относительно насильственных инцидентов, происходящих со стороны участников конфликта, и подчеркивала, что такие насильственные действия недопустимы, и они могут только дестабилизировать ситуацию.

В 2012 г. РФ проводила военные учения "Кавказ 2012", по этому поводу А. Тышкевич попросил все стороны проявлять сдержанность и отказаться от любых действий или заявлений, которые могут способствовать усугублению ситуации.

По мнению представителей МНЕС, большим подспорьем в разрешении насущных вопросов является горячая линия, по которой могут связаться как грузинские, так и южноосетинские, абхазские представители и обсудить происходящие события.

К 2012 – 2013 гг. сложились ключевые проблемы, которые находят отражение в деятельности Миротворческой Миссии Европейского Союза в Грузии, в обсуждениях во время встреч МПРИ в Эргнети и получают резонанс в Женевских международных дискуссиях до настоящего времени. Таковыми проблемами с точки официальных интернет-ресурсов МНЕС являются:

1. Невозможность для МНЕС проводить мониторинг и деятельность на территории Южной Осетии и Абхазии;

2. Нежелание России, Южной Осетии и Абхазии сотрудничать с МНЕС в вопросах контроля за передвижением и дислокацией военных и полицейских сил.

3. Отсутствие четкого юридического и практического понимания территориальных границ Южной Осетии.

4. Отсутствие разработанного механизма эффективного контроля и возможностей реализации передвижения для военных, полицейских и жителей приграничных районов. В связи с этим происходят постоянные стычки, обстрелы полицейских и военных патрулей и аресты осетин в Грузии и грузинских граждан в Южной Осетии.

5. Неурегулированность пограничных проблем между Грузией и ее бывшими автономиями ведет к столкновениям из-за земельных и водных ресурсов в пограничных регионах. Кроме того, возникают вопросы сохранности и чистоты пресной воды в реках Южной Осетии и Грузии.

6. Судьба многочисленных беженцев грузин из Южной Осетии и Абхазии.

Литература

1. В Абхазии намечена очередная встреча по предотвращению инцидентов // Кавказский Узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/203560/> (дата обращения: 15.06.2014).

2. Восьмая встреча в рамках Механизма по Предотвращению Инцидентов и Реагированию на них состоялась в Эргнети // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/2487/?year=2010&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).

3. Встреча в рамках Механизма по предотвращению инцидентов и реагированию на них состоялась в Эргнети // OSCE. URL: <http://www.osce.org/ru/cio/74550> (дата обращения: 15.06.2014).

Изучение динамики эволюции информационного потока, связанного с интернет-ресурсами Миссии наблюдателей ЕС в Грузии, показывает, что можно предварительно выделить два этапа в деятельности МНЕС.

1. Осень 2008 – 2009 гг. – контроль за выводом грузинских и российских войск из района конфликта. Важнейшей задачей МНЕС становится недопущение затягивания нахождения российских войск. В этот период происходит налаживание механизма взаимодействия между европейцами, Южной Осетией, Россией и Грузией. Т. е. ключевой задачей было недопущение реминисценций вооруженного противостояния.

2. 2010 – 2013 гг. – действия по формированию механизмов взаимодействия бывших военных противников для налаживания мирной жизни и функционирования экономики и политической жизни.

В то же время Миссия ЕС на этом этапе активно проводит политику, которая подчеркивает позитивную роль Грузии в этих вопросах и негативную Южной Осетии, Абхазии и России. Диалог с Абхазией вообще на долгое время был прерван. Южная Осетия занимает менее радикальные позиции.

В целом, подводя итог информационному освещению деятельности Миссии наблюдателей ЕС в Грузии, необходимо отметить, что она стала не просто инструментом миротворчества на Южном Кавказе. Именно анализ информационных ресурсов хорошо показывает, что дополнительной задачей миссий является создание положительного образа Грузии как страны, которая готова стремиться к миру, выполнять требования международного сообщества и осознать ошибки. Образ "де-факто руководства" Южной Осетии, Абхазии и стоящей за ними России показан как не склонный к мирным решениям и компромиссам, постоянно подчеркивается ограничительный характер действий этих сторон по отношению к МНЕС. Таким образом, интернет-ресурсы МНЕС являются еще и инструментом продвижения главных целей ЕС на Кавказском направлении, которые заключаются в максимальном ослаблении влияния России и увеличения влияния Запада. Русскоязычный вариант сайта МНЕС позволяет распространять необходимые идеологические и PR-механизмы на русскоязычную аудиторию всего постсоветского пространства, в том числе и Российской Федерации. На фоне современного украинского кризиса между Россией и ЕС сайт МНЕС отражает более мягкий вариант той же идеологии подчеркивания образа РФ как страны агрессивной и не склонной к правовым решениям.

4. Десятая встреча МПИА состоялась в Эргнети // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/2585/?year=2011&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
5. Заявление для прессы Главы МНЕС, посла Хансйорга Хаммера 1.10.2008 г. // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/522/?year=2008&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
6. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам переговоров с Президентом Франции Николя Саркози 12 августа 2008 г. // Официальный сайт Президента России. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2008/08/12/2004_type63374type63377type63380type82634_205199.shtml (дата обращения: 15.06.2014).
7. ЕС в Грузии // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/eu_in_georgia (дата обращения: 15.06.2014).
8. Кэтрин Эштон встретила с Главой МНЕС // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/2850/?year=2011&month= (дата обращения: 15.06.2014).
9. Лавров: Саакашвили подписал не тот документ о мире, ему кто-то дописал букву "в" // Сайт NEWSru.com в России. URL: http://www.newsru.com/russia/03sep2008/bukva_i_duh_print.html (дата обращения: 15.06.2014).
10. Мандат МНЕС действителен на всей территории Грузии // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/224/?year=2008&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
11. Медведев и Саркози проговорили несколько часов: к их плану добавились пункты, вступающие в силу немедленно // Сайт NEWSru.com в России. URL: http://www.newsru.com/russia/08sep2008/peregovory_save.html (дата обращения: 15.06.2014).
12. Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: <http://www.eumm.eu/ru/> (дата обращения: 15.06.2014).
13. Миссия наблюдателей от Европейского Союза провела технические переговоры с де-факто Министром Иностранных Дел Южной Осетии // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/219/?year=2008&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
14. МНЕС выражает озабоченность в связи с размещением новых транспортных средств грузинской полиции // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/670/?year=2008&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
15. МНЕС изучает заявления относительно демаркационных работ в регионе Шида Картли // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/2317/?year=2010&month=12 (дата обращения: 15.06.2014); МНЕС выражает озабоченность в связи с демаркационными работами вдоль административной границы с Южной Осетией // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/2472/?year=2010&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
16. МНЕС и Министерство Обороны Грузии подписали Меморандум о Взаимопонимании // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/813/?year=2009&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
17. МНЕС не обнаружила никаких свидетельств организации провокационного марша мира 26 августа // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/2778/?year=2011&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
18. МНЕС обеспокоена ситуацией в Переви // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/241/?year=2008&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
19. МНЕС опровергает заявления де-факто югоосетинских властей // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/995/?year=2009&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
20. МНЕС подтвердила демонтаж первого блок-поста // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/521/?year=2008&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
21. МНЕС предупреждает об опасности невзорвавшихся боеприпасов. 17.10.2008 г. // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/518/?year=2008&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
22. МНЕС приветствует освобождение задержанных лиц и надеется, что это является началом к последующим освобождениям // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/2132/?year=2010&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).
23. МНЕС приветствует освобождение задержанных грузинским правительством лиц и призывает власти де-факто Южной Осетии к аналогичному шагу. 6.04.2010 // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в

Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/2070/?year=2010&-month=12 (дата обращения: 15.06.2014).

24. МНЕС сожалеет о решении участников юго-осетинской стороны не принимать участия во встрече Механизма по Предотвращению Инцидентов и Реагированию на них 19 ноября // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/-1777/?year=2009&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).

25. МНЕС УСИЛИВАЕТ ПАТРУЛИРОВАНИЕ В ЭТО ЧУВСТВИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/1636/?year=2009&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).

26. Новый Глава МНЕС, Посол Тышкевич подчеркнул роль Миссии в процессе стабилизации и укрепления доверия между сторонами // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/2808/?year=2011&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).

27. Новое соглашение МНЕС с Министерством Обороны Грузии повышает прозрачность // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/2219/?year=2010&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).

28. О МНЕС // Миссия Наблюдателей Европейского Союза в Грузии (EUMM). URL: http://www.eumm.eu/ru/about_eumm (дата обращения: 15.06.2014).

29. Терехов А. Российских миротворцев заменят немцы, французы, итальянцы // Независимая газета. 2008. 15 сентября. URL: http://www.ng.ru/world/2008-09-15/9_eurounion.html (дата обращения: 15.06.2014).

30. Calleja R. R. EUMM Georgia: A mission in the Caucasus geopolitical crossroads // Diplomacy Status Quo. URL: <http://diplomacystatusquo.wordpress.com/2013/02/27/eumm-georgia-a-mission-in-the-caucasus-geopolitical-crossroads/> (дата обращения: 15.06.2014).

31. European Voice. URL: <http://www.europeanvoice.com/> (дата обращения: 15.06.2014).

32. European Union. URL: http://europa.eu/index_en.htm (дата обращения: 15.06.2014).

33. Handbook for the European Union Monitoring Mission in Georgia // Refworld. URL: <http://www.refworld.org/docid/4ee9d22c2.html> (дата обращения: 15.06.2014).

34. Solana J. EU High Representative for the CFSP, confirms the withdrawal of Russian forces from the zones adjacent to South Ossetia and Abkhazia // Council of the European Union. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/declarations/103268.pdf?year=2008&month=12 (дата обращения: 15.06.2014).

Информация об авторах:

Самутина Ольга Сергеевна – магистрант факультета истории и международных отношений КемГУ, olga_samutina@mail.ru.

Olga S. Samutina – Master's Degree student at the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Юматов Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и международных отношений КемГУ, yumatov@list.ru, yumatov@kemsu.ru.

Konstantin V. Yumatov – Candidate of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 316.3

ЭКОНОМИКА 2.0 И ПОЛИТИКА 2.0 – СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В СРЕДЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (европейский пример)

Р. С. Селезнев

ECONOMY 2.0 AND POLITICS 2.0 - SPECIFICITY OF SOCIAL RELATIONS IN SOCIAL NETWORKS (european example)

R. S. Seleznev

В статье ставится задача рассмотреть специфику социальных связей в виртуальной среде социальных сетей. При этом акцент делается на политической и экономической сферах социального взаимодействия в пространстве Интернета. Анализ строится в основном на европейском материале. Делается вывод о чрезвычайно широком внедрении социальных сетей в экономическую и политическую реальность Европы. О том, что формирующие социальные связи разнообразны, но противоречивы и сложны.

The paper seeks to examine the specificity of social relations in the virtual media of social networks. The emphasis is put on the political and economic spheres of social interaction in the Internet. The analysis is based mainly on European material. The author concludes that the introduction of social networks in economic and political reality of Europe is extremely broad, and that the emerging social networks are diverse, but contradictory and complex.

Ключевые слова: социальные сети, социальные связи, Web 2.0, политика, экономика, Европа, Европейский союз.

Keywords: social networks, social ties, Web 2.0, politics, economy, Europe, European Union.

В XXI веке по-настоящему инновационной средой формирования социальных связей в рамках информационного общества стала сеть Интернет. Четвертый этап истории Интернета стал одновременно эпохой Web 2.0, когда широкое внедрение социальных сетей способствовало социализации Интернета. То, что Интернет стал социальным, – это уже свершившийся факт. И именно через социальные сервисы общество все более глубоко проникает в сеть, или напротив, сеть проникает в общество. Так или иначе, формируется онлайн-общество («e-community» или «virtual community»). Политика и экономика превращаются в политику 2.0 и экономику 2.0.

личение, то весьма не существенное, так как сейчас изобретение Марка Цукерберга, запущенное в 2004 г., действительно, самая распространенная социальная сеть в мире. И Facebook великолепно иллюстрирует социальность всемирной паутины. В настоящее время данная сеть насчитывает уже около 1,4 млрд зарегистрированных аккаунтов по всему миру, прочно удерживая лидерство на рынке. Общее же количество пользователей социальными сетями сейчас приближается к 2 млрд человек, и, по прогнозам, аудитория будет только увеличиваться:

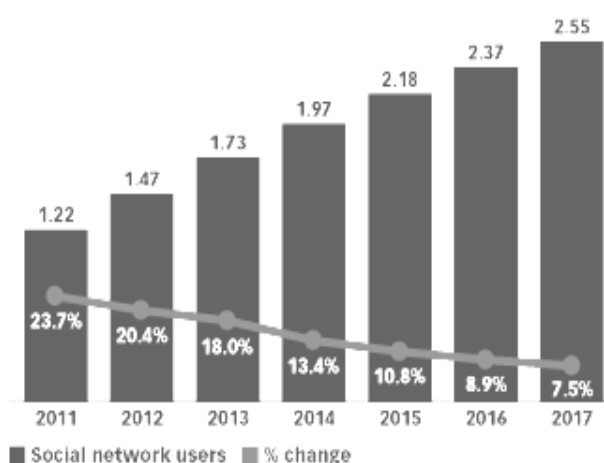

Рис. 1. Число пользователей социальными сетями в мире: ситуация к 2011 г. и прогноз до 2017 г. [26]

Интернете популярно выражение – «если бы Facebook был страной, он был бы третьей по величине страной в мире...». Если в этих словах и есть преуве-

Рис. 2. Пользователи Facebook по всему миру (2011 – 2014), млн и % изменения [3]

Таким образом, по прогнозам eMarketer, к 2017 году общая численность мировой аудитории социальных сетей может достигнуть 2,55 млрд человек, то есть приблизится к 30 – 35 % населения Земли.

Последний график демонстрирует, что охват социальными сетями европейских пользователей Интернета действительно широк и приближается к 90 %, при этом

доля Facebook также существенна и почти во всех странах превышает 50 % от всех пользователей социальными сетями (кроме Нидерландов). Для сравнения приведены данные по России, где Facebook пока уступает по популярности ВКонтакте и Одноклассникам. В Европейских странах вторые места так же прочно удерживают местные ресурсы [6].

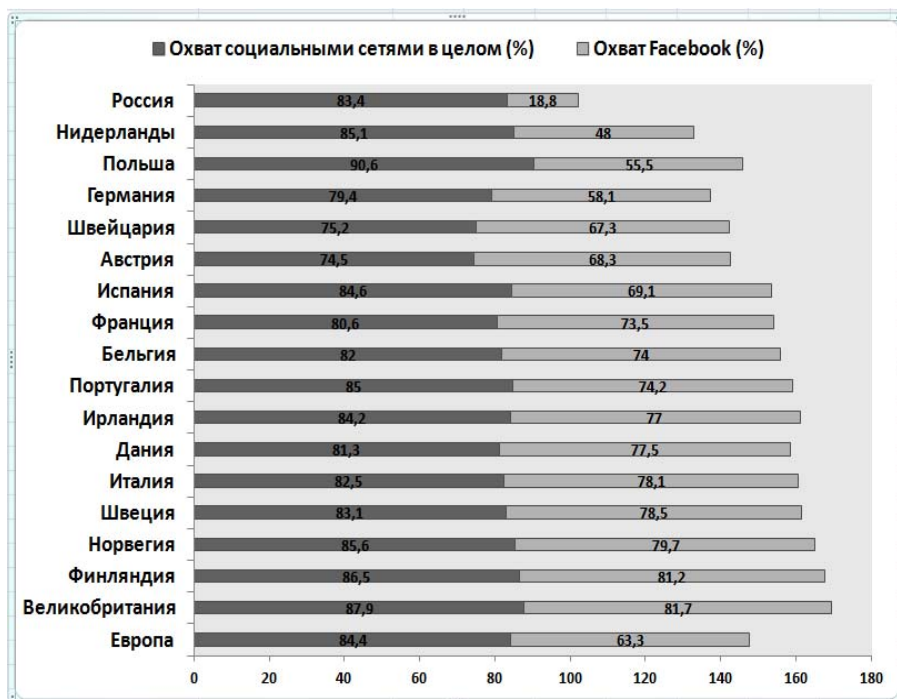

Рис. 3. Охват интернет-пользователей социальными сетями, в том числе доля Facebook. Данные ComScore.com [25]

В условиях ослабления старых социальных коммуникаций инструменты информационно-коммуникационной организации в рамках интернет-сообщества становятся все более эффективным каналом связи между партиями, обществом, гражданами и властью.

Таким образом, актуальной выглядит попытка поговорить о важности социальных сетей как **политического инструмента**.

Неслучайно в последние годы происходит существенное усиление внимания государства к социальным сетям. Внимание, прежде всего, к тем опасностям, которые они в себе таят. Последние предоставляют великолепную возможность для распространения самой разнообразной информации, в том числе и той, которая может представлять угрозу национальной безопасности какого-либо государства.

В этом отношении показательны события так называемой «Арабской весны», когда социальные интернет-сети сыграли определенную роль в эскалации массовых общественных беспорядков в странах Азии, Африки и Ближнего Востока. Из не европейских примеров также нельзя не упомянуть известные акции «захвати Уолл-Стрит», когда участники координировали свои действия через чаты и социальные сети.

Европа не в меньшей степени демонстрирует нам примеры взаимосвязи протестной и сетевой активности.

Так, беспорядки 2005 года в Париже связывались с деятельностью социальной сети Skyrock, где протестанты общались друг с другом [6].

В марте 2007 года при выселении «Молодёжного дома» в Копенгагене к датским уличным погромщикам присоединилось несколько тысяч антиглобалистов из Германии, Норвегии, Франции, Швеции. Координация их действий была осуществлена через социальные сети [4].

Во время летних беспорядков 2011 года в Великобритании аресты и судебное преследование за деятельность в социальных интернет-сетях стали уже типичной реакцией властей. Так в августе 2011 года британская полиция арестовала 20 человек за организацию массовых беспорядков посредством смартфонов и социальных сетей [2].

В итоге мы видим, что экстремистская (с точки зрения государства) деятельность в сети становится уже и юридическим казусом. Европейский пример даже не самый яркий. В сентябре 2013 г. федеральный апелляционный суд США признал нажатие кнопки «Мне нравится» в соцсети Facebook выражением свободы слова. Произошло это после рассмотрения иска жителя Вирджинии, уволенного из-за «лайка», поставленного политическому противнику его начальника – местного шерифа [7].

Таким образом, «революции в сети» или «революции он-лайн» с одной стороны демонстрируют, что

«безобидная технология, призванная упростить досужее общение, приобрела черты оружия массового уничтожения...» [5]. Но с другой стороны, вполне справедливо мнение, что нет постоянной и прямой зависимости между активностью в социальных сетях и активностью революционной.

Как метко отметил один исследователь – «речь ведь идет не о том, что революции переносятся с площадей в блоги. Наоборот, начавшись в блогах, они не становятся настоящими революциями, не будучи перенесены на площади» [1, с. 60].

Итак, вполне допустим предварительный вывод, что социальные сети являются пространством, где генерируются, в том числе и **деструктивные, конфликтные социальные связи**.

Поэтому ответная активность в социальных сетях со стороны правоохранительных органов вполне логична – от обычного отслеживания переписки потенциальных нарушителей и попыток блокировать какие-либо адреса до попыток отговорить «юзеров» участвовать в беспорядках. Так, газета The Guardian особенно отмечает работу инспектора г. Шеффилда Джейн Форрест, которая в 2011 г., выходя в Facebook и Twitter, смогла наладить контакт с активистами протестных сообществ и смягчить конфликт между протестующими и властью [28].

Следовательно, можно предположить, что **сетевая конфликтность может быть регулируемой переменной**.

Однако в ЕС использование социальных медиа в правоохранительных целях находится все еще на невысоком уровне. С целью совершенствования в том числе и данного направления в Европейском Союзе проводится четырехлетний исследовательский проект COMPOSITE – Comparative Police Studies in the European Union (сравнительное исследование отделений полиции в ЕС). В том числе изучаются новые пути использования социальных сетей с целью расследования преступлений и их профилактики [13]. Здесь уже есть и первые успехи. Так, в 2010 г. одно из полицейских управлений Великобритании использовало Facebook и YouTube для поиска Джоанны Йейтс, а когда впоследствии она была найдена мертвой, для поиска убийцы [22].

Не бесспорный казус «твиттерных» протестов, революций и других деструктивных действий в сети актуализирует весьма важный аспект в развитии современных интернет-технологий – исследователи уже вполне серьезно ведут речь **о влиянии Интернета на мировые политические процессы**, рассматривают игроков на этом поле как акторов мировой политики [8]. В условиях информационной глобализации происходит диффузия власти, что выражается в «распылении» последней, в появлении новых центров влияния [8, с. 45]. Таковыми центрами и становятся крупные интернет-компании (Google, Facebook и др.), реализующие и внедряющие в массы свой продукт, в том числе социальные сети. В качестве доказательства влияния на международные процессы виртуального мира исследователи приводят и те самые «твиттерные революции», и ситуацию вокруг фильма «Невинность мусульман», и другие примеры разнообразных конфликтов, когда социальные сети становились площадкой, где этот самый конфликт разворачивался.

Европа также не избежала этой участи. Речь идет о так называемом «карикатурном скандале», который начался еще в 2005 г., когда в датской газете Jyllands-Posten были напечатаны карикатуры на пророка Мухаммеда, что вызвало протесты со стороны мусульман в Европе и в мире. В последующие годы в разных СМИ, в том числе в социальных сетях, периодически повторялись попытки неудачно пошутить над исламом. Так, в начале 2014 г. британские мусульмане выступили против одного веб-сайта, на котором публикуются карикатуры с изображением Пророка Мухаммада и Иисуса, и потребовали отставки высокопоставленного политика-мусульманина, поддержавшего эти карикатуры [10].

Все вышеотмеченные казусы демонстрируют тот факт, что интернет-компании, владеющие социальными сетями, имеют в своем распоряжении такие инструменты воздействия на массы, с которыми вынуждены считаться государства. Главным инструментом здесь выступает, конечно же, информация, а точнее уникальные возможности по ее распространению.

Впрочем, можно предположить, что транснациональные интернет-компании (и их продукты) лишь опосредованно являются акторами мировой политики, так как коммерческие интересы в их деятельности преобладают над политическими. В конечном итоге социальные сети – это всего лишь инструмент, а не самостоятельный игрок мирового политического процесса.

Разумеется, протестная и социальная конфликтность – это не единственная сфера приложения возможностей социальных сетей в контексте политики и национальной безопасности. Социальные сети, различные социальные сервисы могут и должны использоваться не в негативном, а в позитивном векторе.

Прежде всего, как источник и инструмент распространения информации, которая может быть полезна в интересах национальной, региональной и индивидуальной безопасности. Примеры подобного приложения социальных сетей – краудсорсинг, использование блогосферы, как инструмента формирования информационной картины события, использование сетей в качестве системы оповещения населения о чрезвычайных ситуациях и др. [5]. Последний аспект, кстати, уже находит свое воплощение в современной Европе, в частности в Великобритании, где социальные сети используются для оповещения о пожарах [28].

Также стоит подробнее остановиться на таком явлении, как краудсорсинг (от англ. crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов») – передача определенных производственных функций совершенно неопределенному кругу лиц, которая не предполагает заключение трудового договора и осуществляется на добровольной и, как правило, альтруистической основе. Если аутсорсинг был придуман, чтобы задействовать трудовые ресурсы профессионалов, то краудсорсинг – для задействования трудовых ресурсов, в том числе и любителей. Наверное, самым ярким примером коллективного творчества в области создания идей является свободная энциклопедия Wikipedia.

Практика краудсорсинга приобретает все большую популярность среди различных кампаний и организаций, и социальные сети здесь предоставляют действительно уникальные возможности рекрутинга добро-

вольцев. Так в Великобритании единая краудсорсинговая платформа Jolitics.com была создана для оптимизации законотворческой деятельности политических активистов. Пользователи Jolitics могут опубликовать на сайте предложение (аналог законопроекта) длиной не более 140 символов. Остальные пользователи могут обсуждать «законодательную» инициативу в течение четырех недель, после чего она выставляется на голосование. Если предложение одобряют более 50 % голосующих, оно может быть отослано члену парламента с указанием числа проголосовавших за него пользователей [9, с. 35].

Другой европейский пример использования краудсорсинга в сфере политики и законотворчества продемонстрировала Исландия, когда в 2011 было организовано публичное обсуждение новой Конституции. Был создан Конституционный совет (инициативная группа из 25 граждан в сети Интернет), который разработал и опубликовал в апреле 2011 г. на своем сайте первый проект Конституции, а затем позволил гражданам комментировать его через социальные сети. Итоговый проект конституции был представлен в августе 2011 г. в исландский парламент – «...с одной стороны, государственная власть разделила политические риски от разработки и принятия нового конституционного проекта... с другой стороны, увеличила долю лояльного к своей деятельности населения, поскольку большинство граждан осознало, что их мнение значимо» [9, с. 34]. Использование социальных медиа позволило вывести на новый уровень процесс обсуждения Конституции, который, в буквальном смысле слова, стал публичным и массовым – «общественность видит, что Конституция рождается у них на глазах... это очень отличается от старых времен, когда творцы Конституции старались найти удаленное место вне поля зрения, вне пределов досягаемости» [25].

Подобный пример демократии с помощью «краудсорсинга» формирует феномен «он-лайн демократии», «**демократии 2.0**» [21].

Впрочем, очевидны и минусы краудсорсинга, которые еще более заметны в пространстве социальных сетей: участие не профессионалов, слишком большой объем информации, большая вероятность мошенничества. Вместе с тем краудсорсинг через социальные сети при всех явных минусах – это потенциально довольно эффективный инструмент формирования и функционирования гражданского общества.

В этом отношении интересен казус «дипломатии 2.0». Возможности и потенциалы цифровой дипломатии в пространстве социальных сетей весьма обширны. Прежде всего, это публичная дипломатия во всем ее разнообразии – «открытость – это вынужденная необходимость для государства, которое работает в информационном пространстве наравне с другими источниками информации. Если не наполнять это пространство объективной информацией, его наполняют другие» [20]. Вместе с тем, как и любое нововведение, дипломатия 2.0 полна рисков и угроз – распространение опасной информации, хакерство, низкий уровень культуры и этикета – это не полный перечень очевидных минусов. Порой встречаются и забавные казусы, когда даже опытный политик не всегда способен просчитать последствия самопрезентации в сети. Интересный конфуз

пережил министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт. Накануне Всемирного экономического форума в Давосе К. Бильдт написал в Твиттере: «с нетерпением жду торжественный ужин, который сегодня вечером организует Всемирная Программа Продовольствия! Решение глобальной проблемы голода – это чрезвычайно важный вопрос!». На резонные замечания блогосферы о несовместимости проблемы голода и торжественного ужина политик не нашелся, что ответить, а его блог подвергся серьезной критике [20].

Социальные сети как **экономический инструмент** и как **площадка построения социально-экономических взаимосвязей** – это следующий объект нашего внимания.

Значительная часть пользователей социальных сетей стран Евросоюза готова совершать покупки, отталкиваясь главным образом от информации, полученной в социальных ресурсах. Компания Deloitte в своем отчете утверждает, что деятельность Facebook принесла Европе дополнительно \$15,3 млрд за прошедший год – «социальные медиа являются двигателем развития мировой экономики... это не просто посты, картинки и шутки с друзьями, но и более серьезные вещи, касающиеся экономического роста, создания рабочих мест» [16].

Уникальность социальных медиа такова, что даже несерьезные вещи они способны превращать в бизнес. Например, некоторые он-лайн игры приобретают такую феноменальную популярность, что сами по себе становятся социальными сетями, объединяя миллионы игроков (например, World of Tanks или трансконтинентальный хит «Веселая ферма», где крутятся не только виртуальные, но и живые деньги).

В сфере бизнеса возможности приложения социальных сетей разнообразны – реклама, создание и внедрение приложений, продажи через сети. Уже упоминаемый краудсорсинг – это, прежде всего, экономический инструмент и родился он именно в бизнес-сфере, а социальные сети сделали возможной его реализацию в глобальном масштабе: «...то, для чего ранее требовались армия менеджеров и корпоративная иерархия, сегодня может выполняться в контексте онлайн-сообщества...» [19].

Однако полезность социальных сетей, например, для рекламы далеко не так очевидна, как кажется на первый взгляд. С одной стороны, социальные медиа предоставляют уникальную возможность непосредственного общения с потребителем, и реакция на рекламу может последовать «здесь и сейчас». Но есть и обратная сторона – это проблема «угасания» контента, так как информация в сети очень быстро обновляется.

Существует и другая опасность – увлечение продвижением какого-либо бренда через социальные сети, когда разговоры о бренде в он-лайн сообществах, ему посвященных, заменяют собой главную цель маркетинга – продажи. «Как показали катастрофические результаты Pepsi, когда вы забываете о том, что ваш бизнес заключается в продаже банок с газировкой и начинаете тратить деньги на создание сообществ и поддержку каких-то мероприятий, вы попадаете под пресс своего красно-белого конкурента...» [14, с. 30].

Кампания, которая занимается продвижением бренда через социальные сети, не должна игнорировать

и еще одну особенность данного специфического пространства, которая является обратной стороной проблемы «угасания контента», – долгое хранение и постоянная доступность какой-либо информации, которая когда-либо появилась в сети. Особенно если речь идет о скандале, о негативном образе бренда, от чего не застрахована ни одна кампания – «газета живет один день, журнал – неделю или месяц... в интернете часто нет разницы между вчерашним скандалом и негативом пятилетней давности, вопрос лишь в позиции выдачи поисковой машины» [18]. За примерами далеко ходить не надо, несколько европейских кампаний в полной мере ощутили на себе силу негативного коллективного разума, выросшего на плодородной почве социальных сетей. В 2007 г. британо-нидерландская кампания Unilever, продвигая в социальных сетях на российский рынок бренд дезодоранта Rexona, попыталась убедить покупать его потому, что россиянки «пахнут потом в восемь раз сильнее англичанок, в шесть раз сильнее немки и в три раза – полячек, а все потому, что меньше используют дезодорант» [18]. В итоге общественность отреагировала крайне негативно и в сетях началась массовая кампания по бойкоту торговой марки и сбор подписей по передаче жалобы в ФАС. В итоге сайт был закрыт, кампания принесла извинения, но отголоски этого скандала до сих пор не стерты из сети [15]. Другой пример – в 2010 г. швейцарская кампания Nestle столкнулась в конфликте с Greenpeace. Зеленые обвинили кампанию в использовании пальмового масла для производства шоколада, что приводит к вырубке тропических лесов Индонезии и вымиранию орангутангов. В данном случае не важно, кто здесь прав, а кто виноват. Важно, что в итоге сообщества кампаний в социальных сетях превратились «в огромный коллектор негатива» [18].

Итак, как и в случае с политической сферой, **бизнес в социальных сетях так же способен породить конфликтные социальные связи.**

Рассматривая социальные сети как экономический инструмент, нельзя не поговорить об их влиянии на социальные связи на рынке труда. И здесь также мы видим потенциал для вызревания конфликтных социальных связей.

Во-первых, вполне очевидно, что работодатели давно и активно используют социальные сети как для поиска работников, так и для изучения кандидатов при приеме на работу. Во-вторых, отзывы о работе в компании работодателя, о самом работодателе, о себе как сотруднике этой компании, размещенные в сети Интернет, становятся доступны всем пользователям. По некоторым прогнозам к 2015 году не менее 60 % работодателей будут устраивать интернет-слежку за собственными сотрудниками в популярных соцсетях [11].

И вот здесь и возникает поле для конфликта между сторонами. Европа демонстрирует массу интересных

тому примеров. Так, трое сотрудников британской авиакомпании Virgin Airlines были уволены после того, как на одной из страниц Facebook они дискутировали на темы, где, когда и сколько раз заменялись детали самолетов, а также фривольно отзывались о пассажирах. В Швейцарии преподавателя уволили из-за того, что он позировал возле ворот концлагеря Освенцим. Шотландский гвардеец Кэмерон Рейли был отстранен от охраны Букингемского дворца после того, как нелицеприятно отозвался о Кейт Миддлтон на своей странице в Facebook [11].

Немецкая компания Willich уволила своего сотрудника из-за фотографии в соцсети. Руководителям не понравился снимок, на котором молодой человек несет на руках свою беременную невесту: официально этот работник уже несколько месяцев числился на больничном с межпозвонковой грыжей [12]. После этого уволенный сотрудник подал на кампанию в суд и отсудил выходное пособие. Но есть и противоположное решение суда. Так Британский суд по трудовым спорам признал законным увольнение работника одного из магазинов Apple за негативные высказывания о компании в социальной сети [12].

Судя по всему, для европейского трудового законодательства проблема «работник и социальные сети» или «сидение в сетях» это еще новая практика и четких законодательных норм здесь пока нет, так как суды выносят различные решения по этим вопросам – в пользу как работника, так и работодателя [12]. Более того, формально правовые системы большинства европейских стран запрещают попытки вторжения в личную сферу работников, а страничка в социальной сети, безусловно, таковой является [12].

За океаном ситуация, видимо, более определенная, в пользу работодателя. Так, в частности, корпорация Intel на своем сайте опубликовала «Правила использования социальных сетей в корпорации Intel», где четко заявила о своем праве за увольнение работника, который будет использовать социальные медиа во вред компании [14]. В США даже распространена практика, когда при устройстве на работу от соискателя требуют предоставить пароли доступа к личным страницам в социальных сетях [17].

Таким образом, вполне очевидно, что процесс дальнейшего внедрения социальных сервисов в самые различные сферы жизни современного европейца вспять не повернуть. Все более настойчиво Web 2.0 будет встраиваться в повседневное существование, формируя в том числе экономику 2.0 и политику 2.0. При этом здесь разворачиваются весьма разнообразные, но противоречивые социальные связи – конфликтные, но конструктивные; устойчивые, но мимолетные; перспективные, но полные опасностей.

Литература

1. Болгов Р. В. Сообщества пользователей интернет-проектов // Вестник МГИМО. 2013. № 1(28). С. 55 – 60.
2. Виновны через сеть // Сайт «Газета.ру». URL: <http://www.gazeta.ru/social/2011/08/17/3735181.shtml> (дата обращения: 25.11.2013).
3. В каких странах социальные сети пользуются наибольшей популярностью? // Сайт Sostav.ua. URL: <http://www.sostav.ua/news/2012/03/15/80/47831/> (дата обращения: 01.11.2013).

4. Глобальный погром // Сайт «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2007/03/05/kopengagen-pogrom.html> (дата обращения: 5.12.2013).
5. Демидов О. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1(104). Т. 19. С. 65 – 86.
6. Европа в Интернете: социальные сети местного масштаба // Портал «Европульс». URL: <http://www.europulse.ru/articles/2011-02-15-11-26-11-1719-socialnetz.html> (дата обращения: 17.11.2013).
7. Евдокимова Д., Гончарова О., Фирсова Е. Побег от «большого брата» // Сайт газеты «Новые известия». URL: <http://www.newizv.ru/society/2013-09-23/189421-pobeg-ot-bolshogo-brata.html> (дата обращения: 16.12.2012).
8. Зиновьева Е. С. Воздействие компаний интернет-индустрии на мировую политику // Вестник МГИМО. 2013. № 1(28). С. 43 – 48.
9. Мирошниченко И. В. Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике // Проблемный анализ и государственно-публичное проектирование. 2011. Вып. 6. Т. 4.
10. Мусульмане выступили против карикатур на Иисуса и Мухаммада // Информационно-аналитический канал «Ansar». URL: <http://ansar.ru/sobcor/2014/01/23/47083> (дата обращения: 4.12.2013).
11. Осторожно: работодатель в социальных сетях // Сайт «Rjob.ru. Работа в твоём городе». URL: http://rjob.ru/articles/ostorozhno_rabotodatel_v_sotsialnykh_setyakh/ (дата обращения: 12.10.2013).
12. Питунова И., Иванов А. Можно ли уволить работника за излишнюю активность в соцсетях? // Сайт журнала «Управление персоналом». URL: <http://www.top-personal.ru/lawissue.html?2301> (дата обращения: 12.10.2013).
13. Полиция и социальные медиа: опыт ЕС // Портал электронного правительства Беларуси. URL: <http://e-gov.by/themes/best-practices/policiya-i-socialnye-media-opyt-es> (дата обращения: 16.12.2012).
14. Правила использования социальных сетей в корпорации Intel // Сайт компании Intel в России. URL: <http://www.intel.ru/content/www/ru/ru/legal/intel-social-media-guidelines.html> (дата обращения: 12.09.2013).
15. «Свинская» реклама Рексоны 2008 // Антология сетевого фольклора. URL: http://www.netlore.ru/svinskaya_rexona (дата обращения: 07.12.2012).
16. Социальные сети движут миром // Сайт издания «Экономические известия». URL: <http://markets.eizvestia.com/full/socialnye-seti-dvizhut-mirom> (дата обращения: 25.11.2012).
17. Сумленный С. Слишком опасный «Фейсбук» // Сайт проекта «Эксперт-ON-LINE» – «Русский репортер». URL: <http://expert.ru/expert/2012/23/sliskom-opasnyj-fejsbuk/> (дата обращения: 25.11.2012).
18. Умаров М. 5 способов погасить скандал в социальных сетях // Сайт журнала «Forbes». URL: <http://www.forbes.ru/column/49593-kak-rabotat-s-negativom-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 16.12.2012).
19. Хау Дж. Как заставить людей работать бесплатно // Сайт центра «Digital October». URL: <http://digitaloctober.ru/player/content/29> (дата обращения: 30.08.2012).
20. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты // РСМД «Российский совет по международным делам». URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=862#top (дата обращения: 30.08.2012).
21. Democracy 2.0: Iceland crowdsources new constitution // «ROAR Magazine, or Reflections on a Revolution». URL: <http://roarmag.org/2011/06/iceland-crowdsources-constitution-investors-spain-greece/> (дата обращения: 21.11.2013).
22. Facebook used in hunt for Jo Yeates' killer // BBC News. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-england-bristol-12112077> (дата обращения: 13.05.2013).
23. Facebook is Nr.1 Social Network in 15 of 18 European Markets // ComScore Incorporation. URL: <http://www.comscoredatamine.com/2011/03/facebook-is-nr-1-social-network-in-15-of-18-european-markets/> (дата обращения: 13.05.2013).
24. Ritson M. When it comes to social media, Coke is it! // M. Ritson Marketing Week Mag. URL: <http://www.marketingweek.co.uk/sectors/food-and-drink/soft-drinks/when-it-comes-to-social-media-coke-is-it/3025-201.article> (дата обращения: 20.07.2013).
25. Siddique H. Mob rule: Iceland crowdsources its next constitution // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/world/2011/jun/09/iceland-crowdsourcing-constitution-facebook> (дата обращения: 20.07.2013).
26. Social Networking Reaches Nearly One in Four Around the World (18.06.2013) // Website eMarketer. URL: <http://www.emarketer.com/Article/Social-Networking-Reaches-Nearly-One-Four-Around-World/1009976> (дата обращения: 11.12.2013).
27. Sheffield police use Twitter in crowd control // Government Computing. URL: <http://blue-light.governmentcomputing.com/features/2012/jan/09/sheffield-police-mobile-twitter> (дата обращения: 20.07.2013).
28. Twitter could be used to take 999-style emergencies, fire brigade says // BBC News. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/technology-20754978> (дата обращения: 13.05.2013).

Информация об авторе:

Селезнев Роман Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, Roman3340@mail.ru.

Roman S. Selezenev – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 323(03)

**ГЕРМАНО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ
БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ (2005 – 2014 гг.)**

М. В. Стрелец

**GERMAN-ISRAEL RELATIONS IN THE CONTEXT
OF THE MIDDLE EAST PEACE PROCESS PROBLEMS (2005 – 2014)**

M. V. Streletz

Предметом статьи является тот аспект израильского вектора внешней политики правительств Меркель в ФРГ, который связан с поисками путей мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Базируясь на сравнительно-историческом методе, автор впервые в постсоветской историографии предпринял попытку выявить общее и особенное в подходах Берлина и Тель-Авива к данной проблематике в соответствующий период. Обращение к этой цели исследовательского процесса помогает разобраться в возможностях и границах германо-израильского сотрудничества на предмет ближневосточного мирного урегулирования. Главным результатом данного процесса явился комплексный анализ обсуждения путей мирного урегулирования в указанном регионе на германо-израильских переговорах на высшем и высоком уровнях в 2005 – 2014 гг. Из содержания статьи вытекают следующие выводы: 1) германская ближневосточная политика находится в напряжённом соотношении между исторической ответственностью по отношению к Израилю и заслуживающим доверия отстаиванием двугосударственного решения; 2) за время своего правления Меркель только частично удалось привести в соответствие эти цели. Настоящая статья представляет интерес для учёных-международников, а также для дипломатов, задействованных на германском и израильском направлениях.

The subject of the article is that aspect of the Israeli Merkel government's foreign policy vector in Germany, which is associated with the search for a peaceful settlement in the Middle East. Based on comparative-historical method, the author for the first time in post-Soviet historiography has attempted to identify general and specific in approaches Berlin and Tel-Aviv in the subject matter in the same period. Appeal to this purpose of the research process helps to understand the possibilities and limits of the German-Israel cooperation on the subject of the Middle East peace settlement. The main result of this process was a comprehensive analysis of the discussions for a peaceful settlement in this region on the German- Israel negotiations at the highest levels from 2005 – 2014. The author leads to the following conclusions: 1) German Middle East policy is in a tense relationship between the historical responsibility towards Israel and trustworthy German-Israel settling solutions; 2) during Merkel reign she only partially has managed to align these goals. This article could be interesting for scholars of international affairs, as well as diplomats who are involved on the German-Israel relationships.

Ключевые слова: Германия, дипломатия, Израиль, Меркель, Нетаньяху, Ольмерт, Палестина, урегулирование.

Keywords: Germany, diplomacy, Israel, Merkel, Netanyahu, Olmert, Palestine settlement.

22 ноября 2005 года в Федеративной Республике Германия было сформировано правительство, которое возглавила председатель Христианско-демократического союза (ХДС) Ангела Меркель. В состав правительства вошли федеральные министры, делегированные ХДС, Христианско-социальным союзом (ХСС), Социал-демократической партией Германии (СДПГ). Данное правительство известно как первый кабинет Меркель, как вторая большая коалиция. Целью настоящей статьи является комплексный анализ того аспекта израильского вектора внешней политики этого и последующих кабинетов А. Меркель, который связан с поисками путей мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

На момент формирования второй большой коалиции состояние германо-израильских отношений было таково.

Подчёркивание исторической ответственности Германии по отношению к Израилю и связанная с этим поддержка права Израиля на существование принципиально разделялись всеми федеральными правительствами, независимо от того, какие партии формировали правительства.

После того, как 12 мая 1965 года между ФРГ и Государством Израиль были установлены дипломатические отношения, не было ни одной сферы в двусторонних отношениях, для которой не была бы характерна перманентная позитивная динамика. Правительство ФРГ ставили стратегическое партнёрство с Государством Израиль в качестве одного из внешнеполитических приоритетов, обозначали его как первый по значимости приоритет в своей ближневосточной политике.

Берлин подходил к наиболее чувствительным для Тель-Авива международным проблемам с явной заинтересованностью в наличии «инструмента растущего германского влияния на мировую политику» [4]. Его «опосредованное – через ЕС – участие в урегулировании конфликта между Израилем и Палестиной» [4] строилось с учётом реалий постбиполярного мира. В интерьере этих реалий чётко прослеживался новый миропорядок, в рамках которого ещё при предшественнике Меркель Шрёдере стала обретать реальные очертания «суверенная расстановка акцентов в германской внешней политике» [11, с. 72].

В силу сложившихся обстоятельств те детерминанты, которые относились исключительно к германо-израильским отношениям, не были единственными в совокупности факторов, предопределявших «сохранение активной линии Германии в отношении ближневосточного урегулирования. Наряду с давними и широко развитыми экономическими связями ФРГ со странами этого региона и особыми политическими отношениями с Израилем заинтересованность Берлина в установлении там мира и поддержании стабильности связана среди прочего с его близостью к Европе и исходящими отсюда угрозами международного терроризма, ростом числа нелегальных мигрантов и беженцев, а также необходимостью обеспечения бесперебойных поставок энергоносителей и их диверсификации. (В начале третьего тысячелетия. – М. С.) к этим факторам добавились и внутривнутриполитические проблемы ФРГ, связанные с заметным увеличением мусульманского населения» [4]. Безусловно, комбинация разных по своей природе факторов в процессе формирования указанного направления внешней по-

литики ФРГ имела своим следствием отсутствие полного совпадения позиций Берлина и Тель-Авива по вопросам ближневосточного урегулирования.

Правительственные кабинеты А. Меркель соблюдали и соблюдают преемственность в отношении израильского вектора внешней политики ФРГ. Возглавив высший орган исполнительной власти ФРГ, бундесканцлерин рассматривала генетически связанные с предыдущими кабинетами организационно-правовой, концептуальный, практический аспекты германо-израильских отношений, с одной стороны, как опорные, а с другой стороны, как требующие содержательного приумножения вглубь и вширь. Базис преемственности закладывался в коалиционных договорах, которые предшествовали образованию кабинетов Ангелы Меркель. В этой связи представляет интерес сравнительный анализ данных важнейших документов по части принципиально важных для Израиля позиций. Базовая информация для подобного анализа даётся в таблице 1.

Таблица 1

**Отражение отношения ФРГ к Израилю,
ближневосточному мирному урегулированию в коалиционных договорах**

Позиция	Отражение в коалиционном договоре между ХДС, ХСС и СДПГ от 12 ноября 2005 года	Отражение в коалиционном договоре между ХДС, ХСС и СвДП от 10 ноября 2009 года	Отражение в коалиционном договоре ХДС, ХСС и СДПГ от 27 ноября 2013 года
Уникальность германо-израильских отношений	«Германия по причине своей истории несёт особую ответственность за Израиль» [24, с. 66].	«Мы признаём особую ответственность Германии по отношению к Израилю как еврейскому государству» [33, с. 121].	«Мы признаём особую ответственность Германии по отношению к Израилю как еврейскому и демократическому государству и его безопасности» [23, с. 119]
Право Израиля на существование	«Мы подтверждаем право Израиля на существование» [24, с. 66]		«Право на существование и безопасность Израиля для нас не обсуждается» [23, с. 119].
Двугосударственное решение в ближневосточном мирном процессе	«Мы подтверждаем право Израиля на существование и право его граждан и граждан жить в гарантированных границах свободными от страха, террора и насилия, равно как и право палестинского народа на собственное государство, которое существует бок о бок с Израилем в безопасности и признанных границах» [24, с. 66].	«В ближневосточном мирном процессе мы настойчиво выступаем за двугосударственное решение: за Государство Израиль, которое признаётся всеми соседями и чьи граждане смогут жить в мире и согласии, равно как и за жизнеспособное палестинское государство, граждане которого могли бы сами определить свою судьбу в достоинстве и мире» [33, с. 121].	Наша цель – двугосударственное решение: Государство Израиль в признанных и прочно гарантированных границах, равно как и независимое, демократическое и жизнеспособное палестинское государство, которые живут бок о бок в мире и безопасности» [23, с. 119]

Все формулировки касательно каждой из перечисленных позиций совпадают по существу. Конечно, требуют пояснения два момента.

Первый момент: отсутствие в тексте коалиционного договора от 10 ноября 2009 года выражения «право Израиля на существование». Вместе с тем содержащиеся в нём формулировки по первой и третьей пози-

циям не оставляют абсолютно никаких сомнений в подтверждении германской стороной этого права. Более того, аналитики традиционно отмечают, что бундесканцлерин подписывала второй в своей политической биографии коалиционный договор, имея в своём активе формулировку, которая, во-первых, свидетельствовала о некоторой эволюции в позиции Берлина и, во-вторых, в большей степени удовлетворяла Тель-Авив. В период деятельности первого кабинета Меркель глава высшего органа исполнительной власти ФРГ пошла дальше своих предшественников и в интервью, датированном 2006 годом, разъяснила, что «право Израиля на существование принадлежит к германскому государственному резону» [34]. Это она также подчеркнула в речи перед израильским парламентом (кнессетом) 18 марта 2008 года и дала ясно понять: «Безопасность Израиля для меня как федерального канцлера никогда не станет предметом торга» [26].

Второй момент: во втором и третьем коалиционных договорах в отличие от первого содержится признание Израиля как еврейского государства. Принципиально важно отметить, что о таком признании не шла речь в коалиционных договорах, которые имели непосредственное отношение к предшественникам Ангелы Меркель. Есть все основания связывать данный немаловажный нюанс с её именем. Известно, что впервые признание Израиля как еврейского государства было прописано в Программе принципов ХДС 2007 года, что произошло именно по инициативе бундесканцлерин [21].

Перечисленные моменты свидетельствуют о том, что при бундесканцлерин по сравнению с предшествующим правительством изменилось личное отношение к Израилю. На фоне её социализации в ГДР – и тем самым опыта непризнания Израиля тогдашним восточногерманским государством и его отказом взять на себя ответственность за фашизм и Холокост – Меркель как канцлер ещё более убедительно признала историческую ответственность Германии за борьбу против антисемитизма, за право Израиля на существование и безопасность и тесные отношения с еврейским государством.

Содержательное приумножение по всем направлениям германо-израильских отношений было детерминировано, прежде всего, визитами глав правительств. Для оценки состояния данного аспекта анализируемых отношений в эру Меркель важно применить принцип сравнительно-исторического подхода при обращении к таблице 2.

Настоящая таблица включает данные касательно седьмой – семнадцатой легислатур. Три кабинета Меркель совпадают с шестнадцатой – восемнадцатой легислатурами. Восемнадцатая легислатура стартовала в 2013 году и, естественно, никак не может учитываться в этой таблице. Учёт начинается с седьмой легислатуры, так как именно в 1973 году состоялся первый визит главы правительства. Интересно сравнить семнадцатую и восемнадцатую легислатуры с двумя предыдущими, совпадающими с правлением «красно-зелёной» коалиции, возглавляемой социал-демократом Герхардом Шрёдером. Суммарное соотношение количества визитов – 8:3. Известно, что социал-демократы в 1969 – 1982 и 1998 – 2005 гг., то есть в общей сложности

20 лет, были старшими партнёрами по правительственной коалиции. Если сравнить первые восемь лет эры Меркель с этими годами, то получается соотношение 8:5. В точно таком же соотношении с указанными годами находятся последние восемь лет эры Гельмута Коля, охватывающие отрезок времени от объединения Германии до 1998 года. Канцлер Коль, как и Меркель представлял блок ХДС/ХСС. Судя по содержанию таблицы, все легислатуры в объединённой Германии, совпадавшие с правлением коалиций, возглавляемых лидерами данного блока, отмечены визитами высших руководителей в системе исполнительной власти. При правлении второго кабинета Шрёдера такие визиты не имели место. После того как премьер-министр Государства Израиль Ариэль Шарон нанёс 5 июля 2001 года визит в ФРГ, стороны без малого пять лет не практиковали подобные визиты. Соответствующая практика будет возобновлена только 29 – 30 января 2006 года, когда бундесканцлерин впервые посетит с официальным визитом Государство Израиль.

Таблица 2

Статистические данные о германо-израильских отношениях: визиты глав правительств

<i>Порядковый номер и хронологические рамки легислатуры</i>	<i>Количество визитов глав правительств</i>
7(1972 – 1976)	2
8(1976 – 1980)	–
9(1980 – 1983)	–
10(1983 – 1987)	2
11(1987 – 1990)	–
12(1990 – 1994)	2
13(1994 – 1998)	6
14(1998 – 2002)	3
15(2002 – 2005)	–
16(2005 – 2009)	5
17(2009 – 2013)	3

Примечание: составлена на основании [22].

Сравнивая эру Меркель и эру Шрёдера по интенсивности встреч на высшем уровне в германо-израильских отношениях, важно обратить внимание на степень вовлечённости глав высшего органа исполнительной власти в эти отношения.

В красно-зелёной коалиции образовалось разделение труда, в котором министр иностранных дел Йошка Фишер ведал израильским направлением и ближневосточным мирным процессом, в то время как канцлер Герхард Шрёдер концентрировался на отношениях с другими важными государствами – в расчёте на экономическое содействие и обеспечение сырьём, не в последнюю очередь с государствами Арабско-Персидского залива.

«Йошка Фишер не без основания считается одним из лучших политологов Европы и, пожалуй, наиболее компетентным после Генри Киссинджера посредником в разрешении кризиса на Ближнем Востоке – ему доверяют как израильтяне, так и палестинцы. В 2006 году Фишер даже стал почетным доктором Университета Тель-Авива» [9].

В чёрно-красной коалиции израильский вектор внешней политики вела сама бундесканцлерин, в то время как федеральный министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер скорее всего держался в тени. Правда, в течение шестнадцатой легислатуры глава внешнеполитического ведомства десять раз совершал поездки на Ближний Восток. Однако собственное профилирование министра было обозначено только в связи с войной в секторе Газа на рубеже 2008/2009 гг.

С началом шестнадцатой легислатуры на руководящем уровне этаблировались дружеские отношения между канцлером Меркель и израильским премьер-министром Ольмертом. Последний охарактеризовал Меркель как «необыкновенную женщину, весьма значительного и готового помочь друга Израиля» [31].

Преследуемое первым кабинетом Меркель дальнейшее углубление отношений с Израилем часто приводило к тому, что она заимствовала израильскую позицию, без того чтобы сбалансировать её с германскими интересами или её значением для мирного процесса, без того чтобы прежде договариваться с европейскими коллегами. Напротив, мирный процесс был сдвинут на задний план. В то время как министр иностранных дел Фишер (по крайней мере до середины 2003 года) активно выступал за урегулирование конфликта, канцлер Меркель скорее следовала американской линии. Политические различия обособывались не только личностными различиями, но и изменениями обстановки, в особенности провалом мирного процесса и неоднократными попытками насильственного решения конфликта. После провала усилий по дорожной карте и вывода израильских войск из сектора Газа в августе/сентябре 2005 года Германия и ЕС почти полностью передали США определение установок ближневосточной политики.

Есть основания считать, что имел не только символическое значение тот факт, что Меркель свою первую зарубежную поездку в качестве канцлера совершила в Израиль. Во время этого визита, проходившего 29 – 30 января 2006 года, Меркель почти дословно позаимствовала израильскую правительственную линию по отношению к Хамас, который за несколько дней до этого выиграл палестинские парламентские выборы.

В фокусе внимания официального Берлина оказался и ливано-израильский конфликт. Федеральное правительство пристально следило за ходом тесно связанной с этим конфликтом операции «Литой свинец», которую летом 2006 года осуществляла израильская сторона. Цель операции заключалась в лишении террористической группировки "Хезболлаха", действовавшей на юге Ливана, возможностей для нанесения ущерба безопасности Израиля. К моменту прекращения огня эта группировка, входившая тогда в состав правительства Ливана, выпустила по Израилю три тысячи ракет. Прекращение огня произошло по решению Совбеза ООН, постановившего направить в район конфликта миротворцев, представлявших данную организацию. Миссия UNIFIL должна была установить жёсткий контроль над ливанским побережьем и территориальными водами этого ближневосточного государства с тем, чтобы "Хезболлаха" не имела каналов для получения вооружений и военной техники. Естественно, возник

вопрос о том, какие страны будут представлены в соответствующем контингенте.

«Премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт высказался за участие немецких солдат в составе контингента ООН. В своём интервью «Süddeutsche Zeitung», опубликованном 3 августа 2006 года, он сказал: «Я сообщил канцлеру Ангеле Меркель о том, что мы не видим никакой проблемы в присутствии немецких солдат в южном Ливане. В настоящее время нет другого народа, который бы относился к Израилю более дружелюбно, чем Германия» [6, с. 30].

Кабинет Меркель ответил на израильскую просьбу положительно. Министр иностранных дел ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер отметил: "Заявление Ольмерта – это безусловная демонстрация доверия к нам» [8]. «Касательно участия Германии в контингенте канцлер ... подчеркнула, что не может отправить в Ливан подразделения сухопутных войск "по историческим причинам" [3], но в то же время дала принципиальное согласие на использование для этой цели отечественного военно-морского флота.

"Правительство поддержал парламент. Глава высшего органа исполнительной власти ФРГ определила (данное постановление бундестага – М. С.) как решение "исторического масштаба" [25, с. 595]. Интересам израильской стороны соответствовало также заявление бундесканцлерин о том, что «вклад европейских государств в международный миротворческий контингент в Южном Ливане должен быть значительным» [3].

С октября 2006 года участие бундесмарине в миссии UNIFIL стало наполняться реальным содержанием. Вторая большая коалиция с самого начала чётко и ясно заявила, что германские корабли покинут указанную зону тогда, когда сами ливанцы научатся на необходимом уровне выполнять задачи, возложенные на UNIFIL. С 2006 года бундестаг каждый год продлевал участие Вооружённых Сил Берлинской республики в UNIFIL. В последний год шестнадцатой легислатуры количество германских военнослужащих в составе UNIFIL доходило до 1200. Израильцы особо оценили те начальные полтора года в истории UNIFIL, когда все решения военного характера, относившиеся к данной миссии, определялись в качестве решающей инстанции соотечественниками бундесканцлерин.

Вместе с тем было прервано табу: впервые германские военнослужащие были посланы в непосредственное соседство с Израилем. Это было ещё немислимо при канцлере Шрёдере. В своём правительственном заявлении по ближневосточному урегулированию в 2002 году Шрёдер заявил: «На Ближнем Востоке – это должно быть понятно – вопрос о германском участии в международном компоненте безопасности не стоит на повестке дня [28].

В стремлении улучшить отношения с США после ссоры по поводу иракской войны канцлер особо сильно подчеркнула американскую руководящую роль, а также германскую готовность к поддержке американских инициатив на Ближнем Востоке. После ливанской войны германское правительство совместно с европейскими партнёрами попыталось ещё сильнее убедить администрацию Буша, которая до настоящего времени считала ближневосточное мирное урегулирование одним из главных приоритетов, вновь проявить инициативу с

тем, чтобы конфликтующие стороны сели за стол переговоров. В итоге начались переговоры, которые американский президент инициировал в ноябре 2007 года в Анаполисе. Для этого Германия провела конкретную предварительную работу во время своего председательства в ЕС в первой половине 2007 года. Федеральное правительство добивалось не только совместной позиции ЕС (например, относительно включения Сирии в запланированный новый старт мирного процесса), но и тесного согласования с арабскими странами. При этом цель заключалась в том, чтобы повысить ценность арабских мирных инициатив 2002 года и привлечь к новому началу в мирном процессе. Несомненно, германское председательство в первой половине 2007 года внесло свой существенный вклад в то, что вновь с помощью дипломатии сдвинулся с места израильско-палестинский мирный процесс. Федеральное правительство позитивно оценило декларацию, подписанную в результате работы Международной конференции по мирному урегулированию на Ближнем Востоке, которая проходила 27 ноября 2007 года в городе Анаполисе (США). В качестве подписантов выступили премьер-министр Израиля Э. Ольмерт и глава Палестинской национальной автономии М. Аббас. В декларации было прописано, что между сторонами заработает переговорный процесс, который должен в конечном итоге снять все «но» и «если» по вопросу о палестинском государстве. В своём отношении к анаполисскому процессу первый кабинет Меркель исходил из вышеуказанного коалиционного договора от 12 ноября 2005 года, в котором оценивалось как безальтернативное «мирное решение, которое отвечает интересам всех сторон и создаёт основы для прочного мирного сожительства Израиля и палестинцев в двух суверенных государствах» [24, с. 66].

После перехода власти к Хамас в секторе Газа в 2007 году федеральное правительство поддержала так называемую West-Bank-First-стратегию, которая базировалась на идее о том, чтобы сделать моделью для палестинского населения Западный берег реки Иордан с тем, чтобы оно в секторе Газа отвернулось от Хамас [16].

17 марта 2008 года в Иерусалиме состоялись первые германо-израильские межправительственные консультации, на которых среди прочего обсуждались первые итоги аннаполисского процесса. Конечно, сам факт их проведения свидетельствовал о возникновении качественно нового этапа в двусторонних отношениях. Стороны договорились проводить подобные консультации регулярно. Забегая вперёд, отметим, что ближневосточное мирное урегулирование будет входить в повестку дня всех последующих консультаций (Берлин, 18 января 2010 года; Иерусалим, 31 января 2011 года; Берлин, 6 декабря 2012 года; Иерусалим, 25 февраля 2014 года). На всех консультациях германскую делегацию возглавляла бундесканцлерин. Начиная со вторых межправительственных консультаций, с израильской стороны в таком же качестве выступает Б. Нетаньяху. Последний сменил на премьерском посту Ольмерта, который вместе с Меркель вызвал к жизни указанные консультации.

Во время войны в Газе 2008/2009 гг. глава высшего органа исполнительной власти ФРГ ясно позициониро-

вала себя на стороне Израиля и возлагала исключительную ответственность на Хамас за эскалацию насилия. За это одностороннее позиционирование она критиковалась не только оппозицией, но и партнёром по правительственной коалиции [29]. Одновременно глава внешнеполитического ведомства Штайнмайер предпринял попытку покончить с войной в Газе. Вместе со своим французским коллегой Кушнером он 14 января 2009 года призвал к «гуманитарному перемирию», но одновременно выразил понимание интересов безопасности Израиля [13].

К сожалению, с течением времени произошла девальвация декларации, скреплённой подписями Ольмерта и Аббаса, что с тревогой воспринималось в правящих кругах. Министр иностранных дел Израиля Авигдор Либерман, бывший 7 – 8 мая 2009 года с официальным визитом в ФРГ, попал в непростое положение, сделав следующее заявление в германской столице: «Израиль больше не связан с так называемым Анаполисским мирным процессом» [1]. Реакцию германской стороны на положение, сложившееся в израильско-палестинских отношениях, изложил федеральный министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер. «Штайнмайер высказался ясным текстом. Германия ожидает от израильского правительства – в том числе и от министра иностранных дел Либермана – что строительство новых поселений будет остановлено, будет начат вывод поселенцев с Западного берега и что обязательства Израиля согласно международным соглашениям в Осло и Анаполисе будут выполнены» [1]. Во время визита израильского премьер-министра Нетаньяху в Берлин в августе 2009 года Меркель повторила критику строительства израильских поселений [20].

Второе правительство Меркель, в которое вошли ХДС, ХСС и свободная демократическая партия (СвДП), не отличалось коренным образом от первого по части отношения к Израилю. В консервативно-либеральной коалиции федеральное правительство также выражало дальнейшую поддержку Израилю. Неизменной оставалась и степень вовлечённости госпужи канцлера в израильский вектор внешней политики ФРГ. На этот раз в тени оказался представлявший СвДП глава МИДа Гвидо Вестервелле, который к тому же оказался более слабой фигурой на дипломатическом поприще, чем Ф.-В. Штайнмайер.

В целом согласие между Берлином и Тель-Авивом превалировало. Но одновременно возрастало недоверие федерального правительства к израильской политике. Наряду с несоразмерным применением силы, использованием германских паспортов при убийстве видного деятеля Хамас Махмуда Мабху в Дубае в январе 2010 года свой вклад в это внесли расистские высказывания членов израильского кабинета, в особенности, главы МИДа Либермана [25, с. 614 – 615]. Это также прослеживалось в том, что Меркель в марте 2010 года и во время третьих германо-израильских межправительственных консультаций с непривычной остротой критиковала строительство поселений на Западном берегу реки Иордан и в Восточном Иерусалиме и характеризовала его как «препятствие для мира» [25, с. 617; 18].

Произошли очевидные изменения в германской оценке израильских военных операций. Право на изра-

ильскую самооборону для Меркель стояло однозначно на переднем плане при обсуждении ливанской войны 2006 года и войны в Газе 2008/2009 гг. [25, с. 508]. В противоположность к этому федеральное правительство гораздо более критично позиционировало себя по отношению к израильской операции против флотилии свободы, направлявшейся на помощь Газе в мае 2010 года. Официальный представитель федерального правительства Ульрих Вильгельм выразил сомнение в том, что выдержан принцип пропорциональности и заявил: «Федеральное правительство озадачено военной акцией и глубоко сожалеет о потере человеческих жизней» [17]. Равным образом примечательно, что Германия в феврале 2011 года голосовала в Совете Безопасности за проект резолюции, который осуждал строительство поселений. На заседании Совбеза представитель Великобритании в ООН заявил от имени Великобритании, Франции, Германии, что поселения «незаконны по международному праву, являются препятствием к миру и представляют угрозу для существования двух государств» [32]. В последовавшем затем телефонном разговоре между Меркель и Нетаньяху последний выразил своё разочарование поведением Германии при голосовании в Совбезе. Меркель на это возразила, что та информация, которой она располагает, даёт основание для разочарования, так как Нетаньяху ничего не сделал, чтобы двинуть вперёд мирный процесс [15].

Конечно, «правительство ФРГ (по-прежнему — М. С.)» придерживалось позиции безальтернативности переговорного процесса в отношении урегулирования палестино-израильского конфликта, выступая против попыток односторонних действий, предвосхищающих решение вопросов по «окончательному статусу». Руководствуясь этой логикой, Берлин не поддержал планы администрации М. Аббаса добиться повышения статуса Палестины в ООН. Так, Германия воздержалась в ходе состоявшегося 29 ноября 2012 года голосования в Генеральной Ассамблее ООН по резолюции о предоставлении Палестине статуса государства-наблюдателя при ООН, не являющегося ее членом, оказавшись в меньшинстве не только среди членов Организации, но и стран ЕС. Заявку палестинцев поддержали 138 государств (Россия — в их числе) из 188 принявших участие в голосовании, 41 страна воздержалась, девять проголосовали «против» [4]. На решение израильского правительства в начале октября 2011 года о разрыве строительства 1000 квартир в Восточном Иерусалиме Меркель, согласно сообщениям СМИ, реагировала «озлобленно» [25, с. 627]. Израильские официальные лица свидетельствовали, что Меркель не верила ни одному слову Нетаньяху. Бундесканцлерин показала себя особо раздосадованной выбором момента со стороны Тель-Авива, так как она до этого высказалась против палестинского членства в ООН и отныне возвращение за стол переговоров представлялось ещё более сложным. Израильская еженедельная газета «Гааретц» увидела в этой полемике «беспримерный дипломатический кризис» в двусторонних отношениях [14]. К тому же в начале ноября 2011 года Германия голосовала против принятия Палестины в ЮНЕСКО. Хотя этот шаг вызвал неодобрение оппозиции, он находился в соответствии с германским позиционированием на

предмет ооновской инициативы Палестины [4]. Израиль реагировал на приём Палестины в ЮНЕСКО решением о строительстве 2 000 квартир в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу реки Иордан. Этот шаг был встречен федеральным правительством необычно острой критикой. Официальный представитель федерального правительства Зайберт говорил о «вызывающем озабоченность развитии» и чётко заявил: «Поселенческая активность на оккупированных территориях противоречит международному праву» и препятствовала бы двугосударственному решению [19]. В Тель-Авиве были явно недовольны тем, что «вслед за партнерами из ряда стран ЕС, прежде всего Францией и Великобританией, правительство ФРГ приняло решение о повышении с 1 января 2012 года статуса генеральной делегации Палестины в Берлине до уровня «палестинской дипломатической миссии», в результате чего глава представительства ПНА стал официально именоваться послом. В понимании немцев этот «жест доброй воли» призван послужить стимулом для палестино-израильского переговорного процесса» [4].

Заметим, что в ходе своей первой зарубежной поездки в Израиль в мае 2012 года привлёк большое внимание федеральный президент Гаук. Он релятивировал следующую формулировку бундесканцлерин: право Израиля на существование — часть германского государственного резона. Правда, он дал понять, что поддержка права Израиля на существование является определяющей для германской политики. Одновременно он подчеркнул касательно возможного военного столкновения между Израилем и Ираном, что выражение бундесканцлерин «государственный резон» могло бы привести к «чрезмерным затруднениям» [30].

«После межправительственных консультаций в 2012 году Ангела Меркель с разочарованием заявила в присутствии Нетаньяху: "Следует избегать односторонних действий. Это ведет к тому, что в вопросе о поселениях мы договорились о том, что договориться не удалось" [5].

То, что несмотря на эти примеры между обеими странами и далее сохранялись весьма тесные отношения, прежде всего, свидетельствовали поставки германских подводных лодок класса «Дольфин» Израилю. В семнадцатую легислатуру их число дошло до 6. Бундесканцлерин увязала согласие с поставкой шестой подводной лодки с уступками в мирном процессе. Ежедневная газета «Ди вельт» увидела в этом «радикальное изменение курса в германской внешней политике», так как впервые вопросы безопасности были увязаны с политическими требованиями [27]. В этом пункте всё же не имело место встречное движение израильской стороны. Тем не менее в марте 2012 года германское и израильское правительства подписали официальный договор о шестой подлодке, Германия взяла на себя треть расходов, 135 млн [25, с. 647].

Благосклонное отношение Берлина к поставкам подводных лодок в Израиль с израильской точки зрения означает существенно больший вклад в право Израиля на существование, чем дипломатические демонстрации.

«Дизель-электрические подводные лодки, типа "Дольфин", построенные в Германии, считающиеся по своим мореходным и боевым свойствам лучшими в

мире среди подлодок этого класса, образуют морскую составляющую израильской ядерной триады.

Каждая из них оснащена восемью торпедными аппаратами с диаметром пусковой трубы 650 мм. Это позволяет использовать их для запуска крылатых ракет типа "Габриэль-3". Они могут быть оснащены ядерными боеголовками, стартуют из-под воды и способны обрушить свой боезаряд на цели, удаленные на 1800 км.

При радиусе автономного плавания подлодок класса "Дольфин" (до 8000 миль) и дальности полета крылатых ракет, которыми они оснащены, эти субмарины стали мощнейшим стратегическим оружием Израиля.

С вводом в строй этих подводных лодок на планете не осталось враждебных Израилю стран, которые были бы недостижимы для его ядерного оружия» [12].

С 17 декабря 2013 года израильская сторона имеет дело с третьим кабинетом Меркель, в который входят те же партии, которые формировали её первый кабинет. Штайнмайер вновь возглавил МИД. Между ним и бундесканцлерин сохранилось то же разделение труда в области германо-израильских отношений, что и во второй большой коалиции. Между Берлином и Тель-Авивом сохраняются те же точки соприкосновения и те же разногласия.

24 – 25 февраля 2014 года состоялась первая в восемнадцатой легислатуре встреча на высшем уровне. Глава высшего органа исполнительной власти ФРГ посетила с официальным визитом Государство Израиль. Главная часть содержательной стороны визита была такова: проведение пятых межправительственных консультаций.

«Нетанияху рассказал Меркель о проблемах, возникших в ходе переговоров с палестинцами. В частно-

сти, глава израильского правительства объяснил, почему он настаивает на признании "еврейского характера Израиля" и считает это требование одним из главных условий будущего соглашения» [7].

«Ангела Меркель поддержала усилия США, выступающих посредниками в израильско-палестинском мирном процессе. В ходе состоявшейся во вторник пресс-конференции она заявила, что единственным способом разрешить конфликт в регионе может стать концепция «двух независимых государств» – Израиля и Палестины. Канцлер выразила «серьезную озабоченность» в связи с продолжающимся строительством в израильских поселениях, расположенных на спорных территориях. Вместе с тем она отметила, что Германия категорически не поддерживает идею бойкота Израиля, с призывом к которому выступают многие европейские организации. «Если и есть что-то, что может остановить ближневосточный мирный процесс, то это бойкот против Израиля», – заявил на это Биньямин Нетанияху» [9].

«Нетанияху, не признающий критику ЕС и Германии в отношении новых еврейских поселений на западном берегу реки Иордан, заявил, что критика правительства Меркель может быть принята как «разница во взглядах, имеющаяся у друзей» [2].

Таким образом, современная германская ближневосточная политика находится в напряжённом соотношении между исторической ответственностью по отношению к Израилю и заслуживающим доверия отстаиванием двугосударственного решения. За время своего правления Меркель только частично удалось привести в соответствие эти цели.

Литература

1. Берг И. С. Развитие отношений Германии и Израиля. URL: www.rondon.org/polit-090512104200 (дата обращения: 31.01. 2014).
2. Канцлер Германии Ангела Меркель сегодня направляется в Израиль. URL: www.trtrussian.com/ru/newsDetail.aspx?HaberKodu=e4af2a33-90a4... (дата обращения: 24.02. 2014).
3. Канцлер Германии надеется на активное участие европейцев в миротворческой миссии в Ливане. URL: <http://newsru.co.il/world/20aug2006/germania.html> (дата обращения: 24.02. 2014).
4. Кику Д. ФРГ – активный игрок на площадке Совета Безопасности ООН. URL: <http://interafairs.ru/read.php?item=9099> (дата обращения: 28.02. 2014).
5. Маркс Б., Варкентин А. Германия и Израиль: сложная дружба. URL: <http://www.dw.de/германия-и-израиль-сложная-дружба/a-17454102> (дата обращения: 24.02.2014).
6. Меркель А. Википедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Меркель,_Анге... (дата обращения: 24.02.2014).
7. Меркель прибыла в Израиль с "молниеносным" визитом. URL: Источник: 9tv.co.il. (дата обращения: 24.02. 2014).
8. Министр ФРГ: рано говорить об участии Германии в миротворческой... URL: polit.nn.ru/?id=61879&pt=news&view=... (дата обращения: 07.03. 2014).
9. Павлов А. Йошка Фишер – последний рок-н-ролльщик немецкой политики. URL: <http://germania-online.ru/politika/politika-detal/datum/2013/04/12/ioshka-fisher-poslednii-rok-n-rollshchik-nemeckoi-politik.html> (дата обращения: 31.01. 2014).
10. Россоховатская Д. А. Меркель выступила против бойкота Израиля. URL: <http://www.jewish.ru/israel/hot/2014/02/news994323342.php> (дата обращения: 26.02. 2014).
11. Шёльген Г. Германия в мире // Германия. Факты. Франкфурт-на-Майне: Societaets-Verlag, 2010. С. 72.
12. Штейнберг М. Израильская атомная бомба – *миф или реальность*. URL: <http://www.sem40.ru/warandpeace/military/ourweapon/13309/> (дата обращения: 31.01. 2014).
13. Auswärtiges Amt (2009): Gemeinsame Erklärung des Bundesaußenministers Frank-Walter Steinmeier und des französischen Außenministers Bernard Kouchner zur Lage in Gaza. 2009. Mode of access: <http://www.auswaertigesamt.de/diplo/de/Infoservice/Presse/Meldungen/2009/090115-BM-FRA-Gaza.html> (Date of access: 08.02.2014).

14. Ravid B. Israel and Germany in unprecedented diplomatic crisis over Jerusalem construction // Haaretz. 10.2.2011. 2011. Mode of access: <http://www.haaretz.com/print-edition/news/israel-and-ger-many-in-unprecedented-diplomatic-crisis-over-jerusalem-construction-1.387572> (Date of access: 11.02.2014).
15. Barak R. (2011): „Merkel chides Netanyahu for failing to make ‘a single step to advance peace’“ // Haaretz, 25.02.2011. 2011. Mode of access: www.haaretz.com/print-edition/news/merkel-chides-netanyahu-for-failing-to-make-a-single-step-to-advance-peace-1.345539 (Date of access: 11.02.2014).
16. Brom Shlomo 2007: „Making the West Bank a Model“ //Bitterlemons.org 18, 21.05.2007. 2014. Mode of access: www.geneva-accord.org/mainmenu/making-the-west-bank-a-model?Itemid=0 (Date of access: 01.02.2014).
17. Bundesregierung (2010): Bestürzung über israelischen Marineeinsatz gegen Gaza-Hilfskonvoi, 31.05.2010. 2010. Mode of access: http://www.bundesregierung.de/nn_1272/Content/DE/Artikel/2010/05/2010-05-31-marineeinsatz-gaza.html (Date of access: 03.02.2014).
18. Bundesregierung (2011): „Pressekonferenz Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Netanyahu“, Jerusalem, 31.03.2011. 2011. Mode of access: www.bundestkanzlerin.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/-2011/01/2011-01-31-deutsch-israelische-regkonsultationen.html (Date of access: 05.02.2014).
19. Bundesregierung (2011): „Verhandlungen in den Mittelpunkt stellen“, Presseerklärung, 2.11.2011. 2011. Mode of access: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2011/11/2011-11-02-bundesregierung-israel-siedlungsbau.html> (Date of access: 21.02.2014).
20. Bundesregierung (2009): „Weg zu einer friedlichen Zukunft“, Presseerklärung, 27.08.2009. 2009. Mode of access: <http://archiv.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2009/08/2009-08-27-merkel-netanjahu.Html> (Date of access: 04.02.2014).
21. CDU (2007): Freiheit und Sicherheit. Grundsätze für Deutschland. Grundsatzprogramm. 2007. Mode of access: <http://www.cdu.de/doc/pdf/071203-beschluss-grundsatzprogramm-6-navigierbar.pdf> (Date of access: 01.02.2014).
22. Deutsch-israelische Beziehungen. 2014. Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/Israel/Bilateral_node.html (Date of access: 01.03.2014).
23. Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD für die 18. Periode des deutschen Bundestages. 27. November 2013. Berlin, 2013. 134 S.
24. Gemeinsam für Deutschland. Mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD für die 16. Periode des deutschen Bundestages. 18. November 2005. Berlin, 2005. 116 S.
25. Küsters, Hanns Jürgen (Hg.): Deutsch-israelische Beziehungen 1965 – 2012. Bonn: Bouvier Verlag, 2012. 710 s.
26. Merkel Angela (2008): Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel vor der Knesset, 18.03.2008. 2014. Mode of access: http://www.bundestkanzlerin.de/nn_700276/Content/DE/Archiv16/Rede/2008/03/2008-03-18-rede-merkel-vor-der-knesset.html (Date of access: 01.02.2014).
27. Robin Alexander (2011): „So lief Kanzlerin Merkels U-Boot-Deal mit Israel.“ / Wergin, Clemens // Welt Online. 4.12.2011. 2011. Mode of access: <http://www.welt.de/politik/ausland/article13749068/So-lief-Kanzlerin-Merkels-U-Boot-Deal-mit-Israel.html> (Date of access: 28.02.2014).
28. Schröder, Gerhard (2002): Regierungserklärung von Bundeskanzler Schröder zur Lage im Nahen Osten vom 25.4.2002 / Gerhard Schröder. 2002. Mode of access: <http://archiv.bundesregierung.de/bpaexport/regierungserklaerung/77/> (Date of access: 18.02.2014).
29. Severin Weiland (2008): „Merkels Schuldzuweisung provoziert Kritik“ // Spiegel Online, 30.12.2008. 2014. Mode of access: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,598901,00.html> (Date of access: 01.02.2014).
30. Sturm Daniel Friedrich (2012): „Gauck rückt von Merkels Staatsräson-Formel ab“ Daniel Friedrich Sturm // "Welt" Online. 29.5.2012. 2012. Mode of access: <http://www.welt.de/politik/ausland/article106389740/Gauck-rueckt-von-Merkels-Staatsraeson-Formel-ab.html> (Date of access: 07.02.2014).
31. Süddeutsche Zeitung (2006): „Niemand kann uns stoppen“, Interview mit Ehud Olmert. 3.08.2006. 2006. Mode of access: <http://www.sueddeutsche.de/politik/israels-premier-niemand-kann-uns-stoppen-1.739376> (Date of access: 26.02.2014).
32. Vereinte Nationen (2011): 6484th meeting of the Security Council, S/PV.6484, 18/02/2011. 2014. Mode of access: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N11/238/45/PDF/N1123845.pdf?OpenElement> (Date of access: 01.02.2014).
33. Wachstum. Bildung. Zusammenhalt. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und FDP. 17. Legislaturperiode. Berlin, 2009. 132 S.
34. Welt am Sonntag (2006): „Wir können uns nicht heraushalten.“ Interview mit Angela Merkel, 20.08.2006. 2014. Mode of access: <http://archiv.bundesregierung.de/Content/DE/Archiv16/Interview/2006/08/2006-08-20-bkin-interview-wams.html> (Date of access: 01.02.2014).

Информация об авторе:

Стрелец Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета, mstrelez@mail.ru.

Mikhail V. Strelets – Doctor of History, Professor, Professor in the Department of Social and Political Sciences and History, Brest State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ПОЛИТИКА АЛЬЯНСА В СУЭЦКОМ КРИЗИСЕ 1956 ГОДА

Т. Фрайбергер

ALLIANZPOLITIK IN DER SUEZKRISE 1956

T. Freiberger

В статье анализируется проблема кризиса НАТО в ходе Суэцкого кризиса 1956 г. (военные действия Великобритании, Франции и Израиля против усиления роли Египта в зоне Суэцкого канала и угрозы контроля со стороны Египта над поставками нефти в Западную Европу).

Автор рассматривает позицию в конфликте ведущих стран НАТО – Великобритании, Франции и США, обстоятельства вовлечения в войну Израиля, а также влияние позиции Советского Союза, Варшавского пакта и возможности применения атомного оружия.

Особое внимание обращено на дезинтеграционную опасность внутри НАТО. Автор выявляет причины негативного отношения США к военной операции на Ближнем Востоке и их отказа от вступления в региональный альянс под британским руководством («Багдатский пакт»). Позиция США в Суэцком кризисе определялась боязнью, что в результате войны Ближний Восток будет охвачен антизападными протестами, дестабилизируется и окажется в руках Советского Союза. Вашингтон предлагал мирное разрешение конфликта, а Лондон и Париж стремились вовлечь США в интервенцию. Соединённым Штатам удалось добиться, чтобы НАТО как институт вплоть до высшей точки кризиса не играл какой-либо значимой роли. «Диалог глухонемых» во время кризиса вылился во время войны в тяжёлую размолвку между Соединёнными Штатами, с одной стороны, и Великобританией и Францией – с другой стороны. Президент Эйзенхауэр невольно поставил НАТО на грань распада. Однако всё это проходило за кулисами, и общественность не заметила, что во время Суэцкого кризиса НАТО пережила один из тяжелейших кризисов времён холодной войны.

The problem of NATO's crisis during the Suez crisis in 1956 (military intervention of Britain, France and Israel to prevent the strengthening of Egypt in the Suez Canal zone) is analyzed in the paper.

The author examines the position of the leading NATO countries – Britain, France and the USA – in the conflict, circumstances of involvement of Israel in the war, influence of the Soviet Union's position and the Warsaw pact, and the possibility of using of nuclear weapons.

Special attention is paid to the danger of disintegration within NATO. The author ascertains reasons for the negative attitude of the USA to the military operation in the Middle East and their refusal to join the regional alliance under British leadership («the Baghdad Pact»). The USA position in the Suez crisis was conditioned by fear that as a result of the war the Middle East will be engulfed by anti-Western protests and it'll be in the hands of the Soviet Union. Washington offered a peaceful resolution of the conflict, and London and Paris sought to involve the USA in this intervention. The United States were able to ensure that NATO had not played any significant role up to the highest point of the crisis. «Dialogue of deaf-mutes» during the crisis escalated in heavy quarrel between the United States, Britain and France during the war. President Eisenhower had unwittingly set NATO on the brink of collapse. However, all this was passing behind the scenes, and the public did not notice that during the Suez crisis, NATO experienced one of the worst crises of the Cold War.

Ключевые слова: Суэцкий кризис 1956 года, НАТО, Великобритания, Франция, США, Израиль, Советский Союз, военный конфликт, Ближний Восток, Эйзенхауэр, Иден, Ги Молле, Бен-Гурион, кризис в НАТО

Keywords: 1956 Suez crisis, NATO, Britain, France, the United States, Israel, the Soviet Union, military conflict, Middle East, Eisenhower, Eden and Guy Mollet, Ben-Gurion, NATO crisis.

Am 26. Juli 1956 verstaatlichte der ägyptische Staatspräsident Gamal Abdel Nasser den Suezkanal und löste damit eine der schwersten internationalen Krisen in den 1950er Jahren aus. Jener Coup war eine direkte Antwort Nassers auf die Verweigerung des anglo-amerikanischen Kredits für den Bau des Assuanstaudammes am 19. Juli 1956. Dieser Akt markierte in den Augen der Kolonialmächte England und Frankreich den Endpunkt einer Entwicklung, die mit dem Aufstieg Nassers im Jahr 1952 begonnen und sich zunehmend bedrohlicher entwickelt hatte. Nachdem es Nasser im Jahr 1955 gelungen war von Moskau – über tschechische Schleichwege – Waffen zu beziehen, geriet der ägyptische Oberst unter Verdacht, in das sowjetische Lager abzudriften und damit zum trojanischen Pferd der Sowjetunion im Nahen Osten

zu werden, zudem drohte die ägyptische Aufrüstung das prekäre strategische Gleichgewicht zwischen Israel und den arabischen Staaten zu gefährden. Die Verstaatlichung des Suezkanals, dessen Betreibergesellschaft zum Großteil im Besitz der englischen und französischen Regierung war, brachte das Fass schließlich zum überlaufen. Vor allem war nun die lebenswichtige Ölversorgung Westeuropas durch den Suezkanal vollkommen vom guten Willen Nassers abhängig.

In der Folge des ägyptischen *fait accompli* fanden im August und September nach amerikanischen Vermittlungsbemühungen zwei internationale Konferenzen in London statt, die eine Internationalisierung der Betreibergesellschaft zum Ziel hatten. Diese diplomatischen Initiativen scheiterten jedoch. Nach dem Fehlschlagen dieser

Konferenzen entschlossen sich Großbritannien und Frankreich am 14. Oktober zur Durchführung eines konzertierten Militärschlags mit israelischer Beteiligung gegen Ägypten. Ziel der Intervention war ein Regimewechsel in Ägypten und die Besetzung der Kanalzone. Dementsprechend legten Israelis, Briten und Franzosen zwischen dem 22. und 25. Oktober im französischen Sévres den militärischen Ablauf der Strafaktion in einem Geheimabkommen fest. Am 29. Oktober drangen israelische Streitkräfte über den Sinai bis zur Kanalzone vor und lieferten damit den regionalen Ordnungsmächten England und Frankreich – wie abgesprochen – den Vorwand für eine militärische Intervention. Nach Ablauf eines unannehmbaren Ultimatums der beiden Westmächte, begannen französische und englische Streitkräfte mit der Bombardierung ägyptischer Luftwaffenstützpunkte. Wenige Tage später begann die Besetzung des Hafens von Port Said und der Kanalzone.

Das Komplott des „alten Europas“ trug jedoch in mehrfacher Hinsicht den Keim des Scheiterns bereits von Anfang an in sich. Paris und London hatten die amerikanische Regierung nicht nur nicht informiert, sondern auch noch bewusst hintergangen, obwohl der im Wahlkampf befindliche amerikanische Präsident mehrfach im Verlauf der Krise den Einsatz von Gewalt abgelehnt hatte. Im Einklang mit einer aufgebrachten Weltöffentlichkeit und dem Kreml bezog Washington in den Vereinten Nationen Stellung gegen Frankreich und Großbritannien. Zusätzlich übte Eisenhower massiven ökonomischen Druck auf England aus, womit er schließlich den demütigenden Rückzug der Kriegskoalition Anfang Dezember erzwang. Weniger ausschlaggebend dürfte hingegen die spektakuläre sowjetische Drohung vom 6. November gewesen sein, wonach der Kreml den Einsatz von Atomwaffen androhte, falls London und Paris ihre militärische Operation nicht einstellen würden. Diese unglückliche Konstellation blieb nicht ohne Folgen, wenn auch die Regierungen in Frankreich und England recht unterschiedliche Schlüsse aus dem Suez-Debakel zogen. London reagierte in der Folge mit einer entschiedenen Hinwendung zu den Vereinigten Staaten. Einem ungeschriebenen Gesetz gleich, beschloss man, sich nie wieder in einer Krisensituation gegen seinen großen Bruder zu stellen. An der Seine entschloss man sich einen französischen Eigenweg zu gehen. Den Rahmen dieser künftigen Politik bildete die Schaffung einer unabhängigen eigenen nuklearen Streitmacht und die Förderung eines geeinten Europas – möglichst unter französischer Führung. Die Vereinigten Staaten schlüpfen in der Folge der Suezkrise schneller als erwartet in die Rolle der regionalen Ordnungsmacht, da sie das britische Machtvakuum füllen mussten. Während die Suezkrise an sich gut erforscht ist, sind die bündnispolitischen Auswirkungen der Krise auf die NATO hingegen kaum erforscht. Daher steht nachfolgend die bündnispolitische Dimension der Suezkrise im Zentrum der Betrachtung [1, Zum Forschungsstand siehe ebd., s. 15 – 27].

Allianzpolitik vor der Suezkrise [2, s. 45 – 237]

„Die Welt ist eine Bühne, doch das Stück ist schlecht besetzt“ [3, s. 21]. Diese Feststellung Oscar Wildes trifft auf die amerikanischen und britischen Entscheidungsträger in der Suezkrise nicht zu. Im Gegenteil, Dwight D. Eisenhower, John Foster Dulles, Anthony Eden und Harold Macmillan verfügten über ein ungewöhnlich hohes

Maß an weltpolitischer Erfahrung, als die Suezkrise ausbrach. Hinzu kam, dass sich diese Männer alle aus der engen Zusammenarbeit im Zweiten Weltkrieg kannten und miteinander befreundet waren. Dennoch kam es im Oktober und November 1956 zum bündnispolitischen Zerwürfnis. Die Ursachen dieses Zerwürfnisses sind in unterschiedlichen bündnispolitischen Vorstellungen und Interessenlagen zu suchen, die sich bereits im Vorfeld der Suezkrise erkennen lassen.

Sowohl bei Präsident Eisenhower als auch bei Außenminister Dulles nahmen bündnispolitische Erwägungen einen hohen Rang in ihrem sicherheitspolitischen Denken ein. Für sie besaß das transatlantische Bündnis einen Eigenwert, der unter bestimmten Bedingungen sämtliche nationale Interessen überwog. Für Eisenhower war die NATO „the last remaining chance for the survival of Western civilization“ [4, s. 1396]. Er war der festen Überzeugung, dass die westliche Welt nur dann eine Überlebenschance im weltpolitischen Konflikt mit der Sowjetunion haben werde, wenn es der NATO, als dem entscheidenden transatlantischen Bindeglied nach Europa, gelingen würde, zusammenzustehen. Dies war vor allem deswegen notwendig, weil Eisenhower bereits früh begriff, dass die Herausforderung durch die Sowjetunion die USA und die westlichen Staaten in einen langwierigen und militärisch kostenintensiven weltpolitischen Konkurrenzkampf zwingen würde. Um in diesem Wettstreit langfristig bestehen zu können, war eine kluge militärische Lastenteilung unumgänglich, wollte man die ökonomischen und ideellen Grundlagen der freien westlichen Welt nicht gefährden. Eisenhower konnte dabei bündnispolitisch auf Erfahrungen zurückgreifen, die er als Oberbefehlshaber der alliierten Streitmacht im Zweiten Weltkrieg und als erster NATO-Oberbefehlshaber gesammelt hatte.

Auch John Foster Dulles war der festen Überzeugung, dass die USA im Kampf gegen die Sowjetunion dringend auf Verbündete angewiesen seien. Dulles kam jedoch aus eher pessimistischen Gründen zu dieser Schlussfolgerung, denn er sah den Westen gegenüber der Sowjetunion in der Defensive, aus der man nur zusammen mit den Bündnispartnern herauskommen könne. Eisenhower schätzte die Lage dagegen optimistisch ein und wähnte den Westen in der weltpolitischen Offensive, solange es gelänge, das Bündnis zusammenzuhalten und eine ökonomische Überbürdung der Wirtschaft durch Rüstungsausgaben zu verhindern. Beide waren sich jedoch einig, dass die amerikanische Überlegenheit im Bereich der Nuklearwaffen ein Vorteil für den Westen sei. Entsprechend dieser Vorüberlegungen gestaltete sich schließlich auch die amerikanische Eindämmungspolitik unter der Ägide Eisenhowers.

Die amerikanische Containment-Politik sollte den USA langfristigen Schutz vor einem Angriff der Sowjetunion bieten und zugleich die wirtschaftlichen und gesellschaftlichen Fundamente des „American way of life“ schützen. Aus diesem Grund neigte Eisenhower zu einer fiskalisch konservativen Wirtschafts- und Rüstungspolitik, die zu einer Betonung der vermeintlich kostengünstigeren nuklearen Abschreckung führte. Damit einhergehend sollten die kostenintensiven konventionellen Streitkräfte reduziert werden. Diese Akzentverschiebung in der amerikanischen Eindämmungspolitik firmierte schließlich unter dem Namen „New Look“. Da die Verteidigungsstra-

ategie der NATO in größter Abhängigkeit von der militärisch omnipotenten Führungsmacht des Bündnisses war, hatte jede Veränderung der amerikanischen Eindämmungspolitik automatische Auswirkungen auf die Bündnisstrategie. So war es auch im Falle des „New Look“, der nun eine klare Lastenteilung im Bündnis vorsah. Die europäischen Alliierten sollten den konventionellen Schild der NATO bereithalten, während die USA die Schärfung des nuklearen Schwertes übernahmen. Im Verteidigungsfall sollten die europäischen Streitkräfte den sowjetischen Vormarsch soweit östlich wie möglich zum Stehen bringen, damit die USA umgehend mit massiven nuklearen Vergeltungsschlägen eingreifen können. Die amerikanische Eindämmungspolitik und die NATO-Verteidigungsstrategie beruhten also in der Ära Eisenhower auf dem Konzept der massiven nuklearen Vergeltung. Diese Strategie war im Kern eine Kriegsvermeidungsstrategie, da sie dem Gegner bei jeglichem Angriff einen erbarmungslosen Vernichtungskrieg in Aussicht stellte.

Das Konzept der massiven Vergeltung führte jedoch zu bündnispolitischen Differenzen zwischen Eisenhower und Dulles. In diesem Fall zeigt sich, dass Eisenhower mit Blick auf die Nuklearstrategie des Bündnisses der größere strategische Denker war, während Dulles aufgrund seines täglichen Umgangs mit den Alliierten ein größeres Feingefühl für deren Ängste und Sorgen besaß. Eisenhowers Strategie der massiven Vergeltung war ebenso brutal wie subtil. Eisenhower hatte früh erkannt, dass es bei einem direkten Waffengang zwischen den Streitkräften der NATO und des Warschauer Paktes unmöglich sein würde, diesen Konflikt auf sichere Art und Weise konventionell zu begrenzen. Da auf dem Schlachtfeld grundsätzlich ein Element der Unberechenbarkeit vorherrsche, könne man nie ausschließen, dass eine Seite doch Nuklearwaffen einsetze, zumal wenn der Gegner mit dem Rücken an der Wand stehe. Daher kam Eisenhower zu dem Ergebnis, dass es im nuklearen Zeitalter zwischen der Sowjetunion und den USA nur noch um die Kriegsvermeidung gehen könne, da die Verfechter der Möglichkeit eines konventionell begrenzten Krieges zwischen den beiden Armeen der Supermächte einer tödlichen Illusion anhängen würden. Folglich, so Eisenhower, müsse jeglicher Konflikt zwischen den USA und der Sowjetunion von Anfang an nuklear eskaliert werden.

Mit der intellektuellen Durchdringung dieser brutalen, aber doch logischen Schlussfolgerung taten sich Dulles und so mancher europäische Verbündete schwer. Sowohl Dulles als auch einige Bündnispartner trieb die Sorge um, dass man sich damit auf eine gefährliche Strategie des Alles oder Nichts stütze, die im schlimmsten Fall bei einem konventionellen Angriff des Warschauer Paktes nur die Wahl zwischen der Kapitulation und der nuklearen Vernichtung lasse. Sie erkannten nicht, dass es angesichts der konventionellen Überlegenheit des Warschauer Paktes keine Alternative zu dieser Strategie gab. Dennoch sollte dieser Punkt die strategische Debatte innerhalb der NATO vor, während und nach der Suezkrise dominieren.

John Foster Dulles sah in dieser Angst der Europäer vor einem nuklearen Vernichtungskrieg auf eigenem Territorium durchweg die stärkste desintegrierende Kraft innerhalb des Bündnisses. Auch mit Blick auf die „big three“ im transatlantischen Bündnis machte er im Vorfeld der Suezkrise zahlreiche Erosionserscheinungen ausfin-

dig. Großbritannien und Frankreich befanden sich nach Dulles' Meinung im weltpolitischen Abstieg. Die Zusammenarbeit mit Großbritannien wurde durch regionale Interessengegensätze und unterschiedliche Bedrohungswahrnehmungen im Fernen und Nahen Osten erschwert. Noch größere Sorge bereitete dem Außenminister jedoch die politische Instabilität der Vierten Republik im Zusammenspiel mit den kolonialpolitisch bedingten Problemen in Indochina und Nordafrika. In den Augen des Außenministers gehörte Frankreich daher bereits seit der Niederlage im Indochinakrieg im Jahr 1954 de facto nicht mehr zu den „big three“. Einzig Großbritannien sei noch in der Lage, Führungsaufgaben im Bündnis zu übernehmen. Insgesamt zeigen diese Überlegungen, dass das transatlantische Bündnis in den Köpfen von Eisenhower und Dulles einen Eigenwert besaß. Entsprechend hoch war der Aufwand an gesamtsystemischem Denken, den man in Washington auf die NATO verwandte.

Auf britischer Seite war das gesamtsystemische Denken in der Bündnispolitik nicht stark ausgeprägt. Das hatte im Wesentlichen damit zu tun, dass vor allem Anthony Eden und Harold Macmillan die NATO ganz nüchtern als Instrument zur Durchsetzung britischer Interessen begriffen. Die transatlantische Allianz besaß also keinen Eigenwert in ihrem Denken. Primär ging es darum, nach dem Zweiten Weltkrieg die eigene Weltmachtstellung und das Empire zu bewahren. Aufgrund der eklatanten Schwäche Großbritanniens nach dem Krieg zeigten Churchill, Eden und Macmillan daher nur an einem Bündnismitglied der NATO verstärktes Interesse: den USA. Alle drei konservativen Premierminister wollten nach dem Krieg die „special relationship“ der Kriegsjahre wiederbeleben. Ziel dieser engeren Alliiierung innerhalb der NATO war ein so genanntes „power by proxy“-Konzept [5, S. 178], wonach der weltpolitisch unerfahrene, aber wirtschaftlich und militärisch potente Vetter jenseits des Atlantiks für die Durchsetzung britischer Interessen in der Welt instrumentalisiert werden sollte. Vor allem Anthony Eden hoffte darauf, durch die engere Anlehnung an die USA für Großbritannien mehr außenpolitische Bewegungsfreiheit gewinnen zu können. Dieses Konzept scheiterte jedoch unter Churchill und Eden daran, dass Eisenhower nicht bereit war, den Briten einen Sonderstatus im Bündnis zu gewähren und die „special relationship“ zu erneuern.

An einem weiteren Punkt wird deutlich, dass die Entscheidungsträger in Whitehall ihre Bündnispolitik klar nationalen Interessen unterordneten. Im Frühjahr 1956 war Anthony Eden fest entschlossen, eine strikte Haushaltskonsolidierungspolitik durchzuführen, die auf massive Einsparungen setzte. Dabei sah Eden das größte Einsparungspotential im traditionell hohen Verteidigungsetat. Im Rahmen einer „Defence Policy Review“ entwarf die Regierung schließlich im Sommer eine britische Variante der „New Look“-Strategie, die ebenfalls verstärkt auf Nuklearwaffen und zugleich auf die Verringerung der kostenintensiven konventionellen Streitkräfte setzte. Erleichtert wurde der Eden-Regierung diese Entscheidung dadurch, dass man die Wahrscheinlichkeit eines Krieges mit der Sowjetunion aufgrund der enormen thermonuklearen Waffenarsenale auf beiden Seiten für nahezu ausgeschlossen hielt. Aus britischer Sicht erzeugte das Vorhandensein zahlreicher Nuklearwaffen also nicht mehr ein Gefühl hilfloser Angst, sondern Sicherheit. Die angestreb-

ten Truppenreduzierungen betrafen vor allem die in die NATO-Struktur eingebundenen Streitkräfte auf dem Kontinent. Da ein einseitiger Truppenabzug allein aus finanziellen Gründen zu einem Affront in der NATO geführt hätte, bediente sich die Regierung Eden einer raffinierten Strategie zur Durchsetzung ihrer Sparpläne. Großbritannien strebte eine Neuausrichtung der NATO-Verteidigungsstrategie an, die dann auf NATO-Ebene die Umstellungen im Verteidigungssektor notwendig machen würde, die man zuvor schon beschlossen hatte. Die Idee war ebenso einfach wie brilliant. Durch eine geschickte Manipulation der NATO sollte diese dazu gebracht werden, aus dem ursprünglichen Wunsch nach einer Umstrukturierung der eigenen Streitkräfte einen Sachzwang von außen zu machen. Dabei versuchten die Briten diesen Strategiewechsel durch bilaterale Kontaktaufnahme mit den USA vorzubereiten und gleichzeitig bemühte man sich, über den stellvertretenden NATO-Oberbefehlshaber Field Marshal Montgomery Einfluss auf die militärischen Pläne zu nehmen. Vor Ausbruch der Suezkrise zeichnete sich ab, dass die USA dieses Vorhaben abblocken würden. Denn Großbritanniens angestrebter Strategiewechsel hätte vermutlich zu Nachahmungstaten geführt und die gesamte Lastenteilung innerhalb des Bündnisses auf den Kopf gestellt. Bis zum Ausbruch der Suezkrise sah es also nicht so aus, als würden die Briten sich in dieser bündnispolitisch wichtigen Frage durchsetzen können.

Im Gegensatz zu den Entscheidungsträgern in Washington und London lassen sich im Vorfeld keinerlei verlässliche Aussagen über das bündnispolitische Denken von Ministerpräsident Guy Mollet, Außenminister Christian Pineau und Verteidigungsminister Maurice Bourgès-Maunoury treffen, die Anfang des Jahres 1956 in Paris ihre Ämter antraten. Zwar waren alle drei bereits vorher in der Politik aktiv gewesen, aber sie hatten keine außen- oder gar bündnispolitisch lesbaren Fußspuren in der Geschichte hinterlassen. In der Literatur finden sich daher auch meist nur mit Vorsicht zu genießende Stereotype über die Grundansichten dieser wichtigen Entscheidungsträger. So galt Mollet als überzeugter Atlantiker und Europäer und alle drei zusammen galten bei Amtsantritt aufgrund ihrer Tätigkeit in der Résistance während des Zweiten Weltkriegs als proisraelisch. Bei genauerer Betrachtung führen diese Etiketten jedoch in die Irre. Unbestreitbar besaßen alle drei Männer, besonders Bourgès-Maunoury, eine affine Haltung gegenüber Israel, aber die Quellen zeigen, dass diesem Wohlwollen niemals nationale Interessen untergeordnet wurden. Als Guy Mollet und seine Minister ihre Ämter antraten, bestimmte vor allem ein Problem die französische Außenpolitik: der Algerienkrieg. Der Lösung dieses Konfliktes galt nahezu die gesamte Aufmerksamkeit der französischen Regierung. Entsprechend wirr und konzeptionslos nahm sich die Außenpolitik der Franzosen im Frühjahr 1956 aus. In einem Akt der Verzweiflung wurden alle außenpolitischen Großkonzepte zur Anwendung gebracht, welche die französische Außenpolitik im Arsenal hatte, um eine Entlastung in Algerien zu erreichen. So oszillierte die Außen- und Sicherheitspolitik der Regierung Mollet in ihrer siebzehnmonatigen Amtszeit zwischen drei Konzepten, die immer auch eine bündnispolitische Dimension besaßen. Zunächst versuchte man nach Amtsantritt die eigene Stellung innerhalb der „big three“ aufzuwerten und den

Bündnispartner Zugeständnisse, vor allem in der Algerienfrage, abzutrotzen. Als dies nicht gelang, liebäugelte man in Paris im Mai 1956 mit dem alten Ost-West-Brückenkonzept und sondierte bei einem Staatsbesuch in Moskau vergeblich die Möglichkeit eines französisch-sowjetischen Ausgleichs, in Form einer Neutralisierung der beiden deutschen Teilstaaten. Man hoffte, sich damit der Bedrohung im Osten zu entledigen und mehr Bewegungsfreiheit in anderen Regionen zu erlangen. Bündnispolitisch ist dabei vor allem entscheidend, dass Paris den Algerienkonflikt stets als bündnispolitisches Problem betrachtete, obwohl es sich bei diesem Kolonialkrieg nicht um einen Angriff von Außen auf das eigentliche Vertragsgebiets der NATO handelte. An dieser Haltung lässt sich sehr gut zeigen, dass Allianzen immer Erwartungshaltungen erzeugen, die über den eigentlichen Machtbereich des Bündnisses hinausreichen. Das französische Insistieren darauf, dass Algerien ein NATO-Problem sei und die Weigerung der Vereinigten Staaten dies anzuerkennen, entwickelte sich im Jahr 1956 zu einem Dauerproblem der NATO, das auf Seiten der französischen Regierung und auch auf Seiten einiger anderer europäischer Bündnispartner zu wachsendem Unmut führte.

Am Ende waren es denn auch die unterschiedlichen Interessen im Nahen Osten, die machtvoll auf die NATO zurückschlügen. Die Eisenhower-Administration betrachtete den Nahen Osten primär durch die Brille einer global orientierten Eindämmungspolitik. Dabei befanden sich die USA in einem Dilemma, denn einerseits hatten sie aufgrund des eigenen antikolonialen Images kein Interesse daran, sich vor den kolonialpolitischen Karren der Briten oder der Franzosen spannen zu lassen. Andererseits war man im Rahmen der bündnispolitischen Lastenteilung froh, dass die beiden europäischen Bündnispartner in dieser Region die Rolle der Ordnungshüter übernahmen. Dementsprechend kooperierte Washington eng mit London bei der Suche nach einer friedlichen Lösung des Nahostkonflikts, weigerte sich jedoch, einer regionalen Allianz unter britischer Führung, dem so genannten Bagdad-Pakt, beizutreten. Weder wollte man in Washington das militärische Engagement in der Region vertiefen, noch wollte man die aufstrebenden nationalen Unabhängigkeitsbewegungen im Nahen Osten im ideologischen „Kampf um die Seele der Menschheit“ (George H.W. Bush) im Ost-West-Konflikt verprellen. Dies führte Edens „power by proxy“-Konzept schließlich in die Sackgasse und zu unüberwindbaren Meinungsverschiedenheiten in dieser Weltregion. Hinzu kam, dass sich die französisch-britischen Beziehungen vor der Suezkrise ebenfalls wegen Interessenkonflikten im Nahen Osten auf dem Nullpunkt befanden. Die Regierung Mollet versuchte nämlich den zunehmenden eigenen Machtverlust in der Region – jenseits des Algerienkonfliktes – durch eine proarabische Politik entgegenzuwirken und torpedierte daher den bei den arabischen Staaten unbeliebten Bagdad-Pakt.

Die Gründe für die ausbleibende Unterstützung der USA im Algerienkrieg waren ähnlich wie diejenigen im Falle Großbritanniens. Washington wollte nicht durch eine Unterstützungsgeste die übrigen arabischen Staaten gegen sich aufbringen. Stattdessen forderte man die Entscheidungsträger in Paris dazu auf, Zugeständnisse an die Unabhängigkeitsbewegung zu machen. Insgesamt mussten Eisenhower und Dulles mit Blick auf den Nahen Os-

ten daher einen Drahtseilakt vollführen, denn sie wollten weder ihre europäischen Bündnispartner noch die aufstrebenden arabischen Staaten verprellen. Es war schließlich der ägyptische Staatspräsident Nasser, der mit seiner Schaukelpolitik zwischen Ost und West die bündnispolitische Nagelprobe erzwang. Sein Pochen auf eine ägyptische Führungsrolle im Nahen Osten, in Nordafrika und der muslimischen Welt musste zwangsläufig mit britischen und französischen Vormachtansprüchen in der Region zusammenprallen. Als Nasser nach einem Waffenkauf aus dem Ostblock im Herbst 1955 offenbar seine neutrale Haltung aufgab, ins sowjetische Lager abzudriften drohte und die westlichen Mächte immer weiter provozierte, verlor man schließlich im März 1956 auch in Washington die Geduld mit Nasser. In der Folge verweigerte man dem ägyptischen Staatspräsidenten den Kredit für sein spektakulärstes Bauprojekt, den Assuan-Staudamm. Als Nasser daraufhin den Suezkanal am 26. Juli 1956 verstaatlichte, brachen schließlich die Interessengegensätze unter den „big three“ auf und verschärften sich zu einer schweren Krise innerhalb der NATO.

Allianzpolitik in der Suezkrise [6, s. 239 – 482]

In Paris und London reagierte man von Anfang an anders auf die Verstaatlichung des Suezkanals als in Washington. Da Nasser die lebenswichtige Versorgung Großbritanniens mit Öl gefährdete und auch zuvor bereits die britische Nahostpolitik torpediert hatte, witterte man nun in London die einmalige Gelegenheit, das Problem „Nasser“ ein für allemal zu beseitigen. Genauso verhielt es sich in Paris, wo Nasser der Regierung inzwischen ein Dorn im Auge war, weil er die algerischen Rebellen unterstützte. Daher beschloss man in London und Paris militärisch einzugreifen, den Kanal zurückzuerobern und einen Regimewechsel in Ägypten herbeizuführen. Dieser gemeinsame Gegensatz zu Nasser führte im Sommer 1956 zu einer kurzfristigen Wiederbelebung der „Entente Cordiale“, mit dem Ziel, nach dem Sturz der Regierung Nasser den Nahen Osten im Einvernehmen zu kontrollieren. Vom Sturz Nassers erhoffte man sich, dort ein prowestliches, demokratisches Regime installieren zu können, das genügend Strahlkraft besaß, um Nachahmungstaten zu fördern. Das alles waren hochfliegende Pläne, aber im Sommer 1956 schimmerten sie den Entscheidungsträgern in London und Paris als „golden opportunity“ [7] entgegen. Ganz anders sah man die Lage in Washington. Dort befürchtete man, dass ein Krieg einen antiwestlichen Flächenbrand im Nahen Osten auslösen könne, der die Region destabilisieren und die Staaten direkt in die Arme der Sowjetunion treiben würde.

In der Folge entschied man sich in Washington, die Heißsporne an der Themse und der Seine von einem Waffengang abzuhalten, während man dort auf die Unterstützung oder zumindest die wohlwollende Neutralität der USA hoffte. Somit entfaltete bereits in den ersten Tagen der Krise das „alliance security dilemma“ [8, s. 180 – 200] seine volle Wirkung. Eisenhower und Dulles versuchten Frankreich und Großbritannien davon abzuhalten, die USA in einen Krieg zu verwickeln, den man nicht führen wollte, während Eden und Mollet versuchten, die USA in einen Krieg hinein zu ziehen. In den „tripartite meetings“ in London Ende Juli wurde dieser Interessengegensatz mehr als deutlich, dennoch wollte man vor al-

lem in London nicht wahrhaben, dass die USA in dieser Frage zur Fundamentalopposition neigten. Dafür gab es zwei Gründe: Zum einen konnte man sich in London aufgrund des freundschaftlichen Verhältnisses zu den Entscheidungsträgern in Washington einfach nicht vorstellen, dass diese eine Haltung jenseits der wohlwollenden Neutralität einnehmen würden. Zum anderen bildete sich im Bann der günstigen Gelegenheit im so genannten „Egypt Committee“, das die Politik in der Suezkrise plante, ein Tunnelblick heraus. Dies führte dazu, dass die Entscheidungsträger in Whitehall eine starke Tendenz entwickelten, widersprüchliche Informationen und warnende Aussagen auszublenden oder gar falsch in das eigene Wahrnehmungsmuster einzuordnen. Hier führten vor allem stereotype Bilder über Eisenhower und Dulles, die in Londoner Regierungskreisen mit großer Überheblichkeit gepflegt wurden, eine entscheidende Rolle. So wurde der verhasste Dulles als eigentlicher Architekt der amerikanischen Außenpolitik betrachtet, während Eisenhower in die Schublade des nett lächelnden Golfspielers, der eigentlich an Politik gar nicht interessiert ist, gesteckt wurde. Dementsprechend nahm London die häufigen und deutlichen Warnungen von Präsident Eisenhower nicht so ernst, wie dies nötig gewesen wäre. Dieser Umstand brach der Regierung Eden schließlich auf dem Höhepunkt der Krise das Genick.

In den ersten beiden Monaten der Krise kam auch zweimal die NATO als Institution ins Spiel. Eisenhower und Dulles spielten von Anfang an in der Krise auf Zeit, um die europäischen Bündnispartner von einer Intervention abzuhalten. In diesem Zusammenhang schlug Eisenhower die Beratung der Krise im NATO-Rat vor. Eden und Mollet lehnten diesen Vorschlag jedoch ab, denn sie sahen die NATO zu diesem Zeitpunkt nur als „weapon of power“, also als Kriegsinstrument an, das in dieser frühen Phase der Krise, die noch eine Verhandlungsphase war, nicht angewendet werden konnte. Zudem befürchteten London und Paris zurecht, dass eine eingehende Diskussion der Krise im NATO-Rat ihre militärische Handlungsfreiheit einschränken könne. So beschränkten beide Länder die Diskussion im NATO-Rat auf einen Bericht über die Ergebnisse der „tripartite meetings“ in London. Erst als die Beschlüsse der ersten Londoner Konferenz vom 16.-23. August 1956 unter Teilnahme der wichtigsten Nutzerstaaten des Suezkanals keinen triftigen Grund für eine militärische Intervention lieferten, entdeckte Eden die NATO als „tool of management“ [9, s. 227 – 262]. Da man sich von einer Anrufung des UN-Sicherheitsrates in London und Paris wenig versprach, wollte man Anfang September nun versuchen, im NATO-Rat Zuspruch für eine Intervention zu erhalten. Damit hoffte man, das Legitimitätsdefizit einer Intervention zu verringern, denn Nassers Akt der Verstaatlichung war unter völkerrechtlich einwandfreien Bedingungen durchgeführt worden. Dieses Unterfangen scheiterte jedoch auf ganzer Linie, weil die USA die NATO nun als „tool of management“ benutzten. Hinter den Kulissen zog man alle erdenklichen Fäden, damit die britischen und französischen Vorschläge im NATO-Rat nicht zu einer beschlussfähigen Diskussion gebracht wurden. Dies gelang auch, womit Washington im Bündnis eindrucksvoll seine Macht im Bereich des „agenda setting“ demonstrierte. Die NATO als Institution spielte fortan bis zum Höhepunkt der Krise keine Rolle mehr.

Von September bis zum Oktober änderte sich an den unvereinbaren Grundeinstellungen Frankreichs und Großbritanniens auf der einen Seite und den USA auf der anderen Seite nichts. London und Paris trieben ihre inzwischen gemeinsamen militärischen Planungen weiter voran und begaben sich auf die Suche nach einem casus belli. Diese Suche nach einem Kriegsgrund war zermürend und stellte die anfänglich überschwänglich begrüßte Entente Cordiale mehrfach auf die Probe. Diplomatisch trat man zunehmend auf der Stelle und auch im Bereich der Kriegsplanung stellte sich heraus, dass Frankreichs und Großbritanniens Streitkräfte zusammen nur mit größter Mühe in der Lage waren, jene Strafaktion durchzuführen, die man von Anfang an anvisiert hatte. In Großbritannien kippte zudem – anders als in Frankreich – binnen weniger Wochen die Zustimmung in der Opposition, der Presse und der Öffentlichkeit für einen Kriegskurs. Stattdessen wurden Forderungen nach einer Anrufung des UN-Sicherheitsrates laut. Auch innerhalb des britischen Kabinetts tauchten vereinzelt Stimmen auf, die Zweifel an der harten Linie gegenüber Ägypten äußerten. Gleichwohl bewies keiner dieser Minister den Mut, Eden offen entgegenzutreten und notfalls den Rücktritt in Kauf zu nehmen. Lediglich Verteidigungsminister Walter Monckton fasste diesen Entschluss und ließ sich Mitte Oktober von seinen amtlichen Verpflichtungen entbinden und übernahm das Amt des Paymaster General. Fakt ist jedoch, dass bis in den Oktober hinein das Kabinett alle Entscheidungen in der Suezkrise mitgetragen hat. Erst als Ende Oktober die geheime Allianz mit Israel beschlossen wurde, verringerte sich die Zahl der Eingeweihten.

Die Erlösung aus dem diplomatischen Stillstand brachte schließlich Israel, mit dem Frankreich bereits im Juni 1956 im Geheimen enge militärische Bande geknüpft hatte. Im Vorfeld hatte Frankreich den Israelis heimlich Waffen geliefert und damit die vertraglichen Bindungen der „Tripartite-Declaration“ unterlaufen, wonach Waffenlieferungen an Staaten im Nahen Osten nur nach vorheriger Absprache mit den USA und Großbritannien erlaubt waren. Diese „French connection“ (Shimon Peres) basierte auf stahlharten Interessen und keineswegs bloß auf Affinitäten der französischen Entscheidungsträger für Israel. Beide Staaten hatten im Nahen Osten einen gemeinsamen Feind: Nasser. Was Israel nicht hatte, das waren genügend Waffen, um gegen das inzwischen von der Sowjetunion aufgerüstete Ägypten bestehen zu können. Was Frankreich nicht hatte, das waren verlässliche Geheimdienstinformationen über Ägypten. Es war also ein Geben und Nehmen, welches die Zusammenarbeit beider Staaten auf der geheimen Konferenz von Vermars im Juni 1956 besiegelte. Frankreich lieferte Waffen und Israel im Gegenzug die gewünschten Geheimdienstinformationen. Ferner wurden in Vermars weitreichende militärische und geheimdienstliche Kooperationsstrukturen geschaffen, die in einem Krieg einfach nur aktiviert und ausgebaut werden mussten.

In Israel waren die entscheidenden Protagonisten Ministerpräsident David Ben-Gurion, Generalstabschef Moshe Dayan und der Generaldirektor des Verteidigungsministeriums Shimon Peres. Alle drei waren davon überzeugt, dass es nach dem ersten arabisch-israelischen Krieg von 1948 unweigerlich zu einer „zweiten Runde“ kommen würde, in der Israel um seine Existenz bangen müsse. Aus

diesem Grund waren vor allem Ben-Gurion und Dayan der Überzeugung, man müsse dieser Gefahr durch einen siegreichen Präventivkrieg zuvorkommen. Nachdem Ägypten im September 1955 große Waffenlieferungen aus dem Ostblock erhalten hatte, war das militärische Gleichgewicht in der Region zulasten Israels zerstört worden. Weder die USA noch Großbritannien wollten Israel im gewünschten Umfang Waffen liefern. In dieser kritischen Phase gelang es Shimon Peres, enge Kontakte zum französischen Verteidigungsminister Bourgès-Maunoury zu knüpfen, die schließlich zu einer Rüstungskooperation führten. Gleich in den ersten Wochen der Suezkrise lotete Bourgès-Maunoury daher die Bereitschaft der Israelis zu einem gemeinsamen Militärschlag gegen Nasser aus und erhielt grundsätzlich positive Signale.

In Frankreich setzte man bis zum Oktober noch auf eine militärische Zusammenarbeit mit Großbritannien und hielt sich das Zusammengehen mit Israel als Option offen. Das hatte militärische Gründe, denn beide Länder besaßen wichtige Einheiten, die der jeweils andere nicht besaß. Zudem war die gemeinsame militärische Planung im Oktober bereits so weit fortgeschritten, dass sie nur schwer aufzulösen war. Da die Franzosen in der Suezkrise die kaltblütigeren Protagonisten waren und immer schon stärker auf eine militärische Lösung gedrängt hatten als die Briten, war man im Oktober das britische Zaudern in der Krise leid und aktivierte die israelische Option. Man beschloss jedoch, Israel an die gemeinsame britisch-französische Intervention anzukoppeln. Am 14. Oktober 1956 unterbreiteten die Entscheidungsträger in Paris Anthony Eden schließlich das Angebot eines gemeinsamen Militärschlags mit Israel, dass Eden ohne Zögern annahm, denn die Gelegenheit war einfach zu verlockend.

Die militärische Kooperation mit Israel brachte große Schwierigkeiten mit sich, denn Großbritannien, das einen Bündnisvertrag mit Jordanien unterhielt, war bündnispolitisch betrachtet ein Feind Israels im Nahen Osten. Im Jahr 1956 war es vermehrt zu schweren Gefechten an der israelisch-jordanischen Grenze gekommen, die nun im Oktober in einen Krieg umzuschlagen drohten. Im Kriegsfall wäre London also zur Unterstützung Jordaniens verpflichtet gewesen. Hinzu kam, dass Ben-Gurion Anthony Eden nicht über den Weg traute und sich nur unter großen Vorbehalten auf den französischen Plan eingelassen hatte. Unter diesen schwierigen Umständen erhielt Eden nun das Angebot zu einer militärischen Kooperation und nahm dieses auf der berichtigten Geheimkonferenz von Sèvres vom 22. bis zum 24. Oktober 1956 an. Diese Konferenz brachte einen der merkwürdigsten Kriegspläne der Geschichte hervor, wonach Israel sich zu einem Angriff des Sinais verpflichtete, mit dem Ziel den Suezkanal zu bedrohen. Nach Ablauf eines französisch-britischen Ultimatums sollten dann die britischen und französischen Streitkräfte den Suezkanal sichern und die verfeindeten ägyptischen und israelischen Streitkräfte trennen. Damit lieferte Israel endlich den heißersehten Kriegsgrund für eine Intervention. Das Protokoll von Sèvres war im Kern ein spektakuläres regionales renversement des alliances, denn Israel und Großbritannien kämpften nun auf der gleichen Seite.

Von alledem wusste man in Washington nichts, auch wenn Ende Oktober die nachrichtendienstlichen Berichte andeuteten, dass ein Krieg ins Haus stand. Diese Information nutzte den Entscheidungsträgern in Washington je-

doch wenig, da man nicht erkennen konnte, wer gegen wen Krieg führen würde. Als der Krieg schließlich am 29. Oktober 1956 begann und sich zwei Tage später andeutete, dass Frankreich und Großbritannien mit Israel offenbar unter einer Decke steckten, war der Zorn bei Eisenhower groß, der nun in der Krise die Zügel der amerikanischen Außenpolitik fest in die Hand nahm und seinen europäischen Bündnispartnern eine Lektion in Sachen ökonomischer Kriegsführung erteilte. So verweigerte Eisenhower Paris und London die dringend benötigten Öllieferungen nach der Blockade des Kanals und brachte die Weltöffentlichkeit in der Generalversammlung der Vereinten Nationen gegen Großbritannien und Frankreich in Stellung. Ausschlaggebend für diese harte Reaktion waren allerdings nicht wahltaktische Überlegungen, weil Eisenhower nur wenige Tage vor seiner Wiederwahl stand, als die Krise in den Krieg umschlug. Es war vielmehr persönliche Enttäuschung. In seinen Augen hatte vor allem England mit dieser spätkolonialen Strafexpedition die gemeinsamen Werte verraten, und das zu einem Zeitpunkt, als die Sowjetunion den Ungarnaufstand brutal niederschlug. Kurz, Eisenhower war gekränkt und so zahlte er es seinen Bündnispartnern mit gleicher Münze heim, was sich später als großer Fehler erweisen sollte.

In London und Paris hatte man mit dieser harten Reaktion aus Washington nicht gerechnet. Der wachsende Druck der Weltöffentlichkeit und die Verweigerung der rettenden Öllieferungen brachen Großbritannien und Frankreich schließlich das kriegslogistische Rückgrat. War es Eisenhower zuvor nicht möglich gewesen, mäßigend auf seine Bündnispartner einzuwirken, so wusste er als erfahrener Oberbefehlshaber um die Empfindlichkeit moderner Kriegslogistik. Erst im Krieg konnte er die volle Macht der USA ausspielen. Großbritannien trafen diese Maßnahmen besonders hart, aufgrund der chronisch geringen Dollarreserven, über die man in London verfügen konnte. London war nun gezwungen, teures Öl auf dem Weltmarkt zu kaufen und musste dafür seine Dollarreserven aufzehren. In der Folge stürzte das Pfund, beschleunigt durch einsetzende Währungsspekulationen, ins Bodenlose. Am 5. November beschloss die Eden-Regierung daher unilateral die Intervention abubrechen. Frankreich hatte sich zwar besser auf diese Situation vorbereitet und vor Ausbruch der Krise einen Kredit aufgenommen, aber aufgrund der engen operativen Verflechtung der beiden Streitkräfte konnten die Franzosen den Krieg nicht alleine fortsetzen. So mussten sie sich der britischen Entscheidung beugen.

Die sowjetischen Drohungen, London, Paris und Tel Aviv mit Atomraketen zu beschießen, die der Kreml am 5. November lancierte, haben die Entscheidung zum Waffenstillstand nicht beeinflusst. Sowohl in London als auch in Paris hielt man Bulganins Drohbriefe, hinter denen Chruschtschow steckte, für das, was sie in Wirklichkeit waren, einen großen Bluff. In Washington entfaltete die Drohung vor dem Hintergrund der Niederschlagung des Ungarnaufstandes jedoch größere Wirkung. Eisenhower, der ansonsten kühle Praktiker der nuklearen Abschreckung, war sich nicht mehr sicher, ob die Kreml-Führung, die unter dem Eindruck eines drohenden Zerfalls des eigenen Herrschaftsbereichs stand, ihre Entscheidungen noch rational traf. Sobald der Gegner Anzeichen irrationalen Handelns erkennen ließ, brach für Eisenhower die Logik der Abschreckung in sich zusammen. Daher entschied sich

Eisenhower in der Suezkrise auch gegen die Anwendung der Strategie der massiven Vergeltung, die der Sowjetunion eine massive Eskalation des Konfliktes hätte in Aussicht stellen müssen. Stattdessen traf Eisenhower alle Vorsichtsmaßnahmen so unauffällig wie möglich, um die Sowjetunion nicht zu provozieren. Die größte Durchschlagskraft entwickelten die Raketendrohungen in Israel. Nachdem beide Supermächte massiven Druck auf Israel ausgeübt hatten, sah Ben-Gurion den Staat Israel einer existenzbedrohenden weltpolitischen Isolation ausgesetzt. In Moskau glaubte indessen Nikita Chruschtschow, dass seine Raketendrohungen überaus erfolgreich waren, da der britisch-französische Waffenstillstand unmittelbar nach den Drohungen verkündet worden war. Die falschen Lehren, die Chruschtschow aus der Suezkrise zog, sollten die Welt in den Kubakrise im Oktober 1962 in Atem halten.

Bündnispolitik nach der Suezkrise [10, s. 483 – 583]

Die bündnispolitischen Probleme, die sich aus der Suezkrise ergaben, wurden jedoch paradoxerweise erst nach der Einwilligung Großbritanniens und Frankreichs in den Waffenstillstand durch das Verhalten der Vereinigten Staaten auf die Spitze getrieben. Als Anthony Eden und Guy Mollet nach dem Waffenstillstand um eine bündnispolitisch versöhnliche Geste in Form eines „big three“ – Treffens in Washington baten, willigte Eisenhower zunächst ein und sagte dieses Treffen nach Rücksprache mit seinen Beratern dann gegen seine inneren Instinkte wieder ab. Nach der Suezkrise zeichnete sich in Washington auf der Ebene der Entscheidungsträger eine wichtige Machtverschiebung ab. Hatte Eisenhower auf dem Höhepunkt der Krise noch die Zügel fest in der Hand, so wuchs nach dem Waffenstillstand der Einfluss von Dulles, obwohl dieser nach einer Krebsoperation noch im Krankenhaus lag, und von Finanzminister George Humphrey, die Eisenhower aus moralischen Erwägungen heraus drängten, Großbritannien und Frankreich noch nicht die versöhnende Hand zu reichen. In vielerlei Hinsicht spielten sich nun in Washington Szenen ab, die man zuvor spiegelverkehrt auf britischer und französischer Seite gesehen hatte. Sowohl Eisenhower als auch die Experten im State Department sahen, nachdem die Reputation der Vereinigten Staaten durch das moralisch integre Verhalten in der UN-Generalversammlung im Nahen Osten enorm angestiegen war, eine günstige Gelegenheit den Nahen Osten für sich gewinnen zu können. Zu diesem Zweck war Eisenhower, der anfänglich noch zögerte, nun auch bereit, notfalls die bündnispolitischen Beziehungen zu Frankreich und Großbritannien zu beschädigen. Im State Department gab man sich geradezu berauscht von der eigenen moralischen Integrität in den Vereinten Nationen. Und so demütigte man die eigenen Bündnispartner bis Ende November weiter, in der Hoffnung, daraus im Nahen Osten Kapital schlagen zu können.

Dementsprechend verweigerte man den Briten und Franzosen weiterhin die dringend benötigten Öllieferungen aus zwei Gründen. Zum einen wollte man in der arabischen Welt nicht den Eindruck erwecken, man verbünde sich nun wieder mit den Aggressoren des Suezkrieges. Zum anderen wollte man die Briten und Franzosen zu einem bedingungslosen Abzug ihrer Truppen aus der Kanalzone zwingen. Auch dies sollte dem Erhalt der amerikanischen Glaubwürdigkeit gegenüber den arabischen

Staaten dienen. Als sich Ende November zeigte, dass die arabischen Staaten, allen voran Ägypten, sich nicht so verhielten, wie man sich das im State Department ausgemalt hatte, da hatte man die NATO – ohne es richtig zu bemerken – an den Rand des Zusammenbruchs getrieben. Von der Weltöffentlichkeit unbemerkt, spielte sich Ende November in Paris die bündnispolitisch dramatischste Szene der Suezkrise ab, als der NATO-Generalsekretär Lord Ismay unter Tränen und in Verteidigung seiner britischen Würde Eisenhower mit seinem Rücktritt drohte, sollten die demütigenden Sanktionen gegen sein Land nicht aufgehoben werden. Mit einem langen Beschwichtigungsbrief und der Aufhebung der Sanktionen wenige Tage später, gelang es Eisenhower, Ismay von diesem Schritt abzuhalten. Ismays Rücktrittsdrohung war allerdings nur die Spitze eines Eisberges, der nun durch die Gewässer des Bündnisses trieb.

Während die politische Führung in Washington unmittelbar nach der Suezkrise über die eigene moralische Reputation jubilierte, hatte sie nicht bemerkt, dass durch das eigene Verhalten in der Suezkrise die Reputation im Bündnis beschädigt worden war. Viele Bündnispartner wagten es zwar nicht, in der Öffentlichkeit gegen die USA Stellung zu beziehen. Unter der Oberfläche wurde jedoch wachsende Kritik am Verhalten der Führungsmacht laut, die meist diskret gegenüber dem amerikanischen NATO-Botschafter in Paris geäußert wurde. In Washington hatte man gehofft, dass das sowjetische Verhalten in Ungarn die Angst vor der Sowjetunion bei den Bündnispartnern wieder erhöht und auch den letzten Verfechter der Ost-West-Entspannung von der Torheit seines Vorhabens überzeugt habe. Doch so war es nicht. Die meisten Bündnispartner waren schockiert über die stille Allianz der beiden Supermächte in der UN-Generalversammlung, die sich gegen Großbritannien und Frankreich richtete. Ein weiterer Punkt, der einige Bündnispartner besorgte, war, dass eine harte Verurteilung der sowjetischen Raketendrohungen ausblieb, bis der Oberbefehlshaber der NATO-Streitkräfte in Europa, General Gruenther, am 14. November 1956 den Sowjets bei einem Angriff mit einem massiven nuklearen Vergeltungsschlag drohte. Die Gründe dafür, warum Eisenhower die Kreml-Führung auf dem Höhepunkt der Krise nicht unnötig provozieren wollte, sind dem Historiker heute bekannt, die europäischen Bündnispartner waren jedoch damals weitgehend ahnungslos. Für sie hatten sich die Amerikaner schlicht als bündnispolitisch unsichere Kantonisten erwiesen.

Als im Dezember schließlich die NATO-Ministertagung stattfand, brachen bei der Aussprache über die Suezkrise alle Probleme, die zuvor lange unter der Oberfläche gebrodelt hatten, hervor und auch den USA wurden Vorwürfe gemacht. Als Dulles dem NATO-Rat das amerikanische Verhalten in der UN-Generalversammlung als moralische Sternstunde der westlichen Allianz verkaufen wollte, da machte ihm die Mehrheit der europäischen Bündnispartner klar, dass ihnen eine verlässliche Führungsmacht lieber sei als eine moralisch überlegene, auf die man sich im Ernstfall nicht verlassen könne. Ferner beklagten die europäischen Bündnispartner den nachrichtendienstlichen Blackout, der sich aufgrund der Zwistigkeiten zwischen den „big three“ auf dem Höhepunkt der Doppelkrise im November eingestellt hatte. So musste der neue NATO-Oberbefehlshaber in Europa General Lauris

Norstad eingestehen, dass die NATO einer der schwersten Krisen des frühen Kalten Krieges praktisch im Blindflug überstanden hatte. Es nutzt also nichts, als Führungsmacht vermeintlich richtig zu handeln, wenn die anderen Bündnispartner von diesen Vorgängen nur rudimentäre Kenntnisse besitzen. Noch eine weitere Tendenz wurde während der Tagung sichtbar. Nahezu alle Bündnismitglieder forderten künftig die Aussprache über Konflikte, die zwar außerhalb des Vertragsgebietes lägen, aber Bündnispartner betrafen. Dulles erteilte diesem Ansinnen eine Absage. Die meisten Bündnispartner waren nicht der Auffassung, dass man NATO-Belange rein auf das Vertragsgebiet beschränken könne. In dieser Hinsicht konnten die Europäer im Mai 1957 bei der Verabschiedung der neuen NATO-Strategie einen kleinen Erfolg verbuchen, da in dem Strategiepapier erstmals „out-of-area“-Einsätze nicht mehr explizit ausgeschlossen wurden.

Die größten Kontroversen löste schließlich Großbritanniens Ankündigung aus, die britische Truppenstärke auf dem Kontinent von knapp 80.000 Mann auf 50.000 zu reduzieren. Vor allem die geographisch nah am Warschauer Pakt gelegenen Staaten Deutschland, Frankreich und Holland protestierten massiv gegen die Ausdünnung des ohnehin schwachen konventionellen Schields der NATO, befürchteten doch diese Staaten, man werde künftig zum nuklearen Schlachtfeld innerhalb der NATO degradiert. Bereits Anfang Oktober hatte die Regierung in Washington beschlossen, Großbritannien diese Streitkräftereduzierungen zu verweigern. So sprach sich Dulles auch auf der Tagung gegen das britische Anliegen aus. Als die Minister Paris verließen, war die NATO immer noch in Unordnung.

In Großbritannien hatte derweil die Suezkrise das Ansehen und die Gesundheit von Anthony Eden derart beschädigt, dass er im Januar zurücktreten musste. Sein Nachfolger wurde Harold Macmillan, der zuvor mit Rab Butler aktiv auf Edens Sturz hingewirkt hatte. Nach einer Bestandsaufnahme der angloamerikanischen Beziehungen in London kam man zu dem Ergebnis, dass Großbritannien trotz des Zerwürfnisses in der Suezkrise der „chosen ally“ [11] an der Seite Washingtons bleibe. London müsse nur geduldig abwarten und Eisenhower den ersten Schritt tun lassen. Diese Rechnung ging schließlich auf. Eisenhower hatte inzwischen realisiert, wie sehr er Großbritannien gedemütigt und wirtschaftlich geschwächt hatte. Aus diesem Grund bot er seinem alten Freund Harold Macmillan zwei Wochen nach dessen Amtsantritt ein Gipfeltreffen auf Bermuda im März 1957 an. Ein Gipfeltreffen mit den USA auf britischem Boden, das war genau jene bündnispolitische Geste, die Eisenhower zuvor Anthony Eden verweigert hatte, daher nahm Macmillan diese Einladung dankbar an.

In den folgenden Wochen bis zum Zusammentreffen auf Bermuda schlug Macmillan geschickt politisches Kapital aus der wirtschaftlichen Schwäche Großbritanniens. Mit einer gekonnten Überrumpelungsstrategie setzte er binnen weniger Wochen die britischen Streitkräftereduzierungen unilateral durch, ohne auf nennenswerte Opposition aus Washington zu stoßen. Macmillan war dabei so erfolgreich, weil er zum einen sehr schnell handelte und die USA vor vollendete Tatsachen stellte. Zum anderen spielte er die durch die amerikanischen Sanktionen verursachte Schwäche Großbritanniens brillant gegen die USA

aus. Er wusste genau, dass Eisenhower es so kurz nach der Suezkrise nicht noch einmal zu einem Zerwürfnis kommen lassen konnte. So gelang Macmillan aus einer Position der Schwäche heraus in Windeseile, was seinem Vorgänger aus einer stärkeren Position nicht gelungen war. Während des Gipfeltreffens auf Bermuda vermochte es Macmillan schließlich, den USA die Stationierung von 60 Mittelstreckenraketen auf britischem Boden abzurufen, die nach einer bestimmten Zeit in die nationale Verfügungsgewalt der Briten übergehen sollten. Damit hatte Macmillan Großbritannien zum *primus inter pares* in der NATO gemacht. Darüber hinaus glückte Macmillan innerhalb von drei Monaten, was seinen beiden Amtsvorgänger verwehrt blieb: die Erneuerung der „special relationship“. Schließlich konnte Macmillan auch die Streitkräftereduzierung gegen massive Widerstände in der NATO durchsetzen. Damit geriet Washingtons geplante Lastenteilung im Bündnis völlig durcheinander. Ursprünglich hatte Washington die Modernisierung der eigenen Streitkräfte auf dem europäischen Kontinent mit Nuklearwaffen vorgesehen, um die konventionellen Streitkräfte zu reduzieren. Nachdem Großbritannien nun seine Streitkräftereduzierungen aufgrund der Schwächung durch die Suezkrise gegen jegliche Widerstände durchgesetzt hatte, war diese Option erst einmal für die USA verbaut.

Die großen bündnispolitischen Verlierer der Suezkrise sind demnach die USA und Frankreich gewesen. Die USA sind deswegen die Verlierer gewesen, weil sie für die tiefe Demütigung Großbritanniens anschließend Kompensationsleistungen erbringen mussten, die weit über das hinausgingen, was man den Briten unter normalen Umständen zugestanden hätte. Ganz anders verhielten sich die USA gegenüber Frankreich, denn hier blieben die Kompensationsleistungen aus. Hier spielte das Misstrauen Eisenhowers gegenüber den Franzosen eine große Rolle für die Ungleichbehandlung Frankreichs nach der Suezkrise. So wollte Eisenhower auch nach der Suezkrise nie richtig wahrhaben, dass Großbritannien voll an dem Kriegskomplot mit Israel beteiligt war, während er von Frankreich und Israel nichts anderes erwartet hatte. Auf dem Höhepunkt der Krise wurde dann in verschiedenen Gesten deutlich, dass man Frankreich nun nicht mehr zu den „big three“ zählte. Dies wurde auch an den Kommunikationsstrukturen deutlich. Eisenhower sprach immer nur mit Anthony Eden und wenn Guy Mollet etwas mitgeteilt werden sollte, dann musste Eden diesen Botengang übernehmen. Dies waren die ersten Anzeichen für die sich entwickelnde Dreiklassengesellschaft in der NATO. Auch nach der Krise geizte Washington mit versöhnlichen Gesten. So beschlossen Dulles und Eisenhower künftig keine „big three“ – Treffen mehr abzuhalten. Als Eisenhower dann im Januar auch Paris ein Zeichen der Versöhnung gab, hatte dies einen ganz anderen Charakter als das Gipfeltreffen auf Bermuda. Mollet musste schließlich nach Washington reisen und die dortigen Gespräche dauerten auch nur halb so lange wie diejenigen mit den Briten auf

Bermuda. Am Ende hatte Eisenhowers Zusammentreffen mit Mollet im Vergleich zu seiner Konferenz mit Macmillan ausschließlich atmosphärische Bedeutung. Frustriert über diese Entwicklung hatte Frankreich bereits auf dem Höhepunkt der Krise die Entwicklung eigener Nuklearwaffen beschlossen, um künftig weltpolitisch unabhängiger agieren zu können. Für Frankreich begann somit nach der Suezkrise ein Prozess der wachsenden Entfremdung von den USA und der NATO. So bemühte man sich in Paris kurzfristig im Rahmen der EURATOM darum, einen nuklear bewaffneten europäischen Pol in der NATO zu etablieren. Als dies aus Kostengründen wieder verworfen wurde, bemühte man sich in Washington um den Erwerb von Nuklearwaffen, wie es Großbritannien zuvor bereits gelungen war. Doch in Washington schlug man Frankreich die Tür vor der Nase zu. Als man sie ein Jahr später wieder öffnete, stand Charles de Gaulle davor, der jedoch keinen Fuß mehr über diese Schwelle setzen wollte und die systematische Ausgliederung der französischen Streitkräfte aus der integrierten Streitkräftestruktur betrieb.

Löst man den Blick von den „big three“ und nimmt die übrigen NATO-Mitgliedstaaten in den Blick, dann hatten auch sie unter den Folgen der Suezkrise zu leiden. Die Verunsicherung über das amerikanische Verhalten auf dem Höhepunkt der Suezkrise brannte sich tief in die Gedächtnisse ein. Darüber hinaus führten die strategischen Implikationen der britischen Streitkräftereduzierungen zu Sorge und Frustration unter den Bündnispartnern. Denn letztlich hatten die britischen Streitkräftereduzierungen bei der Ausrichtung der NATO-Strategie den Akzent von der so genannten „forward strategy“ auf die „trip wire strategy“ verschoben. Zusammen mit der Stationierung amerikanischer Mittelstreckenraketen in Großbritannien, die mittelfristig in die nationale Verfügbarkeit übergehen sollten, war so de facto aus der Zweiklassengesellschaft eine Dreiklassengesellschaft in der NATO geworden. Ob Großbritannien dies alles ohne die hilfreiche Schwäche infolge der Suezkrise gelungen wäre, muss stark bezweifelt werden.

Auch wenn die Suezkrise häufig primär als Nahostkrise wahrgenommen wird, so spielten gegensätzliche ausgesprochene und unausgesprochene bündnispolitische Annahmen und Interessen von Anfang an eine große Rolle. Bereits die ersten Konsultationen der „big three“ zur Suezkrise gerieten deswegen zu einem bündnispolitischen Kommunikations-Desaster. Der Dialog der Taubstummten mündete schließlich mit dem Kriegsausbruch Ende Oktober in einem schweren Zerwürfnis zwischen den USA einerseits und Großbritannien und Frankreich andererseits. Als Präsident Eisenhower nach Beendigung der Kriegshandlungen sich dazu entschloss, seine Bündnispartner für ihr Verhalten zu bestrafen, führte er die NATO ungewollt an den Rand des Zusammenbruchs. Das alles geschah weitgehend hinter den Kulissen, weshalb die Öffentlichkeit auch nicht bemerkte, dass die NATO während der Suezkrise eine ihrer schwersten Krisen im Kalten Krieg durchlebte.

Литература

1. Die Ausführungen basieren auf den Forschungsergebnissen meiner Dissertation. Vgl. Thomas Freiberger, *Allianzpolitik in der Suezkrise*, Göttingen 2013 [Internationale Beziehungen. Theorie und Geschichte, Bd. 11].
2. Siehe dazu ausführlich Kapitel I, in: Thomas Freiberger, *Allianzpolitik in der Suezkrise*, Göttingen 2013, [Internationale Beziehungen. Theorie und Geschichte, Bd. 11].

3. Oscar Wilde, Lord Arthur Saviles Verbrechen. Eine Studie über Pflicht, in: Ders., Erzählungen und Prosagedichte, 2., neu durchg. Aufl., Zürich, 1999.
4. The Papers of Dwight D. Eisenhower, Vol. XI, Doc. 1050, Eisenhower to Hazlett, 1.11.1950.
5. David Reynolds, Britannia Overruled. British Policy and World Power in the Twentieth Century, London, New York 1991.
6. Siehe dazu ausführlich Kapitel II, in: Thomas Freiberger, Allianzpolitik in der Suezkrise, Göttingen 2013, [Internationale Beziehungen. Theorie und Geschichte, Bd. 11].
7. The National Archives (Kew) PREM 11/1099, E.C. (56) 10, 7.8.1956, Cabinet Egypt Committee. France and the Middle East. Note by the Secretary of State for Foreign Affairs. Der Entwurf der Anweisung findet sich in PRO FO 371/119090, JE 14211/370/G, FO Minute Beeley, 8.8.1956.
8. Zum „Alliance Security Dilemma“ siehe Glenn H. Snyder, Alliance Politics, Ithaca, London 1997.
9. Zu den Begriffen siehe Paul W. Schroeder, Alliances 1815-1945: Weapons of Power and Tools of Management, in: Klaus Knorr (Hg.), Historical Dimensions of National Security Problems, Lawrence 1976.
10. Siehe dazu ausführlich Kapitel III, in: Thomas Freiberger, Allianzpolitik in der Suezkrise, Göttingen 2013, [Internationale Beziehungen. Theorie und Geschichte, Bd. 11].
11. The National Archives (Kew) PREM 11/2189, AU 1051/53, The Present State of Anglo-United Relations, 1.1.1957.

Информация об авторе:

Д-р Томас Фрайбергер – сотрудник кафедры профессора Й. Шолтисека отделения современной истории. Исторический институт. Философский факультет. Университет Бонна (Германия).

Dr. Thomas Freiberger – Mitarbeiter des Lehrstuhls Prof. Dr. Joachim Scholtyseck . Abteilung für Geschichte der Neuzeit. Institut für Geschichtswissenschaft. Universität Bonn.

Dr. Thomas Freiberger – Department of Modern History, Prof. Dr. Joachim Scholtyseck's Chair, University of Bonn, Thomas.Freiberger@uni-bonn.de.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

УДК 316.772

**КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМНОГО ПОЗНАНИЯ НАРОДОВ**

Н. С. Якимова

**CROSS-CULTURAL PSYCHOLINGUISTIC STUDIES AS A TOOL
FOR NATIONS' MUTUAL AWARENESS**

N. S. Yakimova

Статья посвящена проблемам успешности межкультурной коммуникации. Автор подчеркивает актуальность изучения чужой культуры при подготовке к межкультурному общению. На примере кросс-культурного исследования речеситуативного поведения россиян и американцев в смоделированных ситуациях из бытовой и профессиональной сфер обосновывается потенциал использования результатов психолингвистических исследований в процессе взаимного познания культур.

The paper addresses the issues of successful intercultural communication. The author emphasizes the need for studying the foreign culture when preparing for intercultural contacts. The author provides the example of a cross-cultural study of Russians' and Americans' speech behaviour in model situations from daily-life and professional spheres to prove the potential of using the results of psycholinguistic research as a tool for nations' mutual awareness.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, речеситуативный эксперимент, психолингвистика, кросс-культурные исследования, вербальная агрессия.

Keywords: intercultural communication, speech experiment, psycholinguistics, cross-cultural research, verbal aggression.

Множество работ современных филологов, лингвистов, педагогов и публицистов посвящено роли знания иностранных языков в современном обществе, а также значению обучения иностранным языкам (формированию иноязычной языковой компетенции как части профессиональной компетентности) на всех этапах современного российского образования. Актуальность владения иностранными языками связана с

все большей вовлеченностью России в глобальные процессы интеграции, с развитием международного туризма и т. п. Год от года увеличивается и количество предлагаемых современной молодежи зарубежных образовательных программ.

Однако лингвистические исследования и эмпирические данные доказывают, что знания иностранного языка зачастую оказывается недостаточно для успеш-

ного общения с представителями других культур. Чаще всего участники межкультурного общения демонстрируют высокий уровень владения иностранным языком, но в силу того, что они имеют разную культурную принадлежность, одним и тем же языковым и речевым формам они приписывают разные значения: в этом и заключается особенность межкультурного общения [1, с. 8]. Следовательно, для достижения взаимопонимания в процессе межкультурного общения недостаточно знаний лексической и грамматической систем иностранного языка, но необходимо также иметь представление об этнокультурно маркированных особенностях употребления языковых форм.

Е. Ф. Тарасовым было сформулировано положение о том, что основная причина непонимания в процессе межкультурного общения заключается не в различии языков, а в различии «языкового сознания коммуникантов» [5]. И. В. Привалова оперирует понятием «этноязыковое сознание», которое она определяет как «культурно обусловленный ин/вариантный образ мира, соотносённый с особенностями национальной культуры и национальной психологии» [4, с. 10].

Вербализаторами (языковыми репрезентантами), служащими для «овнешнения языкового сознания», при этом являются средства национального языка: слова, свободные и устойчивые сочетания, предложения, тексты и ассоциативные поля [6]. Именно язык можно рассматривать как основной специфический признак этноса в ситуации межкультурной коммуникации. С одной стороны, при общении между представителями одного этноса он выступает как главный фактор этнической интеграции. С другой стороны, в ситуации межкультурной коммуникации язык становится основным «этнодифференцирующим признаком этноса» [7, с. 15].

Одним из наиболее эффективных методов изучения национально-маркированных языковых единиц, служащих репрезентантами этноязыкового сознания, являются контрастивные лингвистические исследования. Примером таких исследований является проведенное нами кросс-культурное исследование вербальной агрессии в русской и американской лингвокультурах [8]. К сходствам русской и американской культур, объясняющим целесообразность их контрастивного изучения, можно отнести многочисленность и разнообразие этноконфессионального состава и богатое поликультурное наследие. Наряду с этим, эти этносы легко сопоставимы по геополитическим масштабам, а также по экономической роли в обществе и степени мирового влияния.

Выбор вербальной агрессии как объекта исследования объясняется универсальностью данного феномена в современном обществе. Так, одной из форм проявления вербальной агрессии является инвектива, а по утверждению В. И. Жельвиса, инвективный вокабуляр присутствует «во всех без исключения этнических культурах», хотя и занимает одно из последних мест в их ценностных парадигмах [2].

На одном из этапов экспериментального исследования вербальной агрессии его участникам были

предложены 10 ситуаций из бытовой сферы и сферы их профессиональной деятельности (учеба в вузе). Для каждой ситуации было сформулировано 4 типа реакции на нее, отражающие разные стратегии агрессивного вербального поведения (прямая/косвенная агрессия, активная/пассивная агрессия, автоагрессия). У испытуемых также была возможность предложить свой ответ (вариант «д»).

Участниками экспериментального исследования являются студенты российского (Кемеровский госуниверситет) и американского (Университет г. Лок-Хэйвен, Пенсильвания) вузов, которые при этом являются носителями русского и американского варианта английского языка соответственно. Возраст респондентов варьировался в пределах 18 – 28 лет. При анализе результатов исследования учитывался пол респондентов. Так, среди российских участников эксперимента было 33 мужчины и 68 женщин, среди американцев – 35 мужчин и 67 женщин.

Обобщая полученные данные, можно заметить, в частности, что по материалам данного исследования русские респонденты выбирали свой вариант ответа чаще, чем американцы, а женщины выбирали этот вариант ответа чаще, чем мужчины. Очевидно, это можно объяснить большей эмоциональностью женщин по сравнению с мужчинами [3], и может свидетельствовать о большей эмоциональности русских по сравнению с американцами [9].

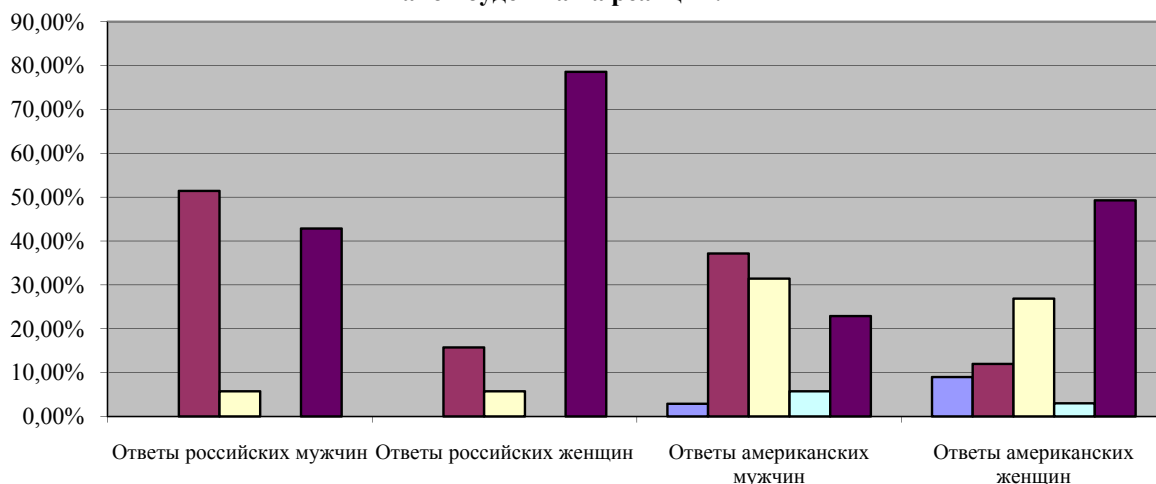
В данной работе мы рассмотрим 2 из смоделированных 10 ситуаций, одна из которых затрагивает сферу деятельности респондентов (учеба в вузе), а другая относится к бытовой сфере.

Наибольшее количество записанных респондентами «своих ответов» было предложено в реакциях на **Ситуацию 1** (см. рис. 1). Вероятно, объяснить это можно тем, что смоделированная ситуация действительно близка респондентам, поскольку описывает основную сферу их деятельности.

Никто из российских респондентов не отметил варианты «а» и «г» – случаи проявления прямой активной агрессии (тактика упрека). Вероятно, это указывает на то, что российские студенты привыкли самостоятельно нести ответственность за свои действия. Частотность выбора этих вариантов ответа у американских студентов также крайне низкая, возможно, потому что респонденты данной возрастной группы и социального статуса (студенты) уже в состоянии самостоятельно отвечать за свои поступки и решать свои проблемы.

Респонденты мужского пола обеих групп чаще всего выбирали вариант ответа «б», возможно, в силу того, что мужчины лучше разбираются в технике. Поскольку эта тенденция наблюдается как у россиян, так и у американцев, вероятно, мужчины более уверены в себе и своих силах, поэтому респонденты мужского пола выбрали этот вариант ответа. Подтверждает этот вывод и тот факт, что вариант ответа «в» – второй по частотности у американских мужчин.

**1. Вы печатаете курсовую, и Ваш компьютер вдруг ломается.
Какой будет Ваша реакция?**

Варианты ответа

- а) Родители должны были купить мне другой компьютер!
- б) Я умнее, чем этот компьютер: я его отремонтирую.
- в) Теперь у меня новая цель – копить на новый компьютер.
- г) Во всем виноват мой друг. Он вчера выходил в Интернет с моего компьютера.
- д) Другой вариант ответа

Рис. 1. Частотность вариантов ответа респондентов в ситуации 1

Респонденты женского пола обеих групп чаще всего выбирали вариант открытого ответа на данный вопрос: очевидно, в виду того, что женщины более эмоциональны, а также, возможно, потому, что женщины хуже разбираются в технике.

Свой вариант реакции на заданную ситуацию был достаточно частотным ответом респондентов всех групп, у женщин данный вариант – самый частотный (78,3 % у россиянок, 48,5 % у американок). Анализ ответов, предложенных респондентами в пункте «д», позволяет сделать следующие выводы.

– В большинстве ответов респондентов всех групп выражено конструктивное намерение самостоятельно найти выход из сложившейся ситуации и уверенность в своей способности это сделать: *It's no problem. I'll find another one to use. Возьму у друзей ноутбук. Вызову мастера, и закончу курсовую.*

– Российские респонденты мужского пола в данной ситуации склонны к автоагрессии: *Сам виноват; Нечего было ломать компьютер.* В то же время респонденты женского пола обеих национальностей склонны проявлять агрессию (как вербальную, так и физическую) в отношении техники: *я ударю по нему и буду злиться; ну трындец! Я его сейчас разнесу; I hate computers.*

На лексическом уровне языка к этнокультурно-маркированным объективаторам языкового сознания, обнаруживаемым в предложенных респондентами самостоятельно реакциях, можно отнести следующие ругательства и обценные восклицания: *ну ё..., б...; ну трындец! Чертов вирус! Чертов Майкрософт! Damn it! Oh shit. Oh well, shit happens.* Наряду с этим, в ответах респондентов встретились и ярко культурно-

маркированные разговорные выражения, например: *Я – человек-косяк.*

В целом ответы респондентов в данной ситуации не зависят от их национальной принадлежности: мы можем проследить закономерность в выборе стратегии реагирования, которая связана с полом респондентов. Так, ответы мужчин и женщин обеих национальностей демонстрируют ярко выраженное сходство.

Вторая ситуация, к которой мы хотим обратиться в данной работе, **Ситуация 3**, в материалах описываемого экспериментального исследования относится к бытовой сфере (рис. 2).

Наиболее частотная реакция в ответах американок – вариант «г» (49,25 %), у россиянок этот вариант ответа – второй по частотности (21,13 %). Вероятно, именно в студенчестве молодые люди задумываются о покупке автомобиля. К тому же из полученных данных следует, что женщины водят машину не реже мужчин. Также следует учесть, что наличие автомобиля – необходимость для американцев, так как общественный транспорт не имеет такой развитой системы, как в России.

Американские мужчины также часто (в 25,71 % случаев) выбирали вариант "в" – стратегия прямой активной агрессии, тактика угрозы. Выбор данного варианта ответа может свидетельствовать о наиболее вероятном поведении американцев с позиций их культурных традиций: знать свои права и добиваться их реализации. Русским респондентам такое поведение не свойственно: ср. ответы, предложенные российскими респондентами женского пола: *мысленно звоню и жалею в транспортную компанию; я подумаю о том, чтобы позвонить в транспортную компанию, но не позвоню.*

**3. Вы ждете автобус на остановке, но он проезжает мимо, не остановившись.
Какой будет Ваша реакция?**

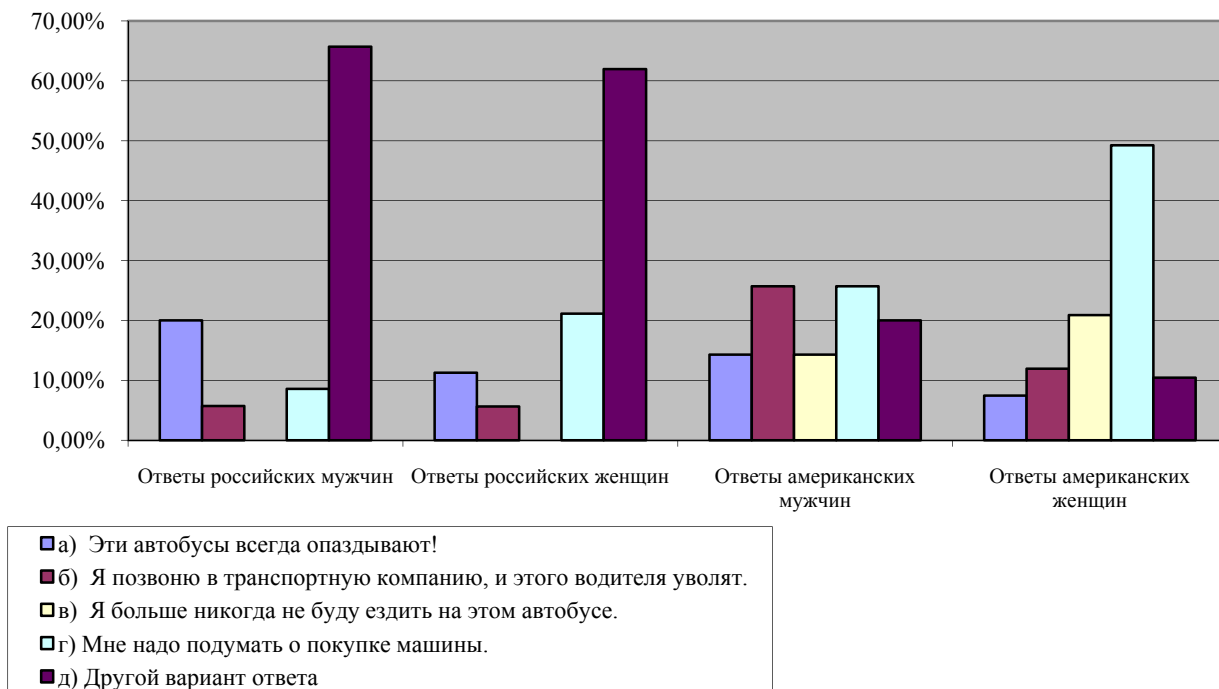

Рис. 2. Частотность вариантов ответа респондентов в ситуации 3

Именно свой вариант ответа был наиболее частым выбором русских респондентов (65,71 % мужчин, 61,97 % женщин). Значительная часть полученных реакций не содержит агрессивных компонентов: *не беда, подожду другой; буду ждать следующий*. Это могло бы свидетельствовать о частотности данной ситуации в реальной жизни испытуемых, вследствие чего подобная ситуация не воспринимается как отклонение от нормы. Однако часть подобных ответов как у мужчин, так и у женщин, модифицирована описаниями состояния и поведения респондентов в такой ситуации: *разозлюсь, но подожду следующего; выскажусь нелестно о водителе и буду ждать следующего; я выплесну накопившиеся эмоции и буду ждать следующего*. Наиболее частотные эмоции – досада, гнев, злость.

Отрицательные эмоции в данной ситуации могут быть выражены в форме проклятий (*проклятый водитель, – подумаю я*), обидных наименований (*водитель – придурок*), а также в виде нецензурной лексики (*отборный мат; нецензурная лексика; тихо поматуюсь*). Причем данные реакции присутствуют как в ответах мужчин, так и женщин, что свидетельствует об общем снижении уровня речевой культуры. Частотной вербальной реакцией, зафиксированной в ответах респондентов всех четырех групп, являются восклицания типа *Ну ё-моё! Ну, блин! Damn it! What the Heck!* Эти формы реакции на стресс также являются формами проявления вербальной агрессии – по отношению как к самой ситуации (*таааак, день начался "удачно"! Что дальше?!*), так и часто к себе (*сама виновата, надо меньше спать*).

Ответы респондентов в данной ситуации отражают этнокультурнообусловленные тенденции: ответы мужчин и женщин каждой из национальностей отражают сходство в механизмах реагирования.

Таким образом, материалы кросс-культурных психолингвистических исследований помимо информации об особенностях организации лексического и грамматического уровня исследуемых языков раскрывают и информацию об образах языкового сознания их носителей. Подобные эксперименты являются достоверным источником научной информации об особенностях русского и американского лингвокультурного сознания и коммуникативного стиля.

Научная публикация данных подобных исследований позволяет сделать их доступными для изучения представителям обеих исследуемых культур. Именно в ситуации, когда обе стороны-представители разных культур будут информированы об особенностях общения и мышления собеседников, мы можем говорить о создании ситуации полноценной межкультурной коммуникации. Тогда как современная ситуация, в частности, такова, что русские коммуниканты зачастую обладают достаточно глубокими знаниями о культуре и нормах общения американцев, однако те, в свою очередь, имеют далеко не полное представление о русской лингвокультуре. Таким образом, проведение кросс-культурных исследований позволяет представителям различных культур лучше узнать друг друга и повышает вероятность успеха межнационального и межкультурного сотрудничества.

Литература

1. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 291 с.
2. Жельвис В. И. Вербальная агрессия // 2010. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/v_i_zhelvis_verbalnaja_agressija/1-1-0-3
3. Ильин Е. П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. 688 с.
4. Привалова И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М.: 2006. 50 с.
5. Тарасов Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 45 – 54.
6. Тарасов Е. Ф. Актуальные вопросы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-3.html
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
8. Якимова Н. С. Средства выражения вербальной агрессии в контексте экспериментального изучения лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 252 с.
9. Richmond Y. From nyet to da: understanding the new Russia. Boston: London: Intercultural Press, 1999. 168 p.

Информация об авторе:

Якимова Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФИиМО КемГУ, nataliyayakimova@mail.ru.

Nataliya S. Yakimova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры и рекомендации научного руководителя.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.

¹ Форма экспертного заключения в формате .pdf представлена на [сайте издания](#)

7. Список литературы.

8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.

2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем не менее 200 – 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.

6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7).

7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2}k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.

9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.

11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по ГОСТ Р 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, оф. 2125
Телефон: (3842) 58-13-01
Факс: (3842) 58-38-85
Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
Адрес в Интернет: <http://vestnik.kemsu.ru>

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Подписано к печати 05.08.2014 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 29.09.2014 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 41. Уч.- изд. л. – 41,8.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ИП «Пермяков Сергей Александрович». 426006, Удмуртская республика, г. Ижевск,
ул. Баранова, 62 – 67.